

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

К П Е Р Т Н О С И Н

ТРУДЫ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

ИЗДАНЫЕ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
В. К. ТРУТОВСКАГО,
СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА.

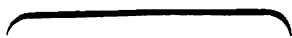
ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

Съ 4-мя хромолитографіями, 16-ю фототипіями, 74-хъ рисункомъ въ текстѣ и 2-ми планами.

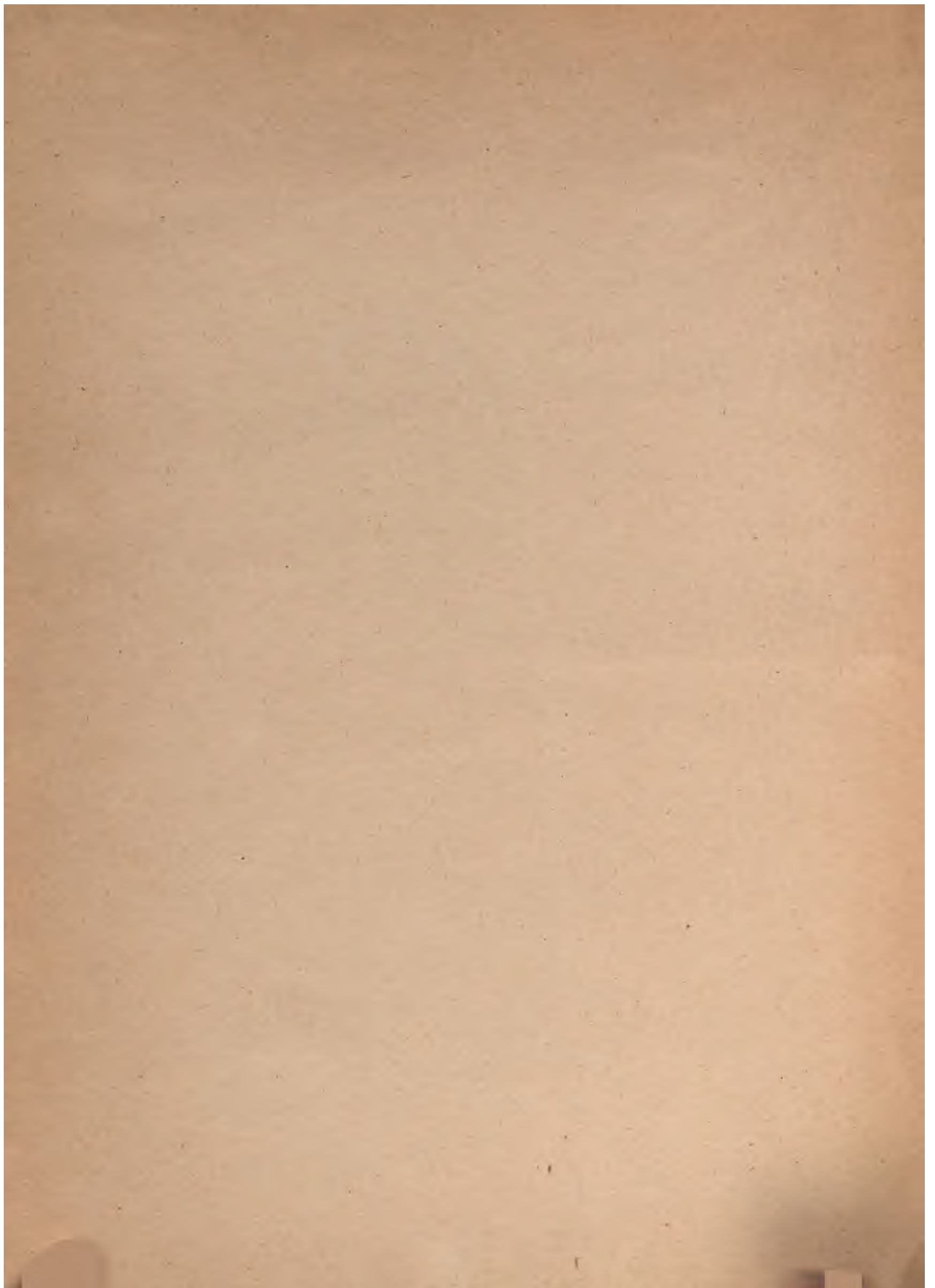

МОСКВА.

1890.

ТРУДЫ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАННЫЕ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

В. К. ТРУТОВСКАГО.

СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ,

Съ 4-мя хромофотографіями, 16-ю фототипіями, 71-мъ рисункомъ въ текстѣ и 2-мя планами.

МОСКВА.

1890.

Печатано по распоряженію и опредѣленію Редакціоннаго Комитета Императорскаго
Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его устава.

Москва, 30 Мая 1890 г.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS

JAN 15 1973

DK1

MA 5324

7.14

1895

Типографія и Словолитня О. О. Гербека, Чернышевскій пер., № 5.

ОГЛАВЛЕНІЕ XIV Т.

	<i>Стр.</i>
А. Н. Шварцъ. О нѣкоторыхъ греческихъ росписныхъ вазахъ, принадлежащихъ Университетскому минцъ-кабинету (съ хромолитографіею и 6-ю рисунками въ текстѣ).	1— 28
Г. С. Дестунисъ. Рукописный греческій лицевой сборникъ прореченій, относящійся къ концу XVI в. (съ 3 хромолитографіями, 2 фототипіями и 3 рисунками въ текстѣ).	29— 72
Ө. Е. Борщъ. Примѣчанія и дополненія къ изслѣдованію Г. С. Дестуниса.	73— 80
Д. Н. Анучинъ. Сани, ладья и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда. (Съ 44 рис. въ текстѣ)	81—226
— Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака. (Древне-русское сказаніе «о человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ») (съ 14 рисунками въ текстѣ и одной фототипной картой). . .	227—313
М. А. Веневитиновъ. По поводу пятисотлѣтія перваго русскаго путешествія по Дону.	314—327
Графъ Ө. А. Уваровъ. Курманскій могильникъ (съ 13 фототипіями, 4 рисунками въ текстѣ и 2 планами.	328—343

О НѢКОТОРЫХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ РАСПИСНЫХЪ ВАЗАХЪ,

ПРИНАДЛЕЖАЩИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКОМУ МИНЦЪ-КАБИНЕТУ.

Ъ КРОМЕТОГРАФІИ.

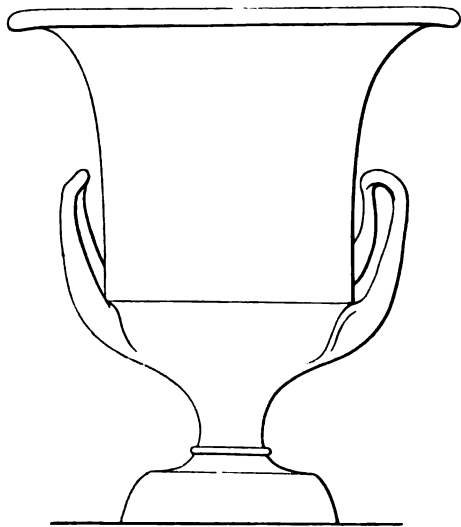
Дѣйств. Чл. А. Н. ШВАРЦА.

Собрание вазъ, принадлежащее Императорскому Московскому Университету и хранящееся въ его Минцъ-Кабинетѣ, никоимъ образомъ не можетъ быть названо богатымъ. Начало ему положено было, какъ кажется, бывшимъ профессоромъ Московскаго Университета П. М. Леонтьевымъ, которому удалось однако приобрести для кабинета лишь небольшое количество по большей части незначительныхъ сосудовъ изъ находокъ, сдѣланныхъ на югѣ Россіи. Перейдя за тѣмъ въ завѣдываніе покойнаго проф. К. К. Герца, собрание могло пополняться лишь на скудные средства кабинета совершенно случайными приобретениями, которыя дѣлались завѣдывавшимъ профессоромъ при посредствѣ различныхъ лицъ частью въ Аѳинахъ, частью въ Римѣ. Первые покупки, дѣлавшіяся черезъ посредство Московскаго комиссіонера г. Соббе, доставили кабинету вазы довольно сомнительнаго достоинства, а нѣкоторыя, повидимому, и прямо подѣльныя; вторыя, сдѣланныя при содѣйствіи нынѣшняго секретаря нѣмецкаго Археологическаго Института въ Римѣ г. Гельбига, дали случай приобрести нѣкоторыя вазы дѣйствительно цѣнныя, происхожденіе коихъ было всегда хорошо засвидѣтельствовано. Такимъ образомъ, несмотря на незначительные размѣры собранія, въ немъ все-же попадаются нѣкоторые экземпляры расписныхъ вазъ, заслуживающіе, на мой взглядъ, нѣкотораго вниманія.

Двѣ изъ нихъ я и позволяю себѣ сдѣлать предметомъ этого сообщенія. Ибо хотя обѣ онѣ до отсылки въ Москву были изданы¹, но такъ какъ

¹ Изображенная ниже (см. рисунокъ на стр. 17-й) амфора издана была въ известномъ сборникѣ Отто Бенндорфа: *Griechische und Sicilische Vasenbilder*, Berlin, Verlag v. J. Guttenberg 1877, III Lieferung, Tafel XXXV и въ атласѣ Т. Шрейбера: *Kulturhistorischer Bildatlas des Klassischen Alterthums*, Leipzig, Seemann, 1887 (подъ названіемъ *Tellerkrasse*); другая ваза, кромлетографіей изображенный кратеръ, по показанію Гельбига въ письмѣ къ проф. К. К. Герцу отъ 4 августа 1869 (архивъ Кабинета, „Inventar im Bulletin Narodno“).

одна изъ нихъ была истолкована, по моему мнѣнію, невѣрно, а объясненіе другой помѣщено было въ мало доступномъ и даже въ Германіи мало извѣстномъ ²⁾ изданіи, то обѣ онѣ заслуживаютъ пересмотра. Къ этому уполномочиваетъ насъ, какъ думается мнѣ, и интересъ выбранныхъ для изображенія на нихъ сюжетовъ, — въ обоихъ думаютъ видѣть живописную передачу

сценъ изъ трагедій Эврипида, — и оригинальность ихъ отдѣлки, а въ одномъ случаѣ и достоинство выполнения.

Гельбигъ былъ совершенно правъ, указывая на пріобрѣтенный имъ для Минцъ-Кабинета полихромный апулійскій кратеръ, какъ на «wahres Prachtstück» ³⁾. Довольно значительный по размѣрамъ, но еще сохраняя изящество прежнихъ формъ ⁴⁾, сосудъ этотъ, дѣйствительно, очень тщательно расписанъ въ нѣсколько красокъ и представляетъ рѣдкій по красотѣ образчикъ работы южно-италійскихъ фабрикъ.

Уже изображеніе, помѣщенное на его оборотной сторонѣ, по сравнительно рѣдкому въ вазахъ этого типа приему, представляетъ сцену, имѣющую несомнѣнное отношеніе къ изображенному на лицевой сторонѣ сюжету.

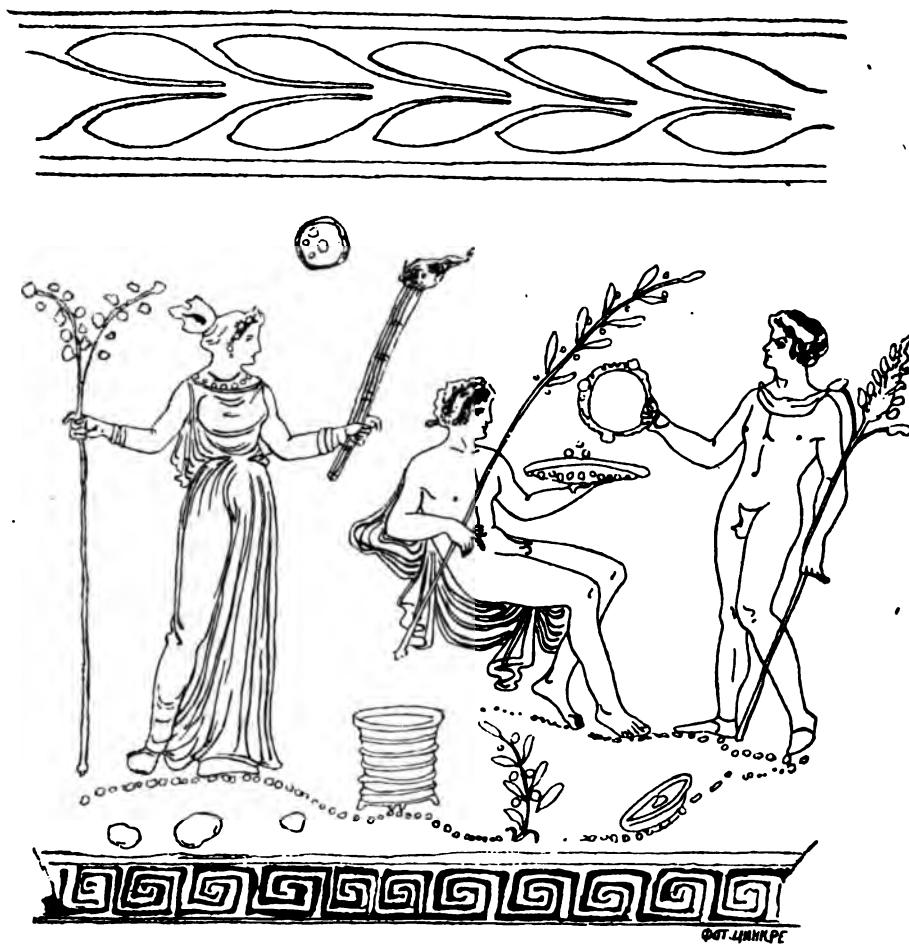
Представляетъ это изображеніе, какъ видно изъ приложеннаго рисунка, Аполлона, свободно покоящагося въ центрѣ группы, повидимому, передъ своимъ храмомъ, подъ открытымъ небомъ. Близкое присутствіе храма

²⁾ Найти въ Москвѣ номеръ *Bulletino Napolitano*, гдѣ помѣщено описаніе кратера, мнѣ не удалось. Изъ чтенія однако нижецитируемой статьи проф. Роберта объ изображеніяхъ Ифигеніи въ Тавридѣ на памятникахъ античнаго искусства мнѣ удалось убѣдиться, что и ему кратеръ нашего собранія остался неизвѣстнымъ. Неизвѣстною, судя по сдѣланнымъ имъ ссылкамъ, осталась эта ваза и г. Кинкелю, сдѣлавшему вліяніе Эврипида на образное искусство Грековъ предметомъ спеціальнаго изслѣдованія. Ср. его сочиненіе: *Euripides und die bildende Kunst. Ein Beitrag z. griech. Literatur und Kunstgeschichte*, Berlin, Ebeling und Plahn, 1872, S. 64 fgg. и перечисленіе памятниковъ S. 93 (№ 200 и слѣд.).

³⁾ См. вышеупомянутое письмо К. К. Гѣрцу, стр. 2.

⁴⁾ Какъ часто апулійскія и луканскія вазы бываютъ увеличиваемы въ размѣрахъ въ ущербъ красотѣ первоначальныхъ формъ, видно особенно изъ указаній, собранныхъ у О. Jahn: *Beschreibung der Vasensammlung König Ludwig's*, München, 1854, S. CCXIX. Считаю не лишнимъ напомнить, что со стр. CCXVIII у него идетъ и вообще поучительное изслѣдованіе объ особенностяхъ этого класса вазъ. Ср. теперь также и новѣйшее руководство О. Rayet et M. Collignon *Histoire de la Céramique grecque* 1888 ch. XVIII p. 295 suiv.

видно изъ помѣщеннаго внизу группы алтаря довольно своеобразной ⁵⁾ формы или омфалоса съ находящимся возлѣ него лавромъ и относящимся къ принадлежностямъ богослуженія сосудомъ; природа бога поясняется вѣтвью лавра, помѣщенной въ его правой рукѣ; чашей же, которую богъ держитъ въ своей рукѣ, символизируется то, что представленъ онъ здѣсь въ качествѣ бога, очищающаго смертныхъ отъ тяготящаго на нихъ обвиненія въ убійствѣ. Судя именно по родственнымъ изображеніямъ, въ этой чашѣ заключается кровь убитаго при совершеніи искупительныхъ обрядовъ животнаго, которою долженъ былъ окропляться убійца въ знакъ

⁵⁾ Подобной-же формы алтарь съ треножникомъ на омфалосѣ Дельфійскаго святилища или самъ омфалосъ изображенъ на одной тоже южно-италійской вазѣ, нынѣ хранящейся въ Копенгагенѣ. Помѣщено изображеніе вазы, между прочимъ, въ атласѣ К. О. Müller'a: *Denkm. d. alt. K. Band II, H. I, Taf. XVII, № 148*. Въ 3-й обработкѣ этого атласа Визелеромъ 1877 года находятся указанія и на новѣйшую литературу по изслѣдованію вазы.

очищенія его отъ оскверняющаго преступленія⁶⁾. Передъ Аполлономъ, въ позѣ мало напоминающей обычную позу просителя, стоитъ юноша, какъ мы увидимъ сейчасъ, Орестъ, съ протянутой правой рукой, въ которой онъ держитъ какой-то предметъ въ родѣ круглой повязки или вѣнка. Въ трехъ мѣстахъ вѣнокъ этотъ прерывается какими-то украшеніями въ родѣ кружковъ желтаго цвѣта, и такъ какъ, повидимому, въ вѣнкѣ мы можемъ видѣть только такъ называемыя *στέμματα* или *ἰκτερίαι*⁷⁾, которыя приносили гикеты для возложенія на алтарь бога, то, мнѣ кажется, въ этихъ кружкахъ надо видѣть изображеніе клоковъ шерсти, которыми обыкновенно обвѣшивались эти *ἰκτερίαι*. Какъ гикетъ, проситель, стоящій передъ Аполлономъ юноша характеризуется далѣе и надѣтой у него на шеѣ повязкой того-же цвѣта (тоже, повидимому, изъ шерсти) и длинною вѣтвью оливы съ такимъ-же украшеніемъ, которое находится у него въ лѣвой рукѣ; ибо всякій, кто имѣлъ случай видѣть изображеніе подобныхъ сценъ на вазахъ, можетъ рѣшительно утверждать, что въ этой вѣтви мы имѣемъ дѣло съ тѣми *ἰκτερίαι κλάδοι*, которыя составляютъ обычный атрибутъ лицъ, молящихся о покровительствѣ, защитѣ или очищеніи. Затѣмъ, на лѣво за спиной бога помѣщена еще одна фигура, на этотъ разъ женская. Факель⁸⁾, обращенный ею противъ Ореста, поясняетъ, что мы должны видѣть въ ней преслѣдующую Ореста Эриннію. Что-же касается вѣтви оливы, которую и она тоже держитъ въ одной рукѣ, то я позволяю себѣ высказать предположеніе, что внесена сюда эта вѣтвь исключительно для цѣлей живописныхъ, т. е. для того, чтобы симметрично ограничить пространство на лѣвой сторонѣ такую же вѣтвью, какъ и на правой.

Эта сцена, судя по богу, занимающему на ней центральное положеніе, очевидно, происходитъ въ Дельфахъ, и, обращая вниманіе на своеобразное положеніе, которое въ ней занимаетъ гикетъ и сопровождающая его Эриннія, мы невольно вспоминаемъ объ одномъ изъ тѣхъ путешествій Ореста въ Дельфы, которыя онъ предпринималъ съ цѣлью освободиться отъ обвиненія въ матерубійствѣ. А такъ какъ на лицевой сторонѣ вазы находится изображеніе, сюжетъ коего несомнѣнно заимствованъ изъ драмы

⁶⁾ Это такъ называемый *σφαγέϊον* или *αἴμιον*, т. е. сосудъ, въ который, согласно показанію Егуп. Магн. р. 737, *εἰς δὲ τὸ αἶμα τῶν σφαζομένων ἱερέων ἐδέχοντο*. О чинѣ всего очищенія можно найти подробности у K. Fr. Hermann *Gottesdienstliche Alterthümer der Griechen*, 2-e Aufl. bearbeitet v. K. B. Stark, 1858, § 23, 19 sqq. и особенно *ibid.* § 23, not. 23.

⁷⁾ Формы, цвѣтъ и составныя части этихъ *ἰκτερίαι* были различны. Это или вѣтви, опутанныя шерстью (*mit geknoteten oder gegliederten Wollenbinden*, какъ говоритъ Wieseler *Philol.* X, 300) или *κρόκη κλωστή* которой соединяются напр. соучастники Килона съ идоломъ Аѳины, или же они состоятъ изъ *ταυτῶν τινῶν ἐρίων καὶ περρῶρα πεποικιλμένων*. (*Clem. Al Protr.* I, § 10). Подробности о нихъ см. K. Fr. Hermann *l. l.* § 24, Not. 14.

⁸⁾ О факелѣ, какъ атрибутѣ Эринній см. теперь лучше всего въ *Ausführliches Lexikon der griech. u. röm. Mythologie*, unter Mitwirkung v. Th. Schreiber herausgegeben v. W. H. Roscher, 8-te Lieferung, S. 1313. До какой степени обычнымъ въ драмѣ было явленіе Эринній съ факеломъ, видно изъ *Aristoph. Plut.* v. 423. Ср. изображеніе вазы, помѣщенное у Roscher'a *ibid.* S. 1326, замѣчанія Panna *ibid.* 1336 и Rosenberg, *die Eriynen* Berlin 1874, S. 85.

Эврипида, извѣстной подъ именемъ Ифигеніи въ Тавридѣ, то понятно, что въ этой же трагедіи должны мы искать и объясненія перваго рисунка.

Считаю нелишнимъ предварительно напомнить, что именно въ этой трагедіи Эврипидъ воспользовался не совсѣмъ обычнымъ варіантомъ преданія объ освобожденіи Ореста отъ преслѣдованій Эринній. Предшественники его въ обработкѣ мѣста объ Орестѣ или очень мало вообще говорятъ объ Ифигеніи⁹⁾ и, повидимому, совсѣмъ даже и не знаютъ о путешествіи Ореста въ Тавриду, или же, хотя и знаютъ о судьбѣ, постигшей сестру его, но не ставятъ въ связь ея судьбу съ судьбой брата¹⁰⁾ и, какъ показываетъ извѣстнѣйшій примѣръ Эсхила, приурочиваютъ окончательное избавленіе его отъ преслѣдованія Эринній къ приговору, произнесенному въ Аѣинахъ судилищемъ Ареопага подъ предсѣдательствомъ Аѣины. Послѣ него Эринній уже не находятъ основаній далѣе преслѣдовать Ореста и, занявъ мѣсто въ уготованномъ для нихъ святилищѣ въ Аѣинахъ, въ Колонѣ, продолжаютъ обитать въ немъ въ качествѣ не грозныхъ уже Эринній, но милостивыхъ Эвменидъ. У Эврипида судомъ въ Ареопагѣ дѣло не кончается. Какъ передаетъ въ его драмѣ самъ Орестъ, оправдательнымъ приговоромъ, произнесеннымъ судьями, благодаря свидѣтельству Аполлона и милостивому заступничеству Аѣины, осталась довольной только одна часть Эринній; другая часть ихъ продолжала преслѣдованіе, и, въ отчаяніи отъ причиняемыхъ ими ему мученій Орестъ вновь отправился въ Дельфы. Здѣсь, передъ святилищемъ Аполлона онъ поклялся уморить себя голодной смертью, если богъ, по винѣ котораго онъ совершилъ свое дѣяніе¹¹⁾, не спасетъ его еще разъ отъ невыносимыхъ страданій. Въ отвѣтъ именно на эту мольбу и послѣдовало тогда указаніе Аполлона съ треножника итти въ Тавриду и для окончательнаго успокоенія перевезти сестру вмѣстѣ съ упавшимъ съ неба идоломъ Артемиды, хранящимся въ этой варварской странѣ, въ Аѣины, гдѣ съ этого времени должна богиня пользоваться болѣе торжественнымъ почитаніемъ¹²⁾.

⁹⁾ Какъ напр. Стесихоръ (532—560), авторъ большаго лирико-эпическаго произведенія подъ названіемъ Орестіи, который даже считаетъ Ифигенію дочерью Тезея и Елены, будто-бы переданной ея матерью Клитемнестрѣ, своею теткѣ, которая за тѣмъ увѣрила Агамемнона, что это ея родная дочь (Paus. II, 22,6). Что этому варіанту слѣдовали и Александрійскіе поэты, показано Кёхли въ его изданіи Ифигеніи въ Тавридѣ (Einleitung, S. 29, Anm. 76 въ изданіи 3, 1872 года). Подробно касается Орестіи Стесихора Робертъ, Bild und Lied, Berl. 1882, S. 170 fgg.

¹⁰⁾ Пиндаръ напр. Puth. XI, 22, Эсхиль и Софокль въ потерянныхъ драмахъ подъ названіемъ Ифигеніи и самъ Эврипидъ въ другихъ трагедіяхъ, гдѣ онъ касается судьбы Ореста. Köchly ibid. S. 31 съ примм.

¹¹⁾ См. ст. 975: εἰ μὴ με σῶσαι Φοῖβος, ὅς μ' ἀπέλασεν. Виновникомъ матерубійства открыто заявляетъ себя Фэбъ и въ Эвменидахъ Эсхила (Eumenid. v. 84: Καὶ γὰρ κταμένῃ σ' ἔλασα μῆτρῶν δέμας. Ср. и схоліи къ эврипидову Оресту ст. 574—584.

¹²⁾ Ср. весь рассказъ у Эврипида: Ифигенія въ Тавридѣ, стихи 959—977, и заявленія Ореста въ ст. 77—95. Значеніе этого путешествія съ религіозной точки зрѣнія разъясняется въ заключительныхъ сценахъ трагедіи, начиная со стиха 1284 слѣд. Ср. Köchly ibid. S. 32. Что Орестъ по приказанію Фэба отправляется въ Тавриду, свидѣтельствуется и Аѣина ст. 1437. Эврипидовская редакція преданія за тѣмъ распространена у Римлянъ: Serv. Verg. Aen. 3,331 (accepto responso).

Помимо, слѣдовательно, обычныхъ двухъ путешествій Ореста въ Дельфы: перваго, когда онъ получилъ отъ бога приказаніе отмстить за смерть отца убійствомъ матери ¹³⁾ (τὰ πάρος μαυτεύματα Эврипида), и втораго, когда онъ въ качествѣ проотρόπαιος обратился къ богу съ мольбой объ очищеніи его отъ убійства, хотя и совершеннаго не по его волѣ, но все же его осквернившего, — Эврипидъ, очевидно, знаетъ и еще объ одномъ обращеніи Ореста къ Аполлону, въ которомъ онъ получаетъ вышеприведенное указаніе насчетъ увоза сестры и таврическаго идола Артемиды. Это обращеніе, за которымъ и послѣдовало отправленіе въ Тавриду, въ свою очередь обусловившее свиданіе Ореста съ сестрой, иными словами все дальнѣйшее развитіе эврипидовой трагедіи, конечно, скорѣе всего должно было быть изображено на вазѣ, иллюстрирующей эту драму и, какъ мы сейчасъ увидимъ, оно достаточно пояснено и самимъ рисункомъ.

По сравненію съ вазами, которыя изображаютъ первыя двѣ теоріи Ореста, положеніе его на нашемъ рисункѣ совершенно иное. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что онъ прибѣгаетъ за помощью, не укрываясь внутри святилища, у омфалоса, покрытаго священнымъ украшеніемъ такъ называемаго агренона, ¹⁴⁾ но имѣетъ возможность бесѣдовать съ Аполлономъ у его алтаря, подъ открытымъ небомъ. Это мѣсто ихъ свиданія совершенно соотвѣтствуетъ тому положенію, въ которомъ находится Орестъ во время третьяго своего посѣщенія Дельфійскаго святилища. Хотя не всѣ еще Эриніи примирились съ нимъ окончательно и одна ¹⁵⁾ изъ тѣхъ, ὅσαι δ' οὐκ ἐπέσθησαν νόμῳ, еще присутствуетъ при этой сценѣ въ качествѣ его преслѣдовательницы, но онъ является въ храмъ не для совершенія надъ нимъ очищенія, какъ человѣкъ, сознающій себя оскверненнымъ пролитой имъ кровью, но какъ проситель, сознающій свое право послѣ оправдательнаго приговора, произнесеннаго Аѳинной, быть освобожденнымъ разъ навсегда отъ своихъ мучительницъ, или, говоря терминами греческихъ очистительныхъ обрядовъ, не какъ проотρόπαιος, но какъ ἱκέτης ¹⁶⁾ или даже простой θεοπρότος. Отсюда и гордая, скорѣе требованіе,

¹³⁾ Ср. Эсхила Хозфоры ст. 269—298, 556, 583, 900, 940, 952 и 1030; Софокла Электру ст. 32, гдѣ приведено самое изреченіе бога, 70, 1425. Эврипида Иф. въ Тавр. 685 (713); Ореста 29, 285 и т. д.

¹⁴⁾ Ἄγρηνον (Hesych. s. v.), родъ сѣти, какъ-бы выброшенной на камень, изображающій омфалось. См. о немъ К. Fr. Hermann Gottesdienstl. Alterth. § 40, not. 10, и у К. O. Müller Denkmäler d. a. K. Band II, H. I, Taf XIII, № 148 и въ приложеніяхъ къ ниже цитируемой статьѣ Беттихера.

¹⁵⁾ И на судѣ Ареопага, какъ онъ изображенъ у Эврипида, обвиненіе поддерживаетъ одна Эринія:

ὡς δ' εἰς Ἄρειον δῦθεν ἤκου, ἐς δίκην τ'
ἔστη, ἐγὼ μὲν θάτερον λαβὼν, βᾶθρον
τὸ δ' ἄλλο πρέσβειρ' ἵπερ ἵν' Ἐριωνῶν (ст. 961—964).

¹⁶⁾ Въ извѣстныхъ Erläuternde Abhandlungen, приложенныхъ К. O. Мюллеромъ къ его изданію Эвменидъ Эсхила (Aeschylus Eumeniden, griech. u. deutsch. mit erläut. Abhandlungen v. K. O. Müller. Göttingen 1833) въ экскурсѣ о положеніи изгнаннаго изъ отечества убійцы весьма точно проведена разница между понятіемъ проотρόπαιος, homo

чѣмъ мольбу выражающая осанка его на нашей вазѣ, отсюда и отступление какъ-бы на задній планъ грозящей Эриннии, отсюда же наконецъ и мѣсто дѣйствія сцены, и у Эврипида помѣщаемой опредѣлительно *πρόσθεν αἰθρῶν*, а не внутри храма, гдѣ совершался установленный *καθαρμός* и гдѣ показывается Орестъ напр. у Эсхила.¹⁷⁾ И если обратить вниманіе и на круглую форму *ἰκτηρίας*, которая, быть можетъ, выбрана не случайно, но является какъ-бы символомъ *τῆς τροχιάτου μαρίας*, образнаго выраженія, которымъ характеризуется состояніе Ореста у Эврипида (*Jrphig. Taug.* ст. 83), то нельзя будетъ не признать, что художнику удалось весьма рѣзкими чертами пояснить зрителю имѣющуюся имъ въ виду сцену и устранить возможность истолковать ее какимъ либо-инымъ образомъ.

Переходимъ за тѣмъ къ лицевой сторонѣ вазы.

И здѣсь сверху и снизу размѣщены цвѣтовые орнаменты: сверху, подѣ выступившими впередъ краями кратера, орнаментъ, состоящій изъ листьевъ; внизу—кругомъ вазы обходящая гирлянда, образуемая рядомъ стилизованныхъ, разноцвѣтныхъ розетокъ. И здѣсь середина сосуда занята рисункомъ, сюжетъ котораго взятъ изъ вышеупомянутой трагедіи Эврипида и къ которому рисунокъ оборотной стороны, такимъ образомъ, служитъ, по весьма удачной мысли художника, какъ-бы прологомъ.

На первомъ планѣ его представлена, какъ можно видѣть по приложенному снимку, постройка, изображающая храмъ таврической Артемиды. Очертанія ея, какъ это чаще всего бываетъ на вазахъ, только намекаютъ на то, что мы имѣемъ дѣло съ храмомъ, изъ частей коего изображенъ лишь фронтонъ и часть архитрава, поддерживаемые четырьмя колоннами ионическаго ордена. Характеръ святилища впрочемъ поясненъ различнымъ образомъ, какъ двумя черепами быковъ, размѣщенныхъ по обѣимъ сторонамъ постройки, такъ и алтаремъ направо отъ храма, а наконецъ и рядомъ различныхъ предметовъ, расположенныхъ въ особо очерченномъ мѣстѣ внизу рисунка, такъ же какъ и на изображеніи оборотной стороны. Изъ этихъ символическихъ украшеній черепа быковъ, если не поясняютъ просто кровавый характеръ совершаемыхъ въ храмѣ жертвоприношеній¹⁸⁾, могутъ имѣть отношеніе къ Артемидѣ, какъ лунной богинѣ, часто и въ другихъ мѣстахъ принимающей образъ коровы и, повидимому, въ этомъ значеніи и

---

riacularis, чловѣкомъ прибѣгающимъ къ богу для совершенія надъ нимъ обряда очищенія и *ἰκτῆς*, который уже пользуется правомъ общенія съ людьми и богами, безъ опасности осквернить ихъ (ср. вышеозначенное соч. особенно стр. 135 и 137).

¹⁷⁾ Ср. родственное изображеніе этого эврипидовскаго сюжета на одной луканской вазѣ, изданной въ приложеніи къ статьѣ С. Boetticher'a: *die drei Theorien des Orest nach Delphi* въ *Denkmäler und Forschungen*, Jahrgang XVIII, за 1860 годъ, № 137 и 138, гдѣ между прочимъ помѣщены изображенія и другихъ теорій Ореста, встрѣчающіяся на вазахъ. И на луканской вазѣ находится только одна Эриннія. Орестъ занимаетъ угрожающее положеніе, замахиваясь на нее мечемъ. Окончательное-же торжество его символизируется Никой, ниспосылаемой Аѳиной.

¹⁸⁾ Таково объясненіе, которое для этихъ череповъ предлагается Беттихеромъ. См. выше приведенную статью его въ *Denkmäler u. Forschungen*, S. 62.

носившей наименование Тауропόλος, — намекъ тѣмъ болѣе умѣстный здѣсь, что изображается храмъ Артемиды Таυρικῆς¹⁹⁾; внизу же помѣщенные предметы, а именно (идя отъ лѣвой руки къ правой): гидрія, лебеть, патера, колчанъ и лукъ, частью, быть можетъ, характеризуютъ почитаемую въ храмѣ богиню (колчанъ и лукъ²⁰⁾), частью же относятся къ принадлежностямъ совершаемыхъ Ифигеніей возліаній и священныхъ обрядовъ, о которыхъ она говоритъ въ ст. 621 (ἀλλὰ χαίτην ἀμφὶ στήν χερνίψομαι). Наконецъ розетка, помѣщенная на лѣво отъ храма подъ черепомъ быка, особаго значенія не имѣетъ и служитъ простымъ орнаментомъ.

Возвращаясь опять къ храму, мы видимъ внутри его, между колоннами, прежде всего главный²¹⁾ идолъ богини въ строго выпрямленномъ положеніи, напоминающемъ вполнѣ старинныя ея εἶσα вѣ въ родѣ гермъ или колонокъ,²²⁾ а возлѣ нея выступившую впередъ и какъ бы остановившуюся на порогѣ храма не то въ раздумьи, не то въ нерѣшительности Ифигенію. На богинѣ длинный желтый хитонъ, подхваченный снизу поясомъ и образующій надъ нимъ многочисленныя тонкія складки, на Ифигеніи — богатый костюмъ, характеризующій ее или какъ главную жрицу богини, или же какъ дѣйствующее лицо драматическаго представленія²³⁾. На ногахъ Ифигеніи надѣты желтые же ботинки, на головѣ весьма оригинальная прическа, въ рукахъ находится жезлъ, символъ ея званія, довольно оригинальной формы²⁴⁾ и таблички (λευκώματα или, какъ онѣ называются въ трагедіи,

¹⁹⁾ Подробности о культѣ этой Таυροπόλου θεὰς въ Атикѣ и другихъ мѣстахъ Греціи собраны у Köchly въ цитованномъ выше введеніи къ эврипидовой трагедіи S. 16 fgg. Женская фигура, ѣдущая на быкѣ и развѣвующая надъ собой въ видѣ паруса покрывало, которая встрѣчается на монетахъ Амфиполя, нерѣдко толкуется какъ эта Таυροπόλος, имѣвшая въ Амфиполѣ особенно почитаемое святилище. См. Köchly ibid. прим. 46.

²⁰⁾ Быть можетъ однако въ этомъ колчанѣ и лукѣ скрытъ намекъ на тѣ τόξα, которыя, какъ говоритъ схолиастъ къ эврипидову Оресту 258, поэтъ этотъ Στήνχορσφ, ἐπόμηνος Ὀρέστῃ φησὶν εἰληφέναι παρὰ Ἀπόλλωνος (для защиты отъ Эринній).

²¹⁾ Я называю его главнымъ, ибо для потребностей богослуженія употребляются и переносныя изображенія, образцы каковыхъ на вазахъ и фрескахъ можно видѣть въ рисункахъ, приложенныхъ къ статьѣ Роберта Jphigeneia in Tauris (Archäol. Zeitung, Neue Folge, VIII Band 1876 года, S. 133, Anm. 2).

²²⁾ По всей вѣроятности этимъ характеромъ старинныхъ изображеній ся объясняется и эпитетъ Ὀρβία, подъ каковымъ именемъ она почиталась напр. въ Спартѣ ἐν λίμναις. Что изображеніе Таврической Артемиды въ Ἀλαί Ἀραφτινίδας, что въ Атикѣ, было такимъ εἶσαу свидѣтельствуемъ Павсаніемъ I, 33, 1. Въ Броуронійскомъ святилищѣ богини на акрополѣ старинный идолъ, уничтоженный, быть можетъ, Персами, замѣненъ былъ позднѣе изваяніемъ работы Праксителя (Πραξιτέλους τέχνη по Павсанію I, 23, 7), См. Köchly I. I. прим. 9.

²³⁾ См. указанія O. Jahn'a: Beschreibung der Vasensammlung König Ludwig's in der Pinakothek zu München, Einleitung, S. CCXXVII.

²⁴⁾ На апулійской амфорѣ, изображеніе которой помѣщено у Баумейстера (Denkmäler des klass. Alterth. S. 757. Archäol. Zeit. 1849 г., Taf. 12) въ лѣвой рукѣ Ифигеніи тоже находится какой-то предметъ (рисунокъ вазы далеко не имѣетъ достоинствъ нашего изображенія) неопредѣленной формы, который Баумейстер толкуетъ какъ ключъ, символизирующій Ифигенію, какъ главную настоятельницу святилища (κλειδοῦχος). Я не рѣшусь отрицать того, чтобы помѣщеніе такого знака достоинства Ифигеніи не входило

ἡ δέλτος), на которыхъ, какъ мы знаемъ изъ словъ ея въ трагедіи, начертано было какимъ-то неизвѣстнымъ плѣнникомъ письмо къ друзьямъ Ифигеніи на далекой родинѣ (δέλτος, ἣν τις οἰκτεῖρας ἐμέ ἔγραψεν αἰχμάλωτος).²⁵⁾ Затѣмъ, направо отъ храма, на возвышеніи алтаря, помѣщается женская фигура въ варварскомъ платьѣ, напоминающемъ нарядъ амазонокъ, съ двумя копьями въ рукахъ, очевидно отнятыми у арестованныхъ грековъ. Около же нея и налѣво отъ храма стоятъ два грека—одинъ, повидимому, менѣе принимающій участія въ дѣйстви и разсѣянно внимающій обращенной къ нему дѣвушкѣ; другой, опираясь на посохъ и, какъ кажется, въ живомъ собесѣдованіи съ Ифигеніей. Въ сидящей на алтарѣ женской фигурѣ мы, вѣроятно, справедливо будемъ видѣть представительницу тѣхъ плѣнныхъ греческихъ дѣвушекъ, которыя уведены были уже давно въ неволю и принуждены были исполнять обязанности второстепенныхъ служительницъ храма, образуя въ трагедіи сочувствующій Ифигеніи хоръ; въ двоихъ стоящихъ по обѣимъ сторонамъ храма грекахъ—брата Ифигеніи Ореста и друга его—Пилада.

Очевидно, слѣдовательно, взять тотъ моментъ трагедіи, когда Ифигенія, еще не узнавая брата, собирается передать письмо взявшемуся доставить въ Грецію извѣстіе объ Ифигеніи Пиладу, но приказавъ уже окружавшимъ ее прислужникамъ приготовить все къ предстоящему закланію Ореста:

ἀπέλθεθ' ὑμεῖς καὶ παρευτρεπίσετε
τᾶνδον μολόντες τοῖς ἐφεστῶσι σφαγῇ (ст. 725)

и, показывая письмо, которое держитъ въ рукахъ,
δέλτοι μὲν αἶδε πολύθυροι διαπτυχαί,
ξένοι, πάρεισιν.

считаетъ однако нужнымъ, ранѣе окончательной передачи, обязать Пилада клятвой доставить его въ цѣлости.

ἐγὼ δὲ ταρβῶ, говоритъ она, μὴ ἀπονοστήσας δόμον
θῆται παρ' οὐδὲν τὰς ἐμὰς ἐπιστολάς
ὁ τήνδε μέλλων δέλτον εἰς Ἄργος φέρειν.

За тѣмъ, на вопросъ Ореста:

τί δῆτα βούλει; τίνοσ ἀμηχανεῖς πέρι;

въ виды художника, которому принадлежала первоначальная живописная передача этой сцены, но со временемъ, какъ то часто случается на вазахъ, первоначальный замыселъ могъ быть затемненъ и предметъ, находящійся въ лѣвой рукѣ главной фигуры, разъ неясно изображенный, могъ позднѣе пониматься и какъ скипетръ, служившій тоже символомъ жреческаго достоинства. Неясность пониманія однако достаточно сказалась въ оригинальности формы жезла или того предмета, который держитъ Ифигенія на нашемъ рисункѣ;— иначе неясности трудно было бы ожидать отъ вообще очень тщательно отнеснаго къ своей задачѣ рисовальщика нашей вазы.

²⁵⁾ Такія таблички или складни дѣлались обыкновенно изъ деревянныхъ досокъ, покрытыхъ или тонкимъ слоемъ гипса (ἀλευρή), отъ цвѣта коего и носили названіе λεκώματα (лат. alburn) или же воскомъ (такъ наз. πινάκια). По числу досокъ, изъ которыхъ состояли складни, эти послѣдніе назывались διπτυχοί, τρίπτυχοί и т. д. Подробности о нихъ см. у Franzius, Elementa Epigraphices Graecae 38 и Appendix p. 313.

Ифигенія отвѣчаетъ:

ἄρκον δότω μοι τάσδε πορθμεύειν γραφάς
πρὸς Ἄργος, οἷσι βούλομαι πέμψαι φίλων

и послѣ этого, по приглашенію Ореста, обязывающаго и Ифигенію поклясться въ безопасности его спутника, Пиладъ повторяетъ за Ифигеніей слова требуемой ею клятвы (ст. 744 слѣд.).

Я нарочно выписалъ здѣсь все мѣсто, чтобы показать, что согласно ходу дѣйствія въ этой сценѣ Орестъ принимаетъ въ разговорѣ съ Ифигеніей столь же, повидимому, дѣятельное участіе, какъ и Пиладъ. Оба, слѣдовательно, и въ живописномъ изображеніи могли бы быть помѣщены передъ Ифигеніей, но такъ какъ неоднократно случается на другихъ вазахъ, что стоящіе передъ нею греки не характеризованы какими либо опредѣлительными атрибутами или ради, быть можетъ, чисто художественныхъ причинъ, размѣщаются симметрично такъ, какъ на нашей вазѣ, по обѣимъ сторонамъ жрицы, то, въ виду вопроса о томъ, насколько зависѣли въ своихъ композиціяхъ живописцы вазъ отъ поэтической обработки мѣста, въ ученой литературѣ нерѣдко возбуждался вопросъ, кого изъ двухъ изображенныхъ грековъ должны мы считать за главное дѣйствующее лицо трагедіи, или, иными словами, кому изъ нихъ должны мы приписать названіе Ореста, кому — Пилада. И вопросъ этотъ, конечно, долженъ быть затронуть и при толкованіи нашей вазы, ибо до сихъ поръ разрѣшеніе его, какъ мы сейчасъ увидимъ, основывалось на довольно шаткихъ данныхъ.

Проф. Робертъ, который, среди ученыхъ новѣйшаго времени, имѣлъ случай наиболѣе подробно остановиться на памятникахъ искусства, сюжеты коихъ заимствованы изъ Эврипидовой Ифигеніи въ Тавридѣ,²⁶⁾ попытался придти по этому поводу къ какому либо положительному заключенію на основаніи сдѣлавшихся ему извѣстными рисунковъ на вазахъ, хранящихся въ другихъ музеяхъ Западной Европы. Такихъ вазъ, на которыхъ изображена знаменитая сцена передачи письма, оказывается изъ сопоставленія Роберта, помимо нашего кратера, три:

1) Амфора, принадлежащая собранію герцога Бѣкингема и изданная въ Monum. del Institut. IV, 51 (Ср. Archäologische Zeitung 1849, табл. 12 и Overbeck въ Heroische Gallerie Taf. XXX, 7).²⁷⁾

²⁶⁾ См. вышеупомянутую статью его въ Archäologische Zeitung N. F. Band. VIII, 1876 стр. 133 слѣд.

²⁷⁾ Подробное и очень точное описаніе этой амфоры можно найти, между прочимъ, и въ болѣе доступномъ собраніи Велькера: Alte Denkmäler, Band V, S. 483. Велькеръ, имѣвшій случай видѣть эту вазу лично, свидѣтельствуетъ, что на ней Орестъ и Пиладъ изображены на одной сторонѣ передъ Ифигеніей, при чемъ не Ифигенія передаетъ письмо, а одинъ изъ Грековъ (въ этомъ случаѣ вѣроятно Орестъ, судя по стихамъ 791 и 793) возвращаетъ ей его. Съ другой стороны помѣщена служанка Ифигеніи, какъ главной жрицы. Сверху сцены находится женская фигура съ факелами и копьемъ (т. е. Эриннія, какъ символъ не вполне еще здраваго состоянія ума Ореста, согласно стиху 294); сзади Пилада сатиръ. Сатиръ, созерцающій происходящее передъ глазами его дѣйствіе, въ качествѣ зрителя сцены, встрѣчается и на другихъ вазахъ нерѣдко, хотя, какъ думаетъ Велькеръ, не всегда въ одномъ и томъ же значеніи. Рисунки этой вазы можно найти и у Baumeister'a Denkmäler des klass. Alterth. S. 757.

2) Амфора С.-Петербургской коллекціи Эрмитажа № 420, Stephani. Monum. del Inst. VI, VII, 66 и Annal. 1862, № 116 с.

3) Амфора, прежде принадлежавшая торговцу предметами древности въ Неаполѣ Бароне. См. Bullet. Italian. tav. VII, p. 153 sq.

Считаю долгомъ однако замѣтить, что, на основаніи сопоставленныхъ Робертомъ вазъ и не принимая въ соображеніе рисунка нашего кратера, врядъ-ли возможно сдѣлать какой либо окончательный выводъ по поводу интересующаго его вопроса. Нѣкоторые толкователи напр. высказывались ²⁸⁾ за наименованіе главнаго изъ дѣйствующихъ въ сценѣ Грековъ Орестомъ только на основаніи того, что на третьей изъ названныхъ сейчасъ амфоръ имѣется всего-навсего одна фигура Грека и что если художникъ могъ пропустить въ своей передачѣ означенной сцены Пилада, то Ореста будто-бы выпустить онъ никакъ не могъ. Робертъ совершенно вѣрно замѣчаетъ противъ такого утвержденія, что представленіе всей сцены какъ-бы происходящей между двумя лицами есть настолько необычное и, какъ онъ находитъ, неловкое отступленіе отъ замысла поэта, что изъ подобнаго сокращеннаго рисунка мы никакъ не имѣемъ права дѣлать заключенія о первоначальной композиціи сцены въ живописныхъ передачахъ ея. Онъ думаетъ поэтому, что пользоваться для толкованія ея рисункомъ третьей амфоры нѣтъ никакой необходимости и въ этомъ, судя по извѣстнымъ намъ приемамъ художниковъ при изображеніи драматическихъ сюжетовъ, нельзя не согласиться. Но изъ этого опять-таки нельзя дѣлать заключенія, чтобы Грекъ, стоящій непосредственно передъ Ифигеніей, былъ непременно называемъ Пиладомъ потому только, что Пиладу, какъ утверждаетъ Робертъ, а не Оресту вручается въ трагедіи складень съ письмомъ.

Какъ видно изъ приведеннаго выше изложенія сцены въ эврипидовой трагедіи, ходомъ ея вовсе не требуется предполагать главнымъ дѣйствующимъ лицомъ непременно Пилада. Какъ мы видѣли сейчасъ, Ифигенія у Эврипида, уже передавши было письмо этому послѣднему, останавливается, переговариваетъ сначала съ Орестомъ о безопасности доставленія своего посланія на родину и, уже послѣ того, какъ Пиладъ, по приглашенію Ореста-же, повторяетъ слова требуемой ею клятвы, она на самомъ дѣлѣ вручаетъ ему письмо, которое Пиладъ тутъ же передаетъ Оресту, какъ человѣку, котораго Ифигенія, еще не зная, что онъ присутствуетъ здѣсь въ качествѣ дѣйствующаго лица, назвала своимъ ближайшимъ родственникомъ:

ὦ ραδίως ὄρκοισι περιβαλοῦσά με
κάλλιστα δ'ὀμόσασ' οὐ πολὺν στήσω χρόνον
τὸν ὄρκον, ὃν κατώμοσ' ἐμπεδώσομεν (ст. 788 слѣд.)

Такъ говоритъ Пиладъ и затѣмъ, передавая принятое письмо Оресту, прибавляетъ.

ἰδοῦ, φέρω σοι δέλτον ἀποδίδωμί τε
'Ορέστα, τῆς δὲ σῆς κασιγνήτης πάρα.

²⁸⁾ Ср. Robert l. c. S. 136 b.

Если, слѣдовательно, нѣтъ какихъ-либо ближайшихъ указаній въ рисункѣ на имѣвшееся въ виду художникомъ лицо, для насъ будетъ, какъ кажется, безразлично, какъ станемъ мы называть главное дѣйствующее лицо въ немъ,—Орестомъ или Пиладомъ. Разница будетъ только заключаться въ томъ, кокой моментъ ближайшимъ образомъ будемъ мы подразумѣвать здѣсь изображеннымъ, т. е. начало сцены и разговоръ съ Орестомъ, предшествующій клятвѣ Пилада, или самую передачу письма, за произнесеніемъ этой клятвы слѣдующую. Сцена, такъ какъ она изображена у Эврипида, не исключаетъ возможности именовать главное дѣйствующее лицо сцены въ одномъ случаѣ Орестомъ, въ другомъ—скорѣе Пиладомъ и такъ же, повидимому, могъ представлять себѣ дѣло и рисовавший сцену художникъ, хотя бы въ задачи его и не входило уклониться отъ хорошо извѣстнаго его публикѣ стихотворнаго ея изображенія.

Такимъ образомъ я думаю, что основанія для приуроченія того или другого имени къ отдѣльнымъ фигурамъ рисунка, которыя выставлены Робертомъ и его противниками и которыя зиждутся исключительно на значеніи, которое съ ихъ точки зрѣнія имѣютъ Орестъ и Пиладъ въ драматической экономіи разбираемой сцены, никоимъ образомъ не могутъ быть названы убѣдительными. Для устраненія всякихъ возможныхъ въ данномъ случаѣ недоразумѣній художнику необходимо слѣдовало прибѣгнуть къ болѣе точному поясненію имѣвшихся имъ въ виду лицъ и, какъ мы сейчасъ увидимъ, тщательный рисовальщикъ нашей вазы не отказался отъ того, чтобы дать намъ обстоятельныя указанія по этому поводу.

Извлекаются эти указанія прежде всего изъ костюма одного изъ изображенныхъ юношей. Чтобы уяснить себѣ ихъ, надо припомнить, что, предъ сценою врученія письма, Ифигенія, приказавъ развязать пойманыхъ пастухами на берегу моря грековъ, такъ какъ обреченнымъ на закланіе не слѣдуетъ носить цѣпей:

.... μέθετε τῶν ζένων χέρας
ὡς ὄντες ἱεροὶ μήκετ' ὡσι δέσμοιοι (ст. 469)

случайно узнаеть, что Орестъ изъ Аргоса, и ей приходитъ тогда на умъ отпратить его съ письмомъ на родину. Орестъ однако указываетъ ей на то, что Пиладъ вовлеченъ въ несчастіе, благодаря его винѣ:

ὁ ναυστολῶν γάρ εἰμ' ἐγὼ τὰς συμφοράς
οὗτος δὲ συμπλεῖ τῶν ἐμῶν μόχθων χάριν

и, прося послать Пилада въ Аргосъ, самъ предлагаетъ себя на закланіе:

ἡμᾶς δ' ὁ χρέζων κτεινέτω (ст. 594 слѣд.)

Такъ соглашается сдѣлать и Ифигенія, хотя и удивляется великодушію Ореста:

ὦ λῆμ' ἄριστον, ὡς ἀπ' εὐγενοῦς τινος
ρίζης πέφυκας, τοῖς φίλοις τ' ὀρθῶς φίλος

и пока она удаляется, чтобы принести письмо, Орестъ уговариваетъ Пиладу воспользоваться предложеніемъ жрицы и спастись для блага своей семьи, не опороченной и не осужденной рокомъ на гибель. Въ трагедіи, въ которой за тѣмъ ходъ дѣйствія принимаетъ другой оборотъ вслѣдствіе узнанія Ифигеніей Ореста, ничего не говорится о томъ, чтобы Пиладу возвращено было оружіе. Узнавъ своего брата, жрица даже придумываетъ совершенно иную хитрость для спасенія обоихъ друзей и похищенія идола богини, безъ котораго, по ея словамъ, она должна погибнуть:

τούτου (т. е. ἀγάματος) δὲ χρισθείσ' ἐγὺ μὲν ὄλλομαι (ст. 1002).

Но для художника, который рисовалъ только одинъ моментъ драмы и долженъ былъ какъ нибудь опредѣлить дѣйствующихъ лицъ, было весьма удобно придать Пиладу, который, какъ видно изъ словъ поэта, совсѣмъ уже собрался въ путь на родину, такой костюмъ, который показывалъ-бы эти сборы. Отсюда на юношѣ, стоящемъ предъ Ифигеніей и въ которомъ поэтому мы должны видѣть друга Ореста: 1), петасось лучше всего поясняющій то, что онъ отправляется въ дорогу, 2) дорожная палка и 3) мечъ, необходимый ему для защиты, не надѣтый еще на поясъ, но очевидно только что ему врученный, ибо онъ еще держитъ его въ рукахъ вмѣстѣ съ поясомъ, который обвивается около его руки. А что этотъ мечъ только что врученъ Пиладу, пояснено опять-таки тѣмъ, что копья друзей, отобранныя у нихъ при арестѣ, еще находятся въ рукахъ одной изъ помощницъ Ифигеніи, которую, какъ я замѣтилъ, надо видѣть въ женской фигурѣ направо.

Въ противоположность Пиладу, Орестъ, назначенный въ жертву Артемидѣ, кромѣ короткаго плаща, который накинутъ на его плечи, какъ и у Пилада, оставленъ нагимъ, хотя и въ его изображеніи есть одна подробность, которою опять-таки художникъ, какъ кажется, старался указать на предстоящее ему закланіе. Именно, кромѣ вѣтви въ рукахъ, обозначающей его посвященіе богу, на ногахъ его еще надѣтъ котурнъ.

Какъ извѣстно, котурнъ попадаетъ на вазахъ очень часто и на богахъ, которымъ собственно онъ не принадлежитъ и среди обычныхъ принадлежностей костюма которыхъ онъ не упоминается, и на смертныхъ, характеризуя ихъ то какъ путниковъ, то какъ лицъ драматическаго произведенія. И въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ однако рѣдко появляется совершенно случайно и, по большей части, соотвѣтствуетъ остальному, надѣтому на изображенное лицо, одѣянію. Здѣсь же появленіе его на ногахъ Ореста съ перваго взгляда очень странно и для объясненія его я позволяю себѣ догадку, основанную на рѣдко-упоминаемомъ у древнихъ, но несомнѣнно религіозномъ обрядѣ не случайнаго происхожденія.

У Эліана именно мы находимъ извѣстіе, что на Тенедосѣ, гдѣ Діонису, носившему названіе Ὠμηστῆς или Ὠμάδιος, приносились въ жертву телята, замѣнявшіе прежнюю человѣческую жертву²⁹⁾, за коровой, которая

²⁹⁾ Ἐθούοντο δὲ καὶ ἐν Χίῳ τῷ Ὠμαδίῳ Διόνυσῳ ἀνθρώπων διασπώντες καὶ ἐν Τενέδῳ Προφρυγ. de abst. II, 55.

родила назначеннаго богу теленка, ухаживали какъ за женщиной-родильницей; самага-же теленка приносили въ жертву, сначала надѣввъ ему на ноги котурнь ³⁰⁾. Повидимому такой обычай объясняется желаніемъ прежде всего убрать по возможности торжественно назначенное богу въ даръ животное: для этого напр. убирали его повязками, украшали вѣнками, позлащали рога и т. п. ³¹⁾; родъ же обуви, вѣроятно, брался изъ культа того божества, которому приносилась жертва, при чемъ именно тѣ убранства, которія прежде надѣвались на человѣка, были потомъ переносимы на жертвеннаго быка, теленка, козу и т. п. Въ культѣ Артемиды Тауропόλος мы не слышимъ о такомъ обычаѣ, но такъ какъ и у нея котурнь есть обычная обувь, то быть можетъ и у нея точно также обуваніе котурномъ обреченнаго въ жертву человѣческаго существа было обрядомъ, вполне понятнымъ для Грековъ, и могло и въ данномъ случаѣ послужить художнику для ближайшаго опредѣленія Ореста, какъ обреченнаго въ жертву ей человѣка.

Каково-бы впрочемъ ни было наше мнѣніе о пригодности выбранныхъ имъ для поясненія своихъ мыслей намековъ, не подлежитъ однако сомнѣнію, что въ композиціи обоихъ составленныхъ имъ рисунковъ художникъ строго придерживался избраннаго имъ для живописной передачи текста поэта и находится еще вполне подъ его вліяніемъ. Въ эпоху, слѣдовавшую за распространіемъ въ публикѣ драматической литературы аттиковъ, подобное подчиненіе живописца поэту не можетъ считаться какимъ-либо исключительнымъ явленіемъ. Напротивъ того, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ намъ приходится встрѣчаться въ живописныхъ изображеніяхъ съ какимъ-либо значительнымъ распространіемъ преданія или отступленіемъ отъ той его формы, которая дана въ крупныхъ поэтическихъ произведеніяхъ, мы почти безошибочно можемъ утверждать, что относятся таковыя картины къ эпохѣ сравнительно ранней или даже современной появленію иллюстрируемаго поэтическаго произведенія, иными словами—къ эпохѣ, когда творцы этихъ живописныхъ произведеній наряду съ поэтами еще устанавливали, такъ сказать, преданіе. Позднѣе, когда драмой уже отобраны были изъ обширной сокровищницы греческихъ мифовъ извѣстныя, наболѣе поэтическія сказанія и уже выработаны были извѣстные типы, перешедшіе за тѣмъ, благодаря популярности нѣкоторыхъ драмъ, въ сознаніе народа,—художнику было уже очень неудобно допускать значительныя уклоненія отъ этихъ, принявшихъ законченную классическую форму переработокъ прежнихъ сказаній. Въ большинствѣ случаевъ, поэтому, творчество его было въ сильной

³⁰⁾ Aelian. de nat. anim. XII, 34. Τενέδισι δὲ τῷ ἀνδρωπορραίστῳ Διωνύσῳ τρέφουσι κίβισσαν βοῦν, τεκοῦσαν δὲ ἄρα αὐτῆν οἷα δῆπου λεγὼν θεραπεύουσι τὸ δὲ ἀρτιγενὲς βρέφος καταθύουσαν ὑποδείσαντες κεδόρηνος. Ср. Welcker Griech. Götterlehre I. 444, который указываетъ, что и въ Римѣ Вейовису приносился въ жертву козленокъ ritu humano.

³¹⁾ См. K. Fr. Hermann Gottesd. Alterth. § 28, not. 4; § 24, not. 8 и собранныя у него мѣста древнихъ.

степени ограничено извѣстнымъ его публикѣ поэтическимъ текстомъ и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ жанровыхъ и общечеловѣческихъ мотивовъ, рисунки на вазахъ, начиная уже съ 4 вѣка, служатъ въ общемъ весьма точнымъ воспроизведеніемъ трагическихъ сценъ, получившихъ по какому-бы то ни было поводу особую извѣстность и распространеніе. Отступленія отъ этого правила дѣлаются въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, обуславливаются чисто художественными причинами и всегда болѣе или менѣе остроумно мотивированы въ самомъ изображеніи ³²⁾. Художники напр. соединяютъ иногда нѣсколько связанныхъ между собой сценъ въ одинъ общій рисунокъ для показанія главнаго содержанія трагедіи; они прибѣгаютъ къ ряду рисунковъ (такъ называемыхъ нѣмцами Bilderchroniken) для болѣе точной передачи всего хода дѣйствія въ ней, но исказить мысль поэта внесеніемъ въ нее какихъ либо новыхъ дѣйствующихъ лицъ или какихъ либо чуждыхъ поэту драматическихъ эффектовъ они рѣшительно воздерживаются.

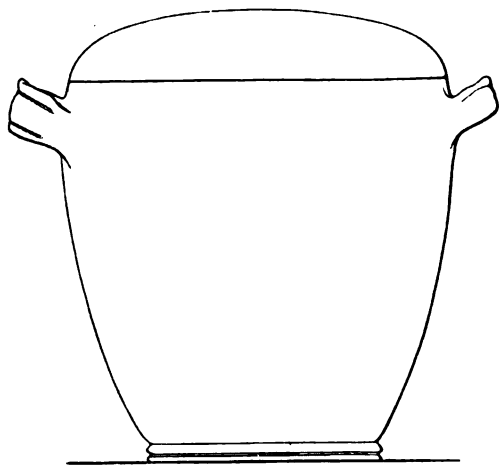
Для толкователя, слѣдовательно, памятниковъ древности съ таковыми рисунками является необходимость постоянно справляться съ тѣми поэтическими произведеніями, коими вызваны эти живописныя композиціи и слѣдуетъ быть очень осторожнымъ въ возведеніи къ извѣстному литературному произведенію, какъ первоисточнику, такихъ картинъ на вазахъ, которыя совершенно отступаютъ отъ переданныхъ поэтомъ въ своей обработкѣ преданія подробностей. Именно въ виду сдѣланныхъ въ послѣднее время наблюденій надъ приѣмами и обычаями этихъ художниковъ ³³⁾ я и считаю нужнымъ съ особенною настойчивостью указать на это положеніе, такъ какъ на второй вазѣ, на которой я предполагаю остановить ваше вниманіе, какъ разъ предполагаютъ видѣть уклоненіе со стороны рисовальщика отъ передаваемого имъ будто-бы эврипидовскаго сюжета.

На этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ амфорой нѣсколько прихотливой и рѣдко встрѣчающейся формы, хотя и съ традиционными двумя ручками.

³²⁾ Ср. по этому поводу весьма тонкія и полныя интереса наблюденія, опубликованныя Велькеромъ при изданіи одной Луканской вазы съ изображеніемъ, какъ Велькеръ думаетъ, сцены изъ софоклова Эдипа царя въ *Alte Denkmäler*, Band. III, S. 399 и 403. Любопытно-бы однако прослѣдить разницу въ трактованіи трагическихъ сценъ на вазахъ апулійскаго и луканскаго происхожденія. По моимъ наблюденіямъ болѣшія отклоненія отъ поэтическаго текста замѣчаются по преимуществу въ послѣднихъ.

³³⁾ Пользуюсь этимъ случаемъ для указанія на весьма любопытныя изслѣдованія въ этомъ направленіи проф. К. Роберта, появившіяся подъ заглавіемъ: „Bild und Lied“ въ серіи ученыхъ трактатовъ, издаваемыхъ фирмой Вейдманна подъ названіемъ *Philologische Untersuchungen*, herausgegeben von U. v. Willamowitz-Moellendorff и A. Kiessling. Изслѣдованія Роберта помѣщены въ нихъ въ V томѣ (Berlin 1881). Не смотря на нѣкоторыя увлеченія, своевременно отмѣченныя критикой (ср. напр. L. v. Ulrichs, *Beiträge z. Kunstgeschichte* Leipzig 1885, S. 61 въ особомъ изслѣдованіи подъ названіемъ *drei Schalen von Brygos*) вопросъ о соотношеніи, въ которомъ стоитъ дѣятельность греческихъ художниковъ, особенно живописцевъ вазъ съ поэтическими обработками мифовъ, освѣщенъ Робертомъ съ совершенно новой точки зрѣнія и поясненъ цѣлымъ рядомъ весьма удачно подобранныхъ примѣровъ, истолкованныхъ съ рѣдкимъ остроуміемъ и совершеннымъ знаніемъ предмета.

Высота ея=0,24 м. Принадлежала она сначала, по показанію издаваемаго ея проф. О. Бенндорфа ³⁴⁾, г. Канфарелли въ сицилійскомъ городкѣ Адерно, (древнее *Адраноу или въ лат. формѣ *Nadranum*), изъ собранія котораго она, вѣроятно, и приобрѣтена была Гельбгомъ для нашего Минцъ-Кабинета.

Какъ можно усмотрѣть изъ предлагаемаго рисунка, она снабжена крышкой (нынѣ немного попорчен-ной), покрытой орнаментомъ изъ растительнаго царства и съ обѣихъ сторонъ расписана рисунками, отдѣленными другъ отъ друга рядомъ пальметокъ и волнообразной линіей, доходящей до основанія сосуда.

Въ стилистическомъ отношеніи ваза эта производитъ весьма странное впечатлѣніе. Какъ уже отмѣтилъ посвятившій этой вазѣ обстоятельное изслѣдованіе Бенндорфъ, все собраніе Канфарелли ³⁵⁾, состоявшее изъ нѣсколькихъ вазъ и терракотъ одного происхожденія, въ высшей степени любопытно и по способу нанесенія контуровъ и по оригинальности раскраски. Рисунокъ въ общемъ выполненъ весьма смѣло и свободно, но расписана ваза слишкомъ пестро, необычными красками, вслѣдствіе неискускаго наложенія ихъ часто портящими рисунокъ и образующими какія-то расплывающіяся туманныя пятна. Поэтому, хотя на основаніи стилистическихъ особенностей этотъ родъ рисунковъ и относятся къ довольно неопредѣленному классу вазъ южно-италійскихъ, но очевидно мы имѣемъ здѣсь дѣло съ произведеніями мѣстныхъ сицилійскихъ фабрикъ и въ этомъ отношеніи и наша ваза и другіе предметы, найденные въ Адерно, представляютъ нѣчто *sui generis*, на произведенія, находимыя въ другихъ мѣстностяхъ, мало похожее.

Особенно небрежно выполненъ рисунокъ оборотной стороны, изображающій мѣнаду съ тирсомъ въ правой рукѣ, а въ лѣвой съ четверугольнымъ ящичкомъ (металлическая циста?), изъ котораго торчатъ какіе-то предметы непонятной формы, окрашенные въ бѣлый цвѣтъ. Отношенія къ главному рисунку, т. е. рисунку лицевой стороны, это изображеніе, какъ то чаще всего бываетъ, не имѣетъ и сдѣлано оно, очевидно, для выполненія пустаго пространства.

³⁴⁾ Менѣе аккуратно описана наша ваза въ *Archäolog. Anzeiger* 1867, S. 120 (о формѣ ея *ibid.* S. 115).

³⁵⁾ Считаю не лишнимъ напомнить, что большинство предметовъ собранія Канфарелли попало въ Россію—частью въ Петербургъ, въ собраніе Академіи Художествъ, частью (двѣ вазы) въ нашъ Минцъ-Кабинетъ.

Затѣмъ, что касается лицевой стороны, то она расписана нѣсколько тщательно. Представленную на ней сцену Бенндорфъ описываетъ такъ:

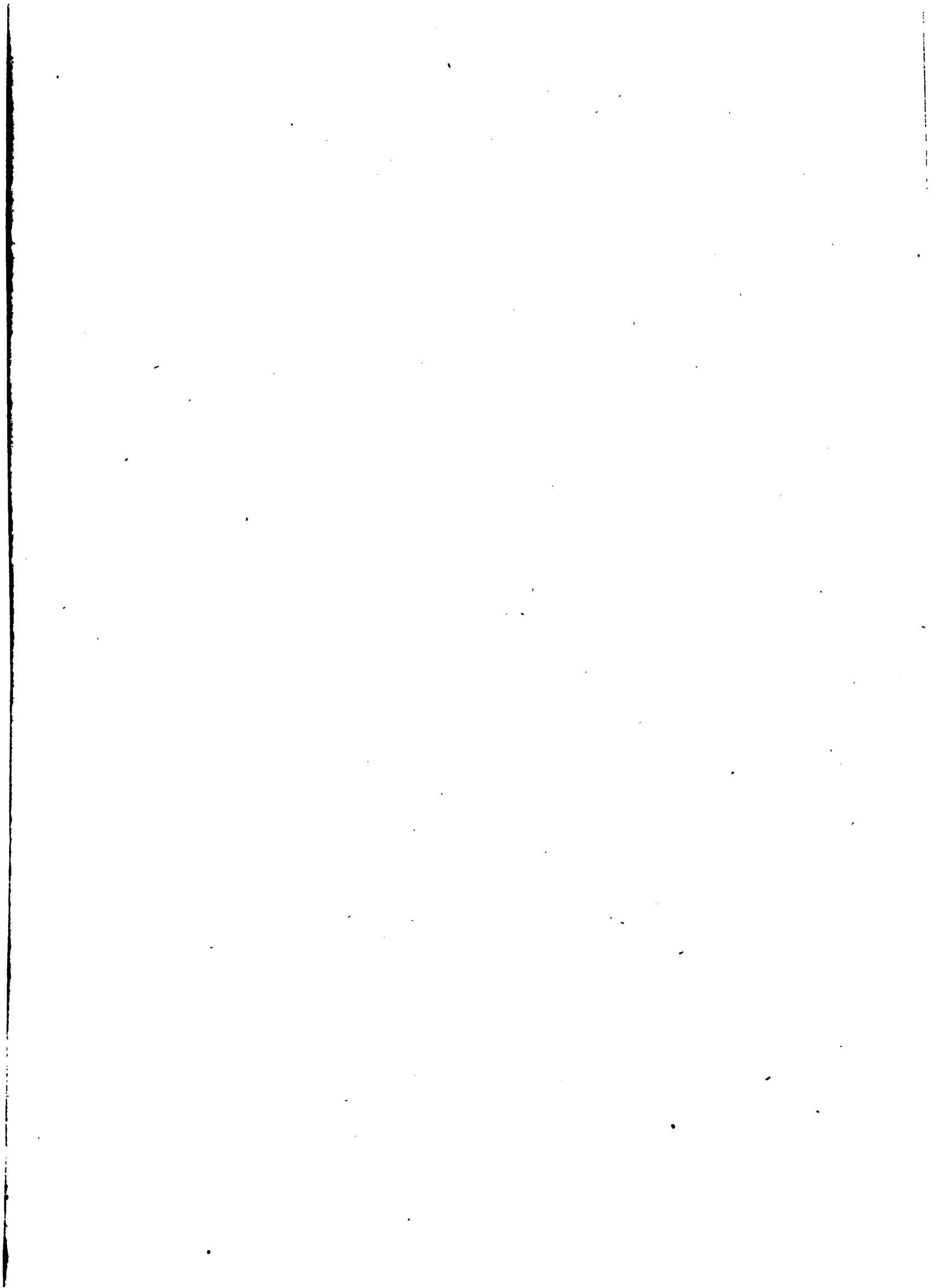
Въ срединѣ рисунка, на креслѣ, имѣющемъ видъ трона съ высокой спинкой и ручками, сидитъ молодая женщина, окутанная длинной и широкой одеждой, изъ-подъ которой видна только одна часть ея лица и лѣвая рука. Ея положеніе, необычный нарядъ, выраженіе глазъ,—все позволяетъ дѣлать заключеніе о томъ, что изображена здѣсь или больная или сильно опеча-

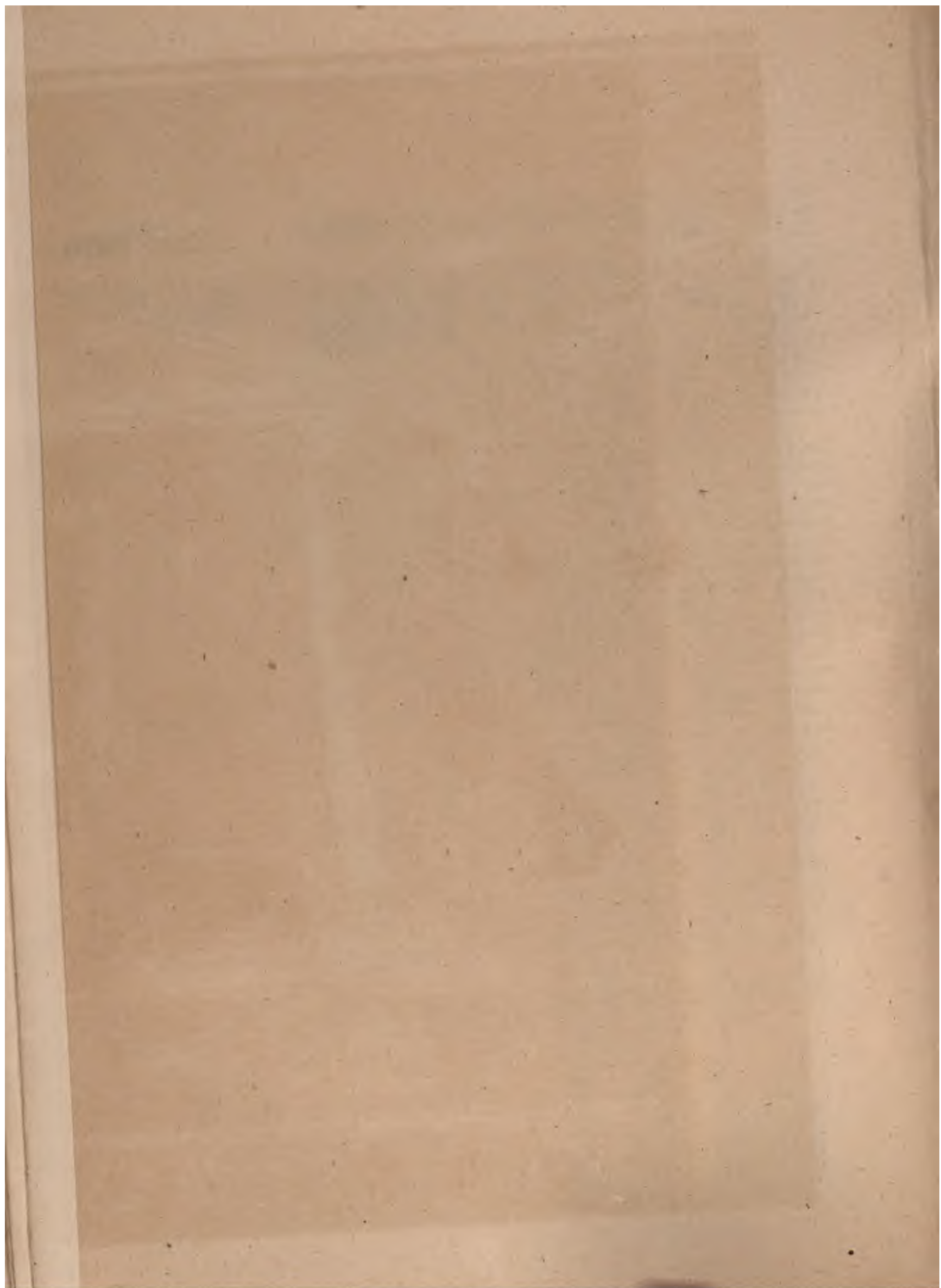
ленная женщина. На верхней части ея одежды находится нѣсколько иныхъ, чѣмъ внизу, и врядъ-ли случайно нанесенныхъ черточекъ, имѣющихъ видъ скатывающихся капель или слезинокъ. Чтобы утѣшить сидящую или чтобы отвратить мысли ея отъ предмета, вызывающаго ея скорбь, одна женщина, тоже опечаленная и очевидно принимающая въ ней участіе, держитъ съ правой стороны предъ ней открытый ящичекъ, въ которомъ находятся драгоценныя украшенія. На лѣвой-же сторонѣ болѣе юная подруга очевидно принимающая болѣе участія въ ея горѣ, участливо склонилась къ ней со взглядомъ, выражающимъ упрекъ, и особеннымъ жестомъ своей правой руки наглядно указываетъ ей на неприличіе принятаго ею намѣренія. На причину огорченія указываетъ Эроть, который сзади летитъ по направлению къ огорченной женщинѣ головой внизъ. Наконецъ на праздничный характеръ сцены указываетъ большая тѣня и богатая гирлянда, какъ-бы обрамляющая всю сцену.

Таково описаніе нашего рисунка, которое предложено Бенндорфомъ. Помимо однако нѣсколько прихотливаго опредѣленія возраста трехъ женскихъ фигуръ, для опредѣленія котораго въ рисункѣ дано слишкомъ мало прямыхъ указаній, и помимо совершенно произвольнаго толкованія жеста стоящей налѣво фигуры, который символизируетъ только участіе или утѣшеніе, Бенндорфъ, какъ кажется, не обратилъ достаточнаго вниманія и на разницу, которая проведена въ рисункѣ между двумя женскими фигурами, окружающими главное дѣйствующее лицо сцены, какъ по ихъ наряду, такъ и по размѣщенію. Богатство одежды правой фигуры по сравненію съ простымъ хитомъ фигуры лѣвой увеличивается еще, какъ можно замѣтить, приданными ей украшеніями: ожерельемъ, діадемой, браслетами и т. п. Кромѣ того я не знаю, можемъ-ли мы назвать ее стоящей или сидящей на какомъ-либо предметѣ на землѣ. Она какъ-бы паритъ въ воздухѣ или, какъ часто бываетъ на вазахъ при изображеніи божескихъ существъ, спускается къ землѣ, которой она и коснулась уже одной ногой, по воздуху. Въ противоположность, слѣдовательно, объясненію Бенндорфа, въ правой фигурѣ было-бы правильнѣе видѣть не смертную подругу главной дѣйствующей фигуры сцены, которая повернулась къ обычной въ такихъ сценахъ изъ женскаго міра наперсницѣ, но небожительницѣ³⁶⁾, спускающуюся для утѣшенія или ободренія смертной и при томъ, какъ показываетъ и Эроть, парящій слѣва, для утѣшенія въ какомъ-то обстоятельствѣ любовнаго свойства.

Впрочемъ Бенндорфъ, повидимому, не случайно оставилъ безъ должнаго вниманія окружающія главное дѣйствующее лицо женскія фигуры. Исходя изъ той мысли, что сравнительная тщательность выполненія предполагаетъ со стороны художника стремленіе возвыситься надъ простой жанровой картинкой и обращая вниманіе на нѣсколько необычную форму

³⁶⁾ Ср. для толкованія этой фигуры прелестный рисунокъ раздѣванія невѣсты, выполненный хромофотографіей у Ваумеистер, *Denkmäler des klass. Alterth. s. v. Betten* S. 313=Elite céramographique IV, 12.

кресла, напоминающаго, по его мнѣнію, тронъ, Бенндорфъ попытался, хотя и нерѣшительно, приурочить изображенную на нашей вазѣ сцену къ передачамъ въ живописи драматическихъ сюжетовъ и затѣмъ, обративъ исключительное вниманіе на одѣяніе, до половины скрывающее лицо женщины, сидящей на креслѣ; онъ нашелъ удобнѣе всего усмотрѣть въ ней недомогающую отъ страстной любви къ Ипполиту Федру Эврипида. Первый эпизодіонъ Ипполита Вѣнценосца и намѣревался, думаетъ Бенндорфъ, изобразить въ данномъ случаѣ рисовальщикъ.

Позволяю себѣ думать однако, что даже тѣ мотивы, которые указалъ самъ Бенндорфъ, нисколько не дозволяютъ намъ прибѣгать при объясненіи подлежащей сцены къ такому смѣлому предположенію: ибо, во первыхъ, какъ разъ формы кресель, изображаемыхъ на апулійскихъ, слѣдовательно южно-италійскихъ вазахъ, отличаются своею крайне разнообразной и прихотливой формой, на что обратилъ вниманіе еще Велькеръ³⁷⁾; а во вторыхъ прикрытіе лица у Эврипида имѣетъ совершенно иной характеръ и значеніе, чѣмъ то, которое представляется намъ на нашемъ рисункѣ. Снѣдаемая тоской и страстью Федра дѣйствительно скрываетъ у Эврипида, какъ поетъ про нее хоръ, свою русую головку подъ легкимъ покрываломъ,³⁸⁾ но, какъ показываетъ ниже за тѣмъ слѣдующая сцена, исключительно подъ вліяніемъ стыда отъ того, что она, жена Тезея и мать его дѣтей, допустила себя увлечься любовью къ своему пасынку. Въ ея отчаянномъ смятеніи ей то дѣлается тяжелымъ самое легкое покрывало и она молитъ откинуть его съ головы:

βαρύ μοι κεφαλᾶς ἐπίκρανον ἔχειν
ἄφελ' ἀμπέτασον βόστρυχον ὤμοις (ст. 201 слѣд.);

то она проситъ наоборотъ закрыть ея лицо, потому что не можетъ переносить стыда отъ мыслей, на которыя она было осмѣлилась намекнуть въ своихъ рѣчахъ за минуту предъ тѣмъ:

δύστανος ἐγὼ, τί ποτ' εἰργασάμαν
ποῖ παρεπλάγχθην γνώμας ἀγαθὰς
ἐμάνην, ἔπεσον δαίμονος ἄτα
φεῦ φεῦ τλάμων
μαῖα πάλιν μου κρύψον κεφαλᾶν
αἰδοῦμεθα γὰρ τὰ λελεγμένα μοι (ст. 239 слѣд.)

Не мудрено, слѣдовательно, если образное искусство избѣгало вообще изображенія этой сцены, гдѣ главное дѣйствующее лицо пришлось-бы представлять съ покрытой головой, и если, изрѣдка все-таки принимаясь

³⁷⁾ Welcker, alte Denkmäler Band V, S. 304.

³⁸⁾ См. ст. 129 слѣд. ἔθεν μοι
πρώτα φάτις ἦλθε δεξπείνας
τειρομένην νοσερᾶ
[καίτα] θέμας ἐντός ἔχειν
οἴκων, λεπτά δὲ φάρη
ξανθὰν κεφαλᾶν σκιάζειν.

за передачу ея, оно выбирало тотъ моментъ сцены, когда вскакивающая какъ-бы въ безуміи (ἐμάνην, говоритъ она о себѣ³⁹⁾ Федра сбрасываетъ съ себя покрывало⁴⁰⁾. Не мудрено также и то, что самъ Бенндорфъ долженъ волей-неволей признать, что «das Motiv der Verhüllung würde jedenfalls anders aufzufassen sein (т. е. на нашей вазѣ) als bei Euripides».

Помимо однако главной фигуры сцены, въ которой нѣсколько иная, чѣмъ мы бы ожидали, драпировка головы можетъ съ нѣкоторой натяжкой объясняться живописными потребностями, не менѣе сомнѣній должны возбуждать и боковыя фигуры, стоящія по бокамъ занимаемаго ею кресла (у Эврипида, сказать къ слову, постоянно говорится о κλίη, которая изображается всегда напр. на рельефахъ со сценами изъ Ипполита). Дѣйствительно, если слѣва помѣщенная фигура еще могла-бы, опять таки съ натяжкой, называться требуемой по ходу дѣйствія въ трагедіи кормилицей Федры,— хотя этому препятствуетъ и цвѣтъ волосъ фигуры, охотно на вазахъ итальянскаго происхожденія изображаемыхъ бѣлыми⁴¹⁾, и не стариковская одежда фигуры,— то, спрашивается, кого должны мы видѣть въ фигурѣ правой стороны?

Если это смертная, то, согласно обыкновению, эта фигура должна быть принимаема или за одну изъ πρόπολοι, которыя вводятъ, поддерживая Федру, на сцену,— къ нимъ напр. Федра обращается въ ст. 200,— или же мы должны видѣть въ ней одну изъ трезенскихъ дѣвушекъ, которыя въ названной драмѣ составляютъ сочувствующій Федрѣ хоръ. Ни тѣ, ни другія однако ни одного слова не говорятъ у Эврипида объ утѣшеніи Федры, да еще такимъ банальнымъ средствомъ, какъ предложеніе ей драгоценныхъ украшеній⁴²⁾. Объ небожительницѣ-же, каковой намъ представляется эта

³⁹⁾ И хоръ считаетъ страсть Федры безуміемъ и ее одержимой какимъ-нибудь демономъ.

οὐ μὲν ἔνθεος, ὡ κοῦρα,
εἶθ' ἐκ Πανός εἶθ' Ἐκάτας
ἢ σεμνῶν κερυβάντων
ἢ ματρὸς εὐρείας φοιτάλεσσ.

О значеніи этихъ намековъ см. Lobbeck Aglaoph. p. 640.

⁴⁰⁾ Ср. напр. знаменитый саркофагъ изъ Джирдженти, снимокъ съ котораго часто прилагается даже къ школьнымъ изданіямъ Ипполита Вѣнциносца и помѣщенъ напр. и при русскомъ переводѣ этой трагедіи Котелова. СПб. 1884 года.

⁴¹⁾ Ср. Weleker, Alte Denkmäler, Band III, S. 399. Впрочемъ и самъ Бенндорфъ считаетъ эту женщину моложе той, которая занимаетъ кресло (см. выше стр. 18).

⁴²⁾ Хоръ, повидимому, вмѣстѣ съ кормилицей убѣжденъ, что другого средства для излеченія страсти Федры, кромѣ ея удовлетворенія, не существуетъ. У Эврипида, по крайней мѣрѣ, на слова кормилицы:

τῆμα δ' ἐρώσα. θεὸς ἐβουλήθη τάδε (ст. 476).

хоръ замѣчаетъ:

Φαίδρα, λέγει μὲν ἴδε χρησιμώτερα.

Въ прежнихъ изданіяхъ впрочемъ помѣщалось здѣсь еще указаніе на чары и заговоры, какъ на средства противъ любовной лихорадки:

εἰσὶν δ' ἐπιβάται καὶ λόγοι θελακτέριοι
φανίσεται τι τῆσδε φάρμακον λόγου. (ст. 477 слѣд.).

фигура и каковой въ такомъ случаѣ могла-бы быть скорѣе всего Афродита, опять-таки не можетъ быть рѣчи, потому что, согласно замыслу трагика, именно ею изъ мести къ презрѣвшему ее Ипполиту и вызвана страстная любовь Федры, имѣющая погубить обоихъ этихъ лицъ. Подавать ей поэтому утѣшеніе какимъ бы то ни было образомъ, конечно, не могло входить въ замыслы ни Афродиты самой, ни какой либо полубогини, входящей въ составъ ея свиты.

Кого бы, слѣдовательно, ни изображала эта фигура, помѣщеніе ея на рисункѣ не могло имѣть мѣста въ случаѣ, еслибы дѣйствительно художникъ желалъ изобразить въ главномъ дѣйствующемъ лицѣ сцены эврипидову Федру. Помѣщеніе ея только затемняло-бы пониманіе сцены и дало-бы доказательство очень плохого со стороны живописца представленія о непреоборимомъ увлеченіи супруги Тезея, увлеченіи, которое, по ясному указанію поэта, должно было кончиться только смертью заинтересованныхъ въ данномъ случаѣ ⁴³⁾, лицъ. И если припомнить себѣ, какъ считали себя связанными изображаемыми ими сюжетами греческіе художники, какъ рѣдко позволяли они себѣ рѣшительное уклоненіе отъ словъ иллюстрируемаго ими текста, если припомнить, что въ данномъ случаѣ намъ пришлось-бы засвидѣтельствовать даже прямое искаженіе или по крайней мѣрѣ неумѣлое затемненіе мысли поэта, — то, я полагаю, мы врядъ-ли вправѣ будемъ послѣдовать вышеизложенному толкованію сцены Бенндорфомъ.

Съ другой стороны для меня остается рѣшительно непонятной причина, почему Бенндорфъ отказывается видѣть въ рисункѣ нашей вазы изображеніе простой жанровой сцены, почерпнутой изъ области брачныхъ обрядовъ и въ особенности того послѣдняго момента свадебнаго дня, когда не-вѣста, передъ принятіемъ молодаго, должна была разстаться наконецъ съ прикрывавшимъ ее въ этотъ день параднымъ одѣяніемъ и выслушать послѣднія наставленія и ободренія матери, свахи или болѣе опытныхъ подругъ ⁴⁴⁾.

Какъ извѣстно, послѣ изображенія длинныхъ брачныхъ процессій, составлявшихъ излюбленное украшеніе вазъ древняго стила съ черными фигурами, живопись на вазахъ позднѣйшаго времени съ особенной любовью останавливалась на изображеніи разныхъ моментовъ брачныхъ церемоній

Какъ предполагаетъ теперь Varthold, одинъ изъ новѣйшихъ издателей піэсы, стихи эти взяты изъ различныхъ другихъ мѣстъ Эврипида и противорѣчатъ выводамъ, которые находятся въ заключительныхъ словахъ кормилицы и совѣтахъ хора. Но и при сохраненіи ихъ мы не найдемъ возможности уразумѣть присутствіе ящичка въ рукахъ правой фигуры.

⁴³⁾ Въ прологѣ драмы устами Афродиты высказано совершенно ясно, какой исходъ могла получить эта страсть:

ἡ δ' εὐκλειῆς μὲν, ἀλλ' ὄμωσ ἀπόλλυται
 Φαίδρα. τὸ γὰρ τῆσδε οὐ προτιμήσω κακόν
 τὸ μὴ οὐ παρασχεῖν τοὺς ἐμοὺς ἐχθροὺς ἐμοὶ
 δίκην τοσαύτην ὅσῃ ἐμοὶ καλῶς ἔχειν (см. ст. 46 слѣд.)

⁴⁴⁾ За простую Toilettenscene, какъ толкуетъ нашъ рисунокъ Th. Schreiber, нельзя считать его потому, что и нарядъ главной женской фигуры, обыкновенно въ этихъ сценахъ еще облачающейся, и жестъ фигуры слѣва оставались-бы непонятными.

въ видѣ отдѣльныхъ, обособленныхъ сценъ. Разнообразіе такихъ сценъ врядь-ли поддается строгому классифицированію, но послѣдній уборъ невѣсты занимаетъ среди нихъ во всякомъ случаѣ выдающееся мѣсто по крайней мѣрѣ по количеству относящихся сюда памятниковъ искусства. Его одинаково охотно изображаютъ и на фрескахъ, и мозаикой, и на вазахъ. Сначала при томъ побѣда любви надъ послѣдними проблесками стыдливости и нерѣшительности, надъ страхомъ передъ свиданіемъ съ почти неизвѣстнымъ женихомъ символизировалась въ образѣ Афродиты, склоняющей Елену, при помощи обычной пособницы своей Пейѳо (богини убѣжденія) отдаться Парису⁴⁵⁾. За тѣмъ, съ легкой руки Аэтіона, написавшаго свою знаменитую свадьбу Александра съ Роксаной и вызвавшего ею массу подражаній, сцена эта перенесена была въ сферу живописи исторической, а подъ конецъ ее стали охотно воспроизводить и писавшіе окружавшую ихъ дѣйствительность художники, перешедшіе въ своихъ жанровыхъ сценахъ къ передачѣ повседневной жизни въ будуарахъ простыхъ смертныхъ. Образный языкъ ихъ однако до послѣдняго времени удержалъ нѣкоторыя подробности прежнихъ мифологическихъ композицій, и Эроть и Пейѳо остались принадлежностью рисунковъ на вазахъ столь-же необходимой, какъ и на болѣе обширныхъ композиціяхъ, въ родѣ знаменитой античной картины, извѣстной подъ именемъ Альдобрандиніевой свадьбы.

Повидимому, нашъ рисунокъ относится къ разряду тѣхъ же непритязательныхъ по замыслу и выполненію композицій. И костюмъ дѣвушки, сидящей на креслѣ, и выразительный жестъ свахи, стремящейся утѣшить и успокоить ее, и Эроть съ Пейѳо, протягивающій къ ней ящичекъ съ драгоценностями для убранства или съ душистыми мазями для умащенія⁴⁶⁾, — все это такія обычныя фигуры этихъ рисунковъ, что склониться къ другому объясненію нашей картины можетъ заставить развѣ предвзятая мысль или желаніе, во что бы то ни стало, придать памятнику особенное значеніе. По моему мнѣнію Ипполитъ Эврипида по прежнему остается безъ представителя въ сферѣ живописи на вазахъ⁴⁷⁾ и хотя и съ большимъ сожалѣніемъ, но я не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы наша ваза передавала сцену изъ этой трагедіи. Думаю однако, что и безъ того, въ виду интереса, который она представляетъ по своимъ стилистическимъ особенностямъ, она можетъ служить предметомъ тщательнаго изученія любителей; приобтѣгать же для повышенія ея значенія къ натяжкѣ, какъ то дѣластъ Бенндорфъ, надобности быть не можетъ.

⁴⁵⁾ Постепенное развитіе этого сюжета въ образномъ искусствѣ прослѣжено у L. v. Sybel. Weltgeschichte der Kunst bis zur Erbauung der Sophienkirche. Marburg, Elwert, 1888. S. 283 fgg. Здѣсь-же указаны и наиболѣе цѣнныя рельефныя его изображенія.

⁴⁶⁾ Такъ толкуютъ между прочимъ и коробочку, которой занята на Альдобрандиніевской свадьбѣ Пейѳо. См. напр. Baumeister, Denkmäler des klass. Alterthums S. 872 и 696. Woltmann Gesch. d. Malerei I., S. 112.

⁴⁷⁾ См. Otto Jahn, Archäologische Beiträge S. 306 fgg. Heydemann, Archäologische Zeitung 1870, S. 51; 1871, S. 43.

Считаю не лишнимъ добавить, что выводъ, къ которому я считалъ возможнымъ придти по поводу послѣдней изъ разбираемыхъ мною вазъ, въ значительной степени можетъ выиграть въ вѣроятности при сравненіи ея рисунка съ изображеніями на другихъ вазахъ собранія Канфарелли, упомянутыхъ мной въ примѣчаніи 35-мъ. И на нихъ точно также обращеніе къ мифологическимъ сюжетамъ, обыкновенно изображаемымъ на вазахъ, врядъ-ли поможетъ истолкованію оригинальныхъ сценъ, съ которыми мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло. Даже въ рисункѣ неоднократно подвергавшейся объясненію ⁴⁸⁾ вазы СПб. Академіи Художествъ, несмотря на фигуру поверженнаго Геракла, надо, повидимому, видѣть не столько мифологическую сцену, почерпнутую изъ сказаній объ этомъ героѣ, сколько жанровую картинку завершенія такъ называемаго κῆμος'а, въ которомъ одинъ изъ участниковъ процессіи только нарядился Геракломъ ⁴⁹⁾. Что же касается до второй вазы, составляющей собственность университетскаго Минцъ-Кабинета, то въ жанровомъ характерѣ изображенныхъ на ней рисунковъ не сомнѣвался даже впервые ее описавшій Бенндорфъ ⁵⁰⁾. Въ виду впрочемъ малоизвѣстности нашего собранія и слишкомъ неопредѣленнаго описанія ея Бенндорфомъ при первомъ ознакомленіи его съ собраніемъ Канфарелли, я позволяю себѣ присоединить здѣсь еще нѣсколько словъ по поводу и этой вазы.

По вышинѣ (0,20 м.), по стилю и украшеніямъ она совершенно сходна съ описаннымъ мной сосудомъ. Выборъ красокъ, манера ихъ нанесенія на глину и нѣкоторая небрежность довольно смѣлаго въ общемъ рисунка точно также обличаетъ если не того-же, то во всякомъ случаѣ наблюдавшаго одинаковые приемы рисовальщика. Расписаны тоже обѣ стороны сосуда; на оборотной — представлена женская фигура, оку-

⁴⁸⁾ См. L. Stephani: Comptes-rendu de l'Acad. de St.-Petersb. 1868, p. 89., Benndorf въ сборникѣ, цитованномъ въ прим. 1 и Blümner въ Баумейстеровыхъ Denkmäler d. class. Alterth. s. v. Komos. S. 788, гдѣ на стр. 790 помѣщенъ и довольно порядочный снимокъ съ вазы.

⁴⁹⁾ Blümner l. l. какъ будто старается примирить оба противоположныя воззрѣнія на значеніе этого рисунка, относя его къ воспроизведенію въ живописи сцены изъ сатирической, какъ онъ думаетъ, драмы или, какъ можно было-бы сказать опредѣленнѣе, сцены изъ тѣхъ мифологическихъ фарсовъ или той фліакографіи, которыя были въ такомъ ходу въ южной Италиіи и Сициліи. Ближайшее сравненіе однако этой сцены съ многочисленными изображеніями этихъ послѣднихъ сюжетовъ на южно-италійскихъ вазахъ врядъ-ли уполномочиваетъ насъ на такое заключеніе. Ср. O. Rayet et M. Collignon Histoire de la ceramique grecque p. 316 и Heydemann: Die Phlyakendarstellungen auf bemalten Vasen. Jahrbuch d. deutschen Archäolog. Instituts T. I, 1886, Heft 4 и особ. S. 269, гдѣ перечисляются главные характеристическія черты этихъ изображеній. Нельзя не обратить вниманія и на то, что по манерѣ, съ которой прикрѣплены хвосты у обоихъ юношей по бокамъ рисунка, я и ихъ счелъ-бы скорѣе всего за ряженыхъ, а не дѣйствующихъ лицъ драматическаго представленія. Для объясненія сцены служатъ лучше всего столь обычныя κῆμος' ἐπὶ θύραξ (Plut. Symp. 183 a) и τὸ κῆμος' ἐπὶ θύραξ (Plut. quaest. IX, p. 17 ed. R.).

⁵⁰⁾ Archäolog. Anzeiger № 25 за 1867 годъ.

танная длинной одеждой и помѣщенная на сѣдалищѣ, имѣющемъ видъ треножника. На головѣ у нея чепецъ, на шеѣ ожерелье, нитка коего спускается и на грудь; на рукахъ браслеты, въ ушахъ серьги и въ лѣвой, протянутой

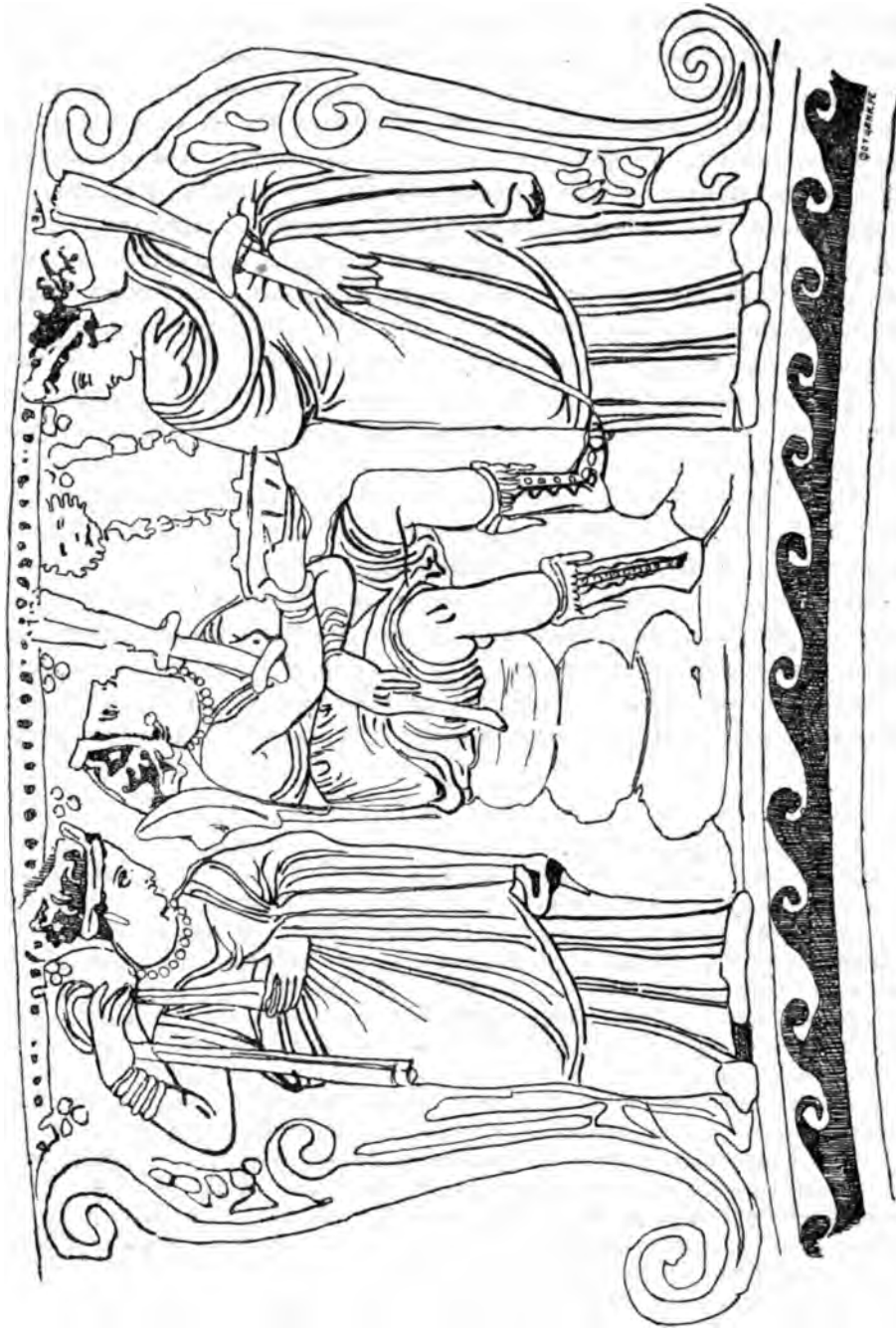

впередъ рукѣ тимпанъ, украшенный повязками. Предположеніе Бенндорфа о томъ, что мы и здѣсь имѣемъ дѣло съ изображеніемъ менады, основывается, какъ кажется, только на томъ, что въ рукахъ изображенной на рисункѣ женщины находится тимпанъ. Конечно, въ оргіастическомъ ритуалѣ Діонисовыхъ празднествъ тимпанъ играетъ немаловажную роль, но если обратить вниманіе на серьезное выраженіе лица изображенной фигуры, на пристальный взглядъ, устремленный на протянутый ею предметъ, на треножникъ, вѣроятно не случайно служащій ей сѣдалищемъ⁵¹⁾, и если припомнить себѣ ту роль, которую вообще тимпанъ игралъ въ мистеріяхъ при гаданіяхъ и всякаго рода колдовствѣ, можно будетъ съ гораздо большей вѣроятностью помышлять здѣсь не столько о веселой забавѣ, для которой обыкновенно вооружаются тимпаномъ менады, сколько о болѣе мрачной сценѣ какого-либо колдовства, которое тоже было принадлежностью мистическихъ обрядовъ и въ культѣ Діониса, и въ культѣ другихъ божествъ, въ честь коихъ справлялись мистеріи⁵²⁾.

⁵¹⁾ Zosim. IV, 13. 320: ἑστῆσαν τρίποδα (въ мистеріяхъ) τὸ μέλλον αὐτοῖς σημαίνοντα διὰ τινος τελετῆς.

⁵²⁾ См. Lobeck Aglaophant. p. 699 sqq. въ главѣ de Zagrei crepundiis, о значеніи такихъ предметовъ, какъ τύμπανον σφαιρα ῥομβος, ἑσπετρον, κώνος и т. п. въ мистеріяхъ.

Что мы имѣемъ дѣло въ нашемъ изображеніи съ подробностями мистерій, на это указываетъ и рисунокъ лицевой стороны.

Здѣсь представлены три женскія фигуры, образующія группу. Въ срединѣ, повернувшись направо, на особаго рода возвышеніи изъ трехъ

круглыхъ камней бѣлаго цвѣта ⁵³⁾ сидитъ женщина въ короткомъ хитонѣ безъ рукавовъ, напоминающемъ восточный костюмъ, съ петасосомъ за спиной, въ высокихъ сапогахъ (эндридахъ) и тоже съ ожерельемъ, браслетами ⁵⁴⁾ и серьгами. Лѣвая нога ея помѣщается на бѣломъ-же возвышеніи; въ правой рукѣ у нея чаша, которую она подставила для принятія въ нее воды, текущей изъ фонтана, украшеннаго обычной львиной головой; лѣвой она поддерживаетъ факель, упирающійся въ ея правую ногу. Наконецъ голова ея закинута сильно назадъ и вся поза показываетъ, что женщина находится въ состояніи экстаза ⁵⁵⁾, причина котораго и поясняется, вѣроятно, двумя около нея расположенными фигурами.

Эти послѣднія, окутанныя въ длинныя одежды, доходящія до земли, снабжены тоже различными украшениями и держатъ въ рукахъ: одна — факель, другая — длинную тенію, т. е. опять-таки такіе предметы, которыми чаще всего характеризуются на вазахъ священнодѣйствія и которые заставляютъ насъ по крайней мѣрѣ въ правой фигурѣ видѣть традиціонное олицетвореніе мистическаго богослуженія, обыкновенно характеризуемое названіемъ *τελετή* ⁵⁶⁾.

Мнѣ очень хорошо извѣстны увлеченія, къ которымъ прибѣгали такъ часто ученые, впервые приступившіе къ изученію и истолкованію рисунковъ на вазахъ, при разъясненіи нѣкоторыхъ изъ изображенныхъ на нихъ сценъ, и та склонность, которая заставляла ихъ видѣть во всякомъ, непонятномъ для перваго взгляда изображеніи мало извѣстныхъ намъ подробности греческихъ мистерій ⁵⁷⁾; но я не могу отказаться отъ мысли, что скептическое отношеніе къ такимъ объясненіямъ завело опять-таки слишкомъ далеко и, какъ отмѣтилъ недавно К. Тремеръ ⁵⁸⁾, вызвало сомнѣнія

⁵³⁾ Камни, какъ небезизвѣстно (см. Maury *histoire des religions de la Grèce antique* vol. III, p. 80), играли особенную роль въ культѣ Кибелы и ея мистеріяхъ, переносимыхъ охотно въ гористыя и каменныя мѣстности. Не есть-ли изображенное здѣсь сѣдалище родъ того *πέτρωμα*, о которомъ говоритъ Павсаній (Paus. lib. VIII, c. 15, § 1) по случаю мистерій Деметры? О сближеніи впоследствии культа Кибелы съ Деметрой, особенно чтимой въ Сициліи, см. Maury l. c. vol. III, p. 104, note.

⁵⁴⁾ Если только не надо видѣть здѣсь повязки изъ шерсти, играющія не малую роль въ костюмѣ мистовъ. Est quidem, замѣчаетъ Lobeck *Aglaophamus* p. 702, *lanae purpureae praesertim usus multiplex in sacris mysticis non solum ad devinctioes magicas sed etiam ad alia reconditiora*. Phot. 133 *οἱ μύσταί τῶν δεξιῶν χεῖρα καὶ τὸν πόδα ἀναδεδύται καὶ λέγεται τοῦτο χροκοῦν, οἱ δὲ ἐπι ἑνὸς χροκῶ κελαιόσται*. Ср. *Etym. Magn.* 429, 42.

⁵⁵⁾ О роли экстаза въ культѣ особенно Сабазія см. Maury l. l. vol. II, p. 470.

⁵⁶⁾ См. Lobeck *Aglaoph.* p. 123 (§ 16) и объ изображеніяхъ *τελετή* на вазахъ Gerhard *Antike Bildwerke* I, 42 u. passim; Welcker *alte Denkmäler* III, S. 321, anm. 30, гдѣ и вообще указано на различныя принадлежности мистическаго богослуженія, поскольку онѣ попадаютъ на вазахъ. О теніяхъ *ibid.* S. 311. Факелы въ рукахъ обѣихъ фигуръ надо, конечно, приводить въ связь съ мистическими *πανουχίδες*.

⁵⁷⁾ Очень цѣнныя въ этомъ отношеніи методическія указанія можно найти у O. Jahn *Vasensammlung König Ludwig's: Einleitung* S. 137.

⁵⁸⁾ Roscher, *Lexikon der griech. u. röm. Mythologie* s. v. Dionysos S. 1149 противъ *Bau-meister's* *Denkmäler d. kl. Alterth. s. v. Bacchus*.

въ значеніи даже такихъ сценъ, которыя могутъ быть поняты только въ такомъ смыслѣ. По крайней мѣрѣ на нашей вазѣ не только факелы и теніи или тимпанъ съ треножникомъ, но и экстагическое состояніе главной фигуры лицевой стороны, и костюмъ ея⁵⁹⁾, и приведеніе ея въ связь съ источникомъ родниковой воды⁶⁰⁾,—все это позволяетъ помышлять только о томъ, что изображаются какія-либо подробности мистическаго богослуженія, которое на югѣ Италіи и въ Сициліи пользовалось такимъ-же уваженіемъ и распространеніемъ, какъ и на материкѣ Греціи.

Стронть предположенія о томъ, какія именно мистеріи имѣются здѣсь въ виду, было-бы конечно рискованно, тѣмъ болѣе, что при смѣшеніи культовъ, замѣчательныхъ въ позднѣйшую эпоху греческой религіи, даже обряды чисто греческихъ мистерій начинаютъ проникаться такими подробностями, которыя первоначально были имъ совершенно чужды. Быть можетъ однако не лишнимъ будетъ указаніе на подробности справлявшихся матерью Эсхина мистерій Сабазія, сохранные намъ въ каррикатурномъ видѣ въ описаніи Демосена⁶¹⁾, такъ какъ въ общемъ онѣ даютъ очень хорошенкую иллюстрацію къ тѣмъ сценамъ, которыя съ нѣкоторыми видоизмѣненіями представлены и на нашей вазѣ.

Во всякомъ случаѣ никакое мнѣологическое толкованіе при ихъ объясненіи неприложимо и художникъ, по всей вѣроятности, рисовалъ здѣсь такую-же бытовую сцену, какъ и та, которая изображена на амфорѣ съ брачной сценой или на сосудѣ съ изображеніемъ комоса, который хранится въ СПб. Академіи Художествъ. Что касается до объясненія этого расположенія рисовальщиковъ къ бытовымъ сценамъ, то конечно это обстоятельство можетъ объясняться позднимъ, быть можетъ, происхожденіемъ нашихъ рисунковъ; могло однако сказаться въ нихъ и особенное направленіе сицилійской поэзіи, изъ которой по преимуществу берутъ свои сюжеты

⁵⁹⁾ Что Фракійскій костюмъ охотно изображался на лицахъ, принимающихъ участіе въ мистеріяхъ, видно изъ того, что даже дадухъ элевсинскихъ мистерій, завѣдомо облакавшійся въ такъ называемый *χιτών ποδῆρης*, на знаменитой пантикапейской вазѣ Петербургскаго Эрмитажа тоже одѣтъ въ такой костюмъ. См. *Compte rendu de la comm. Imp. d'archeol. de St.-Petersb.* 1859. pl. II и *Daremberg et Saglio Dictionnaire des antiquités s. v. Daduchus*. Ср. точно также и толкователей вазы съ изображеніемъ элевсинскихъ мистерій, помѣщенной у Müller-Wieseler'a: *Denkmäler der alten Kunst*, 3 Bearbeitung, 1877, Band II, Heft 1, p. 75 и на таблицѣ X, № 112. Не случайно, конечно, и то обстоятельство, что всѣ 3 фигуры лицевой стороны изображены *ἐστεφανωμένοι*.

⁶⁰⁾ *Τὸ δὲ ματικὸν ρεῖμα καὶ ὁσιώτατον ἐστὶ καὶ θεϊώτατον, ἂν τε καὶ ἐαυτὸ δι' ἑἶρος, ἂν τε μεθ' οὐροῦ νάματος ἀραιρῆται.* *Plut. de defect. oracul* § 40, p. 766. *Καὶ ἔλωσ ἂν ἡ πρόμαντις πρὸς τὸ ἱερὸν νάματος... καὶ τὸν τρίποδα διασεσπάρμένη καλεῖται παρῆναι* *Lucian bis accusat.* 2. О связи культа Діониса съ Нимфами *Maury I*, p. 300 О роли ихъ, какъ представительницъ источниковъ въ культѣ Кибелы, *Lobeck Aglaoph.* 639 sqq.

⁶¹⁾ См. *Dem. περί στεφ.* § 259 съ мастерскимъ и полнымъ глубокой учености комментариемъ *Lobeck (Aglaoph. II, § 6, p. 646)*. Замѣтимъ, что Демосенъ именно какъ со-вершительницу мистерій называетъ мать Эсхила Главкоюю—*τομπανίστρια* (*ibid.* § 284 какъ и *Lucian Somn.* 12); Свидя очевидно тоже самое разумѣетъ подъ словомъ *τελέστρια*.

мѣстные греческіе живописцы, такъ какъ и въ мимахъ и въ идилліяхъ, особенно излюбленныхъ сицилійскими поэтами, эта поэзія уже давно обращалась въ области того, что мы называемъ жанромъ.

Я бы не хотѣлъ впрочемъ окончить этотъ этюдъ, не выразивъ моей глубочайшей благодарности талантливому художнику К. А. Михайлову, по эскизамъ коего выполнены приложенные здѣсь рисунки. Тщательность и умѣнье, съ которымъ переданы имъ мельчайшія подробности разсмотрѣнныхъ нами композицій даетъ теперь каждому возможность составить себѣ самостоятельное сужденіе и о вѣрности предложенныхъ объясненій.

РУКОПИСНЫЙ ГРЕЧЕСКИЙ ЛИЦЕВОЙ СБОРНИКЪ ПРОРЕЧЕНІЙ, ОТНОСЯЩИЙСЯ КЪ КОНЦУ XVI В.

Дѣйствительнаго члена Г. С. ДЕСТУНИСА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Давно уже покойнымъ Графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Уваровымъ были мнѣ переданы для разсмотрѣнія шесть пергаминныхъ листковъ съ греческими текстами и миниатюрами. Каждый изъ упомянутыхъ листковъ вставленъ былъ въ рамку, состоящую изъ полулиста обыкновенной писчей бумаги, и прилеенъ къ этой рамкѣ своими краями. Эти полулисты бумаги прилеены на верху одинъ къ другому попарно. Такимъ образомъ мы имѣемъ 6 старинныхъ пергаминныхъ листковъ, попарно между собою соединенныхъ уже въ недавнее время. Въ началѣ каждаго изъ старинныхъ греческихъ текстовъ приписаны недавнею рукою арабскія цифры съ цѣлью указать порядокъ этихъ текстовъ. Всѣхъ номеровъ 22.

При нашихъ разысканіяхъ мы держались того порядка, который указывается упомянутыми номерами. На основаніи этого порядка мы отмѣтили карандашемъ римскими цифрами надъ каждою страницей (выше пергаминнаго листка) порядокъ самыхъ пергаминныхъ листковъ.

Однако о порядкѣ, въ какомъ слѣдуютъ тексты, мы составили себѣ представленіе нѣсколько отличное отъ принятаго тѣмъ лицомъ, которое приписало номера.

Въ нашемъ предисловіи мы сперва изложимъ кратко содержаніе греческихъ текстовъ и миниатюръ, а потомъ представимъ свои выводы.

Листка I, А. лицевая сторона.

Изображеніе: медвѣдица и сосущіе ее дѣтеныши. Изъ № 1, 2 и 3 узнаемъ о какихъ-то небесныхъ явленіяхъ, предзнаменующихъ раздѣлъ государства, который отнесенъ ко времени «солтана Амората», воцарившагося въ 1574 г.

Листка I, Б. оборотная сторона.

№ 4. Аморатъ обрѣзываетъ своего сына; №№ 5 и 6 о войнахъ султана съ Персіей и о скоромъ разрушеніи государства Аморатова на основаніи прореченія мудрѣйшаго царя Льва. № 7. Кратко: прореченіе объ

изгнаніи Измаильтянъ Римлянами. № 8. Начало статьи о бѣдномъ и избранномъ государѣ, о которомъ ходитъ общія молва, извѣстномъ и неизвѣстномъ. Предвѣщается побѣда его надъ Измаильтянами.

Листка II, А. лицевая сторона.

№ 9, 10. Изображеніе пророка Даніила, какъ-бы спящаго, и стоящаго передъ нимъ архангела. Въ стихахъ разсказъ о снѣ Навуходносора.

Листка II, Б. оборотная сторона.

(№ 11). Истолкованіе сна Навуходносора пророкомъ Даніиломъ въ выпискахъ изъ Св. Писанія и въ стихахъ.

Листка III, А. лицевая сторона.

Изображеніе свѣтловолосой женщины и чернаго человѣка. № 12. Въ стихахъ и прозѣ о появленіи Моамеѡа.

Листка III, Б. оборотная сторона.

Вѣроятно въ концѣ того-же № 12, а также въ №№ 13, 14, 15 и 16 прозаическій разсказъ о Гогѣ и Магогѣ и другихъ народахъ, запертыхъ Александромъ, и о родословіи, указывающемъ на сродство эііопскихъ царей съ византійскими.

Листка IV, А. лицевая сторона.

Изображеніе старца въ облаченіи на престолѣ (большая часть надписи стерлась): мы не ошибемся, если въ началѣ прочтемъ *ὁ ἅγιος* (святой).

Листка IV, Б. оборотная сторона.

Изображеніе воина, который выходитъ изъ церкви, держа въ правой рукѣ корону (безъ надписи).

Листка V, А. лицевая сторона.

Изображены городъ и войска, готовыя вступить въ битву. № 17 (мы обозначили № 17^а). Надпись: «битва при Гавао между Христіанами и Измаильтянами».

Листка V, Б. оборотная сторона.

Подъ № 17 (повтореннымъ и потому обозначеннымъ нами № 17^б) возвѣщена побѣда надъ Измаильтянами въ стихахъ.

Подъ тѣмъ же № 17 (б) и подъ №№ 18, 19 и 20 — о царѣ, который соединитъ церкви восточную и западную и водворитъ благоденствіе и будетъ похороненъ въ Римѣ папою и его конклавомъ. Въ № 18 этотъ царь названъ Аргиромъ.

Листка VI, А. лицевая сторона.

Изображеніе свѣтловолосой женщины и чернаго мужчины, лежащаго на землѣ въ припадкѣ, и чернаго мужчины, указывающаго ей пальцемъ на небо. № 21 въ стихахъ и прозѣ — успѣхи Моамеѡа.

Листка VI, Б. оборотная сторона.

Изображеніе свѣтловолосой женщины, обнимающейся съ чернымъ мужчиной. № 22. Въ стихахъ и прозѣ — успѣхи Моамеа, который обманомъ овладѣлъ имуществомъ богатой вдовы.

Близкій и обстоятельный разборъ содержанія пергаминныхъ листковъ, насъ занимающихъ, показываетъ, что между статьями существуетъ болѣе или менѣе тѣсная связь. Постараемся ее выяснитъ. Остановимся прежде всего на тѣхъ изъ статей, въ которыхъ поименованы дѣянія «солтана Амурата». Годъ воцаренія этого государя въ отрывкѣ 3 рукописи означенъ 1574, изъ чего видно, что рѣчь идетъ о султанѣ Мурадѣ III. Другое его дѣяніе, а именно: совершеніе имъ обряда обрѣзанія надъ своимъ сыномъ, упомянутое въ статьѣ № 4, хотя ни къ какому году здѣсь не приурочено, но оно, какъ извѣстно, случилось въ 1582 г.

Время двухъ войнъ того-же султана противъ Персовъ въ статьяхъ рукописи не обозначено. Подъ № 6 о второй войнѣ Мурада противъ Персовъ утверждается нѣчто весьма существенное для опредѣленія эпохи разбираемаго сборника, а именно: тамъ сказано объ этой войнѣ, что она «до сихъ поръ держится съ той поры какъ онъ (султанъ Мурадъ III) воцарился». Потомъ прибавлено: «и каждый день онъ посылалъ и посылаетъ вспомогательныя войска, и сколько ихъ ни посылали, всѣхъ ихъ рубили. Это было по опредѣленію Божию, дабы нѣсколько отдохнуло Христіанство». Изъ сопоставленія вышеприведенныхъ фактовъ, помѣщающихся въ статьяхъ подъ № 2, 3, 4, 5 и 6, явствуетъ, что составитель ихъ былъ христіанинъ, Грекъ, видѣвшій въ уменьшеніи числа своихъ притѣснителей отдыхъ для христіанъ. Грекъ, отмѣтившій эти данныя, былъ хорошо освѣдомленъ по вопросу объ истребительности этой войны, что подтверждается слѣдующими словами современника, Венеціанскаго Баила Маффео Веньера, которыя мы заимствуемъ изъ Цинкейзена. «На il Turco in questa guerra di Persia perdute *sei cento mila persone* . . . . . sono venuti ciaux (чауши = унтеръ-офицеры) dalla Porta con comandamento di mandare al campo li soldati della Vallona (Авлона), dalla Gianina (Яннина), della Morea, di Dalmazia e d'Ungheria, *segno manifesto di singolare mancamento* di uomini, non ostante che lo stato turchesco sia tanto ampio e cosi obediente». (Maffeo Venier, Relaz. (1586) p. 297, по цитатѣ, приведенной у Zinkeisen'a, Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa. 3. Th. Gotha, 1855, стр. 580, пр. 1.). Авторъ отрывка 6—20 V. сп. въ увлеченіи радости, какъ будто забылъ этотъ приведенный нами фактъ, ему безъ сомнѣнія извѣстный, что въ войнѣ противъ Персовъ погибли не одни мусульмане, но и огромныя массы завербованныхъ христіанъ. Но кромѣ того удовлетворенія, которое онъ чувствуетъ отъ ежедневно совершающагося истребленія мусульманъ, мы можемъ усмотрѣть и другое, сродное этому удовлетворенію, отъ ожиданія скорого окончательнаго ихъ изгнанія. Послѣднее ярко выдвинуто въ выраженіяхъ, непосредственно слѣдующихъ за предъидущими. «Такимъ образомъ, пишетъ онъ, я по волѣ Божіей оставляю бѣлую бумагу, чтобъ описать

конец и разрушение его (Мурадова) царства, да сбудется и оное проречение, сдѣланное мудрѣйшимъ царемъ Львомъ, гдѣ онъ говоритъ: «и въ восемьдесятъ первомъ году Измаиль изъ Седмихолмнаго будетъ изгнанъ».

Откуда могла возникнуть въ составителѣ Уваровскаго Сборника та увѣренность въ скоромъ разрушеніи царства султанова, которая высказана имъ особенно рѣзко въ № 6? Не показались-ли на небѣ какія нибудь явленія, возобновившія въ христіанахъ ихъ ожиданіе лучшей участи?

Къ такой догадкѣ даетъ поводъ упоминаніе въ стихахъ подъ № 2 о небесномъ явленіи, предзнаменующемъ раздѣлъ государства.

Эти стихи, правда, взяты составителемъ сборника, изъ другаго болѣе стариннаго сборника, но онъ могъ видѣть въ нихъ предзнаменованіе событія, имѣющаго наступить въ его время¹⁾.

Мы сейчасъ видѣли, что и неудачи Султана въ войнахъ съ Персами порождали въ составителѣ сборника новыя надежды на скорое паденіе государства, т. е. династіи отоманской. Могло также имѣть для собирателя какой-либо особенный цѣль и прореченіе, приведенное нами выше, которое онъ приписалъ тоже императору Льву: «и въ 81 году Измаиль изъ Седмихолмнаго будетъ изгнанъ». Не воспользовался-ли собиратель сохранившеюся въ письменномъ преданіи цифрою такимъ образомъ, что онъ отнесъ ее къ годамъ своего столѣтія, т. е. къ 1581 году? Мы этого не можемъ думать, потому что онъ приводитъ одно происшествіе, бывшее позже этого года, а именно: обрѣзаніе сына султана, случившееся въ 1582 году. Этотъ годъ для него миновалъ: стало быть своему 81 году вѣроятно приписывалъ онъ другое значеніе, намъ неизвѣстное. Скорѣе можно-бы предположить, что на сильныя чаянія восточныхъ христіанъ, томившихся подъ удручающимъ игомъ Турокъ, могло имѣть вліяніе приближеніе 1600 года, какъ начала новаго столѣтія²⁾. За несимѣніемъ положительныхъ данныхъ мы прибѣгнемъ къ аналогіи: передъ началомъ 1800 года ученый Грекъ Пандазіи Ларисскій (Πανταζής Λαρισσαίος) выяснялъ паденіе Турокъ изъ 13 и 17 главъ Апокалипсиса. Тогда были у всѣхъ на глазахъ побѣды русскаго оружія надъ султанскимъ: свои объясненія Пандазіи писалъ

¹⁾ Приводя стихи о медвѣдицѣ (подъ № 2), составитель Уваровскаго Сборника не называетъ источника, откуда они имъ заимствованы. Но мы эти самые стихи находимъ и въ сборникѣ прореченій, приписываемомъ обыкновенно императору Льву Мудрому. См. *Imperatoris Leonis cognomine sapientis oracula*, изд. Ламбециемъ при Кодиинѣ — *Georgii Codini Excerpta . . . Parisiis, 1655. p. 254.* Мы увѣрены, что и составитель Ув. сборника приписывалъ эти стихи тому-же лицу. Свою увѣренность мы основываемъ на томъ, что въ этомъ предсказаніи (№ 2) мы находимъ одну и ту-же фразу, какая въ № 6 имъ приписана этому-же государю. Мы говоримъ о стихѣ: «послѣдняя пишется въ послѣдней» (ἡ ἐσχάτη γράφεται τῆς ἐσχάτης).

²⁾ Хаммеръ пишетъ: «Avec l'équinoxe de l'année 1592 commença le onzième siècle de l'hegyre; tous les esprits étaient dans l'attente d'événements extraordinaires, parce que, d'après les idées orientales, le commencement de chaque siècle, et surtout de chaque dizaine de siècles, est marqué par l'apparition d'un grand homme, dont le puissant génie domine son époque» (Hammer, *Hist. d. l'emp. Ottom. VII, 244*). Развѣ гиджра въ XVI вѣкѣ считалась съ года рожденія Мухаммеда, а не съ года его побѣга?

русского оружия надъ султанскимъ: свои объясненія Пандазій писалъ въ 1789 году¹⁾. Такого рода возбужденіе могло быть и въ составителѣ Уваровскаго Сборника въ концѣ XVI в. Его чаянія могли быть подкрѣплены тѣми внѣшними неудачами и внутренними безпорядками, которые сильно и многократно угрожали царствованію Мурада III въ послѣдней четверти XVI в.²⁾ На все сказанное обращаемъ вниманіе нашихъ ориенталистовъ.

Далѣе, составитель Уваровскаго Сборника продолжаетъ подбирать прореченія, которыя, повидимому, имѣютъ цѣлью подкрѣпить ожиданіе близкаго освободительнаго переворота, который твердо высказанъ въ концѣ № 6: «и Измаилъ изъ Седмихолмнаго будетъ изгнанъ». Такъ въ № 7 читаемъ, что «Господь отниметъ робость отъ Римлянъ (Ромеевъ) и вложитъ ее въ сердца Измаилтянъ» и что Римляне (Ромеи) изгоняютъ Измаилтянъ изъ своихъ странъ. Собратель ни въ № 7, ни въ послѣдующихъ №№ 12, 14, 15, 16 и 17 не говоритъ, откуда взяты имъ эти выписки. Онѣ сдѣланы изъ такъ называемаго откровенія Меѳодія, котораго содержаніе подробно разобралъ проф. А. Н. Веселовскій въ одномъ изъ своихъ изслѣдованій³⁾.

Цѣль Уваровскаго собирателя, въ только что упомянутыхъ выпискахъ,—показать значеніе царства Эллинскаго, Ромейскаго, Христіанскаго, и его будущую побѣду надъ богоненавистною силой, Гогомъ и Магогомъ, или тѣми Царями и народами, которые нѣкогда были заключены Александромъ (Македонскимъ) за мѣдными вратами. Для подкрѣпленія тѣхъ чаяній приводится еще одно предсказаніе (№ 8) «О бѣдномъ и избранномъ государѣ», который сперва никому не былъ извѣстенъ, а потомъ будетъ открытъ въ кончинѣ Измаилтянъ, оглашенъ ангеломъ, и всѣми признанъ за царя. Уваровскій Сборникъ не называетъ автора этого отрывка, 8-го. Имя его, повидимому, и до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ. Мы можемъ только указать на то, что приведенный въ Увар. Сборн. отрывокъ есть начало цѣлой статьи, которая впервые издана была Ламбеціемъ подъ за-

¹⁾ Объясненія грека Пандазія помѣщены въ слѣдующей рѣдкой книгѣ, пользованіемъ которой мы обязаны проф. Н. Е. Троицкому: Συλλογή διαφόρων προφητειών... ἐκδοθεῖσα δὲ παρὰ τοῦ ἱατροῦ Π. Δ. Στεφανίτου Λευκαδίου Ἀθῆναι. 1838. См. главу 3. Τοῦ Σοφωτάτου Διδασκάλου Κυρίου Πανταζῆ τοῦ Λαρισαίου ἐξηγήσεις εἰς τὸ δέκατον τρίτον κεφάλαιον τῆς Ἀποκαλύψεως τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Θεολόγου καὶ Εὐαγγελιστοῦ. Γραφεῖσα κατὰ τὸ ἀφθὸν ἔτος. На гл. 13 Апокалипсиса объясненія см. на стр. 8—35, а на 17 стр. 35—44. Главная окраска объясненій политическая. Тогда паденія Турецкаго царства ожидали и въ Россіи, даже подготовляли греческаго императора въ лицѣ Константина Павловича. Въ этихъ видахъ и учили его, кромѣ древнегреческаго, и новогреческому языку. См. М. И. Сухомлинова, Исторія Россійской Академіи, выпускъ 2, стр. 80—88, гдѣ подробности, рисующія возбужденность тогдашней политики Екатерины II.

²⁾ Anonymus, приложенный къ сборнику Ламбеція (Imperatoris Leonis и т. д. огаcula) видитъ въ медвѣдицѣ и въ стихахъ, къ ней относящихся, пророчество о султанѣ Селимѣ (стр. 189).—Перепечатано у Migne, Patrol. s. gr. CVII, 1163.

³⁾ Веселовскій, А. Н., Опыты по исторіи развитія христіанской легенды, въ Ж. М. Н. П. 1875, Апрель.

главиемъ: *Ανομιου* (такъ) *παραφρασις των του βασιλεως Λεοντος χρησιμων* и перепечатана, съ прибавленіемъ латинскаго перевода, въ Патрологіи Минья.¹⁾ Но раньше перепечатки, находимой въ Патрологіи Минья, эта же статья издана была въ Аѳинахъ Грекомъ, врачомъ Стефаници, въ 1838 г. въ его *Συλλογή*, гдѣ она помѣщена подъ заглавіемъ не *Παράφρασις*, а *Λόγος* (см. заглавіе на ст. 33, пр. 3). Намъ въ точности не извѣстно, съ какого подлинника списано у Стефаници сейчасъ упомянутое Слово. Обо всемъ своемъ сборникѣ (*Συλλογή*) выражается онъ въ общихъ словахъ, что онъ изданъ по подлиннику, подаренному ему въ 1822 г. игуменомъ, чтимаго по имени св. Димитрія, монастыря Савердскаго, въ Акарнаніи, Яковомъ Гази Левкадяниномъ. Самого главнаго, то есть какого вѣка была рукопись, издатель не говоритъ; но такъ какъ между статьями Стефанициева Сборника, какъ мы выше упомянули, есть толкованіе на Апокалипсисъ, написанное въ 1789 г., то и весь Сборникъ Стефаници едва ли могъ быть стариннымъ. Въ одномъ мы увѣрены,—въ томъ, что эта статья (*λόγος*) списана не съ того подлинника, съ котораго списалъ свой парафраза Ламбецій, и не со списка Уваровскаго. Въ этомъ читатель можетъ убѣдиться, сравнивая различія, приведенныя нами ниже къ греческому тексту Ув. списка изъ Ламбеція и изъ Стефаници. Особенно бросаются въ глаза различія (*L.* и *Ув. сп.*): *ἐν τῷ Λεωφόρῳ πλακῳτῷ*; Стефаници: *ἐν τῷ ἐλαιοφόρῳ πακῳτῷ*. У Ламб. и въ Ув. сп. послѣ *μεγαλόψυχος*, *φοβερός* слѣдуетъ синонимическое *γενναῖος*, а у Стеф. *ἀγένειος*. У Ламб. *ἐβδοματικῷ ἐβδόμῃ*, въ Ув. *ἐβδοματικῷ ἐβδόμῃ*, у Стефаници *ἐβδομηκοστὸν* и другія. Сверхъ того, у Ст. довольно большія мѣста выщущены, какъ видно изъ сравненія его текста съ *L.* и *Ув.* Возвратимся къ выпискѣ № 8 Ув. списка. Намѣренно-ли представилъ собиратель только одну четверть всего парафраза или случайно,—это трудно рѣшить, но скорѣе можно думать, что случайно, потому что остановка, замѣчаемая въ концѣ оборотной стороны перваго листка, приходится въ срединѣ предложенія. Но имѣлось-ли продолженіе статьи на особомъ листкѣ или перерывъ ея, быть можетъ и случайный, сталъ поводомъ къ ея забвенію—не знаемъ²⁾.

Съ *Παράφρασις* имѣютъ связь и другіе средневѣковые памятники, какъ мы показываемъ въ нашихъ поясненіяхъ по № 8 (стр. 51).

Выписка изъ пророка Даниїла и стихи, составленные на основаніи мѣстъ, заимствованныхъ изъ него же (№№ 9—10), составителю Уваровскаго Сборника послужили, какъ кажется, для подкрѣпленія надежды на продолжительность греческаго царства. Изъ этихъ выписокъ разберемъ стихи № 10. Въ нихъ говорится о видѣнномъ во снѣ Навуходоносоромъ камнѣ, который, бывъ отсѣченъ отъ горы безъ помощи рукъ человѣческихъ, обратился въ великую гору. Въ стихахъ № 11 упомянуто о томъ, что сонъ былъ царю истолкованъ Даниїломъ. Входя въ мысль составителя

¹⁾ Ламбецій помѣстилъ этотъ «Парафраза» вслѣдъ за *Ogacula* на стр. 275—278 (полное заглавіе книги см. въ прим. I къ стр. 32 этого предисловія.—У Минья въ *Patrologia*, ser. gr. T. 107 pp. 1142—1150.

²⁾ См. Вступленіе передъ № 8, стр. 45.

Сборника, мы припоминаемъ, что о камнѣ, обратившемся въ великую гору, у пророка Даниила сказано, что онъ наполнилъ собою вселенную (Данииль II, 35). Эти послѣднія слова, вѣроятно, имѣлъ въ виду собиратель выписокъ, хотя ихъ-то въ его выпискахъ и нѣтъ. Если онъ имѣлъ о камнѣ, наполнившемъ вселенную, то-же понятіе, какое выражено въ церковномъ писнописіи изъ службы 19 Декабря, когда чествуется воскресеніе Св. Отецъ, то онъ въ означенномъ камнѣ видѣлъ прообразъ Иисуса Христа. Церковь въ этотъ день воспѣваетъ: «Данииль, мужъ вождѣнный, узрѣвъ камень отсѣченный безъ помощи рукъ, Тебя, Господи, Младенца безъ сѣмени рожденнаго предрекъ, Тебя отъ Дѣвы воплотившееся Слово, неизмѣннаго Бога и Спаса душъ нашихъ.»¹⁾ Упомянутомъ о камнѣ, прообразующемъ Христа, составитель желалъ, повидимому, напомнить читателямъ Грекамъ, что они, какъ истинные представители Христовой вѣры, своимъ божественнымъ наставникомъ не оставлены и что настанетъ пора ихъ торжества. Эти соображенія наши уяснятся изъ послѣдующихъ нумеровъ. Впрочемъ мы далеки отъ мысли—приписывать, находящіяся въ этомъ Сборникѣ два стихотворные пересказа изъ пророка Даниила, самому составителю Сборника: онъ, по всей вѣроятности, нашелъ ихъ готовыми между памятниками византійской письменности. Подбирая старинныя сказанія о Мухаммедѣ, въ которыхъ появленіе и дѣйствія его описаны черными красками (№ 12), составитель, очевидно, желаетъ набросить тѣнь и на его послѣдователей, подъ игомъ которыхъ пришлось жить ему и его единоплеменникамъ. Далѣе №№ 13—17²⁾, содержащія въ себѣ выписки изъ такъ называемаго Откровенія Меѳодія, представляютъ Эллинско-Ромейское царство происшедшимъ отъ сѣмени Эѳіоповъ. Предоставляя болѣе знающимъ объяснить происхожденіе этого баснословнаго родословія, мы ставимъ здѣсь на видъ слѣдующія слова этого лже-откровенія (близко къ концу № 16): «Итакъ, царство Эллинское, которое есть Ромейское (Римское) и происходитъ отъ сѣмени Эѳіоповъ,—оно-то и предваритъ руку свою къ Богу³⁾, по пророческому изреченію. Ибо отъ сѣмени Эѳіопія произошло царство Ромеевъ (Римлянъ) и получило почитаніе великое древо честнаго и животворящаго креста: это охрана и стѣна противъ сопротивной силы; ибо нѣтъ народа или царства подъ небомъ, могущаго овладѣть царствомъ Христіанъ³⁾. Внемли-же тому, чтò предрекъ богоглаголивый апостоль Павелъ о послѣднемъ днѣ и о царствѣ Ромеевъ (Римлянъ).» Обращаемъ вниманіе на то, что слова апостола Павла, о которыхъ здѣсь упомянуто, на листкѣ 3 не приведены оттого, что тутъ кончается этотъ листокъ. Были-ли они приведены на какомъ либо пропавшемъ листкѣ сборника—не знаемъ, но въ томъ-же текстѣ откровенія Меѳодіева въ печати эти слова апостола

1) «Даниїл, ἀνὴρ ἐπιθυμῶν, λίθον ἀνευ χειρῶν τμηθέντα θεωρήσας σε Κύριε, βρέφος ἀνευ σπέρματος τεθέντα προηγήρευσε, σὲ τὸν ἐκ Παρθένου σαρκωθέντα Λόγον, τὸν ἀναλλοίωτον Θεὸν καὶ Σωτῆρα τῶν ψυχῶν ἡμῶν». Ἀνθολόγιον... изд. Венеціанское, вѣроятно 1694 г. стр. 184. Заглавія въ нашемъ экземплярѣ нѣтъ.

2) Изъ псалма 67,32: «Еѳіопія предваритъ руку свою къ Богу».

3) Подкрѣпленіе этого въ стихахъ № 17 Ув. Сб.

приведены. Они находятся во 2 Посл. къ Солун. II, 1—4: здѣсь апостоль говоритъ о пришествіи чловѣка беззаконія и сына погибельнаго, не опредѣляя ни народа, ни царства. Но составителю Сборника нужны были тѣ политическіе намеки, которые онъ находилъ въ лже-откровеніи Меѳодія¹⁾.

Отрывки подъ №№ 17⁶. 18, 19 и 20, заимствованные изъ неизвѣстнаго намъ источника, представляютъ съ упомянутымъ Парафразомъ и, отчасти, съ откровеніемъ Лже-Меѳодія нѣкоторое сходство и коренное различіе. Сходство въ появленіи царя, покорителя Измаильянъ, покровителя церкви; коренное-же различіе въ мѣстности, гдѣ такому будущему царю суждено водвориться. По Парафразу это Востокъ, по этимъ выпискамъ—это Западъ; по первому—это въ Византіи, по вторымъ—въ старомъ Римѣ. Здѣсь онъ совершитъ соединеніе церковей восточной и западной; здѣсь съ почетомъ будетъ похороненъ папой и его конклавомъ. Какъ могло возникнуть такое предреченіе, прямо противоположное многовѣковому сознанию и чаяніямъ греческаго народа? Мысль, воплотившаяся въ форму предреченія, могла зародиться въ какой-либо части публики скорѣе всего подъ вліяніемъ уніонистской политики нѣкоторыхъ византійскихъ императоровъ изъ династїи Палеологовъ. При видѣ быстрого разлива мусульманскихъ силъ, угрожавшихъ греческому народу потопленіемъ, взоры нѣкоторыхъ, какъ извѣстно, обращались къ Западу, откуда смутно брезжилась надежда подкрѣпленія и защиты. Многократныя обѣщанія папы и разныхъ государей Европы остались неосуществленными; но возникшія въ нѣкоторыхъ умахъ чаянія, разъ вступивъ въ область воображенія, могли продолжать развиваться въ этомъ направленіи. Мѣсто появленія ожидаемаго спасителя греческаго племени, въ прежнихъ сказаніяхъ приурочиваемое къ Востоку, переставлено на Западъ, въ старый, ненавистный греческому племени, католическій Римъ. Такое прореченіе, измѣняя греческимъ преданіямъ, получило новый двойной характеръ: космополитическій и западничающующій. Собираатель прореченій не отказался отъ этой сказки о будущемъ, какъ-бы желая утѣшить себя и своихъ приверженцевъ. Рядомъ съ утѣшительнымъ для него фактомъ ежедневнаго истребленія Турокъ въ войнахъ, происходившихъ между султаномъ и персидскимъ шахомъ, рядомъ съ разными метеорологическими знаменіями съ неясными предреченіями, слышанными подъ именемъ Льва, Меѳодія и т. д., составителю Уваровскаго Сборника показалось не неумѣстнымъ и попавшееся ему гдѣ-то прорицаніе о царѣ-спасителѣ, ожидаемомъ съ Запада. Что касается до № 21 и 22, въ которыхъ

¹⁾ О такъ называемомъ откровеніи Меѳодія см.: *Fabricii Bibliotheca Graeca*, (Harles.) VII, 269—271.—*Сухомлиновъ М. И.*, О древней русской лѣтописи 1856, 109—114.—*Филарета Черниг.*, Историч. ученіе объ Отцахъ Церкви, изд. 2, 1882, I, 152 (§ 76).—*Срезневскаго И. И.* повѣсть о Цареградѣ, въ Учен. Зап. 2 Отд. Акад. Наукъ 1854, кн. I, ст. 133.—*Веселовскаго А. Н.* Опытъ по исторіи развитія христіанской легенды, Ж. М. Н. П. 1875, Апрель, стр. 304 и пр. 2, 305 и пр. 1, 306—316. Веселовскій пересказываетъ все содержаніе статьи Лже-Меѳодія довольно подробно, при чемъ сравниваетъ греческій текстъ со славянскимъ и поясняетъ ихъ.—*Döllinger*, *Der Weissagungsglaube und Prophetenthum in der christlichen Zeit* въ *Historisches Taschenbuch*, 5 Folge, I, Jahrgang, стр. 303—306.

мрачными чертами вторично описываются успѣхи Мухаммеда, то мы думаемъ, что этимъ отрывкамъ надлежащее мѣсто было-бы раньше №№ 17, 17^б, 18, 19 и 20. Эти вторичные отрывки о Мухаммедѣ занимаютъ, вмѣстѣ со своими картинками, особый листокъ: мы этотъ листокъ надписали, какъ VI, потому что мы, при нашемъ краткомъ описаніи, не желали отставать отъ найденной нами въ рукописи нумераціи выписокъ; но вѣрнѣе было-бы отмѣтить этотъ листокъ не VI-мъ, а IV-мъ. При такой послѣдовательности Уваровскій Сборникъ, начинающійся царствованіемъ султана Мурада III, при которомъ ожидалось разрушеніе турецкой имперіи, оканчивался-бы мирнымъ царствованіемъ и мирною кончиной чаемаго въ будущемъ императора-униониста.

Итакъ Сборникъ, судя по сохранившимся 6 листкамъ, имѣлъ двойное содержаніе: онъ состоялъ изъ прорицаній и изъ извѣстій историческихъ. Отрывки прорицаній заимствованы, какъ мы уже указали, изъ такъ называемаго Сборника Льва Мудраго, изъ Парафраза оракуловъ Льва, составленнаго неизвѣстнымъ, изъ Слова Меодія и изъ неизвѣстной намъ статьи о будущемъ царѣ Аргирѣ. Историческія-же свѣдѣнія относятся къ Мухаммеду лжепророку и къ Мураду III.

На вопросъ, когда былъ составленъ сборникъ, можемъ отвѣчать лишь приблизительно: между годами 1584 и 1595. Первымъ изъ этихъ годовъ обозначено самое позднее изъ упоминаемыхъ въ немъ событій: стало быть онъ составленъ не раньше 1584 г. А такъ какъ составитель ждетъ разрушенія Мурадова царства и для занесенія этого событія оставляетъ бѣлую бумагу, то очевидно сборникъ составленъ раньше года смерти Мурада III, т. е. раньше 1595. Кто былъ составитель—неизвѣстно; трудно даже навѣрное сказать духовное-ли лицо или мірянинъ, хотя, по преобладанію политическаго направленія прореченій надъ религиозно-эсхатологическимъ, мы расположены видѣть въ немъ скорѣе мірянина, чѣмъ духовнаго. Онъ былъ не только собиратель, но и сочинитель нѣкоторыхъ отрывковъ, а именно извѣстій о событіяхъ современныхъ. Только эта часть листковъ и написана новогреческимъ языкомъ. Представляя свидѣтельство о новогреческомъ языкѣ конца XVI в., разбираемый памятникъ пріобрѣтаетъ особый интересъ и для филологовъ, и это-то побудило насъ входить въ объясненіе нѣкоторыхъ языковыхъ формъ. Составитель разбираемаго сборника, на основаніи своихъ примѣтъ совершенно увѣренный въ переворотъ, имѣющимъ настать въ скоромъ будущемъ, подобралъ изъ старинныхъ прорицательныхъ книгъ то, что могло, по его мнѣнію, подкрѣпить его ожиданія. Главными направителями его политическихъ чаяній были, конечно, событія ему современныя; но этимъ событіямъ онъ придавалъ особенное значеніе подъ вліяніемъ старинныхъ прорицаній. Живые современные факты были имъ записаны, и къ нимъ примкнули выписки изъ готовыхъ оракуловъ. Это-то соединеніе въ одной связи, такъ сказать въ одной тетради, свидѣтельства современнаго и стародавнихъ предсказаній, если не ошибаемся, *есть явленіе мало-извѣстное*, что и придаетъ Уваровскому Сборнику особый интересъ. Мы не имѣемъ никакихъ признаковъ для рѣшенія во-

проса о томъ, самимъ-ли авторомъ написанъ сборникъ или другимъ лицомъ. Написанъ онъ довольно небрежно со стороны правописанія, со стороны же чистописанія мѣстами недурно. Главная трудность въ прочтеніи, впрочемъ, зависитъ не отъ неразборчивости почерка, а отъ того, что нѣкоторыя буквы стерлись или выцвѣли. Мы увѣрены, однако, что кто-бы ни былъ писатель, онъ современникъ Мурада III, ибо, еслибы подобная книжица переписывалась при комъ-нибудь изъ преемниковъ этого султана, то она бы не заявляла о близкомъ разрушеніи оттоманской имперіи, какъ объ имѣющемъ совершиться именно въ царствованіе одного изъ ихъ предшественниковъ, Мурада III.

Итакъ сборникъ написанъ между 1584 и 1595 годомъ, т. е. въ тѣ-же года, когда былъ составленъ.

Мы довольствовались вышеприведенными доводами, какъ болѣе достоверными, нежели какія либо предположенія палеографическія, въ виду того, что признаки греческаго письма этой поздней эпохи далеко нельзя считать опредѣлившимися; при томъ-же часто затрудняетъ опредѣленіе времени письма стараніе писателей держаться почерка болѣе древняго, чѣмъ почеркъ имъ современный. Это можно замѣтить и въ настоящихъ листкахъ: еслибы не было налицо тѣхъ историческихъ доказательствъ, которыя мы сейчасъ представили, то можно-бы, судя по характеру письма, отнести его ко времени болѣе раннему, чѣмъ исходъ XVI вѣка: но этого не допускаетъ содержаніе № 6-го.

При перепискѣ мы было сперва держались совершенно точной передачи текста Уваровскаго списка, не исключая удареній и знаковъ препинанія, такъ какъ это единственный намъ извѣстный списокъ. Но потомъ мы нѣсколько измѣнили наше намѣреніе. Не всегда мы могли настолько положиться на наше зрѣніе, чтобы поручиться, что недостающаго теперь знака, каковъ бы онъ ни былъ, дѣйствительно въ списокъ не доставало, хотя-бы и въ едва замѣтномъ видѣ. Поэтому мы рѣшились держаться общепринятаго правописанія, кромѣ нѣсколькихъ случаевъ почему либо интересныхъ, которые читатель найдетъ въ замѣткахъ. Впрочемъ № 2 составляетъ исключеніе: тутъ мы по возможности воспроизвели все до мелочей.

РУКОПИСНЫЙ ГРЕЧЕСКИЙ ЛИЦЕВОЙ СБОРНИКЪ ПРОРЕЧЕНІЙ, ОТНОСЯЩИЙСЯ КЪ КОНЦУ XVI В.

ТЕКСТЪ, ПЕРЕВОДЪ И ПРИМѢЧАНІЯ.

Листокъ I, А. лицевая сторона.

Раскрашенное изображеніе медвѣдицы и трехъ сосущихъ ее медвѣжатъ. Въ рамкѣ. Сходное изображеніе представляетъ гравюра № VII къ *Ogaculum* подъ заглавіемъ *Μελισμός* у Lamb. Leon. Or. p. 255 (= Migne, Patr., gr. s., CVII, 1154). Въ Ув. Сб. въ предѣлахъ рамки, надъ изображеніемъ, надпись киноварью.

№ 1. Уваровскаго списка.

Μελισμός

ὁ χρησμός τοῦ σολτάν ἀμοράτ

Переводъ № 1. «Разчлененіе (раздѣлъ). Прореченіе о солтанѣ Амوراتѣ.»

№ 2. Ув. сп. Подъ рамкой слѣдующіе 6 стиховъ ямбическимъ шестистопіемъ. Читаю ихъ не въ порядкѣ столбцовъ, а въ слѣдующей послѣдовательности: 1-й стихъ 1-го столбца, 1-й стихъ 2-го столбца, 2-й стихъ 1-го столбца, 2-й стихъ 2-го столбца, 3-й стихъ 1-го столбца и 3-й стихъ 2-го столбца.

Сопоставимъ, безъ малѣйшихъ перемѣнъ, съ сохраненіемъ всѣхъ ошибокъ, текстъ Ув. списка съ печатнымъ текстомъ Ламбеція, въ которомъ тоже ничего не перемѣняемъ: это текстъ Рутгерса, которому послѣдовалъ Ламбецій, приложивъ свои замѣтки на основаніи кодекса Амстердамскаго (*Lambecii Praefatio ad. Leon. Or. p. 235*), Рутгерсу неизвѣстнаго.

Ув. сп. № 2.

Ἀλλητῖς¹) ἄρκτος δευτέρα σκυμνοτρόφου.
Καὶ παντοτε²) πλὴν σκιαγραφουμένη.
Παρ' ἡλικία δὲ παρεκατέρα³) ζέφει.
Μερισμοὶ ἐμφένουσι τοῦ κράτους ὄλου⁴).
Φύσις χρόνων καὶ κίνησις ἐξηβλομένη:
Ἡ' (ἐσ)χάτ(η) γὰρ γράφετε τῆς ἐσχάτης.

Lambecii, Ogac. Leon. VII, p. 254.

Ἀλλητῖς¹) ἄρκτος δευτέρα σκυμνοτρόφος,
Καὶ πάν, ὁ κείνη²), πλὴν σκιαγραφουμένη.
Παρήλια δὲ παρ' ἐκατέρα³) ζέφει,
Μερισμὸν ἐμφέρουσα τοῦ κράτους ὄλου⁴).
Φύσιν χρόνων κίνησις ἐξημβομένη.
Εἰς ἐσχάτην γὰρ γράφεται τῆς ἐσχάτης.

Разночтенія и догадки ученыхъ.

- 1) *Ἄλλη τις Stephanitzi, Migne *).
- 2) πάντο ἑκείνη Cod. Amst. (Lamb. 282=Migne 1134).
- 3) παρ' ἑκάτερα St. M.

4) Ламбеціи между прочимъ пишетъ въ прим. на стр. 283: «Antiquus interpres duos hosce versus ita vertit: ad orientem solem utrimque coronae partem inferunt totius imperii. Proculdubio igitur in codice eius scriptum fuit: παρ' ἥλιον δὲ παρ' ἑκάτερα ζέφη Μερισμὸν, ἐμφέρουσι τοῦ κράτους ὄλου. Et quidem ἐμφέρουσι pro ἐμφέρουσα in cod. Amster. legitur.

Общее примѣчаніе къ текстамъ.

Мы не нашли возможнымъ объединить въ одинъ греческій текстъ двѣ столь непохожія рецензіи. Изданія Стефаници и Минья отчасти исправляютъ то, что у Ламбеціи неисправно, но *только* по части удареній и придыханій, а это насъ здѣсь не занимаетъ. Остановимся на послѣднемъ словѣ предпоследняго стиха: оно у Ламбеціи (Минья) напечатано ἐξηβλομένη, въ Ув. же списокѣ написано ἐξηβλωμένη: вотъ два извѣстныхъ намъ написанія. За симъ имѣемъ двѣ догадки: Рутгерсову ἐξηπλωμένη (Lam. in App. p. 283=Migne in App. 1135), которой слѣдуетъ Ламбеціи, когда переводитъ «naturam temporum motus extendens»; и догадку у Стефаници: ἐξηβλωμένη, при чемъ переводъ: «καὶ ἡ κίνησις σμικρύνει καὶ συντέμνει τῆ φύσιν τῶν χρόνων αὐτοῦ. (Συλλογή... Στεφανίτζη 105). Мы же, немного передѣлавъ чтеніе Ув. списка, предлагаемъ: ἐξηβλωμένη. Вообще же Χρησμοὶ царя Льва, помѣщенные въ изданіи Стефаници, воспроизведены по печатному изданію Ламбеціева, въ чемъ я убѣдился сличеніемъ по симъ изданіямъ, номеровъ 1, 5, 7, 10, 15 и 16, а также и сличеніемъ одного Ogasulum, изданнаго особо Ламбеціемъ на стр. 279 (Migne p. 1149), Стефанициемъ на ст. 121, начинающагося словами: Βύζαντος αὐλή.. Всѣ они воспроизведены Стефанициемъ по Ламбецію, хотя мы не можемъ сказать, находились ли они уже въ рукописной Συλλογῇ, или же попали прямо въ печатную Συλλογῇ, такъ какъ самъ Стефаницій объясненій точныхъ не даетъ. Но при этомъ можетъ возникнуть вопросъ: какимъ образомъ произошло, что 2-й стихъ 16-го оракула, читающійся у Ламбеціи слѣдующимъ образомъ: «ἐξ ἀρετῆς δ' ἔσχηκας εὐτυχεῖς πλέον» (стр. 272), у Стефаници читается такъ: «ἐξ ἀρετῆς δ' ἔσχηκας, ἢ τύχης πλέον»? Откуда у Стефаници взялась эта осмысленная поправка? Отвѣчаемъ: это догадка самого Ламбеція, высказанная имъ въ примѣчан. къ Ogasulum XVI (на стр. 283): «εὐτυχεῖς πλέον. Lege: ἢ τύχης πλέον.» Сообразно съ этой поправкой Л. и переводитъ: a virtute autem plus, quam a fortuna habuisti (стр. 272). Ее-то и внесла изъ примѣчанія Ламбеціева въ свой текстъ Συλλογῇ.

*) Стефаници въ Сборникѣ (Συλλογῇ) стр. 105 (см. подробное заглавіе въ нашемъ предисловіи стр. 33, пр. 1).

Переводъ № 2. Въ переводѣ я держусь преимущественно Ламбѳеіева текста, какъ болѣе осмысленнаго; но предпочитаю въ Ув. списокѣ: ἐμφ(αί)νησι, φύσις и ἐξη(μ)βλωμένη, измѣняя въ нихъ кое-что.

«Какая-то другая, вторая медвѣдица, кормилица своихъ дѣтенышей, совершенно такая же, какъ и та, но начертанная намеками. Парелин съ двухъ сторонъ вѣнчаютъ и предзнаменуютъ раздѣлъ цѣлаго государства; преждевременное движеніе есть знаменіе временъ: ибо пишется послѣдняя(?) въ послѣдней (иначе: ибо пишется на послѣдней(?) послѣдней(?) *).

Значеніе нумеровъ 1-го и 2-го въ связи съ номеромъ 6-мъ мы постарались объяснить въ нашемъ предисловіи стр. 29.

Ув. сп. № 3. Ниже стиховъ на той же оборотной сторонѣ Ув. сп. написано прозой по новогречески:

«ἐδῶ κάθεται καὶ βασιλεύει ὁ σολτὰν Ἀμουράτ, ὁποῖος¹⁾ ἐκορωναρῖστ(η)²⁾ εἰς τῆ(ν) εἴ³⁾. τοῦ γεναρίου⁴⁾ εἰς φφод'.

Замѣтки къ тексту.

¹⁾ Можно-бы ждать ὁ ὁποῖος.

²⁾ изъ италіянскаго согопаге.

³⁾ въ ркп. εἴ.

⁴⁾ γεναρίου, пишутъ и γενναρίου, производя, въ силу народной этимологін, это слово отъ γεννάω «рождаю». — Въ официальномъ языкѣ ἰανουάριος отъ лат. januarius.

(*Переводъ № 3.* «Здѣсь сидитъ и царствуетъ солтанъ Амуратъ, который былъ коронованъ 5-го **) января 1574 года»).

Примѣчаніе по содержанію текста № 3. Отецъ Мурада III, Селимъ, умеръ 27 шаабана 982 г. гиджры (= 12 Дек. 1574 г.); Мурадъ препоясанъ января 5 (= 22 рамазана). См. Hammer, Histoire de l'empire Ottoman... trad. par. Hellert, t. VI, 455, t. VII, 18.

Листка I, оборотная сторона.

Ув. сп. № 4. По новогречески (киноварью):

ἐδῶ εἶναι ὄτ(α)ν ἐπεριτόμησεν¹⁾ ὁ Σολτὰν Ἀμουράт τὸ παιδίν²⁾ του: Τὸ μεγαλύτατον κάλεσμα ὅπου ὁ σολτὰν Ἀμουράт ἔκαμεν ὀλονῶν³⁾ τῶν ἀφεντῶν⁴⁾, εἰς (τῆν) περιτομήν τοῦ υἱο(ῦ) του:

Замѣтки къ тексту.

¹⁾ Сигматическая форма аориста.

²⁾ παιδίν усѣченное изъ παιδίον.

³⁾ ὀλονῶν произошло изъ ὀλῶν.

⁴⁾ ἀφεντῶν вм. αὔθεντῶν.

*) Касается ли это буквъ и слоговъ или событій и тысячелѣтій?

**) Внизу страницы карандашомъ написано «25-го», но это чтеніе невѣрно.

Переводъ № 4. («Здѣсь изображено, когда солтанъ Амуратъ совершилъ обрѣзание своего сына. Величайшее приглашеніе, которое солтанъ Амуратъ сдѣлалъ всѣмъ сановникамъ на обрѣзание своего сына»).

Примѣчанія къ содержанію № 4. Къ этому тексту, въ имѣющихся у меня пергаминныхъ листкахъ Ув. списка, рисунка нѣтъ. Хотя приведенный фактъ не приуроченъ здѣсь ни къ какому году, но годъ обрѣзанія наслѣдника Мурадова извѣстенъ: это 1582. Хаммеръ пишетъ: «Plus d'une année, on avait commencé les préparatifs des fêtes de la circoncision dont la célébration avait été fixée à l'année 1582; l'époque en fut notifiée aux monarques de l'Asie, de l'Europe et de l'Afrique». (Hammer, Histoire de l'emp. Ott. VII, 146)... Les fêtes de Mourad III en l'honneur de la circoncision de son fils Mohammed sont restées sans exemple dans l'histoire de l'empire Ottoman, par leur splendeur et leur durée» (ibid. p. 147). Праздникъ у Хаммера описанъ подробно (ib.) 146—162; онъ длился 52 дня (ib. 162).

Ув. сп. № 5. По новогречески (кинноварью).

Ἐδῶ πέμπει ὁ Σολτάν Αμουράτ τὰ φουσατά¹⁾ του νὰ πάσι²⁾ νὰ πολεμήσουσι³⁾ τὸν Περσιάνον⁴⁾:

ἢ ὅποια μάχη ἐκράτηξε⁵⁾ πολλοὺς χρόνους. Ἐδῶ πέμπει καὶ δεύτερη⁶⁾ φορὰν καὶ ἄλλον⁷⁾ φουσατόν εἰς τὴν Περσίαν.

Замѣтки къ тексту.

¹⁾ Слово византийской эпохи изъ латинскаго языка въ среднеушковомъ смыслѣ «войско» (fossatum).

²⁾ νὰπάσι сжато изъ νὰ ὑπάγωσι.

³⁾ вмѣсто νὰ πολεμήσωσι.

⁴⁾ τὸν персиάνον можно понимать двояко: 1) персианина, въ собирательномъ смыслѣ, какъ мы говоримъ «итти на турку»; 2) въ смыслѣ царя персидскаго, какъ Иродотъ подъ ὁ Κόλχος разумѣетъ царя Колхиды.

⁵⁾ ἐκράτηξε вм. ἐκράτησε неправильно по аналогіи съ ἤρπαξε, ἔτρεξε и т. п.

⁶⁾ винит. падежъ упрощенный до формы именительнаго; и вопреки этому φορὰν.

⁷⁾ ἄλλον, вопреки древней формѣ ἄλλο).

Переводъ № 5. («Здѣсь солтанъ Амуратъ посылаетъ свое войско, чтобъ пошла воевать персианина, каковая война продолжалась много лѣтъ. Здѣсь посылаетъ и во второй разъ другое войско въ Персію»).

Примѣчанія къ содержанію № 5. Войны между Турціей и Персіей, бывшія въ царствованіе султана Мурада III, описаны Хаммеромъ въ 38 и 40 гл. (Hammer ib. t. VII). И этого изображенія, на имѣющихся листкахъ, также нѣтъ.

Ув. сп. № 6. По новогречески (только первая буква киноварью):

Ἐδῶναι¹⁾ ἡ μεγαλωτάτη μάχη, ὅπου ὁ σολτὰν Ἀμουράτ ἔκαμεν μὲ τὸν ῥήγα²⁾ τῆς Περσίας, ὁποῖος³⁾ ἔπεμψε κόντρα⁴⁾ τοῦ μεγαλώτατα φουσάτα, ὅσα ἡ γλῶσσα τοῦ ἀνθρώπου δὲν (ἐ)μπορεῖ νὰ κάμει⁵⁾ νοῦμερον⁶⁾, εἰς τοὺς τόσους χρόνους, ὅπου ἐντουράρησεν⁷⁾ ἡ μάχη, καὶ ἀκομί⁸⁾ κρατεῖ ἕως τὴν σήμερον ἀποῦ τῶν⁹⁾ ἐξάθηκε βασιλεὺς. καὶ καθημερινὸν ἔπεμπε καὶ πέμπει σεκόρσον¹⁰⁾, [μὲ]¹¹⁾ τοὺς ὁποῖους ὅσους ἔπεμψεν τόσους ἐκόφτασι¹²⁾. καὶ τοῦτο ἦτον ἀπὸ ὀρισμὸν το(ῦ) θεοῦ διὰ νὰ ἀναπαυτῆ¹³⁾ κάμποσον ἡ χριστιανοσύνη. καὶ ἔτση ἀφήνω χαρτὶν ἄσπρο, θεοῦ θέλοντος, νὰ γράψω τὸ τέλος καὶ τὸν χαλασμὸν μονοτάρου¹⁴⁾ τῆς βασιλείας του, διὰ νὰ πληρωθῆ καὶ τοῦτος¹⁵⁾ ὁ χρησμὸς, ὅπου ὁ σοφώτατος βασιλεὺς Λέων ἔχει καμωμένον εἰς τοῦτο καὶ λέγει «ἐν τῷ ὀγδοηκοστῷ πρώτῳ ἔτος¹⁶⁾ ὁ Ἰσμαήλ ἐκ τῆς ἐπτάλοφου ἐκβληθήσεται¹⁷⁾». καὶ ἀλλαχοῦ πάλιν λέγει ὁ αὐτὸς βασιλεὺς Λέων «ἡ ἐσχάτη γὰρ γράφεται τῆς ἐσχάτης»¹⁸⁾.

. . . . . ἔλαττον μικρὸν . . . . .¹⁹⁾.

1) Въ сп. кажется еδῶναι; слитно, вмѣсто ἐδῶ εἶναι = здѣсь есть.

2) Въ сп. ῥύγα, при чемъ согласная 2-го слога не совсѣмъ ясна и немного походитъ на сигму; но если написать ῥήγα, то выходитъ вин. пад. отъ ῥήγας, гега, (гех), царь, король.

3) Опять ὁποῖος безъ члена.

4) κόντρα изъ итал. contra.

5) Оставляемъ намѣренно орѳографію νὰ κάμει вм. νὰ κάμη.

6) νοῦμερος въ византийское время значило: отрядъ, тюрьма. Но тутъ νοῦμερος означаетъ «число» (ср. numerus, numero).

7) ἐнτουράρεισεν въ сп.: изъ итал. durare; d выражается черезъ vt.

8) ἀκομί рѣдкая форма. Крумбахеръ, приведшій множество выписокъ съ формами ἀκμήν и ἀκόμη, представилъ только одинъ примѣръ, совпадающій съ здѣшнимъ, а именно у Glykas 178—ἀκομή. (Krumbacher, Beiträge zu einer Geschichte der griechischen Sprache въ Zeitschrift der vergleichenden Sprachforschung, 27, 7, 5, стр. 509 (1884). Что касается, до *иты* вмѣсто *иты*, это не имѣетъ никакого значенія: важно удареніе.

9) ἀποῦ изъ ἀφ' οὗ.—τῶν для насъ непонятно.

10) σεκόρσον изъ итал. secorso.

11) Мѣ поставили мы въ ломанья скобки, какъ сомнительное.

12) ἐκόфτασι въ смыслѣ ἔκοπτον.

13) спис. ἀναπαυτεῖ вмѣсто ἀταπαυθῆ: мы сохранили τ, ибо такъ произносилъ писавшій.

14) μο-νοτάρου намъ непонятно.

15) τοῦτος въ значеніи οὗτος.

16) Мы удержали это смѣшеніе падежей.

17) Между изданными Ламбеціемъ (= Миньемъ) пророчаніями подъ названіемъ «Ogacula Imp. Leonis» приведеннаго здѣсь мы не нашли.

18) Эти слова составляютъ 6-й стихъ въ стихотвореніи, вошедшемъ въ Ув. Сборникъ подъ № 2 (ср. = Lamb. Ogac. VII, 254 = Patrol. Mign. CVII, 1134).

19) Неразборчивое мѣсто обозначили мы точками.

Переводъ № 6. «Здѣсь изображена величайшая война, которую велъ солтанъ Амуратъ съ царемъ персидскимъ, который послалъ противъ него величайшія войска, сколько языкъ человѣческій не можетъ исчислить, въ продолженіе столькихъ лѣтъ, что держалась война и до сихъ поръ еще держится съ той поры какъ онъ воцарился. И каждый день онъ посылалъ и посылаетъ вспомогательныя войска, которыхъ сколько ни посылали, всѣхъ рубили. Это было по опредѣленію Божію, дабы нѣсколько отдохнуло христіанство. Такимъ образомъ я оставляю бѣдную бумагу, такъ какъ Богу угодно, чтобъ я описалъ конецъ и разрушеніе . . . . . (?) *» его царства, да сбудется то прореченіе, сдѣланное по этому предмету мудрѣйшимъ царемъ Львомъ, что сказывается: «и въ восемьдесятъ первомъ году Измаиль изъ Седмихолмнаго будетъ изгнанъ»**). И въ другомъ мѣстѣ еще сказывается тотъ же царь Левъ: «нѣ послѣдняя пишется послѣдней» (?)***).

Значеніе № 6-го въ связи съ 1-мъ и 2-мъ мы по возможности показали въ нашемъ предисловіи стр. 33.

Ув. сп. № 7. Это выдержка изъ такъ называемыхъ «откровеній Меѳодія Патарскаго», хотя составитель сборника этого и не говоритъ. Мы вернемся къ этой выдержкѣ, ниже, а пока выпишемъ ее съ приложеніемъ параллельнаго мѣста изъ Monumenta Orthodoxographa. Отсюда заимствовалъ ее проф. А. Н. Веселовскій, при чемъ приложилъ сдѣланный мною, по его желанію, переводъ. Тогда я еще не имѣлъ въ виду, что этотъ отрывокъ находится и въ Ув. сп., хотя этотъ списокъ и былъ у меня. (Веселовскаго Опыты . . . въ Ж. М. Н. П. 1875, Апр. 311).

Mon. Orth. p. 97.

καὶ ἄρει κύριος τὴν δειλίαν τῶν ῥωμαίων, καὶ ἐμβάλλει (читай: ἐμβαλεῖ) εἰς τὰς καρδίας τῶν Ἰσμηλιτῶν. καὶ τὴν ἀνδρίαν τῶν Ἰσμηλιτῶν ἐμβάλλει (ч. ἐμβαλεῖ) εἰς τὰς καρδίας τῶν Ῥωμαίων. καὶ τραφέντες ἐκδιώξουσιν αὐτὸν. τότε πληρωθήσεται τὸ γεγραμμένον. πῶς διώζεται εἰς χιλίους, καὶ δύο μετακινήσουσι μυριάδας. καὶ συντελεσθήσονται οἱ πλωτῆρες αὐτῶν, καὶ εἰς ἀφανισμόν γενήσονται.

Ув. сп.

«(καὶ ἐκβαλεῖν¹⁾ τότε τὴν δειλίαν ἐκ τῶν Ῥωμαίων) καὶ ἐμβαλεῖν εἰς τὰς καρδίας τῶν Ἰσμηλιτῶν. καὶ τραφέντες ἐκδιώξουσιν αὐτοὺς ἐκ τῶν ἰδίων αὐτῶν, συγκόπτοντες αὐτοὺς. τότε πληρωθήσεται τὸ εἰρημένον, πῶς διώζεται εἰς²⁾ χιλίους, καὶ δύο μετακινήσουσι μυριάδας καὶ συντελεσθήσονται οἱ³⁾ πλωτῆρες αὐτῶν καὶ εἰς ἀφανισμόν γενήσονται.

¹⁾ Неясныя въ Ув. сп. слова я поставилъ въ скобки.

²⁾ Ув. сп. εἰς, Mon. Or. εἰς, какъ и слѣдуетъ. — Это заимствовано изъ пѣсни Моисея. Второзаконіе 32,30: «πῶς διώζεται εἰς χιλίους, καὶ δύο μετακινήσουσι μυριάδας, εἰ μὴ ὁ θεὸς ἀπέδοτο αὐτοὺς, καὶ κύριος παρέδωκεν αὐτοὺς;»

³⁾ Ув. сп. αἱ, M. O. οἱ, какъ и слѣдуетъ.

*) См. пр. 14 къ предыдущему греч. тексту.

**) См. пр. 16 къ предыд. греч. тексту.

***) См. пр. 18 къ предыд. греч. тексту.

Переводъ № 7. («И отниметь Господь) тогда робость отъ Римлянъ (Ромеевъ) и вложить въ сердца Измаильтянъ (Orth.), а мужество Измаильтянъ положить въ сердца Римлянъ (Ромеевъ). И обернувшись назадъ изгонять ихъ изъ своихъ странъ и изрубятъ ихъ: тогда сбудется реченное, (Orth. написанное), что одинъ изгонитъ тысячу и двое передвинуть тмы (мириады*), и покончатся и уничтожатся ихъ пловцы».

Ув. сп. № 8.

Вступленіе.

Это отрывокъ, составляющій начало того Парафраза Неизвѣстнаго (?Ανωύμου Παράφρασις), о которомъ была рѣчь въ нашемъ предисловіи (стр. 33 и 34). Этотъ отрывокъ составляетъ приблизительно четверть всего Парафраза: наши предположенія мы высказали въ предисловіи (см. тамъ-же). Здѣсь мы приводимъ текстъ отрывка по Ув. списку съ приложеніемъ примѣчаній и различеній изъ Ламбеція (L), Стефаниція (St.) и Минья (M.), а также и своихъ соображеній по тексту (Lambec. pp. 275—6=Migne, Patr. CVII, 1142—3. Στεφανίτη, Συλλογή 133—135: подробныя заглавія см. въ нашемъ предисловіи стр. 33 и 34).

Περὶ ¹⁾ τοῦ θρουλλομένου πτωχοῦ καὶ ἐκλεκτοῦ βα(σι)-
λέως τοῦ γνωστοῦ καὶ ἀγνωστοῦ ²⁾, τοῦ κατοικοῦντος ἐν τῇ
πρώτῃ ἄκρῃ ³⁾ τῆς Βυζαντίδος ⁴⁾. Ὁ ἀληθινὸς βασιλεὺς, ὃς κα-
τοικεῖ ἐν ὑγρῷ τόπῳ ⁵⁾ διὰ τὸ καυστικὸν, ὃν ἐδίωξαν τῆς οἰκίας ⁶⁾ αὐτοῦ
οἱ ἄνθρωποι ⁷⁾ καὶ δεδώκασιν τὴν στρωμνὴν αὐτοῦ ἐν ταῖς νήσοις
πλέοντος καὶ ἀλιεύοντος ⁸⁾ ἐβδοματικῶ ἐβδόμῳ ⁹⁾ χρόνῳ εἰς τέλος ¹⁰⁾

¹⁾ У Стефаници 133: «Λόγος περὶ и т. д.

²⁾ У Стеф. 133: τοῦ γνωστοῦ καὶ ἀγνωστοῦ нѣтъ».

³⁾ У Стеф. ἐν τῇ πρώτῃ ἄκρῃ: тамъ-же.

⁴⁾ βυζαντίδος, Ув. сп. У Стеф. такъ же. L. и M. βυζαντίδος. Слова отъ Λόγος περὶ до βυζαντίδος включительно у другихъ напечатаны какъ заглавіе статьи, что и справедливо.

⁵⁾ Сличн стихъ въ Leonis imp. Oracula (Or. III apud. L. 246=M. τόποις ἐν ὑγροῖς καὶ παρ' ἐλπίδα πεσεῖς (вар. изъ Никиты Хонскаго πέσης Nicetas p. 27, 28, ed. Reg. Нужно-бы пеση. Этотъ писатель к. XII и нач. XIII в. рассказываетъ, что упомянутые стихи стариннаго прорицанія пронесены были Иоанномъ Комниномъ, когда онъ попалъ, во время похода въ оврагъ, наводнившійся отъ ливня: У Стефаници 133: ἐν τῇ ἄκρῃ τόπῳ.

⁶⁾ τοῖς οἰκίαις Ув. сп.—τῆς οἰκίας L. S. M.

⁷⁾ ἄνοι Ув. сп.

⁸⁾ πλέοντος καὶ ἀλιεύοντος Ув.—L. M. πλεόντα καὶ ἀλιέοντα, St.

⁹⁾ ἐβδόμῳ Ув.—ἐβδόμα L.—ἐβδόμα M. Мы исправили по Ув. съ пере-
мѣной υ на β и здѣсь и въ предыдущемъ словѣ, вмѣсто ἐβδοματικῶ ἐβδόμῳ
χρόνῳ читаемъ: ἐν δὲ τῷ ἐβδομηκοστῷ χρόνῳ.

¹⁰⁾ τὸ τέλος L. M. St., что можетъ быть и лучше чѣмъ просто τέλος,
какъ въ Ув. сп.

*) См. пр. 2 къ гр. тексту.

τῶν Ἰσμαηλιτῶν ἀποκαλυφθήσεται. Παρακολουθήσει δὲ οὗτος ἐν ταῖς ἡμέραις τοῦ λιβός¹¹⁾, καὶ ἔσται ὁ πρῶτος δεύτερος καὶ ὁ δεύτερος πρῶτος. καὶ¹²⁾ μετὰ τοῦτο ποιεῖν¹³⁾ τὰ φευκτήρια¹⁴⁾ ἐν μέσῳ τῆς πόλεως ἐν τῷ λεωφόρῳ πλακωτῷ¹⁵⁾ ἐν ἡμέρᾳ παρασκευῆ ὥρα τρίτη τῆς ἡμέρας. καὶ τριῶν¹⁶⁾ ταραττομένων ὁ τρίτος πρῶτος.¹⁷⁾ καὶ ἀποκαλυφθήσεται ὁ ἠλειμμένος¹⁸⁾ ὁ μέλλων ἀποκαλυφθῆναι, διὰ τόξων καὶ σημείων¹⁹⁾ φανήσεται. ἐνηχηθήσεται²⁰⁾ παρὰ τοῦ ὄρωμένου ἀγγέλου τοῦ ἀποκαλυφθέντος ὡς ἀνθρώπου λευκοφόρου εὐνούχου²¹⁾ καὶ εἰς τὸ οὖς εἶπη αὐτῷ καθεύδοντι²²⁾, καὶ τῆς δεξιᾶς αὐτοῦ λαβόμενος εἶπη· ἔγεραι ὁ κἀθεύδων καὶ ἀνάστα ἐκ τοῦ μνημείου καὶ ἐπιφάσει σοι ὁ χριστός²³⁾. προκαλεῖται²⁴⁾ γάρ σε τοῦ ποιμαίνειν

¹¹⁾ ἐν ταῖς ἡμέραις τοῦ λιβός. «Nuc facit ille oraculi octauī versus: Δράκοντα συρίζει τὸν λιβοκτόνον.» Эта замѣтка къ этому мѣсту, сдѣланная L., повторена у M.—Этотъ стихъ находится въ особомъ χρησμῳ, помѣщенномъ Диоканжемъ въ концѣ его примѣчаній на Zonaras (Ed. Duc. 252, 25 Dindorf, VI, 200), нѣсколько въ иномъ видѣ, а именно: δράκοντα συσφίγγει τὸν Λιβοκτόνον (стихъ 20-й). Темнота остается.

¹²⁾ καὶ Ув. и St. τί L. въ предложениі утвърдительномъ; τί M. въ предл. вопросительномъ.

¹³⁾ ποιεῖν У. L. M.—у St. ποιήσεται.

¹⁴⁾ τὰ φευκτήρια, Ув.—τὰ φονευτήρια L. M. St. φονευτρια (безъ τὰ).

¹⁵⁾ ἐν τῷ λεωφόρῳ πλακωτῷ Ув. и L.—ἐν τῷ λεωφόρῳ πλακωτῷ M.—St. ἐν τῷ ἐλαιοφόρῳ пакτωλῷ.

¹⁶⁾ У St. τῶν триῶν.

¹⁷⁾ L. сравниваетъ это съ словами Orac. IX (Εὐχαριστία), гдѣ читается стихъ: τῶν δύο δερνόντων ὁ τρίτος πρῶτος. Ἰὰ (и у M.).

¹⁸⁾ ὁ ἠλειμμένος Ув.—ὁ ἠλειμμένος L. M. St.—L. указываетъ на оракулъ V, изъ котораго это мѣсто заимствовано (по его мнѣнію).

¹⁹⁾ διὰ τόξων καὶ σημείων Ув.—у L. M. послѣ σημείων стоитъ κυρίου; St. послѣ σημείων стоитъ Χριστοῦ.

²⁰⁾ ἐνηχηθῆ Ув.—ἐνηχησθη L.—ἐνηχηθη M.—у St. ἐνηχηθήσεται, чему мы и послѣдовали.

²¹⁾ Въ Ув. сп. ἀγγέλου τῷ ἀποκαλυφθέντι, ὡς ἀνθρώπῳ λευκοφόρῳ εὐνούχῳ, то есть относящееся къ ангелу ошибочно отнесено къ пробуждаемому отъ сна будущему царю: я послѣдовалъ L. (=M.).—У St. 133 послѣ Ἄγγελου прямо: ὃς καὶ εἰς τὸ οὖς αὐτοῦ εἶπη.

²²⁾ καὶ εἰς τοὺς οὖς αὐτῷ εἶποι αὐτῷ καθεύδοντα въ Ув. сп.—καὶ εἰς τὸ οὖς εἶπη αὐτοῦ καθεύδοντος L. M.—St. καὶ εἰς τὸ οὖς αὐτοῦ εἶπη безъ καθεύδοντος. Поправку нашу беремъ на свой страхъ.

²³⁾ χς Ув.—Подчеркнутыя нами слова заимствованы изъ Послания къ Ефес. V, 14; только слова Апостола ἐκ τῶν νεκρῶν замѣнены въ Ув. L. M. словами: ἐκ τοῦ μνημείου, а въ St. ἐκ τοῦ μνήματος. (Сравни Пророка Исаи 26, 19).

²⁴⁾ προκαλεῖται Ув.—προσκαλεῖται L. M. St.

λαόν περιούσιον.²⁵⁾ καὶ ἐκ δευτέρου αὐτῷ εἶπη· ἔγειραι ὁ καθεύδων²⁶⁾, ἐξελεθε ὁ κεκρυμμένος, μηκέτι κρύπτου, πολλοὶ σε ζητοῦσι. πάντες ἐξελεύσονται, σὺ δὲ μόνος εἰσελεύσει. καὶ ἐκ τρίτου δώσει αὐτῷ πλάκας λιθίνας ἐν αἷς ἐγκεχάραται ἐντολαὶ δύο²⁷⁾. ἐκδικῆσαι καὶ ἔθνη ποιῆσαι χριστιανούς²⁸⁾, καὶ ἀσέβειαν ἐκδιώξει, καὶ τοὺς τὰ σοδομιτικὰ ἔργα ποιούντας πυρκαύστους ποιῆσαι²⁹⁾. ὡσαύτως καὶ τοὺς κακοὺς ἱερεῖς ἐκ τοῦ ἱεροῦ ἐκδιώξει³⁰⁾ καὶ τοὺς ἀξίους εἰς τὸ θεῖον ἀποκαταστήσαι³¹⁾ εἰς εὐαρέστησιν τοῦ θεοῦ³²⁾ τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς. Ἔχει δὲ οὗτος σημεῖα· ὁ ὄνυξ τοῦ μεγάλου³³⁾ δακτύλου τοῦ δεξιῦ ποδὸς³⁴⁾ τύλωμα³⁵⁾ ἔχων, ἢ λαλιὰ ἡδέια³⁶⁾, ἢ ὄψις αὐτοῦ εὐειδῆς, τὸ εἶδος αὐτοῦ γυναικεῖον, μέσος τὴν ἡλικίαν, φαλακρός³⁷⁾, μικρὸν πολιός³⁸⁾,

²⁵⁾ Изъ Посл. къ Титу II, 14.

²⁶⁾ ὁ καθεύδων въ Ув. сп. написаны, но зачеркнуты; у L. M. они есть.—У St. ἔγειραι ὁ καθεύδων нѣтъ.

²⁷⁾ ἐντολαὶ δύο Ув. L. M.—Послѣ ἐγκεχάραται у St. слѣдуютъ слова: αὐτῷ λαόν θεῖον ἐκδικῆσαι.

²⁸⁾ ἔθνη ποιῆσαι χριστιανούς. Ув. сп.—L. ἔθνηποιῆσαι χρηστά; M. ἔθνηποιῆσαι χρηστά. St. ἠθῆ ποιῆσαι χρηστά. У M. приведенный переводъ Moufflet гласитъ: «justa utiliaque inter populos efficienda». Но, по написанію Ув. сп., которое мы удержали въ текстѣ, это будетъ: «обратить язычниковъ въ христианъ». По Стефаници «улучшить нравы».

²⁹⁾ Ув. сп. ποιήσει.—L. M. ποιῆσαι, чему мы и послѣдовали.—L. сравниваетъ съ 8—10 стихами Огас. X (Αἷμα).

³⁰⁾ ἐκδιώξει Ув. сп.—διώξει L.—διώξει M.—Сображая эти написанія и контекстъ, пишемъ: ἐκδιώξει. У Стеф. вовсе нѣтъ словъ καὶ ἀσέβειαν до ἐκ τοῦ ἱεροῦ ἐκδιώξει включительно.

³¹⁾ ἀποκαταστήσει Ув. сп.—ἀποκαταστήσαι L. M. St.

³²⁾ Ув. сп. εἰς ἐβαρέστησιν θῷ. L. M. εἰς εὐαρέστησιν τοῦ θεοῦ — У St. οἱ εὐαρέστησαν τῷ θεῷ.

³³⁾ μεγάλου Ув. сп. L. M.—πρώτου St.

³⁴⁾ Сличи это мѣсто съ прореченіемъ, обнародованнымъ Дюканжемъ подъ заглавіемъ χρησμός: τὸν δεξιὸν αὐτοῦ ἐξαγάγεται πόδα (это стихъ 30). (См. въ концѣ примѣченій Дюканжа къ Зонарѣ, Ioannis Zonarae Epitome hist. ed. Dindorf T. VI, p. 200 (ed. Ducang. 252, 25).

³⁵⁾ τήλωμα Ув. сп.—τήλομα L.—τηλώμα M. τύλωμα St.—Moufflet, котораго переводъ на лат. языкъ приложенъ къ изданію Минья, прописываетъ въ лат. текстѣ это греческое слово, не переводя его. Очевидно должно писать τύλωμα=наростъ. На основаніи этого мѣста, думаю, можно исправить текстъ стиха: καὶ στύλος αὐτοῦ δεξιῷ ποδὶ μέγας, гдѣ вмѣсто στύλος нужно-бы τύλος (Em. Legrand les Oracles de Léon le Sage p. 46 ἕτεροι στίχοι διὰ τὸν βασιλέαν.—Стихъ 5-й).

³⁶⁾ ἡδέα Ув. сп.—ἡδέια, L. M. St.

³⁷⁾ φαλακρός Ув. сп. Это чтеніе тѣмъ интересно, что показываетъ, что это искаженіе, существующее до сихъ поръ въ языкѣ простыхъ людей, уже существовало во время составленія сборника, т. е. въ исходѣ

πολυῖστωρ³⁹⁾ καὶ μάλα εἰδώς⁴⁰⁾, προορατικός⁴¹⁾ καὶ προφητείας μετέχων καὶ μεταδιδούς. ἢ ῥίς αὐτοῦ ἐπικεκοφυῖα⁴²⁾, οἱ ὀφθαλμοὶ μετέωροι, πένης, κεκαρμένος⁴³⁾, καὶ ῥάκια⁴⁴⁾ ἐνδεδυμένος διὰ τὸ μῆ⁴⁵⁾ χρησιμεύειν. ἔσται δὲ πραῦς καὶ φιλόανθρωπος⁴⁶⁾, εὐμετάδωτος, μεγαλόψυχος, φοβερός, γενναῖος⁴⁷⁾. ἢ δεξία αὐτοῦ ἄρμους δύο⁴⁸⁾.

XVI в.; дальнѣйшее народное искаженіе есть карафлός. Но такъ какъ предреченіе написано стариннымъ языкомъ, подражающимъ древнему, то мы послѣдовали L. M. St., т. е. поставили правильную форму φαλακρός. Въ Oraculum 13 читаемъ стихъ 10-й: μηνόκρανον, μείλιχον, πραῦν, ὑψίνην. Первое слово переведено: «Sapientem;» мы думаемъ оно значить то-же, что и φαλακρός (у котораго черепъ какъ мѣсяць). По этому долженъ бытъ исправленъ стихъ 29-й въ χρησμὸς (изд. Дюк. см. у насъ въ пр. 34): μυλόκρανον μῆλιθον πρᾶον λαβόντες,—въ μηνόκρανον, μείλιχον и т. д.

³⁹⁾ L. M. μικρόν, πολίος.—Чтеніе вѣрно, если снять запятую и понимать такъ: «немного сѣдой, съ просѣдью»; какъ и понялъ Муфлѣ, когда перевелъ: «et jam albescentes capilli». Ув. сп. передаетъ это на новогреческій ладъ: μικροπολιός.—У St. 134 этихъ словъ вовсе нѣтъ.

³⁹⁾ Πολυῖστωρ Ув. сп. и L.—M. πολυῖστωρ.

⁴⁰⁾ Ув. сп. кажется μανὲ αεὶ δος—нескладно, St. μελοειδης.—L. M. въ текстѣ μάλλον εἰδώς, что едвали вѣрно; у нихъ же въ прим.; μάλα εἰδώς; бытъ можетъ τὸ μέλλον εἰδώς сравни нашу догадку съ ἕτεροι στίχοι διὰ τὸν βασιλέαν у Legrand въ Les Oracles de Léon le Sage (Paris, 1875 Collection), гдѣ читаемъ о будущемъ царѣ, который ѿдетъ найденъ въ западной части седмихолмія: τὸ μέλλον ὀξύτατον εἶδεναι μάλλον (р. 36, О. 4).

⁴¹⁾ προορατικὸν Ув. сп. προωρατικός L. проορατικός M. и St.

⁴²⁾ Сравни Julii Pollucis Onomasticon, I. Bekker, II, 73: «ῥίνος δὲ σχήματα γρυπός, ἐπίγρυπος, ὃν βασιλικὸν οἶονται».—ἐπικεκοφυῖα Ув. L. M.—ἐγκεκοφυῖα St.

⁴³⁾ κεκαρμένος Ув. L. M.—κεκαθαρμένος St.

⁴⁴⁾ ῥάκια Ув. L. M.—ῥάκη St.

⁴⁵⁾ μῆ Ув. сп. и St.—μὲν L. M. Держась послѣдняго чтенія, Муфлѣ переводить: «propterea quod aliis studuerit». Слѣдуя же Ув. сп. и St., то есть читая μῆ (что мы и подчеркнули), нужно понять такъ: «одѣтый въ рубище, потому что онъ никому не нуженъ». Это пониманіе согласно съ близко за тѣмъ стоящими словами, которыя мы подчеркнули: ὃν ἐδόκην ἄνθρωποι ὡς ἔδεν ὄντα καὶ εἰς ἔδεν χρησιμεύοντα.

⁴⁶⁾ μείλιχον, πραῦν въ Orac. 13, 104, у Lamb., а въ χρησμὸς, изд. Дюканжемъ (Zonaras, in annot. 252, 25, ed. Reg.=Dind. t. VI, р. 200) μῆλιθον πρᾶον, гдѣ, какъ мы уже замѣтили, надо исправить бессмысленное μῆλιθον на μείλιχον.

⁴⁷⁾ γενναῖος Ув.—γενναῖος L. M.—ἀγένειος St. 134.

⁴⁸⁾ ἄρμους Ув.—I. ἄρμους M. ἄρμους—St. ἄρματα, (а δύο отнесено къ σειράς).

σειράς πορφυράς⁴⁹⁾ καὶ σταυροὺς πορφυροῦς⁵⁰⁾ ἔχων ἐπὶ τοὺς δύο ὤμοπλάτας, ἐπὶ τοῦ στήθους δὲ καὶ ἐπὶ τὸν αὐχένα⁵¹⁾ αὐτόφιον⁵²⁾. σειρὰς ἐπὶ τῶν πλευρῶν καὶ ἐπὶ τοῦ τραχήλου καὶ ἐπὶ τῶν μηρῶν καὶ βραχιόνων⁵³⁾. τὸ δὲ ὄνομα τοῦ βασιλέως κεκρυμμένον ἐν τοῖς ἔθνεσιν. ὁμοιοῖ⁵⁴⁾ δὲ τῇ ἐσχάτῃ ἡμέρᾳ τῇ ἑβδόμῃ. γράφεται δὲ καὶ ἀπὸ τοῦ πρώτου γράμματος ἐν τῷ ὀκτωκαιδεκάτῳ, ἤτοι ἐν τῷ τριακοσιοστῷ πρώτῳ. φυλάττων θεοσέβειαν καὶ προφητείαν. ὃν ἐδόκουσαν ἄνθρωποι ὡς οὐδὲν ὄντα⁵⁵⁾, καὶ εἰς οὐδὲν χρησιμεύοντα⁵⁶⁾, ἐπιθήσει⁵⁷⁾ κύριος τὴν χεῖρα αὐτοῦ⁵⁸⁾ ἐπὶ τὴν κορυφὴν αὐτοῦ καὶ χρίσει αὐτὸν ἔλαιον⁵⁹⁾ εἰς⁶⁰⁾ τὰ τέλη τῶν ἡμερῶν. ὃς γραφήσεται ἠλειμμένος καὶ ἐξελεύσεται κατὰ τῶν Ἰσραηλιτῶν καὶ κρατήσεται αὐτούς, ὅτι⁶¹⁾ ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις θλιβήσονται οἱ ἄνθρωποι καὶ δώσουσι τὰ πρόσωπα αὐτῶν ἐπὶ τῆς γῆς, καὶ χοῦν πάσουσιν⁶²⁾ ἐπὶ⁶³⁾ τὰς κεφαλὰς αὐτῶν καὶ βοήσουσι πρὸς κύριον⁶⁴⁾ τὸν θεόν⁶⁵⁾....

⁴⁹⁾ Ув. сп. πορφυράς. Ст. πορφυράς. нѣтъ у L. M.

⁵⁰⁾ Отъ слова πορφυροῦς до слова προφητείαν включительно у Ст. 134 — ничего нѣтъ. За πορφυρῶς начинается новая строка словами: ὃν ἐδόκουσαν....

⁵¹⁾ Мы оставили смѣшеніе падежей.

⁵²⁾ αὐτόφιον Ув. сп., L. M. одинаково. См. ниже объ этомъ словѣ.

⁵³⁾ βραχιῶν Ув. сп.—βραχιόνων L. M.

⁵⁴⁾ ὁμοιοῖ Ув. сп.—ὁμοιοῖ L. ὁμοιοῖ M.

⁵⁵⁾ Послѣ ἄνθρωποι у Ст. οὐδὲν ὄντες οὐδὲν ὄντα.

⁵⁶⁾ На основаніи сихъ словъ мы удержали текстъ Ув. списка выше: ср. прим. 45.

⁵⁷⁾ ἐπιθήσει Ув. сп. L. M. καὶ ἐπιθήσει Ст.

⁵⁸⁾ У Ст. τὴν χεῖρα αὐτοῦ нѣтъ.

⁵⁹⁾ У Ст. 135 передъ ἔλαιον стоитъ τό.

⁶⁰⁾ У Ст. εἰς нѣтъ.

⁶¹⁾ У Ст. ὅτι нѣтъ.

⁶²⁾ πάσουσιν вѣрно въ Ув. сп. и у Ст. 135. L. πάσωσιν, исправлено въ πάσουσιν у M.

⁶³⁾ У Ст. безъ ἐπὶ.

⁶⁴⁾ У Ст. κύριον нѣтъ.

⁶⁵⁾ Послѣ πρὸς κύριον τὸν θεόν въ печат. текстѣ L. и M. слѣд. τὸ ὕρανъ καὶ τῆς γῆς и т. д.

Переводъ № 8. О бѣдномъ и избранномъ государѣ, о которомъ ходитъ молва, извѣстномъ и неизвѣстномъ¹⁾, живущемъ въ первой оконечности Византиды.

Истинный царь, живущій во влажномъ мѣстѣ²⁾ вслѣдствіе зноя, тотъ, котораго люди изгнали изъ его жилища и отдали ложе его на островахъ (?), когда онъ плылъ и ловилъ рыбу

¹⁾ «Извѣстномъ и неизвѣстномъ» у Стефаници нѣтъ.

²⁾ «На окраинѣ» Стеф.

въ седмичномъ седьмомъ¹⁾ году. При кончинѣ Измаильтянъ онъ будетъ открытъ; онъ послѣдуетъ во дни лива (юго-западнаго вѣтра?). И будетъ первый вторымъ, а второй первымъ. И послѣ этого онъ совершитъ побѣгъ²⁾ посреди города на улицѣ Плакотѣ (=улицѣ устланной плитами³⁾), въ день пятницы, въ третьемъ часу дня. И когда трое возмущаются, то третій есть первый. И откроется помазанный; имѣющій открыться проявится радугами и знаменіями⁴⁾. Онъ будетъ оглашенъ видимымъ ангеломъ, обнаружившимся въ образѣ скопца, одѣтаго въ бѣлое одѣяніе⁵⁾; сей скажетъ ему на ухо спящему, и взявъ его за правую руку скажетъ ему: «пробудись, спящій, и возстань изъ гроба и освѣтитъ тебя Христосъ⁶⁾; ибо онъ вызываетъ тебя пасти народъ особенный (=избранный⁷⁾)». И вторично ему скажетъ: «пробудись, спящій, выходи скрывшійся, больше не скрывайся; многіе тебя ищутъ. Всѣ выйдутъ, а ты одинъ войдешь». И въ третій разъ дастъ ему каменные скрижали, на которыхъ вырѣзаны⁸⁾ двѣ заповѣди: «отмстить и языки обратить въ Христіанъ⁹⁾», и нечестіе изгнать, и творящихъ содомскія дѣла пожечь огнемъ. Равно и худыхъ священниковъ изъ святилища изгнать¹⁰⁾ и достойныхъ возстановить къ божественному (ученію) для благоугожденія¹¹⁾ Богу неба и земли». Онъ имѣетъ такія примѣты: ноготь большого¹²⁾ пальца правой ноги имѣетъ наростъ; рѣчь его пріятная, лицо у него красивое, видъ у него женственный; онъ средняго роста, плѣшивъ, съ просѣдью¹³⁾, многоученый и весьма свѣдущій. Онъ прозорливъ, онъ обладаетъ пророчествомъ и сообщаетъ его. Носъ у него крутой, глаза на высококомъ мѣстѣ¹⁴⁾. Онъ бѣденъ; онъ остриженъ и одѣтъ въ рубище, за ненадобностью¹⁵⁾. Онъ будетъ кротокъ и человѣколюбивъ, общи-

1) «въ семидесятомъ» у Стеф.

2) L. M. St. избѣненіе, что ближе къ цѣли автора.

3) Ст. «въ масленосномъ Пактолѣ» (древнее имя рѣчки нынѣ Сарабать), впадающей въ Ермъ (нынѣ Гедис—чай).

4) L. и M. послѣ знаменіями: «Господа».—Ст. послѣ знаменіями: «Христа».

5) Такъ въ лучшемъ видѣ по Ламбецію. По тексту же Ув. сп.: «Открывшемуся въ видѣ скопца, одѣтаго въ бѣлое одѣяніе, будетъ возглашено видимымъ ангеломъ». Это очевидная путаница. Уподобленіе же ангела скопцу въ бѣлой одеждѣ находимъ и въ сказаніи о созданіи св. Софіи.—У Ст. послѣ слова «ангеломъ» прямо: «который скажетъ».

6) Изъ посл. къ Ефес. V, 14, см. выше прим. 23.

7) Изъ посл. къ Титу II, 14.

8) «вырѣзано» въ смыслѣ: «повелѣно ему отмстить за божественный народъ». Стеф.

9) L. «народы сдѣлать добрыми».—Стеф. «нравы улучшить».

10) У Ст. вовсе нѣтъ словъ отъ «нечестіе» до «изъ святилища изгнать» включительно.

11) Въмѣсто «для благоугожденія Богу» у Стеф. «которые благоугодили Богу».

12) «пернаго» Ст.

13) «съ просѣдью» у Ст. нѣтъ.

14) «очищенъ» по Ст.

15) См. прим. 19 къ греческ. тексту.

теленъ, великодушень, страшень, благородень¹⁾). На правой рукѣ у него два состава; на обѣихъ лопаткахъ багрянныя цѣпочки и багрянныя кресты; на груди же и на затылкѣ цѣльнос(?)²⁾; на ребрахъ у него цѣпочки, и на шеѣ, и на бедрахъ, и на верхней части рукъ. Имя же царя скрыто въ языкахъ. Онъ походитъ на послѣдній день, на седьмой. Пишется онъ первою буквою въ осмнадцатомъ, то есть въ триста первомъ. Онъ охраняетъ благочестіе и пророчество. Кого люди³⁾ считали за ничто и за ни на что не годнаго, тому на главу возложитъ Господь свою руку и помажетъ его елеемъ въ концѣ дней. Онъ напишется помазаннымъ и изыдетъ противъ Измаильтянъ, и покоритъ ихъ, потому что въ тѣ дни опечалятся люди и ударятъ лицами въ землю и посыплотъ персть на главы свои и возопіютъ ко Господу Богу.... (здѣсь обрывается выписка подъ № 8).

¹⁾ «Безбородый» по Ст.

²⁾ См. ниже въ примѣчаніяхъ къ № 8.

³⁾ «Люди будучи сами ничто» по Стеф.

Поясненія по № 8. Желающіе получить нѣкоторое понятіе о всей парафразѣ должны обратиться къ тексту, изданному Ламбеціемъ, или къ перепечатанному Миньемъ изъ Ламбеція; въ этой перепечаткѣ негласно исправлены нѣкоторыя вопіющія ошибки*). На приложенный у Минья лат. переводъ Муффле нельзя вполнѣ положиться, какъ видно читателю изъ нашихъ примѣчаній (см. выше). Еще раньше Миньевой перепечатки *Парафраσις* была издана подъ заглавіемъ *Λόγος* Стефаниціемъ въ его *Συλλογή* въ Афинахъ въ 1838 г. См. объ этомъ въ нашемъ предисловіи ст. 33 и 34. Выдержки изъ парафразы, погречески, помѣщены въ статьѣ Веселовскаго «Опыты» Ж. М. Н. П. Май 58—59; тотъ же ученый дѣластъ нѣкоторыя объясненія этой парафразы, которую онъ сравниваетъ съ такъ называемыми Откровеніями Меодія и другими памятниками этого рода (см. тамъ-же далѣе). Онъ приводитъ (ст. 59—60) толкованіе Döllinger'a, съ которымъ не вполнѣ согласенъ (Döllinger. *Der Weissagungsglaube und das Prophetenthum in der christlichen Zeit, Historisches Taschenbuch, fünfte Folge, 1-н Jahrgang* см. стр. 282—283). Предположеніе Веселовскаго, что предсканіе въ *настоящемъ* его видѣ относится ко времени послѣ взятія Константинополя Латинянами и передъ завоеваніемъ его Михаиломъ Палеологомъ, заслуживаетъ полнаго вниманія изслѣдователей апокрифовъ этого разряда (тамъ же стр. 60—61). Въ томъ же году, когда изданы были опыты А. Н. Веселовскаго, вышли въ Парижѣ *Les Oracles de Léon le Sage*, изданные Леграномъ. (*Collection de monuments pour servir*

*) Заглавія см. въ предисловіи, стр. 30.

à l'étude de la langue néo-hellénique. № 5. Nouvelle série.... Athènes.... Paris. 1875). Въ первомъ отдѣлѣ предисловія къ этой книгѣ, принадлежащемъ Г. Жиделю, этотъ ученый находитъ, въ этихъ изданныхъ Леграномъ новогреческихъ стихотвореніяхъ, намеки и указанія на взятіе крестonosцами Цареграда, на Ватація, на Михаила Палеолога, съ чѣмъ нельзя не согласиться (см. стр. 13—15 Otagles). Жидель справедливо видитъ въ этихъ стихотвореніяхъ связь съ такъ называемыми Оракулами Льва. Мы прибавимъ, что нѣкоторыя мѣста ихъ почти дословно воспроизводятъ парафразу Анонима (см. наши примѣчанія къ выше-приведенному греческому тексту (№ 8), а именно прим. 35 и 40).

Картина общаго покаянія, которою оканчивается 8-й отр. Ув. сп., повторена съ новыми подробностями въ той же Парафразѣ, нѣсколько ниже, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: τότε ὀρώντων πάντων καὶ τὸ κύριε ἐλέησον θερμῶς ἐκτενῶς βοῶντων, καὶ τὰ μέτωπα αὐτῶν εἰς τὴν γῆν κρούσαντες, καὶ χοῦν εἰς τὰς κεφαλὰς αὐτῶν πᾶσαντες, καὶ στενάξαντες καὶ δάκρυα χύσαντες διὰ τὴν ἐπούσαν αὐτοῖς θλίψιν, παρακληθήσεται τὸ θεῖον [καὶ] εὐμενῶς προσδέξει τὴν δέησιν αὐτῶν. (Lambes. p. 277 = Migne CVII, p. 1148).

Въ примѣч. 52 къ греч. тексту я общался говорить объ αὐτόφιον. Такъ напечатано это слово у Ламбеція, который держался рукописи Амстердамской; такъ точно написано оно и въ сп. Ув. Изданіе Минья при перепечаткѣ его не измѣнило. Въ примѣчаніяхъ своихъ Л. не коснулся его; при своемъ лат. переводѣ Муффле оставилъ его по-гречески и не перевелъ его. Въ словахъ я его не нашелъ. Основываясь, однако, на томъ, что въ смыслѣ αὐτός, въ средневѣковыхъ текстахъ, да и теперь въ народѣ, часто встрѣчается ατός, мы допускаемъ тождественность приводимаго въ текстѣ Парафразы αὐτόφιον съ новогреческимъ ατόφιο, переводимымъ συμφυές, συνεχές. «Μία κολῶνα ατόφια» значитъ тоже, что μονόλιθος στήλη; tout d'une pièce, объясняетъ Скарлатъ Византій, Λεξικὸν τῆς καθ' ἡμᾶς ἐλληνικῆς διαλέκτου.... ὑπο Σκ. Βυζαντιοῦ, Αθην. 1835, подъ ατόφιος): то есть монолитъ, цѣльная, несоставная колонна. Примѣняясь къ описанію «Парафразы» найдемъ, что это какая-то цѣльная, несоставная вещь, которую ожидаемый царь будетъ носить на груди и на затылкѣ. Чистая ли это выдумка или имѣется для этой вещи какое-нибудь дѣйствительное основаніе—не можемъ рѣшить впредь до отысканія этого единственнаго слова въ какомъ либо другомъ памятникѣ. Какого происхожденія новогреческое ατόφιος? Упомянутый словарь выражается осторожно: ὡς ἐκ τοῦ αὐτοφυῆς. Такое производство правдоподобно, хотя затрудняетъ переносъ ударенія съ послѣдняго слога на допредпослѣдній. Въ Συλλογῇ Стефаници то мѣсто «Парафразы», въ ко-

торомъ по Ламбеціо находится это рѣдкое слово. — выпущено (см. *Στεφανίτζη Συλλογή* стр. 134 къ концу). Ср. наше прим. 50 къ греческому тексту этого нумера 8.

Листка II, А. лицевая сторона.

Вступленіе.

Изображеніе пророка Даніила молодымъ, русымъ, возлежащимъ на ложѣ, съ опущенными вѣками, какъ-бы спящимъ. Одѣтъ онъ въ длинное синее одѣяніе съ рукавами*). Лѣвую руку заложилъ за голову, правую возложилъ на поясницу. Ноги босыя. Передъ пророкомъ стоитъ вооруженный архангелъ Михаилъ съ правою рукою, простертой къ Даніилу, и съ лѣвою, указывающею на небо.

Ув. сп. № 9. Надъ головою пророка:

ΟΠΡΟ   т. е. προφήτης Δανιήλ.
ΔΑΝΙΗΛ   (= «пророкъ Даніилъ»).

Ув. сп. № 10. Въ правомъ нижнемъ углу, въ овальной рамкѣ:

ὄρασις τοῦ δανιήλ το(ῦ) προφήτου.
(= Видѣніе пророка Даніила).

Листка II, Б. оборотная сторона.

Шестистопные ямбы**)

Εἶδεν¹⁾ ἐνύπνιον εὐναζόμενος . .
Ναβουχοδονόσορ γε φρίττων καὶ τρέμων . .
Εἶδε γὰρ ἄνδρα ἐκπλήττων²⁾ (ἰ) πᾶσαν θεάν,
Λίαν ὑψηλὸν ποικιλοχρόω εἶδει³⁾.

¹⁾ Вѣроятно стихъ начинался съ καὶ εἶδεν: въ нынѣшнемъ видѣ не выходитъ размѣра.

²⁾ ἐκπλήττων.—Согласованіе требуетъ здѣсь ἐκπλήττοντα, что однако нарушило-бы размѣръ.

³⁾ Ποικιλοχρόω εἶδει: «съ виду разноцвѣтный»: автору припомнилось слѣдующее описаніе изъ прор. Даніила II, 32: «εἰκὼν, ἧς ἡ κεφαλὴ χρυσοῦ χρυσοῦ, αἱ χεῖρες καὶ τὸ στήθος καὶ οἱ βραχίονες αὐτῆς ἀργυροὶ, ἡ κοιλία καὶ οἱ μηροὶ χαλκοί» и т. д.

*) Въ Гелатскомъ евангеліи надъ заставкой: «Даніилъ (8 л.), молодой человекъ, въ трехъ одѣяніяхъ—нижнемъ зеленомъ, среднемъ красномъ и верхнемъ синемъ, въ синихъ сапогахъ, со свиткомъ въ правой рукѣ» (Описаніе миниатюрь Гелатскаго евангелія, проф. Н. В. Покровскаго. Въ Зап. Отд. Рус. и Сл. Археол. Имп. Р. А. О. СПб. 1887. т. IV, стр. 260).

**) Этотъ отрывокъ не имѣетъ при себѣ нумера; стоять же передъ № 11.

Ἐώραδ' οὕτως⁴⁾ ἕως ὄθου⁵⁾ ἐτμήθη.
 Λίθος ἐξ ὄρους, ἄνευ χειρῶν ἀνθρώπου⁶⁾.
 (Β'λέπ(ε)... ἐδὲ⁷⁾ παντελῶς τὴν εἰκόνα.
 (Κ)αὶ ὁ λίθος (γ)έγονεν εἰς ὄρος μέγα.

⁴⁾ Сп. οὕτως. Быть можетъ οὕτος.

⁵⁾ Въ Ув. сп. ὄθου вмѣсто ὄτου мы оставили, какъ свидѣтельство выговора.

⁶⁾ Стихи 5-й и 6-й соответствуютъ 34-му стиху Даниїла гл. 2: «ἐθεώρεις ἕως ἀπεσχίσθη ἐξ ὄρους ἄνευ χειρῶν» = «видѣль еси дондеже отторжеса камень отъ горы безъ рукъ».

⁷⁾ Первая половина стиха неразборчива.

Переводъ предыдущихъ стиховъ. «Покоясь на ложѣ, Навуходоносоръ увидѣлъ сонъ, трепеща и содрогаясь. Увидѣлъ онъ мужа поразительной наружности, весьма высокаго, съ виду разноцвѣтнаго. И видѣлъ онъ его (въ такомъ видѣ?) до тѣхъ поръ пока не былъ отсѣченъ отъ горы безъ (помощи) рукъ человѣческихъ камень. Посмотри (?) здѣсь (?) сходный образъ. И камень обратился въ гору великую».

Ув. сп. № 11. Подъ этимъ номеромъ помѣщены: 1) выдержка изъ 2-й главы пророка Даниїла, отъ начала главы до середины 19-го стиха; 2) 9 ямбическихъ стиховъ, въ которыхъ кратко передана часть содержанія упомянутой главы Даниїла; 3) выдержка изъ той же главы: отчасти повтореніе того же, что въ выдержкѣ 1-й, а именно стихи отъ 13 (безъ начала) до 18 (безъ конца). Перерывъ кажется на словѣ θεοῦ. Такъ какъ онъ приходится на концѣ 2-го столбца оборотной стороны листка 2-го, то читатель остается въ неизвѣстности о томъ, какъ далеко шли выписки. Выдержекъ изъ Даниїла мы не переписываемъ, такъ какъ онѣ не представляютъ интересныхъ въ какомъ либо отношеніи различій, а вотъ

Шестистопные ямбы (первыя буквы каждаго стиха киноварью).

Ἐπ'. . . . μῶν¹⁾ γέγονε τοῦ ἐνυπνίου.
 Πλησθεῖς²⁾ (?) ὁ ἄναξ φοβερῶς³⁾ τοὺς Ἰουδαίους,
 Μάγους πάντας ἐκάλεσε βιαίως.
 Δηλώσαι (τ)ο(ύτου) καὶ συγκρίναι⁴⁾ τὸ ὄναρ.

¹⁾ Не умѣю дополнить.

²⁾ Въ Ув. сп. πλησθεῖς неладно; быть-можетъ πλήξας.

³⁾ Въ Ув. сп. φοβερῶ; по догадкѣ должно быть φοβερῶς.

⁴⁾ Въ греческомъ текстѣ библіи истолкованіе сна названо σύγκρισις см. Дан. II, 4, 5, 6 и т. д.

Μὴ τυχόντες⁵⁾ δὲ ἀπέκτεινεν ἡμέμενος⁶⁾
 Δαυιδὸς δὲ ἤξατο θεὸν τῶν ὄλων,
 Δήλωσιν αἰτῶν ὑπὲρ τοῦ ἐνυπνίου.
 Πέμψας δ' ἐν νυκτί⁷⁾ (?) θεὸς ἄγγελον τοῦτω.
 (Ἀπεκ)άλυψεν ἅπαντα τὰ πραχθέντα.

⁵⁾ Въ Ув. сп. τυχοντες; мы оставили эту форму, представляющую быть-можетъ именительный независимый; слѣдовало-бы τυχόντας.

⁶⁾ Ув. сп. ημεμενος; Вѣроятно ἡμέμενος, раздраженный.

⁷⁾ Изъ написанныхъ въ сп. буквъ я могу разобрать δὲν υκτί; выцвѣль второй ν. Догадка наша подтверждается словами самого пророка: τότε τῷ Δαυιδὸς ἐν ὄραματι τῆς νυκτός τὸ μυστήριον ἀπεκαλύφθη. (Δαυιδὸς II, 19).

Переводъ стиховъ № 11. «... произошло... сновидѣнія*). Грозно порицая(?) Иудеевъ, царь насильственно (поспѣшно) созвалъ всѣхъ маговъ, чтобъ выяснили и истолковали его сонъ. Такъ какъ истолковать имъ не удалось, то онъ ихъ въ раздраженіи (?) истребилъ. Давидъ же помолился Богу всяческихъ, испрашивая объясненія сновидѣнію. Пославъ ему ночью ангела, Богъ открылъ ему все случившееся».

Листка III, А. лицевая сторона.

Ув. сп. № 12 (вѣроятно).

На миниатюрѣ изображена сидящая свѣтловолосая женщина, передъ которой стоитъ черный чловѣкъ въ чалмѣ, прижимающій руку къ сердцу, какъ-бы въ знакъ вѣрности. Изъ подписи узнаемъ, что это Мухаммедъ. На дальнемъ планѣ—черные люди, жадно пьющіе воду, которая вытекаетъ изъ крещальни: а на еще дальнѣйшемъ—старецъ, благословляющій двухъ отроковъ правою—отрока бѣлаго, а лѣвою—чернаго. Этотъ номеръ содержитъ 7 ямбическихъ стиховъ и лѣтописную выписку.

а. С т и х и.

Ἀρχὴν λαμβάνει γενεὰ νῦν ἐνταῦθα.
 Τοῦ Μωάμεθ κάκιστος(?)¹⁾ ἢ ἀσεβής.
 Ἀρχὴ δὲ ταύτης αἰθίοψ τε ὑπῆρχεν,
 Ὅς ἐλθὼν ὡς δόλιος δόλω δουλεύσει

¹⁾ Сп. κάκιστος ошибочно; вѣроятно τοῦ κακίστου, чѣмъ восстанавливается согласованіе и дополняется стихъ одною стопою, которой недостаетъ въ нынѣшнемъ видѣ.

*) Въ род. пад.

Γυναίκε τινὶ πλουσίᾳ καὶ οἰκείᾳ²⁾,
 Ἡ ἅπαντα δέδωκεν αὐτῷ εἰς χεῖρας
 Διοικεῖν αὐτὸς ὡς πιστὸς ὑπηρετής.

²⁾ Сп. ἰκία. Сравни у Георгія Амартола: «εἰσῆλθε πρὸς τινα γυναῖκα πλουσίαν (μισθωτεῦσαι αὐτῇ) συγγενίδα αὐτοῦ οὔσαν» (Georg. Hamart. ed. Muralt p. 591; гдѣ ссылака на Cedrenus 738,20 и 739,8). У Θεοφана: «ἔδοξε αὐτῷ εἰσελθεῖν πρὸς τινα γυναῖκα πλουσίαν, συγγενῆ αὐτῆ οὔσαν, ὀνόματι Χαδίγα, μισθωτὸν ἐπὶ τῷ καμηλεύειν καὶ πραγματεύεσθαι ἐν Αἰγύπτῳ καὶ Παλαιστίνῃ. Theoph. Chron. Probe einer neuen krit.-exeg. Ausgabe v. Tafel 126 и прим. издателя къ строкѣ 7.

Переводъ стиховъ. «Здѣсь нынѣ получаетъ начало нечестивый родъ злѣйшаго Моамеѳа. Началомъ этого рода были Эѳіоплянинъ, который, подошедъ какъ обманщикъ, обманно будетъ служить одной богатой родственницѣ, сдавшей ему все на руки, чтооу самъ управлялъ, какъ вѣрный слуга».

б. Лѣтописная выдержка.

Εἰσὶ δὲ ἀφ' οὗ ἀνεφάνη ὁ κατάρτος Μωάμεθ ἐκ¹⁾ τῆς ἀλώσεως Κωνσταντινουπόλεως ἔτη ψμζ²⁾ ἀνεφάνη δὲ οὗτος ὁ ἀσεβὴς ἐν ἔτει ἀπὸ κτίσεως κόσμου στριδ³⁾, ἀπὸ δὲ τῆς τοῦ κυρίου γεννήσεως χστ. ἐν ἔτει⁴⁾ τε τῆς βασιλείας Ἡρακλείου τοῦ βασιλέως τῶν Ῥωμαίων. Ἐπὶ τῷ αὐτῷ ἀνεφάνη Μωάμεθ ὁ τῶν Σαρακηνῶν ἀρχηγὸς ἐκ τῆς Αἰθρίβου⁵⁾ ἐξελθόντων καὶ τῷ βασιλεῖ ὑπαντήσας καὶ τόπον αἰτησάμενος εἰς κατοίκησιν⁶⁾, οὐπερ καὶ ἔτυχεν.

¹⁾ Сп. ἐκ, но должно быть ἕως, до; изъ чего вѣроятно это неправ. написаніе и вышло.

²⁾ Сп. ψμζ.

³⁾ Сп. στριδ.

⁴⁾ Сп. ετη, при чемъ пропущено обозначеніе года воцаренія Иракліева.

⁵⁾ Сп. ἔθριβου.—Αἰθριβος лѣтописей есть Ἰάθριππα Птолемея, нынѣшній Ятреѳъ (= Медина).

⁶⁾ Въ Ув. сп. здѣсь какой-то нескладный наборъ буквъ, намскающихъ на κατοίκησιν, что оказывается согласнымъ и со смысломъ разсказа, и съ чтеніемъ εἰς κατοίκησιν у Georg. Ham., Mиг., 571.

Переводъ лѣтописной выдержки. «Лѣтъ-же отъ появленія проклятаго Моамеѳа до*) взятія Константинополя 847. Появился же сей нечестивецъ въ лѣто отъ сотворенія міра 6114, отъ рождества же Господня 606, въ лѣто царствованія римскаго (=ромейскаго) царя Иракліа... При немъ же появился Моамеѳъ, военачальникъ Саракиновъ, вышедшихъ изъ Эерива, и, встрѣтивъ царя, испросилъ себѣ для населенія мѣсто, которое и получилъ».

*) См. греч. текстъ и прим. 1.

Примѣчанія къ № 12. Приведенные стихи очевидно основаны на лѣтописныхъ извѣстіяхъ, отъ которыхъ они существенно отличаются тѣмъ, что въ нихъ происхожденіе Мухаммеда ведется отъ Эѳіоповъ, а не отъ Саракиновъ. Это не иное что, какъ уклоненіе въ сторону Меѳодіевыхъ, такъ называемыхъ, откровеній. Слѣдующій за стихами лѣтописный отрывокъ изложенъ безтолково. Заключающіяся въ немъ свѣдѣнія сравни съ слѣдующими: «Μωάμεθ ὁ τῶν Σαρακηνῶν ἀρχηγὸς καὶ ψευδοπροφήτης». *Treoph. Chron.*, Tafel 123—4 и дальше его происхожденіе отъ Измаила, сына Авраамова.— «Ἐκ τοῦ Αἰθρίβου λεγομένου Σαρακηνοὶ διεφαίνοντο» *Nicerphorus arch. Constanst. ed. De Boor*, p. 21.— «Μωάμεθ ὁ τῶν Σαρακηνῶν φύλαρχος ἐκ τῆς Αἰθρίβου προῖών (Zonaras, Pag. 86=Dind. III, 310, 311).— «Ὁ τῶν Σαρακηνῶν ἀρχηγὸς καὶ ψευδοπροφήτης Μουχοῦμετ» (*Georg. Hamart. Mur.* p. 591).

Листка III, Б. оборотная сторона.

На этой страницѣ читаемъ отрывки изъ такъ называемыхъ откровеній Меѳодія*). При первомъ изъ этихъ отрывковъ не поставлено никакой изъ тѣхъ цифръ, которыя сдѣланы позднѣйшею рукой, такъ что этотъ отрывокъ является, какъ продолженіе предыдущаго № 12. Впрочемъ весьма быть можетъ, что эта страница есть лицевая, а та, на которой мы видѣли изображеніе Мухаммеда съ двумя подписанными подъ низомъ отрывками, есть оборотная. Къ тексту Ув. списка мы приложили разночтенія изъ (*Grynæi*) *Monumenta Orthodoxographa. Basileae* (1569 г. см. ст. 95); которыя въ ссылкахъ изображаемъ чрезъ *Og.*—Сличенія съ рус. стар. перев. № 1 заимствованы изъ *Памятниковъ отреченной русской литературы, собр. и изд. Н. Тихонравовымъ. Т. II. 217—218.*

(Καὶ ἐπέχρισεν αὐτὰς ἀσυγχύτῃ¹⁾, ἵνα ἐὰν βο(ύ)ληται τις²⁾ ἀνοῖξει αὐτὰς σιδήρῳ, μὴ δύναται³⁾, ἢ⁴⁾ διαλύσει αὐτὰς⁵⁾ πυρί. ἢ γὰρ φύσις

¹⁾ Ув. сп. ἀσυγχήτως.—*Orth.* ἀσύγχυτον.—Мы читаемъ: ἀσυγχύτῃ.—Рус. стар. переводъ: № 1 асингитомъ (*Памят. Тихон. 217*).—Въ заимствованномъ изъ Меѳодія мѣстѣ древней русской лѣтописи *соуноклитомъ* (160). Въ старинномъ латинскомъ переводѣ, прилож. къ *Orthod: et induxit, eas Assurim* p. 105.

²⁾ Ув. сп. βό(υ)ληται τις.—*Og.* βῆλλονται ὀεζὲ мѣстоим.

³⁾ *Og.* δυναθῶσι.

⁴⁾ Ув. сп. ἢ.—*Og.* ἢ.

⁵⁾ *Og.* нѣтъ αὐτάς.

*) Ср. наше предисловіе стр. 35.

τοῦ ὀσυχύτου οὐδὲ σ(ι)δήρου ὑφίσταται κατάλυσιν, οὔτε⁶⁾ πυρός⁷⁾ διάλυσιν. ἐν τούτοις⁸⁾ ἀπέκλεισεν αὐτὴν τὴν μιарάν⁹⁾ καὶ ἀπάνθρωπον καὶ μισόθεον δύναμιν¹⁰⁾, ὥστε μὴ δύνασθαι αὐτοὺς μήτε πυρὶ μ(ήτε σιδήρῳ ἢ)¹¹⁾ οἰαδηποτοῦν ἐπινοίᾳ τὰς τοιαύτας (διαλύσαι¹²⁾ πύλας καὶ ἀποδράσαι¹³⁾ (Ἐν δὲ ταῖς ἐσχάταις¹⁴⁾ ἡμέραις κατὰ τὴν τοῦ Ἰεζεκιήλ (προφητεῖαν¹⁵⁾ λέγουσαν¹⁶⁾).

6) Ув. сп. οὔτε.—Ог. οὐδὲ.

7) Ув. сп. πρὸς.—Ог. πυρός.

8) Ув. сп. αὐτὴν.—Ог. αὐτῶν.

9) Ув. сп. μιарάν.—Ог. мусаран.

10) Ув. сп. послѣ мисόθεон прямо δύναμιν, а въ Ог. послѣ мис. слѣдуетъ κατήρησε δυναστείαν.

11) Ув. сп. слова μήτε σιδήρῳ ἢ отчасти стерлись;—они есть въ Orth. Ср. «ни желѣзомъ» Памятн. Тихон. II, 217 (перев. № 1).

12) Ув. сп. первые два слога стерлись.—Ог. ἀναμοχλεύσαι.—Пам. раз-
дроушити.

13) ἀποδράσαι вм. ἀποδράναι.

14) Въ Ув. сп. по стертому мѣсту вѣроятно стояли поставленные нами въ скобки слова. Это подтверждается Ог., рус. пер. № 1, и послѣ-
дующимъ текстомъ Ув. сп.

15) Въ Ув. сп. стерлось; но больше нечему бытъ какъ проφητεῖαν, да и въ стар. русскомъ № 1, «прорчство» гласящее.

16) Слово κατὰ τὴν τοῦ Ἰεζεκιήλ проφητεῖαν λέγουσαν ὁ προφήτης Ἰεζε-
киήλ—въ Ог. нѣтъ, а въ рус. пер. они есть. Имѣются въ виду главы 36
и 39 пророка Іезекиіа.

Ув. сп. № 13 (киноварью):

ὁ προφήτης Ἰεζεκιήλ*)
(= «Пророкъ Іезекиль»).

Послѣ этого заглавія, слѣдуетъ въ Ув. сп. проѣлъ въ 12—
14 строкъ. Въ текстѣ же Orthodoxographa за ἀποδράσαι нѣтъ ни-
какого перерыва, ни даже знака препинанія, а прямо слѣдуютъ
слова ἐν δὲ ταῖς ἐσχάταις ἡμέραις τῆς συντελείας τοῦ κόσμου, ἐξε-
λεύσεται Γῶγ καὶ Μαγῶγ и т. д.

Ув. сп. № 14.

ἐν ταῖς ἡμέραις τῆς συντελείας τοῦ κόσμου ἐξελεύσεται γῶγ καὶ
μαγῶγ, οἵτινες εἰσὶν ἔθνη καὶ βασιλεῖς, οὓς καθείρξεν¹⁾ ὁ²⁾ Ἀλέξαν-
δρος ἐν τοῖς πέρασιν τοῦ βορρᾶ. Послѣ словъ τοῦ βορρᾶ въ Ув. сп.
слѣдуетъ перечень народовъ, который мы здѣсь выписываемъ такъ, чтооъ
каждый народъ стоялъ особо; затѣмъ мы сопоставляемъ съ этимъ напи-

1) Ув. сп. καθήρξεν.—Ог. καθείρξεν.

2) Ув. сп. ὁ, въ Ог. члена нѣтъ.

*) Густое придыханіе въ подлинникѣ.

саніемъ то, которое находится въ Orthod., а также и написаніе старинныхъ переводовъ—Русскаго по Тихонр. и Латинскаго по Orthod.—Затѣмъ продолжаемъ рассказъ опять только по Ув. сп. Въ преданіи о Гогѣ и Магогѣ проф. А. Н. Веселовскій отличаетъ 4 момента. Ж. М. Н. П. 1875, Апрель 313, пр. I.

Стар. лат. пер.	Ув. сп.	Monum. Orth. (p. 95)	Рус. пер. № 1.
Mon. Orth.—p. 105.			Т. II, 217—8.
Gog et Magog	γὼγ καὶ μαγὼγ	Γὼγ καὶ Μαγὼγ	гогъ, ѣ магогъ,
Mosachet Thubal	καὶ ἀνθρώπων	καὶ ἀνὰγ	анигъ
et Anog et Ageg,	καὶ γὰς ³⁾	καὶ γίγ.	и анигъ.
et Athenat,	καὶ ἔβιαλιζὰς	καὶ ἀκελίαζ.	ѣвхеназъ,
et Serphar,	καὶ διφάρ.	καὶ Διφάρ.	ѣ дифаръ.
et Pothim Hei	φωτιναῖοι.	Φωτιναῖοι,	фотіане,
et Libii,	λιβαῖοι.	Λεβαῖοι	
et Agrimardi	ἀνέοι.	Ἐνναῖοι,	
et Alan,	χαριζαῖοι	Χαριταῖοι,	ѣ фарзен.
	δεκελιμοι.	Δικελμοί,	деклими,
	δερματιανοί.	Δερματιανοί,	ѣ зармате.
	χαναναῖοι.	Χαναναῖοι,	флеве, и зарматѣне.
	αιμάχα.	Ἀμαχαхарτοί,	хахоне,
	.....	Γαρμοιαδέοι.	ѣ амарзарее.
et Anufagi, qui di-	ἀνθρωποφάγοι.	ἀνθρωποφάγοι,	гарміаде,
cuntur Cinocephali,			и члѣко'ядци.
et Caribei	οἱ λεγόμενοι κυνοκέ-	οἱ λεγόμενοι κυνοκέ-	псоглавци,
et Thasbei,	φαλοὶ ⁴⁾ .	φαλοὶ.	
et Phisolonicì,	σερβοι	Θαρβυοί,	и асардеалане,
et Arcenei,	ἀλλανοί.	Ἀλανοί,	
et Saltarei.	φισολονικίοι.	φιλονικίοι,	и фазлиники,
	ἀρσυνεοι.	Ἀρσιναῖοι,	ѣркнее,
	ἀσανταριοι.	Ἀσαντάριοι,	ѣ салтаре ⁵⁾ .

οὗτοι οἱ κβ'. βασιλεῖς καθεστήκασιν ἐν φρουρᾷ ἔνδον τῶν πυλῶν, ἃς⁶⁾ ὁ Ἀλέξανδρος ἠσφαλήσατο. τελευτήσαντος δὲ τοῦ Ἀλεξάνδρου ἔβασίλευσαν δὲ⁷⁾ ἀντ' αὐτοῦ οἱ τέσσαρες⁸⁾ παῖδες αὐτοῦ⁹⁾

³⁾ Изъ καὶ ἀνθρώπων καὶ γὰς кажется возникли καὶ ἀνὰγ καὶ γίγ, анигъ и анигъ, et Anog et Ageg.

⁴⁾ κυνοκέφαλοι, псоглавци.— Они изображались на старинныхъ русскихъ лицевыхъ апокалипсисахъ. См. Буслаевъ, Русскій лицевой апокалипсисъ, Москва, 1884.— Кинокефалы вошли въ Откр. Меѳодія, вѣроятно, изъ Александриады, а ея заимствованы изъ Псевдо-Каллисѳена, который сказываетъ, что Александръ истреблялъ ихъ огнемъ. Pseudo-Callisthenes, ed. C. Müller (при Argiani Anabasis).—(Didot).

⁵⁾ Продолжаемъ выписку прежнимъ порядкомъ.

⁶⁾ Ув. сп. ἃς.—Ог. ὧν.

⁷⁾ Ув. сп. δὲ, здѣсь неумѣстнос. Въ Ог. его нѣтъ.

⁸⁾ Ув. τέσσαρες, Orth. δ., что означаетъ также «четыре».

Ув. сп. № 15.

ὁ θάνατος τοῦ Ἀλεξάνδρου.
(=смерть Александра).

За этимъ заглавиемъ, писаннымъ киноварью, проѣлъ строкъ въ 10—12: несмотря на то текстъ Μεθοδιєвыхъ откровений по Ув. сп. совпадаетъ здѣсь съ текстомъ Monum. Orth. и рус. пер. № 1.

Ув. сп. № 16. Перв. 2 стр. въ сп. (киноварью)

Χουσηθ δὲ¹⁾ ἡ μήτηρ²⁾ αὐτοῦ ἀνέλυσεν ἐν τῇ ἰδίᾳ πατρίδι, ἐν τῇ Αἰθιοπίων χώρᾳ. Βύζας οὖν, ὁ κτίσας τὸ Βυζάντιον³⁾ ἀπέστειλεν⁴⁾ ἐν τῇ Αἰθιοπία πρὸς Φολ βασιλέα Αἰθιοπίων Γερμανικόν⁵⁾ τὸν ἀρχιστράτηγον αὐτοῦ καὶ εἰρήνευσε⁶⁾ μετ' αὐτοῦ, γράψας οὕτω⁷⁾ περὶ Χουσηθ⁸⁾ τῆς μητρὸς Ἀλεξάνδρου, ὅπως λάβῃ αὐτὴν ἑαυτοῦ⁹⁾ εἰς γυναῖκα καὶ συμβασιλε(ύση) αὐτῷ¹⁰⁾. δεξάμενος οὖν Φολ ὁ βασιλεὺς τὰ γράμματα παρὰ τοῦ Γερμανικοῦ¹¹⁾ καὶ ἑωρακῶς καὶ¹²⁾ παρ' αὐτοῦ φιλοτιμίας¹³⁾ δεξάμενος λίαν¹⁴⁾ ἠυφράνθη¹⁵⁾. Ἀνέστη οὖν καὶ αὐτὸς καὶ συναγαγὼν ἐξ ὅλων τῶν Ἰνδῶν Αἰθιοπίας, λαβὼν δὲ καὶ τὴν θυγατέρα αὐτοῦ Χουσηθ¹⁶⁾ μετ' αὐτοῦ ἐπορεύθη εἰς Βύζαν, ἔχων μετ' αὐτοῦ μβ'.¹⁷⁾ χιλιάδας ἐθνῶν. καὶ ἐδεξιώθη ὑπὸ τοῦ Βύζαν¹⁸⁾ ἐξωθεν τῆς πόλεως ἐν Χαλκηδόνι. πλησθεὶς οὖν θυμηδίας εἰσήλθεν ὁ Φὸλ¹⁹⁾ βασιλεὺς

¹⁾ Orth. χουσίδε.

²⁾ ἡμηρ въ Ув. сп.—Ог.: καὶ ἡ μήτηρ.—Рус. пер. № 1: Хоуснеа же мати его, **аже ѡ ѡмнѣицадѣ.**

³⁾ Ув. сп. τὸ βυζάντιον.—Ог. бύζан.—Рус. пер. № 1: визъ грѣ.

⁴⁾ Такъ въ Ув. сп. и въ Orth.; пер. рус. I посла по морю.

⁵⁾ Ув. сп. γερμανικόν, Ог. Γερμανόν.—Ст. рус. пер. Германика, ст. лат. пер. Germanicum. p. 105.

⁶⁾ Ув. сп. καὶ εἰρήνευσαι.—Ог. εἰρήνευσαν.—рус. пер. № 1 **и смирица съ нимъ.** Читай: εἰρήνευσε.

⁷⁾ Ув. сп. οὕτω. Ог. безъ этого слова.

⁸⁾ Ув. сп. περὶ потомъ стерто.—Ог. περὶ χουσηθ.—Это имя мы внесли въ текстъ.

⁹⁾ Ув. сп. ἑαυτοῦ.—Ог. ἑαυτῷ, что лучше: ср. руск. пер. **ако да понметъ а въ жемъ себѣ.**

¹⁰⁾ Ув. сп. καὶ συμβασιле(ύση) αὐτῷ, что лучше, чѣм. Orth. καὶ βασιλεύση αὐτῇ. Пер. рус. № 1 просто: **и цѣтуетъ.**

¹¹⁾ Orth. Γερμανοῦ.

¹²⁾ Ув. сп. καὶ, Ог. на мѣстѣ этого слова τὰς.

¹³⁾ Ог. передъ δεξάμενος стоитъ καὶ, что лучше.

¹⁴⁾ Ув. сп. λίον, О. ἄγαν.

¹⁵⁾ Ув. сп. ἠυφράνθη, Ог. εὐφράνθη.

¹⁶⁾ Ог. τὴν χουσηθ (безъ мет' αὐτοῦ).

¹⁷⁾ Ув. сп. μβ', О. τεσσαράκοντα δύο, что все равно.

¹⁸⁾ Ог. ἀπὸ βύζαν.

¹⁹⁾ О. φολ безъ ὁ.

εις Βύζαν και ἔλαβε Βύζας ὁ βασιλεὺς τὴν Χουσιῆθ, θυγατέρα Φόλ, βασιλέως Αἰθιοπίας. Ἐξ ἧς ἐτέχθη αὐτῷ θυγάτ(ριον²⁰), ὃ ἐπ(ωνόμα-σεν²¹) ἐπὶ τῷ ὀνόματι²²) τῆς πόλεως Βυζαν(τι)αν. ταύτην τὴν Βυζαν-τιαν ἔημε²³) Ῥωμύλος²⁴) ὁ βα(σ)ιλεὺς, ὅς και τὴν Ῥώμη(ν) ἔκτισεν²⁵). Τέτοκε δὲ αὕτη ἡ Βυζαντίς²⁶) (τ)ρεῖς υἱούς. και τὸν μὲν πρῶτον ὀνόμασε²⁷) κατὰ τὴν προσηγορίαν τοῦ πατρὸς Ῥωμύλον²⁸), τὸν δὲ δεύ-τερον Οὐρβανόν²⁹), τὸν δὲ τρίτον Κλαύδιον.. Ἐβασίλευσαν οὖν ἑκάτε-ρο(ι), ὃ μὲν Ῥωμύλος ἐν Ῥώμη ἀντὶ Ῥωμύλου τ(οῦ) πα(τρὸς ἁ)υτοῦ³⁰). Οὐρβανὸς δὲ παρέλαβε Βύζαν τὴν (π)όλιν, Κλαύδιος δὲ Ἀλεξάνδρειαν, και κατεκράτησεν οὖν τὸ σπέρμα Χουσιῆθ θυγατρὸς Φόλ βασιλέως Αἰθιοπίας, τὴν τε τῶν Μακεδόνων και Ῥωμαίων³¹) και Ἑλλήνων³²) βασιλείαν³³) ἕως τοῦ αἰῶνος³⁴). τοίνυν ἡ βασιλεία τῶν Ἑλλήνων, ἣτις ἐστὶ τῶν Ῥωμαίων ἐκ σπέρματος Αἰθιοπίων οὔσα³⁵), αὕτη προφθάσει χεῖρα αὐτῆς τῷ θεῷ κατὰ τὴν προφητικὴν ἔκφαντορί(αν)³⁶).

Ἐκ σπέρματος γὰρ Αἰθιοπίας συνίσταται ἡ βασιλεία τῶν Ῥωμαίων, και κέκτηται σέβασμα τὸ μέγα ζύλον τοῦ τιμίου και ζωοποιοῦ σταυ-ροῦ, φύλαξ και τοῖχος³⁷) κατὰ πάσης³⁸) ἀντικειμ(ένης)³⁹) δυνάμεως, οὐκ ἔστι γὰρ⁴⁰) ἔθνος ἡ⁴¹) βασιλεία ὑπὸ τὸν οὐρανόν, δυναμένη κατα (δυ-

²⁰) Ув. сп. θυγατριον; послѣднія 5 буквѣ трудно различить. Ог. θυγά-τριον, р. п. I дѣтн.

²¹) Ув. сп. ὃ ἐп ясно, остальное стерлось. Orth. ὃ ἐπωνόμασεν, рус. пер. I же нарѣ.

²²) Ог. τὸ ὄνομα.

²³) Ог. ἔλαβεν.

²⁴) Ув. сп. ῥωμῆλος. О. Ῥώμυλος.

²⁵) Ог. ὃ και τὴν Ῥώμη(ν) κτίσας.

²⁶) Ог. ἡ Βυζαντία.

²⁷) Ог. ἐπωνόμασε.

²⁸) У. ρωμῆλον, Ог. Ῥώμυλον.

²⁹) У. οὐρβανон. Ог. Орбанон. Первое вѣрнѣе: ср. лат. переводъ Urbanum. 106.

³⁰) Ог. αὐτῶν.

³¹) Ог. передъ ῥωμαίων стоитъ τῶν.

³²) Ог. передъ ἑλλήνων стоитъ τῶν.

³³) Ог. βασιλείων.

³⁴) Ог. τῶν αἰώνων.

³⁵) Ув. сп. и Ог. οὔσαν.—Поправка οὔσα наша.

³⁶) Изъ Псалт. 67, 32: «Αἰθιοπία προφθάσει χεῖρα αὐτῆς τῷ θεῷ» «Ἐ-ιόπια предкариѣ рѣки своѣ кѣ Бѣг».

³⁷) Ув. сп. τοῖχος, Ог. τεῖχος.

³⁸) Ув. сп. και κατάστασις, Ог. κατὰ πάσης. Первое чтение по ошнѣкѣ произошло изъ втораго, мы исправили по Ог.

³⁹) Ув. сп. ἀντικειμ, остальное стерлось, Orth. ἀντικειμένης.

⁴⁰) Ог. δὲ.

⁴¹) Ув. сп. η, О. ἡ.

ναστεύ(σαι⁴²) τῆς βασιλείας τῶν Χριστιανῶν. προ(σέχετε⁴³) οὐν τί Παυ-
λος ὁ θεσπέσιος ἀπόστολος (προ)εἶπε⁴⁴) περὶ τῆς ἐσχάτης ἡμέρας
καὶ (τῆς⁴⁵) τῶν Ῥωμαίων βασιλείας⁴⁶).

⁴²) Ув. сп. середина стерлась, Ог. καταδυναστεύσαι.

⁴³) Ув. сп. про ясно, остальное неясно, Ог. προσέχετε.

⁴⁴) Ув. сп. начало неясно, Ог. προεἶπε.

⁴⁵) Ув. сп. τῆς стерлось, Ог. τῆς.

⁴⁶) Здѣсь оканчивается листокъ IV Ув. списка. Въ Orth. и въ рус. пер. № 1 слѣдуютъ слова апостола Павла изъ 2 посл. къ Солунянамъ II, 1—4 о пришествіи челоуѣка беззаконія и сына погибельнаго, а за ними, произвольное толкованіе на это мѣсто самого автора этого лже-откровенія. Ср. Веселовскаго «Опыты» въ Ж. М. Н. П. 1875, Апрель, 309.

Переводъ №№ 12—16). И помазалъ ихъ*) асинхитомъ, дабы въ случаѣ, что пожелалъ бы кто отпереть ихъ желѣзомъ или растопить огнемъ, то не могъ бы это исполнить, такъ какъ асинхитъ, по свойству своему, не можетъ быть ни сокрушенъ желѣзомъ, ни растопленъ огнемъ. Вотъ и заперъ онъ эту мерзкую, безчеловѣчную и богоненавистную силу: такъ что они не могли ни огнемъ, ни желѣзомъ, ни какимъ либо ухищреніемъ разрушить врата и убѣжать... (Въ послѣдніе?) дни по пророчеству Даниила, гласящему... № 13. Пророкъ Іезекиль**). № 14. Во дни кончины міра выйдутъ Гогъ и Магогъ, которые суть и народы и цари, которыхъ заключилъ Александръ въ предѣлахъ сѣвера,—Гога и Магога, людей(?) и земли(?), и Евіаликсовъ и Дифаровъ, Фотинеевъ, Ливеевъ, Анеевъ, Харизеевъ, Декелимовъ, Дерматіановъ, Хананеевъ, Эмазовъ....., Людоѣдовъ, такъ называемыхъ Псоголовыхъ, Сербовъ, Аллановъ, Фисолоникіевъ, Арсинеевъ, Асантаріевъ. Сіи двадцать два царя находятся подъ стражей за вратами, затворенными Александромъ. По смерти же Александра на мѣсто его царствовали четверо его сыновей. № 15. Смерть Александра. № 16. Хусиѣ же, мать его, воротилась на свою родину, въ землю Эіопскую. Виза же, построившій Византію, отправилъ въ Эіопію къ Фолу, царю эіопскому, своего военачальника Германика, и заключилъ съ нимъ миръ, написавъ слѣдующимъ образомъ о Хусиѣ, матери Александра, чтобъ тотъ на ней женился и чтобъ она съ нимъ вмѣстѣ царствовала. Царь Фоль, принявъ отъ Германика посланіе и увидавъ и принявъ отъ него дружелюбіе (дары?), очень обрадовался. И такъ онъ поднялся, и набравъ (людей) изъ всѣхъ Индовъ Эіопіи, и взявъ съ собою и дочь свою Хусиѣ, отправился въ Визу, имѣя съ собою сорокъ двѣ тысячи народу. И былъ онъ принять

*) Т. е. Александръ Македонскій помазалъ мѣдныя врата.

***) Мы повторили здѣсь № 13 для того, чтобы виднѣе было взаимное отношеніе нумеровъ.

Визою внѣ города въ Халкидонѣ; и исполненный радости царь Фолъ вступилъ въ Визу, и царь Виза взялъ Хусиоѣ, дочь Фола, царя эѳіопскаго. Отъ нея родилась у него дочь, нареченная по имени города Византіей. На этой Византіи женился царь Ромиль, который построилъ Рому*). Эта Византида**) родила трехъ сыновей: перваго нарекла по имени отца его Ромиломъ, втораго Урваномъ, третьяго Клавдіемъ. Всѣ они царствовали:— Ромиль въ Ромѣ вмѣсто отца своего Ромила; Урванъ же получилъ Визу градъ, а Клавдій Александрію. Итакъ сѣмя Хусиоѣ, дочери Фола, царя эѳіопскаго, овладѣло царствами Македонскимъ и Ромейскимъ (Римскимъ) и Эллинскимъ до вѣка. Итакъ, царство Эллинское, которое есть Ромейское (Римское), происходитъ отъ сѣмени Эѳіоповъ, оно-то и «предваритъ руку свою къ Богу», по пророческому изреченію. Ибо отъ сѣмени Эѳіопіи произошло царство Ромеевъ (Римлянъ), и приобрѣло почитаніе великое древо честнаго и житворящаго креста: это охрана и стѣна отъ всякой сопротивной силы; ибо нѣтъ народа или царства подъ небомъ, могущаго овладѣть царствомъ Христіанъ. Внемли же тому, что предрекъ богоглаголивый апостоль Павелъ о послѣднемъ днѣ и о царствѣ Ромеевъ (Римлянъ***).

Общее примѣчаніе о листкѣ IV.

О листкѣ IV, его лицевой и оборотной сторонѣ см. въ предисловіи.

Листка V, А. лицевая сторона.

Изображеніе города во всю страницу, раскрашенное; на первомъ планѣ выстроились другъ противъ друга войска—римское и аравійское; дальше на двухъ балконахъ одного изъ домовъ—молящіяся женщины. Въ верхнемъ правомъ углу картинки слѣдующая надпись по новогречески:

Ув. сп. № 17а.

ὁ μεγαλύτατος πόλεμος ὅπου¹⁾ ἐγένετον²⁾ ἀνὰ μέσον τῶν Χριστιανῶν καὶ τῶν Ἰσμηλιτ(ῶν)³⁾ ἐν τῇ πόλει Γαβαῶ.

(= Величайшая битва, которая произошла между Христіанами и Измаильтянами въ городѣ Гавад).

¹⁾ ὅπου въ смыслѣ мѣстоименія относительнаго.

²⁾ ἐγένετον вм. ἐγένετο согласно съ произношеніемъ въ нѣкоторыхъ говорахъ.

³⁾ Ув. сп. ἰσμηλιτ(ῶν):

^{*)} Т. е. Римъ.

^{**)} Въ Ув. сп. въ 1-й разъ названа она Βοζαντία, а во 2-й Βοζαντίс.

^{***)} Смори примѣчаніе 46 къ греческому тексту №№ 12—16.

Πρὶν ἄλλο. Эта надпись имѣетъ отношеніе къ тексту Меѳодіева Откровенія, какъ можемъ судить изъ содержанія стр. 96 Monumenta Orthodoxographa. Приведемъ относящійся сюда отрывокъ по Mon. Orth. и приложимъ къ нему нашъ переводъ:

«ἀλλὰ καὶ αὐτοὶ ἐκκοπίσης¹⁾ αὐτῆς τῆς τῶν Περσῶν βασιλείας καὶ ἀναλωθείσης, ἐπαναστήσονται κατὰ τῶν Ῥωμαίων οἱ υἱοὶ Ἰσμαὴλ καὶ ἀντιτάξονται τῆς βασιλείας²⁾ τῶν Ῥωμαίων, ἀριθμῶ κυκλούμενοι ἐβδομαδικῶ ἐβδόμῳ χρόνῳ, διότι ἤγγικεν ἡ συντελεία καὶ οὐκ ἔστι μῆκος χρόνου ἔτι· ἐν γὰρ τῇ ἐσχάτῃ χιλιετηρίδι ἦτοι τῆς ἐβδόμης³⁾ ἐν αὐτῇ ἐκρίζεται ἡ τῶν Περσῶν βασιλεία καὶ ἐν αὐτῇ ἐξελεύσεται⁴⁾ τὸ σπέρμα τοῦ Ἰσμαὴλ ἐκ τῆς ἐρήμου ἦτοι τοῦ Ἐθρίβου⁵⁾ καὶ ἐξιόντες⁶⁾ συναχθήσονται εἰς Γαβαῶν τὴν μεγάλην ὁμοθυμαδὸν καὶ πληρωθήσεται τὸ ῥῆθὲν διὰ τοῦ προφήτου Ἰεζεκιὴλ «οὐκ ἀνθρώπου, κάλεσον τὰ θηρία τοῦ ἀγροῦ καὶ τὰ πετεινὰ τοῦ οὐρανοῦ καὶ πρότρεψαι αὐτὰ λέγων συναθροίσθητε καὶ δεῦτε ἴδετε, ὅτι θυσίαν μεγάλην θύσομαι, καὶ φάγετε σάρκας δυναστῶν καὶ πίετε αἷμα γιγάντων⁷⁾» ἐν ταύτῃ γὰρ τῇ Γαβαῶν πεσοῦνται στόματι μαχαίρας ἀπὸ τοῦ σπέρματος Ἰσμαὴλ, ὃς ἐπκέκληται ὄνος ἄγριος...»⁸⁾.

¹⁾ Въ Og. ἐκκοπίσης, должно быть ἐκκοπέισης.

²⁾ Правильно ὄβλιο-ὄβι τῇ βασιλείᾳ.

³⁾ Og. τῆς ἐβδόμης, нужно ὄβι τῇ ἐβδόμῃ.

⁴⁾ Og. опечатка: ἐξελεύσεται.

⁵⁾ Такъ въ Og.; принято писать Αἰθρίβη.

⁶⁾ O. ἐξιόντες.

⁷⁾ Слова Orth., вставленные нами въ кавычкахъ, взяты изъ пророка Іезекиїля 39, 17—18, хотя нѣсколько переназначены. Въ этомъ переназначенномъ видѣ переданы они и въ старинномъ рус. пер. Меѳодія № 1. (Пам. Тих. II, стр. 220), съ выпускомъ въ началѣ словъ: οὐκ ἀνθρώπου.

⁸⁾ Последнее предложеніе въ старинномъ переводѣ нѣсколько различается отъ приведеннаго греческаго текста: «Въ томъ ὄββω γλεῖωνε παδᾶτῃ ὀστρεμῃ μέυα, κῆσα σιλιῖν ἐμνηστῖν. σῖρκευ γρῦςτιν. ἀκοже ἡ ти πογογенима савинни еперскима ἡ перьскима, сῖφце и савини паδᾶтῃ ὀστреμῃ μέυα, отъ сῖβωε ἡзмимеке еке παρᾶтῃса ὄββгръ». (Пам. Тих. тамъ-же).

Переводъ отрывка изъ Mon. Orth. «Но и [они], по сокрушеніи самого Персидскаго царства и истребленіи его, возстанутъ на Ромеевъ (Римлянъ) сыны Измаиловы: и выстроятся противъ царства Ромейскаго, окружаемые(?) числомъ(?) седмичнымъ седмьмымъ временемъ, потому что приблизился конецъ и болѣе нѣтъ долготы времени: но въ последнее тысячелѣтіе... то есть въ седмье искореняется Персидское царство. И въ это (тысячелѣтіе?) выйдеть сѣмя Измаилово изъ пустыни, то-есть изъ Эерива, и выступивъ соберутся въ великомъ Говаонѣ вкупѣ, и исполнится реченное пророкомъ Іезекиїлемъ: «сыне человѣческой, созови звѣ-

рей сильных и птицъ небесныхъ и побуди ихъ, говоря: соберитесь и приходите посмотрѣть, потому что я принесу великую жертву, и ѣшьте мясо владѣтелей и пейте кровь исполиновъ». Ибо въ семь Гаваонѣ падуть отъ острія меча изъ сѣмени Измаила, который нарицается дикимъ осломъ».

Листка V, Б. оборотная сторона.

Ув. сп. № 176. (Этотъ № въ спискѣ поставленъ вторично; потому мы и поставили здѣсь б).

Шестистопные ямбы.

(1)δοὺ τὸ κέρασ, τὸ ἀπολῶν καὶ σῶζων¹⁾,
Μωάμεθ σπέρμα εἰς τέλος ἀφανίσει
Καὶ σώσει σῶζων²⁾ τὴν τοῦ σωτήρος ποιμήνην.
? *Ἐραξ γὰρ ὧν φέρει τοῦτο δικεῖη³⁾?

5. Θηρεύσει δ' οὗτος πᾶσαν τὴν οἰκουμένην,
Ἦν πρὸς ἔνωσιν ἐκζητήσας ποθήσει
Τὸ μάκριστον (?) εἰς πρεσβυτέραν Ῥώμην.
Εἰρήνη πάντας καταλήψεται τότε,
Ἄπας δὴ⁴⁾ φθόνος ἐξαρθήσεται ἐκ μέσου.

¹⁾ Ув. сп. τὸ ἀπολῶν καὶ σῶζων. Если ἀπολῶν вѣрно, то, удерживая его, придется измѣнить σῶζων на σῶσον, т. е. оба поставить въ будущемъ. Если же вѣрно σῶζων, т. е. собственно σῶζων, то нельзя удержать ἀπολῶν. Не было-ли у автора написано: ἀπόλλων? Сравни слѣдующій стихъ Георгія Лапиды: Ποιεῖς γὰρ τούτους χείρονας καὶ τὸ δοθὲν ἀπόλλεις (см. Boissonade, Anecdota V, p. 50, n. 6).

²⁾ Ув. сп. σωζων, д. б. σῶζων.

³⁾ Стихъ 4-й мы постарались списать буква въ букву; онъ испорченъ. Вмѣсто ἔραξ, быть можетъ, стоялъ ἰέραξ=соколы, что можетъ быть подтверждено словомъ θηρεύσει (стихъ 5)=уловить. ὧν можетъ быть прочитано и какъ ὄν. Δικεῖη, написанное совершенно четко, смысла не даетъ. Не читать ли δεκνύει? На основаніи предположеннаго выйдетъ:

Ἰέραξ γὰρ, ὄν φέρει, τοῦτο δεκνύει

«ибо соколъ, имъ носимый, на то указываетъ». Нѣтъ-ли тутъ связи съ сказаніемъ о соколиной охотѣ, съ которой исчезъ императоръ? (см. западные рассказы о томъ, какъ исчезъ Императоръ Фридрихъ II съ соколиной охоты. Веселов. «Опыты» Ж. М. Н. П. 1875, Май, 101).— Соколы участвуютъ и въ общемъ умиротвореніи, о которомъ гласятъ греческіе стихи подъ заглавіемъ: Αἰνίγμα λεξεων Λεοντος τῆ σοφωτατη. См. стихи 295—8:

ἔρχεται πουλὶν γερὰ κιν
νὰ καθίσῃ νὰ τὸ βλέπῃ
κυριακὴν καὶ τὴν δευτέραν,
τρίτην τε καὶ τὴν τετράδην.

Les Oracles de Léon le Sage, publ. par E. Legrand. 1875, pp. 42—43.

⁴⁾ Ув. сп. δὴ; вмѣстѣ былъ бы союзъ δέ.

Переводъ № 17б. «Вотъ тотъ рогъ, который губить и спасаетъ. Моамсеово сѣмя (онъ) въ концѣ истребитъ и спася спасетъ Спасителево стадо. Ибо ѡбудучи(?) соколомъ(?) приносить это . . . . .(?*). Онъ уловить всю вселенную, которую страстно возжелаетъ привести къ *единенію* (уніи) очень далеко(?) *въ старшемъ Римѣ*. *Тогда всѣхъ охватитъ миръ*, и всякая зависть исчезнетъ».

Примѣчаніе общее къ № 17б. По смыслу этого отрывка примиреніе всего человѣчества совершится путемъ покорности престолу римскаго папы; этотъ взглядъ высказанъ яснѣе въ слѣдующихъ трехъ отрывкахъ.

Ув. сп. № 18. Киноварью отъ перваго слова до *ἀνατολικήν* включительно въ видѣ заглавія:

ἔνωσις καὶ μοναρχία. ἐδῶ εἶναι ἡ πρεσβυτέρα Ῥώμη, ὅπου μέλει ὁ βασιλεὺς Ἀργυρὸς νὰ κάμει¹⁾ ἔνωσιν τῆς ἐκκλησίας τῆς δυτικῆς μετὰ τὴν ἀνατολικήν.

¹⁾ Мы сохранили *εἰ*, хотя по правилу слѣдуетъ быть *ἡ*.

Переводъ № 18. Единеніе (унія) и монархія. Здѣсь находится старшій Римъ, гдѣ царь серебряный (=Аргиръ) устроитъ единеніе (унію) западной церкви съ восточною.

Примѣчаніе общее. Почему ѡбудущій царь этотъ прозванъ «серебрянымъ» или «Аргиромъ» — для насъ непонятно. Объ этомъ ожидаемомъ здѣсь способѣ умиротворенія, путемъ единенія церкви западной съ восточною, имѣющаго произойти въ Римѣ, способѣ противорѣчащемъ и православію и греческому патриотизму, говорили мы въ предисловіи. Черты благоденствія, находимыя въ № 19, читаются и въ нѣкоторыхъ другихъ средневѣковыхъ откровеніяхъ, напр. у Меѳодія.

Ув. сп. № 19.

Καὶ ἀναστήσεται ἐκ δυσμῶν ἡλίου καὶ πῆξει τὴν Ῥωμαίαν αὐτοῦ ἐπὶ ἀνατολῶν καὶ τὴν δεξιὰν αὐτοῦ εἰς τὰ πλευρὰ τοῦ βορρᾶ¹⁾. καὶ μακροημερεύων. καὶ χαρὰ μεγάλη ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις, καὶ ἀνάστασιν τῶν ἀνθρώπων ποιήσει, καὶ οἰκοδομήσει²⁾ θυσιαστήρια πολλὰ ἐν ὅλῃ τῇ οἰκουμένῃ. καὶ ἔσται ὁ χρυσὸς καὶ ἄργυρος³⁾ πεπληρωμένος ἐν ὅλῃ τῇ οἰκουμένῃ. καὶ ἔσται ἡ καρποφόρος γῆ δώσει

¹⁾ Сп. βορᾶ.

²⁾ Сп. οἰκοδομήσει.

³⁾ Сп. ἄργυρος.

*) См. на предыдущей стран. прим. 3.

τοὺς καρποὺς αὐτῆς ἑπταπλασίως καὶ δεκαπλασίως⁴⁾. καὶ πληθυνθήσεται ὁ οἶνος καὶ τὸ ἔλαιον. καὶ καταπαύσει τὸ σκῆπτρον ἐκεῖνον⁵⁾ πάντα τὸν πόλεμον ἐπὶ τῆς γῆς. καὶ τὰ ἄρματα⁶⁾ τὰ πολεμικὰ εἰς δρέπανα γενήσονται, καὶ αἱ μάχαιραι⁷⁾ ὀξεῖαι. καὶ ἐπιθυμήσουσι μέρες⁸⁾ τοῦ κρατῆσαι πόλεμον. καὶ οὐ γενήσεται πόλεμος ἐν τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ⁹⁾. καὶ καταφεύζεται καὶ διώξει ὁ βασιλεὺς ἐκεῖνος ἐπὶ τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ. ὅτι ἐν αὐτῷ ἀπέδοτο¹⁰⁾ πάντα τὰ ἀγαθὰ αὐτοῦ, ἃ γέγονεν ἐν καιρῷ ἐτέρῳ. καὶ τὸ δωδέκατον ἔτος τῆς βασιλείας αὐτοῦ κίνσον¹¹⁾ καὶ δόματα¹²⁾ οὐ δώσουσιν οἱ ἄνθρωποι. καὶ οὐκ ἔσται ὁ ἀδικῶν¹³⁾ ἢ ὁ ἀδικούμενος. καὶ χαρὰ ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις, καὶ τελευτήσει ἐν εἰρήνῃ.

⁴⁾ Ср. Откровение апостола Иоанна, 22, 2: καὶ ἐντεῦθεν ζύλον ζωῆς ποιοῦν καρποὺς δώδεκα.

⁵⁾ Такъ въ спискѣ, а не ἐκεῖνο.

⁶⁾ Такъ въ сп., т. е. такъ, какъ пишется слово, означающее «колесницы», хотя авторъ отрывка, очевидно, разумѣетъ «оружія», т. е. ἄρματα, что происходитъ отъ лат. arma.

⁷⁾ Ср. пророка Исаию 2,4: καὶ συγκόψουσι τὰς μαχαίρας αὐτῶν εἰς ἄροτρα καὶ τὰς ζιβύνας αὐτῶν εἰς δρέπανα. — Пророка Михея 4,3: καὶ κατακόψουσι τὰς ῥομφαίας αὐτῶν εἰς ἄροτρα καὶ τὰ δόματα αὐτῶν εἰς δρέπανα.

⁸⁾ Сп. μέρες.

⁹⁾ Ср. прор. Михея, продолжение предыдущаго (см. пр. 7): καὶ οὐκέτι μὴ ἀντάρη ἔθνος ἐπ' ἔθνος ῥομφαίαν, καὶ οὐκέτι μὴ μάθωσι πολεμεῖν. Продолжение пророка Исаи (2, 4): καὶ οὐ λήψεται ἔθνος ἐπ' ἔθνος μάχαιραν, καὶ οὐ μὴ μάθωσιν ἔτι πολεμεῖν.

¹⁰⁾ Сп. ἀπέδωτο.

¹¹⁾ Сп. κίνσον; кінсосъ отъ лат. census.

¹²⁾ Сп. δόματα, что значитъ «дома», между тѣмъ какъ авторъ отрывка разумѣетъ «подати» = δόματα въ смыслѣ дόσεις.

¹³⁾ Прор. Михея 4,4: καὶ οὐκ ἔσται ὁ ἐκφοβῶν.

Переводъ № 18. И возстанетъ отъ заката солнца и водружитъ мечъ свой на восходѣ (востокѣ) и десницу свою на ребрахъ сѣвера и будетъ долгоденствовать (?), и радость великая будетъ въ тѣ дни, и онъ возстановитъ людей и соорудитъ много жертвенниковъ во всей вселенной. И золото и серебро будутъ уплываться во всей вселенной*); и будетъ такъ, что плодородная земля дастъ плоды свои седмерицею и десятирицею, и умножатся вино и елей. И прекратитъ оный скипетръ всякую войну на землѣ, и оружіе военное и ножи острые обращены будутъ въ серпы. И возжелаютъ смертные вести войну, и не будетъ войны въ день тотъ. И приобѣгнетъ [и погонитъ**] тотъ

*) Такъ поняли мы слова ἔσται πεπληρωμένος. Но, можетъ быть, здѣсь есть намекъ на Исаи 2,7.

**) Излишній, повидимому, слова поставлены нами въ скобки.

царь къ Богу небесному, потому что Ему отдалъ всѣ блага, которыя произошли въ другое время*). И въ два-надесятое лѣто его царствованія ценза и пошлыны люди давать не будутъ; и не будетъ ни обидчика, ни обижаемаго, и радость (настанеть) въ тѣ дни, и онъ скончается въ мирѣ.

Ув. еп. № 20. Заглавіе (киноварью).

ἡ κοίμησις τοῦ . . . ¹⁾ βασιλέως ἐν Ῥώμῃ. Ἐδῶ ἔστι ²⁾ ὁ θάνατος τοῦ βασιλέως τοῦ Ἀργυροῦ, ποῦ τὸν ἐνταφιάζουσιν εἰς Ῥώμην μετὰ μεγάλης δόξης καὶ τιμῆς, ὅπου ὁ πάπας μετὰ ὅλην του τὴν σύγκλητον μέλλει νὰ κάμουν.

¹⁾ По оставшимся черточкамъ можно допустить ἁγίου «святаго».

²⁾ Сп. ἐδῶναι, т. е. ἐδῶ εἶναι, новогр. «здѣсь есть», что при выпускѣ перваго диффонга во второмъ словѣ дастъ ἐδῶ ἔστι.

Переводъ № 20. Успеніе (святаго) царя въ Римѣ.

Здѣсь—смерть царя серебрянаго (Аргира), котораго хоронятъ въ Римѣ съ большою славой и честью, каковую папа со всѣмъ своимъ синклитомъ (конклавомъ) имѣють оказать.

Листокъ VI, А. (на лицевой сторонѣ).

Изображена сидящая русая женщина, у которой въ ногахъ лежитъ черный мужчина въ припадкѣ падуцей. Это—жена лже-пророка Мухаммеда и онъ самъ. Другое лицо, тоже черный мужчина, указывающій правою рукой на небо, какъ мнѣ кажется, опять Мухаммедъ же. Этотъ второй мужчина въ тюрбанѣ и при саблѣ. Онъ, повидимому, объясняетъ женщинѣ, что состояніе изступленія происходитъ свыше. Такъ какъ нельзя допустить, чтобъ это былъ тотъ нечестивый инокъ, котораго греческія лѣтописи представляютъ истолкователемъ мнимой боговдохновенности Мухаммеда,—инокъ не могъ бы носить мечъ,—то я принимаю его за самого Мухаммеда, тѣмъ болѣе, что на обоихъ мужчинахъ одежда изъ одинаковой матеріи, полосатая. Что Мухаммедъ такимъ образомъ двоится, это въ порядкѣ вещей. Такъ наприм. дважды представленъ на одномъ и томъ же рисункѣ евангелистъ Іоаннъ въ рукописи Москов. Дух. Академіи № 16, второй половины XVII в., миниатюра 3 (Апокалипс. I, 10—20 № 19 въ альбомѣ проф. Буслаева): одинъ разъ стоящимъ и одинъ разъ преклоненнымъ (см. Сводъ изображеній изъ Лицевыхъ Апокалипсисовъ по русскимъ рукописямъ съ XVI вѣка по XIX-й. Составилъ Федоръ Буслаевъ. СПб. 1884).

Написанная подъ изображеніемъ ямбическая подпись состоитъ изъ 9 стиховъ. Я читаю ее сообразно со смысломъ, не столбецъ

* Темно въ подлинникѣ.

саниемъ то, которое находится въ *Orthod.*, а также и написаніе старинныхъ переводовъ—Русскаго по Тихонр. и Латинскаго по *Orthod.*—Затѣмъ продолжаемъ рассказъ опять только по Ув. сп. Въ преданіи о Гогѣ и Магогѣ проф. А. Н. Веселовскій отличаетъ 4 момента. Ж. М. Н. П. 1875, Апрель 313, пр. I.

Стар. лат. пер.	Ув. сп.	Monum. Orth. (p. 95)	Рус. пер. № 1.
Mon. Orth.—p. 105.			Т. II, 217—8.
Gog et Magog	γῶγ καὶ μαγῶγ	Γῶγ καὶ Μαγῶγ	гѡгъ, ѡ магогъ,
Mosachet Thubal	καὶ ἀνθρώπων	καὶ ἀνάγ	анѡгъ
et Anog et Ageg,	καὶ γὰς ³⁾	καὶ γίγ.	и анигъ.
et Athenat,	καὶ ἐβιαλιζὰς	καὶ ἀκελίαξ.	āvхеназъ,
et Serphar,	καὶ διφάρ.	καὶ Διφάρ.	ѡ дифаръ.
et Pothim Hei	φωτιναῖοι.	Φωτιναῖοι,	фотіане,
et Libii,	λιβαῖοι.	Λεβαῖοι	
et Agrimardi	ἀνέοι.	Ἐνναῖοι,	
et Alan,	χαριζαῖοι	Χαριταῖοι,	ѡ фарзен.
	δεκελιμοι.	Δικελμοί,	деклими,
	δερματιανοί.	Δερματιανοί,	ѡ зармате.
	χαναναῖοι.	Χαναναῖοι,	флеве, и зарматѣне.
	αιμάχα.	Ἀμαχαχαρτοί,	ѡ амарзарѡе.
	.....	Γαρμοιαδέοι.	гармїаде,
et Anufagi, qui di-	ἀνθρωποφάγοι.	ἀνθρωποφάγοι,	и члѡкѡядци.
cuntur Cinocephali,			
et Caribei	οἱ λεγόμενοι κυνοκέ-	οἱ λεγόμενοι κυνοκέ-	псоглавци,
et Thasbei,	φαλοὶ ⁴⁾ .	φαλοὶ.	
et Phisolonici,	σερβοι	Θαρβυοί,	и аѡардеалане,
et Arcenei,	ἀλλανοί.	Ἀλανοί,	
et Saltarei.	φισολонικίοι.	φιλонικίοι,	и фазлиники,
	ἀρσυνεοι.	Ἀρσιναῖοι,	ārкнее,
	ἀσανταριοι.	Ἀσαντάριοι,	ѡ салтаре ⁵⁾ .

οὗτοι οἱ κβ'. βασιλεῖς καθεστήκασιν ἐν φρουρᾷ ἔνδον τῶν πυλῶν, ᾧς⁶⁾ ὁ Ἀλέξανδρος ἡσφαλήσατο. τελευτήσαντος δὲ τοῦ Ἀλεξάνδρου ἐβασίλευσαν δὲ⁷⁾ ἀντ' αὐτοῦ οἱ τέσσαρες⁸⁾ παῖδες αὐτοῦ⁹⁾

³⁾ Изъ καὶ ἀνθρώπων καὶ γὰς кажется возникли καὶ ἀνάγ καὶ γίγ, анѡгъ и анигъ, et Anog et Ageg.

⁴⁾ κυνοκέφαλοι, псоглавци.— Они изображались на старинныхъ русскихъ лицевыхъ апокалипсисахъ. См. Буслаевъ, Русскій лицевой апокалипсисъ, Москва, 1884.— Кинокефалы вошли въ Откр. Меѡодїа, вѣроятно, изъ Александриады, а ея заимствованы изъ Псевдо-Каллисѡена, который сказываетъ, что Александръ истреблялъ ихъ огнемъ. Pseudo-Callisthenes, ed. C. Müller (при Arriani Anabasis).—(Didot).

⁵⁾ Продолжаемъ выписку прежнимъ порядкомъ.

⁶⁾ Ув. сп. ᾧς.—От. ὧν.

⁷⁾ Ув. сп. δὲ, здѣсь неумѣстное. Въ От. его нѣтъ.

⁸⁾ Ув. τέσσαρες, Orth. δ., что означаетъ также «четыре».

Переводъ стиховъ № 21. Какъ онъ вмѣщаль въ себѣ все самое ненавистное, то страдать и падучею. Упадая на земь и скрежеща зубами, онъ страшно трепеталъ, представляя жалкій видъ. Это видитъ жена и проливаетъ слезы; но онъ, какъ плутъ и злодѣй, говоритъ женѣ такія слова: «Видя одного Ангела, по имени Гавріила, и не вынося его вида, я дрожу и трепещу».

Переводъ прозы № 21. И узнавъ это, жена очень печалилась, что (сочеталась?) съ такимъ родственникомъ.— правда, не бѣднымъ*, но эпилептикомъ. Передъ этимъ (? ; поэтому?) онъ успокаиваетъ ее, говоря такимъ образомъ: «Мнѣ представляется въ видѣніи одинъ Ангелъ, именуемый Гавріиломъ, и, не перенося его вида, я падаю».

Примѣчаніе общее на № 21. Этотъ прозаическій отрывокъ, такъ же какъ и приведенный выше подъ № 12, заимствованъ изъ какой нибудь лѣтописи. Извѣстія сходны съ сохранившимися въ Теофанѣ, Кедринѣ, Георгіи Амартолѣ, Зонарѣ, особенно съ извѣстіемъ Георгія Амартола. См. Theoph. Chron. ed. Tafel, p. 112; Cedren. 738, 739 Bonn; Georg. Hamart. 591 — 592 ed. Murg.; Zonar. P. II. 86 = Dind. III. 311, 312. Стихи же построены на той-же темѣ лѣтописной.

Листка VI, Б. оборотная сторона.

Ув. сп. № 22.

Миниатюра въ рамкѣ: черный мужчина и свѣтловолосая женщина обнимаются. Слева стоитъ скоть, а справа двухспальное ложе подъ пологомъ. Подъ миниатюрой въ другой рамкѣ читаемъ слѣдующіе стихи и прозу.

а. С Т И Х И.

Пишемъ ихъ на томъ-же основаніи, какъ и предыдущіе, то есть не столбецъ за столбцомъ. (Первыя буквы каждаго стиха киноварью).

Μετ' ὀλίγον δὲ τῆ γυναικὶ δουλεύων.
 Ὡς αἰσχρὸς καὶ κάκιστος δούλος ὑπάρχων.
 Ἐγμεν αὐτὴν καίπερ μὴ βουλομένην.
 Ὁ δούλος δ' ὤφθη κύριος τῶν κτημάτων.

* См. выше прим. 2 къ греч. тексту этого номера: по Георгію: «не только бѣдникомъ, но и эпилептикомъ».

б. П р о з а.

Κατ' ὀλίγον δὲ καὶ παρρησιασάμενος ὑπεισῆλθε¹⁾ τῇ γυναικὶ καὶ ἔγημεν αὐτὴν καὶ ἔσχε τὰς καμήλους αὐτῆς καὶ τὴν ὑπαρξιν²⁾. Ἐρχόμενος δὲ εἰς Παλαιστίνην συνανέστρέφετο Ἰουδαίοις καὶ Χριστιανοῖς θηρούμενος παρ' αὐτῶν γραφικὰ³⁾.

¹⁾ Главная часть сигмы скрылась под складку пергамина.

²⁾ ρ скрылось под складкой пергамина.

³⁾ Въ сп. γραφικῶν. Мы измѣнили по сравненіи съ Георг. Амартоломъ.

См. ниже общее прим. къ № 22.

Переводъ стиховъ № 22. Находясь въ услуженіи у этой женщины, онъ въ скоромъ времени, будучи слугою подлымъ и негоднымъ, женился на ней противъ ея желанія, и слуга явился владѣльцемъ имущества.

Переводъ прозы № 22. Понемногу становясь смѣлѣе, онъ ее обошелъ и женился на ней и овладѣлъ ея верблюдами и имуществомъ. Посѣщая Палестину, онъ имѣлъ сношенія съ Иудеями и Христіанами и добывалъ себѣ у нихъ письменныя изреченія.

Общее примѣчаніе къ № 22. Этотъ прозаическій отрывокъ очень сходенъ со слѣдующей выдержкой изъ Георгія Амартола:

Εἶτα κατὰ μικρὸν παρρησιασάμενος καὶ ἐπελθὼν τῇ γυναικὶ χήρα οὔσῃ, λαμβάνει αὐτὴν (εἰς) γυναῖκα καὶ ἔσχε τὰς καμήλους αὐτῆς καὶ τὴν ὑπαρξιν ταύτης καὶ ἐπιχωριάζων ἐν Παλαιστίνῃ συνανέστρέφετο Ἰουδαίοις καὶ Χριστιανοῖς καὶ ἐθηράτο λόγους καὶ γραφικὰς τινὰς ῥήσεις (Georg. Hamart., ed. Muralt, 591—2, гдѣ издатель прилагаетъ сходную выписку изъ Cedren. 739). Приведенные подъ № 22 стишки написаны на ту-же тему съ усиленной окраской о насилии. По тексту Амартола эти свѣдѣнія предшествуютъ извѣстію о падучей, которой былъ подверженъ Мухаммедъ, а по принятой въ Ув. сп. нумераціи извѣстіе о падучей поставлено раньше (см. № 12).

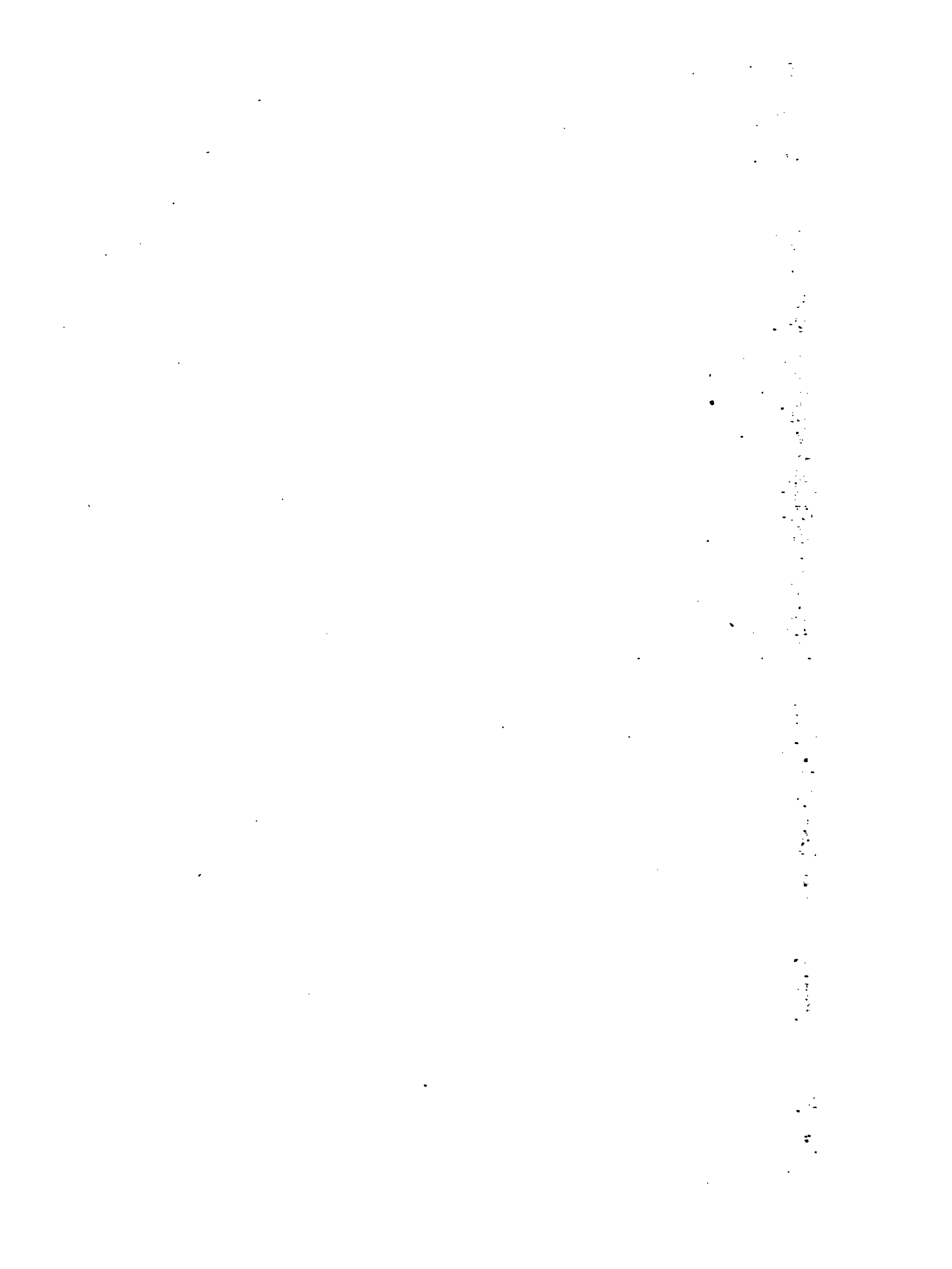
По отдаленности мѣста жительства автора отъ мѣста печатанія его статьи своевременное исправленіе имъ набора было сопряжено со значительными затрудненіями, вслѣдствіе чего по отпечатаніи первыхъ листовъ въ нихъ оказалось немало погрѣшностей. Къ счастью, онѣ большею частью однородны и притомъ такъ очевидны, что самъ читатель исправить ихъ безъ особыхъ указаній: эти опечатки касаются или знаковъ препинанія или знаковъ придыханія, ударенія и элизіи (апострофа) въ греческихъ словахъ. Тѣ опечатки, исправленіе которыхъ не дается само собою,

πρиведены въ слѣдующемъ спискѣ, гдѣ помѣчены и болѣе мелкія οσπίδκн, если онѣ находятся въ текстѣ Сѳорника.

H A П E Ч A T A H O :		С Л Ъ Д У Е Т Ъ Ч И Т A Т Ъ :
Стран.	34 стр. 3 сн.: къ стр.	къ стр. 32.
—	39, — 6 сн. (столбець 1): Αλλη	"Αλλη
—	39, — 4 сн.: (столб. 1). ■έφει	στέφει
—	40, — 9: έμφέρουσι	έμφέρουσι
—	40, — 2 сн.: Συλλυγή	Συλλογή
—	41, — 12: 29	32 и слѣд.
—	41, — 10 сн.: έπεριτόμησεν	έπεριτόμησεν
—	41, — 9 сн.: κάλεσμα	κάλεσμα
—	41, — 4 сн.: δλων	δλων
—	42, — 19: Εδω	'Εδω
—	42, — 19: Αμουράτ	'Αμουράτ
—	42, — 21: έκράτηξε	έκράτηξε
—	42, — 22: φουσάτον	φουσάτον
—	43, — 6: έως	έως
—	43, — 14: πάλιν	пάλιν
—	43, — 15: έσχάτη	έσχάτη
—	44, — 18: 33	32
—	44, — 14 сн.: πληρωθήσεται	πληρωθήσεται
—	44, — 11 сн.: μυρία-	μυρία-
—	45, — 7 сн.: άλιεύοντα	άλιεύοντα
—	45, — 5 сн.: словѣ, вмѣсто	словѣ. У Стеф. вмѣсто
—	47, — 3 сн.: φαρακλος	φαρακλός
—	48, — 5: δεξιά	δεξιά
—	48, — 17 сн.: έπικεκοφυια	έπικεκυφια
—	51, — 1 сн.: 30	32 и 33
—	52, — 15: όρώντων	όρώντων
—	52, — 19 сн.: словахъ	словаряхъ
—	54, — 1: έτμήθη.	έτμήθη
—	54, — 7 сн.: βιαίως.	βιαίως
—	55, — 8 сн.: ένταυθα.	ένταυθα
—	56, — 19: στριδ'	ςτριδ'
—	56, — 19: χστ	χς'
—	56, — 21 сн.: ύπαντήσας	ύπαντήσας
—	56, — 16 сн.: στριδ	ςτριδ
—	57, — 12: Σαρακηνω	Σαρακηνων
—	57, — 1 сн.: 35	33
—	60, — 10 и 13 св. и 1 сн.: Φολ	Φόλ
—	61, — 7: Κλαύδιον.	Κλαύδιον.
—	61, — 16 сн.: ούρβανον	ούρβανον
—	64, — 12: όμοθυμαδόν	όμοθυμαδόν

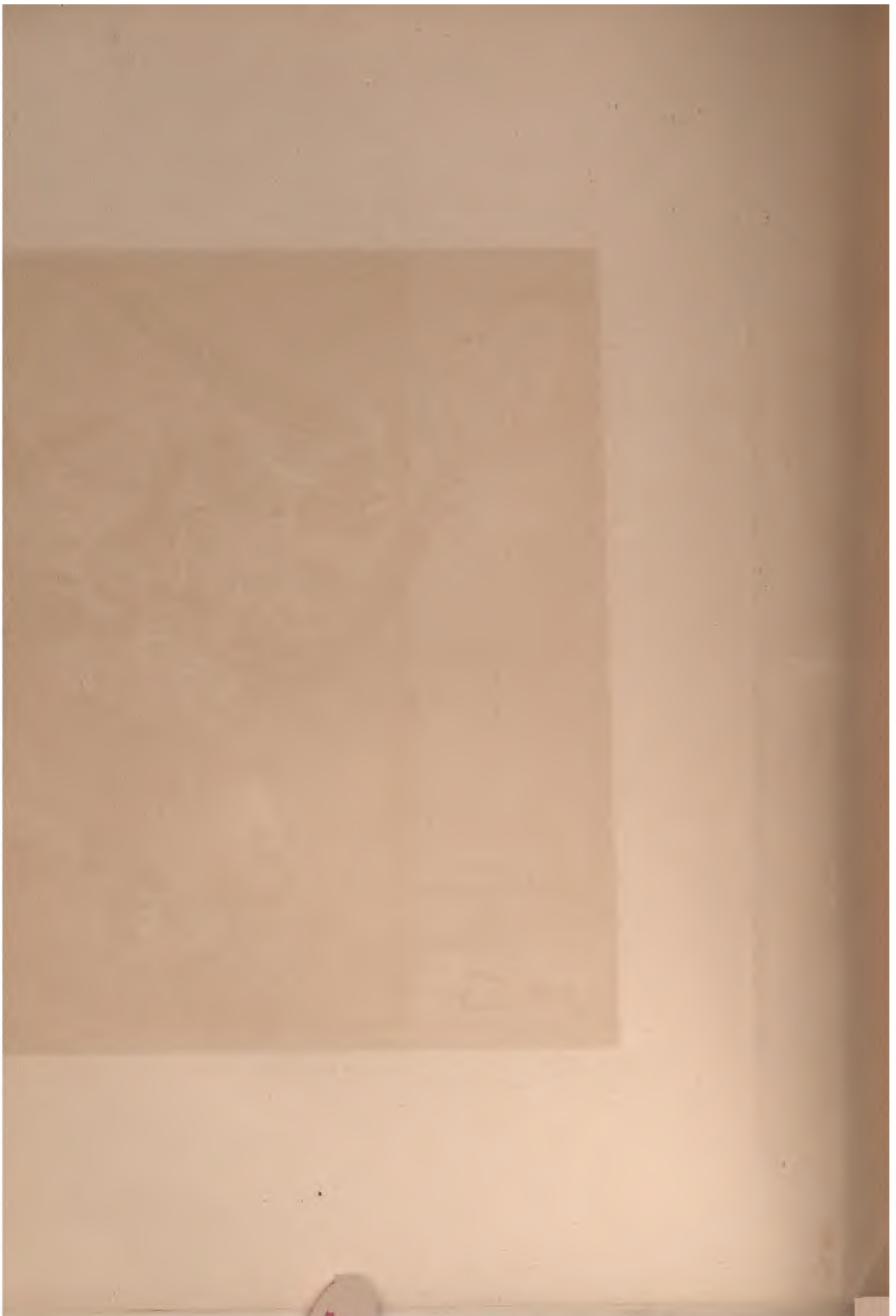

Листъ I, А. лицевая сторона.

Лист IV, А. лицевая сторона.

Листъ IV, Б. оборотная сторона.

Листь IV, Б. оборотная сторона.

100

100

100

древнихъ двойныхъ формъ αἰνέω и αἰνίζω, ἑταιρέω и ἑταιρίζω, πολεμέω и πολεμίζω и т. п., такъ какъ ново-греческій языкъ отъ глаголовъ на -ζω образуетъ аористъ на -ξα, какъ дорійское и отчасти эпическое нарѣчіе. Впрочемъ употребительно и кратίζω (аор. ἐκράτιξα, что по звукамъ не отличается отъ ἐκράτηξα).

Къ стр. 43 (№ 6). [μὲ] — можетъ быть, μὰ «но». Далѣе можно предположить смѣшеніе двухъ конструкцій: τοὺς ὁποίους — τοῦτους «которыхъ — тѣхъ» и ὅσους — τόσους «сколько — столько».

Къ стр. 43 примѣч. 10. Σεκόρσοξ могло произойти изъ ит. soccorso, какъ κρεμμύδι изъ κρομμύδιον, κρεββάτι изъ κραιβάτιον и т. п.

Къ стр. 43 примѣч. 14 (л. I обор. № 6). Μονοτάρου, какъ завѣрялъ меня преосвященный Никифоръ Калогерасъ, нынѣ профессоръ аѳинскаго университета, употребляется и теперь въ смыслѣ ὁλοσχερώς, ἄρδην «совсѣмъ, съ корнемъ (вонь)». Предложенія соединяются такъ: «чтобы, Богу изволнвищу, описать конецъ». — Киноварныя слова ....ἑλαττον μικρόν.... относятся къ № 7 (какъ заглавіе?).

Къ стр. 44 (тамъ-же № 7). Въ рукописи не Ῥωμαί(ων), а Ῥωμαίων, т. е., фонетически, роміѳѳ, по простонародному выговору.

Къ стр. 45 (№ 8). Царь, который долженъ сокрушить мусульманское владычество, въ однихъ преданіяхъ называется Михаиломъ, въ другихъ Іоанномъ. Греки и теперь рассказываютъ, что царь Іоаннъ находится въ недоступномъ для людей мѣстѣ храма Св. Софїи и выйдетъ оттуда для сверженія ига невѣрныхъ тогда, когда окончится литургія, прерванная вторженіемъ Турокъ во храмъ.

Къ стр. 46 (№ 8) и 50 (переводъ). Можетъ-ли φευκτήρια значить «побѣгъ», а φουετήρια — «убіеніе»? Слова на -τήρια (мн. ч. средняго р. отглагольныхъ прилагательныхъ на -τήριος) служатъ обыкновенно для обозначенія обрядовъ, которые должны обезпечить успѣхъ дѣйствія, выражаемаго кореннымъ глаголомъ, напр. εἰσιτήρια религиозныя дѣйствія (молебствіе) при вступленіи въ должность, ἐμβατήρια — при посадкѣ на корабли и т. п.

Къ стр. 52 (тамъ-же № 8). Αὐτόφυον, по словамъ того-же преосв. Никифора, значитъ «естественный наростъ». Αὐτόφυος изъ αὐτοφυής, какъ εὐτυχος, δύστυχος, ἄτυχος изъ εὐτυχής, δύστυχής, ἄτυχής. При параллельныхъ формахъ на -ής и на -ος послѣднія имѣютъ удареніе на гласной основы, кажется, только тогда, когда онѣ образованы посредствомъ ударяемаго суффикса, напр. ὀμα-λός, δαψι-λός, или когда удареніе этой гласной поддерживается аналогіей, напр. ἐνεργός ср. δημιουργός. — Сказаніе «о пресловутомъ, бѣдномъ и избранномъ царѣ», какъ и о народахъ, заключенныхъ Александромъ Великимъ (л. III обор. № 13 и 14) и о царѣ Аргирѣ (л. V обор. № 17—20), относится къ разряду эсхатологическихъ. Такимъ образомъ надежда на паденіе владычества невѣрныхъ приводится въ связь съ ожиданіемъ близкаго конца міра. Это ожиданіе, по видимому, также указываетъ скорѣе на исходъ XV, чѣмъ XVI в.

Къ стр. 53 (л. II обор. № 10 ст. 1). Законы ямбическаго триметра у позднѣйшихъ Византійцевъ слѣдующіе: 1) число слоговъ 12; 2) цезура

Эѳіопомъ, хотя тутъ-же въ прозѣ (стр. 56) названъ правильно Саракиномъ, т. е. Арабомъ. — Въ концѣ чистое мѣсто, но, вѣроятно, только потому, что между концемъ статьи и нижнимъ краемъ листа негдѣ было вписать новую статью.

Къ стр. 63 (л. IV лиц.). Едва видныя слѣды киноварной надписи по обѣимъ сторонамъ головы епископа позволяютъ прочесть со значительною степенью вѣроятности—съ лѣвой стороны: ὁ ἅγιος ἱππόλυτος «святой Ипполитъ», съ правой: πάπας τῆς ρώμης «папа Римскій». Св. Ипполитъ—одинъ изъ папъ, почитаемыхъ православною церковью, чѣмъ онъ былъ важенъ составителю сборника, возлагавшему надежды на унию. На значеніе св. Ипполита въ религіозной литературѣ, не только греческой, но и нашей указалъ С. О. Долговъ въ своихъ замѣчаніяхъ на докладъ объ Уваровскомъ сборникѣ въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества 16 декабря 1888 г. Ср. къ стр. 35.— Тамъ-же (оборотъ). Изображеніе воина, выходящаго изъ храма, съ вѣнцомъ въ рукѣ, имѣеть, вѣроятно, такой смыслъ: воинъ не увѣнчанъ, такъ какъ еще только идетъ на борьбу съ невѣрными, но вѣнецъ обезпеченъ ему благословеніемъ, полученнымъ во храмѣ (отъ папы?). Во всякомъ случаѣ странно то, что этотъ воинъ идетъ по кресту, какъ бы попирая его. Храмъ, по замѣчанію проф. Шварца, восточный, но стиль его не выдержанъ.

Къ стр. 63 (л. V лиц. № 17). Въ надписи: γαβαῶ. На рисункѣ городъ западный; изъ войскъ, выстроенныхъ передъ нимъ, стоящее налѣво—также, по видимому, западное (по надписи «христиане»). Надпись новогреческая, слѣдовательно принадлежитъ составителю того извода, который представленъ Ув. спискомъ. Если высказанная выше догадка о двойномъ изводѣ этого сборника справедлива, картинка и надпись относятся къ разнымъ временамъ, а потому соотвѣтствіе между ними можетъ быть подвергнуто сомнѣнію.

Къ стр. 65 (тамъ-же обор. № 17). Въ началѣ ст. 7 Т, по видимому, передѣлано изъ П. Первоначальный видъ ст. 6 и 7 могъ быть таковъ: Ἦν πρὸς ἔνωσιν ἐκζητήσας ποτίσει τὸ πόμα Χριστοῦ εἰς πρεσβυτέραν Ῥώμην «выискавъ которую для единенія, напоитъ ее напиткомъ Христовымъ въ старомъ Римѣ». «Выискавъ»—продолженіе метафоры объ охотникѣ, по смыслу довольно неловкое. Εἰς съ вин. пад.—по новому вмѣсто древняго ἐν съ дат., какъ, вѣроятно, и было написано въ первоначальномъ изводѣ.

Къ стр. 66 (тамъ-же № 18). Подъ киноварной надписью «Здѣсь старшій Римъ» и пр. нѣтъ ни изображенія Рима, ни даже чистаго мѣста. Ожидасмый царь называется здѣсь ὁ βασιλεὺς ἀργυρός, № 20: τοῦ ἁγίου (?) βασιλέως и τοῦ βασιλέως τοῦ ἀργυροῦ.

Къ стр. 68 (тамъ-же № 20). Слѣдуетъ чистое мѣсто почти въ цѣлый столбецъ.

Къ стр. 69 (л. VI лиц. № 21 ст. 9). Читай φρίττων.

Къ стр. 69 (тамъ-же, проза). Πρὸ τούτου, вѣроятно, вмѣсто περὶ τούτου.— Слова, соотвѣтствующаго «родственнику» (см. переводъ г. Д.), въ полннникѣ нѣтъ.— Вѣроятно, θεωρῶν съ дополненіемъ τὴν θέαν, отъ котораго зависить ἐνὸς ἀγγέλου и т. д., а δι ὀπτασίαν (вм. — ἰας) значитъ «въ видѣніи».

былъ человекъ, мало образованный; потому и ошибки, встрѣчающіяся въ его цитатахъ, могутъ быть отнесены на его счетъ, — по крайней мѣрѣ, отчасти: нѣкоторыя изъ нихъ онъ могъ, конечно, найти уже въ спискахъ своихъ источниковъ. Возможенъ и третій виновникъ ошибокъ — переписчикъ сборника. Объ этомъ лицѣ г. Дестунисъ не упоминаетъ, но что Уваровскій списокъ исполненъ рукою не составителя, можно заключить изъ присутствія безсмысленной ошибки даже въ ново-греческомъ текстѣ л. I № 6.

Къ стр. 39 (л. I лиц. стор. № 2 стихъ 13). Можно было бы удержать чтеніе Ув. сп. σκιμωτρόφου.

Тамъ-же (ст. 2). Чтеніе Λαμβεція кажется интерполированнымъ.

Къ стр. 41 (тамъ-же ст. 5). Κίνησις ἐξημβλωμένη скорѣе «движеніе не удавшееся, кончившееся ничѣмъ».

Къ стр. 41 (тамъ-же). Приписка: «Здѣсь сидитъ и царствуетъ султанъ Амуратъ» и пр. заставляетъ ожидать соответствующаго изображенія, но его нѣтъ. Точно такъ-же л. I обор. стор. № 4 послѣ словъ: «здѣсь изображено [εἶνα ὄταν] обрѣзаніе, совершенное султаномъ Амуратомъ надъ своимъ сыномъ», № 5: — «здѣсь посылаетъ султанъ Амуратъ свои войска на войну съ Персіянномъ» и т. д. и № 6: — «здѣсь величайшее сраженіе, которое султанъ Амуратъ далъ царю Персидскому» и т. д. Всѣ эти заглавія относятся къ событіямъ, современнымъ составителю сборника, и написаны по ново-гречески, т. е. принадлежатъ самому составителю. Вѣроятно-ли, чтобы онъ, задумавъ, очевидно, представить эти событія въ картинкахъ, не оставилъ для послѣднихъ даже пустого мѣста на пергаментѣ? Любопытно однако-же то явленіе, что чистыя мѣста на оборотахъ оставлены послѣ надписей на древне-греческомъ или на письменномъ византійскомъ языкѣ, а за ново-греческими надписями безъ текста слѣдуютъ непосредственно заглавія другихъ статей. Отсутствие пробѣловъ подъ нѣкоторыми надписями опять-таки наводитъ на мысль, что нашъ экземпляръ сборника написанъ рукою не составителя. Естественно навязывается и другой вопросъ: отчего къ частямъ, написаннымъ на византійско-греческомъ языкѣ, т. е. стариннымъ, картинки есть, а къ текстамъ самого составителя ихъ нѣтъ, не смотря на то, что онъ несомнѣнно хотѣлъ и своимъ надписямъ придать живописныя изображенія согласно съ характеромъ всего сборника? Вѣроятный отвѣтъ таковъ: составитель нашелъ помѣщенные имъ картинки уже при тѣхъ чужихъ текстахъ, которые онъ внесъ въ свой сборникъ. Отсюда, кажется, слѣдуетъ заключить, что его сборникъ, за исключеніемъ ново-греческихъ замѣтокъ, составленъ не имъ, а кѣмъ-то прежде, — можетъ быть, вскорѣ послѣ взятія Константинополя Турками, когда Греки всячески старались утѣшить себя надеждами на близкое изгнаніе невѣрныхъ, что отразилось и въ народныхъ пѣсняхъ, напр. Passow, Carmina popularia Graeciae recentioris CXCIV и CXCVI; Legrand, Recueil de chansons populaires grecques 49. Старыя картинки новыи издатель сборника переснялъ (самъ или при посредствѣ другого лица), тѣ изъ нихъ, на которыхъ не было надписей, снабдилъ своими поясненіями на томъ гре-

ческомъ языкѣ, которымъ владѣлъ, чужіе тексты и свои замѣчанія поручилъ кому-то списать. Переписчикъ, не углублявшійся въ смыслъ того, что писалъ, тѣмъ не менѣе, списавъ на л. I обор. № 6 слова составителя, что онъ оставляетъ «бѣлую бумагу» для того, чтобы, какъ только турецкое царство будетъ сокрушено, занести это желанное событіе въ свой сборникъ, принялъ къ свѣдѣнію это заявленіе, вполне ясно выраженное по ново-гречески, и оставилъ пробѣлъ въ нѣсколько строкъ,—вѣроятно, приблизительно по размѣрамъ чистаго мѣста въ оригиналѣ. Назначенія надписей къ предположеннымъ картинкамъ онъ не понялъ и воспроизвелъ эти надписи безъ слѣдующей за ними «бѣлой бумаги», такъ какъ самыя картинки, можетъ быть, еще не были и придуманы. Съ большимъ вниманіемъ, какъ мы видѣли, онъ отнесся только къ надписямъ древнѣйшаго происхожденія—почему? Отвѣчать на этотъ вопросъ можно лишь догадками. Выше было высказано предположеніе, что Уваровскій списокъ основанъ на болѣе старомъ лицевомъ сборникѣ. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что этотъ подлинникъ былъ нѣсколько обширнѣе извѣстнаго намъ извода (ср. къ стр. 57=л. III № 13); весьма правдоподобно, что и картинокъ въ немъ было больше. Если эти картинки, какъ по всей вѣроятности и было, занимали собою всю лицевую сторону каждаго листа, а текстъ помѣщался на оборотѣ, то при сокращеніи сборника явилась потребность перенести нѣкоторыя изображенія на оборотную сторону листовъ, въ промежутки текста, а при этомъ картинки должны были подвергнуться уменьшенію, что значительно затрудняло срисовку. Вѣроятно, искусства издателя или его рисовальщика было недостаточно для такой работы, не говоря уже о созданіи самостоятельныхъ картинокъ для иллюстраціи позднѣйшихъ частей сборника. Приходилось подождать, пока найдется болѣе искусный художникъ, а тѣмъ временемъ рукопись была слана для переписки на листахъ пергамена, одна сторона которыхъ была уже украшена изображеніями, снятыми—быть можетъ, механически—со стараго подлинника. При этомъ въ рукописи издателя (или второго составителя) мѣста для новыхъ картинокъ были обозначены только надписями и, вѣроятно, пробѣломъ, а на мѣстахъ уменьшенныхъ снимковъ съ картинокъ древнѣйшаго сборника находились кромѣ того помѣтки для живописца съ указаніемъ на подлинники, которые онъ долженъ воспроизвести. Эти помѣтки и могли побудить переписчика оставить чистыя мѣста, можетъ быть, просто потому, что онъ не понималъ этихъ указаній и не умѣлъ ихъ передать. Само собою разумѣется, что эта догадка высказана здѣсь преимущественно для того, чтобы обратить вниманіе знатоковъ на вопросъ о происхожденіи Уваровскаго сборника.

Къ стр. 41 (№ 3) примѣч. 1. Ὁποῖος было употребительно въ XVI в. на ряду съ ὁ ὀποῖος: I обор. № 5: ἡ ὀποῖα. тамъ же № 6: τοῦς ὀποῖους, но выше: ὀποῖος.

Къ стр. 41 (№ 4) примѣч. 1. Ἐπεριτόμῃσεν правильно отъ позднѣйшаго περιτομήν.

Къ стр. 42 (№ 5) примѣч. 5. Ἐκράτηξε отъ κρατέω подъ вліяніемъ еще

древнихъ двойныхъ формъ αἰνέω и αἰνίζω, ἑταιρέω и ἑταιρίζω, πολεμέω и πολεμίζω и т. п., такъ какъ ново-греческій языкъ отъ глаголовъ на -ζω образуетъ аористъ на -ξα, какъ дорійское и отчасти эпическое нарѣчіе. Впрочемъ употребительно и кратίζω (аор. ἐκράτιξα, что по звукамъ не отличается отъ ἐκράτηξα).

Къ стр. 43 (№ 6). [μὲ] — можетъ быть, μὰ «но». Далѣе можно предположить смѣшеніе двухъ конструкцій: τοὺς ὁποίους — τούτους «которыхъ — тѣхъ» и ὅσους — τόσους «сколько — столько».

Къ стр. 43 примѣч. 10. Σεκόρσοξ могло произойти изъ ит. soccorso, какъ κρεμμύδι изъ κρομμύδιον, κρεββάτι изъ κραββάτιον и т. п.

Къ стр. 43 примѣч. 14 (л. I обор. № 6: Μονοτάρου, какъ завѣрялъ меня преосвященный Никифоръ Калогерасъ, нынѣ профессоръ аѳинскаго университета, употребляется и теперь въ смыслѣ ὁλοσχερώς, ἄρδην «совсѣмъ, съ корнемъ (вонъ)». Предложенія соединяются такъ: «чтобы, Богу изволивши, описать конецъ». — Киноварныя слова ...ἑλαττον μικρόν... относятся къ № 7 (какъ заглавіе?).

Къ стр. 44 (тамъ-же № 7). Въ рукописи не Ῥωμαί(ων), а Ῥωμαίων, т. е., фонетически, гоміѳон, по простонародному выговору.

Къ стр. 45 (№ 8). Царь, который долженъ сокрушить мусульманское владычество, въ однихъ преданіяхъ называется Михаиломъ, въ другихъ Иоанномъ. Греки и теперь рассказываютъ, что царь Иоаннъ находится въ недоступномъ для людей мѣстѣ храма Св. Софїи и выйдетъ оттуда для сверженія ига невѣрныхъ тогда, когда окончится литургія, прерванная вторженіемъ Турокъ во храмъ.

Къ стр. 46 (№ 8) и 50 (переводъ). Можетъ-ли φευκτήρια значить «побѣгъ», а φουετήρια — «убіеніе»? Слова на -τήρια (мнж. ч. средняго р. отглагольныхъ прилагательныхъ на -τήριος) служатъ обыкновенно для обозначенія обрядовъ, которые должны обезпечить успѣхъ дѣйствія, выражаемаго кореннымъ глаголомъ, напр. εἰσιτήρια религиозныя дѣйствія (молебствіе) при вступленіи въ должность, ἐμβατήρια — при посадкѣ на корабли и т. п.

Къ стр. 52 (тамъ-же № 8). Αὐτόφυον, по словамъ того-же преосв. Никифора, значить «естественный наростъ». Αὐτόφυος изъ αὐτοφυής, какъ εὐτυχος, δύστυχος, ἄτυχος изъ εὐτυχής, δύστυχής, ἄτυχής. При параллельныхъ формахъ на -ής и на -ος послѣднія имѣютъ удареніе на гласной основы, кажется, только тогда, когда онѣ образованы посредствомъ ударяемаго суффикса, напр. ὄμα-λός, δαψι-λός, или когда удареніе этой гласной поддерживается аналогіей, напр. ἐνεργός ср. δημιουργός. — Сказаніе «о пресловутомъ, бѣдномъ и избранномъ царѣ», какъ и о народахъ, заключенныхъ Александромъ Великимъ (л. III обор. № 13 и 14) и о царѣ Аргирѣ (л. V обор. № 17—20), относится къ разряду эсхатологическихъ. Такимъ образомъ надежда на паденіе владычества невѣрныхъ приводится въ связь съ ожиданіемъ близкаго конца міра. Это ожиданіе, по видимому, также указываетъ скорѣе на исходъ XV, чѣмъ XVI в.

Къ стр. 53 (л. II обор. № 10 ст. 1). Законы ямбическаго trimetra у позднѣйшихъ Византійцевъ слѣдующіе: 1) число слоговъ 12; 2) цезура

послѣ 5-го слога, иногда послѣ 7-го; 3) удареніе на предпоследнемъ слогѣ. Поправка г. Дестуниса грѣшитъ противъ послѣдняго правила. Но въ рукописи читается довольно ясно: Ἐίδεν ἐνύπνιον ἄναξ ὁ μέγας. Конечно, εἶδεν было бы невозможно у древняго Грека, но допустимо у Византийца, руководившагося, вѣроятно, сходствомъ глагола εἶδομαι, если не εἶπον. Впрочемъ переводъ Николая Спаарія «еже видѣ сонъ царь великій» указываетъ на ὁ εἶδεν.

Къ стр. 53 примѣч. 2 (тамъ-же ст. 3). Ἐκπλήττων и другія слова 3-го склоненія въ древне-греческой формѣ именительнаго падежа ед. ч. вмѣсто косвеннаго падежа того-же числа—явленіе, очень обыкновенное въ средне-греческомъ языкѣ, почти утратившемъ это склоненіе въ живомъ обиходѣ. Во 2-мъ склоненіи такимъ образомъ употребляются иногда имена ж. р., напр. τῆς Κόρινθος, τῆς Πελοπόννησος.

Къ стр. 54 (тамъ-же ст. 7). Въ рукописи: Ἐλέπτωσεν (читаи Ἐλέπτωσεν δὲ) παντελῶς τὴν εἰκόνα, т. е. «раскросилъ совершенно образъ (фигуру)»: ср. Даніила 2,34.

Къ стр. 54. Стихи № 11 составляютъ непосредственное продолженіе стиховъ № 10: и тѣ и другіе—стихотворная парафраза приведенныхъ тутъ-же отрывковъ изъ книги Даніила. Въ ст. 1 середина слова Ἐπ...μῶν залѣплена какимъ-то синеватымъ веществомъ: но такъ какъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ книги Даніила (2,1) говорится о томъ, что Навуходоносоръ забылъ свой сонъ, поврежденное слово, по всей вѣроятности, должно читаться Ἐπιλήσμων, что съ послѣдующимъ γέρονε τοῦ ἐνυπνίου даетъ именно этотъ смыслъ: «забылъ свой сонъ». Ст. 2 въ рукописи: Πλησθείς ὁ ἄναξ φοβερωτάτου δέους «царь, исполненный ужаснѣйшаго страха». Въ ст. 3 число слоговъ указываетъ на ἅπαντας; ср. ниже ἅπαντα τὰ πραχθέντα. Въ ст. 4 ясно написано τοῦτου. Въ ст. 5 ἀπεκτείνενημένους вмѣсто ἀποκτεῖναι ἦν μένος «было намѣреніе убитъ»? Въ такомъ случаѣ μὴ τυχόντες замѣняло бы собою вин. пад. или было-бы употреблено, какъ нерѣдко у Византийцевъ, въ смыслѣ ново-греческаго дѣепричастія, которое, въ противность русскому словосочиненію, не должно необходимо относиться къ подлежащему главнаго предложенія. Переводъ Николая Спаарія «уби возженъ» показываетъ, что передъ нимъ было то-же чтеніе, какъ въ Ув. сп., которое онъ, подобно г. Дестунису, объяснилъ себѣ какъ ἀπέκτεινεν ἡμένοος (отъ ἅπτω). По Дан. 2, 24 приказаніе Навуходоносора не было еще приведено въ исполненіе надъ всѣми волхвами, когда послѣдовало ходатайство за нихъ Даніила.

Къ стр. 55 (л. III лиц.). Едва-ли здѣсь изображена крещальня: судя по тому, что сюда-же подводятъ верблюдовъ, это простой водоемъ. Другой вопросъ — символическое значеніе этой постройки, какъ средства къ утоленію жажды и очищенію.

Къ стр. 55 (тамъ-же № 12 ст. 2). Чтеніемъ г. Дестуниса не устранена метрическая ошибка—отсутствіе ударенія на предпоследнемъ слогѣ стиха. Можетъ быть, первоначальный видъ стиха былъ такой: τοῦ Μωάμεθ κακίστου (или κακίστης) τῆς ἀσεβείας. Тамъ-же ст. 3 въ рукописи ошибочно αἰθίωψ.

Тамъ-же 56 (выдержка изъ лѣтописи). Въ рукописи такъ: ἐν ἔτη

(вм. ἔτει) τῆ βασιλείας ἡρακλείου τοῦ βασιλέως τῶν ῥωμαίων «въ годъ 15 царствованія Ираклія, царя Римлянъ», т. е. въ 625 г., за 7 лѣтъ до гиджры (632 г.). — вполнѣ вѣроятное опредѣленіе времени, когда Мухаммедъ могъ выступить впервые со своею проповѣдью. — Слова εἰς κατοίκησιν можно разобрать и въ Ув. спискѣ.

Къ стр. 57 и слѣд. (д. III обор. № 13). По рукописи въ строкѣ 1 ἀσυγχήτως, въ стр. 2 ἐν σιδήρῳ, въ стр. 3 ἀσυγχήτου, въ стр. 7 διαδηπωτοῦν, въ стр. 8 видны слѣды слова ἀναμοχλεύσαι (а не διαλύσαι). — Этотъ отрывокъ изъ Меѳодіева Откровенія непонятенъ внѣ связи съ предыдущими словами источника. Трудно предположить, чтобы такая неловкая цитата принадлежала истинному составителю, который, ясно сознавая свою цѣль, едва-ли могъ вырѣзывать мѣста изъ своихъ источниковъ такъ, что читателю непонятно, о чемъ идетъ рѣчь. — если только не потеряно листъ съ началомъ разсказа о заточеніи дикихъ народовъ Александромъ Великимъ и, можетъ быть, съ пророчествами Даніила (см. къ стр. 35). Затѣмъ слѣдуетъ кинноварное заглавіе «Пророкъ Іезекіиль» и пустое мѣсто, какъ и въ № 15 послѣ такого-же заголовка «Смерть Александра». Быть можетъ, и тамъ и здѣсь чистое мѣсто было оставлено для соотвѣствующихъ картинокъ, которыя впрочемъ должны, были-бы сильно отличаться отъ дѣйствительно находящихся въ сборникѣ какъ размѣромъ, такъ и мѣстомъ: онѣ заняли бы часть одного изъ двухъ столбцовъ страницы и припались бы на оборотѣ. Впрочемъ возможно, что на чистыхъ мѣстахъ предполагались ямы того содержанія, которое обозначено заглавіемъ.

Къ стр. 59 (тамъ-же № 14). Въ рукописи не γὰρ, а γὰρ (черты и надъ прочими именами народовъ).

Къ стр. 60 и слѣд. (тамъ-же № 16). Эта выдержка написана въ 5 отдѣлахъ (абзацахъ), приблизительно по поколѣніямъ, съ кинноварными буквами въ началѣ каждаго отдѣла: строка 1 Βύζας, 13 Ἀνέστη, 22 Ἐξ ἧς, 26 Τέτοκε, 39 Ἐκ σπέρματος. Въ строкѣ 25 послѣ ὅς καὶ τὴν ῥώμην ἔκτισεν видно еще ς, — можетъ быть, слѣдъ того чтенія, которое дано Гринеемъ (см. примѣч. 25 г. Дестуниса): ὁ καὶ τὴν Ῥώμην κτίσας. — Смысль сказанія о родовой связи эѳіопскихъ царей черезъ Александра Великаго съ царями Рима и Византіи въ понятіи составителя сборника была, вѣроятно, такова: происхожденіе Александра отъ владыкъ Эѳіопіи давало ему какъ бы законное право на обладаніе восточными варварами: пользуясь этою властью, онъ заключилъ самыхъ страшныхъ изъ нихъ въ каменные горы съ тѣмъ, чтобы они вышли оттуда только передъ концемъ міра: съ паденіемъ Византіи послѣдніе носители правъ Александра лишились власти, и потому можно ожидать, что заточенные Александромъ народы выйдутъ на волю, и тогда начнется свѣтопреставленіе. Эти соображенія (а безъ нихъ все это сказаніе не имѣло бы для Грековъ важности) были вполнѣ естественны вскорѣ послѣ взятія Константинополя Турками: къ концу XVI в. они должны были утратить значительную долю своей современности и популярности. То обстоятельство, что Эѳіопы — не восточные варвары, а южные, нисколько не мѣняетъ дѣла: самъ Мухаммедъ въ стихахъ № 12 (стр. 55) является

Эѳіопомъ, хотя тутъ-же въ прозѣ (стр. 56) названъ правильно Саракиномъ, т. е. Арабомъ. — Въ концѣ чистое мѣсто, но, вѣроятно, только потому, что между концемъ статьи и нижнимъ краемъ листа негдѣ было вписать новую статью.

Къ стр. 63 (л. IV лиц.). Едва видныя слѣды киноварной надписи по обѣимъ сторонамъ головы епископа позволяютъ прочесть со значительною степенью вѣроятности—съ лѣвой стороны: ὁ ἅγιος ἰππόλυτος «святой Ипполитъ», съ правой: πάπας τῆς ῥώμης «папа Римскій». Св. Ипполитъ—одинъ изъ папъ, почитаемыхъ православною церковью, чѣмъ онъ былъ важенъ составителю сборника, возлагавшему надежды на унию. На значеніе св. Ипполита въ религіозной литературѣ, не только греческой, но и нашей указалъ С. О. Долговъ въ своихъ замѣчаніяхъ на докладъ объ Уваровскомъ сборникѣ въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества 16 декабря 1888 г. Ср. къ стр. 35.— Тамъ-же (оборотъ). Изображеніе воина, выходящаго изъ храма, съ вѣнцомъ въ рукѣ, имѣеть, вѣроятно, такой смыслъ: воинъ не увѣнчанъ, такъ какъ еще только идетъ на борьбу съ невѣрными, но вѣнецъ обезпеченъ ему благословеніемъ, полученнымъ во храмѣ (отъ папы?). Во всякомъ случаѣ странно то, что этотъ воинъ идетъ по кресту, какъ бы попирая его. Храмъ, по замѣчанію проф. Шварца, восточный, но стиль его не выдержанъ.

Къ стр. 63 (л. V лиц. № 17). Въ надписи: γαβαῶ. На рисункѣ городъ западный; изъ войскъ, выстроенныхъ передъ нимъ, стоящее налѣво—также, по видимому, западное (по надписи «христиане»). Надпись новогреческая, слѣдовательно принадлежитъ составителю того извода, который представленъ Ув. спискомъ. Если высказанная выше догадка о двойномъ изводѣ этого сборника справедлива, картинка и надпись относятся къ разнымъ временамъ, а потому соответствіе между ними можетъ быть подвергнуто сомнѣнію.

Къ стр. 65 (тамъ-же обор. № 17). Въ началѣ ст. 7 Т, по видимому, передѣлано изъ П. Первоначальный видъ ст. 6 и 7 могъ быть таковъ: Ἦν πρὸς ἔνωσιν ἐκζητήσας ποτίσει τὸ πόμα Χριστοῦ εἰς πρεσβυτέραν Ῥώμην «выискавъ которую для единенія, напоитъ ее напиткомъ Христовымъ въ старомъ Римѣ». «Выискавъ»—продолженіе метафоры объ охотникѣ, по смыслу довольно неловкое. Εἰς съ вин. пад.—по новому вмѣсто древняго ἐν съ дат., какъ, вѣроятно, и было написано въ первоначальномъ изводѣ.

Къ стр. 66 (тамъ-же № 18). Подъ киноварной надписью «Здѣсь старшій Римъ» и пр. нѣтъ ни изображенія Рима, ни даже чистаго мѣста. Ожидаемый царь называется здѣсь ὁ βασιλεὺς ἀργυρός, № 20: τοῦ ἁγίου (?) βασιλέως и τοῦ βασιλέως τοῦ ἀργυροῦ.

Къ стр. 68 (тамъ-же № 20). Слѣдуетъ чистое мѣсто почти въ цѣлый столбецъ.

Къ стр. 69 (л. VI лиц. № 21 ст. 9). Читай φρίττων.

Къ стр. 69 (тамъ-же, проза). Πρὸ τούτου, вѣроятно, вмѣсто περὶ τούτου.— Слова, соответствующаго «родственнику» (см. переводъ г. Д.), въ подлинникѣ нѣтъ.— Вѣроятно, θεσρῶν съ дополненіемъ τὴν θέαν, отъ котораго зависитъ ἐνὸς ἀγγέλου и т. д., а δι ὀπτασίαν (вм. — ἰας) значитъ «въ видѣніи».

Г. Дестунисъ не безъ причины сомнѣвается въ правильности соединения и распорядка отдѣльныхъ листковъ. Въ самомъ дѣлѣ, листъ IV, съ изображеніемъ паны, не можетъ относиться къ л. III, съ которымъ онъ склеенъ. Въ свою очередь л. III, съ изображеніемъ Мухаммеда и Хадиги, находится, очевидно, въ неразрывной связи съ л. VI, гдѣ изображены тѣ же лица. Между тѣмъ л. VI склеенъ съ л. V, который всецѣло посвященъ Западу и такимъ образомъ по своему содержанію естественно примыкаетъ къ л. IV. И такъ первоначальный порядокъ послѣднихъ листковъ долженъ быть такой: III, VI, IV, V. Что касается первыхъ двухъ листковъ, то л. I положенъ на своемъ мѣстѣ, такъ какъ въ немъ говорится о современномъ автору царствованіи Мурада III и войнахъ его съ Персами, т. е. о событіяхъ, дающихъ смыслъ всему сборнику въ глазахъ его тогдашнихъ читателей, которымъ опасности, переживаемыя въ то время Турціей, должны были привести на память прежнія предсказанія о паденіи владычества невѣрныхъ. О положеніи л. II трудно сказать что-нибудь опредѣленное. Отдѣльный листокъ съ распятіемъ, если только онъ принадлежитъ къ составу сборника, долженъ занимать или первое мѣсто, въ видѣ предварительнаго намека на торжество христіанства подъ покровительствомъ Запада, или-же послѣднее, въ качествѣ заключительнаго выраженія западныхъ тенденцій автора. Кромѣ того л. VI, очевидно, повернуть неправильно: лицевой его стороною должна быть та, которая теперь оказывается оборотной, такъ какъ находящаяся на ней картинка служитъ непосредственнымъ продолженіемъ событія, изображенныхъ на лицевой сторонѣ л. III, въ которомъ относительно лица и оборота не можетъ быть никакого сомнѣнія, потому что живописнымъ изображеніемъ занята лишь одна его сторона.

САНИ, ЛАДЬЯ И КОНИ, КАКЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПОХОРОННАГО ОБРЯДА.

I.

САНИ.

Употребленіе саней при похоронномъ обрядѣ въ до-Петровской Руси.—Сани при погребеніи В. Кн. Владиміра въ іюлѣ мѣсяцѣ 1015 г.—Обычай «пронманія» помоста.—Толкованіе Котляревскаго.—«Потасніе» тѣла Владиміра.—Выраженіе «спрятать тѣло».—Перевязываніе умершаго.—Позднее введеніе деревяннаго переноснаго гроба.—Обычай вынесенія умершаго не черезъ двери, а чрезъ проломъ въ стѣнѣ или крышѣ.—Широкое распространеніе этого обычая въ древнія времена и теперь.—Объясненіе этого обычая.—Употребленіе саней при погребеніи и перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба.—Миніатюры Сильвестровскаго списка Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ.—Сани при похоронахъ другихъ великихъ князей въ XI—XIII вѣкахъ, въ лѣтнюю половину года.—Одръ въ видѣ саней при погребеніи митрополита Петра.—Сани въ похоронной процессіи съ тѣломъ В. Кн. Василія Ивановича.—Употребленіе «выносныхъ» саней при царскихъ похоронахъ въ XVII вѣкѣ по даннымъ дворцовыхъ разрядовъ и другихъ записей.—Разъясненіе обычая пользованія саними при похоронахъ.—Миѣніе Успенскаго и Котляревскаго и его несостоятельность.—Древнѣйшія русскія повозки на колесахъ.—Употребленіе саней при древнихъ царскихъ и частныхъ русскихъ свадьбахъ.—Сани при нѣкоторыхъ религіозныхъ церемоніяхъ въ XVI—XVII вѣкахъ, въ лѣтнее время въ Москвѣ.—Сани, какъ царскій подарокъ лѣтомъ.—Сани, какъ парадный и обыденный экипажъ патріарховъ и митрополитовъ.—Вербныя сани въ недѣлю Вай.—Состояніе въ прежнія времена дорогъ и улицъ.—Сани и колесные экипажи въ царскомъ и боярскомъ обиходѣ XVII вѣка.—Объясненіе употребленія саней при погребеніи, предложенное Труворовымъ, и его недостаточность.—Сани при похоронахъ у сѣверныхъ инородцевъ, у Приуральскихъ и Приволжскихъ Финновъ.—Перелезеніе покойника лѣтомъ на саняхъ—у Вотяковъ, Зырянъ, Черемисовъ и Чувашей.—То-же въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстностяхъ западной Европы.—Слѣды того-же обычая въ русскихъ сказкахъ.—Погребальныя сани у древнихъ Египтянъ.—Молотилки въ видѣ саней—на Востокѣ, въ сѣверной Африкѣ, въ южной Европѣ и въ Закавказьи.—Сани, какъ древнѣйшая повозка.—Первообразъ саней, волокуша, ея виды и ихъ распространеніе.—Этимологія слова «сани».—Преданія о болѣе позднемъ изобрѣтеніи повозки на колесахъ.—Два слова о генезисѣ телеги и колесъ.—Заключеніе.

Употребленіе саней при похоронномъ обрядѣ, не только зимою, но и лѣтомъ, было дѣломъ обычнымъ въ до-Петровской Руси, особенно въ княжескомъ и царскомъ обиходѣ, о которомъ до насъ дошло вообще гораздо болѣе свѣдѣній, чѣмъ о частной, народной жизни. Мы находимъ

рядъ извѣстій объ этомъ обычаѣ, начиная съ XI и до XIII вѣка, имѣемъ указанія на существованіе его въ XIV—XVI вѣкахъ и располагаемъ особенно обстоятельными свѣдѣніями отъ XVII вѣка. Древнѣйшее свидѣтельство находится въ лѣтописи подъ 1015 годомъ. Рассказывая, подъ 15-мъ числомъ іюля, о кончинѣ великаго князя Владиміра, лѣтописецъ говоритъ: «Умре-же на Берестовѣмъ, и потаиша ѿ, бѣ бо Святополкъ Киевѣ. Ночью же межю клѣтми проймавше помость, обертѣвши въ коверъ и ужи съвѣсиша на землю; *взложъше ѿ на сани, везъше, поставиша ѿ въ святѣй Богородици*, юже бѣ създалъ самъ. Се же увидѣвъше людье, безъ числа снисходяся и плакашася по немъ». ¹⁾ Изъ этого извѣстія видно, что несмотря на средину лѣта (іюль мѣсяцъ) тѣло великаго князя везли на санихъ и, какъ будто, на санихъ-же поставили его въ церкви. Было высказано предположеніе, что слово «сани» разумѣлось въ древности не всегда въ современномъ его значеніи, что въ данномъ случаѣ подъ «санями» слѣдуетъ разумѣть какую-то особую повозку на колесахъ,—мнѣніе раздѣлявшееся, между прочимъ, Успенскимъ (въ его «Опытѣ о русскихъ древностяхъ») и Котляревскимъ (въ его сочиненіи «О погребальныхъ обычаяхъ Славянъ»). Далѣе мы разберемъ этотъ вопросъ, покуда-же замѣтимъ, что въ подкрѣпленіе такого мнѣнія не было представлено никакихъ убѣдительныхъ данныхъ.

Приведенный рассказъ лѣтописца заслуживаетъ вниманія еще и въ другихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, загадочнымъ представляется выраженіе: «потаиша ѿ» и тотъ фактъ, что выносъ тѣла былъ сдѣланъ ночью и не черезъ двери, а чрезъ разобранный помость, послѣ чего однако тѣло было выставлено въ церкви, куда сошло множество народа. Котляревскій ²⁾ говоритъ по поводу приведеннаго извѣстія слѣдующее: «Лѣтописецъ наклоненъ объяснять этотъ поступокъ желаніемъ скрыть отъ Святополка смерть Владиміра, но не странно-ли, что вслѣдъ за тѣмъ тѣло умершаго князя выставляется въ церкви, къ нему приходятъ «людіе безъ числа», и похороны совершаются гласно и торжественно: объясненіе, очевидно, не идетъ къ происшествію. Мы имѣемъ основаніе видѣть здѣсь особый погребальный обычай, по которому усопшаго выносили не дверью, но разнимали помость и въ отверстіе спускали тѣло. Такой обычай сохранился и доселѣ у племенъ нѣмецкихъ и славянскихъ. Какъ бы ни объясняли точный смыслъ словъ лѣтописца, ³⁾ несомнѣннымъ останется, что тѣло Владиміра было вынесено не чрезъ дверь, а чрезъ проломъ. Подъ вліяніемъ христіанства языческій обычай сталъ глухимъ суевѣріемъ и въ такомъ видѣ встрѣчается въ началѣ XVII вѣка: по одному

¹⁾ Пол. Собр. Рус. Лѣт. I, стр. 56.

²⁾ Котляревскій, «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ». М. 1868, стр. 124.

³⁾ Весьма вѣрное объясненіе, по словамъ Котляревскаго, сдѣлалъ Борисовъ: тѣло князя, по его мнѣнію, было спущено съ верхнихъ въ нижнія сѣни чрезъ проломанный помость. Далѣе мы увидимъ, что едва-ли это объясненіе вѣрно.

крынають оленьими шкурами и, увязавъ плетеными ремнями, выносятъ ногами впередъ въ особое отверстіе, сдѣланное въ чумъ». У Тунгузовъ, «какъ скоро кто померъ, чумъ немедленно съ одной стороны раскрывается и въ снятый нюкъ (верхняя покрышка чума изъ оленьихъ шкуръ) зашиваютъ покойника въ томъ самомъ платьѣ, въ которомъ онъ померъ, и кладутъ на лабазъ, устроенный между двухъ или трехъ деревьевъ въ сажень отъ земли; на этомъ помостѣ при покойникѣ кладутъ принадлежащія ему вещи... и затѣмъ трупъ обставляютъ досками на подобіе гроба». У Енисейскихъ Остяковъ, «умершій выносится не дверью, а въ особое отверстіе, сдѣланное въ чумъ и кладется на лабазъ, устраиваемый какъ у Тунгузовъ». У Маньзовъ (Вогуловъ) «тѣло умершаго выносится не черезъ дверь, а чрезъ окно или чрезъ особое отверстіе, нарочно прорѣзанное, если покойникъ находится въ чуму»¹⁷⁾. Съ тѣмъ же обычаемъ мы встрѣчаемся и въ Америкѣ, у Эскимосовъ и различныхъ племенъ Индѣйцевъ. Такъ, Оджибвеи и Алгонкинцы выносятъ своихъ покойниковъ не черезъ дверь, а чрезъ нарочно проломанное отверстіе въ стѣну (или крышу) вигвала¹⁸⁾. У нѣкоторыхъ племенъ Эскимосовъ, когда больной находится при смерти, строятъ наскоро шалашъ, снабжаютъ его ночникомъ, провизіей и другими необходимыми предметами и переносятъ въ него умирающаго, но не черезъ дверь, а чрезъ проломъ въ стѣну, и оставляютъ его тамъ умирать одного¹⁹⁾. У другихъ племенъ Эскимосовъ (въ Гренландіи), по словамъ Кранца, умершій вытаскивался изъ зимняго жилища чрезъ окно, а изъ лѣтняго чума чрезъ разборъ его покрышки. За покойникомъ шла старуха, махая зажженной лучиной и крича—«пиклеррукпокъ», что значитъ «здѣсь для тебя ничего нѣтъ»²⁰⁾. О похоронахъ одного вождя Индѣйцевъ-Тлинкитовъ (въ бывшей Русской Америкѣ), практикующихъ еще и теперь сожженіе труповъ, корреспондентъ газеты «New-York Herald» сообщалъ недавно слѣдующее²¹⁾. «Трупъ былъ разукрашенъ по праздничному и помѣщенъ въ сидячемъ положеніи у середины задней стѣны его дома. На головѣ его была деревянная шляпа съ вырѣзанными на ней изображеніями вороновъ, лице его было раскрашено, вокругъ тѣла обернуто шерстяное одѣяло, украшенное пуговицами. На колѣняхъ трупа были положены два красивыхъ коврика индѣйской работы, а на нихъ пачка рекомендательныхъ писемъ, присланныхъ покойному въ разное время мѣстнымъ начальникомъ и другими болѣе

¹⁷⁾ Рукописное свидѣніе, полученное мною отъ Н. Л. Гондатти; у Лопарей въ прежнее время также практиковался обычай — выносить покойника чрезъ отверстіе, проделанное въ стѣнѣ напротивъ двери.

¹⁸⁾ Waitz, Anthropologie der Naturvölker. III. S. 199. Вайцъ почему-то считаетъ этотъ обычай «вѣроятно новымъ» (wahrscheinlich neue), повидимому, безъ достаточныхъ основаній. Извѣстно, что онъ существовалъ ужъ у древнихъ Караивовъ.

¹⁹⁾ Wood, the Natural History of Man. II. L. 1870, p. 719.

²⁰⁾ Crantz, Beschreibung von Grönland. I, S. 300.

²¹⁾ «New-York Herald» 1881, 16 Апрѣля; см. Krause, Die Tlinkit Indianer. Jena. 1885. S. 225.

ляется нѣсколько болѣе правдоподобнымъ, но и оно возбуждаетъ сомнѣнія, такъ какъ, очевидно, что если тѣло князя было погребено при многочисленномъ стеченіи народа, то кончина его не могла не сдѣлаться извѣстною, и вѣсть о ней легко могла дойти до братьевъ Святополка, какъ это дѣйствительно и случилось. Съ другой стороны, выраженіе «потайша ѿ» невольно вызываетъ сопоставленіе его съ выраженіемъ «спрятавшѣ», встрѣчающимся позже весьма часто въ лѣтописи при описаніяхъ похоронъ. Такъ о похоронахъ Ярослава говорится: «Всеволодъ же спрята тѣло отца своего, везоша ѿ Киеву, ... принесше, положиша ѿ въ рацѣ мороморянѣ, въ церкви святое Софѣѣ»; о мнихѣ Исакиѣ: «и братья спрятавшѣ тѣло его и погребоша ѿ»; о Ярополкѣ Изяславичѣ (1170 г.), что, узнавъ о его болѣзни, братъ его Мстиславъ «посла къ игумену Поликарпови и къ Данилови попови своему, веля има ѣхати къ брату Ярополку, река има тако; аще ва Богъ поиметь брата моего, да спрятавшѣ тѣло его везите же къ святому Феодору»; о Мстиславѣ Ростиславичѣ (1179): «и тако спрятавшѣ тѣло его, съ честью и съ благохвальными пѣснями и съ кадилы благоуханьными... и положиша тѣло его въ той же гробници, идѣже лежитъ Володимеръ, сынъ великаго князя Ярослава Володимерича»; о Романѣ Ростиславичѣ (1180): «и спрятавшѣ тѣло его епископъ Константинъ, игумени вси, съ благохвальными пѣснями и съ кандѣлы благоуханьными, положиша тѣло его въ святѣй Богородици. И плакашася по немъ вси смолняне, паче же и сынове его плакахуся... и послѣднюю службу створше родителю своему, опрятавшѣ тѣло его, вложиша въ гробъ» и т. п. ⁵⁾ Нельзя-ли предположить, что выраженіе «потайша ѿ» могло употребляться иногда въ смыслѣ «спрятавшѣ» и что слова «бѣ бо Святополкъ Киевѣ» были прибавлены уже впоследствии для объясненія утратившаго свой прежній смыслъ выраженія; этимъ могли-бы изясняться различія въ истолкованіи цѣли и инициативы «потайшенія», о которомъ притомъ въ другихъ источникахъ (лѣтописяхъ и житіяхъ) и совершенно умалчивается. ⁶⁾ Лингвисты доказываютъ однако, что слова «таити», «потайти» являются въ славянскихъ языкахъ со значеніемъ — «скрывать» или въ переносномъ отсюда (словенск. *tajiti* — *leugnep*), тогда какъ первоначальное значеніе *прятати* было «связывать».

Любопытно, что во всѣхъ только что приведенныхъ извѣстіяхъ нигдѣ не упоминается о выносѣ тѣла въ гробу, и подъ гробомъ размѣется могила или гробница въ церкви, иногда мраморная, иногда вмѣстившая уже въ себѣ ранѣе останки другаго лица, такъ что подъ «спря-

⁵⁾ Полн. Соб. рус. Лѣт. I. стр. 70, 85, 88; II. стр. 10, 22, 29, 74, 91, 98, 102, 121, 123, 144 и друг. Интересно сопоставить также извѣстіе о Татарахъ путешественника XIII в. Платона Карпини, который говоритъ, что знатный татаринъ выносился изъ жилья и погребался всегда скрытно (*sepelitur occulto*) см. «Путешест. къ татарамъ» Спб. 1825. Платон Карпини, стр. 94—95.

⁶⁾ Въ словарѣ Даля: «спрятать, убрать, сохранить; скрыть, схоронить, *по(у)таить*. Спрятать, старин.—опрятать, обмыть, одѣть, убрать».

таніемъ» («опрятаніемъ») слѣдуетъ очевидно разумѣть въ этомъ случаѣ—обертываніе и увязываніе тѣла въ «коверъ», полстину, корзно (плащъ) и т. п., подобно тому, какъ это и говорится о князѣ Владимірѣ. Слово «коверъ» впрочемъ могло означать и не коверъ въ современномъ его смыслѣ, а просто толстую, тканую полсть, войлокъ или одѣяло ⁷⁾. Изъ описанія лѣтописца видно, что обернувши тѣло въ «коверъ», перевязывали его «ужами» (веревками), за свѣсившіеся концы которыхъ и брали, вѣроятно, трупъ при его переносѣ и опусканіи въ могилу. Выраженіе «спрятать» тѣло имѣло первоначально смыслъ по преимуществу увязыванія его ужами, веревками, въ извѣстную оболочку ⁸⁾.

Какъ извѣстно, перевязываніе умершихъ было весьма распространено не только на Востокѣ, напримѣръ въ Египтѣ (гдѣ муміи обертывались широкими полотняными лентами, длина которыхъ доходила до сотенъ футовъ), въ Палестинѣ и т. д., но и у многихъ другихъ, культурныхъ и первобытныхъ народовъ. Такъ многія индѣйскія племена Америки обертываютъ и теперь еще своихъ покойниковъ въ шерстяныя одѣяла, перевязываютъ ихъ веревками или ремнями и такъ несутъ или везутъ на мѣсто погребенія. Древнія перуанскія муміи (такъ же какъ и находимыя на сѣверо-западныхъ берегахъ Сѣверной Америки) всѣ приведены въ сидящее (съ подведенными къ туловищу ногами) положеніе, обернуты тканями и перевязаны веревками. Первобытные Австралійцы, именно тѣ племена ихъ, которыя практикуютъ погребеніе труповъ или выставленіе ихъ на особыхъ подмосткахъ, также обертываютъ умершаго въ шкуры опоссума и затѣмъ крѣпко его перевязываютъ. Сибирскіе инородцы-звѣроловы (Тунгусы и друг.) заворачиваютъ трупъ въ звѣриныя шкуры, связываютъ ремнями и въ такомъ видѣ ставятъ его на возвышенный помостъ или, какъ теперь

⁷⁾ Когда былъ убитъ Андрей Боголюбскій и тѣло его было выброшено на огородъ, то одинъ киевлянинъ Кузмище, жалѣя о князѣ, просилъ убійцу, ключника Амбала, о прикрытіи трупа: «сверзи коверъ-ли что-ли, что постылати или чимъ прикрыти господина нашего», и Амбалъ, сначала отказавшій въ томъ, наконецъ «сверже коверъ и корзно», и Кузмище «обертѣвъ ѿ и несе ѿ въ церковь... прикрывъ ѿ корзномъ». П. С. Р. Л. II, стр. 114—115.— Слово «коверъ» толкуется въ словарѣ Даля какъ «толстая тканая полсть, полстина; узорчатая, обычно шерстяная подкладка». *Ковѣра* въ Курской губ. употребляется въ значеніи одѣяла. — Впрочемъ и настоящіе ковры были довольно распространены у Норманновъ, которые вели ими значительную торговлю. (*Weingold, Altnordisches Leben*). Одѣваніе и положеніе покойника въ гробъ еще въ началѣ XVIII в. называлось официально «скутаніемъ и «окутываніемъ». См. «Матеріалы для исторіи Москвы», изд. подъ руковод. Забѣлина, I. стр. 1083.

⁸⁾ Слово *потаити*—въ церковно-славянскомъ языкѣ Миклошичъ переводить—*abscondere, celare*. *Съ—пратати* въ церковно-славянскихъ текстахъ, по Миклошичу, имѣетъ значенія: *contrahere, supprimere, sedare, componere ad sepulturam, deponere*. По мнѣнію Ф. Ф. Фортунатова, наиболѣе основное значеніе славянскаго *пратати* должно быть «связывать» или «стягивать». Въ письмѣ ко мнѣ по поводу исторіи значенія этого слова Ф. Ф. предлагаетъ, между прочимъ, сравнить значенія латинскаго *componere*: «складывать, соединять, связывать, составлять, сочинять, приводить въ порядокъ, оправлять, выставять» (о тѣлѣ умершаго) и т. д., а также сравнить, напримѣръ, различныя значенія нашего «прибирать».

чаще, хоронятъ въ землѣ. Обыкновеніе класть покойника въ гробъ, — замѣчаетъ Котляревскій, — не было, кажется, непремѣннымъ обычаемъ славянскаго язычества; на это указываетъ и переносное значеніе слова «гробъ», собственно вырытое мѣсто, готск. graban, лит. grabas, могильная комната, потомъ переносно — ящикъ, въ которомъ хоронятъ мертвеца; въ первомъ значеніи слово часто встрѣчается въ древне-русскомъ языкѣ и въ нынѣшнемъ малорусскомъ. Въ смыслѣ погребальнаго ящика значеніе слова, несомнѣнно, не древнее; это подтверждается и тѣмъ, что у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, напримѣръ — Болгаръ, тѣло еще въ недавнее время опускалось прямо въ землю; равнымъ образомъ нѣтъ гробовъ (по Караджичу) и въ Черногоріи, но простыя доски, которыми обставляется тѣло покойника. «Такъ точно было и на Руси уже по принятіи христіанства; тѣло обертывалось въ лубъ, отчего гробъ вообще назывался *корстой* (мощи Никиты Переяславскаго были найдены «въ берести»). Покойникъ, который сожигался, не имѣлъ нужды въ гробѣ, не имѣлъ въ томъ особой нужды и погребаемый; его, какъ свидѣтельствуютъ Ибнъ-Доста, Массуди и множество могилъ, прямо могли полагать въ могильную комнату. Тѣмъ не менѣе, у языческихъ Славянъ были, кажется, въ употребленіи и особаго рода гробы въ видѣ пустыхъ выдолбленныхъ колодъ, въ которыя прятали мертвеца». ⁹⁾ Не касаясь вопроса о колодахъ, о которыхъ намъ придется говорить въ другомъ отдѣлѣ настоящей статьи, замѣтимъ, что переносный деревянный гробъ вошелъ, повидимому, въ употребленіе, сравнительно у немногихъ народовъ и лишь въ позднѣйшее время получилъ болѣе широкое распространеніе. Переноснаго гроба нѣтъ у Австралійцевъ, Папуасовъ, Индѣйцевъ, Негровъ и многихъ азіатскихъ народовъ; его не было у древнихъ Грековъ; у Римлянъ онъ вошелъ въ употребленіе, по крайней мѣрѣ у высшихъ классовъ, также сравнительно поздно; даже въ Германіи, еще въ прошломъ столѣтіи, мѣсто гроба занималъ нерѣдко пеньковый мѣшокъ или бѣлый оберточный холстъ. Въ городѣ Равенбургѣ, еще въ 1742 г. трупъ зашивался въ холстъ, относился на кладбище на общественныхъ носилкахъ, тамъ снимался съ нихъ и клался въ могилу. Въ Цюрихскомъ кантонѣ существовалъ такой же обычай: тѣло зашивалось до лица въ холстъ и переносилось на кладбище на скамьѣ, безъ гроба, даже въ городѣ ¹⁰⁾. Въ Россіи многіе инородцы: Лопари, Самоѣды, Остяки, Черемисы, Чуваши, Вотяки, Татары, Киргизы — хоронили до недавняго времени своихъ покойниковъ безъ гроба, обкладывая только ихъ въ могилѣ берестой или досками, а нѣкоторые поступаютъ такъ еще и

⁹⁾ Котляревскій, I. с. стр. 218. Слово *керста* употребляется еще и теперь въ Архангельской губ. (Онежск. у.) въ смыслѣ могилы. «Ходила на керсту». См. «Опытъ областного великорусскаго словаря». Спб. 1852, стр. 82. У Вотяковъ гробъ называется *kogos*; прежде Вотяки хоронили въ берестѣ. «Корстою» называлась иногда и мраморная гробница. Такъ, о тѣлѣ Владиміра сказано: «и вложиша ѿ въ *корсту* мраморяну».

¹⁰⁾ *Rochholz*, Deutscher Glaube und Brauch B. 1867. I. S. 193.

современному извѣстію, тѣло Бориса Годунова, оглашеннаго чародѣемъ, было извергнуто изъ могилы (въ Архангельскомъ соборѣ) чрезъ нарочно сдѣланный въ стѣнѣ проломъ. Въ современномъ быту, когда умирающій долго томится, то, чтобы помочь душѣ его выйти изъ тѣла, считаютъ нужнымъ приподнять въ потолокъ *матицу* (отсюда и народная примѣта— «матица трещить, кто нибудь умретъ»). Колдуны, по народнымъ разсказамъ, всегда долго томятся въ предсмертныхъ мукахъ; для облегченія кончины ихъ также приподнимаютъ потолочную матицу и тѣла такихъ людей выносятъ не въ дверь, а вытаскиваютъ вонъ *изъ окна*. При повальной болѣзни, мертвцовъ иногда выносятъ *не дверью, а чрезъ окно*; у Мазуровъ, когда у кого умираютъ дѣти и хотятъ прекратить это, то тѣла ихъ выносятъ не въ дверь, а спускаютъ *чрезъ окно*. Эти ослабѣлые остатки древности даютъ намъ нѣкоторое право предполагать въ лѣтописномъ извѣстїи о смерти Владиміра не какую нибудь случайную черту, но особый погребальный обычай языческой старины. Смысль его темень: быть можетъ его создала мысль, что мертвецъ, отошедшій изъ царства жизни, не долженъ выходить тѣмъ же путемъ, который служитъ для прихода и ухода живыхъ; смерть не должна знать семейнаго порога и двери, открывающейся лишь для родныхъ и друзей». Но почему мертвецъ не долженъ выходить тѣмъ же путемъ, которымъ выходятъ живые,—для разясненія этого вопроса Котляревскій даже не сдѣлалъ попытки...

Къ приведенному толкованію Котляревскаго слѣдуетъ прибавить, что въ другихъ лѣтописяхъ «утаеніе» смерти Владиміра приписывается приказанію Святополка: «Въ лѣто 6523 (1015) Володымеръ готовяшеся на Ярослава сына своего, не вѣдый, яко прїйде конецъ живота его; не помозѣ бо вопадѣ въ болѣзнь велику. И въ то время прїйде ему вѣсть, яко Печенѣзы идуть на Русь; бяху же тогда при немъ два сыны его, Борисъ и Святополкъ. Володымеръ же боленъ сый, не могій самъ пойти противу Печенѣговъ, но посла противу имъ, со всею силою, Бориса сына своего, а Святополкъ оста въ Кіевѣ. Володымеръ же, день отъ дня изнемогая, преставися съ добрымъ исповѣданіемъ въ 15 день мѣсяца іюля, на Берестовомъ, княживъ лѣтъ 35, въ невѣрїи лѣтъ 8, а окрестившися 27 лѣтъ. Святополкъ же, хотя самъ сѣсти на великомъ княженїи кїевскомъ по Володымеру отцу своему, повелѣ таити смерть его; и тоя ноци тай вземъ тѣло его и положи въ церкви Пресвятой Богородици. Но единаче людіе всѣ увѣдаша, иже и собрашася всѣ отъ мала и до велика, и плакахуся по немъ, яко по отцѣ и заступнику. И положиша его честно, съ обычными пѣсньми, въ церкви Пресвятой Богородици, въ гробѣ мраморнѣмъ». Далѣе говорится, что «Святополкъ, по смерти отца своего, сѣде на великомъ княженїи кїевскомъ и умысли таити еще смерть Володымера отца своего, дондеже бы моглъ избити всю братїю нечаянно, а самъ единовластецъ сотворитися въ Руси». ⁴⁾ Это объясненіе представ-

⁴⁾ Пол. Соб. рус. Лѣт. II, стр. 261.

Относительно «проиманія помоста» для выноса тѣла приведенное выше замѣчаніе Котляревскаго нуждается въ пополненіи. Обычай выношенія трупа не черезъ дверь, а чрезъ особое, нарочно продѣланное отверстіе, несомнѣнно, весьма древній и существовалъ не у однихъ только германскихъ и славянскихъ народовъ. Мы встрѣчаемъ его еще и теперь въ различныхъ частяхъ свѣта и у многихъ первобытныхъ и варварскихъ племенъ. Обдорскіе Самоѣды, напримѣръ, не выносятъ трупъ изъ чума чрезъ то отверстіе, въ которое входятъ живые, *а раскрываютъ чумъ съ противоположной стороны на столько, чтобы ложно было вытаскать потоломъ мертвеца*, кладутъ его въ гробъ, сколоченный изъ досокъ, лицо мертвому и вообще голову зашиваютъ въ сукно, въ гробъ кладутъ все принадлежности мертвеца, которыя были необходимы ему при жизни... и въ такомъ видѣ уносятъ гробъ на кладбище»¹⁴⁾. Архангельскіе Самоѣды— *«раздираютъ чумовое покрывало въ толъ лѣсть, противъ котораго лежитъ покойникъ и переламываютъ шесты, на которыхъ оно держится, выносятъ въ это отверстіе покойника, одѣваютъ его въ ту одежду, которую онъ при жизни носилъ и завертываютъ въ оленью шкуру»*¹⁵⁾. Подобнымъ же образомъ поступаютъ и Енисейскіе (Туруханскіе) Самоѣды, а равно и другіе инородцы того же края, — Остяки, Юраки, Тунгузы по описанію Третьякова¹⁶⁾. «Когда въ семьѣ Самоѣда кто-либо умретъ, то картина отчаянія бываетъ, по истинѣ, самая печальная. Не довѣряя своимъ глазамъ, покойника, «бодырьбу», сначала трясутъ, приподнимаютъ и крикомъ стараются вызвать къ жизни: на всѣхъ лицахъ виднѣнъ ужасъ, и вскорѣ все жилище оглашается воплями. Наконецъ, умершаго обмываютъ, одѣваютъ въ лучшую одежду..., на глаза накладываютъ повязку съ двумя корольками (бусами) и, обернувъ тѣло оленьими шкурами, зашиваютъ въ холстъ или одѣяло. *Выносятъ покойника не въ дверь, а по направленію головы; въ моментъ его смерти для того въ толъ лѣсть разбираютъ чумъ*. Юраки, «прикрывъ сомкнутые глаза покойника лоскутомъ ровдуги (замши), на которомъ нашиты два королька, одѣваютъ его въ лучшее платье, по-

послѣ божественныя литургіи и по отпѣваніи во соборной церкви Успенія Пр. Богородицы св. патріархъ въ деревянномъ гробѣ и съ зеленымъ бархатомъ со всѣмъ опущенъ въ каменную гробницу; а со одра и съ гробовой покрывалки черныи бархатъ снять долой»... См. «Матеріалы», стр. 1055, 1063, 1083.—По словамъ Георги, у Казанскихъ и Оренбургскихъ Татаръ «умершаго несутъ къ могилѣ во гробѣ, головою впередъ, а въ могилу опускается безъ гроба». По Фуксу («Казанскіе Татары» Каз. 1844, стр. 73) «покойника кладутъ на лубокъ и на плечахъ выносятъ изъ дома... Во могилѣ дѣлается боковая ниша, въ которую тѣло, снявъ съ лубка, кладутъ на правый бокъ, лицомъ къ Меккѣ.

¹⁴⁾ Кушелевскій, Сѣверный-Полюсь и земля Ялмалъ. Спб. 1868, стр. 119. Обычай класть въ гробъ, повидимому, заимствованъ у Русскихъ. Другія племена Самоѣдовъ гроба не знаютъ.

¹⁵⁾ Иславинъ, Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту. Спб. 1847, стр. 135 и 136.

¹⁶⁾ Третьяковъ, Туруханскій край, его природа и жители. Спб. 1871, стр. 168, 177, 184, 189.

таніемъ» («опрятаніемъ») слѣдуетъ очевидно разумѣть въ этомъ случаѣ—обертываніе и увязываніе тѣла въ «коверъ», полстину, корзно (плащъ) и т. п., подобно тому, какъ это и говорится о князѣ Владимірѣ. Слово «коверъ» впрочемъ могло означать и не коверъ въ современномъ его смыслѣ, а просто толстую, тканую полсть, войлокъ или одѣяло ⁷⁾. Изъ описанія лѣтописца видно, что обернувши тѣло въ «коверъ», перевязывали его «ужами» (веревками), за свѣсившіеся концы которыхъ и брали, вѣроятно, трупъ при его переносѣ и опусканіи въ могилу. Выраженіе «спрятать» тѣло имѣло первоначально смыслъ по преимуществу увязыванія его ужами, веревками, въ извѣстную оболочку ⁸⁾.

Какъ извѣстно, перевязываніе умершихъ было весьма распространено не только на Востокѣ, напримѣръ въ Египтѣ (гдѣ муміи обертывались широкими полотняными лентами, длина которыхъ доходила до сотенъ футовъ), въ Палестинѣ и т. д., но и у многихъ другихъ, культурныхъ и первобытныхъ народовъ. Такъ многія индѣйскія племена Америки обертываютъ и теперь еще спонхъ покойниковъ въ шерстяныя одѣяла, перевязываютъ ихъ веревками или ремнями и такъ несутъ или везутъ на мѣсто погребенія. Древнія перуанскія муміи (такъ же какъ и находимыя на сѣверо-западныхъ берегахъ Сѣверной Америки) всѣ приведены въ сидящее (съ подведенными къ туловищу ногами) положеніе, обернуты тканями и перевязаны веревками. Первобытные Австраійцы, именно тѣ племена ихъ, которыя практикуютъ погребеніе труповъ или выставленіе ихъ на особыхъ подмосткахъ, также обертываютъ умершаго въ шкуры опоссума и затѣмъ крѣпко его перевязываютъ. Сибирскіе инородцы—звѣроловы (Тунгусы и друг.) запертываютъ трупъ въ звѣриныя шкуры, связываютъ ремнями и въ такомъ видѣ ставятъ его на возвышенный помостъ или, какъ теперь

⁷⁾ Когда былъ убитъ Андрей Боголюбскій и тѣло его было выброшено на огородъ, то одинъ кіевлянинъ Кузмище, жалѣя о князѣ, просилъ убійцу, ключника Амбала, о прикрытіи трупа: «сверзи коверъ-ли что-ли, что постылати или чимъ прикрыти господина нашего», и Амбалъ, сначала отказавшій въ томъ, наконецъ «сверже коверъ и корзно», и Кузмище «обертѣвъ ѿ и несе ѿ въ церковь, .. прикрывъ ѿ корзномъ». П. С. Р. Л. II, стр. 114—115.— Слово «коверъ» толкуется въ словарѣ Даля какъ «толстая тканая полсть, полстина; узорчатая, обычно шерстяная подкладка». *Ковѣра* въ Курской губ. употребляется въ значеніи одѣяла. — Впрочемъ и настоящіе ковры были довольно распространены у Норманновъ, которые вели ими значительную торговлю. (*Weingold, Altnordisches Leben*). Одѣваніе и положеніе покойника въ гробъ еще въ началѣ XVIII в. называлось официально «скутаніемъ и окутываніемъ». См. «Матеріалы для исторіи Москвы», изд. подъ руковод. Забѣлина, I, стр. 1083.

⁸⁾ Слово *потаити*—въ церковно-славянскомъ языкѣ Миклошичъ переводитъ—*abscondere, celare*. Съ—*пратати* въ церковно-славянскихъ текстахъ, по Миклошичу, имѣетъ значенія: *contrahere, supprimere, sedare, componere ad sepulturam, deponere*. По мнѣнію Ф. Ф. Fortunatova, наиболѣе основное значеніе славянскаго *пратати* должно быть «связывать» или «стягивать». Въ письмѣ къ мнѣ по поводу исторіи значенія этого слова Ф. Ф. предлагаетъ, между прочимъ, сравнить значенія латинскаго *componere*: «складывать, соединять, связывать, составлять, сочинять, приводить въ порядокъ, исправлять, выставлать» (о тѣлѣ умершаго) и т. д., а также сравнить, напримѣръ, различныя значенія нашего «прибирать».

важными бѣлыми, и кинжалъ въ ножнахъ, украшенныхъ рѣзьбою. По одну сторону отъ покойника были выставлены его сокровища, состоявшія большей частью изъ шерстяныхъ одѣялъ и ковровъ; по другую сторону, завернувшись въ одѣяло, сидѣла его жена; она не могла говорить ни съ кѣмъ въ теченіе восьми дней послѣ смерти мужа. Передъ сожженіемъ трупа *была разобрана часть задней стѣны дома и трупъ былъ вынесенъ чрезъ образованное такимъ образомъ отверстіе*, въ сопровожденіи живой собаки, которая, по понятіямъ Индѣйцевъ, должна унести съ собою всякій слѣдъ болѣзни, произведшей смерть». Трупъ былъ положенъ на костеръ изъ кедровыхъ полѣньевъ, устроенный въ видѣ квадратнаго сруба, внутрь котораго и опустили покойника на шерстяной коверъ, а сверху покрыли другими полѣньями. Во время горѣнія костра десять Индѣйцевъ колотили въ тактъ палками по доскѣ; родственники сидѣли въ это время на корточкахъ, обратившись къ огню спиною. Сожженіе сопровождалось раздачей подарковъ, а пепелъ былъ собранъ въ одѣяло и положенъ въ небольшой деревянный ящичекъ.—Наконецъ, то же обыкновеніе выносить покойника не обычнымъ ходомъ, а чрезъ особое отверстіе, было констатировано и въ Африкѣ,— у Готтентотовъ, Бушменовъ, Бечуановъ, Кимбунда и другихъ негритявскихъ племенъ (при чемъ въ области р. Конго былъ подмѣченъ обычай, что трупъ выбрасывался чрезъ отверстіе въ крышѣ), а равно существуетъ и въ Полинезій, напр. на островахъ Фиджи²²⁾, также въ Индіи, въ странѣ Лаосъ, на островѣ Бали, у Сіамцевъ (которыя, кромѣ того, трижды обносятъ бѣгомъ покойника вокругъ жилища), а ранѣе— въ Тибетѣ и въ Китаѣ. По словамъ путешественника XIII в. Марко Поло, въ странѣ Тангутъ (Тибетѣ, гдѣ господствовалъ уже буддизмъ) существовали замѣчательные похоронные обряды, предшествовавшіе сожженію трупа. Между прочимъ, говоритъ Марко Поло, «иногда звѣздочеты объявляютъ роднымъ, что тѣло нельзя выносить изъ дома черезъ главную дверь... и что должно выносить его съ другой стороны. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они даже заставляютъ родныхъ *проламывать стѣну* прямо противъ благопріятной и благодѣтельной планеты и выносить покойника черезъ это отверстіе, представляя имъ, что если не сдѣлаютъ такъ, духъ покойника разсердится на свою семью и станетъ дѣлать ей зло». Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло, очевидно, съ древнимъ обычаемъ, нѣсколько видоизмѣнившимся подъ вліяніемъ буддизма. Относительно Китая извѣстно изъ свѣдѣній, собранныхъ въ прошломъ столѣтіи іезуитами, что ранѣе, для выноса богдыхановъ и ихъ женъ открывались во дворцѣ новыя двери, но что одинъ богдыханъ измѣнилъ потомъ этотъ обычай, который сохранился еще въ болѣе отдаленныхъ провинціяхъ. Въ настоящее

²²⁾ Относительно Готтентотовъ см. *Bastian Der Mensch in der Geschichte* L. 1869. II. S. 322—323; о другихъ африканскихъ народахъ — *Тайлоръ*, Первооб. Культура II, 104. У негровъ Бамбарра, по словамъ Раффенеля, тѣло короля, хотя выносятся изъ дворца и черезъ двери, но двери эти послѣ того закладываются камнемъ, см. *Waitz, Antropologie* II, 199. О племенахъ Конго; см. *J. Liebrecht, Zur Volkskunde*. 1879. S. 372.

теперь ¹¹⁾. Собственно у Русскихъ, по крайней мѣрѣ у высшихъ классовъ, деревянный переносный гробъ вошелъ въ употребленіе также, по видимому, поздно, и даже тѣло в. к. Василя Ивановича († 1534) было несено въ церковь на одрѣ и лишь по отпѣваніи опущено въ каменную гробницу ¹²⁾. Даже въ XVII в., когда гробъ сталъ составлять неизбѣжный атрибутъ похоронъ, онъ употреблялся иногда только какъ временный пріемникъ тѣла, для отнесенія его въ церковь, гдѣ, послѣ отпѣванія, тѣло снова вынималось и опускалось уже въ каменную гробницу, которая за тѣмъ закрывалась плитой и задѣлывалась. Такъ поступали именно съ тѣлами патріарховъ въ Москвѣ, причемъ относительно патріарха Іоасафа есть свѣдѣніе, что временный деревянный гробъ его царь Михаилъ Федоровичъ приказалъ поставить (послѣ погребенія тѣла) на соборную колокольню подъ большой колоколъ ¹³⁾.

¹¹⁾ По словамъ Миллера («Описаніе живущихъ въ Казан. губ. языческихъ народовъ, яко то Черемисъ, Чуванъ и Вотяковъ». Спб. 1791)—«Черемисы и Чуваши кладутъ умершихъ въ могилу между двумя досками и сверху оныхъ покрываютъ еще доскою»; «Вотяки погребаютъ умершихъ въ ихъ платье, обвернувши берестами».—Георги говоритъ объ отсутствіи гробовъ у Лопарей, Вотяковъ, Вогуловъ, Татаръ, Мордвы и др. Гробъ еще и нынѣ не употребляется у многихъ урало-алтайскихъ народностей, у Тунгузовъ, Самоѣдовъ, Калмыковъ, у Черемисовъ Оренбур. губ., (*Черемшанскій*, Описаніе Оренб. губ. Уфа 1859, стр. 191) у Черемисовъ Красноуфимскаго у. Перм. губ., у нѣкоторыхъ Вотяковъ и т. д. По словамъ Островскаго: «въ старину Вотяки хоронили покойниковъ, какъ и Татары, безъ гробовъ. Но такъ какъ крещеніе подвергались за это преслѣдованію, то обыкновенно употреблялась хитрость: на кладбище приносили покойника въ гробу, но гробъ сколачивался такъ, что когда покойника опускали въ могилу, то доски распались сами собою, и мертвое тѣло опускалось въ одной одеждѣ; доски же ставились въ сторонкѣ до слѣдующаго покойника. См. *Островскій*, Вотяки Казан. губ. Каз. 1874, стр. 40.

¹²⁾ Это видно изъ соотвѣтственной миниатюры, изображающей похоронное шествіе и приложенной къ рукописной «Царственной Книгѣ», въ Синодальной библиотекѣ.

¹³⁾ Въ выпискахъ изъ дѣлъ Патріаршаго Приказа, изд. въ «Матеріалахъ для исторіи, археологіи и статистики Москвы», собр. В. и Г. Холмогоровыми, подъ рук. И. Е. Забѣлина, находимъ, между прочимъ, слѣдующія свѣденія (въ расходныхъ книгахъ): 1) «Генваря 1 (1641 г.), соборныя церкви Успенія Пр. Богородицы, сторожамъ Сенькѣ Омелянову съ товарищи за гробъ дубовый, въ чемъ св. патріархъ (Іоасафъ) вынесенъ въ соборъ и изъ того гроба переложень въ каменный гробъ, имъ 2 руб.; а тотъ гробъ по государеву указу велѣно поставить въ колокольницу, подъ большой колоколъ. 2) «198 г. марта въ 17 день (1689 г.)... подъячему Тимофею Васильеву, что онъ купилъ къ погребенію ковчегъ дубовый, сирѣчь гробъ, въ чемъ было положено тѣло святѣйшаго патріарха Іоакима и несено до каменнаго гроба его, и въ соборной церкви изъ того ковчега тѣло его переложено въ гробъ каменный, безъ деревяннаго ковчега, и за тотъ деревянный ковчегъ 2 руб.» Последній патріархъ, Адріанъ, былъ однако уже опущенъ въ могилу вмѣстѣ съ гробомъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующая запись: 3) «1700 г. октября въ 15 день тѣло... св. Киръ-Адріана скутано и положено въ гробъ, а на окутаніе его св. патріарха тѣла въ гробъ выдано бархату зеленаго гладкаго одинакова 6 аршинъ; и тотъ бархатъ сшить въ два полотнища и посланъ во гробу сверхъ тафтянаго тюфяка, и положено въ томъ бархатѣ тѣло св. патріарха. Да на обивку одра и рукоятокъ, на которомъ въ церковь вынесено тѣло св. патріарха, выдано бархату чернаго гладкаго одинакова 13 арш. съ 1/4... 11 октября въ 17 день, въ четвертокъ

великаго князя Владиміра было очевидно. выраженіемъ того же общаго стародавняго обычая. слѣды котораго сохранились еще и до сихъ поръ какъ у многихъ дикарей, такъ и у германскихъ и славянскихъ народностей.

Обычай, нѣкогда имѣвшій, а отчасти еще и теперь имѣющій столь широкое распространеніе, очевидно, долженъ же былъ на чемъ нибудь основываться, и разъясненіе его надо искать, конечно, въ понятіяхъ тѣхъ народовъ, у которыхъ онъ еще сохранился. Готтентоты говорятъ, что они не выносятъ покойника черезъ дверь (черезъ обыкновенный низкій входъ въ ихъ полукруглый шалашъ) для того, чтобы умершій заблѣлъ, такъ сказать, обратный путь и не могъ найти, еслибъ вздумалъ возвратиться, дорогу въ жилище. Обитатели Конго объясняли свой странный, приведенный выше, обычай тѣмъ, что помощью такой процедуры душа умершаго не можетъ сдѣлаться «зомби», т. е. не въ со-

что *compluvium* соответствовали въ древности дымовой трубѣ). Рогольцъ объясняетъ этотъ обычай тѣмъ, что недалеко отъ двери стояли домашніе боги, Лары, съ которыми отбѣжавшій прощался и просилъ ихъ о помощи для благополучнаго возвращенія. Но въ данномъ случаѣ Лары оказывались какъ-бы обманутыми, вслѣдствіе чего считавшійся мертвымъ не долженъ былъ появляться предъ ними безъ нѣкотораго искупленія. Проще объяснить такъ, что если человѣкъ былъ признанъ умершимъ, если его можетъ быть даже похоронили заочно (такой обычай существуетъ у многихъ народовъ, то онъ долженъ былъ считаться мертвымъ и не могъ войти въ домъ тѣмъ ходомъ, которымъ входили живые, а долженъ былъ проникать другимъ путемъ, и именно тѣмъ, черезъ который выходитъ, по преимуществу, душа умершаго,—черезъ отверстіе въ крышѣ. Интересно, что такой же обычай практикуется еще и теперь въ Персіи, и ему долженъ былъ подвергнуться даже европейскій изслѣдователь. Бругинъ, возвратившись послѣ долгаго отсутствія, въ теченіи котораго его считали умершимъ. Судя по одному свидѣтельству Агаѳіа (Agathias, II. 23.) обычай этотъ существовалъ въ Персіи уже въ VI вѣкѣ. Въ Германіи существуетъ другой, не менѣе любопытный обычай: изъ дома, гдѣ дѣти умирали и были выносимы черезъ двери, новорожденныхъ выносить для крещенія черезъ окно для того, чтобы такъ сказать предохранить ихъ отъ преждевременнаго выноса черезъ порогъ, въ гробу.— Въ Римѣ были особыя ворота для выноса покойниковъ (какъ и теперь еще въ городахъ Бирмы), и только въ знакъ особой почести сенатъ разрѣшалъ проходить похоронной процессіи черезъ *porta triumphalis*. Любопытенъ еще одинъ обычай, соблюдающійся кое-гдѣ въ Галиціи при свадьбѣ: третій мужъ, возвращаясь съ вѣнца, долженъ входить въ домъ черезъ окно. (Kolberg). Народныя русскія сказки доселѣ сохраняютъ воспоминаніе о томъ, что мертвые вытаскивались иногда черезъ отверстіе, прорытое подъ порогомъ». См. *Афанасьева*, «Для Археологій русскаго быта» въ «Древностяхъ» I, стр. 40 и его же «Нар. рус. сказки» вып. VI, № 66. Въ этой сказкѣ рассказывается, какъ «нечистый» явился къ одной дѣвушкѣ Марусѣ въ видѣ красиваго богатаго парня, какъ онъ уморилъ затѣмъ ея отца и мать и сказалъ ей, что она и сама умретъ. Тогда Маруся идетъ совѣтоваться къ слѣпой «старой бабушкѣ», и та говоритъ ей: «ступай скорѣй къ попу, попроси его: коли ты помрешь, чтобы вырыли подъ порогомъ яму, да несли бы тебя изъ избы не въ двери, а протанцали бы сквозь то отверстіе; да еще попроси, чтобы похоронили тебя на перекресткѣ...». «Вынесли Марусю подъ порогомъ, схоронили на раздорожьи». На могилѣ ея выросъ цвѣтокъ, онъ превратился снова въ Марусю, которая, послѣ нѣкоторыхъ новыхъ козней «нечистаго», наконецъ одолѣла его и стала жить счастливо замужемъ.— При кончинѣ папы въ Римѣ, тѣло папы выносятся черезъ особую дверь, которая затѣмъ запирается до выноса его преемника. См. *Frazer*, I. c. p. 70.

кряпаютъ оленьими шкурами и, увязавъ плетеными ремнями, выносятъ ногами впередъ въ особое отверстіе, сдѣланное въ чумъ». У Тунгузовъ, «какъ скоро кто померъ, чумъ немедленно съ одной стороны раскрывается и въ снятый нюкъ (верхняя покрышка чума изъ оленьихъ шкуръ) зашиваютъ покойника въ томъ самомъ платьѣ, въ которомъ онъ померъ, и кладутъ на лабазъ, устроенный между двухъ или трехъ деревьевъ въ сажень отъ земли; на этомъ помостѣ при покойникѣ кладутъ принадлежащія ему вещи... и затѣмъ трупъ обставляютъ досками на подобіе гроба». У Енисейскихъ Остяковъ, «умершій выносится не дверью, а въ особое отверстіе, сдѣланное въ чумъ и кладется на лабазъ, устраиваемый какъ у Тунгузовъ». У Маньзовъ (Вогуловъ) «тѣло умершаго выносится не черезъ дверь, а чрезъ окно или чрезъ особое отверстіе, нарочно прорѣзанное, если покойникъ находится въ чуму»¹⁷⁾. Съ тѣмъ же обычаемъ мы встрѣчаемся и въ Америкѣ, у Эскимосовъ и различныхъ племенъ Индѣйцевъ. Такъ, Оджибвеи и Алгонкинцы выносятъ своихъ покойниковъ не черезъ дверь, а чрезъ нарочно проломанное отверстіе въ стѣну (или крышу) вигвала¹⁸⁾. У нѣкоторыхъ племенъ Эскимосовъ, когда больной находится при смерти, строятъ наскоро шалашъ, снабжаютъ его ночникомъ, провизіей и другими необходимыми предметами и переносятъ въ него умирающаго, но не черезъ дверь, а чрезъ проломъ въ стѣну, и оставляютъ его тамъ умирать одного¹⁹⁾. У другихъ племенъ Эскимосовъ (въ Гренландіи), по словамъ Кранца, умершій вытаскивался изъ зимняго жилища чрезъ окно, а изъ лѣтняго чума чрезъ разборъ его покрышки. За покойникомъ шла старуха, махая зажженной лучиной и крича—«пиклеррукпокъ», что значитъ «здѣсь для тебя ничего нѣтъ»²⁰⁾. О похоронахъ одного вождя Индѣйцевъ-Тлинкитовъ (въ бывшей Русской Америкѣ), практикующихъ еще и теперь сожженіе труповъ, корреспондентъ газеты «New-York Herald» сообщалъ недавно слѣдующее²¹⁾. «Трупъ былъ разукрашенъ по праздничному и помѣщенъ въ сидячемъ положеніи у середины задней стѣны его дома. На головѣ его была деревянная шляпа съ вырѣзанными на ней изображеніями вороновъ, лице его было раскрашено, вокругъ тѣла обернуто шерстяное одѣяло, украшенное пуговицами. На колѣняхъ трупа были положены два красивыхъ коврика индѣйской работы, а на нихъ пачка рекомендательныхъ писемъ, присланныхъ покойному въ разное время мѣстнымъ начальникомъ и другими болѣе

¹⁷⁾ Рукописное свидѣніе, полученное мною отъ Н. Л. Гондатти; у Лопарей въ прежнее время также практиковался обычай — выносить покойника чрезъ отверстіе, проделанное въ стѣнѣ напротивъ двери.

¹⁸⁾ Waitz, Anthropologie der Naturvölker. III. S. 199. Вайцъ почему-то считаетъ этотъ обычай «вѣроятно новымъ» (wahrscheinlich neue), повидимому, безъ достаточныхъ основаній. Извѣстно, что онъ существовалъ ужъ у древнихъ Караивовъ.

¹⁹⁾ Wood, the Natural History of Man. II. L. 1870, p. 719.

²⁰⁾ Crantz, Beschreibung von Grönland. I, S. 300.

²¹⁾ «New-York Herald» 1881, 16 Апрѣля; см. Krause, Die Tlinkit Indianer. Jena. 1885. S. 225.

Вышегородѣ у церкви святого Василя, въ земли погребоша ѿ». Затѣмъ, близъ Смоленска, при устьѣ рѣчки Смядины, въ ладѣ (въ «насадѣ»; въ Лаврентьевской — въ «кораблѣ») былъ зарѣзанъ ножемъ кн. Глѣбъ: «убьену же бывшу Глѣбови и повержену на пустѣ мѣстѣ межю двѣма кладома». Со вступленіемъ на великокняжескій престолъ Ярослава, тѣло Глѣба было отыскано, привезено въ ладѣ въ Вышегородъ и положено рядомъ съ тѣломъ Бориса. (Въ Лаврентьевской: «Глѣбу же убьену бывшу и повержену на брезѣ межю двѣма колодами, посемъ же вземше, везоша ѿ и положиша ѿ у брата своего Бориса»). При Изяславѣ Ярославичѣ, взамѣнъ обветшалой церкви, была выстроена новая, деревянная же, и въ нее перенесены мощи съ большимъ торжествомъ. «И вземше первоіе святого Бориса въ рацѣ деревянѣ на рама князи (по Лаврентьевской—Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ)... и принесше, поставиша въ церкви... (въ Лавр. «вложиша ѿ въ раку камену»). По семъ же вземше Глѣба въ рацѣ каменѣ, *взставивше на сани и иельше ужи повезоша*» (въ Лавр. «и положиша ѿ мѣсяца мая 2 день»). При Владимірѣ Мономахѣ состоялось еще разъ перенесеніе мощей въ новый каменный храмъ Вышегородскій... «Во вторый день мая начаша пѣти утрънюю въ обою церковью. И *взставивше на сани на красны, яже быша на то учинены, повезоша* преже святого Бориса... Идяху влекуще ужи великими... Тако же и святого Глѣба по немъ, *взставивше на другыи сани*... (Въ Ипатьевской: «и взяша раку Борисову и *взставиша ѿ на возила, и поволокоша ужи* князи и бояре... Тѣмъ же образомъ и святого Глѣба привезоша и поставиша, у брата»). Иллюстраціями къ тексту Сказанія служатъ миниатюры, которыя, какъ сказано, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ его дополняютъ. Такъ, между 56 и 57 страницами изданія помѣщена миниатюра съ надписью: «Святополкъ потаи смерть отца своего». Представлены два зданія и между ними разобранный до половины заборъ, чрезъ который два отрока спускаютъ тѣло великаго князя въ стоящія за заборомъ красныя (окрашенныя красной краской) сани. Тѣло обернуто бѣлой пеленой («ковромъ»), за углы которой и держатъ его отроки²⁷⁾. Изображеніе это интересно тѣмъ, что даетъ понятіе — что слѣдуетъ разумѣть подъ «принаніемъ помоста». Оказывается, что оно заключалось не въ разборѣ пола, отдѣлявшаго верхнія сѣни отъ нижнихъ, какъ это полагалъ Борисовъ и допускалъ Котляревскій, и не въ разломѣ стѣны дома, а въ разборѣ до половины ограды двора. Солидное, повидимому многоэтажное зданіе великокняжескаго дворца дѣлало неудобнымъ пробиваніе особаго отверстія въ стѣнѣ; спусканіе же тѣла

²⁷⁾ Курьезная ошибка слѣлана по поводу этой миниатюры Шиманомъ въ его сочиненіи — «Россія, Польша и Лифляндія до XVII вѣка». (Schiemann, Russland, Polen und Livland bis ins 17 Jahrhundert» (Onken's Allg. Geschichte, 2-te Hauptabth., 10 Theil). Воспроизводя описанный рисунокъ съ его надписью, Шиманъ переводитъ послѣднюю: «Swjätopolk an der Leiche seines Vaters» и поясняетъ: «er hebt mit seiner Frau die in einem Schlitten liegende Leiche empor». Такимъ образомъ, Шиманъ призналъ въ двухъ отрокахъ — Святополка и его жену и понялъ такъ, что они не опускаютъ, а поднимаютъ тѣло!

время у Китайцевъ практикуется обрядъ — пробивать отверстіе въ крышѣ, при отходѣ умирающаго, для облегченія выхода изъ дома его души ²³⁾.

Въ Европѣ обычай выношенія покойника чрезъ проломъ существовалъ у древнихъ Скандинавовъ, у которыхъ, по Вейнгольду, «умершаго нельзя было выносить въ двери, чрезъ которыя входили и выходили живущіе; для этого требовался проломъ стѣны, приходившейся за головой покойника, или же прорытіе отверстія подъ южной стѣной, чрезъ которое и вытаскивался трупъ. Повидимому, замѣчаетъ Вейнгольдъ, — это былъ обычай, общій для всѣхъ Германцевъ, такъ какъ мы встрѣчаемъ его еще и теперь въ Верхней и Нижней Германіи, въ примѣненіи къ трупамъ преступниковъ и самоубійцъ, которые вытаскиваются чрезъ проломъ въ стѣнѣ или чрезъ дыру подъ порогомъ. Но теперь такой обычай служитъ позоромъ и примѣняется лишь къ трупамъ, считаемымъ нечистыми; въ древнія же времена, когда всякій умершій возбуждалъ страхъ; одинъ и тотъ же обычай прилагался ко всѣмъ» ²⁴⁾. Къ даннымъ Вейнгольда слѣдуетъ прибавить собранныя Рогхольцемъ, изъ которыхъ видно, что кромѣ преступниковъ и самоубійцъ, необычнымъ путемъ вытаскивались также изъ жилья трупы еретиковъ, ростовщиковъ, вообще лицъ возбуждившихъ ненависть и презрѣніе. Въ началѣ прошлаго столѣтія, когда на островахъ Швеціи свирѣпствовала чума, народъ разбивалъ окна въ домахъ умершихъ, разбиралъ простѣнки и вытаскивалъ трупы баграми чрезъ образованныя такимъ образомъ отверстія. Съ возведеніемъ болѣе прочныхъ построекъ изъ камня, продѣлываніе отверстія стало однако трудно выполнимымъ и его стали замѣнять вытаскиваніемъ чрезъ окно или чрезъ особыя двери. По словамъ де-Губернатиса, въ нѣкоторыхъ городахъ средней Италіи, напр. въ Перуджии и Ассизи, (такъ же какъ въ одномъ селеніи близъ Амстердама) можно видѣть еще и теперь почти въ каждомъ домѣ особыя выходы и двери для выноса умершихъ ²⁵⁾. — Въ виду всего изложеннаго, «проиманіе помоста» для выноса тѣла

²³⁾ *Taylor*, Первоб. Культура, II, стр. 103; *Frazer*, On Certain Burial Customs, въ «Journal of the Anthr. Institute». XV, 1. 1885, p. 70; *Bastian*, Beiträge zur vergl. Psychologie. Die Seele. S. 15; *Марко Поло*, рус. пер. Шемякина, стр. 145—146. Въ Лаосѣ такъ поступали только съ тѣлами беременныхъ женщинъ.

²⁴⁾ *Weinhold*, Altnordisches Leben. В. 1856. S. 476.

²⁵⁾ *Rochholz*, Deutscher Glaube und Brauch. В. 1867. II, S. 171. ff. Съ приведеннымъ обычаемъ слѣдуетъ сопоставить еще слѣдующіе. Въ Люцернѣ капуцины выгоняли духовъ изъ дома тѣмъ, что протыкали палку подъ порогъ и тѣмъ давали имъ выходъ. У Монголовъ, по Плано Карпини, считалось грѣхомъ, если кто возьметъ въ ротъ кусокъ и, не будучи въ состояніи его проглотить, выброситъ вонъ; такого вытаскивали чрезъ отверстіе подъ ставкою и убивали безъ милосердія» (... si alicui morsus imponitur, et deglutire non potest et de ore suo eijcit eum, fit foramen sub statione, et extrahunt per illud foramen et sine ulla misericordia occiditur». См. «Путеш. къ Татарамъ», изд. Языкова 1825, стр. 90—91. У Римлянъ былъ обычай, что, если кто возвращался изъ путешествія, признанный, вслѣдствіе невѣрныхъ слуховъ, уже умершимъ, то онъ долженъ былъ входить въ домъ не чрезъ двери, а чрезъ отверстіе въ крышѣ (per impluvium; Plutarch. Quaest. Rom. V; impluvium или compluvium открывался въ atrium, а atrium первоначально былъ и столовой и кухней вмѣстѣ, такъ,

предохраненіе семьи отъ его возвращенія. Но спусканіе тѣла изъ верхняго этажа въ нижній, чрезъ разобранный помость, не достигало бы сказанной цѣли, потому что покойника все-таки пришлось бы выносить черезъ двери и ворота, а чрезъ нихъ онъ могъ бы вернуться. Выносъ черезъ окошко гарантировалъ бы болѣе, но окошки въ то время дѣлались, повидимому, слишкомъ узкими или высоко надъ землей, что дѣлало пользование ими неудобнымъ. «Проиманіе» же забора, за которымъ находился, можетъ быть, помость или мостки³⁹⁾ вполне соответствовало цѣли,

рис. II.

Уменьшенная копія съ миниатюры изъ Сильвестровскаго списка. Перенесеніе въ сани тѣла св. князя Бориса.

жахъ, были узкія, можетъ быть изъ предосторожности, ибо крѣпкое зданіе съ его заборомъ могло, въ случаѣ надобности, служить укрѣпленіемъ. Полъ или «середъ» въ сѣняхъ, по гр. Уварову, былъ досчатый или изъ дубоваго кирпича (торца). Гр. Уваровъ полагаетъ, что при кончинѣ вел. кн. Владиміра служители его «разобрали въ сѣняхъ кирпичный мостъ или помость, спустили на веревкахъ тѣло въ нижнее пространство, расположенное подъ крыльцомъ, и вывезли его въ церковь Богородицы». См. гр. Уваровъ, «Жилище». статья въ «Матеріалахъ для Археол. Словаря», въ «Древностяхъ» II, вып. 2.

³⁹⁾ Такъ можно предполагать, судя по рисунку, ибо часть забора, чрезъ которую пускаютъ тѣло, замѣтно выше нижней части тѣла отроковъ, скрытой за заборомъ. Мостки могли служить для сообщенія между двумя зданіями — собственно дворцомъ и, вѣроятно службами, а также, въ случаѣ надобности, для защиты отъ нападенія такъ какъ на нихъ могла стоять стража и стрѣлять чрезъ заборъ въ нападавшихъ.

стоянии являться живущимъ, какъ опасное привидѣніе, одинъ взглядъ на которое уже можетъ быть причиною смерти. По понятіямъ Юраковъ, «если вынести покойника въ дверь, то онъ можетъ вернуться тѣмъ же путемъ и утащить кого-либо изъ живыхъ». Подобныя же воззрѣнія существовали, очевидно, и у другихъ народовъ; въ основаніи ихъ лежало, слѣдовательно, убѣжденіе, что умершій опасенъ для живыхъ, что онъ можетъ вернуться въ жилище и утащить или умертвить кого-нибудь изъ оставшихся. Для отвращенія этого и былъ придуманъ наивный способъ, если можно такъ выразиться, обманыванія покойника. Вынесенный не обычнымъ ходомъ, умершій, — такъ представляли себѣ (точнѣе — его духъ, которому придавали все-таки нѣкоторую матеріальную субстанцію), — еслибы и пожелалъ вернуться тѣмъ же путемъ, то не могъ-бы проникнуть въ жилище. (Народная фантазія признаетъ, повидимому, что умершій можетъ вернуться только тѣмъ путемъ, по которому его вынесли). Основаніемъ обычая былъ, слѣдовательно страхъ, боязнь покойника, какъ объекта опаснаго (и прибавимъ еще — нечистаго). Этотъ страхъ передъ умершимъ, опасеніе — какъ бы онъ не вернулся и не причинилъ зла, боязнь даже прикосновенія къ нему и нахождения подлѣ него, мы встрѣчаемъ, въ большей или меньшей степени, повсюду, во всѣхъ частяхъ свѣта, у самыхъ различныхъ народовъ. Здѣсь не мѣсто представлять тому доказательства, а равно анализировать причины такого страха, — мы имѣемъ въ виду посвятить этому вопросу особую статью, — достаточно замѣтить, что страхъ передъ умершимъ, признаніе его опаснымъ и нечистымъ, можетъ быть констатированъ, какъ у дикихъ Австралійцевъ, Индѣйцевъ, Готтентотовъ, такъ и у древнихъ Грековъ, Римлянъ и у современныхъ Германскихъ и Славянскихъ народовъ, причемъ страхъ этотъ отражается и на похоронныхъ обрядахъ — принятіемъ извѣстныхъ предосторожностей или предохранительныхъ мѣръ отъ возвращенія мертвеца въ жилище и отъ вреда, который онъ можетъ причинить живымъ.

Мы однако отклонились отъ нашей ближайшей темы, — отъ обычая пользоваться саними при похоронномъ обрядѣ. Весьма интересныя данныя въ этомъ отношеніи представляетъ Сильвестровскій списокъ Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ, facsimile котораго издано Русскимъ Археологическимъ Обществомъ²⁶⁾. Списокъ этотъ интересенъ какъ своимъ текстомъ, такъ и своими миниатюрами, разъясняющими и пополняющими текстъ. Въ текстѣ говорится, что когда князь Борисъ былъ пораженъ копьями убійць, посланныхъ Святополкомъ, тѣло его, «обертѣвши въ шатеръ (т. е. въ шатровый наметъ, подобно тому, какъ у Самоѣдовъ и Тунгузовъ въ нюкъ чума), възложивъше на кола, повезоша». Но князь не былъ еще мертвъ («еще дышущю ему» — въ Лаврентьевской): «и яко быша на бору, начатъ въскланяти святую свою главу, и се оувѣдѣвъ Святополкъ, посла два Варяга и прободоста ѿ мечемъ въ сердце... И положиша тѣло іего, принесѣше таи

²⁶⁾ Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій списокъ XVI в. По порученію Археол. Общества издалъ Срезневскій. Спб. 1860.

Вышегородѣ у церкви святаго Василя, въ земли погребоша ѿ». Затѣмъ, близъ Смоленска, при устьѣ рѣчки Смядины, въ ладѣ (въ «насадѣ»; въ Лаврентьевской — въ «кораблѣ») былъ зарѣзанъ ножемъ кн. Глѣбъ: «убыену же бывшу Глѣбови и повержену на пустѣ мѣстѣ межю двѣма кладома». Со вступленіемъ на великокняжескій престолъ Ярослава, тѣло Глѣба было отыскано, привезено въ ладѣ въ Вышегородъ и положено рядомъ съ тѣломъ Бориса. (Въ Лаврентьевской: «Глѣбу же убьену бывшую и повержену на брезѣ межю двѣма колодами, посемъ же вземше, везоша ѿ и положиша ѿ у брата своего Бориса»). При Изяславѣ Ярославичѣ, взамѣнъ обветшалой церкви, была выстроена новая, деревянная же, и въ нее перенесены мощи съ большимъ торжествомъ. «И вземше первоіе святаго Бориса въ рацѣ деревянѣ на рама князи (по Лаврентьевской—Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ)... и принесше, поставиша въ церкви... (въ Лавр. «вложиша ѿ въ раку камснѣ»). По семъ же вземше Глѣба въ рацѣ каменѣ, *взставивше на сани и иельше ужи повезоша*» (въ Лавр. «и положиша ѿ мѣсяца мая 2 день»). При Владимірѣ Мономахѣ состоялось еще разъ перенесеніе мощей въ новый каменный храмъ Вышегородскій... «Во вторый день мая начаша пѣти утрънюю въ обою церковью. И *взставивше на сани на красны, яже быша на то учинены, повезоша* преже святаго Бориса... Идяху влекуще ужи великими... Тако же и святаго Глѣба по немъ, *взставивше на другыи сани*... (Въ Ипатьевской: «и взяша раку Борисову и *взставиша ѿ на возила, и поволокоша ужи* князи и бояре... Тѣмъ же образомъ и святаго Глѣба привезоша и поставиша, у брата»). Иллюстраціями къ тексту Сказанія служатъ миниатюры, которыя, какъ сказано, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ его дополняютъ. Такъ, между 56 и 57 страницами изданія помѣщена миниатюра съ надписью: «Святополкъ потаи смерть отца своего». Представлены два зданія и между ними разобранный до половины заборъ, чрезъ который два отрока спускаютъ тѣло великаго князя въ стоящія за заборомъ красныя (окрашенныя красной краской) сани. Тѣло обернуто бѣлой пеленой («ковромъ»), за углы которой и держатъ его отроки²⁷⁾. Изображеніе это интересно тѣмъ, что даетъ понятіе — чтò слѣдуетъ разумѣть подъ «проиманіемъ помоста». Оказывается, что оно заключалось не въ разборѣ пола, отдѣлявшаго верхнія сѣни отъ нижнихъ, какъ это полагалъ Борисовъ и допускалъ Котляревскій, и не въ разломѣ стѣны дома, а въ разборѣ до половины ограды двора. Солидное, повидимому многоэтажное зданіе великокняжескаго дворца дѣлало неудобнымъ пробиваніе особаго отверстія въ стѣнѣ; спусканіе же тѣла

²⁷⁾ Курьезная ошибка сдѣлана по поводу этой миниатюры Шиманомъ въ его сочиненіи — «Россія, Польша и Лифляндія до XVII вѣка». (Schiemann, Russland, Polen und Livland bis ins 17 Jahrhundert» (Onken's Allg. Geschichte, 2-te Hauptabth., 10 Theil). Воспроизводя описанный рисунокъ съ его надписью, Шиманъ переводитъ послѣднюю: «Swjätropolk an der Leiche seines Vaters» и поясняетъ: «er hebt mit seiner Frau die in einem Schlitten liegende Leiche empor». Такимъ образомъ, Шиманъ призналъ въ двухъ отрокахъ — Святополка и его жену и понялъ такъ, что они не опускаютъ, а поднимаютъ тѣло!

вича (подъ 1078 г.): «Убьенъ бысть князь Изяславъ (на Нежатинѣ нивѣ) мѣсяца октября въ 3 день, и взяше тѣло его, привезоша ѿ въ лоды и поставиша противу Городьци; изыде противу ему весь городъ Киевъ и *взложивше тѣло его на сани* повезоша ѿ; съ пѣснями попове и черноризци понесоша ѿ въ градъ... и принесше положиша тѣло его въ церкви Свѣтыя Богородицы, вложивъше ѿ въ раку мраморную»⁴³⁾. Въ началѣ октября едва ли могъ быть снѣгъ въ Киевѣ, а между тѣмъ тѣло везется на саняхъ и только послѣ того вносится попами и черноризцами въ церковь.

Еще болѣе убѣдительно извѣстіе о погребеніи князя Михаила-Святополка, подъ 1113 годомъ. «Представися благовѣрный князь Михаилъ, зовемый Святополкъ, мѣсяца апрѣля въ 16 день, за Вышегородомъ, и привезоша ѿ въ лоды Киеву и спрятавшѣ тѣло его и *взложиша въ сани...* и положиша въ церкви святаго Михаила». Въ половинѣ апрѣля въ Киевѣ уже никакъ не могло быть снѣга.

Въ поученіи вел. кн. Владиміра Мономаха находится такое мѣсто «сѣдя на санехъ, помыслихъ въ души своей и похваливъ Бога, иже мя сихъ дней грѣшнаго допровади». Это мѣсто, начиная съ перваго издателя «Поченія» (въ 1793 г.), всѣ толкователи объясняютъ такъ, что выраженіе «сѣдя на санехъ» равнозначительно «будучи при дверяхъ гроба», «приближаясь ко гробу» или «стоя одною ногою въ могилѣ»⁴⁴⁾. Замѣчательно однако, что подобное выраженіе нигдѣ болѣе, насколько извѣстно, въ древнихъ памятникахъ не встрѣчается. Съ другой стороны еще Карамзинъ указалъ на то, что поученіе было писано на пути въ Ростовъ («се нынѣ иду Ростову») и, какъ будто, зимою («аще ли кому не любя грамотица си, а не поохрищаются, но тако се рекуть: на далечи пути, да на санехъ сѣдя, безлѣпицю си молвилъ»). Издатель «Старины русской земли» (Гатцукъ), правда, замѣчаетъ, что насколько ему помнится, на Руси доселѣ существуетъ поговорка: «посадить въ сани», все равно, что «на мель посадить» или «подъ корень подрѣзать», но намъ неизвѣстно, гдѣ было записано или слышано такое выраженіе.

Подъ 1288 годомъ въ лѣтописи разсказывается о кончинѣ вел. кн. Владиміра Васильковича. «Представленіе же его бысть въ Любомли городѣ, мѣсяца декабря въ 10 день... Княгини же его со слугами дворьными омывше его, и увиша ѿ оксамитомъ со круживомъ, якоже достоинъ царемъ, и *возложиша ѿ на сани* и повезоша до Володимеря (Волынскаго); горожане же отъ мала и до велика... съ плачемъ великимъ проводиша своего господина. Привезшимъ же ѿ во Володимерь у епископью ко святоѣ Богородици и тако *поставиша ѿ на санихъ во церкви*, зане бысть поздно⁴⁵⁾» Перевезеніе тѣла на саняхъ въ декабрѣ не представляется

⁴³⁾ Пол. Собр. Рус. Лѣт. I. 86.

⁴⁴⁾ Карамзинъ, (изд. Сленина), II, стр. 161; «Старина русской земли», изд. 3-е, 1874, стр. 8; также «Русская Старина», 1877, дек. стр. 840.

⁴⁵⁾ Пол. Собр. Руск. Лѣт. II, стр. 220.

страннымъ, но интересно, что тѣло было поставлено на санихъ въ церкви. Лѣтописецъ, правда, объясняетъ это тѣмъ, «зане бысть поздно», но такое объясненіе не совсѣмъ понятно; притомъ мы видѣли, что и тѣло вел. кн. Владиміра было, повидимому, внесено въ церковь на санихъ и что на санихъ же (см. миниатюру) были ввезены въ церковь и мощи св. Глѣба, при перенесеніи ихъ въ новую церковь при Изяславѣ.

Послѣ XIV в., въ XV и XVI-мъ, мы не встрѣчаемъ, насколько извѣстно, въ лѣтописяхъ упоминанія о санихъ, на которыхъ бы несли умершихъ или везли ихъ въ церковь лѣтомъ. Мы не можемъ однако заключать отсюда, чтобы сани утратили уже въ это время свое прежнее значеніе и перестали употребляться при похоронахъ. Если пользованіе саними при погребеніи князей было дѣломъ обычнымъ, то лѣтописцу не было надобности каждый разъ о томъ упоминать. Во многихъ лѣтописяхъ (и житіяхъ) мы не находимъ упоминанія о санихъ даже при описаніи похоронъ вел. кн. Владиміра, св. Бориса и т. д.; очевидно, многіе писатели выпускали подробности, не идущія, по ихъ мнѣнію, къ дѣлу. Если же это такъ, то мы не можемъ быть увѣрены, что когда въ лѣтописи говорится о тѣлѣ какого либо князя: «принесоша» или «привезоша», безъ упоминанія о санихъ, чтобы въ этихъ случаяхъ тѣло несло въ гробу или на носилкахъ, или везлось на телѣгѣ. Пользованіе саними при царскихъ похоронахъ въ XVII в. (какъ это мы увидимъ далѣе), причемъ въ современныхъ записяхъ обычай этотъ называется иногда «давшимъ», также говоритъ въ пользу существованія его и ранѣе, въ царскомъ обиходѣ XV и XVI вѣковъ. Кромѣ того, мы имѣемъ нѣсколько другихъ свидѣтельствъ, указывающихъ на употребленіе саней при похоронахъ въ указанный періодъ времени. Одно свидѣтельство дается иконой св. Петра митрополита въ Успенскомъ соборѣ, на которой, въ числѣ разныхъ эпизодовъ изъ житія святителя, изображено несеніе его тѣла къ гробницѣ. Тѣло несется священнослужителями на одрѣ (безъ гроба), имѣющемъ выгнутый къверху передъ, какъ у саней и, повидимому, представляющемъ собою собственно сани ⁴⁶⁾. Другое свидѣтельство мы встрѣчаемъ въ описаніи погребенія вел. кн. Василя Ивановича (1534), во второй Софійской лѣтописи: «Тогда же взяша тѣло великаго князя... старцы Троицкые и Осифовскіе и понесоша его на головахъ... Великую же княгиню Елену несоща ея изъ еѣ хоромъ въ саняхъ на себѣ дѣти боярскые, а съ нею шли бояре»...

Въ Воскресенской лѣтописи о томъ же погребеніи сказано короче: «и понесоша великаго князя въ церковь... А на погребеніи были великая

⁴⁶⁾ Копія съ этой иконы имѣется въ Историческомъ музеѣ. Икона писана, повидимому, въ XVII вѣкѣ, но представляетъ, очевидно, копию съ болѣе древней. Святитель представленъ сидящимъ и благословляющимъ съ открытыми глазами и прислоненнымъ спиною къ выгнутому передку саней. Въ «Житіи Петра митрополита» (Книга Степенная, ч. I) о выносѣ тѣла святителя сказано: «И на одрѣ святаго поставльше, къ церкви понесоша, яко же обычай есть мертвымъ творити... И одрѣ убо съ мощьми къ гробу принесше... поставляютъ его въ немъ, мѣсяца декабря въ 21 день...»

княгиня Елена, да братья его» и т. д., безъ упоминавiя о саняхъ. Но извѣстiе Софiйской лѣтописи перешло въ Царственную книгу, списокъ которой, находящiйся въ Синодальной библиотекѣ (№ 149), украшенъ любопытными миниатюрами, дѣланными, по мнѣнiю Булаева, вѣроятно новгородскими мастерами ⁴⁷⁾. Одна изъ миниатюръ изображаетъ и выносъ тѣла вел. кн. Василя Ивановича. Представленъ Кремль: на переднемъ планѣ верхи стѣнъ, на заднемъ — соборъ. Тѣло несется на одрѣ, безъ гроба, на плечахъ, монахами и боярами: за тѣломъ идутъ духовенство, князья, придворные и несутъ овдовѣвшую царицу въ саняхъ. Царица сидитъ одна, съ покрытою головою и, повидимому, утираетъ слезы кулаками, закутанными одѣянiемъ. Сани походятъ своею формою на изображенныя въ Сильвестровскомъ спискѣ Сказанiя о св. Борисѣ и Глѣбѣ, только повидимому онѣ нѣсколько болѣе украшены рѣзьбою и снабжены болѣе креслообразнымъ задкомъ. Около саней и за ними идутъ бояре и боярыни, на заднемъ планѣ виднѣется народъ. Описанныя похороны интересны тѣмъ, что онѣ доказываютъ употребленiе саней, во время похоронной процессiи, для несенiя живыхъ, именно вдовы умершаго; какъ увидимъ

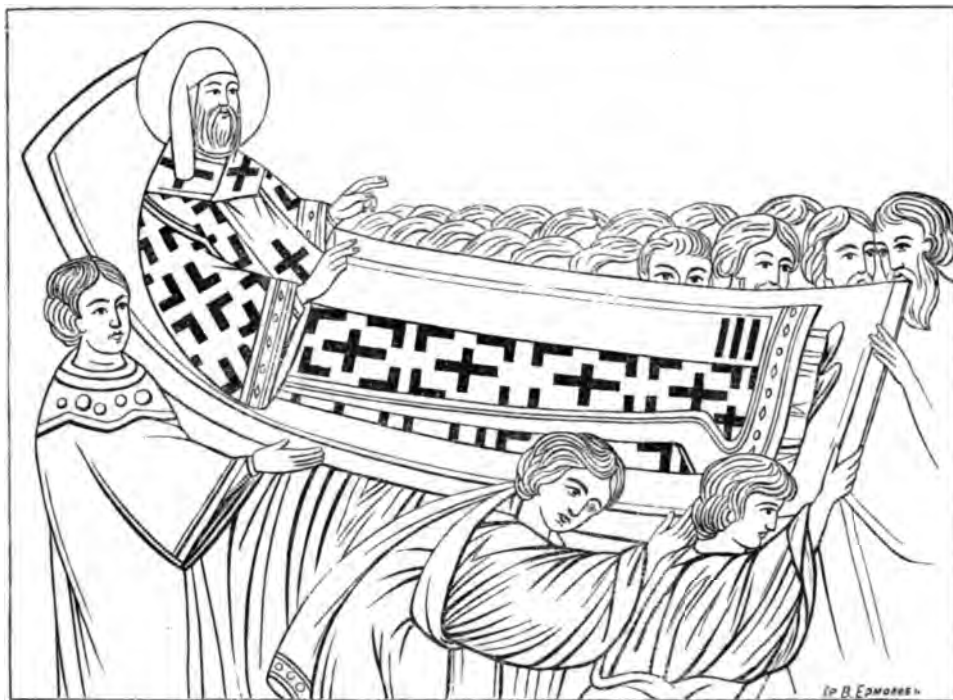

рис. IV.

Выносъ тѣла св. Петра, митрополита Московскаго. Уменьшенная копия съ иконы, находящейся въ Успенскомъ соборѣ (а въ копии и въ Историческомъ музеѣ).

⁴⁷⁾ Булаевъ, Очерки, I стр. 308 — 310. Царственная книга была, повидимому, одною изъ любимыхъ въ царскомъ обиходѣ. Экземпляръ ея былъ и у царевича Петра. См. статью Забѣлина: Дѣтство Петра Великаго въ «Опытахъ исторiи и древностей I».

цѣ. случай этотъ не былъ исключительнымъ, и отъ XVII вѣка извѣстно еще нѣсколько. когда и тѣло умершаго. и вдова покойнаго неслись одинаково до церкви (а вдова иногда и обратно въ хоромы) въ санихъ ⁴⁸⁾.

Отъ XVII вѣка мы имѣемъ вообще наиболѣе обстоятельныя описанія царскихъ похоронъ особъ царскаго дома. Описанія эти относятся ко времени Алексѣя Михайловича и особенно его преемниковъ. Въ «Дворцо-

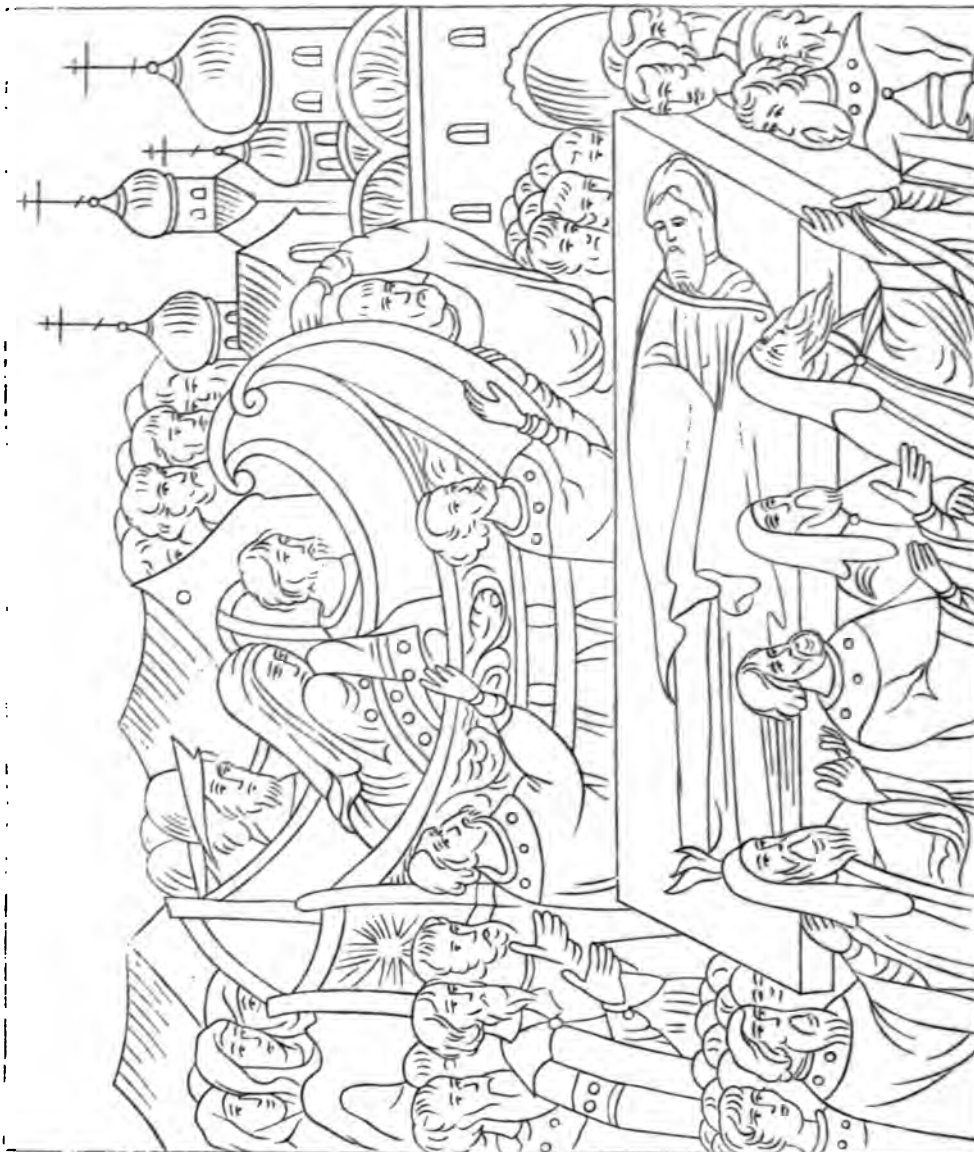

рис. V.
Копія съ миниатюры изъ Царственной книги. Процессія съ тѣломъ вел. кн. Василія II иконника.

⁴⁸⁾ О погребеніи царя Федора Ивановича въ лѣтописи (Лѣт. по Никон. списку VII. 1791, стр. 556) сказано: «Вземъ честныя мощи... принесоша въ соборную церковь Архистратига Михаила. По семъ же благочестивую царицу тамо принесоша...» (но не сказано на чемъ; надо полагать тоже на санихъ).

выхъ разрядахъ», отчасти также въ «Выходахъ Государей» и другихъ записяхъ, похороны царскія описаны обыкновенно съ большими подробностями. Между прочимъ мы встрѣчаемъ въ нихъ часто упоминаніе и о саняхъ, съ показаніемъ даже, какъ были они убраны, кто ихъ несъ, гдѣ ставили и снимали съ нихъ гробъ и т. д. Намъ удалось найти всего девять описаній, въ которыхъ упоминается о саняхъ, и, въ виду ихъ интереса для нашей темы, мы приводимъ ихъ въ подлинникѣ, въ хронологическомъ порядкѣ, выпуская лишь не имѣющія для насъ значенія подробности. Всѣ эти похороны относятся ко времени съ 1670 по 1706 годъ, но что сани употреблялись при погребальномъ обрядѣ и ранѣе, при Михаилѣ Федоровичѣ и даже при Василии Ивановичѣ, доказываетъ, впрочемъ, выписка изъ расходныхъ дворцовыхъ книгъ, помѣщенная въ сочиненіи Забѣлина, «Бытъ русскіхъ царицъ», въ которой подъ 18-мъ августа 1644 г. сказано: «Къ государю въ хоромы 16½ аршинъ камки бѣлой куфтерю да 18 аршинъ бархату чернова, принявъ окольничій В. И. Стрѣшневъ, а сказалъ — та камка бѣлая государинѣ царицѣ и вел. кн. Евдокѣ Лукьяншичѣ на саванъ, а бархатъ черный на выносные сани, на покрышку»; впрочемъ, свидѣтельство иностранца М. Бэра о перенесеніи, по приказанію царя Василя Ивановича Шуйскаго, тѣла Бориса Годунова, его супруги и сына въ Троицкій монастырь. Перенесеніе это происходило въ августѣ 1606 года. По описанію Бэра: «тѣло Борисово несли 20 монаховъ, супругу же и сына его по 20 бояръ. Вельможы, иноки, священники провожали усопшихъ иѣшкомъ до Троицкихъ воротъ; тамъ, сѣвъ на коней, и гробы поставивъ на сани, отвезли ихъ въ монастырь съ торжественною тишиною. Позади ѣхала въ закрытыхъ саняхъ дочь Годунова Ксенія, испуская жалобные вопли» («Сказанія современниковъ о Дм. Самозванцѣ». Изд. 3-е, Т. I, стр. 80 — 81).

ВЫПИСКИ ИЗЪ ОПИСАНІЙ ЦАРСКИХЪ ПОХОРОНЪ.

1. Погребеніе царевича Алексѣя Алексѣевича, 18-го января 1670 г.

Въ нынѣшнемъ въ 178 годѣ, Генваря въ 17 числѣ, въ 7 часу дня, во 2-ой четверти того часа, въ понедѣльникъ, изволеніемъ Всесильнаго Господа Бога, — Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, благоцвѣтущая отрасль, сынъ Его Государевъ, Благовѣрный Государь, Царевичъ и Великій Князь Алексій Алексѣевичъ... отъ житія сего отъиде и преселся въ вѣчное блаженство небеснаго царствія, отъ рожденія своего въ 16 лѣто. И по представленіи Его Государевѣ, Генваря въ 18 числѣ, въ 4 часу дня, въ началѣ передъ литургіею, изъ Его Государевыхъ хоромъ тѣло Его Благовѣрнаго Государя, Царевича... несли во гробѣ столыники комнатные. А тѣло Царевича и гробъ покрыто было обѣярю серебряною. А у перегородныхъ дверей изготовлены сани, обиты бархатомъ червчатымъ, и гробъ и тѣло поставлено въ тѣ сани подъ тѣмъ же покро-

волъ. А сверхъ того прежняго покрова, тѣло и гробъ и сани покрыты оксамитомъ золотымъ. И отъ переградныхъ дверей тѣло... Царевича, Постельнымъ и Краснымъ крыльцомъ, на среднюю лѣстницу до соборныя церкви Архангела Михаила несли стольники, перемѣняясь. А изъ хоромъ до церкви Архангела Михаила передъ тѣломъ... шли со святыми иконы священницы и діаконны, а за ними шли пѣвчіе дѣяки государевы и патриарши и пѣли надгробное. А по томъ шли преосвященные митрополиты и архієпископы и епископы и архимандриты и игумены, прежь съ нижняго чина. А за ними несли тѣло... Царевича. А за тѣломъ... Царевича шель отецъ его Государевъ, Благовѣрный Вел. Гос. Царь и Вел. Кн. Алексій Михайловичъ... въ печальномъ, въ смирномъ платьѣ. А за нимъ Великимъ Государемъ шли царевичи: Грузинскій, Касимовскій, Сибирскіе, бояре и окольничіе и думные и ближніе люди и стольники и стряпчіе и дворяне и дѣяки и жильцы, въ черномъ платьѣ. А какъ тѣло Благовѣрнаго Государя Царевича принесено къ церкви Михаила Архангела, и *у церковныхъ дверей тѣло Его Государево изъ саней приняли, и въ церковь внесли,* и на уготованномъ мѣстѣ среди церкви поставили стольники комнатные. И по принесеніи тѣла Его Государева въ церковь, служили литургію... А по совершеніи литургіи... служили надгробное пѣніе... А по томъ тѣло Его Благовѣрнаго Государя Царевича... по ихъ государскому обыкновенному чину, положено въ той Соборной церквѣ Архангела Михаила... («Древняя Росс. Вивліоенка», 2-ое изд. ХІV., М. 1790., стр. 65 — 94).⁴⁹⁾

2. Погребеніе Царя Алексѣя Михайловича, 30-го января 1676 г.

«Генваря въ 30 день, въ недѣлю Мясопусную, Великій Государь Царь и Великіи Князь Федоръ Алексѣевичъ... изволилъ быть на выносѣ и на погребеніи тѣла отца своего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя Ц. и Вел. Кн. Алексѣя Михайловича... А на Великомъ Государѣ было платья: опошень, зуфъ черна; фезези, тафта черножь, исподъ черева лисьи; зипунъ, тафта черна, вмѣсто обниси ожерелье бархатъ вишневь; шапка, сукно черно съ пухомъ; посохъ индѣйскій черной. Стряпни было: полотенцы въ коричневомъ сукнѣ, а подножья и стула не было, для того, что Великаго Государя несли въ креслахъ⁵⁰⁾. А на вы-

⁴⁹⁾ Въ дѣлахъ Разряднаго Приказа (въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи), въ «записныхъ книгахъ» имѣется еще запись о погребеніи царевича Симсона Алексѣевича, умершаго четырехъ лѣтъ въ 1669 г., 12-го іюня. Она приведена г. Труворовымъ въ «Русск. Старинѣ», 1889 г., май, стр. 452 — 453. Въ ней выносъ тѣла описывается почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ и въ записи о погребеніи царевича Алексѣя Алексѣевича, причемъ такъ же упоминается, что «у переградныхъ сѣней изготовлены были сани, обиты сукномъ червчатымъ, и гробъ и тѣло поставлены въ тѣ сани» и что «у церковныхъ дверей изъ саней гробъ съ тѣломъ... до мѣста несли стольники комнатные».

⁵⁰⁾ Кресла — по крайней мѣрѣ у насъ, въ Россіи, — выказываютъ нѣкоторое родство съ санями. Въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ «кресломъ» называются «простыя дорожныя сани, съ обвязкою и отводами». — «Креслить сани» = обвязывать ихъ креслами (Даль).

княгиня Елена, да братья его» и т. д., безъ упоминавѣя о саняхъ. Но извѣстїе Софійской лѣтописи перешло въ Царственную книгу, списокъ которой, находящійся въ Синодальной библиотекѣ (№ 149), украшенъ любопытными миниатюрами, дѣланными, по мнѣнію Буслаева, вѣроятно новгородскими мастерами ⁴⁷⁾. Одна изъ миниатюръ изображаетъ и выносъ тѣла вел. кн. Василя Ивановича. Представленъ Кремль: на переднемъ планѣ верхи стѣнъ, на заднемъ — соборъ. Тѣло несется на одрѣ, безъ гроба, на плечахъ, монахами и боярами: за тѣломъ идутъ духовенство, князья, придворные и несутъ овдовѣвшую царицу въ саняхъ. Царица сидитъ одна, съ покрытою головою и, повидимому, утираетъ слезы кулаками, закутанными одѣянїемъ. Сани походятъ своею формою на изображенныя въ Сильвестровскомъ спискѣ Сказанїя о св. Борисѣ и Глѣбѣ, только повидимому онѣ нѣсколько болѣе украшены рѣзьбою и снабжены болѣе креслообразнымъ задкомъ. Около саней и за ними идутъ бояре и боярыни, на заднемъ планѣ виднѣтся народъ. Описанныя похороны интересны тѣмъ, что онѣ доказываютъ употребленїе саней, во время похоронной процессїи, для несенїя живыхъ, именно вдовы умершаго; какъ увидимъ

рис. IV.

Выносъ тѣла св. Петра, митрополита Московскаго. Уменьшенная копія съ иконы, находящейся въ Успенскомъ соборѣ (а въ копїи и въ Историческомъ музеѣ).

⁴⁷⁾ Буслаевъ, Очерки, I стр. 308 — 310. Царственная книга была, повидимому, одною изъ любимыхъ въ царскомъ обиходѣ. Экземпляръ ея былъ и у царевича Петра. См. статью Забѣлина: Дѣтство Петра Великаго въ «Опытахъ исторїи и древностей I».

4. Погребеніе Царя Феодора Алексѣевича, 28-го апрѣля, 1682 г.

«Апрѣля въ 28 день въ пятокъ, въ 3-мъ часу дня, въ первой четверти, былъ благовѣстъ въ большой колоколь, изрѣдка, къ выносу блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Феодора Алексѣевича... тѣла его государскаго... И облачась во архіерейскія одежды, изъ соборной церкви святѣйшій патріархъ, и митрополиты, архіепископы и епископы, архимандриты и игумены, протопопы, ключари, и соборные и приходскіе священники и диаконы, и весь освященный соборъ, во облаченіяхъ со крестами и со иконами, шли въ верхъ, для выносу государскаго тѣла, среднею лѣстницею Краснаго крыльца. И въ то время былъ звонъ перемѣнясь во всѣ колокола изрѣдка, а народомъ раздавали свѣщи. А съ верху святѣйшій патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, со крестами и съ иконами, шли въ соборъ Архангела Михаила въ 5-мъ часу дня, въ послѣдней четверти; а за крестами несли государское тѣло стольники и стряпчие, подъ аксамитомъ. и шли бояре, и окольничіе, и думные, и ближніе люди въ черномъ платьѣ; и за государскимъ гробомъ несли *благовѣрную Государыню Царицу и Великую Княгиню Марю Матвѣевну на чернолѣ сукнѣ*; а за царицею шель Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ... въ смирномъ платьѣ, и за Великимъ Государемъ шла мать его государева Благовѣрная Царица и Великая Княгиня Наталія Кирилловна. А съ *Краснаго крыльца государской гробъ и Благовѣрную Государыню Царицу и Великую Княгиню Марю Матвѣевну несли въ соборъ Архангела Михаила въ санихъ стольники и стряпчие...* И послѣ литургіи было дѣйство погребенія государскаго тѣла по чину... («Выписъ о погребеніи Царя Феодора Алексѣевича», въ «Русс. Старинѣ» 1887 г., декабрь, стр. 838 — 839). Въ «Выписи», помѣщенной въ «Росс. «Вивлюоникѣ», XI, стр. 212, не упоминается о санихъ, а сказано только, что «взявъ мощи съ подобными надгробными пѣнии и со звономъ, несли во храмъ Архистратига Божія Михаила и поставили мощи на уготованномъ столѣ среди храма».

5. Погребеніе Царевны Маріи Іоанновны, 13-го февраля, 1692 г.

Февраля въ 13 день, въ 4 часу дня, тѣло ея Государынино изъ хоромъ вынесено въ церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, что у нихъ Великихъ Государей на сѣняхъ. И тогожъ числа, въ 5 часу дня,

былъ въ хоромехъ, сшито въ два полотнища, не разрѣзавъ, обьярь золотная по червчатой землѣ 10 арш... На сани покровъ сшитъ въ два полотнища, не разрѣзавъ, аксамитъ по золотной землѣ травы золоты 12 аршинъ... Въ «Выходахъ Государей», подъ 1681 г., іюля 14 дня отмѣчено: «Въ представленіе Вел. Гос. Царицы и Вел. Кн. Агаѳи Симеоновны, покрыть гробъ обьярь по червчатой землѣ травы золотныя съ серебромъ; и на выносѣ покрыть былъ тотъ гробъ и сани, сверхъ той обьяри золотной, аксамитомъ золотымъ петельчатымъ... А на выносѣ провожала Великій Государь гробъ Гос. Царицы до Краснаго крыльца и до *саней*». — Сани упомянуты также при погребеніи Вел. Кн. Ильи Федоровича, 20 іюля 1681 г.

изъ тое вышешюмянутые церкви тѣло ея государынино перенесено и положено въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ Вознесенскомъ дѣвичьѣ монастырѣ, въ соборной церкви Вознесенія... съ прочими ихъ государскими сродниками. А тѣло Государыни Царевны отъ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы до Красныхъ дверей, что ходять съ Постелнаго крыльца на Красное крыльцо, несли столники комнатные, а покрыто ея государынино тѣло во гробѣ аксамитомъ; а гробную дску изъ тое жъ церкви до тѣхъ мѣстъ несли столники жъ комнатные, а покрыта была дска обьярью золотною. *А у тѣхъ дверей изготовлены были сани, обиты сукномъ червчатымъ и покрыты бархатомъ золотнымъ, и гробъ съ тѣломъ ея государынинымъ поставленъ въ тѣ сани подъ вышеписаннымъ покровомъ. И отъ тѣхъ дверей до Вознесенскаго монастыря тѣло ея государынино несли столники и дворяне, перемѣняясь; а дску гробную несли столники 4 человекъ»...* («Дворцовые Разряды», изд. по Выс. повел. Т. IV. Спб. 1855, стр. 644 — 646).

6. Погребеніе Царевича Александра Петровича, 14-го мая, 1692 года.

«200 году, Мая въ 14 числѣ, въ субботу, за три часа до свѣта, изволеніемъ Великаго Бога, Ц. и В. К. Петра Алексѣевича сынъ, благовѣрный Государь Царевичъ и В. К. Александръ Петровичъ,... отъ житія сего отъиде въ вѣчное блаженство небеснаго царствія. И того жъ числа, въ 6 часу дня, тѣло его Государя Царевича изъ его государевыхъ хоромъ вынесено и, по ихъ государскому обыкновенному чину, положено въ соборной церкви Архистратига Михаила... А тѣло его Государя Царевича изъ его государевыхъ хоромъ во гробѣ несли сквозь сѣни, что передъ Золотою палатою Государыни Царицы, черезъ Постелное крыльцо до перегородныхъ дверей Краснаго крыльца столники комнатные. А передъ тѣломъ несли до тѣхъ же дверей гробовую дску столники же комнатные. А какъ тѣло его Государя Царевича черезъ Постелное крыльцо перенесли, и на *Красномъ крыльцѣ у дверей изготовлены были сани, обиты сукномъ алымъ, и гробъ съ тѣломъ поставленъ въ тѣ сани и покрыты тѣ сани, сверхъ гробнаго покрова, бархатомъ золотнымъ... И съ того мѣста тѣло его Государя Царевича въ тѣхъ саняхъ несли и кровлю гробную Краснымъ крыльцомъ на среднюю лѣстницу и до церкви Архангела Михаила столники въ черномъ платьѣ...* («Дворцовые Разряды». Т. IV, стр. 686).

7. Погребеніе Царицы Наталіи Кирилловны, 26-го января, 1694 года.

«Генваря въ 26 числѣ, въ пятокъ, въ 3 часу дня, тѣло благовѣрные Государыни Царицы и Великіе Княгини Наталіи Кириловны положено въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ въ Вознесенскомъ дѣвичьѣ монастырѣ, въ соборной церкви Вознесенія... съ прочими ихъ государскими сродниками... А тѣло ея Великіе Государыни... изъ ея государыниныхъ хоромъ во гробѣ несли околничіе, и столники комнатные и стол-

ники жъ ея Государыни Царицы... до переградныхъ дверей Краснаго крыльца; а гробъ покрытъ былъ бархатомъ чернымъ. *А у дверей Краснаго крыльца подъ шатромъ изготовлены были, по давнему обыкновению, сани, а обиты сукномъ чернымъ и покрыты бархатомъ чернымъ же; и гробъ съ тѣломъ ея государынинымъ поставленъ въ тѣ сани, подъ вышесказаннымъ же покровомъ. И съ того мѣста тѣло ея благовѣрные Государыни Царицы въ саняхъ несли на среднюю лѣстницу и площадью до Вознесенскаго монастыря столники и дворяне, перемѣняясь. А передъ тѣломъ ея государынинымъ несли гробную кровлю, покрыта бархатомъ же чернымъ, столники, перемѣняясь же; потомъ шли со святыми иконами и съ животворящими кресты» и т. д. («Дворцовые разряды». Т. IV, стр. 853—855).*

8. Погребеніе Царя Іоанна Алексѣевича, 30-го января 1696 года.

«... И тѣло государево изъ хоромъ его государевыхъ понесено къ погребенію дворомъ, что передъ церковью Нерукотвореннаго Спасова образа, и большою лѣстницею и площадью, что за перегородою, и на Красное крыльцо въ двери, что подлѣ сѣней грановитые палаты; а несли его государево тѣло изъ хоромъ столники комнатные, а гробъ покрытъ былъ аксамитомъ золотымъ. А передъ тѣломъ его государевымъ несли столники жъ гробную доску, а покрыта была обьярью золотною. А какъ тѣло его государево изъ вышесказанныхъ дверей на Красное крыльцо вынесено, *и у тѣхъ дверей на томъ крыльцѣ изготовлены были сани, обиты сукномъ алымъ кармазиннымъ; и тѣло его государево во гробъ поставили въ тѣ сани...* И отъ тѣхъ дверей несли тѣло его государево Краснымъ крыльцомъ и среднею лѣстницею до соборныя церкви Архангела Михаила комнатные жъ столники. А передъ тѣломъ... шли со кресты и со святыми иконы священницы и діаконы, а за ними шли государевы и патриарши пѣвчіе дьяки и поляки и пѣли надгробное пѣніе. А потомъ шли игумены и архимандриты, а за ними архіепископы, а по нихъ митрополиты; а потомъ передъ самымъ тѣломъ государевымъ шелъ великій господинъ святѣйшій киръ Адрианъ, архіепископъ Московскій и всея Русіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патриархъ. А за тѣломъ благовѣрнаго Великаго Государя изволилъ иттить братъ его государевъ, Великій Государь Ц. и В. К. Петръ Алексѣевичъ... въ печальномъ платьѣ. А передъ нимъ Великимъ Государемъ шли околничіе и думные дворяне и ближніе люди; а царевичи и бояре шли по сторонь его государева пути, въ черныхъ кафтаныхъ... А какъ тѣло Великаго Государя принесено къ церкви Михаила Архангела, *и у церковныхъ дверей тѣло его государево изъ саней приняли, и во церковь внесли, и на уготованномъ мѣстѣ среди церкви поставили комнатные же столники подъ прежнимъ покровомъ...* И по погребеніи тѣла его государева, Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ... и Великая Государыня Царица и Великая Княгиня Параскевія Феодоровна изъ церкви Архангела Михаила изволили иттить въ свои государскіе хоромы»... («Дворцовые разряды». Т. VI, стр. 920—925).

9. Погребеніе Царицы Татианы Михаиловны, 24-го августа 1706 года.

Въ 1706 годѣ, Августа противъ 24 числа, въ 1 часу ночи... изволеніемъ и судьбами всесильнаго Бога, В. Г. Ц. и В. К. Петра Алексѣевича... Тетка, Великая Государыня, Б. Ц. и В. К. Татиана Михаиловна отъиде въ вѣчное блаженство небеснаго Царствія. И Августа въ 24 день тѣло Ея... Благородныя Царевны... положено въ Вознесенскомъ монастырѣ... А тѣло ея... Царевны, изъ ея государынинныхъ хоромъ, во гробѣ несли стольники комнатные лѣстницею, до площади, *а на площади гробъ съ тѣломъ поставленъ на одръ уготовленный, и тотъ одръ обитъ былъ сукномъ алымъ*, а гробъ съ тѣломъ ее Государыни Царевны покрытъ былъ атласомъ золотымъ травчатымъ, да сверхъ участкомъ (?) золотымъ. *И съ того мѣста одръ съ тѣломъ... несли...* мимо Постельнаго крыльца на Красное крыльцо до Вознесенскаго монастыря, стольники комнатные и иныхъ Московскихъ чиновъ люди, перемѣняясь. А передъ тѣломъ ея Государыниннымъ несли гробную кровлю, покрыта обьярью по брусничной землѣ, травы золотныя и серебряныя, дворяне, перемѣняясь... По томъ шли со святыми иконы и животворящими кресты священники и діаконъ, а за иконами и за кресты шли архимандриты и игумены, и Государынь Царицъ и Государынь Царевень пѣвчіи, да патриаршіе и архіерейскіе дьяки и пѣвчіе, и пѣли надгробное пѣніе, перемѣняясь. А потомъ шли архіереи... А за нимъ несли гробъ съ тѣломъ... А за тѣломъ ея изволил итти В. Г., Б. Царевичъ и В. К. Алексій Петровичъ, В. Г. Б. Царица и В. К. Марѳа Матвѣевна, В. Г., Б. Ц. В. К. Параскевія Ѳедоровна, Великая Княжна... Марія Алексіевна, В. К. Софія Алексіевна, В. К. Наталія Алексѣевна, и... В. К. Екатерина Іоанновна, въ печальномъ смирномъ платьѣ со свѣщами. А предъ ними Великими Государи шли Бояре и Окольнічіе и Думные и Ближніе люди, въ черныхъ французскихъ и саксонскихъ кафтанахъ, по обѣ стороны ихъ Государскаго пути. А за ними Великими Государи шли Комнатные и Ближніе же люди и Боярыни и Окольніческія и Думныхъ и иныхъ Ближнихъ людей жены и стольники и стряпчіе и дворяне московскіе и дьяки и жильцы, въ черномъ же платьѣ со свѣщами... («Древняя Росс. Вивліофика», 2-е изд., т. XIV, стр. 111—121). Въ другой болѣе краткой выписи о томъ же погребеніи («Древ. Росс. Вивліофика». 2-е изд., т. XI, стр. 215) сказано: «а какъ съ веру шли и несли тѣло, звонъ заукойный былъ, *а несли на одръ, а не на саняхъ*», и далѣ «и пришли въ Вознесенскій монастырь и *поставили посреди церкви на одръ, на челъ несли*».

Изъ всѣхъ приведенныхъ описаній видно, что порядокъ похоронъ особъ царскаго семейства, даже малолѣтнихъ, былъ таковъ. Утромъ высшее духовенство отправлялось съ иконами и крестами въ верхъ, въ царскіе

хоромы ⁵²⁾, откуда и начиналось печальное шествіе. Гробъ несли дворяне и стольники (иногда также окольнічіе), какъ и «гробную кровлю» или «дску». На Красномъ крыльцѣ гробъ ставился въ заранѣе изготовленныя «выносныя» сани, обитыя обыкновенно краснымъ (рѣже, именно при погребеніи вдовъ, чернымъ) сукномъ, и которыя, вмѣстѣ съ гробомъ, неслись снова стольниками до Архангельскаго собора или Вознесенскаго монастыря. Тамъ сани ставились на землю, гробъ снимался съ саней, вносился въ церковь и ставился на приготовленное возвышеніе (столъ). За гробомъ шли царь, царевичи, бояре, думные и ближніе люди, дьяки, дворяне, стрѣльцкія головы, и т. д. Царица, царевны и боярыни принимали участіе въ похоронномъ шествіи не всегда, и при томъ ранѣе только ближайшія особы, вдова и мать, да и тѣ не шли, а были несены въ соборъ и обратно стольниками въ саняхъ. Только при погребеніи царя Федора Алексѣевича, когда вдову его, царицу Марюу Матвѣевну несли еще въ саняхъ, мать его, царица Наталья Кирилловна, шла пѣшкомъ за Государемъ Петромъ Алексѣевичемъ, какъ это говорится и о Царицѣ Прасковіи Федоровнѣ въ описаніи погребенія царя Иоанна Алексѣевича. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и сани уже были оставлены: въ описаніи погребенія царевны Татіаны Михайловны (въ 1706 г.) отмѣчено, что гробъ несли «на одрѣ, а не на саняхъ» ⁵³⁾. Кромѣ того, церемонія въ этомъ случаѣ отличалась еще тѣмъ, что въ шествіи принимали участіе и всѣ царевны. Новые порядки уже начали сказываться, а прошло еще 20 лѣтъ и погребеніе Государя Императора Петра Алексѣевича состоялось въ Петербургѣ уже совершенно по другому церемоніалу, сочиненному Брюсомъ, по западно-европейскимъ образцамъ.

Обратимся теперь къ разъясненію описаннаго нами на многихъ примѣрахъ обычая пользованія санями при похоронномъ обрядѣ. Мы упомянули выше о мнѣніи нѣкоторыхъ изслѣдователей, полагавшихъ, что сани, употреблявшіяся въ этомъ случаѣ, были не сани, а что-то другое. Въ своемъ «Опытѣ о древностяхъ русскихъ» ⁵⁴⁾ Успенскій выразилъ мнѣніе, что слово «сани» «имѣло въ древности тройкое знаменованіе: 1) означало обыкновенный простой зимній экипажъ; 2) одрѣ или повозку, на которой относили или отвозили къ погребенію покойниковъ, и наконецъ 3) родъ носилокъ, на коихъ нашивали иногда знаменитыхъ особъ, а особливо женскаго пола. Второе знаменованіе видно изъ употребленнаго В. К. Владиміромъ II въ духовной его выраженія: сѣдя на санехъ, т. е. будучи

⁵²⁾ Гробы царевенъ выносились сначала въ церковь Рождества Пресв. Богородицы, что на сѣняхъ.

⁵³⁾ Относительно патріарховъ есть извѣстіе, что въ XVII в. гробъ ихъ несли въ церковь на одрѣ. Такъ, въ «чинѣ погребенія Патріарха Іосафа (1672) сказано: «понесли въ соборную церковь на рукахъ со одромъ протопопы и священницы». «Росс. Вивліоѳ.» VI, 33.

⁵⁴⁾ Успенскій. Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ. Изд. 2-е. Ч. I. Хар. 1818, стр. 140, примѣчаніе.

при дверяхъ гроба. Въ семъ знаменованіи слово «сани» употреблено и въ описаніи погребенія царя Фодора Алексѣевича. Третье же видно изъ происшествія, бывшаго по смерти В. К. Василія Іоанновича... Супруга его, Елена Васильевна, по причинѣ огорченія не могли слѣдовать за тѣломъ супруга своего пѣшкомъ, несена была до церкви дѣтми боярскими въ саняхъ. То же самое случилось и съ царицею Марою Матвѣвною». Миѣніе Успенскаго раздѣлялъ позже Котляревскій, замѣтившій, что «подъ словомъ сани едва-ли можно въ данномъ случаѣ понимать сани въ теперешнемъ значеніи; это былъ, какъ полагають Успенскій, родъ особой повозки, покойной и небольшой, на ней ѣздили и лѣтомъ, её же съ мертвецомъ иногда поставляли въ церкви». Оба эти толкованія — и Успенскаго, и Котляревскаго, — по нашему миѣнію, совершенно произвольны и ни на чемъ не основаны. Хотя названія «одръ, одра, одрецъ» и прилагаются мѣстами, въ областныхъ нарѣчіяхъ, къ обозначенію повозки, но нигдѣ эта повозка не отождествляется съ саними и нельзя доказать, чтобы она употреблялась по преимуществу для перевозки умершихъ»⁵⁵⁾... Въ описаніяхъ похоронъ *одръ* иногда даже противопоставляется санямъ; такъ мы видѣли, что въ выписи о погребеніи царевны Татіаны Михайловны положительно отмѣчено, что тѣло царевны несли «на одрѣ, а не на саняхъ». Съ другой стороны, сани — не носилки, хотя онѣ и могли иногда замѣнять послѣднія. Мы видѣли, что на миниатюрѣ, изображающей похоронное шествіе съ тѣломъ В. К. Василія Ивановича, въ Царственной Книгѣ, великая княгиня Елена Васильевна представлена несомою именно въ саняхъ, а не на носилкахъ. Притомъ носилки, уже въ Лаврентьевской лѣтописи, не смѣшиваются съ саними, какъ то доказываетъ рассказъ о Святополкѣ: «И бѣжащю ему... разслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти, и несяхуть ѣ на носилѣхъ» (П. С. Р. Л. т. I. 62). Носилки упоминаются позже въ описаніи царскихъ и великокняжескихъ свадебъ; на нихъ несли свадебные корован. Но сани, употреблявшіяся при похоронахъ, никогда не назывались носилами; притомъ мы имѣемъ рядъ изображеній этихъ саней, не оставляющихъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это были именно сани. Миѣніе, что подъ «саними» разумѣлась въ древности какая-то особая, небольшая и покойная повозка, невѣроятно уже потому, что въ древнее время трудно и вообразить себѣ такую повозку. Древнѣйшимъ экипажемъ у насъ была *кола*; изображеніе ея можно видѣть въ Сильвестров-

⁵⁵⁾ *Одеръ, одра*, по Обл. Словарю и Словарю Даля, — «носилки, на которыхъ носятъ покойниковъ» (Костром., Кинеш.); — «мѣстами — одноколка, у которой двѣ грядки или дроги тащатся волокомъ, волокушка»; — «двуколесная телѣга» (Рязан., Касим.); — «родъ арбы» (Оренб.); «верхняя часть телѣжнаго кузова» (Новг., Тихв.; Псков., Опоч., Псков.) *Одръ, одрецъ* (сѣв. вост. губ.), *одеръ* (Ряз. — Тамб.), *одряна* (Тамб.) — «сноповозка, сноповая телѣга, рыдванъ, большая развалистая, на долгихъ дрогахъ, съ высокими дробинами». *Одръ, одрикъ* — (Каз.; Урал. казач.) — «долгуша, тарантасъ, телѣжный или иной кузовъ на долгихъ зыбкихъ дрогахъ»; *Одрецъ* (Волог.) — «телѣга со столбиками для перевозки сѣна». *Одръ* — «кровать, постель, ложе».

скомъ спискѣ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ. Это была, очевидно, обыкновенная телѣга, на четырехъ колесахъ одинаковой величины и, конечно, такая же

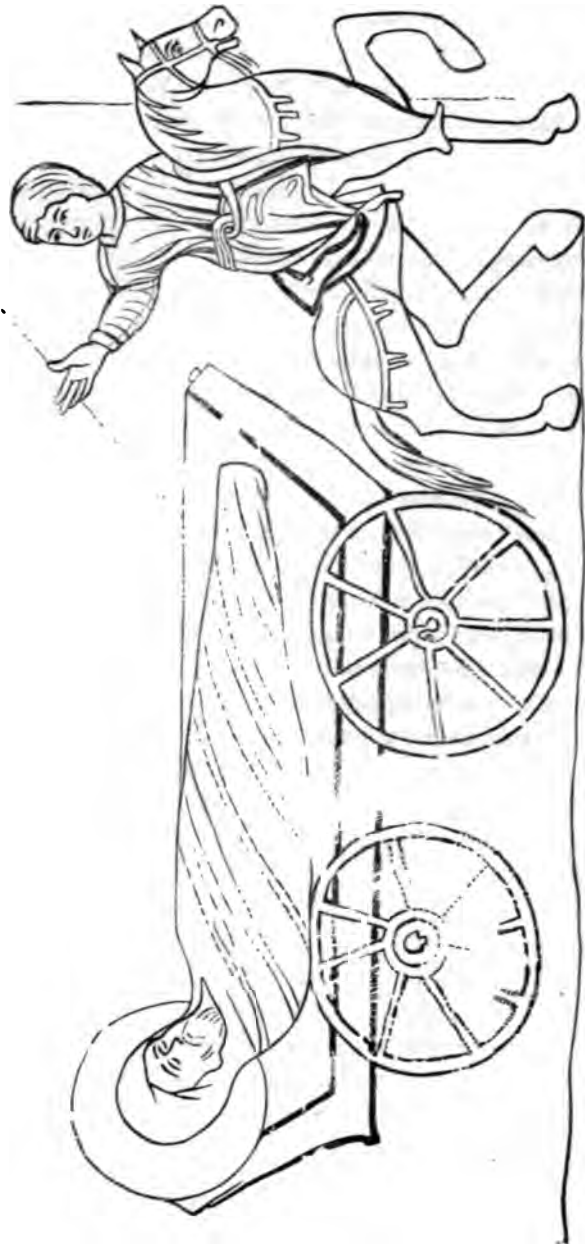

рис. VI.
Копія съ миниатюры Сильвестровскаго списка. Убитый князь Борисъ везется на колѣ.

тряская, какъ и современныя... Колы упоминаются иногда въ лѣтописи рядомъ съ санями, напримѣръ въ описаніи весеннихъ походовъ, когда снѣгъ быстро стаивалъ. Иногда колами пользовались и для перевозки мертвыхъ, но повидимому, только по нуждѣ или когда не заботились о «честномъ» обращеніи съ тѣломъ⁵⁰⁾. Наоборотъ, иногда и живыхъ возили на саняхъ лѣтомъ, это именно — раненыхъ и больныхъ, когда требовался большій покой и береженье, котораго не могли дать тогдашнія колы. Такъ, подъ 1194 г., говорится о князѣ Святославѣ Всеволодовичѣ: «и возвратися Святославъ изъ Карачева съ Юрьева дни, и ѣхаша *лѣтъ на саняхъ*, бѣ бо нѣчто изверглось ему на нозѣ».

Вмѣсто «кола» иногда употреблялось слово «возъ» а равно «телѣга», слово, заимствованное изъ тюркскихъ языковъ и употреб-

лявшееся сначала, повидимому, болѣе въ примѣненіи къ двухъколеснымъ повозкамъ кочевниковъ: въ Словѣ о Полку Игоревѣ о Половцахъ: «крычатъ тѣлѣгы

⁵⁰⁾ Подъ 1146 г., въ описаніи похода Всеволода къ Галичу на Володимирка, говорится между прочимъ: «и бысть дождь и стече снѣгъ, Божіимъ промысломъ, и тако идяху *на колыхъ и на саняхъ* къ городу». (П. С. Р. Л. II. 21). Подъ 1015 г.: «Бориса

полунощы, рци лебеди распужени». Позднѣ явились мало-по-малу другіе типы колесныхъ экипажей, сначала — колымага, затѣмъ «корѣта», «коляска»,

рис. VII.

Половецкая телѣга. Съ рисунка, изображающаго преслѣдованіе Половцевъ Русскими, въ Радзивилловскомъ спискѣ лѣтописи, въ библиотекѣ Академіи Наукъ (Копія въ изданіи Прохорова).

наконецъ съ Петра Великаго и иные западно-европейскіе типы ⁴⁷⁾. Синонимами «саней» были въ древности, повидимому, «возила», (?) «дровни»;

убивше оканьніи, увертѣвше въ шатерьъ, взложивше на кола, повезоша ѿ»; подъ 1097 г. говорится, что 5 ноября Святополкъ и Давидъ заковали въ оковы Василька «и на ту ночь везоша ѿ Бѣлугороду, иже градъ малъ у Кіева, яко 10 версть въ дале, и привезоша ѿ на колѣхъ. «Здѣсь Василька ослѣпили — «и вземше и на коврѣ, взложиша на кола яко мертва и повезоша ѿ Володимерю». (Слѣдовательно подъ Кіевомъ еще въ ноябрѣ ѣздили «на колѣхъ»). Подъ 1147 г., объ убіеніи въ Кіевѣ Игоря Ольговича говорится: «Игоря убиша... поверзыше, за нозѣ волокоша... до святое Богородицы, и ту обрѣтоша мужа, стояща съ кола, и возложыше ѿ на кола, везоша ѿ на Подолье». — По поводу сродства *кола* съ *колеса*, Ф. О. Фортунатовъ указалъ мнѣ, что подобная же связь значеній является между нѣмецкимъ *Rad*, литов. *ratas* — колесо, лат. *rota* — съ одной стороны и древне-индійскимъ *rathas* — колесница. — По Далю — мѣстами говорятъ еще и теперь: «поѣхалъ на колахъ», т. е. въ телѣгѣ.

⁴⁷⁾ *Кола*, *колеса*, старослав. *колесъница* имѣють аналогію въ древнеинд. *rathas* — «колесница», литов. *ratas* — «колесо», лат. *rota*, нѣм. *Rad*. Слово «телѣга» — заимствованное изъ тюркскихъ языковъ; у поляковъ *telega*; у болгаръ *taliga* и др. Слово *колымага*

позже прибавились парадные типы саней: «каптана», «избушка» (зимній возокъ) и т. д., причѣмъ запрягавшіеся въ нихъ кони (1, 2, 4, 6, 12) назывались иногда «санниками» (или «возниками»). Сохранилось не мало описаній выѣздовъ членовъ Царской семьи отъ XVII в., но, насколько намъ извѣстно, нигдѣ въ этихъ описаніяхъ не упоминаются сани какъ лѣтній экипажъ. Есть однако два рода извѣстій, которыя могутъ возбуждать нѣкоторое сомнѣніе относительно того, въ какомъ смыслѣ употреблено въ нихъ слово сани. Это, во первыхъ, описанія царскихъ и великокняжескихъ свадебъ, при которыхъ также, повидимому, пользовались санями для переѣзда изъ дворца въ церковь и обратно. Въ саняхъ ѣхала невѣста съ провожатыми, иногда и другіе поѣзжане, тогда какъ женихъ ѣхалъ верхомъ на армакѣ. Большинство свадебъ совершалось зимою, и въ такомъ случаѣ упоминаніе о саняхъ не представляетъ ничего особеннаго; но нѣкоторыя свадьбы происходили въ лѣтнюю половину года, а между тѣмъ сани все-таки указываются какъ необходимая принадлежность церемоніи. Такъ, напримѣръ, въ описаніи свадьбы Князя Юрія Василевича, бывшей 18 сентябрю 1548 г., упоминается: «А за княгинею ходили у саней дворецкій Князь Юрьевъ, Семень Ивановичъ Жулебинъ, да дьякъ Иванъ Елизарьевичъ Циплятевъ». Въ описаніи свадьбы Князя Володимера Андреевича 1 сентябрю 1550 г. говорится, что послѣ бракосочетанія и стола «какъ куры подали, и Царь и Великій Князь велѣлъ Князю Володимеру встати, да велѣлъ ему итти передъ собою до палатныхъ дверей, а Княгиню ево Царь и Вел. Кн. взяли за руку, и пришелъ къ палатнымъ дверямъ, а Князь Володимеръ сталъ за порогомъ. И Царь Володимеру молвилъ: Князь Володимеръ! Божіемъ изволеніемъ, а нашимъ жалованьемъ, велѣлъ тебѣ Богъ женитися, поняти Княжну Авдотью, держи по тому, какъ Богъ устроилъ, да взялъ его за руку, далъ ему Княгиню Авдотью, и велѣлъ ему съ нею итти *до саней*, не распушаяся, а *изъ саней* вышедъ, велѣлъ ему Княгиню взять за руку, и итти съ нею вверхъ вмѣстѣ». Въ разрядѣ третьей свадьбы Царя Ивана Васильевича, бывшей въ октябрѣ 1572 г., также записано: «А за саньми Государя Царя и Великаго Князя ходити Дмитрію Годунову, да Никитѣ Дмитріеву сыну Собакину, Григорію Хитрову, да Дѣтямъ Боярскимъ Царицы и Великой Княгини». Сани упоминаются также въ разрядѣ свадьбы «Короля Арцымагнуса», бывшей въ 1573 г., и седьмой свадьбы царя Ивана Васильевича съ Марією Федоровною Нагихъ, въ 1581 г.

Въ описаніи первой свадьбы Царя Михаила Федоровича, бывшей въ 1624 г. 19 сентябрю, тоже значится: «а у Великія Княгини у саней былъ окольничій Князь Данило Ивановичъ Долгорукой». Но всего подробнѣе описаніе второй свадьбы Царя Михаила Федоровича, бывшей

также считаютъ заимствованнымъ. У Миклошича въ Словарѣ церк. слав. языка приводится *колилогъ* съ значеніемъ «палатка», «шатерь» (*tabernaculum*), а по поводу русскаго «колымага» — Миклошичъ въ другомъ мѣстѣ приводитъ выраженіе: «во колымаги, рекше въ станы»; пол. *kolimaga*. Повидимому слово это заимствовано у кочевниковъ.

при дверяхъ гроба. Въ семъ знаменованіи слово «сани» употреблено и въ описаніи погребенія царя Феодора Алексѣевича. Третье же видно изъ происшествія, бывшаго по смерти В. К. Василія Іоанновича... Супруга его, Елена Васильевна, по причинѣ огорченія не могли слѣдовать за тѣломъ супруга своего пѣшкомъ, несена была до церкви дѣтьми боярскими въ саняхъ. То же самое случилось и съ царицею Марѳою Матвѣвною. Миѣніе Успенскаго раздѣлялъ позже Котляревскій, замѣтившій, что «подъ словомъ сани едва-ли можно въ данномъ случаѣ понимать сани въ теперешнемъ значеніи; это былъ, какъ полагалъ Успенскій, родъ особой повозки, покойной и небольшой, на ней ѣздили и лѣтомъ, её же съ мертвецомъ иногда поставляли въ церкви». Оба эти толкованія — и Успенскаго, и Котляревскаго, — по нашему миѣнію, совершенно произвольны и ни на чемъ не основаны. Хотя названія «одръ, одра, одрецъ» и прилагаются мѣстами, въ областныхъ нарѣчіяхъ, къ обозначенію повозки, но нигдѣ эта повозка не отождествляется съ санями и нельзя доказать, чтобы она употреблялась по преимуществу для перевозки умершихъ»⁵⁵)... Въ описаніяхъ похоронъ *одръ* иногда даже противопоставляется санямъ; такъ мы видѣли, что въ выписи о погребеніи царевны Татіаны Михайловны положительно отмѣчено, что тѣло царевны несли «на одръ, а не на саняхъ». Съ другой стороны, сани — не носилки, хотя онѣ и могли иногда замѣнять послѣднія. Мы видѣли, что на мнѣиатурѣ, изображающей похоронное шествіе съ тѣломъ В. К. Василія Ивановича, въ Царственной Книгѣ, великая княгиня Елена Васильевна представлена несомою именно въ саняхъ, а не на носилкахъ. Притомъ носилки, уже въ Лаврентьевской лѣтописи, не смѣшиваются съ санями, какъ то доказываетъ рассказъ о Святополкѣ: «И бѣжащю ему... разслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти, и несяхуть ѣ на носилѣхъ» (П. С. Р. Л. т. I. 62). Носилки упоминаются позже въ описаніи царскихъ и великокняжескихъ свадебъ; на нихъ несли свадебные короваи. Но сани, употреблявшіяся при похоронахъ, никогда не назывались носилами; притомъ мы имѣемъ рядъ изображеній этихъ саней, не оставляющихъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это были именно сани. Миѣніе, что подъ «санями» разумѣлась въ древности какая-то особая, небольшая и покойная повозка, невѣроятно уже потому, что въ древнее время трудно и вообразить себѣ такую повозку. Древнѣйшимъ экипажемъ у насъ была *кола*; изображеніе ея можно видѣть въ Сильвестров-

⁵⁵) *Одеръ, одра*, по Областн. Словарю и Словарю Даля, — «носилки, на которыхъ носятъ покойниковъ» (Костром., Кинеш.); — «мѣстами — одноколка, у которой двѣ грядки или дроги тащатся волокомъ, волокушка»; — «двуколесная телѣга» (Рязан., Касим.); — «родъ арбы» (Оренб.); «верхняя часть телѣжнаго кузова» (Новг., Тихв.; Псков., Опоч., Псков.) *Одръ, одрецъ* (сѣв. вост. губ.), *одеръ* (Ряз. — Тамб.), *одряна* (Тамб.) — «сноповозка, сноповая телѣга, рыдванъ, большая развалистая, на долгихъ дрогахъ, съ высокими дробинами». *Одръ, одрикъ* — (Каз.; Урал. казач.) — «долгуша, тарантасъ, телѣжный или иной кузовъ на долгихъ зыбкихъ дрогахъ»; *Одрецъ* (Волог.) — «телѣга со столбиками для перевозки сѣна». *Одръ* — «кровать, постель, ложе».

сѣдши на аргамака, ѣхалъ на дворъ; а Царица и Великая Княгиня отъ церкви ѣхала къ себѣ въ тѣхъ же саняхъ; а свахи обон сидѣли съ Царицею въ саняхъ. А путь Государя и Государыни до аргамака и до саней слали тѣ же стряпчіе. А какъ Царь и Великій Князь пріѣхалъ отъ церкви, сѣлъ съ коня у лѣсницы, что подлѣ Грановитыя палаты, и Царица и Великая Княгиня вышла изъ саней; и Царь и Великій Князь, взявъ царицу за руку, шелъ съ нею тою же лѣсницею въ Грановитую палату. А путь подъ ними Государя слали тѣ же стряпчіе камками червчатыми. А въ то время на аргамака сѣлъ конюшій бояринъ Князь Б. М. Лыковъ и поѣхалъ къ сѣннику, и ѣздилъ около сѣнника въ то время, какъ Государь былъ въ сѣнникѣ съ голымъ мечемъ; а на Царицыно мѣсто въ сани сѣлъ ясельничій Богданъ Глѣбовъ и отвезъ на конюшню»... ⁴⁹⁾.

⁴⁹⁾ Описанія царскихъ свадебъ помѣщены въ «Древ. Русс. Вивлюфикъ» Т. XI и XIII, и въ «Сказаніяхъ Русскаго народа» изд. *Сахарова*, ч. VI. Вторая свадьба Михаила Федоровича описана особенно подробно, и сохранилось нѣсколько списковъ этого описанія, съ любопытными миниатюрами. Въ библиотекѣ Моск. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ находится два списка: одинъ, принесенный въ даръ бывшимъ директоромъ Архива, К. М. Оболенскимъ, и другой — пожертвованный Малиновскимъ. Рисунки въ первомъ нѣсколько хуже, чѣмъ во второмъ. Всѣ эти рисунки, вмѣстѣ съ текстомъ, были изданы въ 1810 г. подъ редакціей Бекетова, причѣмъ однако въ подробностяхъ отдѣлки и раскраски рисунка печатнаго изданія нѣсколько разнятся отъ помѣщенныхъ въ рукописяхъ. Сани представлены въ «Описаніи» на нѣсколькихъ рисункахъ. Во первыхъ, на листѣ 16 рукописи Малиновскаго (л. 10 рук. Оболенскаго, стр. 23 печ. изданія) — изображено, какъ передъ свадьбой «Государь ходилъ молитися», т. е. ѣздитъ къ соборамъ въ саняхъ, запряженныхъ двумя бѣлыми лошадьми и въ сопровожденіи бояръ и стрѣльцовъ. Далѣе, на л. 37 рук. Малиновскаго (л. 37 рук. Оболенскаго, стр. 75 печ. изд.) представлено, какъ Государь и Государыня сходятъ съ лѣсницы, и Государя ожидаетъ аргамакъ, на которомъ сидитъ бояринъ князь Лыковъ, а Государеву невѣсту — сани, покрытыя алымъ сукномъ. За тѣмъ, на л. 39 (стр. 79 печ. изд.) изображена процессія, идущая къ собору: Государь ѣдетъ верхомъ на конѣ, за нимъ Государыня — «въ саняхъ большихъ инаалцовскихъ, обиты атласы золотными, а противъ ее сидѣли свахи всѣ четыре», и на л. 40 (стр. 81 печ. изд.), какъ, по прибытіи къ собору, Государь и Государыня шли «въ стороннія двери», на аргамака же сѣлъ бояринъ Князь Лыковъ, а въ сани — окольничій Князь Волхонскій. Наконецъ, на л. 46 (стр. 93 печ. изд.) представлено возвращеніе изъ собора — Государя на конѣ, Государыни въ тѣхъ же саняхъ, съ двумя свахами и на л. 47 (стр. 95 печ. изд.), прибытіе ихъ къ Грановитой палатѣ, причѣмъ на Государева коня сѣлъ опять Князь Лыковъ, а въ сани Князь Волхонскій и отвели ихъ на конюшню. На всѣхъ этихъ рисункахъ сани изображены не одинаковыми, даже когда по смыслу текста онѣ должны были бы быть тѣми же самыми. Различіе выражается какъ въ самой формѣ саней, такъ и ихъ украшеній. На л. 66 видно, что сани имѣютъ высокій передъ, съ поставленнымъ на немъ двулавымъ орломъ и красныя копылья, а сами сани желтыя — «золотныя», причѣмъ на л. 67 можно видѣть, что бока саней снабжены украшеніями, орнаментомъ. Но сани, изображенныя на л. 39, и л. 37, хотя, очевидно, тѣ же самыя, не имѣютъ орла, а вмѣсто него — другое украшеніе, — различіе, вызванное, повидимому, лишь неаккуратностью рисовальщика или склонностью его къ разнообразію. Замѣтимъ еще, что въ расходныхъ дворцовыхъ книгахъ, выписки изъ коихъ приведены въ приложеніи къ сочиненію Забѣлина о бытѣ Русскихъ Царицъ (Приложеніе, стр. 66), подъ 12 января 1626 г. показанъ слѣдующій расходъ, очевидно въ виду предстоящей свадьбы:

Путешественникъ Олеарій, описывая русскую свадьбу въ тридцатыхъ годахъ XVII вѣка, говоритъ, что послѣ разныхъ обрядовъ въ невѣстиномъ домѣ, «сваха беретъ невѣсту, усаживаетъ ее въ сани и везетъ въ церковь... Женихъ и священникъ ѣдутъ верхами... Послѣ бракосочетанія женихъ уводитъ невѣсту изъ церкви къ санямъ, сажаетъ ее, самъ же опять ѣдетъ за нею верхомъ. Около саней невѣсты несутъ шесть горящихъ восковыхъ свѣчей»⁵⁰). Интересно, что Олеарій не упоминаетъ въ данномъ случаѣ о колымагѣ, которою бы замѣнились сани лѣтомъ, хотя страницы черезъ двѣ, описывая бытъ русскихъ женщинъ, онъ говоритъ, что «княжескія, боярскія и другихъ знатныхъ лицъ жены лѣтомъ ѣздятъ въ закрытыхъ повозкахъ (Wagen), обитыхъ краснымъ сукномъ; повозками этими, поставленными на полозья, онѣ пользуются и зимою»⁵¹). Въ «Указѣ Свадебному чину», составляющемъ прибавочную главу Домостроя, также не упоминается о колымагѣ, а говорится только о саняхъ. «А новобрачной княгинѣ ѣхати къ вѣнчанію въ саняхъ, а сани поволочи атласомъ или тафтою, а въ сани положить подушка бархатная или атласъ золотной на миндеръ, и въ сани послати коверъ, а миндеръ обшить сукномъ червчатымъ; да у саней держати сорокъ соболей» и т. д.⁵²). Но, съ другой стороны, Котошихинъ, въ своемъ описаніи русскихъ нравовъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, говоритъ, что женихъ сажаетъ невѣсту «въ колымагу или каптану (сани),

---

«въ конюшенный приказъ, на иналцовскія сани, на подбивку 15 аршинъ отласу червчатого, по рублю; на кровлю 6 аршинъ сукна багрецу червчатого по 60 алтынъ». Изъ этой записи слѣдуетъ, что сани были обиты краснымъ атласомъ и имѣли кровлю, тогда какъ въ «описаніи» упоминается объ обивкѣ атласомъ золотнымъ, а на рисункѣ къ «описанію» — «кровли» не показано. Что значить названіе «иналцовскія» — неизвѣстно; Забѣлинъ не нашелъ возможнымъ его объяснить. Повидимому, оно происходитъ отъ итальянскаго глагола *innalzare* (*inalzare*) что значить — «поднимать, возвышать», — употребляемаго теперь болѣе въ переносномъ смыслѣ, какъ *sublimare*, *illustrare*, но въ прежнія времена — и въ прямомъ значеніи, напр. въ выраженіяхъ: «*unalzai un poco piu le ciglia*» (Dante, *Inf.* 31, 1), «*questa torre fu inalzata*», «*innalzando lo scudo*» и т. д. Если подобное производство слова допустимо, то «иналцовскія» сани будутъ — «возвышенныя, приподнятыя» и въ то же время — «торжественныя, славныя, парадныя». — Названіе «корѣта» тоже происходитъ изъ итальянскаго — «*coretto, carretta*», но оно перешло къ намъ черезъ Польшу (пол. «*kareta*»). «*Carretta*», въ свою очередь, образовалось изъ лат. *carrus*, которое было заимствовано у Кельтовъ.

⁵⁰) *Olerius*, *Reise*. 1-е нѣмецкое изд. 1647, S. 140; русскій переводъ Барсова (съ 3-го изд. 1663 г.), стр. 207.

⁵¹) *Olearius*, l. c. S. 142. (съ рисункомъ саней-возка, котораго нѣтъ въ другихъ изданіяхъ, напр. 1696 г.); въ русскомъ изданіи, стр. 211 — Барсовъ переводитъ «*Wagen*» словомъ карета, но это, какъ увидимъ далѣе, невѣрно.

⁵²) «Указъ свадебному чину» въ «Временникѣ Общ. Ист. и Древ. VI. М. 1850». Онъ же напечатанъ Сахаровымъ въ «Сказаніяхъ русскаго народа», кн. VI, стр. 107 и слѣд., но, повидимому, съ позднѣйшаго списка. Значеніе слова «миндеръ» не совсѣмъ ясно; можетъ быть, что это была кожаная подушка. Въ описи царскихъ вещей 1682 г. миндеры значатся послѣ одѣялъ и описываются, какъ сафьяныя, червчатые или желтые. См. *Савваитовъ*, Описаніе старин. цар. утварей. Спб. 1865, стр. 216. — Въ «Словарѣ» Даля — «миндера», «миндра» (сѣв. и вост.) — мелочь, обрѣзки, лоскутки.

садится на лошадь или въ сани, также и весь свадебный чинъ, и ѣдутъ со двора къ церкви»⁵³⁾. Возможно, что у частныхъ лицъ сани замѣнялись лѣтомъ колымагаю, тогда какъ при царскихъ и княжескихъ свадьбахъ, когда поѣзду нужно было проѣхать только небольшое разстояніе въ Кремль, сани предпочитались и лѣтомъ, особенно ранѣе, въ XVI и первой половинѣ XVII столѣтія.

Другое упоминаніе о саняхъ, могущее возбуждать нѣкоторыя сомнѣнія, встрѣчается въ описаніяхъ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ и процессій XVII вѣка. Такъ Олеарій, описывая крестный ходъ изъ дворца въ Казанскій соборъ, 22 октября 1634 г., перечисляетъ участвовавшихъ въ немъ священниковъ, иконы, хоругви, говоритъ какъ шель подъ голубымъ балдахиномъ патріархъ, а за нимъ, подъ краснымъ балдахиномъ — царь и наконецъ прибавляетъ. «За ними два человѣка несли красное (царское) кресло, потомъ вели царскаго коня и наконецъ ѣхали сани, запряженныя двумя бѣлыми конями». 22-го октября въ Москвѣ еще едва-ли былъ снѣгъ, да и изъ другихъ подробностей у Олеарія видно, что снѣгу въ это время еще не было, а между тѣмъ сани фигурируютъ, хотя и не для перевозки, а только (какъ и кресло, и конь) для пышности процессіи⁵⁴⁾. Сани вообще составляли, повидимому, въ древности наиболѣе парадный царскій экипажъ, и только къ концу XVII в. съ ними стали соперничать кареты. Богато украшенныя сани посылались иногда царями въ видѣ подарковъ; такъ извѣстно, что Лжедмитрій сдѣлалъ такой подарокъ Мнишку, воеводѣ Сендомирскому. «Въ Дневникѣ Польскихъ пословъ» объ этомъ подаркѣ сказано такъ. «18 мая, въ четвертокъ, предъ коронаціею, царь прислалъ пану воеводѣ Сендомирскому вызолоченныя сани, обитыя внутри парчею, съ парчевыми подушками, съ алымъ суконнымъ верхомъ на парчевомъ подбоѣ. Въ нихъ запряженъ былъ бѣлый жеребецъ; упряжь на немъ красная бархатная; возжи бобрянныя; дуга и оглобли обернуты краснымъ бархатомъ, обвиты серебряною проволокою съ серебряными по срединѣ бляхами, съ такими же по концамъ шишками и съ красными шелковыми кистями. На хомутѣ по обѣимъ сторонамъ висѣло по сороку красивыхъ, самыхъ лучшихъ соболей. Попона была богато унизана жемчугомъ. Въ этихъ саняхъ его свѣтлость панъ воевода Сендомирскій того же дня отправился къ царю». Такимъ образомъ, несмотря на лѣтнее время, воевода Сендомирскій ѣхалъ во дворецъ въ са-

⁵³⁾ *Котошихинъ*, О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Спб. 1840, стр. 122.

⁵⁴⁾ *Olearius*, 1-е нѣм. изд., S. 41. Олеарій говоритъ, что дорога отъ дворца до церкви была устлана досками и передъ процессіею шло нѣсколько человѣкъ съ метлами которыми они подметали дорогу. — О снѣгѣ Олеарій не упоминаетъ, и только далѣе, подъ 16 декабря, описывая прощальную аудіенцію посольства у Государя, говоритъ, что «по случаю мороза и выпавшаго снѣга» (weil wegen Schnee und Frost so damals eingefallen), посольство поѣхало ко дворцу не верхами, а въ саняхъ. Все это, повидимому, доказываетъ, что 22-го октября, въ тотъ годъ, снѣгу еще не было. При послѣдующихъ изданіяхъ Олеарія приложена и гравюра, изображающая этотъ крестный ходъ. На гравюрѣ представлена вся процессія, въ томъ числѣ и парныя сани, еѣ замыкающія.

5 февраля 1626 г. Употребленіе саней въ это время года, правда, весьма естественно, но описаніе въ данномъ случаѣ интересно многими другими любопытными подробностями. «Изъ палаты шель Государь и Государыня сѣньми да лѣсницею, что у Грановитыя палаты, до аргамака и до саней, а подъ ними Государи слали путь камками червчатыми;.. а аргамака Государева въ то время привели съ конюшни, и сани Государынины привезли къ лѣсницѣ; и сѣлъ на аргамака Бояринъ Князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ; а до лѣсницы съ конюшни аргамака вели. А какъ Государь пришелъ къ аргамаку, и ясельничій Богданъ Матвѣевъ сынъ Глѣбовъ подвелъ аргамака, и сѣдши Государь на аргамака, ѣхалъ къ Пречистой Богородицѣ площадью, а передъ нимъ Государемъ ѣхали поѣзжане, стольники и дворяне большіе, сорокъ человекъ... а за ними ѣхали дружки, а за дружками тысяцкій мало попередъ Государя посторонь; а бояринъ Князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ шель пѣшь, у Государя подлѣ коня. А Государыня ѣхала въ саняхъ большихъ инаалцовскихъ, обиты атласы золотными, а противъ ее сидѣли свахи, всѣ четыре, а до тѣхъ мѣсть сидѣлъ въ санѣхъ ясельничій Богданъ Глѣбовъ. И какъ Государыня пришла къ санямъ; и Богданъ вставъ, шель у Государева коня, а Государыня, сѣдши въ сани ѣхала за Государемъ. А за Государынею за саньми шель окольникій князь Григорій Константиновичъ Волхонскій, да дьякъ Иванъ Болотниковъ, да дворяне московскіе сверстные двадцать три человекъ... а съ ними для береженія, чтобъ никто между Государева и Государыни пути не переходилъ, шли Царицыны дѣти боярскіе двадцать человекъ. А проѣхавъ къ церкви Пресвятыя Богородицы, слѣзъ Государь съ коня на мостки, и Государыня вышла изъ саней, и шли Государь и Государыня въ церковь въ стороннія двери, что отъ Архангела; а тысяцкій и дружка шли передъ нимъ Государемъ. А Государыню въ церковь вели подъ руку свахи большія... А съ Государемъ въ перковь шли бояре... А на Государева аргамака сѣлъ въ то время конюшій бояринъ князь Б. М. Лыковъ, а въ сани на Государынино мѣсто сѣлъ окольникій князь Г. К. Волконскій. А царицыны дѣти боярскіе въ то время берегли путь, чтобы между Государева коня и Царицыныхъ саней не переходилъ никто... А послѣ вѣнчанія, Царь и Великій Князь, взявъ Царицу за руку, шель отъ церкви въ тѣ же стороннія двери ⁴⁸⁾ и

рис. VIII.

Царскія свадебныя сани Михаила Федоровича, съ сидящимъ въ нихъ окольникіимъ Кн. Волконскимъ. Изъ описанія второй свадьбы Михаила Федоровича, въ библиотекѣ Моск. Архива Иностранныхъ Дѣлъ.

⁴⁸⁾ У Малоруссовъ Подольской губ. (Ушицаго у.), по Чубинскому, существуетъ обычай выходить молодымъ изъ церкви боковыми дверьми, «чтобы счастье, которое ожидаетъ ихъ въ супружеской жизни, никогда ихъ не покидало и не замѣнялось горемъ». . . Тр. Экс. въ Зап. Рус. край. IV, стр. 272.

санями, въ качествѣ лѣтняго экипажа, и для обыкновенныхъ разъѣздовъ по городу ⁶⁰⁾.

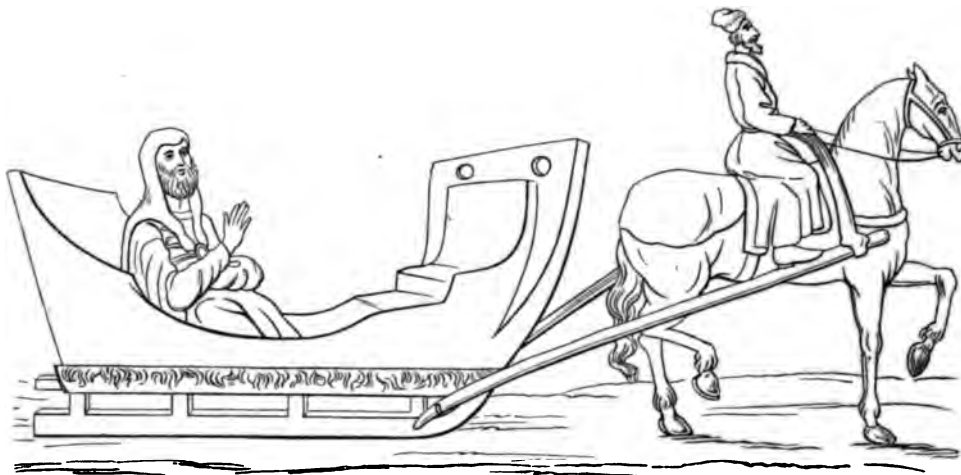

рис. IX.

Крутицкій митрополитъ Петръ въ саняхъ. Съ рисунка бар. Мейерберга (1661 — 1662).
Въ этихъ саняхъ митрополитъ ѣздилъ и лѣтомъ.

Еще одно упоминаніе саней, способное возбуждать нѣкоторыя сомнѣнія, встрѣчается въ описаніяхъ обряда шествія на ослати въ недѣлю Вайи или Цвѣтоносное воскресенье. Въ этотъ день совершался крестный ходъ изъ Успенскаго собора чрезъ Спасскія (Фроловскія) ворота къ Покровскому собору (нынѣ Василій Блаженный) и, послѣ молебствія въ послѣднемъ, обратное шествіе на ослати, именно —

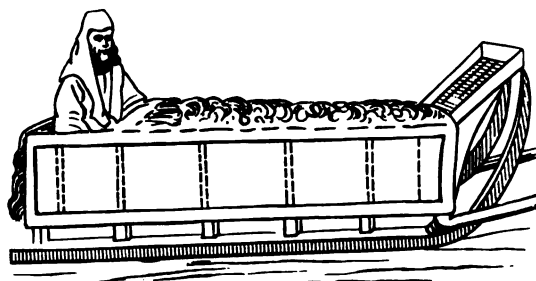

рис. X.

Другія сани одного игумена, изображенныя у бар. Мейерберга.

патріархъ ѣхалъ на конѣ, убранномъ въ бѣлый суконный «каптуръ» (конь этотъ изображалъ осла), при чемъ конецъ повода держалъ самъ государь ⁶¹⁾. Это обратное шествіе открывалось

вербой, которая еще рано утромъ ставилась около лобнаго мѣста. Она представляла дерево, украшенное искусственными листьями, цвѣтами и плодами и укрѣпленное на саняхъ. Въ «Дворцовыхъ Выходахъ» о ней упоминается обыкновенно въ такихъ выраженіяхъ: «А поблику

⁶⁰⁾ Сохранилось извѣстіе, что митрополита Филарета Никитича, при возвращеніи его изъ польскаго плѣна, везли въ Москву на саняхъ.

⁶¹⁾ Бѣлый каптуръ покрывалъ голову и шею коня, котораго вели подъ устцы два дьяка, а за средину повода держалъ одинъ изъ первостепенныхъ бояръ. Патріархъ сидѣлъ на лошади бокомъ, въ креслахъ, съ крестомъ и евангелиемъ.

осляти поставлена была верба, устроена на саняхъ, а сани обиты сукномъ червчатымъ. А тое вербу наряжали изъ патріарша казеннаго приказу». Забѣлинъ замѣчаетъ по этому поводу, что «экипажъ, на которомъ устраивалась верба, назывался санями, хотя и былъ на колесахъ. Слово *сани* встарину имѣло различныя значенія; въ настоящемъ случаѣ подъ этимъ можно разумѣть колесницу. Сани обивались краснымъ сукномъ и украшались перилами или рѣшеткою, расписанною разными красками... На саняхъ, подъ деревомъ, стояли «и пѣли стихеры цвѣтоносію патріарши подъяки меншихъ станицъ», мальчики лѣтъ двѣнадцати въ бѣлыхъ одеждахъ... Остатки вербы и всѣ украшенія саней отдавались стрѣльцамъ и народу». Забѣлинъ говоритъ, что во дворцѣ, кромѣ того, всегда изготовлялись особыя, нарядныя, роскошно испещренныя вербы для государя, царицы и дѣтей. Ихъ утверждали также на маленькыхъ санкахъ, обитыхъ червчатымъ атласомъ съ золотнымъ галуномъ или, для дѣтей, въ станкахъ на колесахъ ⁶²⁾.

Намъ неизвѣстно, на основаніи какихъ данныхъ утверждаетъ г. Забѣлинъ, что подъ вербными санями нужно разумѣть колесницу. Правда, Олеарій, описывая вербное дѣйство, видѣнное имъ въ Москвѣ 10 апрѣля 1636 г., говоритъ, «что впереди всего везли дерево, увѣщенное яблоками, виинными ягодами и изюмомъ и поставленное на очень большія и широкія, но низкія дроги (Wagen)», но, во-первыхъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы вербу всегда возили на дрогахъ, а во вторыхъ, можно еще сомнѣваться, вѣрно ли записалъ въ данномъ случаѣ Олеарій. По крайней мѣрѣ въ выпискахъ изъ расходныхъ книгъ Патріаршаго Приказа за тотъ же годъ, подъ 7-мъ числомъ апрѣля, значится, между прочимъ, слѣдующій расходъ: «сторожемъ Омелькѣ съ товарищи ... на лыки къ *санель* на починку 2 деньги, да имъ же за уставку за вербу на *сани* и за обвяску 10 алт. 2 ден., да за гвоздя на приборъ къ доскамъ, на чемъ подъякомъ стоятъ, 6 денегъ». Что вербныя сани были именно санями, явствуетъ, повидимому, и изъ расходныхъ книгъ за другіе годы. Такъ, напримѣръ, подъ 7155 годомъ, «марта въ 10 день, сторожъ Васка Шаховъ взялъ въ санномъ ряду двои дровни подъ вербу»; подъ 7136 годомъ: «апрѣля въ 10 день плотнику Афонкѣ Гаврилову корму на день 8 ден., починивалъ сани подъ вербу и вербу устанавливалъ»; подъ 139 г.: «марта 8, Казеннаго Приказу сторожу Васкѣ Шахову на двои дровни 14 алт.» и т. д.; подъ 145 г.: «плотнику, который сани вербные починивалъ, 2 алт., да ярыжному, который окалывалъ изъ олду сани 6 ден.» и т. д.; подъ 173 годомъ: «марта 14... домовому плотнику, что онъ вербу нарядную ставилъ на дровни, въ станки, за работу... гривна»; подъ 175 г.: «апрѣля 6... старцу Игнатію, что онъ устанавливалъ вербу на дровняхъ въ креслахъ, за дѣло 5 алтынъ»; подъ 180 г.: «марта 15... нарядные вербы сани отъ торга взяты на патріаршѣ дворѣ...; марта въ 31 день нарядную вербу въ дѣй-

⁶²⁾ Забѣлинъ, Бытъ русскихъ царей, 1862 г., стр. 325 слѣд.

ство, отъ лобнаго мѣста въ Кремль... везли великаго Государя возники сѣрые...; подъ 182 г.: «по именному в. г. ц. и в. к. Алексѣя Михайловича указу, велѣно... къ дѣтству строить верба нарядная въ санехъ... и нарядить санную вербу цвѣтами всякими со птицы и овощи передъ прошлыми лѣты съ прибавкою, для прилучившихся въ Москвѣ Свѣйскихъ пословъ...»; подъ 198 г.: «апрѣля 11... сторожемъ за пріискъ большія санныя вербы, которую пріискали они къ устройенію на сани къ цвѣтоносной недѣлѣ»... и пр.; подъ 203 г.: «марта въ 16 день въ цвѣтоносную недѣлю... нарядное большое вербное древо отвезено на саняхъ къ Лобному мѣсту домовыми возниками, а отъ Лобнаго мѣста въ дѣйство послѣ литургіи привезено къ соборной церкви государевыми возниками...»

рис. XI.

Вербныя сани съ рисунка, изображающаго вербную процессію 23 марта 1662, въ моментъ ея приближенія къ Спасскимъ воротамъ, въ атласѣ бар. Мейерберга. Эти данныя, при отсутствіи въ расходныхъ книгахъ указаній на пріобрѣтеніе къ вербному воскресенью телѣгъ, починки колесъ, смазки ихъ и т. под., а равно и самыя размѣры расхода на дровни и ихъ починку, все это не позволяетъ, кажется, видѣть въ вербныхъ саняхъ какой-то особой колесницы, а просто сани, нѣсколько только возвышенныя приставными досками, снабженныя иногда перильцами и покрытыя краснымъ сукномъ⁶³⁾. Что это такъ, доказываетъ и описаніе Мейерберга, видѣннаго вербное «дѣйство» 23 марта 1662 г. одновременно съ шведскими послами. Въ атласѣ къ его путешествію, на листѣ 50-мъ, представлена вся церемонія въ тотъ моментъ, когда верба вступаетъ въ Спасскія ворота, причемъ въ подписи къ рисунку, подъ № 11 («Баронъ Мейербергъ», стр. 204)

⁶³⁾ На рисункѣ Оларія верба изображена на самомъ дальнемъ планѣ въ маленькомъ видѣ, причемъ изъ рисунка, приложеннаго къ первому изданію, явственно видны какъ самое дерево, такъ и телѣга, запряженная одною лошадыю. На томъ же рисункѣ въ послѣдующихъ изданіяхъ Оларія — верба сдѣлана уже менѣе явственно и очертанія дерева сливаются; кромѣ того, на рисункѣ Оларія видно, что крестный ходъ съ вербой идетъ не отъ Василія Блаженнаго въ Кремль, а наоборотъ, изъ Кремля къ Василію Блаженному, какъ, вѣроятно это, и было въ дѣйствительности при Михаилѣ Федоровичѣ, тогда какъ при Алексѣѣ Михайловичѣ верба стала выставляться рано утромъ около Василія Блаженнаго и шла передъ процессіей только при обратномъ крестномъ ходѣ въ Кремль. Кромѣ того, со временъ Алексѣя Михайловича верба стала убираться богаче и сани везлись уже не одною лошадыю, а цѣлою шестеркой (и даже дюжиной) «возниковъ». Къ санямъ прибавались доски (устраивалось возвышеніе), на которыхъ стояли подьяки. Украшенія вербы, а иногда и сукно, которымъ были обиты сани, растаскивались потомъ обыкновенно стрѣльцами и стрѣлецкими дѣтьми.

сказано: «Сани, обтянутыя алымъ сукномъ, на коихъ поставлено сухое дерево, обвѣшенное яблоками, подъ конемъ стояли пять отроковъ въ бѣломъ одѣяніи; сани сіи запряжены въ шесть лошадей, покрытыхъ алымъ сукномъ». На рисункѣ изображены, впрочемъ, только 4 лошади, но видно все-таки, что это сани, только возвышенныя надставленнымъ на нихъ ящикомъ. О саняхъ же упоминаетъ Болонецъ Зани, бывшій въ Москвѣ въ свитѣ польскаго посла, въ 1672 г., и видѣвшій также вербную процессію По его словамъ... «дерево окруженное перилами, было поставлено на большія сани (slitta), которыя везли двѣнадцать бѣлыхъ лошадей, въ богато убранной сбруѣ»⁶⁴).

При обсужденіи вопроса объ употребленіи въ прежнее время саней слѣдуетъ принять еще во вниманіе состояніе тогда дорогъ и улицъ, даже въ большихъ городахъ. Дороги были часто трудно проходимы, а во многихъ болотистыхъ и лѣсистыхъ мѣстностяхъ дорогъ, можно сказать, не было, и ѣзда на колесахъ была почти невозможна. Въ нѣкоторыхъ глухихъ частяхъ Олонецкой, Вологодской, Костромской губерній еще и теперь колеса почти неизвѣстны, и крестьяне ѣздятъ и зимою и лѣтомъ на дровняхъ или на волокушахъ⁶⁵). Въ прежнее время такихъ мѣстностей было, по всей вѣроятности, больше, и ѣзда въ саняхъ лѣтомъ, въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ, сохранила о себѣ память въ нѣкоторыхъ народныхъ поговоркахъ, каковы напримѣръ: «Олончане лѣтомъ воеводу на саняхъ возили», или — «во всей Онегѣ нѣтъ телѣги: лѣтомъ воеводу на саняхъ по городу возили»⁶⁶). Въ Москвѣ улицы, во времена Олеарія, были широки, но не ровны и большею частью не мощены; въ ненастное время на нихъ вязли по колѣно въ грязи, хотя мѣстами устраивались мостки для пѣшеходовъ. Мостовыя были только въ центрѣ города, и то не каменные, а деревянные, изъ еловыхъ или сосновыхъ досокъ или бревенъ; о нихъ упоминаетъ еще Флетчеръ, во времена Федора Ивановича, и даже Герберштейнъ въ началѣ XVI вѣка. Во второй половинѣ XVII вѣка улицы

⁶⁴) Relazione della Moscovia del Cav. Ercole Zani, въ «Il Genio Vagante» I. 1691. р. 171 — 172.

⁶⁵) Н. Н. Харузинъ говорилъ мнѣ, что въ Пудожскомъ уѣздѣ Олонецкой губ. ему самому приходилось ѣхать лѣтомъ, по проселочнымъ, каменистымъ дорогамъ, на саняхъ (дровняхъ). Даль говоритъ, что на волокушахъ ѣздятъ еще и теперь лѣтомъ въ глухихъ мѣстахъ, на границѣ Новгородской, Олонецкой и Вологодской губ. — Ф. Д. Нефедовъ сообщилъ мнѣ, что на саняхъ иногда ѣздятъ лѣтомъ въ Ветлужскомъ уѣздѣ (Хорошовской волости) и Кологривскомъ (Турлеевской вол.) Костромской губ. — По словамъ г. Труворова, «съ санями можно встрѣтиться и въ настоящее время на дорогѣ отъ г. Повѣнца Олонецк. губ. на Сумскій посадъ при Бѣломъ морѣ, гдѣ занемогшихъ въ пути богомольцевъ, идущихъ изъ Петербурга и другихъ мѣсть въ Соловецкій монастырь, перевозятъ и теперь, не взирая на лѣто, также въ саняхъ, за нимѣніемъ телѣгъ».

⁶⁶) Приведемъ еще нѣсколько пословицъ, въ которыхъ упоминается о саняхъ: «Что за обычай, лѣтомъ на колесахъ, зимой на полозу»; «Лѣтомъ на саняхъ только по просаку ѣздятъ»; «Готовъ лѣтомъ сани, а зимою телѣгу»; «Не садись въ боярскія сани» (но нѣтъ пословицы, въ которой бы, вмѣсто саней, упоминались боярскія колымаги); «Люби ѣздить, люби и саночки (салазки) возить» (но — не телѣжку!).

въ Китай-городѣ вымощены были круглыми бревнами, положенными поперекъ, съ промежутками, засыпанными землей, и только двѣ главныя, — одна противъ Спасскихъ воротъ (нын. Ильинка) и другая — у Посольскаго дома (нын. Никольская) — выложены были отѣсанными досками. Ъзда по такимъ улицамъ на колесахъ не могла не сопровождаться тряской, и иностранцы особенно смѣялись на толстыхъ боярынь, какъ онѣ тряслись въ своихъ неуклюжихъ колымагахъ ⁶⁷⁾. Неудовлетворительное состояніе дорогъ и улицъ могло быть одною изъ причинъ, почему сани предпочитались во многихъ случаяхъ, особенно когда требовалось не скорое, но болѣе покойное и удобное передвиженіе.

Съ другой стороны, слѣдуетъ принять во вниманіе типы древнихъ экипажей и состояніе въ прежнее время экипажнаго искусства. Долгое время, повидимому, единственнымъ колеснымъ экипажемъ у насъ была телѣга (кола), иногда, можетъ быть, съ простымъ на ней сидѣньемъ. Позднѣйшая колымага была, въ сущности, тоже четырехко есной телѣгой, только съ поставленнымъ на ней возкомъ. Кареты появились у насъ сравнительно поздно, и то сначала только въ царскомъ обиходѣ, гдѣ долгое время тоже составляли рѣдкость. Названіе *корѣты* получилъ, какъ думаютъ, впервые возокъ (carrriage), присланный англійской королевой Елисаветой царю Борису Годунову въ 1603 г., съ отвѣтнымъ посольствомъ на его предложеніе о единодушномъ возстаніи всѣхъ христіанскихъ державъ на магометанъ. Въ книгахъ посольскихъ этотъ carrriage носитъ названіе: «возокъ поволоченный бархатомъ червчатымъ»; въ позднѣйшихъ же описяхъ конюшенной казны: «корѣта большая англійская бархатная червчатая» ⁶⁸⁾. Подобные возки на колесахъ были, впрочемъ, въ то время уже извѣстны въ Россіи; мы имѣемъ описаніе возка, подареннаго Бори-

⁶⁷⁾ *Герберштейнъ* (Записки о Москвитинѣ, пер. Анисимова, 1866, стр. 97): «Этотъ городъ (Москва)... очень грязенъ, почему на улицахъ и площадяхъ, въ лучшихъ его частяхъ, подѣланы мостки (pontes)» *Флетчеръ* (О Государствѣ Русскомъ. М. 1848, изд. Общ. Ист. и Древн., стр. 12): «На улицахъ, вмѣсто мостовыхъ, лежатъ обтесанныя, сосновыя деревья, одно подлѣ другого»; во французскомъ переводѣ: «La Russie au XVI siècle». P. 1864. p. 41. . . «Les villes. . . au lieu de pavé. . . ont des sapins ecarris et placés les uns à coté des autres». *Олеарій* (Рус. пер., стр. 108): «лучшія улицы выложены деревянной мостовой, состоящей изъ положенныхъ одно подлѣ другого бревенъ, по которымъ ходятъ и ѣздятъ какъ по мосту». Въ 1-мъ изданіи Олеарія сказано нѣсколько иначе: «Die Gassen sind gross und weit, in derer Mitte auf der Erden runde Hölzzer neben einander oder hölzerner Brücken geleet weil bey Regen und nassem Wetter ein so tieffer Kott, dass man ohne solche Brücken weder gehen noch stehen kann». По словамъ Таннера, бывшаго въ Москвѣ въ 1678 г., «spectaculum per jucundum fuit videre, quod ad minutissimum quemlibet currus motum foemineae pondus pinguedinis assidue agitaretur». См. *Ключевскій*, Сказанія иностранцевъ о Московскомъ Государствѣ. М. 1866, стр. 201. Въ Псковѣ главная улица, въ XVII в., была выложена вдоль положенными бревнами.

⁶⁸⁾ Посольство Елисаветы было отправлено уже при Іаковѣ I, въ лицѣ Ричарда Ли. Карета эта изображена въ «Древностяхъ Росс. Государства» Отд. 3, рис. № 133, 134. По описи — «въ корѣтѣ верхъ и передніе и задніе стѣны и подвойные полы, и столпцы и ящики обито, и одверье и отметные полы подложены бархатомъ червчатымъ... Верхъ на осми столпцахъ деревянныхъ... У корѣты по ящику рѣзаны на коняхъ юди и звѣри и травы, и золочены и росписаны разными красками... Подъ обломами

сомъ Годуновымъ жениху его дочери Ксеніи, — Іоганну, герцогу Датскому (Датскому королевичу Ягану), причемъ изъ одного иностраннаго свидѣтельства видно, что у царя въ то время было еще нѣсколько такихъ возковъ или каретъ, изъ коихъ одна, Фелора Борисовича, походила даже на нѣмецкія, висячія (hängenden)⁶⁹⁾. При Самозванцѣ нѣсколько богатыхъ каретъ (или колымагъ?) появилось въ Москвѣ съ Мариной Мнишекъ; она совершала свой торжественный вѣздъ въ Москву въ каретѣ, запряженной 12-ю чубарыми лошадьми и въ сопровожденіи еще 13 каретъ. Впрочемъ, самыя большія и парадныя колымаги, въ которыхъ сидѣла царская невѣста и ея приближенныя, были подарены ей Самозванцемъ и ожидали ея отчасти на дорогѣ, передъ Смоленскомъ, отчасти при самомъ вѣздѣ въ Москву, слѣдовательно были дѣланы еще до прибытія поляковъ⁷⁰⁾. Что случилось съ этими каретами послѣ — неизвѣстно; вѣроятно, онѣ погибли въ періодъ смутнаго времени⁷¹⁾. При Михаилѣ Фодоровичѣ была извѣстна карета патріаршая, принадлежавшая патріарху Филарету Ники-

подставки желѣзныя витыя, золоченыя. Передніе столпцы рѣзные, золочены, на нихъ рѣзаны люди, и золочены и прописованы живописнымъ письмомъ» и т. д. По Вельтману («Московская Оружейная Палата. 2-ое изд. 1860, стр. 259), рѣзные изображенія на каретѣ вполне сообразны отвѣту Англіи на предложеніе царя Бориса къ общему возстанію державъ для изгнанія Турокъ изъ Европы. Англія предоставляет ему одному совершить этотъ подвигъ: на задней стѣнкѣ возка вырѣзано сраженіе съ Турками и единоборство витязя въ коронованномъ шлемѣ и золотой бронѣ съ турецкимъ султаномъ. Въ отдаленіи видѣны Іванъ Великій и Москва. На передней же стѣнкѣ царственный витязь на колесницѣ торжественно шествуетъ съ побѣды; передъ нимъ несутъ знамя съ изображеніемъ двуглаваго орла, котораго одна половина красная, другая бѣлая». Кареты этой въ Оружейной Палатѣ теперъ нѣтъ.

⁶⁹⁾ «Возокъ — шесть лошадей сѣрыхъ, шлеи червчатыя, у возку желѣзо посеребрено покрыть лазоревымъ сафьяномъ, а въ немъ обито камкою пестрою, подушки въ немъ лазоревы и червчаты, а по сторонамъ писанъ золотомъ и разными красками; колеса и дышло крашны», см. «Карамзинъ, изъ Сленина, XI, пр. 60, стр. 23. Въ «Muskowitische Reise und Einzug d. D. Fürsten, Hertzog Hansen» (Büsching's Magaz. VIII) сказано, что карета Фодорова походила на нѣмецкія, висячія; что верхъ кареты Царской опирался на четыре столбика съ большими серебряными шишками; что въ каретѣ царичиной могли сидѣть четыре человека рядомъ». См. «Карамзинъ, XI прим. 64.

⁷⁰⁾ Въ «Дневникѣ Польскихъ пословъ» («Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ». Изд. 3-е. Ч. II, стр. 205) говорится: «близъ моста, приготовленнаго для насъ чрезъ Москву рѣку, мы увидѣли два великолѣпные шатра, въ которыхъ царица останавливалась. . . Подлѣ шатровъ стояла огромная карета, необыкновенной величины, запряженная жеребцами бѣлыми въ яблокахъ; конюхи вели ихъ попарно за поводья. Внутри кареты былъ устроенъ стулъ, на подобіе трона, для царицы». Въ «Дневникѣ Марины» (ibid, стр. 147) сказано, что карета эта была оправлена серебромъ, съ царскими гербами, въ 12 лошадей. Кромѣ того, въ томъ же «Дневникѣ» значитъ, что передъ Смоленскомъ, въ Люблинѣ, Марину ожидали 54 бѣлыя лошади и три кареты съ окнами, обитыя внутри соболями (ibid, стр. 139).

⁷¹⁾ Изъ сохранившихся расходныхъ книгъ на содержаніе польскихъ войскъ въ 1611 и 12 гг. значитъ, между прочимъ: «А въ московскую розруху разграблено: на конюшнѣ коней и конскихъ нарядовъ и возковъ и каретъ и колымагъ и коптанъ и иныхъ всякихъ конюшенныхъ запасовъ и обиходовъ, въ конюшенномъ приказѣ денегъ — 30,000 рублей». «М. Оруж. Пал.» стр. 287.

тичу и поступившая въ казну по смерти его отца, боярина Никиты Ивановича Романова. Въ 1656 году она была передѣлана для встрѣчи Грузинскаго царя Темураза. Въ настоящее время она составляетъ древнѣйшій экипажъ, хранящійся въ Оружейной Палатѣ. Обита она бархатомъ и имѣетъ слюдяныя окна. При Алексѣѣ Михайловичѣ кареты упоминаются не рѣдко, но, повидимому, онѣ не отличались существенно отъ колымагъ. Котошининъ, жившій въ Стокгольмѣ и, очевидно, видавшій тамъ настоящія кареты, говоритъ: «а учинены бывають царицѣ и царевнамъ, для зимнѣйшѣй ѣзды, каптаны на саняхъ, избушками, обиты бархатомъ или сукномъ краснымъ, по обѣ стороны двери съ затворами слюдяными и съ завѣсами тафтными; а для лѣтнѣйшѣй ѣзды *колымаги* сдѣланы на рыдванную статью, покрыты сукномъ же, *входятъ въ нихъ по лѣстницамъ, а сдѣланы бывають на колесахъ просто, какъ и простая телега, а не такъ какъ бывають кареты висячіе на ремняхъ*; и тѣ колымаги и каптаны бывають о двухъ оглобляхъ, а дышель не бываетъ, и лошадей въ нихъ запрягаютъ по одной, а потомъ прибавливаютъ и иные лошади въ припряжь» ⁷²⁾.

⁷²⁾ Въ описаніяхъ выѣздовъ царя Алексѣя Михайловича за городъ упоминаются какъ кареты, въ которыхъ ѣхалъ царь и царевичъ съ приближенными боярами, такъ и колымаги въ 12 или 6 возниковъ, въ которыхъ сидѣли царица, царевны, боярыни. См. *Забѣлинь*, Бытъ русскихъ царицъ, 1-е изд. 1872, стр. 390, слѣд. Въ описаніяхъ упоминаются колымаги золотныя, крытыя внутри краснымъ бархатомъ и сукномъ (тамъ же, примѣчанія стр. 72). Въ Описи Конюшенной казны 1706 г. (см. *Викторовъ*, Описание книгъ старинныхъ дворцовъ. приказовъ. Вып. II. М. 1883), значатся: «три колымаги большія, съ лица на верху обиты кожею телятинною красною, деревянныя, золочены. Ящички огибные съ лица и въ нихъ писано золотомъ и красками разныхъ цвѣтовъ. Внизу ящички кругомъ и столпцы и крюки обиты сукномъ червчатымъ, по сукну прибаваны шипы деревянныя, золочены. На столпцахъ и на крюкахъ маквицы деревянныя, рѣзные, золочены. Въ колымагахъ небо обито отласомъ червчатымъ, по отласу прибаваны галуны серебряныя гвоздями мѣдными, золочеными. Поясье, на чемъ колымага стоитъ, ремненное, обшивано сукномъ червчатымъ. Станъ, колеса и дышла окованы желѣзомъ, крашены сурикомъ». — Упоминаніе о дышлѣ и «поясьи» — указываетъ на то, что колымаги къ концу XVII в. стали дѣлаться болѣе похожими на кареты. — Въ выпискахъ изъ расходныхъ дворцовыхъ книгъ (*Забѣлинь*, прим. стр. 141) имѣется такое описаніе парадной колымаги: «175 г. фев. 9. государь указалъ сдѣлать въ оружейной палатѣ Царицѣ Марьѣ Ильичнѣ колымагу деревянну рѣзную противъ образца бумажнаго и росписать по золоту цвѣтными красками; вмѣсто сукна покрыть бархатомъ и подложить желтою тафтою, а въ колымагѣ вмѣсто кожи золотной подбить отласомъ червчатымъ съ галунами, а шлен обшить бархатомъ и положить круживо кованое серебряное. — Марта 21 столповой прикащикъ Лукьянъ Оболеневъ сказалъ: въ новую колымагу надобно 4 креста съ мощми въ серебрѣ или въ золотѣ, а на чемъ ставить и укрѣпить надобно 20 крючковъ серебряныхъ. Миндери бархатной, на миндери изголовейцо мѣстное да опричь зголовейца надобно назади подушка поперегъ во всю колымагу», и т. д. Изъ описи видно, что у колымаги «на задней доскѣ вырѣзана съ живства (т. е. съ природы) птица», «у ящичка на задней доскѣ — орелъ въ клеймѣ съ коруною... да два льва съ живства» и т. п. Вставленіе изнутри въ стѣнки царскихъ колымагъ и каретъ крестовъ съ частицами мощей или иконъ было, повидимому, весьма обыкновенно въ XVII в. Одинъ образъ или крестъ находился надъ «государевымъ мѣстомъ», другой надъ «боярскимъ мѣстомъ» спереди. Въ англійской каретѣ Годунова были два креста серебряныхъ золоченыхъ, съ мощами. См. «Моск. Оруж. Пал.» стр. 259.

Слово «корета» прилагалось иногда въ XVII вѣкѣ и къ простымъ плетенкамъ на колесахъ ⁷³⁾. Настоящія кареты на ремняхъ появились, видимо, въ большемъ числѣ, лишь къ концу XVII вѣка; онѣ извѣстны были также подъ названьемъ «полукоретьевъ». Въ «Описи конюшенной казны, составленной стольникомъ Ѳ. С. Бутурлинымъ въ 1706 — 1707 гг.» показаны только двѣ большія кореты («англійская», т. е. Бориса Годунова, и «патріаршая», т. е. Филарета Никитича), а за тѣмъ слѣдуютъ «полукоретья» — на ременныхъ поясахъ; ихъ показано тоже два, одно «приведенное отъ боярина Арт. Серг. Матвѣева въ 184 году», и другое, «нѣмецкое», о коемъ отмѣчено, что оно «въ походѣ, въ с. Преображенскомъ» ⁷⁴⁾. Наконецъ въ описи упоминается еще *коляска*, «Колычевская», «обитая сукномъ и галуномъ коричневымъ», два «*рыдвана* кожаныхъ, одинъ обитъ внутри сукномъ лазоревымъ, другой — червчатымъ», три *колымаги* «обиты кожею красною, золоченыя», нѣсколько *телегъ*, затѣмъ *сани*, *возки* и *каптаны* ⁷⁵⁾.

Все это разнообразіе экипажей, образовавшееся къ концу XVII вѣка, было однако присуще только царской конюшенной казнѣ. Частныя лица довольствовались лишь санями и колымагами, да и этихъ послѣднихъ было, сравнительно, мало. По словамъ Невилля, бывшаго въ Москвѣ въ 1788 г., «хотя въ Москвѣ болѣе полумилліона жителей, однакожъ найдется не болѣе

⁷³⁾ Въ описи имѣнія Михайлы Татищева, убитаго народомъ въ 116 году, значится, между прочимъ: «корета плетена, колеса окованы желѣзомъ, цѣна полъ два рубли». См. Временникъ Общ. Ист. и Древ. VIII. 1850, смѣсь стр. 14.

⁷⁴⁾ По словамъ же *Вельмана* («Моск. Оруж. Палата», 2-е изд., стр. 258), «въ описи 1706 г., составленной съ прежнихъ описей и дополненной въ этомъ году, въ конюшенной казнѣ хранилось множество экипажей подъ названіями: корѣтъ, колясокъ, возковъ, рыдвановъ, колымагъ, каптановъ и саней, иноземной присылки и московской работы. — Полукоретье, приведенное отъ боярина Артамона Сергѣевича, имѣло верхъ, судя по описи, рознимающійся на двое: «задняя половина кладется на задніе столпцы, а подъ переднюю половину подставляется крюкъ желѣзный»... Внутри карета была обита алымъ бархатомъ, съ золотой бахромой и мѣдными гвоздями. Стекла въ круглыхъ окнахъ по сторонамъ были слюдяныя. Въ книгахъ Архива Оруж. Палаты сохранилось описаніе еще одной, потѣшной кареты, которою, вмѣстѣ съ четырьмя темнокарими возниками, бояринъ Арт. Сер. Матвѣевъ, въ маѣ 1675 г., ударилъ челомъ Царевичу Петру. Стекла въ этой каретѣ были «хрустальныя, а на стеклахъ писано цари и короли всѣхъ земель». Въ этой каретѣ Царевичъ слѣдовалъ въ царскомъ торжественномъ выѣздѣ въ Троицкій походъ 19 сентября того жъ года. См. *Забѣлинь*, Дѣтскіе годы Петра Великаго, въ «Опытахъ изученія русскихъ древностей». Т. I. 1872, стр. 13. — Полукоретье нѣмецкое — было съ рѣзбою: «ящикъ рѣзной золоченой, на заднихъ и на переднихъ доскахъ рѣзаны люди и кони, и на задней доскѣ рѣзаны львы золоченыя... А на передней доскѣ — змѣиная голова, рѣзная, золоченая».

⁷⁵⁾ Слово «коляска» Даль сопоставляетъ съ «кѣло, колесо и колыхать»; кромѣ того онъ приводитъ: *коляска*, *колыска* Нвг., Твер., Спб. = «простая четырехколая телѣга, въ отличку отъ одноколки» и костром. = «добрая лубяная телѣга». Однако наша «коляска», очевидно, заимствована у Поляковъ (пол. *kolasa*, *kolaska*), а тѣми съ запада (итал. *calesso*, испан. *calesa*, франц. *calèche*), хотя, въ свою очередь, по мнѣнію Ф. Ѳ. Фортунатова, эти слова похожи на заимствованныя изъ славянскаго («колеса»).

300 каретъ (колымагъ)»⁷⁶⁾. Настоящія кареты, даже въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія, были у насъ еще столь рѣдки, что «при кончинѣ Петра Великаго во всемъ Петербургѣ находилась только одна наемная, которою иногда пользовались приѣзжіе иностранцы»; прочіе для ѣзды употребляли одноколки или ѣздили верхами. Въ Малороссіи «до 1751 г., т. е. до прибытія въ нее графа Кир. Гр. Разумовскаго на гетманство, даже у самыхъ первыхъ малороссійскихъ вельможъ не было каретъ, а ѣздили въ коляскахъ, и слово карета весьма мало кому было извѣстно»⁷⁷⁾. Въ Москвѣ, въ послѣдней четверти XVII вѣка, названіе кареты придавалось часто вообще колымагамъ, и только въ такомъ смыслѣ и можно понимать это слово въ указѣ царя Федора Алексѣевича 1682 года, запретившемъ излишнюю роскошь въ экипажахъ боярамъ, стольникамъ и дворянамъ⁷⁸⁾. Кромѣ царской семьи, въ колымагахъ ѣздили, повидимому, жены и дѣти боярскія, вообще болѣе знатныя лица; бояре же, служивые и другіе болѣе состоятельные люди ѣздили или верхомъ или въ саняхъ. Высокая (на высокой телѣгѣ) колымага, съ окнами, задернутыми занавѣсками, представляла въ тѣ времена женскаго затворничества весьма подходящій экипажъ для боярынь и боярышень, но ѣхать въ ней боярину было не особенно удобно; бояре, если не ѣхали верхомъ, предпочитали, повидимому, сани, какъ это можно заключить изъ косвенныхъ и прямыхъ свидѣтельствъ нѣкоторыхъ иностранцевъ. Такъ, Олеарій, описавъ выѣзды боярынь, лѣтомъ — въ колымагѣ, зимою въ возкѣ, говоритъ далѣе: «Лошадь, везущая колымагу или сани, увѣшивается подобно той, которая везетъ невѣсту, лисьими хвостами, что представляетъ странный видъ. Подобное украшеніе мы наблюдали не только передъ санями боярынь, но и передъ санями бояръ и даже самого великаго князя, который иногда, вмѣсто лисьихъ хвостовъ, пользуется для той же цѣли красивыми черными соболями». Такимъ образомъ, упоминая о колымагахъ въ случаѣ выѣзда боярынь, Олеарій говоритъ только о саняхъ въ описаніи выѣздовъ бояръ и великаго князя⁷⁹⁾.

⁷⁶⁾ *Ключевскій*, Сказанія иностранцевъ, стр. 202.

⁷⁷⁾ *Успенскій*, I, с. I, стр. 49.

⁷⁸⁾ Указъ 1682 г. повелѣвалъ: Боярамъ, Окольничимъ и Думнымъ людямъ ѣздить впретъ въ городъ или куда похочетъ, въ лѣтнее время въ каретахъ, а въ зимнее въ саняхъ на двухъ лошадахъ; Боярамъ же въ праздничные дни ѣздить въ каретахъ и въ саняхъ на четырехъ лошадахъ, а гдѣ имъ доведется быть на створахъ и на свадьбахъ, и имъ ѣздить и на шести лошадахъ. Стольникамъ же, Стряпчимъ и Дворянамъ ѣздить въ зимнее время въ саняхъ на одной лошади, а въ лѣтнее — верхами, да въ каретахъ и въ саняхъ на двухъ лошадахъ намъ никому не ѣздить», *Миллеръ*, о Дворянахъ, стр. 370.

⁷⁹⁾ *Olearius*, 1-е изд., S. 142. «Das Pferd so den Wagen oder Schlitten ziehet, ist gleich dem, so die Braut führet, mit Fuchsschwänzen behänget, ist seltsam anzusehen. Solichen Zierath haben wir nicht alleine vor der Frauen, sondern auch des fürnehmen Herren, in des Grossfürsten Schlitten selbst gesehen, welcher bisweilen anstatt der Fuchsschwänze, schöne schwarze Zobeln gebrauchet». Тоже и въ позднѣйшихъ изданіяхъ, напр. 1696 г. — Въ русскомъ переводѣ П. Барсова, изд. Общ. Ист. и Др., 1870, стр. 211, это мѣсто передано невѣрно: «Лошадь, запряженная въ карету или сани, увѣшивается подобно

сомъ Годуновымъ жениху его дочери Ксеніи, — Іоганну, герцогу Датскому (Датскому королевичу Ягану), причеиъ изъ одного иностраннаго свидѣтельства видно, что у царя въ то время было еще нѣсколько такихъ возковъ или каретъ, изъ коихъ одна, Федора Борисовича, походила даже на нѣмецкія, висячія (hängenden)⁶⁹⁾. При Самозванцѣ нѣсколько богатыхъ каретъ (или колымагъ?) появилось въ Москвѣ съ Мариной Мнишекъ; она совершала свой торжественный вѣздъ въ Москву въ каретѣ, запряженной 12-ю чубарыми лошадьми и въ сопровожденіи еще 13 каретъ. Впрочемъ, самыя большія и парадныя колымаги, въ которыхъ сидѣла царская невѣста и ея приближенныя, были подарены ей Самозванцемъ и ожидали еѣ отчасти на дорогѣ, передъ Смоленскомъ, отчасти при самомъ вѣздѣ въ Москву, слѣдовательно были дѣланы еще до прибытія поляковъ⁷⁰⁾. Что случилось съ этими каретами послѣ — неизвѣстно; вѣроятно, онѣ погибли въ періодъ смутнаго времени⁷¹⁾. При Михаилѣ Федоровичѣ была извѣстна карета патріаршая, принадлежавшая патріарху Филарету Ники-

подставки желѣзныя витыя, золоченыя. Передніе столпцы рѣзные, золочены, на нихъ рѣзаны люди, и золочены и прописованы живописнымъ письмомъ» и т. д. По Вельману («Московская Оружейная Палата. 2-ое изд. 1860, стр. 259), рѣзныя изображенія на каретѣ вполне сообразны отвѣту Англіи на предложеніе царя Бориса къ общему возстанію державъ для изгнанія Турокъ изъ Европы. Англія предоставляет ему одному совершить этотъ подвигъ: на задней стѣнкѣ возка вырѣзано сраженіе съ Турками и единоборство витязя въ коронованномъ шлемѣ и золотой бронѣ съ турецкимъ султаномъ. Въ отдаленіи видѣнъ Иванъ Великій и Москва. На передней же стѣнкѣ царственный вптязь на колесницѣ торжественно шествуетъ съ побѣды; передъ нимъ несутъ знамя съ изображеніемъ двуглаваго орла, котораго одна половина красная, другая бѣлая». Кареты этой въ Оружейной Палатѣ теперь нѣтъ.

⁶⁹⁾ «Возокъ — шесть лошадей сѣрыхъ, шлеи червчатныя, у возку желѣзо посеребрено покрытъ лазоревымъ сафьяномъ, а въ немъ обито камкою пестрою, подушки въ немъ лазоревы и червчаты, а по сторонамъ писанъ золотомъ и разными красками; колеса и дышло крашны», см. «Каралзинъ, изъ Сленина, XI, пр. 60, стр. 23. Въ «Muskowitische Reise und Einzug d. D. Fürsten, Hertzog Hansen» (Büsching's Magaz. VIII) сказано, что карета Федорова походила на нѣмецкія, висячія; что верхъ кареты Царской опирался на четыре столбика съ большими серебряными шишками; что въ каретѣ паричьной могли сидѣть четыре челоѣка рядомъ». См. «Каралзинъ, XI прим. 64.

⁷⁰⁾ Въ «Дневникѣ Польскихъ послонъ» («Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ». Изд. 3-е. Ч. II, стр. 205) говорится: «близъ моста, приготовленнаго для насъ чрезъ Москву рѣку, мы увидѣли два великолѣпные шатра, въ которыхъ царица останавливалась. . . Подлѣ шатровъ стояла огромная карета, необыкновенной величины, запряженная жеребцами бѣлыми въ яблокахъ; конюхи вели ихъ попарно за поводья. Внутри кареты былъ устроенъ стулъ, на подобіе трона, для царицы». Въ «Дневникѣ Марины» (ibid, стр. 147) сказано, что карета эта была оправлена серебромъ, съ царскими гербами, въ 12 лошадей. Кроме того, въ томъ же «Дневникѣ» значится, что передъ Смоленскомъ, въ Люблинѣ, Марину ожидали 54 бѣлыя лошади и три кареты съ окнами, обитыя внутри соболями (ibid, стр. 139).

⁷¹⁾ Изъ сохранившихся расходныхъ книгъ на содержаніе польскихъ войскъ въ 1611 и 12 гг. значится, между прочимъ: «А въ московскую розруху разграблено: на конюшнѣ коней и конскихъ нарядовъ и возковъ и каретъ и колымагъ и коптанъ и иныхъ всякихъ конюшенныхъ запасовъ и обиходовъ, въ конюшенномъ приказѣ денегъ — 30,000 рублевъ». «М. Оруж. Пал.» стр. 287.

XVII вѣка, отличались богатствомъ украшеній и стоили иногда большихъ, по тому времени, денегъ, около 200 и даже 300 рублей ⁸²⁾. Все это дѣлаю

рис. XII.

Царь Алексѣй Михайловичъ въ саняхъ съ боярами на запяткахъ и со стрѣльцами, идущими по сторонамъ. (Лошадь съ служителемъ не показана). Съ рисунка бар. Мейерберга.

⁸²⁾ Въ описи конюшенной казны 1706 г., составленной стольникомъ Бутурлинымъ, помѣщены слѣдующія описанія двухъ выходныхъ саней. 1) «Сани большіе выходныя, рѣзныя, золоченыя, съ царствами (гербами), на китахъ деревянныхъ рѣзныхъ, тѣ киты посеребрены. (О томъ, какіе это были «киты», можно составить понятіе изъ возка или такъ-назыв. «линей» Елизаветы Петровны, хранящейся въ Оружейной Палатѣ). Въ тѣхъ саняхъ обито бархатомъ червчатымъ, двоємохровымъ, по немъ травки и каруны золотныя. Государево мѣсто сдѣлано креслами, обито бархатомъ травчатимъ разныхъ цвѣтовъ по серебряной землѣ. По бархату прибавано бахрамы золотныя

изъ саней покойный, удобный, открытый экипажъ, который предпочитался, повидимому, вездѣ, гдѣ только можно, особенно въ городѣ, въ торжественныхъ случаяхъ, и когда требовалось не скорое, но исполненное достоинства и важности передвиженіе. Только къ концу XVII в. колымагами

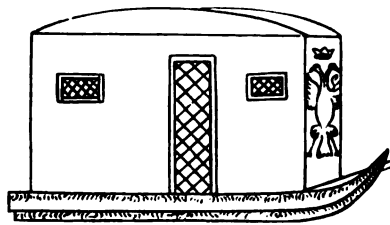

рис. XIII.
Возокъ царицы. Съ рисунка бар.
Мейерберга.

стали, повидимому, пользоваться все болѣе и болѣе и бояре и даже простые дворяне, припрягая къ нимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и большее число лошадей, что и вызвало, наконецъ, вмѣшательство царской власти, ограничившей какъ число «возниковъ», такъ и право пользоваться каретами (колымагами), сообразно съ чиномъ и знатностью лица.

Все это не объясняетъ однако достаточно, почему сани пользовались такой привиллегіей при похоронномъ обрядѣ, почему ихъ выбирали не только для перевозки умершаго, но и для несенія тѣла и гроба. Попытку

гвоздями серебряными, счетомъ 55 гвоздей. На мѣстѣ двѣ маковки серебряны золочены. На щиту и назади два орла двоеглавыя, межъ главъ каруны; орлы и каруны деревянные, рѣзные, золочены. Съ лица щитъ обить бархатомъ золотнымъ по червчатой землѣ гвоздями мѣдными. И дышло, и боронки, и возничье мѣсто обито кожами золотными (слѣд. возница сидѣлъ на чередкѣ саней), на ремняхъ; полозье подбито желѣзомъ. Съ исподи тѣ сани окорчья подбито сафьяномъ червчатымъ; въ саняхъ подножье обито сукномъ червчатымъ. Цѣна тѣмъ санямъ 270 руб. 2) Сани выходные рѣзные золочены, на нихъ писаны съ царствы, въ рѣзныхъ кругахъ. Въ нихъ обито государево мѣсто бархатомъ рудожелтымъ гладкимъ; по бархату прибавано голунъ серебряной гвоздями мѣдными золочеными. У государева мѣста по сторонамъ два орла рѣзные золочены; у того жъ мѣста на спускахъ бахрама золотная. На саняхъ, поверхъ государева мѣста, вырѣзанъ кругъ, въ травахъ, рѣзной, золоченой. Писано титуло блаженной памяти великаго государя ц. и в. к. Осодора Алексѣевича, вся В. и М. и Б. Росіи самодержца, а съ другую сторону писано въ кругу жъ: построены тѣ сани въ 190 году марта въ 6 день. На ней орликъ рѣзной, золоченой. На щиту поставленъ орелъ съ одну сторону рѣзной золоченъ, а съ другую сторону писанъ кругомъ мѣста. У тѣхъ саней четыре скобы желѣзные, луженые, бѣлые. (Не для того ли, чтобы, въ случаѣ надобности, держать на рукахъ?) Полозье и дышло и боронки писаны исподомъ разными красками, запятки обиты сукномъ краснымъ. Цѣна имъ 180 рублевъ. — Кромѣ выходныхъ и повседневныхъ саней, каптановъ, возковъ, въ царскомъ обиходѣ упоминаются еще *выносныя* (похоронныя), *инальцовскія* (свадебныя) и *Дмитровскія* (употреблявшіяся, вѣроятно, въ *Дмитровскую* (поминальную) субботу. Именно въ расходныхъ книгахъ царской казны за 124 годъ значится: «іюня 17, на конюшенный дворъ, на обивку къ Дмитровскимъ санемъ 29 арш. алтабасу по серебряной землѣ шолкъ зеленъ червчатъ багровъ съ золотомъ по 5 руб. аршинъ. Того жъ дни 29 арш. крашенины лазореной на подкладку въ Дмитровскіе сани по 9 алт., да на миндерь шесть сафьяновъ червчатыхъ по 23 алт. 2 д. . . Іюня 20 въ конюшенный приказъ на кровлю къ Дмитровскимъ санемъ 12 арш. бархату кизылбасково червчатого по 26 ал. 4 д., на подкладку 12 арш. камки нѣмецкой зеленой по 20 ал. 2 1/2 д. — При дворцѣ были еще *портмоинныя* сани для возки на рѣку бѣлыя. По словамъ Котошихина: «когда прилучится имъ (мовницамъ или портмоямъ) мыть платье, и то платье зимою и *льтомъ* возять на рѣку въ саняхъ, въ сундукъ, замкнувъ и запечатавъ, покрывъ краснымъ сукномъ».

новаго объясненія сдѣлалъ недавно Труворовъ. Въ своей замѣткѣ о погребальныхъ саняхъ, помѣщенной въ «Русской Старинѣ», онъ ставитъ въ концѣ вопросъ: «откуда взялся обычай пользоваться санями при погребеніи и почему не другое что, а сани удостоились такого почета», и отвѣчаетъ такъ: «намъ кажется, что разъясненіемъ этого вопроса можетъ служить обычай, существующій съ незапамятныхъ вѣковъ у крестьянъ глухихъ Вологодскихъ уѣздовъ, которые во всякое время года отвозятъ своихъ покойниковъ на погостъ или кладбище и теперь не иначе какъ на саняхъ, и сани, вслѣдъ этому, покидаются на могилѣ, перевернутыя вверхъ полосьями. И то и другое дѣлается по глубокому тайному вѣрованію, что покойнику пріятнѣе добраться до могилы не на иномъ чемъ, какъ на саняхъ, и что они же пригодятся ему и впоследствии. Не даромъ же норманъ, сынъ бурнаго моря, хоронилъ себя въ своей неразлучной подругѣ — лодкѣ; не даромъ же дѣти вольныхъ степей, печенѣгъ, половецъ, хоронили съ собою своихъ вѣрныхъ друзей — ретивыхъ коней; не даромъ же и теперь мордвинъ, чувашанинъ, черемисъ кладутъ своимъ покойникамъ въ гробъ или трубку съ табакомъ или качадыкъ съ лыками. Если же норманъ во времена доисторическія вѣрилъ, что ему безъ лодки не обойтись на томъ свѣтѣ; если печенѣгу или половцу нельзя было показаться тамъ же безъ своего коня, если мордвину и чувшанину и теперь скучно на томъ же свѣтѣ, безъ табаку или безъ плетения лаптей, — то отчего же въ былое время славянину, а затѣмъ русскому человѣку, не тосковаться въ темной и душной могилѣ по своей родимой матушкѣ зимѣ и не вырваться оттуда въ часъ полуночный, да при блескѣ яснаго мѣсяца, на свѣжемъ чистомъ воздухѣ, не прокатиться на своихъ санкахъ по свѣту вольному!»⁸³⁾.

Приведенное объясненіе г. Труворова, въ сущности, разъясняетъ еще весьма мало. Почему славянинъ и русскій человѣкъ долженъ былъ тосковать въ могилѣ преимущественно о родимой матушкѣ зимѣ, между тѣмъ какъ снѣжная зима, особенно на югѣ, въ Кіевской и Волынской Руси, продолжалась вѣдь не болѣе 3—4 мѣсяцевъ, а въ иные годы и того меньше? Почему онъ не тосковалъ о веселой веснѣ, о тепломъ лѣтѣ, о пріятной осени? Во всякомъ случаѣ это объясненіе примѣнимо только при условіи, что сани полагаются въ могилу вмѣстѣ съ умершимъ или по крайней мѣрѣ оставляются на могилѣ, но ничего подобнаго въ описаніяхъ древнихъ похоронъ не упоминается⁸⁴⁾.

Тѣмъ не менѣе, указаніе на крестьянскій обычай глухихъ частей Вологодской губерніи заслуживаетъ вниманія. Вопросъ только въ томъ, насколько этотъ обычай здѣсь можетъ считаться славянскимъ и не представляетъ ли онъ скорѣе пережитка обычая финскаго. Послѣднее тѣмъ

⁸³⁾ «Русская Старина» 1887. Декабрь, стр. 837 и сл.

⁸⁴⁾ Въ позднѣйшей замѣткѣ («Русск. Старина», 1889 г., Май), г. Труворовъ самъ сомнѣвается въ своемъ толкованіи и высказываетъ мнѣніе, что переносить и перевозить покойниковъ въ саняхъ въ доисторическія времена заставляла просто нужда.

болѣе вѣроятно, что мы встрѣчаемъ его у многихъ финскихъ племенъ. Вопервыхъ, мы находимъ его на сѣверѣ у Лопарей (у которыхъ въ прежнее время умершій даже хоронился въ саняхъ), Вогуловъ, Остяковъ, также Самоѣдовъ и Чукчей; у всѣхъ этихъ народовъ, ѣздящихъ на оленяхъ, подобный обычай является весьма естественнымъ, ибо сани составляютъ у нихъ единственную повозку (телѣгъ у нихъ нѣтъ). Неудивительно поэтому, что тѣло умершаго кладется у нихъ на сани, которыя и везутся оленями на кладбище, причемъ послѣ погребенія (или просто прикрытія трупа досками) олени убиваются и совершается тризна, остатки которой, именно кости и рога, оставляются на могилѣ, равно какъ и сани, принадлежавшія покойному. Оставленіе саней весьма понятно, если принять во вниманіе, что съ умершимъ погребаются его орудія, оружіе, украшенія, вообще принадлежавшія ему вещи, между конми олени и сани относятся, конечно, къ числу необходимѣйшихъ на сѣверѣ. Обычай оставленія саней былъ вызванъ, несомнѣнно, тѣми же мотивами, какъ и погребеніе съ умершимъ другихъ видовъ его собственности; съ одной стороны, боязнь умершаго и всего того, что ему принадлежало и опасеніемъ, какъ бы пользованіе его вещами не причинило вреда живущимъ; съ другой — представленіемъ о загробной жизни, какъ о сходной съ настоящей и слѣдовательно требующей подобной же обстановки быта, причемъ требованіе это становится тѣмъ болѣе обязательнымъ, что неисполненіе его было бы невниманіемъ къ умершему, за которое покойникъ могъ бы отмстить живымъ ⁸⁵⁾. Но пользованіе санями при погребеніи существуетъ не у однихъ

рис. XIV.

Могила Самоѣда. Деревянный срубъ и передъ нимъ опрокинутая вверхъ полозьями нарта. Съ рисунка Н. Ю. Зографа.

⁸⁵⁾ Относительно Лопарей извѣстно, что они въ XVII—XVIII в. оставляли (или разрушали) вѣжу или тупу умершаго (по Немировичу-Данченко теперь это оставленіе бываетъ лишь временнымъ, дней на 7) и хоронили въ лѣсахъ и пенцахъ, въ выдолбленномъ деревѣ или въ санкахъ, куда клали оружіе, огниво и другія вещи покойнаго (*Regnard, Scheffer*). По словамъ *Acerbi*, въ XVIII в., «могила Лопарей обозначается только опрокинутыми санями... Прежде набрасывали еще кучу камней, но потомъ этотъ обычай былъ оставленъ». То же сказано у Георги, именно, что Лопари «оборачиваютъ на могилѣ сани, причемъ кладутъ подъ нихъ немного пищи». *Горкс* рассказываетъ о норвежскихъ Лопаряхъ, что они хоронили съ умершимъ остатки тризны (разбитыя кости съѣденныхъ жертвенныхъ животныхъ), также оружіе, огниво, съ охотникомъ — еще собаку. Въ старинныхъ могилахъ находятъ скелетъ, обернутый въ бересту, иногда съ нарѣзанными на ней рисунками или въ маленькихъ лодкообразныхъ сан-

инородцевъ Сѣвера; мы встрѣчаемъ его и южнѣе, у Финновъ приуральскихъ и приволжскихъ. Такъ, у Пермьяковъ, по словамъ Добротворскаго, «покойниковъ отвозятъ на погостъ *непретѣнно въ саняхъ*, которыя и оставляются на могилѣ». Тотъ же обычай существовалъ (и существуетъ еще мѣстами) у Вотьяковъ, Зырянъ, а также у Черемисовъ и Чувашь. Такъ, у Черемисовъ Оренбургской губ., по словамъ Черемшанскаго, «трупъ выносятъ на дворъ, кладутъ его на *дровни, хотя бы это было и лѣтомъ*, и закрываютъ кафтаномъ», причемъ Черемшанскій впрочемъ не упоминаетъ объ оставленіи саней на могилѣ. Но что этотъ обычай существуетъ у Черемисовъ, доказывается наблюденіями въ Красноуфимскомъ уѣздѣ,

какъ,— вѣроятно тѣхъ, въ которыхъ покойникъ привозился на кладбище. Теперь Лопари хоронятъ по христіанскому обряду. Обдорскіе Самоѣды (*Кушелевскій*, стр. 119), «вырывъ яму на полъ-аршина, ставятъ туда гробъ... съ имуществомъ покойнаго, засыпаютъ могилу пескомъ и на могилѣ поставятъ разломанную нарту, на которой покойный ѣздилъ, котель, изъ котораго онъ ѣлъ и пилъ, но его продырявятъ; наконецъ приведутъ тѣхъ оленей, на которыхъ онъ ѣздилъ, и ихъ задавятъ. Рога оленей воткнуть въ могилу, а мясо уносить въ чумъ для ѣды; послѣ жертвоприношеній начинаютъ всѣ ругать смерть..., потомъ обращаются къ мертвецу... и высказываютъ ему, что они его любятъ, что они ему отдали все, что у него было при жизни. Послѣ всего этого возвращаются въ чумъ, гдѣ ѣдятъ мясо задавленныхъ оленей». Архангельскіе Самоѣды... «кладутъ покойника на сани и везутъ къ мѣсту погребенія. Здѣсь, если лѣсу достаточно, то дѣлаютъ такой бревенчатый срубъ, чтобы съ покойникомъ умѣстилось его платье, ложки, чашки... и ставятъ срубъ этотъ поверхъ земли; если же лѣсу мало, то вырываютъ могилу. Къ мужчинамъ кладутъ топоръ, ножъ, долото... хорей (шесть для погонянія оленей) и сани, опрокинутыя вверхъ полозьями...; всѣ эти вещи должны быть поломаны. Надъ могилой жертвуютъ оленя, убивая его мучительною смертью, вонзая ему въ задній проходъ заостренный деревянный шестъ.. Оленя съѣдаютъ тутъ же на мѣстѣ... оставляютъ только голову съ рогами». См. *Иславины*, стр. 136 — 137; также *Зографъ*, въ II Т. «Антроп. Выставки». Туруханскіе Самоѣды (*Третьяковъ*, стр. 189) «оленей, на которыхъ привозятъ покойника, убиваютъ ударомъ дубины по хребту, а потомъ въ бока ихъ забиваютъ колья. Головы у оленей вытягиваютъ назадъ, а ноги подгибаютъ; санки оборачиваютъ вверхъ полозьями и надкалываютъ ихъ; втыкаютъ въ землю хорей и привязываютъ къ нему колокольчикъ... Хоронятъ умершаго въ чумообразномъ шалапѣ, устроенномъ изъ лѣсинъ, причемъ складываютъ и всѣ принадлежности покойнаго въ поврежденномъ видѣ». Остяки (*Георги*, I, 74) «мертвое тѣло полагаютъ въ могилу головою къ сѣверу и кладутъ съ нимъ оружіе, топоръ и домашнія надобности... Проводившихъ покойника трехъ оленей убиваютъ при могилѣ... а сани (у богатыхъ — трое) опрокидываютъ однѣ на другія». Маньзы — по Гондатти — убиваютъ оленей на могилѣ посредствомъ удавленія и оставляютъ на деревянной крышѣ могилы — опрокинутыя нарты, оленей шесть, весла и иногда также лодку. — Чукчи отчасти жгутъ своихъ покойниковъ, отчасти хоронятъ ихъ на землѣ, обкладывая камнями. Въ первомъ случаѣ — нарту и охотничьи снаряды оставляютъ возлѣ груды пепла, ѣздовыхъ оленей покойника убиваютъ, оставляя ихъ трупы на съѣденіе звѣрямъ, а часть другихъ его оленей употребляютъ для собственной трапезы. Во второмъ случаѣ покойника отвозятъ на нартѣ на высокую гору; тамъ устраиваютъ изъ большихъ камней ящикъ, на подобіе гробницы, и помѣщаютъ туда трупъ, прикрывая его пологомъ, сверхъ котораго кладутъ всѣ его охотничьи снаряды и нарту. Вслѣдъ за тѣмъ убиваютъ четырехъ оленей и обкладываютъ ими гробницу со всѣхъ четырехъ сторонъ. См. *Августиневичъ*, въ изд. «Антроп. Выставка» II, стр. 55—56.

изъ саней покойный, удобный, открытый экипажъ, который предпочитался, повидимому, вездѣ, гдѣ только можно, особенно въ городѣ, въ торжественныхъ случаяхъ, и когда требовалось не скорое, но исполненное достоинства и важности передвиженіе. Только къ концу XVII в. колымагами

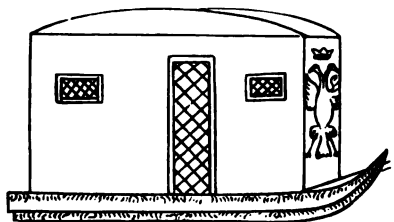

рис. XIII.

Возокъ царицы. Съ рисунка бар. Мейерберга.

стали, повидимому, пользоваться все болѣе и болѣе и бояре и даже простые дворяне, припрягая къ нимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и большее число лошадей, что и вызвало, наконецъ, вмѣшательство царской власти, ограничившей какъ число «возниковъ», такъ и право пользоваться каретами (колымагами), сообразно съ чиномъ и знатностью лица.

Все это не объясняетъ однако достаточно, почему сани пользовались такой привилегіей при похоронномъ обрядѣ, почему ихъ выбирали не только для перевозки умершаго, но и для несенія тѣла и гроба. Попытку

гвоздями серебряными, счетомъ 55 гвоздей. На мѣстѣ двѣ маковки серебряны золочены. На щиту и назади два орла двоеглавыя, межъ главъ каруны; орлы и каруны деревянные, рѣзные, золочены. Съ лица щитъ обить бархатомъ золотнымъ по червчатой землѣ гвоздями мѣдными. И дышло, и боронки, и возничье мѣсто обито кожами золотными (слѣд. возница сидѣлъ на передкѣ саней), на ремняхъ; полозье подбито желѣзомъ. Съ исподу тѣ сани окорчя подбито сафьяномъ червчатымъ; въ саняхъ подножье обито сукномъ червчатымъ. Цѣна тѣмъ санямъ 270 руб. 2) Сани выходные рѣзные золочены, на нихъ писаны съ царствы, въ рѣзныхъ кругахъ. Въ нихъ обито государево мѣсто бархатомъ рудожелтымъ гладкимъ; по бархату прибавано голунъ серебряной гвоздями мѣдными золочеными. У государева мѣста по сторонамъ два орла рѣзные золочены; у того жъ мѣста на спускахъ бахрама золотная. На саняхъ, поверхъ государева мѣста, вырѣзанъ кругъ, въ травахъ, рѣзной, золоченой. Писано титло блаженной памяти великаго государя ц. и в. к. Феодора Алексѣевича, всея В. и М. и Б. Росіи самодержца, а съ другую сторону писано въ кругу жъ: построены тѣ сани въ 190 году марта въ 6 день. На ней орликъ рѣзной, золоченой. На щиту поставленъ орелъ съ одну сторону рѣзной золоченъ, а съ другую сторону писанъ кругомъ мѣста. У тѣхъ саней четыре скобы желѣзные, луженые, бѣлые. (Не для того ли, чтобы, въ случаѣ надобности, держать на рукахъ?) Полозье и дышло и боронки писаны исподомъ разными красками, запятки обиты сукномъ краснымъ. Цѣна имъ 180 рублей. — Кромѣ выходныхъ и повседневныхъ саней, каптановъ, возковъ, въ царскомъ обиходѣ упоминаются еще *выносныя* (похоронныя), *инальцовскія* (свадебныя) и *Дмитровскія* (употреблявшіяся, вѣроятно, въ *Дмитровскую* (поминальную) субботу. Именно въ расходныхъ книгахъ царской казны за 124 годъ значится: «іюня 17, на конюшенный дворъ, на обивку къ Дмитровскимъ санемъ 29 арш. алтабасу по серебряной землѣ шолкъ зеленъ червчатъ багровъ съ золотомъ по 5 руб. аршинъ. Того жъ дни 29 арш. крашенины лазоревой на подкладку въ Дмитровскіе сани по 9 алт., да на миндерь шесть сафьяновъ червчатыхъ по 23 алт. 2 д. . . Іюня 20 въ конюшенный приказъ на кровлю къ Дмитровскимъ санемъ 12 арш. бархату кизылбасково червчатого по 26 ал. 4 д., на подкладку 12 арш. камки нѣмецкой зеленой по 20 ал. 2½ д. — При дворцѣ были еще *портолойныя* сани для возки на рѣку бѣлыя. По словамъ Котошихина: «когда прилучится имъ (мовницамъ или портомоямъ) мыть платье, и то платье зимою и *льтомъ* возять на рѣку въ саняхъ, въ сундукъ, замкнувъ и запечатавъ, покрывъ краснымъ сукномъ».

стами везти умершаго на саяхъ, а не на телѣгѣ, и тотъ же обычай соблюдается до сихъ поръ въ Угорской Руси и у нѣкоторыхъ южныхъ Славянъ. По словамъ г. Фенцика, (наблюдения его надъ похоронными обрядами въ Угорской Руси были любезно сообщены мнѣ издателемъ-редакторомъ «Науки», г. Козарищукомъ), «покойниковъ, если они маленькіе, несутъ на кладбище, если же они взрослые, тогда везутъ, но *непретѣнно на саяхъ, даже льтолѣ*; это ужъ такое обыкновеніе по всей Угорской Руси». — Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ у Малоруссовъ, такъ и у австрійскихъ Русскихъ, а равно, мѣстами, у Словаковъ, и даже у Венгерцевъ, предпочитаютъ возить покойниковъ волами (иногда возятъ исключительно на нихъ), а не на лошадяхъ⁸⁹). Объяснить это только тѣмъ, что волъ смиреннѣе, чѣмъ лошадь, идетъ тише и болѣе распространенъ на югѣ, едва ли возможно, впервыхъ, потому, что мѣстами тотъ же обычай соблюдается и тамъ, гдѣ лошади тоже не рѣдки; съ другой стороны, смиренная лошадь — явленіе весьма обыкновенное въ крестьянскомъ быту. Притомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Покутьи, обычай требуетъ, чтобы вола, отвозящія покойника, были непременно бѣлые, вслѣдствіе-ли того, что бѣлый цвѣтъ считается въ данномъ случаѣ болѣе приличнымъ, траурнымъ, или потому, что бѣлые вола представляютъ древнюю, наиболѣе типичную породу южно-русскаго крупнаго рогатаго скота⁹⁰). Пользованіе при по-

⁸⁹) Обычай везенія покойника на саяхъ, непретѣнно запряженныхъ волами, сохранился еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кіевской губ. См. рефератъ *Яшуржинскаго* «Остатки язычества въ погребальныхъ обрядахъ Малороссіи» на Яросл. Арх. Съѣздѣ 1887 г. («Извѣстія» Съѣзда, протоколъ засѣданія 17 августа). — Въ томъ же засѣданіи Ягичъ указалъ на существованіе того же обычая у южныхъ Славянъ. — По Кольбергу — «pod Stanisławowem trumna zwykle zaprzężona jest dwoma białymi wołmi» (*Kolberg, Pokucie, Kr. 1882, стр. 217*). Въ книгѣ: *P. Dobžinský, «Prostonarodnie obycaje, povergy, a hry Slovenské. 1880, стр. 109*, я встрѣтилъ, между прочимъ, слѣдующее наблюдение: «Kde smiteri vzdialenejšie sú tam vozia truhly — a to na voloch. Videl som to v Padarovcach u Madarov, a na Babinci u Slovakow... Do záprahu, dal každý pribuzný svojich pár volov a viedol si jich ticho za rohy lebo za jarmo. Záprahu takéto záležajú potom z pet, šest do desat, ba i viac parow statku». — Въ статьѣ: «Изъ Буковинскихъ Карпатскихъ горъ. I. О похоронныхъ обычаяхъ Буковинскихъ Гуцуловъ», (въ журналѣ «Наука», изд. въ Вѣнѣ, 1889 г. Июнь) сказано, между прочимъ: «Деревнище (гробъ)... несутъ обыкновенно на двухъ колахъ, прикрѣпленныхъ шнурами *пóвязами* (цѣпями) до деревнища. Если же везутъ волами на возѣ или санкахъ (а случается, что и *льтолѣ на санкахъ везутъ*), то ярмо должно быть обращено въ противоположную сторону, чтобы отвергнуть смерть отъ господаря воловъ и домашнихъ сродниковъ»...

⁹⁰) Бѣлый цвѣтъ считается траурнымъ во многихъ мѣстностяхъ Швейцаріи, Тироля; см. *Rochholz, I. S. 138*, также и въ нѣкоторыхъ славянскихъ земляхъ. Старовѣры относятъ гробъ на кладбище, какъ извѣстно, на носилкахъ, причемъ всѣ провожатые опоясаны бѣлыми полотенцами. У древнихъ Египтянъ лица, везшія погребальныя сани, имѣли бѣлый шарфъ или полотенецъ черезъ плечо. Типичная порода подольскаго (а также венгерскаго и итальянскаго) рогатаго скота — бѣлая; порода эта, какъ показалъ Рютимейеръ, одна изъ наиболѣе близкихъ, по типу черепа, къ *Vos primigenius*, древнему быку — туру. Полудикій рогатый скотъ англійскихъ парковъ также бѣлый. Самъ туръ былъ однако, по Герберштейну, чернаго цвѣта, съ бѣлымъ ремнемъ на спинѣ, хотя въ народныхъ пѣсняхъ онъ называется то чернымъ, то бѣлымъ, то гнѣдымъ. См. *Сулцовъ, «Туръ въ народной поэзіи»*.

болѣе вѣроятно, что мы встрѣчаемъ его у многихъ финскихъ племенъ. Впервыхъ, мы находимъ его на сѣверѣ у Лопарей (у которыхъ въ прежнее время умершій даже хоронился въ саяхъ), Вогуловъ, Остяковъ, также Самоѣдовъ и Чукчей; у всѣхъ этихъ народовъ, ѣздящихъ на оленяхъ, подобный обычай является весьма естественнымъ, ибо сани составляютъ у нихъ единственную повозку (телѣгъ у нихъ нѣтъ). Неудивительно поэтому, что тѣло умершаго кладется у нихъ на сани, которыя и везутся оленями на кладбище, причемъ послѣ погребенія (или просто прикрытія трупа досками) олени убиваются и совершается тризна, остатки которой, именно кости и рога, оставляются на могилѣ, равно какъ и сани, принадлежавшія покойному. Оставленіе саней весьма понятно, если принять во вниманіе, что съ умершимъ погребаются его орудія, оружіе, украшенія, вообще принадлежавшія ему вещи, между коими олени и сани относятся, конечно, къ числу необходимѣйшихъ на сѣверѣ. Обычай оставленія саней былъ вызванъ, несомнѣнно, тѣми же мотивами, какъ и погребеніе съ умершимъ другихъ видовъ его собственности; съ одной стороны, боязнь умершаго и всего того, что ему принадлежало и опасеніемъ, какъ бы пользованіе его вещами не причинило вреда живущимъ; съ другой — представленіемъ о загробной жизни, какъ о сходной съ настоящей и слѣдовательно требующей подобной же обстановки быта, причемъ требованіе это становится тѣмъ болѣе обязательнымъ, что неисполненіе его было бы невниманіемъ къ умершему, за которое покойникъ могъ бы отмстить живымъ ⁸⁵⁾. Но пользованіе санями при погребеніи существуетъ не у однихъ

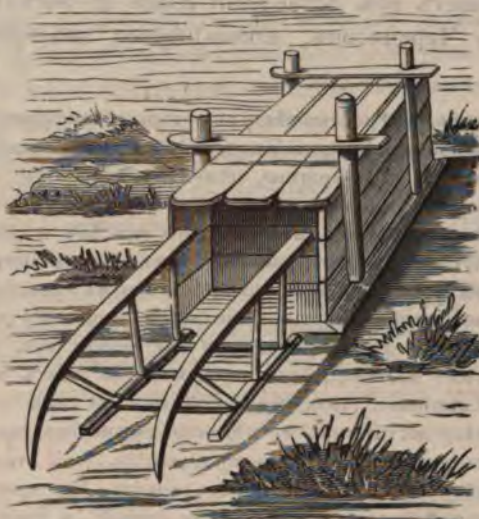

рис. XIV.

Могилы Самоѣда. Деревянный срубъ и передъ нимъ опрокинутая вверхъ полозьями нарта. Съ рисунка Н. Ю. Зографа.

⁸⁵⁾ Относительно Лопарей извѣстно, что они въ XVII—XVIII в. оставляли (или разрушали) вѣжу или тупу умершаго (по Немировичу-Данченко теперь это оставленіе бываетъ лишь временнымъ, дней на 7) и хоронили въ лѣсахъ и пещерахъ, въ выдолбленномъ деревѣ или въ санкахъ, куда клали оружіе, огниво и другія вещи покойнаго (*Regnard, Scheffer*). По словамъ *Acerbi*, въ XVIII в., «могила Лопарей обозначается только опрокинутыми санями... Прежде набрасывали еще кучу камней, но потомъ этотъ обычай былъ оставленъ». То же сказано у Георги, именно, что Лопари «оборачиваютъ на могилѣ сани, причемъ кладутъ подъ нихъ немного пшеницы». *Горке* рассказываетъ о норвежскихъ Лопаряхъ, что они хоронили съ умершимъ остатки тризны (разбитыя кости съѣденныхъ жертвенныхъ животныхъ), также оружіе, огниво, съ охотникомъ — еще собаку. Въ старинныхъ могилахъ находятъ скелетъ, обернутый въ бересту, иногда съ нарѣзанными на ней рисунками или въ маленькихъ лодкообразныхъ сан-

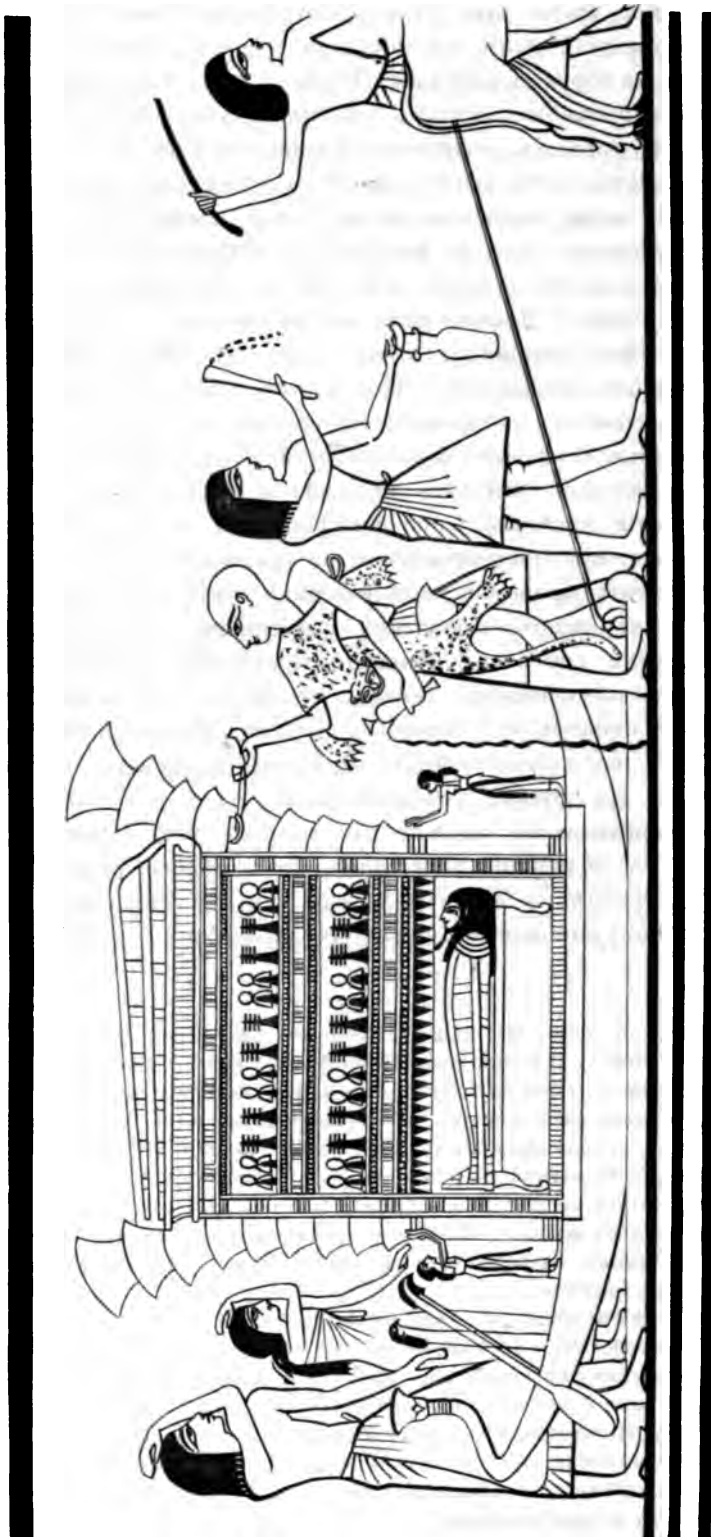

рис. XV.

Похоронная процессія у древніх Єгиптянъ. Мумія умершаго везеться въ ящикѣ, поставленномъ на лодку, а эта послѣдняя на сани. Сани везутся быками, передъ муміей идеть жрецъ, въ леопардовой шкурѣ, совершающій возліаніе и кажденіе; зади плачущія и бьющія себя женщины. Съ рисунка Вилькинсона.

Пермской губ. У Черемисовъ этого уѣзда «гроба не дѣлается, а въ могилу кладутъ по бокамъ четыре доски и спускаютъ сюда умершаго на лубкѣ, вмѣстѣ съ войлокомъ и подушкой, во всей національной одеждѣ... Умершаго всегда привозятъ на дровняхъ, которыя тутъ и оставляютъ; поэтому-то и по разведенной здѣсь рошѣ Черемисское кладбище можно узнать издалека.» У Чувашей тотъ же обычай наблюдается уже, повидимому, не вездѣ. По словамъ Риттиха, «покойника иногда не везутъ на телѣгѣ, не несутъ на рукахъ, даже и лѣтомъ, но тащатъ на саняхъ и съ колокольчиками на кладбище»⁸⁶). Очень возможно, что тотъ же обычай пользования санями, во всякое время года, для погребенія, существовалъ въ прежнее время и у Мордвы, а равно и у древнихъ финскихъ племенъ — Мери и Муромы, отъ которыхъ онъ могъ перейти и къ позднѣйшему русскому населенію Суздальской области (такъ же какъ отъ Зырянъ къ населенію Вологодской губ.)⁸⁷). Но, по всей вѣроятности, этотъ обычай, существовавшій въ Кіевской и Волынской Руси, былъ извѣстенъ съ древнихъ временъ и независимо отъ Финновъ сѣвернымъ отраслямъ русскихъ Славянъ. Не даромъ преданіе о саняхъ при похоронномъ обрядѣ сохранилось въ народныхъ сказкахъ, лубочныхъ картинкахъ и т. д.⁸⁸). Съ другой стороны, тамъ гдѣ, какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Костромской губерній, и теперь еще ѣздятъ мѣстами на саняхъ лѣтомъ, — въ прежнее время этотъ способъ передвиженія, очевидно, долженъ былъ быть единственнымъ, какъ для перевозки живыхъ, такъ и мертвыхъ.

Нѣкоторые слѣды пользования при погребеніи санями сохранились, повидимому, и въ южной Россіи, гдѣ Малоруссы предпочитаютъ еще мѣ-

⁸⁶) *Добротворскій*, Пермь, въ «Вѣстн. Евр.» 1883, кн. 3, стр. 577; также *Мозель*, Пермская губернія; *Поповъ*, Зыряне, Тр. Этн. Отд. III, н. 2, стр. 65; *Черемшанскій* I. с. стр. 191; *Древности*, X. Прил. къ Прот. стр. 38; *Риттихъ*, I. с. II, стр. 120. (Чуваши). По другимъ извѣстіямъ съ колокольчиками везутъ умершихъ молодыхъ людей, особенно дѣвицъ-невѣстъ.

⁸⁷) Кельсиевъ находилъ въ разрытыхъ имъ курганахъ Тверской губерніи толстыя жерди, — какъ онъ думаетъ — остатки носилокъ, на которыхъ былъ принесенъ умершій. Но можетъ быть ихъ надо считать скорѣе остатками волокушъ, привезшихъ покойника. Какъ сообщилъ мнѣ г. Клеменцъ, Сибирскіе Татары встарину возили своихъ покойниковъ, укладывая ихъ на жердяхъ, привязанныхъ концами къ сѣдлу.

⁸⁸) Вѣдьма-царевна объясняетъ въ сказкѣ, «что еѣ надо хоронитъ лѣтомъ въ саняхъ, запряженныхъ «двумя да не парюю», т. е. конемъ, да быкомъ и т. п.» См. «Старина русской земли» (Гатцука) изд. 3, стр. 8. Въ сказкѣ «Мертвое тѣло» (*Афанасьевъ*, Сказки вып. 6, стр. 74) — младшій сынъ дуракъ везетъ мертвую мать на дровняхъ, несмотря на лѣто (что дѣйствіе происходитъ лѣтомъ, видно изъ того, что дуракъ привозитъ свою мертвую старуху въ ближнее село, къ попу, и садитъ еѣ въ погребѣ, куда затѣмъ приходитъ попадья за сметаной). На лубочной картинѣ: «Голландскій лѣкарь славный аптекарь» представлено, какъ больного къ доктору приводятъ на ногахъ, а отъ него «отправляютъ на дровняхъ». Извѣстная картина «какъ мыши кота хоронятъ» представляетъ обыкновенно кота, лежащаго на дровняхъ, которыя везутся шестью мышами. На саняхъ же (салазкахъ) везутъ мыши оладьи (поминальныя) и рогожу на саванъ коту. См. *Ровинскій*, Луб. картинки.

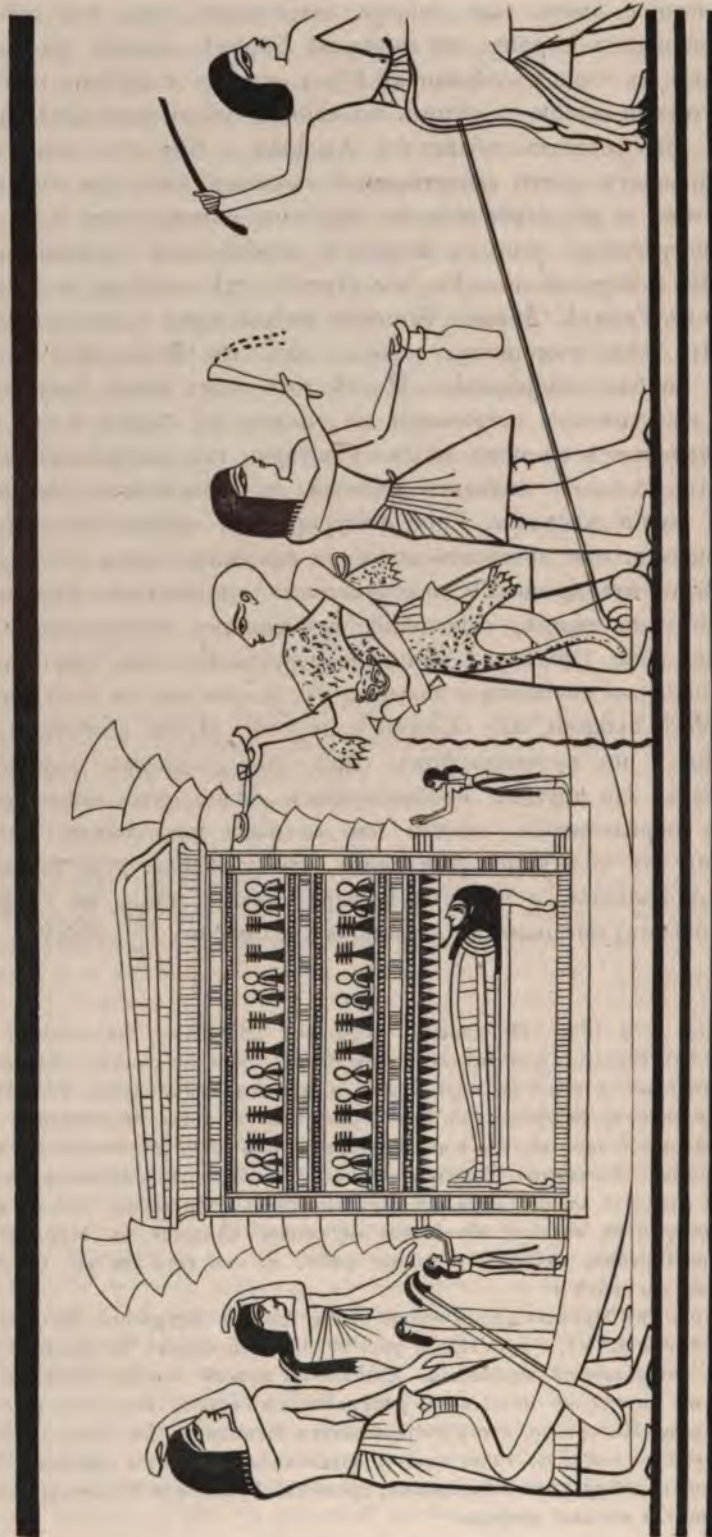

рис. XV.

Похоронная процессія у древнихъ Египтянъ. Мумія умершаго везется въ ящикѣ, поставленномъ на лодку, а эта послѣдняя на сани. Сани везутся быками, передъ муміей идетъ жрецъ, въ леопардовой шкурѣ, совершающій возліаніе и каженіе; зади плачущія и бьющая себя женщинами. Съ рисунка Вилькинсона.

тять, что полозья, употреблявшіеся Египтянами, еще не представляли собой настоящих саней, однако въ своей сущности они тѣ же сани и кромѣ

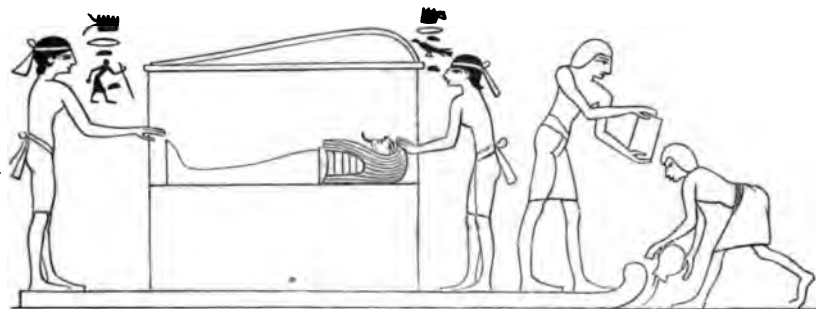

рис. XVI.

Мумія, поставленная въ ящикѣ на сани, подъ полозья которыхъ (при ихъ передвиженіи) что-то льютъ. Съ рисунка Вилькинсона.

того, по своему виду, они весьма походятъ на санки (салазки) простѣйшаго типа, встрѣчающіяся, напримѣръ, у Ескимосовъ и въ Россіи.

Употребленіе саней въ древнемъ Египтѣ интересно въ томъ отношеніи, что наглядно доказываетъ возможность изобрѣтенія этого способа передвиженія или, по крайней мѣрѣ, пользованія имъ, въ странѣ, гдѣ снѣгъ и ледъ почти неизвѣстны ⁹²⁾. Замѣтимъ еще, что кромѣ цѣлей передвиженія тяжестей Египтяне пользовались также санями для молотбы хлѣба и продолжаютъ употреблять для той же цѣли еще и теперь инструментъ, составляющій не что иное какъ особымъ образомъ приспособленные сани. Это такъ наз. *noreg* — повозка, состоящая изъ двухъ, поставленныхъ ребромъ и загнутыхъ на переднихъ концахъ кверху досокъ (полозьевъ), которыя соединены перекладинами и на которыхъ устроено сидѣнье (родъ стула). Въ повозку впрягается пара воловъ, на стуль садится человекъ и ѣздитъ по току, на которомъ разбросаны снопы хлѣба. Зерно при этомъ освобождается изъ соломы отчасти при помощи полозьевъ, главнымъ же образомъ при помощи небольшихъ каменныхъ кружковъ, или катковъ надѣтыхъ на перекладины полозьевъ и катящихся по землѣ. Подобный же инструментъ мы встрѣчаемъ и въ другихъ

⁹²⁾ На островѣ Мадейрѣ, гдѣ средняя температура года составляетъ около 18—19° Ц. и гдѣ термометръ не падаетъ ниже +7°, 5 Ц., такъ что снѣга никогда не бываетъ, весьма употребительны однако сани, какъ экипажъ для ѣзды по горнымъ дорогамъ. Это такъ называемый *Carro*, на двухъ полозьяхъ, состоящій изъ кузова, который держится на полозьяхъ помощью рессоръ и обыкновенно бываетъ снабженъ крышкою и боковыми занавѣсками для защиты отъ солнца. См. статью «Die Insel Madeira», въ «Globus». 1889. Bd. XV. № 18, гдѣ этотъ экипажъ изображенъ на стр. 278.

странахъ, прилегающихъ къ Средиземному морю, именно въ южной Европѣ, сѣверной Африкѣ и большей части Передней Азій.

рис. XVII.

Норегъ — египетская молотилка въ родѣ саней, запряженная быками. Съ рисунка Вилькинсона.

ко кверху напереди, и на нижней сторонѣ которой, лежащей на землѣ, укрѣплялись въ нѣсколько рядовъ острые кремни или желѣзки.

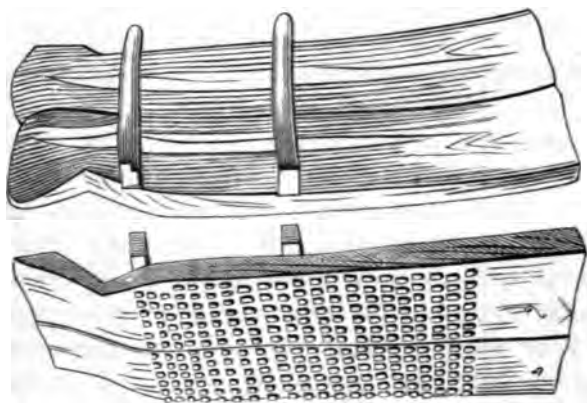

рис. XVIII.

Молотилка съ кремнями, изъ Алеппо. Подобная же употреблялась Римлянами и была извѣстна подъ названіемъ *Tribulum*. Съ рисунка Эванса.

нился еще и теперь въ болѣе глухихъ частяхъ Италіи, а также въ Испаніи, гдѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ *trilla* и — въ Португаліи, гдѣ онъ на-

древнѣйшихъ временъ, молотьба хлѣба производилась при помощи инструмента, устроеннаго по типу саней. Описание его мы находимъ у Варрона и у другихъ латинскихъ писателей⁹⁴⁾. Въ Италіи онъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ *tribulum* или *tribula*, и

состоялъ изъ деревянной доски, загнутой нѣсколько отъ телѣги или какой-нибудь грузъ, или наконецъ становился человѣкъ и помощью веревокъ доска тащилась лошадьми или быками по току для молотбы хлѣба. О томъ же инструментѣ говоритъ пророкъ Исая (XLI, 15), сравнивая съ нимъ народъ Израилевъ и влагая въ уста Господа слова: «Я сдѣлаю тебя острымъ молотиломъ, новымъ, зубчатымъ»⁹⁵⁾. Подобный инструментъ сохра-

⁹⁴⁾ Изображеніе *норега* — у *Wilkinson I*, стр. 408; Алеппской молотилки у *Ewans*, *Les Ages de la pierre*, стр. 278; Палестинской — въ соч. *Фарра*, *Жизнь Иисуса Христа*, (русскій переводъ). *Varro* (*De re rust.* I, C. 52) описываетъ *Tribulum* такъ: *Id fit e tabula lapidibus aut ferro exasperata, quae imposito auriga aut pondere grandi trahitur jumentis junctis ut discutiat e spica grana.*

⁹⁵⁾ Въ славянскомъ переводѣ Библии это мѣсто передано иначе: «Се сотвори хъ ты аки колеса колесничная новая стирающая аки пила»; но въ русскомъ, какъ и въ латинскомъ переводѣ передано чрезъ «молотило». Впрочемъ, египетское молотило снабжено каменными кружками, какъ-бы маленькими жерновами или колесами.

зывается *trilho*. Другое латинское названіе того же инструмента было *traha* или *trahea*. — прилагавшееся также къ обозначенію саней или волокушъ, (итал. *treggia*; греч. ἔλκηθρον ⁹⁶). Вариации *tribulum* и *traha* распространены также въ сѣверной Африкѣ, на островахъ Канарскихъ, Асорскихъ и Мадейрѣ, въ Сириі, Малой Азіи и вообще на Востокѣ. На островѣ Мадейрѣ, въ нижней сторонѣ доски укрѣпляются осколки вулканической горной породы (обсидіана), въ Сириі и Палестинѣ — осколки кремня. Эти острые камни или желѣзки рѣжутъ солому и выдавливаютъ изъ нея зерно. Эвансъ высказалъ мнѣніе, что находеніе мѣстами значительнаго количества кремневыхъ осколковъ овальной формы, между прочимъ въ области древней Галліи и южной Германіи, на мѣстахъ бывшихъ римскихъ поселеній и виллъ, объясняется, можетъ быть, занесеніемъ сюда Римлянами ихъ молотилокъ, кремни которыхъ должны были часто выпадать, теряться и наконецъ накапливаться массами около мѣстъ бывшихъ токовъ. На одной молотилкѣ изъ Алеппо, находящейся въ коллекціи Христи, въ Лондонѣ, и изображенной у Эванса, насчитывается семь продольныхъ рядовъ кремней, въ каждомъ рядѣ — по 23 штуки, что даетъ всего 322 кремня. Еще большее число кремней встрѣчается на такихъ молотилкахъ въ Болгаріи, извѣстныхъ тамъ подъ названіями: *дикьянъ*, *диқанъ* или *дикоянъ*. По описанію Маркевича ⁹⁷) «молотьба хлѣба въ Болгаріи совершается подъ открытымъ небомъ... на общественныхъ токахъ (круглыхъ площадкахъ шаговъ 30 — 40 въ діаметрѣ). Для молотьбы берутъ обыкновенно или двѣ телѣги, или телѣгу и дикьянъ. Телѣга при этомъ обыкновенно не имѣетъ правильнаго рейса и описываетъ всевозможныя кривыя, направляясь черезъ центръ круга, представляемаго избранной для молотьбы площадкой, держась всегда на сторожѣ, чтобы, приближаясь къ периферіи круга, не столкнуться съ дикьяномъ, рейсъ косога постоянный и кругообразный, по периферіи площадки круга. Въ телѣгу впрягаютъ лошадей, въ дикьянъ же буйволовъ... Около токовъ скопляются остатки соломы и кучки кремней, выпавшихъ изъ дикьяна при работѣ имъ... Остовъ дикьяна есть или цѣльный брусъ дерева (скорѣе доска) или сплоченіе двухъ, трехъ брусьевъ, изогнутыхъ спереди на подобіе полозьевъ. Длина остова 180 сант., ширина 80, толщина 8 — 12... На верхней поверхности дикьяна находятся поперечныя перекладины, служащія для скрѣпленія частей остова

РІС. ХІХ.

Traha — съ изображенія на одномъ египетскомъ монументѣ. Съ рисунка въ словарѣ Rich'a.

⁹⁶) *Traha*, впрочемъ, повидимому отличалась отъ *tribula* и болѣе походила на сани. По нѣкоторымъ извѣстіямъ еѣ тащили вслѣдъ за *tribula*. См. *Columella* II, 21, 4, *Virgil.*, *Georg.* I, 164. Ср. *Rich*, *Dictionnaire des Antiquités Romaines* etc. 3-me ed. P. 1883. p. 663: *Traha*, съ рисунка, взятаго съ одной египетской гробницы. — *Treggia* объясняется въ итальянскомъ словарѣ, какъ «*agnese il quale si strascica da' buoi, fatto per uso di trainare*».

⁹⁷) См. «Антропол. Выставка» т. III. ч. I. стр. 6. Модель дикьяна съ образцами кремней находится въ Антропол. Музеѣ Моск. Университета.

дикьяна, если этотъ остовъ не цѣльный кусокъ дерева... Передній конецъ изогнуть на подобіе саней и для той же цѣли, что въ саняхъ; къ нему прикрѣпляется упряжь (постромки)... Нижняя поверхность дикьяна представляетъ приспособленіе для укрѣпленія на ней кремней, именно 40 продольныхъ желобковъ, на равныхъ одинъ отъ другаго разстояніяхъ... Каждый камень представляетъ овалъ, сѣуженный къ концамъ и заостренный обивкою по краю... Если этотъ овалъ раздѣлить мысленно, по его длинному діаметру, на двѣ половины, то одна изъ этихъ половинокъ будетъ въ желобкѣ, а другая выступать наружу. Обыкновенно 25 кремней достаточно, чтобы выполнить желобокъ по его длинѣ, а такъ какъ такихъ желобковъ 40, то общее количество кремней въ одномъ дикьянѣ 1000...»⁹⁸). Дикьянъ до сихъ поръ сохранился въ Румыніи, Болгаріи, Румелии, Бессарабіи, а также — въ Малой Азіи, Закавказьи, Персіи. По словамъ Маркевича, дикьянъ удовлетворяетъ только потребностямъ мелкаго хозяйства и исчезъ тамъ, гдѣ поземельная собственность, попавъ въ руки немногихъ, образовала крупныя хозяйства, какъ напримѣръ во многихъ частяхъ Румыніи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Россіи (а также Китая) дикьянъ замѣняется каменнымъ каткомъ, иногда зубчатымъ, а въ Эриванскомъ уѣздѣ для молотьбы хлѣба служитъ мѣстами инструментъ въ родѣ египетскаго норега, именно «джирджиръ», — четырехугольная рама (или два полоза съ двумя перекладинами), въ которую вставляются два граненыхъ деревянныхъ валика, съ вбитыми въ нихъ, въ винтообразномъ направленіи, по 32 топорика, причемъ по срединѣ рамы устроено сидѣнье, въ видѣ кресла, и къ переднему концу ея припрягается пара быковъ или лошадей. Въ другихъ губерніяхъ и уѣздахъ дикьянъ замѣнился телѣгою (въ которую иногда накладываютъ грузъ); въ иныхъ, наконецъ, гдѣ имѣется много лошадей, молотьба, повидимому уже съ глубокой древности, производится просто копытами лошадей, какъ это мы видимъ у разныхъ кочевыхъ народовъ Азіи, у Индѣйцевъ Америки, занимающихся земледѣліемъ, а также и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ внутренней Россіи⁹⁹).

⁹⁸) Маркевичъ въ своемъ описаніи дикьяна увлекся до того, что приписалъ всѣ находимые въ Европѣ и другихъ странахъ древніе обдѣланные кремни остаткамъ отъ первобытныхъ молотилокъ, которыя впоследствии, по его мнѣнію, исчезли на сѣверѣ, въ сыромъ климатѣ, гдѣ для сушки зерна потребовались овины. Маркевичъ обращаетъ также вниманіе на то, что «молотить» и «молоть» выражаются словами одного корня, потому, какъ онъ полагаетъ, что первоначально и молотье и молотьба — совершались одинаково кругообразнымъ движеніемъ. Названіе *токъ* (*точило* — кружокъ) тоже становится понятнымъ, хотя теперь токъ и представляетъ чаще четырехугольную площадку.

⁹⁹) Молотьба хлѣба въ Закавказскомъ краѣ производится почти повсемѣстно на току съ помощью особыхъ молотильныхъ досокъ, въ которыя впрягаются лошади или крупный рогатый скотъ («Сводъ матеріаловъ по изученію быта государственныхъ крестьянъ Закавказ. края». Т. IV. 1888.) — «Хлѣбъ молотить (въ Эриванской губ.) доской, съ набитыми на ней острыми камнями. Доску волочить пара или двѣ быковъ по разбросанной на току соломѣ, пока ее не измельчатъ въ саманъ, затѣмъ полученный саманъ провѣивается и отъ него отдѣляется зерно». (*Ковалевскій и Марковъ*).

Широкое распространение молотилки-дикьяна, устроенной по типу саней и употребляемой съ древнѣйшихъ временъ въ области Передней Азіи, Египта и Южной Европы, (гдѣ произошло, по всей вѣроятности, приручение большей части домашнихъ животныхъ и первое широкое развитие земледѣлія, а равно замѣна этой молотилки-саней, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, отчасти или вполне, телѣгой) — наводитъ на мысль, что сани были древнѣйшей формой повозки не только въ странахъ сѣверныхъ, обильныхъ снѣгомъ и льдомъ, но и въ южныхъ, сухихъ и жаркихъ. Предположение это становится тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что повозка на колесахъ, даже на двухъ только, и самой простѣйшей конструкции, требовала, во всякомъ случаѣ, гораздо большей изобрѣтательности, чѣмъ простѣйшія сани, которыя сводятся, въ концѣ-концовъ, къ двумъ стволамъ деревьевъ, жердямъ или сучьямъ, тащимымъ человѣкомъ или быкомъ, лошадей и т. д., — жердямъ, на которыхъ можетъ быть положенъ грузъ, или, при помощи небольшого приспособления, устроено сидѣнье для

«На горахъ Араратскихъ», стр. 91.) Въ другихъ мѣстностяхъ Эриванской губ. употребляется однако джирджиръ, какъ сказано выше, въ текстѣ. Молотьба каменнымъ каткомъ (по даннымъ земской статистики, любезно сообщеннымъ мнѣ проф. А. Ф. Фортунатовымъ) производится, вездѣ или мѣстами, въ уѣздахъ Острогожскомъ, Ростовскомъ (Екатер. губ.), Бахмутскомъ, Славяносербскомъ (катки изъ дерева и изъ камня песчаника), Мелитопольскомъ (зубчатые катки, изготовляемые въ Васильевской волости), Бердянскомъ, Елисаветградскомъ, также въ Ленкоранскомъ, Шемахинскомъ и Гокчайскомъ уѣздахъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ уѣздовъ, наприм. въ Бахмутскомъ, кромѣ катковъ, употребляются мѣстами и цѣпы, а также молотятъ кое-гдѣ телѣгами и лошадьми. Молотьба помощью телѣгъ встрѣчается мѣстами въ Ростовскомъ уѣздѣ, Славяносербскомъ, Бузулукскомъ, Хвалынскомъ; также въ Оренбургской губ., напр. по р. Илеку, гдѣ, какъ передавалъ мнѣ Ф. Д. Нефедовъ, иногда для большей тяжести кладутъ въ телѣгу камни, напримѣръ пользуются найденною въ степи каменною бабою. Въ Тарбагатайской области Западной Монголіи, А. А. Ивановскому (какъ онъ сообщаетъ мнѣ) случалось видѣть, что Китайцы пользовались для молотьбы непосредственно каменными бабами, проверчивая въ нихъ головѣ отверстие; привязывая веревку и таща за эту веревку истукана по току. Съ теченіемъ времени у бабы отъ этого сглаживались всѣ подробности и она превращалась въ продолговатую, округленную каменную глыбу. — Потанинъ и Ядринцевъ встрѣчали въ Западной Монголіи на мѣстахъ древнихъ поселеній и пашень, — каменные молотильные катки, называемые «було» или «булаши». Въ отверстія було вкладывались палки и катки возили по току, вѣроятно, на быкахъ или лошадяхъ по хлѣбу... Нынѣ Монголы не сѣютъ хлѣба по Орхону... Говорятъ, что подобные камни употребляются и Китайцами» (рукописныя свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ Н. М. Ядринцевымъ). — Молотьба копытами лошадей употребительна въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Самарской губ. (напр. Ставропольскомъ, для пшеницы, тогда какъ рожь молотятъ чаще цѣпами); — Саратовской (въ Хвалынскомъ уѣздѣ — или лошадьми или телѣгами, запряженными парю или одну лошадью); — Херсонской (въ Одесскомъ уѣздѣ самый распространенный способъ молотьбы, это — гарманъ, т. е. лошадьми или «гономъ»; въ Елисаветградскомъ уѣздѣ встрѣчается коногонъ, катокъ, цѣпы и молотилки); — Смоленской (напр. Вяземскомъ) — и Закавказья (напр. у Нѣмцевъ — колонистовъ]. Въ нагорныхъ селеніяхъ уѣздовъ Рачинскаго, Горійскаго, Душетскаго, Тіонетскаго и во всемъ Джеватскомъ — хлѣбъ вымолачивается простымъ вытаптываніемъ его помощью рогатаго скота (обыкновенно коровъ).

человѣка. И дѣйствительно, мы встрѣчаемъ простѣйшія сани-волокуши во всѣхъ частяхъ свѣта, гдѣ есть какія-нибудь домашнія, пригодныя для

рис. XX.

Волокуша — изъ двухъ жердей, привязанныхъ къ сѣдлу, — у Индѣйцевъ Техаса. Съ рисунка Ремингтона, въ статьѣ «Horses of the plains», въ «The Century Magazine», January 1889.

упряжи, животныя, и притомъ даже у такихъ народовъ, у которыхъ нѣтъ вовсе повозокъ на колесахъ. Такъ, мы находимъ ихъ въ Америкѣ, у Индѣйцевъ, какъ въ сѣверо-американскихъ преріяхъ, такъ и въ южно-американскихъ пампасахъ, причемъ, за неимѣніемъ хомутовъ, жерди (оглобли) волокуши прикрѣпляются обыкновенно къ сѣдлу. Насколько естественно человѣкъ наводитъ на мысль пользованія древесными сучьями или стволами для волоченія на нихъ груза, доказываетъ случай, встрѣтившійся путешественнику по южной Африкѣ, Голубу (Holub), въ Трансваалѣ, около Bamboesspruit. Ему пришлось здѣсь увидѣть разъ, какъ два Бечуана, служителя одного голландскаго фермера, волокли изъ лѣса убитаго Гну (крупную антилопу съ бычьими рогами). Они срубили мимозовое

рис. XXI.

Импровизованная волокуша въ Южной Африкѣ. Съ рисунка Голуба. Дерево, очистили отъ сучьевъ развилчатый стволъ, приспособили его, помощью перекладинъ, къ ярму двухъ паръ быковъ, а на волочашую по

землѣ вилку набросали мелкихъ сучьевъ и хворосту. Получилась волокуша, на которую они и взвалили тушу Гну. Волокуши изъ двухъ жердей, связанныхъ перекладинами, встрѣчаются и во многихъ мѣстностяхъ Европы, особенно въ горныхъ и болотистыхъ, гдѣ дорогъ нѣтъ и на колесахъ ѣздить нельзя или трудно, какъ напр. въ высокихъ горныхъ долинахъ Альпъ, Юры, Закавказья, Карпатъ а равно въ Финляндіи и нѣкоторыхъ болѣе глухихъ мѣстностяхъ собственно Россіи. Въ Финляндіи, гдѣ четырехколесныя телѣги рѣдки, чаще — одноколки, мѣсто послѣднихъ замѣняетъ иногда (особенно въ Саволакскѣ и въ Карелии) первобытная повозка, такъ наз. «*rigit*»; «она состоитъ изъ двухъ загнутыхъ древесныхъ стволовъ, соединенныхъ двумя перекладинами, между конми укрѣплена рогожа или лубяной кузовъ для клади»¹⁰⁰). Часто упоминаемая въ Калевалѣ сани изъ перевитаго деревяннаго остова и рогожнаго кузова, вѣроятно, были очень близки къ нынѣшнему пуриту, на которомъ ѣздятъ какъ зимою, такъ и лѣтомъ. Подобныя кузова-волокуши употребляются мѣстами и русскимъ населеніемъ. Н. Н. Харузинъ встрѣтилъ ихъ въ Пудожскомъ уѣздѣ Олонец. губ., къ с. з. отъ Пудожа, близъ Купецкаго озера, гдѣ на нихъ ѣздили лѣтомъ такъ же, какъ и на дровняхъ. Даль въ своемъ «Словарѣ» указываетъ на нѣсколько разновидностей волокушъ, употребляемыхъ въ Россіи. Такъ, въ Пермской губерніи «волокушей (волока, волочуги, волочня) называются двѣ длинныя, волочащіяся по землѣ оглобли съ нахлесткой, возкомъ или колодкой и парюю копыльевъ внизу, для таски бревенъ», а въ другихъ мѣстностяхъ — «доска, приспособленная къ вывозкѣ снѣгу или сору съ дворовъ и улицъ, посредствомъ оглобель, постромокъ (конная) или одной рукояти (ручная).» *Волочуги* (на сѣверѣ) суть «двѣ длинныя жерди, въ кои впрягается лошадь какъ въ оглобли; концы ихъ волочатся, а по срединѣ, на вязкахъ, плетеный кузовъ, для ѣзды или перевозки клади по волокамъ, гдѣ нѣтъ дорогъ. Гдѣ сходятся губерніи Новгородская, Олонецкая и Вологодская, есть деревни въ непроѣзжихъ лѣсахъ и болотахъ; жители и не знаютъ колесъ, и ѣздятъ по мокрому моху на волочугахъ». *Волочки* или *волока* (также *волдка*), въ Пермской и Вятской губерніяхъ — «двѣ клюки, длинныя корки, служація оглоблями и полозьями, для выволакиванія бревенъ изъ непроѣзжаго лѣсу, изъ *волока*, или пара тонкихъ берёзъ, цѣликомъ срубленныхъ, для перетаски на нихъ волокомъ сѣнныхъ копенъ; лошадь впрягаютъ въ лѣсины, какъ въ оглобли, а на клубъ (сучья и вѣтви) наваливаютъ копну». Въ Пермской губ. такія жерди для перетаскиванія копенъ

¹⁰⁰) *Retzius*, Finland. 1885. S. 103. По всей вѣроятности, волокуши существуютъ и въ горныхъ частяхъ Индіи и Персіи, хотя собственно сани тамъ не извѣстны. Какъ сообщаетъ мнѣ проф. В. О. Миллеръ, для передачи англійскаго *sledge* (сани) были придуманы въ Индіи искусственныя описательныя слова, въ родѣ «*piçakraṅga*» — «безколесная повозка», «*asakraṅgaṅam*» — «безколесный экипажъ» и т. п. Въ Зендавестѣ сани также неизвѣстны. — Въ осетинскомъ языкѣ «сани» = «дзонныгъ»; то же слово прилагается для обозначенія нижней челюсти (ср. у насъ «салазки» въ двухъ значеніяхъ).

человѣка. И дѣйствительно, мы встрѣчаемъ простѣйшія сани-волокуши во всѣхъ частяхъ свѣта, гдѣ есть какія-нибудь домашнія, пригодныя для

рис. XX.

Волокуша — изъ двухъ жердей, привязанныхъ къ сѣдлу, — у Индѣйцевъ Техаса. Съ рисунка Ремингтона, въ статьѣ «Horses of the plains», въ «The Century Magazine», January 1889.

упряжи, животныя, и притомъ даже у такихъ народовъ, у которыхъ нѣтъ вовсе повозокъ на колесахъ. Такъ, мы находимъ ихъ въ Америкѣ, у Индѣйцевъ, какъ въ сѣверо-американскихъ преріяхъ, такъ и въ южно-американскихъ пампасахъ, причемъ, за неимѣніемъ хомутовъ, жерди (оглобли) волокуши прикрѣпляются обыкновенно къ сѣдлу. Насколько естественно человѣкъ наводитъ на мысль пользованія древесными сучьями или стволами для волоченія на нихъ груза, доказываетъ случай, встрѣтившійся путешественнику по южной Африкѣ, Голубу (Holub), въ Трансваалѣ, около Vamboesspruit. Ему пришлось здѣсь увидѣть разъ, какъ два Бечуана, служителя одного голландскаго фермера, волокли изъ дѣла убитаго Гну (крупную антилопу съ бычьими рогами). Они срубили мимозовое

рис. XXI.

Импровизованная волокуша въ Южной Африкѣ. Съ рисунка Голуба. Дерево, очистили отъ сучьевъ развилчатый стволъ, приспособили его, помощью перекладинъ, къ ярму двухъ паръ быковъ, а на волочашую по

землѣ вилку набросали мелкихъ сучьевъ и хворосту. Получилась волокуша, на которую они и взвалили тушу Гну. Волокуши изъ двухъ жердей, связанныхъ перекладинами, встрѣчаются и во многихъ мѣстностяхъ Европы, особенно въ горныхъ и болотистыхъ, гдѣ дорогъ нѣтъ и на колесахъ ѣздить нельзя или трудно, какъ напр. въ высокихъ горныхъ долинахъ Альпъ, Юры, Закавказья, Карпатъ а равно въ Финляндіи и нѣкоторыхъ болѣе глухихъ мѣстностяхъ собственно Россіи. Въ Финляндіи, гдѣ четырехколесныя телѣги рѣдки, чаще — одноколки, мѣсто послѣднихъ замѣняетъ иногда (особенно въ Саволакѣ и въ Карелии) первобытная повозка, такъ наз. «rigib»; «она состоитъ изъ двухъ загнутыхъ древесныхъ стволовъ, соединенныхъ двумя перекладинами, между конми укрѣплена рогожа или лубяной кузовъ для клади»¹⁰⁰). Часто упоминаемая въ Калевалѣ сани изъ перевитаго деревяннаго остова и рогожнаго кузова, вѣроятно, были очень близки къ нынѣшнему пуриту, на которомъ ѣздить какъ зимою, такъ и лѣтомъ. Подобныя кузова-волокуши употребляются мѣстами и русскимъ населеніемъ. Н. Н. Харузинъ встрѣтилъ ихъ въ Пудожскомъ уѣздѣ Олонец. губ., къ с. з. отъ Пудожа, близъ Купецкаго озера, гдѣ на нихъ ѣздили лѣтомъ такъ же, какъ и на дровняхъ. Даль въ своемъ «Словарѣ» указываетъ на нѣсколько разновидностей волокушъ, употребляемыхъ въ Россіи. Такъ, въ Пермской губерніи «волокушей (волока, волочуги, волочня) называются двѣ длинныя, волочащіяся по землѣ оглобли съ нахлесткой, возкомъ или колодкой и парюю копыльевъ внизу, для таски бревенъ», а въ другихъ мѣстностяхъ — «доска, приспособленная къ вывозкѣ снѣгу или сору съ дворовъ и улицъ, посредствомъ оглобелъ, постромокъ (конная) или одной рукояти (ручная).» *Волочуги* (на сѣверѣ) суть «двѣ длинныя жерди, въ кои впрягается лошадь какъ въ оглобли; концы ихъ волочатся, а по срединѣ, на вязкахъ, плетеный кузовъ, для ѣзды или перевозки клади по волокамъ, гдѣ нѣтъ дорогъ. Гдѣ сходятся губерніи Новгородская, Олонецкая и Вологодская, есть деревни въ непроѣзжихъ лѣсахъ и болотахъ; жители и не знаютъ колесъ, и ѣздить по мокрому моху на волочугахъ». *Волочки* или *волока* (также *волѣка*), въ Пермской и Вятской губерніяхъ — «двѣ клюки, длинныя корки, служащія оглоблями и полозьями, для выволакиванія бревенъ изъ непроѣзжаго лѣсу, изъ *волока*, или пара тонкихъ берѣзъ, цѣликомъ срубленныхъ, для перетаски на нихъ волокомъ сѣнныхъ копенъ; лошадь впрягаютъ въ лѣсины, какъ въ оглобли, а на клубъ (сучья и вѣтви) наваливаютъ копну». Въ Пермской губ. такія жерди для перетаскиванія копенъ

¹⁰⁰) *Retzius*, Finland. 1885. S. 103. По всей вѣроятности, волокуши существуютъ и въ горныхъ частяхъ Индіи и Персіи, хотя собственно сани тамъ не извѣстны. Какъ сообщаетъ мнѣ проф. В. Ф. Миллеръ, для передачи англійскаго sledge (сани) были придуманы въ Индіи искусственныя описательныя слова, въ родѣ «*piçsakgaṭṭa*» — «безколесная повозка», «*asaḡavāḥanaṭ*» — «безколесный экипажъ» и т. п. Въ Зендавестѣ сани также неизвѣстны. — Въ осетинскомъ языкѣ «сани» = «дзоньг»; то же слово предлагается для обозначенія нижней челюсти (ср. у насъ «салазки» въ двухъ значеніяхъ).

сѣна называются *возѣлки*. Подобныя же волокуши извѣстны и у Малороссовъ, у которыхъ онѣ носятъ мѣстами названіе *копаныци*, потому что состоятъ изъ двухъ тонкихъ стволовъ, выкопанныхъ съ корнемъ ¹⁰¹⁾.

Волокуша и волочуга могутъ быть разсматриваемы какъ прототипъ саней; послѣднія представляютъ лишь ихъ дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе. Если двѣ жерди волокуши состоятъ изъ нетолстыхъ гибкихъ древесныхъ стволовъ и употребляются такъ, что ихъ болѣе тонкіе концы служатъ оглоблямъ, а болѣе толстые тащатся по землѣ, то мы получимъ родъ дровень, съ тѣмъ только различіемъ, что оглобли будутъ не привязаны къ полозьямъ, а составляютъ съ ними одно цѣлое ¹⁰²⁾. Опытъ могъ однако показать неудобство подобнаго способа перевозки въ томъ отношеніи, что такія длинныя жерди, при значительной кладѣ или неровной дорогѣ, легко могли ломаться въ мѣстѣ своего наибольшаго перегиба. Пришлось, можетъ быть, иногда привязывать, во время пути, отломившуюся оглобельную половину къ остальной помощью веревки или ремня, и практика могла показать, что такое раздвоеніе жерди связкой ея половиннокъ представляетъ многія удобства и выгоды. Разъ это было дознано, изобрѣтеніе саней могло считаться, въ принципѣ, совершившимся, и оставалось только приспособить лучше полозья въ томъ смыслѣ, чтобы они не натыкались своими передними концами (были загнуты напередѣ кверху), скользили бы легче и были бы снабжены болѣе удобнымъ помѣщеніемъ для кладѣ и сидѣнья. Это было достигнуто загибомъ вверхъ переднихъ концовъ полозьевъ (ихъ головокъ), сглаженіемъ (обтесываніемъ) ихъ нижнихъ сторонъ и укрѣпленіемъ въ ихъ верхнихъ сторонахъ копыльцевъ, связанныхъ «вязками» поперекъ и «грядками» вдоль, послѣ чего на такомъ остовѣ могъ быть, въ случаѣ надобности, прилаженъ кузовъ. Простѣйшею формою настоящихъ саней были, повидимому, дровни, салазки, затѣмъ уже нарты и собственно сани съ кузовомъ, въ ихъ различныхъ

¹⁰¹⁾ *Kolberg* (Pokucie I. 68): Robią także sanki z drzewa wykopanego z korzeniem (kopanyci), a sanki takie są nierownie mocniejsze od polozowych. По Далю, «*копанье* — кроква кокора, лѣсина съ корнемъ, на санныя полозья. *Копани* — пара санныхъ полозьевъ, съ корневыми негнутыми головашками. Въ Закавказьи (горной Абхазіи и Имеретіи) употребляются и лѣтомъ сани для перевозки сѣна съ горныхъ склоновъ. *Копанцы* сиб. — большія дровни изъ пары копаней для возки тяжестей на заводахъ.

¹⁰²⁾ Названіе *волокуши* (*болочки* — отъ «оболокаты», обшить лубомъ; также «болховни») — придается въ Казанской губерніи простымъ санямъ, обшивнямъ, пошивнямъ, розвальнямъ; *волокушки* (танциха) въ Пензенской губ. означаетъ палку, подкладываемую подъ соху, чтобы она не пахала, для перевозки ея съ мѣста на мѣсто; *волочуга*, *волочужка*, въ Казанской губ., употребляется въ смыслѣ возка или возишка сѣна, а въ Архангельской — въ смыслѣ копенки, вороха, «сколько въ одинъ рядъ можно стантить лошадей, волокомъ». (*Даль*, Словарь). Въ Москвѣ названіе «волочки» прилагалось прежде извоицнчпмъ дрожкамъ. Волока, въ Пермск. губ., — называется: «родъ полудровень, состоящихъ изъ двухъ длинныхъ оглобелъ, у которыхъ нижніе концы гораздо толще и немного загнуты для удобнаго волоченія по зимней дорогѣ; кницы скрѣплены толстыми перекладинами, на которыя кладутъ и привязываютъ колоды перевозимыхъ бревенъ». (Областной Словарь).

вариацияхъ, возки и т. д. ¹⁰³). Разумѣется, болѣе совершенныя формы саней могли развиваться лишь тамъ, гдѣ мѣстныя и климатическія условія благоприятствовали усовершенствованію этого рода повозокъ; въ другихъ же странахъ должны были получить наибольшее развитіе повозки на колесахъ, которыя распространились мало-по-малу всюду, вытѣсняя сани, какъ лѣтній экипажъ, и уступая имъ мѣсто только въ снѣжныя зимы. Волокуша, однако, какъ первобытный, простѣйшій и наиболѣе дешевый способъ передвиженія, могла пережить еще долго болѣе совершенные его способы, тѣмъ болѣе, что ѣзда на колесахъ была въ нѣкоторыхъ каменистыхъ и болотистыхъ мѣстностяхъ невозможна или затруднительна, а съ другой стороны не представляла тѣхъ удобствъ, была болѣе тряска и опасна, при несовершенствѣ повозокъ и дурномъ состояніи дорогъ. Кромѣ того, даже перейдя къ колеснымъ экипажамъ, народъ могъ еще долго предпочитать волокуши и сани въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ, при ббльшей дешевизнѣ и легкости изготовленія, оказывались удовлетворительными для перевозки тяжелыхъ грузовъ, для отвезенія умершихъ на кладбище, для молотьбы, для вывезенія дровъ и стволовъ изъ лѣса и т. под.

Происхожденіе саней изъ волокуши, изъ волочащихся, тащащихся, ползущихъ по землѣ стволовъ, сучьевъ, жердей, видно отчасти, и изъ этимологіи названій саней. Нѣм. *Schlitten*, англ. *Sled, Sledge*, итал. *Slitta*, повидимому, состоятъ въ родствѣ съ литов. *słajjos* и *słajjes*, прусск. *slayo*, сани; *slayan*, полозъ у саней, которыя, въ свою очередь, сближаются съ литовскими: *słėti* — прикладывать, *słajūs* — кривой, косою, *słaisy'tis* — sich lehnen, въ сложеніи съ предлогами также — sich schleichen; латышск. *sleija* — Strich, Linie, Wagengeleise, и указываютъ, повидимому, скорѣе на волокушу, чѣмъ на сани (ср. русск. *слегà* — жердь, *шлякz* — палка, чурочка, застроганная съ концовъ и т. п.) ¹⁰⁴). Собственно «сани» называются по латышски — *saņus, saņas* («санюс, саняс»), — словами, заимствованными изъ русскаго языка. Любопытно, что въ числѣ литовскихъ названій саней есть *vājis* («важис»), родственное съ *veži* (везу) и которое объясняется въ словарѣ Куршата, какъ «небольшія, легкія, загнутыя напередѣ высоко къ верху и запряженныя въ одну лошадь санки» (*ein kleiner, leichter, einspänniger, vorn hoch in die Höhe gekrümmter Personenschlitten*), — и латыш. *važus* («важус») и *važas* («важас») — сани изъ лубка или коры («Borkschlitten»). Эти названія могутъ быть сближены съ общеславянскимъ — *возз*, основное значеніе котораго, однако, — «повозка на колесахъ», и которое родственно съ греч. *ὄχος* — колесница, нѣм. *Wagen*, одного корня съ *везу* лат. *veho* и т. д. Повидимому, Литовцы, въ своей лѣсистой и болотистой странѣ, поздно стали пользоваться, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, колесными по-

¹⁰³) Лопарскія санки, въ которыя впрягается одинъ олень, имѣютъ видъ лодки, поставленной на полозья. См. напр. изображеніе лопарскихъ саней у *Martiniere, Voyage*, 1671 и у Норденшильда.

¹⁰⁴) Франц. *traineau*, — очевидно, родственно лат. *traha*, и имѣетъ собственно значеніе волокуши. *Trainer* = тащить, волочить.

цѣлое съ колесами, могла вращаться въ какой нибудь продольной доскѣ, на которой могъ быть прилаженъ первобытный кузовъ. Вѣроятность такой стадіи Тэйлоръ подтвердилъ указаніемъ на существованіе у древнихъ Римлянъ военной двухъколесной повозки, колеса которой были сплошныя (безъ прорѣзовъ), лишь съ четырехугольнымъ отверстіемъ въ центрѣ, въ которое забивался на глухо также четырехугольный конецъ оси (средина которой была однако круглою). Подобная же повозка существуетъ и теперь еще въ Португаліи, на Асорскихъ островахъ, въ Чили, а равно въ Закавказьи и мѣстами даже во внутренней Россіи. Абхазская арба (какъ то показы-

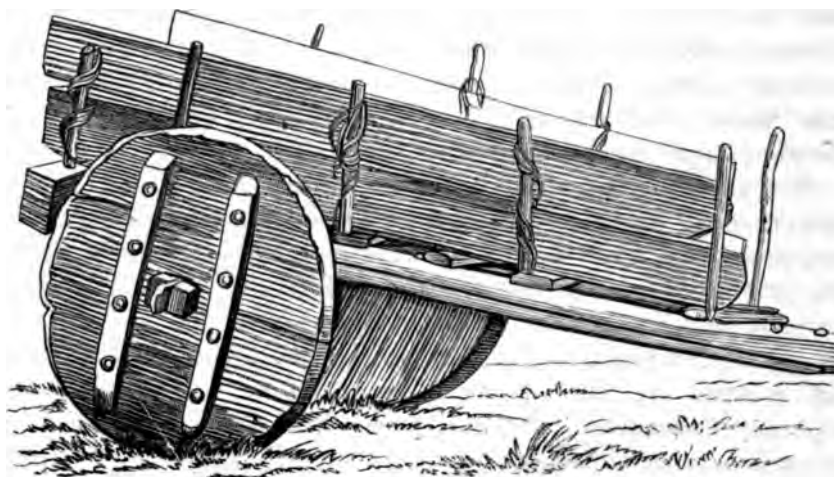

рис. XXII.

Абхазская арба съ наглухо забитою въ колеса осью. Съ фотографіи.

ваетъ прилагаемый рисунокъ) имѣетъ сплошныя толстыя колеса съ забитою въ нихъ наглухо осью, которая вращается вмѣстѣ съ колесами. Португальская арба выказываетъ уже два небольшихъ прорѣза въ толщѣ колесъ, а въ Россіи употребляются кое-гдѣ колеса, составляющія дальнѣйшую стадію развитія. Н. Н. Харузинъ сообщилъ мнѣ, что онъ видѣлъ въ Пудожскомъ уѣздѣ грубыя колеса изъ цилиндрическаго обрубка цѣльнаго ствола съ четырьмя прорѣзами, занимаемая коими площадь все-таки значительно меньше площади промежутковъ (соотвѣтствующихъ спицамъ). Колеса эти отличаются впрочемъ тѣмъ, что центральное отверстіе въ нихъ, ступица, уже круглое и надѣвается на неподвижную ось. Даль, подъ словомъ «колыжка», означающемъ въ Псковской, Тверской и Костромской губ. — двуколку, одноколку, таратайку, замѣчаетъ, что «въ колыжкѣ нерѣдко ось наглухо заколочена въ ступицы и вращается вмѣстѣ съ колесами». Въ «Областномъ словарѣ» отмѣчено, что *колышкой* называется въ Ветлужскомъ уѣздѣ Костромской губ. «ящикъ вмѣсто телѣги, сколоченный изъ досокъ, на двухъ колесахъ и иногда съ вертящеюся осью». О развитіи

змѣн, выражаемая словами одинаковыхъ корней, указываютъ и на сходство въ представленіи объ этихъ предметахъ Славянъ, которые, очевидно, видѣли въ нихъ нѣчто общее, придавали имъ всѣмъ значеніе «ползуновъ». Проф. Ф. Ф. Fortunatovъ также допускаетъ возможность родства, по звуковой сторонѣ, слова «сани» со словомъ «сань», но считаетъ его все-таки недоказаннымъ, въ виду того, что неизвѣстно слово съ тѣмъ значеніемъ, которое въ такомъ случаѣ надо бы предполагать какъ болѣе основно («ползати»). Съ другой стороны, и Р. Ф. Brandtъ указываетъ на отсутствіе въ другихъ языкахъ корней, родственныхъ славянскому *san*. «Единственное — пишеть онъ мнѣ — найденное мною сближеніе съ греч. *σανίς*, доска, весьма сомнительно, и значенія не близки, и звуковое соответствіе далеко не полное. Начальное *s* у Грековъ предполагаетъ древнѣйшее *sz*, которое у Славянъ, вѣроятно, уцѣлѣло бы, и греч. *a* здѣсь краткое, тогда какъ славянское *a* предполагаетъ долготу — *ā* или *ō*»¹⁰⁸). По значенію однако — «сани» можно сближать съ «доскою», особенно, если принять во вниманіе описанную выше молотилку-дикьянъ.

Что сани (и волокуши) вошли въ употребленіе ранѣе повозокъ на колесахъ, были болѣе древнимъ, первобытнымъ способомъ передвиженія, въ пользу этого можно привести и нѣкоторыя народныя преданія. Такъ, у Малоруссовъ существуютъ разказы, что «съ самого початку свѣта люди не малы возівъ, а іздылы літомъ и зимою на саняхъ», и что возъ и колеса выдумалъ чортъ. По другимъ разказамъ, «завезлы воза до людей и дали ёго імъ святы Петро и Павло», по инымъ возъ былъ изобрѣтенъ Соломономъ. Чубинскій приводитъ нѣсколько такихъ разказовъ, записанныхъ въ разныхъ уѣздахъ Юго-западнаго края¹⁰⁹). Вѣроятно, что подобныя разказы сохранились и у другихъ славянскихъ народовъ, а можетъ быть кое-гдѣ и у Нѣмцевъ, но мнѣ не приходилось ихъ встрѣчать. Во всякомъ случаѣ подобное преданіе у Малоруссовъ стоитъ вполне въ соответствіи съ другими указаніями на болѣшую древность саней, приведенными нами выше.

Замѣтимъ здѣсь, что если народное преданіе сохранило еще мѣстами память о болѣе позднемъ ознакомленіи съ колесной повозкой, чѣмъ съ санями, то оно, повидимому, забыло о томъ, что изобрѣтеніе «колы» могло совершиться лишь постепенно, и что первые типы ея должны были быть весьма несовершенны. Тэйлоръ первый представилъ доказательства тому, что древнѣйшая повозка должна была быть двухъколесною и развиться изъ обрубка толстаго цилиндрическаго ствола, средняя часть котораго, ставъ болѣе тонкою, превратилась въ ось, а боковыя, оставленныя толстыми, послужили первообразомъ колесъ. Такая ось, составлявшая одно

¹⁰⁸) Считаю долгомъ принести искренную благодарность профессорамъ Ф. Ф. Fortunatovu, В. Ф. Миллеру и Р. Ф. Brandtu за ихъ весьма цѣнныя и полезныя для меня лингвистическія указанія по предмету моей работы.

¹⁰⁹) Труды Этнографическо-Статист. экспедиціи въ Западно-Русскій край. Юго-Западный Отдѣлъ. Т. I. Спб. 1872., стр. 104 — 106.

цѣлое съ колесами, могла вращаться въ какой нибудь продольной доскѣ, на которой могъ быть прилаженъ первобытный кузовъ. Вѣроятность такой стадіи Тэйлоръ подтвердилъ указаніемъ на существованіе у древнихъ Римлянъ военной двухколесной повозки, колеса которой были сплошныя (безъ прорѣзовъ), лишь съ четырехугольнымъ отверстіемъ въ центрѣ, въ которое забивался на глухо также четырехугольный конецъ оси (средина которой была однако круглою). Подобная же повозка существуетъ и теперь еще въ Португаліи, на Асорскихъ островахъ, въ Чили, а равно въ Закавказьи и мѣстами даже во внутренней Россіи. Абхазская арба (какъ то показы-

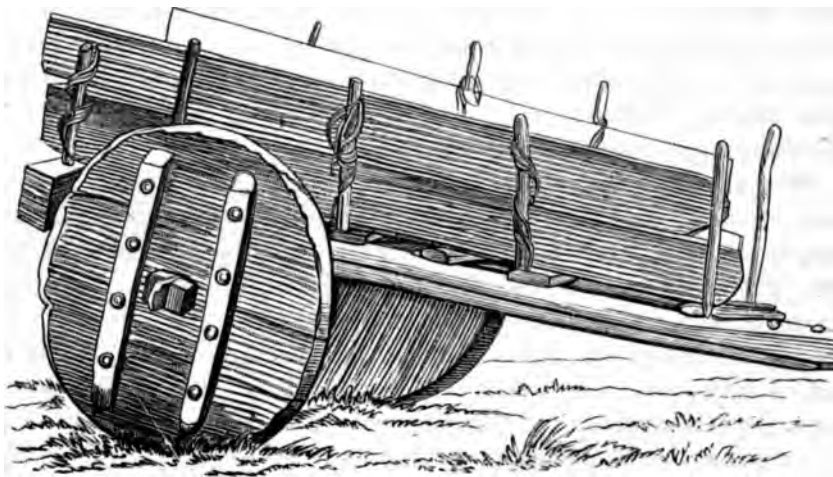

рис. XXII.

Абхазская арба съ наглухо забитою въ колеса осью. Съ фотографіи.

ваетъ прилагаемый рисунокъ) имѣетъ сплошныя толстыя колеса съ забитою въ нихъ наглухо осью, которая вращается вмѣстѣ съ колесами. Португальская арба выказываетъ уже два небольшихъ прорѣза въ толщѣ колесъ, а въ Россіи употребляются кое-гдѣ колеса, составляющія дальнѣйшую стадію развитія. Н. Н. Харузинъ сообщилъ мнѣ, что онъ видѣлъ въ Пудожскомъ уѣздѣ грубыя колеса изъ цилиндрическаго обрубка цѣльнаго ствола съ четырьмя прорѣзами, занимаемая коими площадь все-таки значительно меньше площади промежутковъ (соотвѣствующихъ спицамъ). Колеса эти отличаются впрочемъ тѣмъ, что центральное отверстіе въ нихъ, ступица, уже круглое и надѣвается на неподвижную ось. Даль, подъ словомъ «кольѣжка», означающемъ въ Псковской, Тверской и Костромской губ. — двуколку, одноколку, таратайку, замѣчаетъ, что «въ кольѣжкѣ нерѣдко ось наглухо заколочена въ ступицы и вертится вмѣстѣ съ колесами». Въ «Областномъ словарѣ» отмѣчено, что *колышкой* называется въ Ветлужскомъ уѣздѣ Костромской губ. «ящикъ вмѣсто телѣги, сколоченный изъ досокъ, на двухъ колесахъ и иногда съ вертящеюся осью». О развитіи

колы, четырехколесной телѣги изъ двухъколесной сохранилась еще (по словамъ Фензика) память въ Угорской Руси. Тамъ подъ «телѣгой», въ строгомъ смыслѣ слова, «разумѣютъ только переднія колеса съ осью и дышломъ».

Подведя итогъ настоящему отдѣлу статьи, мы можемъ выразить его такъ. Сани (дровни) развились изъ волокуши и были древнѣйшей повозкой. Впослѣдствіи ихъ смѣнили телѣги, колы, колесницы, развившіяся, въ свою очередь, изъ двухъколесной арбы съ вращающеюся осью, составлявшею одно цѣлое съ вырѣзанными изъ цилиндрическаго ствола сплошными колесами. Въ нѣкоторыхъ странахъ, особенно въ Россіи, сани продолжали еще долго играть роль наиболѣе распространенной повозки, которою пользовались и лѣтомъ, особенно въ болотистыхъ, лѣсистыхъ и гористыхъ мѣстностяхъ, гдѣ сани употребляются мѣстами, въ лѣтнее время года, еще и теперь. Кромѣ того, при несовершенствѣ (тряскѣ) колесныхъ экипажей и ихъ дороговизнѣ санями продолжали пользоваться лѣтомъ еще долго и въ городахъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось болѣе покойное и солидное, хотя и медленное передвиженіе. Употребленіе саней при похоронномъ обрядѣ могло обуславливаться, кромѣ того, большею древностью ихъ, чѣмъ колесницы, а равно практиковавшимся ранѣе обычаемъ оставлять сани на могилѣ, что въ примѣненіи къ телѣгѣ или колесницѣ было менѣе удобно, вслѣдствіе ея большей цѣнности и рѣдкости въ прежнее время, хотя иногда какъ увидимъ далѣе, колесницы также полагались въ могилу. Особенность русскихъ (по крайней мѣрѣ великокняжескихъ и царскихъ) похоронъ состояла еще въ томъ, что сани служили и носилками для несенія тѣла (и гроба умершаго), а иногда и для несенія сопровождавшей гробъ вдовы покойнаго.

Олега, Игоря), да и въ самой Скандинавіи въ это время обычай погребенія, а не сожженія, былъ давно всеобщимъ; посему и нѣтъ никакихъ причинъ думать, чтобы Русы отступали отъ своего исконнаго роднаго обычая только въ Итилѣ, куда прїѣзжали на время». Основываясь на свидѣтельствѣ лѣтописца о сожженіи у Славянъ, Бѣляевъ полагалъ, что Ибнъ-Фадланъ «Рускими похоронами называетъ похороны Сѣверянъ» ¹¹⁴). Во времена Бѣляева еще не было ничего извѣстно объ условіяхъ погребенія въ древнихъ сѣверянскихъ курганахъ; въ настоящее же время не можетъ подлежать сомнѣнію, что какъ у древнихъ Сѣверянъ, такъ и у Кривичей въ IX — X вѣкахъ практиковался обычай сожженія, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ нѣкоторымъ, болѣе знатымъ умершимъ, и что этотъ же обычай былъ констатированъ и въ нѣкоторыхъ курганахъ земли Меринской. Конечно, раскопки указанныхъ кургановъ не въ состояніи были доставить всѣ данныя для идентифицированія ссыпавшихъ эти курганы народностей съ Русами Ибнъ-Фадлана, но, во всякомъ случаѣ, онѣ нѣсколько подтвердили вѣроятность принадлежности этихъ Русовъ къ Славянамъ. Замѣтимъ однако, что г. Стасовъ ¹¹⁵) въ своемъ анализѣ Ибнъ-Фадланова разсказа, привелъ рядъ остроумныхъ соображеній въ пользу того, что подъ «Русами» въ данномъ случаѣ можно съ такою же вѣроятностью видѣть инородческое племя, «въ бытѣ котораго совмѣстно присутствовали элементы Финскихъ и Тюркскихъ народовъ». Г. Стасовъ видитъ эти элементы — въ грубыхъ деревянныхъ идолахъ Русовъ, въ костюмѣ и вооруженіи этого народа, во многихъ подробностяхъ похороннаго обряда и т. д. Похороны въ ладьѣ онъ считаетъ однако «коренною и существенною чертою» быта древнихъ Германцевъ и Скандинавовъ, не зная, повидимому, что лодка составляетъ столь же характерный и существенный атрибутъ похоронъ и у нѣкоторыхъ Финскихъ народностей, какъ объ этомъ будетъ сказано далѣе.

Сожженіе въ ладьѣ, было однако, дѣйствительно, типичною чертою похороннаго обряда у Скандинавовъ. Изъ древнихъ сагъ видно, что такъ были похоронены: Valdr (Baldr), Hotherus, Naki, а миѳическому третьему Frotho — Саксъ Грамматикъ приписываетъ законъ, что тѣла полководцевъ и королей (на войнѣ?) должны быть сожигаемы на ихъ судахъ, тѣла же простыхъ гражданъ — погребаемы въ курганахъ ¹¹⁶).

¹¹⁴) Бѣляевъ, Русская земля передъ прибытіемъ Рюрика, въ «Временникѣ Общ. Исторіи и Древностей». VIII. 1850.

¹¹⁵) Стасовъ, Замѣтки о Русахъ Ибнъ-Фадлана, въ «Ж. Мин. Нар. Просв.» Ч. ССХVI. отд. 2.

¹¹⁶) Saxo (S. 87 Steph. 234 Müll.) говоритъ, что Frotho lege cavit, ut quisquis paterfamilias eo conciderat bello cum equo omnibusque armaturae suae insignibus tumulo mandaretur... Centurionis vero vel satrapae corpus rogo propria nave constructo funerandum constituit; dena autem gubernatorum corpora unius puppis igne consumi praecipit; ducem quempiam aut regem proprio injectum navigio concremare. См. Grimm, Ueber das Verbrennen der Leichen, въ «Kleinere Schriften» II. 1865, S. 272 — 273. Такъ какъ въ этомъ законѣ ничего не говорится о тѣлахъ женщинъ и дѣтей, то Гриммъ полагаетъ, что онъ относился только до павшихъ во время войны.

ловѣка», вытаскивали на берегъ его судно, ставили между деревянными столбами на костеръ изъ дровъ и приготовляли для помѣщенія умершаго. Судно убирали коврами, подушками изъ «румской» (византійской) матеріи; на немъ разбивали шатеръ и въ шатрѣ этомъ помѣщали умершаго, который за нѣсколько дней передъ тѣмъ былъ вынесенъ изъ дому и положенъ во временную могилу ¹¹¹⁾. На мертвеца надѣвали шаровары, сапоги, куртку, кафтанъ съ золотыми пуговицами, соболью шапку и сажали его на коверъ, подпирая подушками; рядомъ съ нимъ ставили «горячій напитокъ», плоды, хлѣбъ, мясо, лукъ, благовонныя травы и клали все его оружіе; въ шатеръ бросали также убитую и разрубленную на части собаку, а равно двухъ разрубленныхъ лошадей, двухъ быковъ, пѣтуха и курицу, затѣмъ вводили туда же одну изъ дѣвушекъ покойнаго, которую убивали, удавливая веревкой и вонзая кинжалъ между ребрами, наконецъ зажигали костеръ, который и сгоралъ вмѣстѣ съ судномъ, и со всѣмъ, что въ немъ было положено.

Академикъ Френъ, издавшій впервые, въ 1823 г., арабскій текстъ Ибнъ-Фадлана, съ своимъ переводомъ и примѣчаніями, призналъ въ «Руссахъ» арабскаго путешественника — Нормановъ. «Во всей той картинѣ, говоритъ онъ, — которую представляетъ намъ арабскій писатель о положеніи Русовъ на Волгѣ во время Игоря, сына Рюрика, мы снова находимъ Нормановъ, какъ ихъ описываютъ, около того же самого времени, франкскіе и англійскіе писатели, и видимъ, какъ Арабъ точно будто протягиваетъ имъ руку на Востокъ» ¹¹²⁾. Мнѣніе, что въ Руссахъ Ибнъ-Фадлана надо видѣть Нормановъ, раздѣлялось большинствомъ нашихъ историковъ, покуда у насъ господствовала система, признававшая норманское происхожденіе Руси, но когда явилась оппозиція норманской теоріи и стало распространяться воззрѣніе, что Русы были Славяне, тогда оказалось, что данныя Ибнъ-Фадлана могутъ быть, съ тою же степенью вѣроятности, приурочены и къ древнимъ Славянамъ ¹¹³⁾. Впрочемъ уже Бѣляевъ въ 1850 г. высказалъ мнѣніе, что въ Руссахъ Ибнъ-Фадлана нельзя видѣть Варяговъ-Нормановъ, на томъ основаніи, что «Варяги, въ новомъ своемъ отечествѣ, т. е. на Руси, не сожигали своихъ покойниковъ, а погребали ихъ въ землѣ несожженными, въ чемъ удостовѣряютъ всѣ свидѣтельства нашихъ лѣтописей (напр. относительно Аскольда и Диры,

¹¹¹⁾ Ибнъ-Фадланъ говоритъ, что «когда одинъ изъ нихъ (Русовъ) заболѣваетъ, то они разбиваютъ ему палатку вдали отъ нихъ, бросаютъ его туда и кладутъ съ нимъ кое-что изъ хлѣба и воды, но не приближаются къ нему, не говорятъ съ нимъ, даже не посѣщаютъ его во все время (болѣзни), особенно когда онъ бѣдный или невольникъ». О знатномъ умершемъ человѣкѣ Ибнъ-Фадланъ говоритъ, что они положили его въ могилу и накрыли ее крышкою (и оплакивали его) въ продолженіи десяти дней, пока не кончили кроенія и шитья одежды его.

¹¹²⁾ Ibn-Fozlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. Text mit Uebersetzung und Anmerkungen von Frähn. S. Pt. 1823.

¹¹³⁾ По Самоквасову — «въ общемъ и въ частностяхъ обрядъ, описанный Фадланомъ и обрядъ Черниговскихъ (Сѣверянскихъ) кургановъ сходны до такой степени, что несомнѣнно принадлежатъ одному народу.

съ другой стороны, какъ сѣверныя, такъ и нѣмеція саги упоминають положительно о погребеніи въ ладѣхъ».

Во времена Гримма не было еще извѣстно о случаяхъ находокъ ладей въ скандинавскихъ курганахъ. Но съ тѣхъ поръ такихъ находокъ было сдѣлано нѣсколько, и въ настоящее время мы можемъ составить себѣ понятіе не только о формѣ скандинавскихъ судовъ въ древнѣйшую желѣзную эпоху и въ эпоху викинговъ, но и объ обстановкѣ погребеній въ ладѣхъ — въ Швеціи и Норвегіи. Въ 1855 г. въ одномъ курганѣ около Ультуны, къ югу отъ Упсалы, были найдены полуразрушенные, но все-таки явственно отличимые остатки судна, въ которомъ былъ погребенъ человекъ съ его оружіемъ и конями. Въ доскахъ судна еще торчали соединявшіе ихъ желѣзные гвозди. Судно походило по величинѣ на небольшую шкуну. Рядомъ съ несожженнымъ костякомъ лежалъ мечъ съ желѣзнымъ клинкомъ и съ рукояткой изъ позолоченной бронзы, богато украшенной изящнымъ орнаментомъ изъ завитковъ. Найдены были также остатки деревянныхъ ноженъ съ позолоченнымъ къ нимъ наборомъ. Кромѣ того, при костякѣ лежали: желѣзный шлемъ съ гребнемъ изъ обложенной серебромъ бронзы; наверху (umbo) отъ щита съ богато орнаментированной бронзовой обивкой, рукоятка щита, 19 желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, два лошадиныхъ удила, 36 игральныхъ камней (изъ нихъ одинъ отличается отъ прочихъ металлической оковкой) и три игральныхъ кости, наконецъ остатки двухъ лошадиныхъ скелетовъ. Въ передней части судна оказалась желѣзная рѣшетка и котелъ изъ спаянныхъ желѣзныхъ пластинъ, съ подвижною ручкой, также кости свиньи и гуся, — остатки тризны или провизіи, положенной умершему въ могилу. — Въ новѣйшее время, въ другомъ мѣстѣ Швеціи, въ приходѣ Вендель, въ сѣверной Уппландіи, были найдены также могилы, въ каждой изъ коихъ оказались явственные слѣды ладьи, длиной около 9 метровъ, и въ которой былъ похороненъ умершій съ его оружіемъ, нѣсколькими конями и другими домашними животными. Въ одной могилѣ былъ найденъ еще скелетъ сокола (очевидно охотничьяго). Въ числѣ оружія оказался богатый мечъ и шлемъ съ бронзовой обкладкой, украшенной своеобразными изображеніями конныхъ воиновъ. Могилы эти были найдены не подъ курганомъ, а вырытыми въ землѣ. Шведскіе археологи относятъ ихъ къ эпохѣ промежуточной между древнимъ желѣзнымъ періодомъ и эпохою викинговъ ¹¹⁹⁾.

¹¹⁹⁾ *Montelius*. Die Kultur Schwedens in vorchristlicher Zeit. Uebers. von Appel. Ber. 1885. S. 131 ff. — Въ 1863 г. въ торфѣ Нидамскаго болота, въ южной Ютландіи, были найдены двѣ большія ладьи, нагруженныя разными желѣзными предметами. (*Montelius*, S. 112; *Ледбокъ*, «Доист. Времена», 1876. стр. 6 и слѣд.) Одна ладья оказалась сдѣланною изъ дубоваго, другая — изъ сосноваго дерева. Это были большія, открытыя, заостренныя на обоихъ концахъ лодки, предназначенныя для хода исключительно при помощи весель, безъ слѣда мачты. Дубовая ладья имѣла около 23 метровъ въ длину, 3,25 м. въ ширину и 14 паръ весель (каждое въ 3—4 м. длиною); въ ней могло помѣститься около сорока человекъ. Руль состоялъ изъ короткаго весла, которое прикрѣплялось подвижно, нѣсколько вправо отъ кормы. Въ ладьяхъ были найдены желѣзные топоры, мечи, копья, ножи, разныя украшенія, посуда и 50 римскихъ монеть 67 — 217 гг. по

Бальдуръ былъ положенъ на костръ, устроенномъ на его суднѣ Hringhorni («съ украшеннымъ кольцами носомъ»); вмѣстѣ съ нимъ были возложены на костеръ — Нанна, его жена, и осѣдланый его конь. Сожженое судно было оттолкнуто отъ берега великаншей Нуггоскин. — Умирающій отъ ранъ король Накі Упсальскій приказываетъ нагрузить свою шкуну (Skeid) тѣлами убитыхъ и оружіемъ и положить себя на срединѣ, на костеръ. Когда король умеръ, костеръ зажгли, направили руль, подняли парусъ и пустили горящую шкуну въ море. Иногда впрочемъ упоминается и о сожженіи на сушѣ, причемъ въ такомъ случаѣ пепелъ собирался и бросался въ море или клался въ сосудъ, который или закапывался въ землю или покрывался насыпью (курганомъ). Съ другой стороны, рядомъ съ сожженіемъ практиковалось и погребеніе, которое было, несомнѣнно, болѣе древнимъ способомъ похоронъ, и которое, впослѣдствіи, снова вытѣснило сожженіе. Изъ сагъ видно, что иногда и тѣла знатныхъ лицъ, королей, также подвергались погребенію, а не сожженію, но любопытно, что погребеніе въ этомъ случаѣ совершалось часто тоже въ ладьѣ ¹¹⁷⁾. Гриммъ полагалъ, что обычай погребенія въ ладьѣ былъ древнѣйшимъ на сѣверѣ, лишь впослѣдствіи смѣнившійся обычаемъ сожженія въ ладьѣ. Кромѣ того, иногда ладья не сожигалась и не погребалась, а просто пускалась, на произволъ вѣтра, въ море, — обычай, слѣды котораго мы встрѣчаемъ также въ Франціи и Германіи ¹¹⁸⁾. «Впослѣдствіи, говоритъ Гриммъ, когда отъ сожженія перешли снова къ погребенію, возникъ двойкаго рода обычай: или умершаго хоронили въ ладьѣ (или въ ладьеобразномъ гробу), подъ насыпью (курганомъ), или же ставили на холмѣ большіе камни, располагая ихъ въ формѣ ладьи. Такія ладьеобразныя каменные ограды были находимы неоднократно въ Швеціи, . . тогда какъ настоящія ладьи или суда не попадались ни въ скандинавскихъ, ни въ нѣмецкихъ древнихъ могилахъ. Но въ южной Германіи встрѣчаются нерѣдко могилы съ колодами (Tottenbäume), выдолбленными изъ цѣльныхъ стволовъ, какъ челноки;

¹¹⁷⁾ *Grimm, Deutsche Mythologie. 4 Ausg. II. 1876 S. 692.* Въ ладьѣ были похоронены: Egil Ullserk (вмѣстѣ съ тѣлами многихъ убитыхъ), Unur, Asmundr, Geirmundr. «Wahrscheinlich, — говоритъ Гриммъ — legte man vornehme Leichen erst in eine Kiste und setzte diese ins Schiff, dann erfolgte Bestattung im Hügel. — Вейнгольдъ замѣчаетъ, что не одни викинги хоронились въ ладьѣ, но иногда и женщины.

¹¹⁸⁾ Тѣло героя Scild было пущено въ море на суднѣ. — Сигмундръ несетъ трупъ Синфьотли, своего любимаго сына, на берегъ моря, гдѣ его ожидаетъ человекъ съ челнокомъ и предлагаетъ перевезти; Сигмундръ кладетъ мертваго въ лодку, тогда неизвѣстный отталкиваетъ ее и пускается въ море. — Тѣло Jarlmågus'a было положено его вдовой на судно и отвезено въ «святую землю». — Одна шведская народная сказка рассказываетъ о золотомъ суднѣ, лежащемъ въ Runemad около Шлюссельбергъ и на которомъ Одинъ везъ въ Валхаллу убитыхъ въ сраженіи при Браваллѣ. — Въ одной нѣмецкой сказкѣ также говорится о золотомъ суднѣ, въ которомъ былъ погребенъ Атласъ. Въ старо-французскомъ романѣ Лансело (Lancelot) «la demoiselle d'Escalot дѣлаетъ распоряженіе, чтобы послѣ ея смерти «son corps fut mis en une nef, richement équipée, que l'on laisserait aller au gré du vent sans conduite». Въ старинной повѣсти Gawap — лебедь везетъ челнокъ, въ которомъ лежитъ тѣло мертваго рыцаря. См. Grimm, Deutsche Mythologie. II. 1876. S. 693 ff.

стройку, то работа была отложена до лѣта. Въ маѣ раскопка началась снова подъ надзоромъ норвежскаго королевскаго антиквара Николайзена изъ Христіаніи. Результатомъ раскопки было открытіе судна эпохи викинговъ, по всей вѣроятности X или конца IX вѣка. Благодаря глинтѣ, изъ которой была ссыпана бѣльшая часть кургана, судно сохранилось очень хорошо, лучше, чѣмъ во всѣхъ предшествовавшихъ находкахъ. Оно оказалось сдѣланнымъ весьма тщательно изъ дубовыхъ досокъ и имѣющимъ въ длину 75 футовъ (точноѣе 23,4 метра), въ ширину (махітум) — 16 футовъ (5 метровъ) и въ высоту — не болѣе 5 — 6 футовъ, такъ что форма его, какъ и найденнаго близъ Туне, была длинная и плоская. Доски (планки судна), наложенныя краями одна на другую, связаны большими желѣзными гвоздями и укрѣплены на двадцати шпантахъ или ребрахъ судна, вверху — при помощи деревянныхъ гвоздей, внизу — посредствомъ лыковыхъ связей, пропущенныхъ чрезъ деревянные, вырѣзанныя въ деревѣ, скобки. Щели между досками плотно законопачены расщепленными дрепесными корнями. Весла, длиною въ 6 метровъ (20 футовъ), находились въ числѣ 16 на каждой сторонѣ; они вкладывались не въ уключины, а просовывались въ круглыя дыры съ боковымъ вырѣзомъ, продѣланныя въ верхней, краевой планкѣ судна. Руль состоялъ изъ весла,

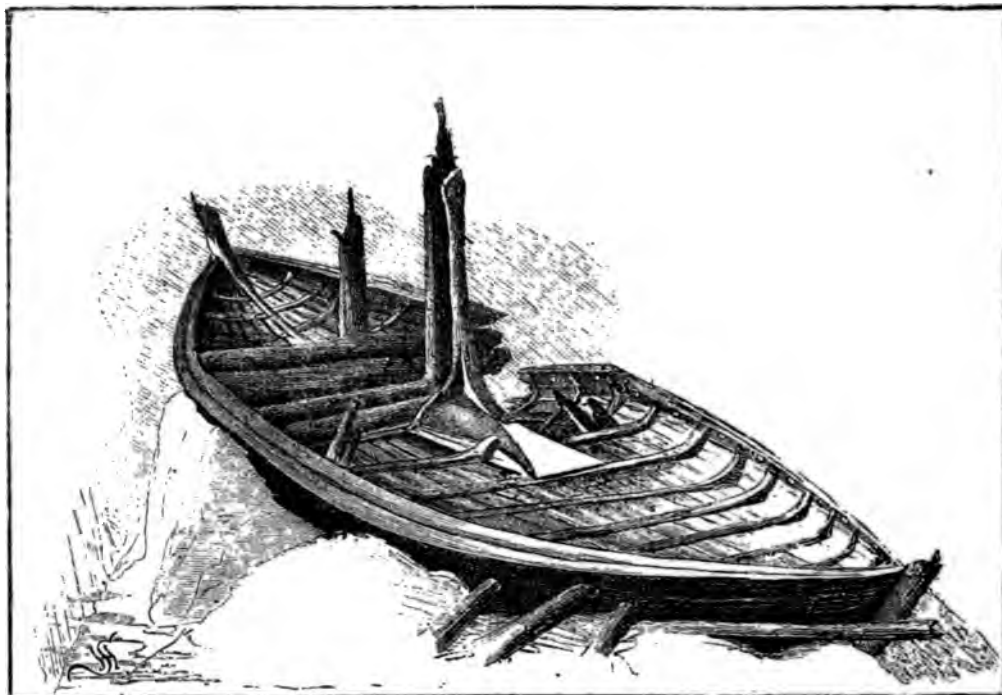

рис. XXV.

То-же судно, вынутое изъ кургана.

длиною въ 12 футовъ, укрѣпленнаго на самомъ заднемъ ребрѣ судна, сдѣланномъ поэтому крѣпче остальныхъ, и съ правой его стороны (которая,

вслѣдствіе того, и называлась стороною рулевого борта). Форма руля довольно характерная и онъ управлялся, можетъ быть, особою рукояткою, украшенною стилизованнымъ звѣриной головой; впрочемъ рукоятка эта была найдена отдѣльно, и принадлежность ея рулю не вполне доказана. 16 паръ большихъ веселъ заставляютъ предположить 64 гребца (по два на весло); кромѣ того въ суднѣ могло помѣщаться еще 15 — 20 человѣкъ, такъ что проф. Ригъ предполагаетъ, что весь экипажъ состоялъ изъ 80 человѣкъ или около того. Но Гокстадское судно было приспособлено

и къ ходу на парусахъ; весла тогда вынимались и отверстія для нихъ, у края борта, замыкались особыми, соответствующими имъ деревянными кружками (такіе были найдены въ суднѣ). На дни судна (палубы на немъ не было), по срединѣ его, была положена толстая дубовая плаха, въ формѣ рыбьяго хвоста, на которой была укрѣплена мачта. (Еще и теперь часть палубы вблизи мачты, устраиваемая болѣе солидно, называется у шведскихъ

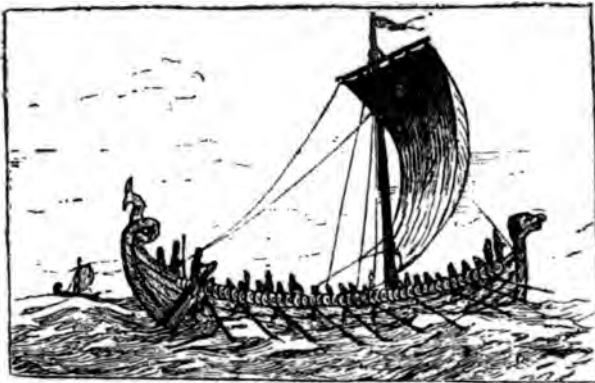

рис. XXVI.

Опытъ реставраціи того-же судна, съ веслами, парусомъ и круглыми щитами, поставленными вдоль бортовъ.

и норвежскихъ моряковъ «мачтовой рыбой» — Mast fisch). Сохранившаяся на мѣстѣ часть мачты имѣетъ въ длину около 10 футовъ (при 3 футахъ въ обхватѣ, на вышинѣ 4 футовъ); остальной конецъ ея, въ 22 фута длиной, былъ отрубленъ при погребеніи, но его нашли лежащимъ на дни судна. Тяжелая мачта могла, повидимому, опускаться и снова уставляться, помощью особаго ворота. Непосредственно передъ мачтой былъ поставленъ столбъ, по всей вѣроятности служившій для раскидыванія шатра (изъ паруса); такой же столбъ находился и вблизи передняго конца судна. Надъ краями борта къ судну прибиты косвенно, вверхъ и внутрь, по двѣ планки; онѣ служили какъ для отраженія набѣгавшихъ волнъ, такъ и для помѣщенія круглыхъ щитовъ, которые укрѣплялись, налегая одинъ на другой, вдоль всего борта, въ числѣ 32 на каждой сторонѣ. Щиты сдѣланы изъ тонкихъ деревянныхъ планокъ, снабжены коваными желѣзными наверхьями и окрашены попеременно въ желтый и черный цвѣта. Самое судно было, повидимому, окрашено красною краскою и поставлено въ курганъ еще новымъ, судя по тому, что даже дыры (прорѣзы) для веселъ не выказываютъ слѣдовъ обтертости.

стройку, то работа была отложена до лѣта. Въ маѣ раскопка началась снова подъ надзоромъ норвежскаго королевскаго антиквара Николайзена изъ Хрястіаніи. Результатомъ раскопки было открытіе судна эпохи викинговъ, по всей вѣроятности X или конца IX вѣка. Благодаря глинтъ, изъ которой была ссыпана большая часть кургана, судно сохранилось очень хорошо, лучше, чѣмъ во всѣхъ предшествовавшихъ находкахъ. Оно оказалось сдѣланнымъ весьма тщательно изъ дубовыхъ досокъ и имѣющимъ въ длину 75 футовъ (точноѣе 23,4 метра), въ ширину (максимум) — 16 футовъ (5 метровъ) и въ высоту — не болѣе 5 — 6 футовъ, такъ что форма его, какъ и найденнаго близъ Туне, была длинная и плоская. Доски (планки судна), наложенныя краями одна на другую, связаны большими желѣзными гвоздями и укрѣплены на двадцати шпантахъ или ребрахъ судна, вверху — при помощи деревянныхъ гвоздей, внизу — посредствомъ лыковыхъ связей, пропущенныхъ чрезъ деревянные, вырѣзанныя въ деревѣ, скобки. Щели между досками плотно законопачены расщепленными древесными корнями. Весла, длиною въ 6 метровъ (20 футовъ), находились въ числѣ 16 на каждой сторонѣ: они вкладывались не въ уключины, а просовывались въ круглыя дыры съ боковымъ вырѣзомъ, продѣланныя въ верхней, краевой планкѣ судна. Руль состоялъ изъ весла,

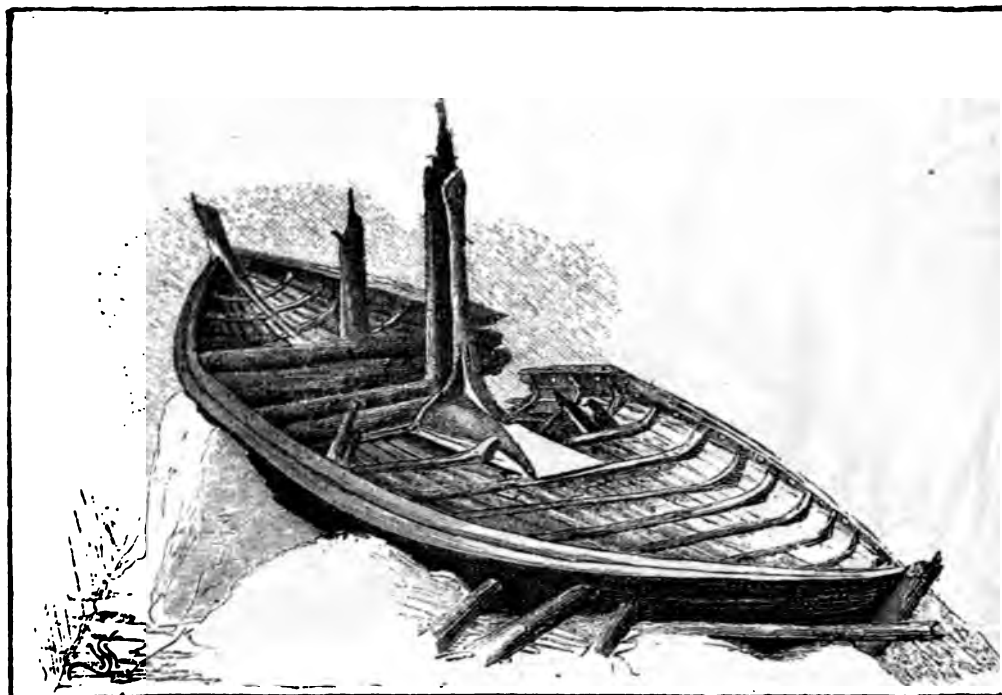

рис. XXV.

То-же судно, вынутое изъ кургана.

длиною въ 12 футовъ, укрѣпленнаго на самомъ заднемъ ребрѣ судна, сдѣланномъ поэтому крѣпче остальныхъ, и съ правой его стороны (которая,

котель, служившій для варки пищи и остатки кровати или скамейки. Рядомъ съ судномъ, въ курганѣ оказались еще остатки трехъ лодокъ (въ 7, 5 и 4 метра длиною) съ деревянными уключинами и кости нѣсколькихъ лошадей и собакъ¹²⁰⁾.

Новый случай подобнаго погребенія въ ладьѣ (эпохи викинговъ) былъ описанъ недавно норвежскимъ археологомъ Лоранжемъ (Logange) См. «Archiv für Anthropologie XVIII. S. 378), который констатировалъ его въ курганѣ Storhaug, близъ Кармюен, на берегу моря. Курганъ этотъ раскапывался въ теченіи многихъ лѣтъ крестьянами для сельскохозяйственныхъ цѣлей (для извлеченія жирной земли), вслѣдствіе чего многія вещи, находившіяся въ могилѣ, также кости и дерево совершенно разрушились. Можно было однако удостовѣриться, что курганъ былъ ссыпанъ надъ воинномъ, погребеннымъ въ своей ладьѣ, около 20 метровъ длиною, которая была подперта большими камнями и на которой былъ устроенъ деревянный шатеръ. Отъ костяка не осталось впрочемъ никакихъ слѣдовъ, но можно было различить два желѣзныхъ меча и копья, пять пращей, разныя кузнечныя орудія, оселокъ, два жернова, огниво и кремь, игральные камни, янтарныя и стеклянныя бусы, золотое кольцо и другія вещи.

Что касается до погребеній подъ ладьеобразными каменными оградами, то находокъ ихъ извѣстно довольно много. Такія овальныя ограды изъ камней встрѣчаются часто въ Швеціи, особенно въ провинціи Блекингенъ: кромѣ овала, соответствующаго бортамъ судна, въ нихъ можно здѣсь отличить носъ и задній конецъ (передній и задній штевни), обозначенные болѣе высокими камнями, иногда еще камень въ срединѣ, соответствующій мачтѣ, и нѣсколько поперечныхъ рядовъ камней, означающихъ скамьи для

¹²⁰⁾ «Der Wikingerschiff von Gokstad», nach einem Bericht von *H. Johnssen*, съ рисунками, въ «Archiv für Anthropologie» Bd. XIII.; *Rygh*, Skibsfundet ved Sandefjord, — статья, извѣстная мнѣ по реферату о ней въ Supplement къ XIII тому «Arch. für Anthropologie», стр. 86; *Tuxen*, De nordiske Langskibe, рефератъ въ «Archiv für Anthropologie» Bd. XVII.; *Montelius*, l. c., S. 173 — 174. Количество погребенныхъ лошадей *Montelius* опредѣляетъ 12-ью, собакъ — 6-ью; *Ригъ* упоминаетъ о 8 — 9 лошадяхъ и столькихъ же собакахъ. «Саги разсказываютъ намъ, говоритъ *Ригъ*, что вечеромъ на суднѣ разбивался шатеръ для вожда. На Гокстадскомъ суднѣ также былъ устроенъ шатеръ, но для вѣчнаго покоя болѣе солидно, изъ дерева». *Montelius*, Om högsättning i skepp; рефератъ въ «Archiv für Anthropologie» XVII, 1888, S. 386, сопоставляетъ это погребеніе въ деревянной палаткѣ, на суднѣ, съ сожженіемъ Руса, въ его шатрѣ и ладьѣ по описанію *Ибнъ-Фадлана*. *Туксенъ* (директоръ военной верфи въ Копенгагенѣ) считаетъ Гокстадское судно основнымъ типомъ, изъ котораго могъ развиваться норманскій военный корабль. По всей вѣроятности, у Гокстадскаго судна — передній и задній концы были украшены рѣзными звѣриными головами, подобно тому какъ это описывается въ сагахъ и подтверждается древними изображеніями норманскихъ судовъ. Но, если такія украшенія здѣсь и были, то они не сохранились; выдаваясь кверху изъ глинистой нижней части кургана, они разрушились и истлѣли скорѣе, чѣмъ прочія части судна. Въ суднѣ были найдены только небольшія рѣзныя планки съ изображеніями звѣриныхъ головъ, служившія, можетъ быть, для украшенія переднихъ и заднихъ концовъ меньшихъ лодокъ.

гребцовъ. Въ сѣверномъ Бохуслэнѣ (Bohuslän) встрѣчаются холмы съ ладьеобразными обкладками, длиною до 150 футовъ. Въ кучахъ камней, наполняющихъ внутренность ограды, стоятъ обыкновенно два сосуда съ золой, и именно, одинъ приблизительно на границѣ между первой и второю третью, и другой — между второй и третьей. Такія-же ладьеобразныя ограды были находимы въ Сканиі, на островахъ Эландѣ и Готландѣ, также въ провинціяхъ Нерике и Уппландіи; онѣ извѣстны вообще подъ именемъ Stenskerpar или Skeppshögar. Одна ограда въ приходѣ Эдсѣ, въ Уппландіи, имѣла 182 фута въ длину, при 50 футахъ въ ширину; камень,

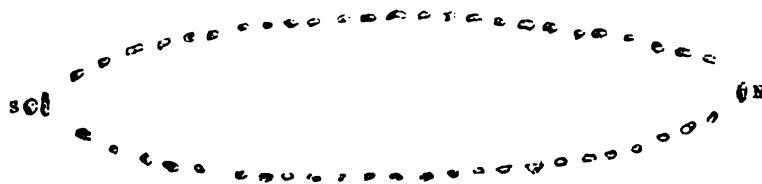

рис. XXX.

Каменный корабль близъ Бломсгольма, въ Швеціи. Видъ и планъ.

стоявшій у ея передняго конца, имѣлъ 9 футовъ въ высоту, остальные камни-валуны — по нѣскольку футовъ въ окружности. Бломсгольмская ограда (въ пров. Бохуслэнѣ) расположена по направленію съ сѣвера на югъ, на возвышенности, вблизи рѣки, на противоположномъ берегу которой возвышается курганъ и большой кругъ изъ камней. Ограда эта имѣетъ 141 футъ въ длину и $31\frac{1}{2}$ фута въ ширину, и пространство, охваченное ею, свободно отъ камней. Стоячіе, нѣсколько заостренные къ верху, камни ограды постепенно уменьшаются въ вышинѣ отъ концовъ судна; камень у южнаго конца имѣетъ $14\frac{1}{2}$ футовъ въ высоту, у сѣвернаго — 11 футовъ, а къ срединѣ высота ихъ все уменьшается и доходитъ до 3 футовъ. У южнаго конца (позади его) лежалъ еще небольшой плоскій камень. Наибольшій, изъ извѣстныхъ доселѣ, «каменныхъ кораблей», найденный

въ приходѣ Валлабергъ, въ Скани, имѣлъ, въ направленіи съ С.З. на Ю.В. 212 футовъ въ длину и 60 футовъ въ ширину. Камень у передняго его конца былъ длиною въ 12 футовъ, у задняго — въ 18 футовъ. Съ каждой стороны «корабля» находились еще слѣды маленькихъ овальныхъ оградъ, вѣроятно представлявшихъ лодки. Внутри одного «корабля» въ приходѣ Гётлундъ, въ пров. Нерике, былъ найденъ рунической камень; въ урнѣ съ пепломъ «корабля» близъ Рафтётангенъ, въ приходѣ Танумъ (провинція Блекингенъ), оказался мечъ хорошей работы, относимый къ III-му шведскому желѣзному вѣку, т.-е. къ эпохѣ отъ 700 до 1050 гг. «Корабль» у Hallagum, въ приходѣ Iemgö, доставилъ золу, обожженные человѣческія кости и различные предметы изъ желѣза и бронзы. Въ двухъ «корабляхъ», у Njörtahammar, была найдена въ золѣ пара типичныхъ скандинавскихъ, такъ называемыхъ скорлупчатыхъ, прорѣзныхъ фибулъ и одна серебряная пряжка ¹²¹⁾.

Въ сѣверной Германіи извѣстна, повидимому, только одна ладьеобразная ограда, именно въ округѣ Гримменъ, пров. Стральзундъ, на границѣ общинъ Пёглицъ и Рекентинъ, въ двухъ миляхъ отъ морскаго берега. При 130 футахъ въ длину, ограда имѣла 16—14 футовъ въ ширину и состояла изъ двойнаго ряда камней, возвышавшихся не болѣе 1—2 футовъ надъ землею. Поперекъ шли нѣсколько рядовъ камней, соответствующихъ скамьямъ, въ одномъ изъ промежутковъ между коими, въ цистѣ изъ камней, стояла урна съ пепломъ. — Болѣе сохранилось такихъ могилъ въ Курляндіи, именно восемь, въ приходѣ Эрваленъ, въ Тальсенскомъ уѣздѣ, въ 10—12 верстахъ отъ морскаго берега, близъ Луббена, Либена и Ногаллена, гдѣ онѣ извѣстны у Латышей подъ именемъ Wella-laiwe, т. е. «чортовыхъ лодокъ». Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли видъ обыкновенныхъ кучъ камней, около 4 футовъ вышиною, и только послѣ удаленія верхнихъ слоевъ камней можно было различить очертанія ладьи; у другихъ ладьеобразная форма ограды была издавна явственною. Большинство было расположено на ровной землѣ, только одна — на узкомъ, удлиненномъ холмѣ. Направленіе ихъ было различно (Ю. В. — С. З.; Ю. Ю. В. — С. С. З.; З. С. З. — В. Ю. В.); въ длину онѣ имѣли до 50 футовъ, въ ширину — 15½, и были снабжены длиннымъ, до 17 футовъ, носомъ (переднимъ штевнемъ), составленнымъ изъ небольшихъ камней, и однимъ длиннымъ камнемъ у задняго конца. Внутренность ограды была вымощена камнями, надъ которыми, на глубинѣ до 4 футовъ, находились 1—3 сложенные изъ каменныхъ плитъ, цисты, или (какъ въ одной оградѣ у Либена въ Widser Wald) до 12, расположенныхъ въ три этажа, маленькихъ каменныхъ клѣтокъ, для урнъ съ висячими ручками, въ которыхъ оказались обожженные человѣческія кости. Урны эти довольно грубой работы и выказываютъ простой орнаментъ изъ черточекъ.

¹²¹⁾ *Grewingk. Zur Archäologie des Balticum und Russlands. Ueber ostbaltische... schiff förmige grosse Steinsetzungen, въ «Archiv für Anthropologie» Bd. X.*

Въ Лифляндіи извѣстно нѣсколько группъ каменныхъ ладей и иной формы каменныхъ могильныхъ сооружений. Особенно замѣчательны на-

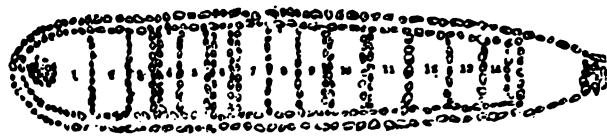

рис. XXXI.

Планъ каменнаго корабля близъ Славеека, въ Лифляндіи.

ходящіяся въ приходахъ Смильтенъ и Ронненбургъ, въ уѣздахъ Валкскомъ и Венденскомъ, мильяхъ въ 10 отъ моря и между озерами Странте и Лиздоль (отстоящими

рис. XXXII

Каменные цисты, въ три этажа, въ ладьеобразной каменной оградѣ Видзскаго лѣса, въ Курляндіи.

Здѣсь близъ поселковъ Slaweeke, Leies Klerreg и Gailit константированы три несомнѣнныхъ и по своему содержанию весьма сходныхъ «каменныхъ ладьи», изъ коихъ наиболѣе извѣстна — находящаяся близъ Славеека и изслѣдованная въ 1875 г. графомъ Сиверсомъ ¹²³⁾. Она занимаетъ всю поверхность невысокаго удлиненнаго песчанаго холма и первоначально имѣла видъ каменной кучи, длиною около 20 сажень, шириною около $4\frac{1}{2}$ и вышиною въ 4—5 футовъ. Лишь послѣ того, какъ былъ удаленъ верхній слой камней, можно было различить очертанія ладьи, имѣвшей около 140 футовъ въ длину, въ направленіи съ З. Ю. З. на В.С.В. Борта судна были обозначены двойнымъ рядомъ камней, которые въ задней, округленной части судна, имѣли $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ фута въ поперечникѣ, а въ передней, сѣуженной, $\frac{1}{2}$ — 2 фута. Два камня торчали позади задняго конца, какъ бы означая руль. Внутри ограды, у задняго конца судна, замѣчалась округленная кучка камней, сидѣвшихъ на $2\frac{1}{2}$ фута въ землѣ и лишь немного изъ нея выдававшихся. Впереди отъ нея слѣдовали 13 или 14 «скамеекъ для гребцовъ», обозначенныхъ простыми или двойными, поперечными рядами камней. Въ мѣстѣ первой «скамьи» ширина судна равнялась 27 футамъ, въ мѣстѣ послѣдней, близъ передняго конца, $11\frac{1}{2}$ футамъ. Между 1 и 9 «скамьями», (также между 13 и 14) и подъ ними былъ констатированъ слой черной земли, толщиною въ 5—8 дюймовъ, въ которомъ оказались: угли, зола, обожженные человѣческія кости и черепки грубыхъ глиняныхъ горшковъ, сдѣланныхъ безъ помощи горшечнаго станка и украшенныхъ простымъ линейнымъ орнаментомъ. По удаленіи камней, подъ и между ними, на всемъ пространствѣ ограды, особенно же между 6 и 7 «скамейками», были найдены слѣдующія, не бывшія въ огнѣ вещи: изъ желѣза — 14 клинковъ ножей, проволока для нанизыванія бронзовыхъ бусъ и для булавокъ фибулъ, втулка отъ копья, цѣпь и ключъ; изъ бронзы — 11 различнаго рода фибулъ, 10 кружковъ для украшенія или брошекъ, 2 иглы,

¹²³⁾ Graf Sievers, Ein Normännisches Schiffgrab bei Ronneburg, mit 1 Tafel, въ «Verhandl. der Berl. Gesellsch. für Anthropologie» etc. 1875. S. 214 ff.

20 браслетовъ для взрослыхъ и дѣтей, маленькая спираль, двое серегъ, шейное кольцо, тонко-стѣнчатыя бусы и толстые шарики, колесовидныя привѣски и маленькіе, тонкіе спиральные завитки изъ проволоки; изъ не-металлическихъ предметовъ — многочисленныя голубыя и позолоченныя бѣлыя бусы, также янтарныя, каменный брусокъ и каменный кружокъ съ отверстіемъ въ срединѣ. Изъ животныхъ костей была найдена только нижняя челюсть кошки.

Другія подобныя же ограды ладьеобразной формы, найденныя въ Лифляндіи, представили, отчасти, предметы того же характера, отчасти — вещи болѣе поздней эпохи, причемъ оказалось, что, по содержанію, къ каменнымъ ладьямъ могутъ быть причислены и нѣкоторыя другія сооруженія изъ камней, овальной, круглой и даже четырехугольной формы, но также составленныя изъ стоячихъ рядовъ камней и заключающія въ себѣ остатки погребеній. Что касается до хронологическаго опредѣленія этихъ могилъ, то критеріумомъ, кромѣ характера вещей, могутъ служить и найденныя въ нѣкоторыхъ могилахъ монеты. Тѣ ограды (напр. близъ озеръ Странте и Лиздоль), которыя доставили фибулы въ видѣ буквы Т, часто съ широкой, лентообразной дужкой, выказывающей иногда поперечные валики и боковые выступы (варіаціи такъ называемой римской провинціальной фибулы) — должны быть признаны болѣе древними, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ оградъ были найдены римскія монеты I — IV (преимущественно же II-го) вѣковъ. Наоборотъ, ограды, найденныя близъ Ramkau, Reuma и Rajus, — въ Лифляндіи, выказываютъ нѣкоторое сходство, по своему содержимому, съ могилами древнихъ Ливовъ, у Ашерраде на Западной Двинѣ, и относятся къ болѣе поздней эпохѣ, именно, по Гревингку, судя по нѣкоторымъ, найденнымъ въ нихъ предметамъ и англосаксонскимъ монетамъ XI вѣка, ко времени отъ VIII до XIII вѣка. Эти позднѣйшія ограды, по времени своего сооруженія, подходятъ къ шведскимъ, относимымъ къ эпохѣ викинговъ, но онѣ отличаются отъ нихъ (и отъ курляндскихъ), помимо нѣкоторыхъ особенностей въ характерѣ предметовъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ нихъ не было найдено урнъ съ пепломъ; зола и обожженныя кости лежатъ въ нихъ непосредственно въ промежуткахъ между «скамьями» и находимые въ нихъ черепки горшковъ принадлежали, очевидно, не къ урнамъ съ пепломъ, а къ посудѣ, оставшейся отъ тризны или заключавшей въ себѣ пищу, предназначавшуюся для умершаго. По мнѣнію Гревингга, древнѣйшія ладьеобразныя могилы (первыхъ вѣковъ нашей эры) были сооружены (въ Лифляндіи) Готами, удалившимися отсюда в послѣдствіи; позднѣйшія же каменныя «ладьи» должны быть приписаны викингамъ, производившимъ съ VIII вѣка набѣги на берега Курляндіи, Лифляндіи и Финскаго залива, и именно, какъ онъ полагаетъ, тѣмъ же Rôdsen, представители коихъ были призваны въ IX вѣкѣ Славянами и Чудью «княжить и володѣть ими».

Въ послѣднее время ладьеобразныя ограды были констатированы и въ Эстляндіи, гдѣ уже ранѣе было извѣстно подобное каменное сооруженіе близъ Укснорма. Лѣтомъ 1886 г. проф. Висковатовъ изслѣдовалъ одну

могилу, открытую г. Вальдманомъ въ Тюрселѣ, близъ Силламяги, недалеко отъ Нарвской бухты и у самой почтовой дороги въ Петербургъ. Найденныя здѣсь вещи поступили въ Музей Ученаго Эстонскаго Общества въ Дерптѣ и были подробно описаны Гревингомъ. Тюрсельская ограда представляетъ тоже форму ладьи, хотя болѣе широкой и, вслѣдствіе поврежденія одного изъ концовъ, не такъ явственной. Въ ней можно было констатировать только двѣ переречныхъ «скамьи», но въ остальномъ, по устройству и найденнымъ предметамъ, она была, очевидно, такой же коллективной семейной или родовой могилой, служившей для вмѣщенія остатковъ отъ сожженія умершихъ и полагаемыхъ вмѣстѣ съ ними — орудій и украшеній. Несмотря на свои сравнительно малые размѣры (50 футовъ длины и 20 футовъ наибольшей ширины) и на поврежденность одного конца, Тюрсельская ограда оказалась весьма богатою по содержанию и доставила болѣе предметовъ, чѣмъ другія подобныя, хотя и болѣе крупныя сооруженія. Предметы эти состоятъ изъ подобныхъ же Т—образныхъ фибулъ, какъ и найденныя гр. Сиверсомъ въ оградѣ близъ Славеека (въ Лифляндіи), а равно изъ бронзовыхъ браслетовъ, спиральныхъ колецъ, шейныхъ гривенъ и другихъ украшеній, желѣзныхъ ножей, наконечниковъ копей и т. д. Бронза украшеній, какъ показалъ химическій анализъ, заключаетъ въ себѣ, кромѣ мѣди и олова, еще примѣсь цинка (одно бронзовое кольцо дало 83,5% мѣди, 6,4% цинка и 4% олова). Въ числѣ человѣческихъ костей (мужчинъ, женщинъ и дѣтей) оказались многія, не бывшія въ огнѣ, а нѣкоторыя, лучше сохранившіяся, указываютъ даже на позднѣйшее и сравнительно недавнее погребеніе. Что касается формъ вещей, то нѣкоторыя напоминаютъ римскія: таковы фибулы, украшеніе въ родѣ *argilla*, бронзовое плоское блюдо въ родѣ *phalega*; Гревингъ полагаетъ, что почти всѣ эти бронзовыя украшенія были привозными и доставлялись, очевидно, моремъ, можетъ быть изъ римскихъ колоній на Рейнѣ, чрезъ посредство Готланда, Эланда и другихъ Балтійскихъ острововъ. Это обстоятельство, а также сходство нѣкоторыхъ Тюрсельскихъ древностей съ найденными въ другихъ прибалтійскихъ каменныхъ оградахъ, которыя (какъ наприм. ограда близъ Каугера, къ В. отъ озера Странте) доставили кромѣ того римскія монеты I — II вѣковъ, наконецъ сходство нѣкоторыхъ фибулъ съ найденными въ могилахъ Восточной Пруссіи, вмѣстѣ съ римскими монетами II — III вѣковъ, и съ найденными въ Добезбергѣ, вмѣстѣ съ предметами IV вѣка, — все это позволило Гревингу сдѣлать заключеніе, что Тюрсельская ладьеобразная ограда служила семейнымъ кладбищемъ въ первые вѣка нашей эры, до IV вѣка включительно, и была воздвигнута, вѣроятно, Готами, похоронные обряды которыхъ отличались отъ такихъ же обрядовъ у Эстовъ, у которыхъ господствовалъ обычай погребенія, а не сожженія, и которые находились въ то время на болѣе низкой ступени культурнаго развитія ¹²³⁾.

¹²³⁾ Der schifförmige Aschenfriedhof bei Türsel in Estland, von Prof. *Grevingk*, nebst Bericht über die Aufdeckung desselben von Prof. *Wiskowatow*. Mit 4 Tafeln. Separat-Abdruck aus den Verhandl. der Gelehrt. Estn. Gesellschaft, XIV H. 1. Dorpat. 1887.

Ладьеобразныя каменныя ограды имѣють, во всякомъ случаѣ, довольно ограниченную область распространенія. За предѣлами Швеціи, Прибалтійскихъ губерній и, отчасти, сѣверной Германіи мы ихъ не встрѣчаемъ. Но вообще обычай погребенія въ ладьѣ распространенъ весьма широко, и мы встрѣчаемся съ нимъ въ различныхъ частяхъ свѣта. Въ юго-восточной Азіи, именно въ Пегу (на Индо-Китайскомъ полуостровѣ) существовалъ даже обычай сожиганія въ ладьѣ, пускаемой въ море, подобно тому, какъ и у Скандинавовъ. Трупъ короля клали на костеръ изъ душистаго дерева, устраиваемый на двухъ, соединенныхъ между собою, ладьяхъ (вѣроятно на двойной ладьѣ, какія и теперь употребляются еще мѣстами въ Полинезіи) и затѣмъ, зажегши костеръ, пускали ладьи въ море ¹²⁴). Погребеніе въ лодкѣ, въ старой ладьѣ или въ ладьеобразномъ ящикѣ, распространено еще и теперь на многихъ группахъ Полинезійскихъ и Меланезійскихъ острововъ, на Самоа, Тонга, Таити, Новой Зеландіи, Тиморь-Лаутъ и другихъ, а равно встрѣчается и на Малайскомъ архипелагѣ ¹²⁵). У Новозеландцевъ былъ обычай хоронить умершаго въ ладьѣ, затѣмъ, по прошествіи года, снова вырывать его, очищать кости и класть ихъ въ лодкообразный ящикъ, который ставился вблизи жилища, на столбѣ. Въ лодкѣ умершій помѣщался въ сидячемъ положеніи, такъ, что голова его приходилась противъ колѣнъ. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ Трегеаромъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новой Зеландіи умершій сожигался, въ другихъ — помѣщался въ небольшой лодкѣ; иногда его клали между двумя половинками лодки, а иногда въ небольшой челнокъ и ставили на дерево. На о—въ Тиморь-Лаутъ (между Новой Гвинеей и Австраліей) умершій завертывается въ ткань и кладется въ лодку (раhu-прау), лишній конецъ которой отпиливается, сообразно съ длиною трупа, причемъ полученное отверстіе задѣлывается, или, у богатыхъ, — въ особый украшенный гробъ, которому придается форма прау ¹²⁶).

Обычай пользованія для погребенія ладьей мы встрѣчаемъ также въ Америкѣ, у многихъ племенъ сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ, особенно въ сѣверо-западныхъ территорияхъ, въ Орегонѣ и Вашингтонѣ ¹²⁷). У Чинуковъ тѣло умершаго полагается въ лодку, которая продырявливается въ двухъ мѣстахъ для того, чтобы сдѣлать её негодною къ употребленію (въ прежнее время этими похоронными лодками пользовались иногда европейскіе переселенцы) и чтобы въ ней не застаивалась дождевая вода. Лодка выстилается циновками, на которыя и кладется трупъ, завернутый въ одѣяло, прикрытый сверху снова циновками; затѣмъ все при-

¹²⁴) *Rochholz*, l. c. S. 174 — 175.

¹²⁵) *Waitz*, *Anthropologie*, fortges. v. Gerland Bd. VI. S. 401, 405, 413; сравни еще 684 и Bd. V. S. 152 — 153 и *Ratzel*, *Völkerkunde* II. S. 483.

¹²⁶) *Forbes*, *On the Ethnology of Timor-laut*. «*Journ of the Anthropol. Institute*». 1883.

¹²⁷) *Yarrow*, *Mortuary Customs of the North-American Indians*, въ «*First Report of the Bureau of Ethnology*» Wash. 1881.

крывается другою лодкою, нѣсколько меньшихъ размѣровъ, и обороченною дномъ къ верху. Приготовленная такимъ образомъ погребальная ладья ста-

рис. XXXIII.

Погребеніе въ лодкѣ, на столбахъ, у Чинуковъ, въ Сѣверной Америкѣ. Съ рисунка Yagrow', въ «First Report of the Bureau of Ethnology» 1881.

На этихъ столбахъ развѣшиваются также ведерки, горшки и другая посуда, причемъ каждая вещь продыравливается, надламывается и вообще дѣлается негодною къ употребленію. Подобный же способъ похоронъ употребителенъ и у другихъ племенъ по р. Колумбіи, на Ванкуверѣ и вообще на сѣверо-западномъ побережьи, а равно и въ нѣкоторыхъ

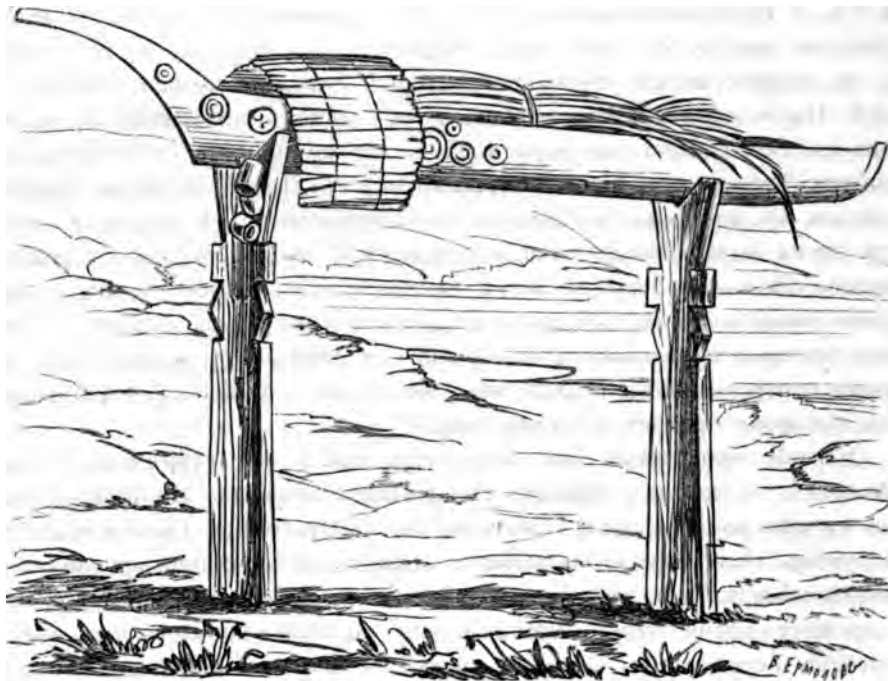

рис. XXXIV.

Погребальная ладья вождя — на высокихъ рѣзныхъ столбахъ. Съ рисунка Yagrow'.

другихъ частяхъ Америки, напр. на Москитовомъ берегу ¹²⁸⁾. Иногда погребальная ладья, особенно съ тѣломъ вождя, поднимается на болѣе

¹²⁸⁾ Въ описаніи «восточно-островскихъ жителей» (Алеутовъ?), у *Георги*, сказано, что «скудныхъ покойниковъ завертываютъ въ ихъ одѣяніи совокупно съ домашнею ихъ утварью и звѣроловною снастью въ рогожу и съ великимъ воплемъ предають погребенію: зажиточныхъ же кладуть такъ же въ платѣ и съ домашними надобно-

Ладьеобразныя каменныя ограды имѣютъ, во всякомъ случаѣ, довольно ограниченную область распространения. За предѣлами Швеціи, Прибалтійскихъ губерній и, отчасти, сѣверной Германіи мы ихъ не встрѣчаемъ. Но вообще обычай погребенія въ ладью распространенъ весьма широко, и мы встрѣчаемся съ нимъ въ различныхъ частяхъ свѣта. Въ юго-восточной Азій, именно въ Пегу (на Индо-Китайскомъ полуостровѣ) существовалъ даже обычай сожиганія въ ладью, пускаемой въ море, подобно тому, какъ и у Скандинавовъ. Трупъ короля клали на костеръ изъ душистаго дерева, устраиваемый на двухъ, соединенныхъ между собою, ладьяхъ (вѣроятно на двойной ладью, какія и теперь употребляются еще мѣстами въ Полинезій) и затѣмъ, зажегши костеръ, пускали ладью въ море ¹²⁴). Погребеніе въ лодкѣ, въ старой ладью или въ ладьеобразномъ ящикѣ, распространено еще и теперь на многихъ группахъ Полинезійскихъ и Меланезійскихъ острововъ, на Самоа, Тонга, Таити, Новой Зеландіи, Тиморь-Лаутѣ и другихъ, а равно встрѣчается и на Малайскомъ архипелагѣ ¹²⁵). У Новозеландцевъ былъ обычай хоронить умершаго въ ладью, затѣмъ, по прошествіи года, снова вырывать его, очищать кости и класть ихъ въ лодкообразный ящикъ, который ставился вблизи жилища, на столбѣ. Въ лодкѣ умершій помѣщался въ сидячемъ положеніи, такъ, что голова его приходилась противъ колѣнъ. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ Тегеаг'омъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новой Зеландіи умершій сожигался, въ другихъ — помѣщался въ небольшой лодкѣ; иногда его клали между двумя половинками лодки, а иногда въ небольшой челнокъ и ставили на дерево. На о—въ Тиморь-Лаутѣ (между Новой Гвинеей и Австраліей) умершій завертывается въ ткань и кладется въ лодку (раhu-прау), лишній конецъ которой отпиливается, сообразно съ длиною трупа, причемъ полученное отверстіе задѣлывается, или, у богатыхъ, — въ особый украшенный гробъ, которому придается форма прау ¹²⁶).

Обычай пользования для погребенія ладьей мы встрѣчаемъ также въ Америкѣ, у многихъ племенъ сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ, особенно въ сѣверо-западныхъ территоріяхъ, въ Орегонѣ и Вашингтонѣ ¹²⁷). У Чинуковъ тѣло умершаго полагается въ лодку, которая продыравливается въ двухъ мѣстахъ для того, чтобы сдѣлать еѣ негодною къ употребленію (въ прежнее время этими похоронными лодками пользовались иногда европейскіе переселенцы) и чтобы въ ней не застаивалась дождевая вода. Лодка выстилается циновками, на которыя и кладется трупъ, завернутый въ одѣяло, прикрытый сверху снова циновками; затѣмъ все при-

¹²⁴) *Rochholz*, l. c. S. 174 — 175.

¹²⁵) *Waitz*, *Anthropologie*, fortges. v. Gerland Bd. VI. S. 401, 405, 413; сравни еще 684 и Bd. V. S. 152 — 153 и *Ratzel*, *Völkerkunde* II. S. 483.

¹²⁶) *Forbes*, *On the Ethnology of Timor-laut*. «*Journ of the Anthropol. Institute*», 1883.

¹²⁷) *Yarrow*, *Mortuary Customs of the North-American Indians*, въ «*First Report of the Bureau of Ethnology*» Wash. 1881.

момъ «лабазѣ», устраиваемомъ въ родѣ ящика на столбахъ ¹³⁰). Въ прежнее время, вмѣсто столбовъ, пользовались иногда просто деревьями въ лѣсу, укрѣпляя помость или трупъ въ развилкахъ стволовъ, какъ это дѣлалось и у нѣкоторыхъ племенъ сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ.

Пользованіе для похоронъ лодкою встрѣчается еще и теперь у нѣкоторыхъ инородцевъ сѣверной Азіи. Такъ, приамурскіе Орочи, зарывающіе своихъ умершихъ не глубоко въ землю, или ставящіе ихъ на подставкахъ, на аршинъ надъ землею, обыкновенно въ деревянныхъ ящикахъ, пользуются иногда, вмѣсто гроба, оставшеюся послѣ покойника лодкою ¹³¹). Орочны Хора, по словамъ Надарова ¹³²), «трупъ покойника кладутъ въ выдолбленный изъ тополя, осины или липы гробъ, формою своею напоминающій бачъ (лодку), снабжаютъ умершаго ружьемъ, лукомъ, ножомъ, острогой — и ставятъ гробъ на столбахъ въ особый балаганъ». У Чукчей, которые большею частью жгутъ своихъ покойниковъ, практикуется иногда и обрядъ погребенія, причемъ умершій помѣщается на землѣ,

рис. XXXVI.

Погребеніе подъ лодкой. Могила найденная Норденшильдомъ близъ порта Кляреньска.

обставляется бывшими у него въ употребленіи вещами и прикрывается обороченной вверхъ дномъ лодкой. То же дѣлается и у Эскимосовъ ближайшаго къ Чукчамъ американскаго берега; Норденшильдъ описалъ и срисовалъ одну такую могилу, встрѣченную имъ на американскомъ берегу Берингова пролива, близъ порта Кляреньска. Покойникъ былъ положенъ на землю и окруженъ оградой изъ перекрещенныхъ кольевъ чума. Около него были оставлены: заряженное ружье, разныя орудія, платье, огниво, посуда, двѣ деревянныя маски, выпачканныя кровью, и грубыя фигурки животныхъ; рядомъ съ обороченною вверхъ дномъ лодкою лежали также принадлежавшія къ ней весла. — У Тунгузовъ былъ обычай таскать съ собою, при перекочевкахъ, легкую лодку изъ коры, «вѣтку», которая,

¹³⁰) Третьяковъ, Туруханскій край, стр. 168 — 169, 177, 184.

¹³¹) Маргаритовъ, Объ Орочахъ Императорской гавани. Спб. 1888. Стр. 30.

¹³²) Надаровъ, Сѣверно-Уссурійскій край. 1887.

въ случаѣ смерти хозяина, служила ему гробомъ для погребенія. Мы упоминали уже ранѣе о томъ, что въ старыя времена Лопари хоронили своихъ умершихъ въ санкахъ, имѣющихъ лодкообразную форму.

Лодка въ качествѣ гроба употребительна и теперь еще у Обскихъ Остяковъ и у близко родственныхъ имъ Вогуловъ. Соммье такъ описы-

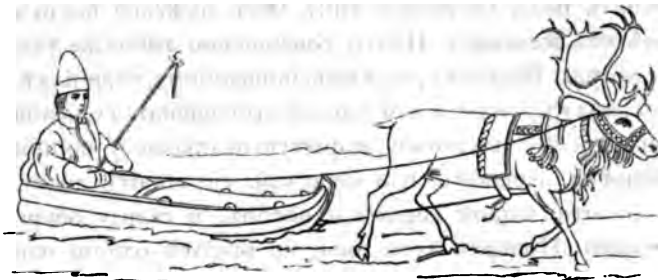

рис. XXXVII.

Лодкообразная нарта Лопарей. Съ стариннаго рисунка, приведеннаго у Норденшильда.

ваетъ могилы Остяковъ, вскрытыя имъ въ низовьяхъ Оби, около селенія Мужи¹²³⁾. Могилы эти, разбросанныя въ лѣсу и иногда едва замѣтныя среди кустовъ и деревьевъ, имѣли видъ небольшихъ удлиненныхъ избушекъ, съ слегка приподнятой двускатной крышей, сложенной изъ необтесанныхъ нетолстыхъ стволовъ или жердей. Снявъ крышу, подъ ней оказывалась другая, изъ кусковъ березовой коры, сшитыхъ вмѣстѣ (какъ покрывка чума) и поддерживаемыхъ протянутыми вдоль могилы стволами, которые опираются концами на стѣнки узкихъ сторонъ постройки. Самая могила, расположенная на землѣ, сдѣлана изъ лодки, перепиленной на

рис. XXXVIII.

Могила Остяка, спереди и въ продольномъ разрѣзѣ. Съ рисунка Соммье.

двое. Одна половина, съ заостреннымъ и приподнятымъ концомъ, замѣняетъ гробъ, и въ ней положенъ трупъ, завернутый въ оленьи шкуры, изъ другой половины лодки взяты двѣ доски, и — связанные вмѣстѣ —

¹²³⁾ Sommier, Un'estate in Siberia, Firenze. 1885., p. 242.

онѣ служатъ крышкою гроба. Около умершаго, въ лодку положены его вещи: ножъ, поясъ, трубка, кисеть съ табакомъ, котелокъ, мѣдныя кольца, бусы и другія украшенія, а на крышкѣ лодки, между нею и слоємъ бересты — или на послѣднемъ, подъ наружной крышей, встрѣчается иногда дукъ, лыжи и другіе, болѣе крупныя предметы. Снаружи могила иногда обозначается еще приставленнымъ къ деревянной постройкѣ весломъ, по которому можно различить полъ умершаго, такъ какъ мужское весло отличается по длинѣ и формѣ отъ женскаго. Почти совершенно такое же устройство представляютъ и могилы Вогуловъ, съ тѣмъ, повидимому, отличіемъ, что онѣ нѣсколько углублены въ землю, и что у лодки отпиливаются оба конца. По описанію Н. Л. Гондатти ¹²⁴⁾, «въ могилу, вырытую не глубже $\frac{3}{4}$ аршина и имѣющую бока, выложенные деревомъ или берестой, спускаютъ лодку, всего чаще однодеревку съ отпиленной кормой и носомъ, и сверху закрываютъ берестой или досками. Поверхъ этой ямы, на высотѣ одного или двухъ вершковъ отъ земли, дѣлается крышка, уплощенная и только слегка покатая на обѣ стороны; крышка эта состоитъ изъ ряда тонкихъ бревенъ, расположенныхъ продольно и покрытыхъ очень искусно сверху и снизу слоями бересты, и наконецъ, вершковъ на 6—8 отъ земли, возвышается еще крышка, устроенная совершенно подобно предыдущей. Такъ какъ покойника снабжаютъ всѣми вещами, то обыкновенно мелкія изъ нихъ кладутся во внутреннюю часть могилы и только болѣе крупныя, лыжи, и т. п., находятся на первой крышкѣ; сверху же могилы обыкновенно лежатъ опрокинутыя нарты, весла, оленій шестъ, иногда еще, но рѣдко, лодка. Иногда устраиваютъ, но не въ опредѣленные сроки, нѣчто въ родѣ поминокъ, причемъ въ отверстіе, оставленное въ верхнемъ срубѣ, кладутъ мясо, кости оленя, лошади, всыпаютъ табакъ, вливаютъ водку и т. д.» ¹²⁵⁾.

Въ предѣлахъ Европейской Россіи употребленіе лодки при погребеніи, въ прежнія эпохи, существовало, повидимому, не у однихъ Русовъ Ибнъ-Фадлана. Котляревскій видѣлъ слѣдъ этого обычая въ извѣстной легендѣ о великой княгинѣ Ольгѣ, приказавшей нести Древлянскихъ пословъ въ ладью и бросить ихъ, вмѣстѣ съ ладьею, въ заранѣе приготовленную яму, гдѣ они были затѣмъ похоронены заживо. Съ ладьею мы встрѣчаемся также въ житіи св. Бориса и Глѣба. Въ «Сказаніи» о нихъ говорится, между прочимъ: «убыену же бывшу Глѣбови и повержену на пустѣ мѣстѣ межю двѣма кладома», но надъ соотвѣтственной миниатюрой Сильвестровскаго списка прибавлено: «Святаго Глѣба положиша въ лѣсѣ межю двѣма кладома *подъ насадомъ*» (т. е. подъ лодкой). На миниатюрѣ дѣйствительно видно, что скутанное тѣло князя положено между двумя колодами и семь воиновъ варяговъ опрокидываютъ надъ нимъ, вверхъ дномъ,

¹²⁴⁾ Рукописное свѣдѣніе, доставленное мнѣ Н. Л. Гондатти.

¹²⁵⁾ Пользованіе ладьею при погребеніи существуетъ также на островѣ Мадагаскарѣ. У Сакалавовъ трупъ зашивается въ воловью кожу, крѣпко перевязывается и кладется въ лодку, оба конца которой отпиливаются и которая относится въ уединенное мѣсто на берегу моря. У другихъ племенъ умершіе хоронятся въ выдолбленныхъ колодахъ. *Sibree, Madagascar. L. 1881. S. 264 ff.*

ладью. Это прикрытіе ладью напоминаетъ соотвѣтственный обычай Эскимосовъ порта Кляренсъ, а погребеніе между колодами — нѣкоторые обычаи

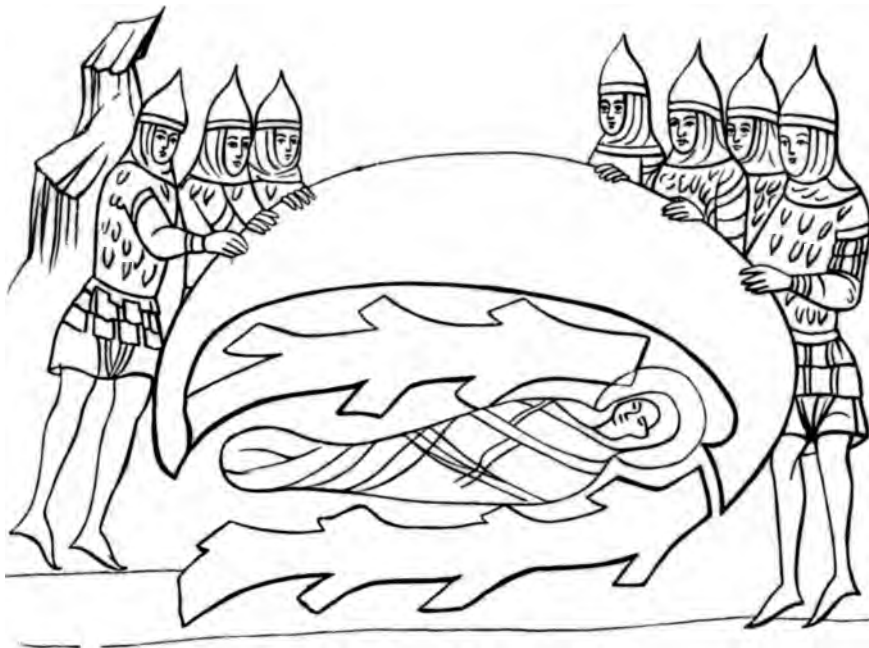

рис. XXXIX.

Копія съ миниатюры въ Сильвестровскомъ спискѣ Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ. Погребеніе св. Глѣба «между двѣма кладами, подъ насадомъ».

Алтайцевъ, Бурятъ и Моңголовъ. У Алтайцевъ, по словамъ Потанина, покойника кладутъ въ деревянный срубчикъ, а прежде просто клали на землю и закладывали колодами. (Въ старое же время устраивали для покойниковъ полаты на деревьяхъ, что дѣлается и теперь для умершихъ шамановъ). У Бурятъ Аларскаго вѣдомства, по словамъ его же, «трупъ отвозятъ въ лѣсъ; тамъ привалятъ двѣ колоды, одна подлѣ другой, на нихъ положить трупъ, одѣтый въ шубу и завернутый въ войлокъ, потомъ завалятъ хворостомъ и подожгутъ или оставятъ такъ»¹²⁶). Въ древнихъ курганахъ Европейской Россіи и Сибири, повидимому, не находили явственныхъ остатковъ большой ладьи, подобно тому, какъ въ описанныхъ выше Скандинавскихъ. Нѣкоторые слѣды погребенія въ ладью однакоже встрѣчаются; такъ гр. А. А. Бобринскій, описывая одну группу кургановъ, раскопанную имъ въ Кіевской губ., близъ мѣстечка Смѣлы, замѣчаетъ: «деревянные склепы въ могилахъ часто представляются, при обнаруженіи ихъ, въ видѣ большихъ корытъ или большихъ лодокъ». Въ другомъ случаѣ, при описаніи раскопки одного очень древняго кургана-майдана, гр. Бо-

¹²⁶) Потанинъ, Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи. Вып. IV. стр. 36 сл. — Древнее славянское племя Лютичей хоронило умершихъ въ лѣсахъ и заваливало могилы хворостомъ.

онѣ служатъ крышкою гроба. Около умершаго, въ лодку положены его вещи: ножъ, поясъ, трубка, кисеть съ табакомъ, котелокъ, мѣдныя кольца, бусы и другія украшенія, а на крышкѣ лодки, между нею и слоемъ бересты — или на послѣднемъ, подѣ наружной крышей, встрѣчается иногда лукъ, лыжи и другіе, болѣе крупныя предметы. Снаружи могила иногда обозначается еще приставленнымъ къ деревянной постройкѣ вѣсломъ, по которому можно различить полъ умершаго, такъ какъ мужское весло отличается по длинѣ и формѣ отъ женскаго. Почти совершенно такое же устройство представляютъ и могилы Вогуловъ, съ тѣмъ, повидимому, отличіемъ, что онѣ нѣсколько углублены въ землю, и что у лодки отпиливаются оба конца. По описанію Н. Л. Гондатти ¹²⁴⁾, «въ могилу, вырытую не глубже $\frac{3}{4}$ аршина и имѣющую бока, выложенные деревомъ или берестой, спускаютъ лодку, всего чаще однодеревку съ отпиленной кормой и носомъ, и сверху закрываютъ берестой или досками. Поверхъ этой ямы, на высотѣ одного или двухъ вершковъ отъ земли, дѣлается крышка, уплощенная и только слегка покатая на обѣ стороны; крышка эта состоитъ изъ ряда тонкихъ бревенъ, расположенныхъ продольно и покрытыхъ очень искусно сверху и снизу слоями бересты, и наконецъ, вершковъ на 6—8 отъ земли, возвышается еще крышка, устроенная совершенно подобно предыдущей. Такъ какъ покойника снабжаютъ всѣми вещами, то обыкновенно мелкія изъ нихъ кладутся во внутреннюю часть могилы и только болѣе крупныя, лыжи, и т. п., накладываются на первой крышкѣ; сверху же могилы обыкновенно лежатъ опрокинутыя нарты, весла, оленій шестъ, иногда еще, но рѣдко, лодка. Иногда устраиваютъ, но не въ опредѣленные сроки, нѣчто въ родѣ поминокъ, причемъ въ отверстіе, оставленное въ верхнемъ срубѣ, кладутъ мясо, кости оленя, лошади, всыпаютъ табакъ, вливаютъ водку и т. д.» ¹²⁵⁾.

Въ предѣлахъ Европейской Россіи употребленіе лодки при погребеніи, въ прежнія эпохи, существовало, повидимому, не у однихъ Русовъ Ибнъ-Фадлана. Котляревскій видѣлъ слѣдъ этого обычая въ извѣстной легендѣ о великой княгинѣ Ольгѣ, приказавшей нести Древлянскихъ пословъ въ ладью и бросить ихъ, вмѣстѣ съ ладьею, въ заранѣе приготовленную яму, гдѣ они были затѣмъ похоронены заживо. Съ ладьею мы встрѣчаемся также въ житіи св. Бориса и Глѣба. Въ «Сказаніи» о нихъ говорится, между прочимъ: «убиену же бывшу Глѣбови и повержену на пустѣ мѣстѣ межю двѣма кладома», но надъ соотвѣтственной миниатюрой Сильвестровскаго списка прибавлено: «Святаго Глѣба положиша въ лѣсѣ межю двѣма кладома *подъ насадомъ*» (т. е. подѣ лодкой). На миниатюрѣ дѣйствительно видно, что skutанное тѣло князя положено между двумя колодами и семь воиновъ варяговъ опрокидываютъ надъ нимъ, вверхъ дномъ,

¹²⁴⁾ Рукописное свѣдѣніе, доставленное мнѣ Н. Л. Гондатти.

¹²⁵⁾ Пользованіе ладьею при погребеніи существуетъ также на островѣ Мадагаскарѣ. У Сакалавовъ трупъ зашивается въ воловью кожу, крѣпко перевязывается и кладется въ лодку, оба конца которой отпиливаются и которая относится въ уединенное мѣсто на берегу моря. У другихъ племенъ умершіе хоронятся въ выдолбленныхъ колодахъ. *Sibree, Madagascar. L. 1881. S. 264 ff.*

корытообразно обрубка толстаго древеснаго ствола, который опускался въ землю съ его корою и отчасти подпирался и покрывался крупными камнями, по всей вѣроятности для болѣе прочнаго положенія крышки при насыпаніи могильной насыпи».

«На Ютландскомъ полуостровѣ, — продолжаетъ Линденшмидтъ, — въ Мекленбургѣ и въ Англии были находимы колоды (Tottenbäume) съ положенными при мертвыхъ предметами изъ кости, кремня и бронзы. Къ древнѣйшимъ изъ такихъ деревянныхъ гробовъ относятся найденные въ большихъ курганахъ Konghöi и Trenehöi, въ приходѣ Vandrup, близъ Кольдинга. Ихъ содержаніе, именно остатки шерстяныхъ одеждъ, шапокъ, бронзовые мечи въ деревянныхъ, подбитыхъ мѣхомъ ножнахъ, украшенія изъ золота и бронзы — были описаны Мадсенемъ, Монтелиусомъ и другими. Къ болѣе поздней эпохѣ относитъ Райтъ (Wright) — колоду, найденную близъ Гристорпа (Yorkshire), длиною въ 7 футовъ и шириною въ 3, въ которой лежалъ косякъ ростомъ въ 6 футовъ (онъ былъ нѣсколько согнутъ въ болѣе короткой выдолбинѣ), съ вещами, относящимися, повидимому, къ первымъ временамъ римскаго владычества въ странѣ ¹⁴⁰⁾. Другая колода, найденная близъ Great Driffield, заключала въ себѣ три скелета, изъ нихъ два — обращенные головами въ одну сторону, а третій — въ противоположную. Этотъ гробъ, длиною въ 6 и шириною въ 4 фута, отнесенъ также къ римской эпохѣ,

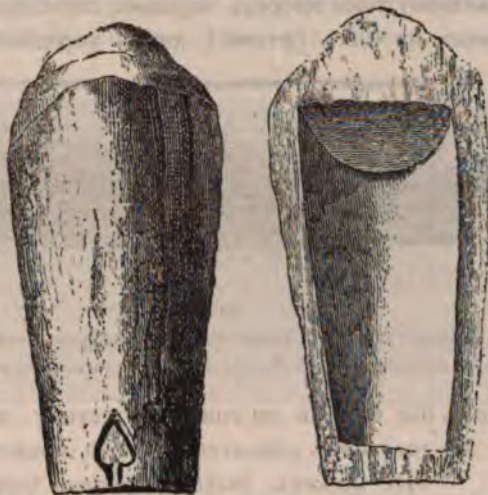

рис. XL.

Погребальная колода римской эпохи, найденная близъ Gristorpe (Yorkshire) въ Англии. Съ рисунка Линденшмидта.

тогда какъ группа изъ 13 другихъ, открытыхъ близъ Solby, приурочена къ позднѣйшему англосаксонскому періоду, къ IX и X вѣкамъ».

Наиболѣе наглядное представленіе объ этомъ старинномъ способѣ погребенія даютъ однако деревянные гробы Аллеманскихъ могилъ, благодаря ихъ хорошей сохранности и богатому содержимому, хотя послѣднее только отчасти носитъ на себѣ характеръ Меровингской эпохи, болѣею же частью относится къ Каролингскому періоду и даже, судя по сопровождающимъ ихъ монетамъ, къ послѣдующимъ Среднимъ вѣкамъ. Употребленіе древесныхъ стволовъ для помѣщенія въ нихъ труповъ было почти повсемѣстнымъ въ древней Швабии и даже теперь еще гробъ называется тамъ Tottenbaum. Ознакомленіемъ съ этими погребальными колодами мы обязаны въ особенности раскопкамъ В. Менцеля и Дюрриха, произведеннымъ въ

¹⁴⁰⁾ Lindenschmidt, Handbuch der deutschen Alterthumskunde, I. 121 — 122.

1846 году, на древнемъ кладбищѣ въ мѣстности Вааг, на горѣ Лупфенѣ. Большая часть гробовъ здѣсь была выдолблена изъ дубовыхъ стволовъ, и лишь немногіе изъ стволовъ грушеваго дерева. Всѣ они представляли обрубки естественныхъ стволовъ, расщепленные на двое вдоль и выдолбленные въ формѣ корытъ, послѣ чего половинки клались одна на другую, причемъ одна составляла крышку. Выдалбливались онѣ, очевидно, топоромъ, безъ помощи пилы, отчего и расщепъ на двѣ половинки часто неправиленъ. Большинство только очищено отъ коры и нѣсколько округлено, но не обтесано гранями или фасетками. На крышкахъ мужскихъ гробовъ ббльшею частью грубо выдолблено, рельефомъ, что то въ родѣ тѣла змѣи, оканчивающагося на обоихъ концахъ какъ бы головами, съ выдвинутыми впередъ мордами, служившими ручками для крыши, съ расщепомъ на нихъ (ртомъ), двумя торчащими вверхъ зубами и, собственно на

рис. XLI.

Дубовая колода (Tottenbaum) изъ древне-германскаго могильника на горѣ Лупфенѣ. Съ рисунка Линденшмидта.

головѣ, двумя рогами или ушами. Менцель видѣлъ въ этихъ грубыхъ рельефахъ — изображенія змѣи, тогда какъ Линденшмидтъ склоненъ видѣть въ нихъ скорѣе изображенія кабаньихъ головъ, тѣмъ болѣе, что соединяющее головы тѣло выказываетъ зарубки, — какъ бы намекъ на спинную щетину, и что изображеніе кабана считалось у Англосаксовъ спасительнымъ и предохранительнымъ символомъ».

«Не можетъ быть никакого сомнѣнія, заключаетъ Линденшмидтъ, что въ этихъ деревянныхъ колодахъ мы имѣемъ древній *navis* Салической Правды и *truncus* — позднѣйшихъ церковныхъ статутовъ. Было указано, что слово *navis*, *navus*, *navis* = *navis*, еще въ XVI вѣкѣ, въ формѣ *nav*, *nav* = *navire*, было въ употребленіи во Франціи ¹⁴¹⁾. Совпаденіе этого названія съ корытообразно выдолбленными древесными стволами подтверждаютъ вполнѣ тождественные маленькіе челноки Альпійскихъ озеръ, такъ наз. *Einbäume*, которые только въ наши дни были вытѣснены въ этой области лучшими типами лодокъ. Челноки такого простѣйшаго рода были находимы въ древнихъ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи, въ ложѣ Регница близъ Бамберга, на 16 футахъ глубины подъ дномъ рѣки и въ одномъ торфяномъ болотѣ близъ Ландсхута. Мы знаемъ изъ Плинія (*Hist. Nat.*

¹⁴¹⁾ Пикте, а за нимъ и многіе русскіе изслѣдователи сближали индоевропейскія названія судна, санск. *navis*, греч. *navis*, лат. *navis*, древне-нѣм. *navis* и т. д. съ славянскимъ словомъ «навъ» — мертвый, др. рус. «навье» и т. д., но въ настоящее время, повидимому, никто изъ лингвистовъ не повторяетъ стараго предположенія о родствѣ этихъ словъ между собою. *Navie*, латыш. *navis* — смерть, *navet* — убивать, могутъ быть сближены съ латышск. *navites* — мучиться, литов. діалект. *navut* — мучить, съ чешскимъ — *naviti* — утомить, измучить, русск. діал. *олавиться* устать, утомиться, обезсилѣть.

корытообразно обрубка толстаго древеснаго ствола, который опускался въ землю съ его корою и отчасти подпирался и покрывался крупными камнями, по всей вѣроятности для болѣе прочнаго положенія крышки при насыпаніи могильной насыпи».

«На Ютландскомъ полуостровѣ, — продолжаетъ Линденшмидтъ, — въ Мекленбургѣ и въ Англии были находимы колоды (Tottenbäume) съ положенными при мертвыхъ предметами изъ кости, кремня и бронзы. Къ древнѣйшимъ изъ такихъ деревянныхъ гробовъ относятся найденные въ большихъ курганахъ Konghöi и Treenhöi, въ приходѣ Vandrup, близъ Кольдинга. Ихъ содержаніе, именно остатки шерстяныхъ одеждъ, шапокъ, бронзовые мечи въ деревянныхъ, подбитыхъ мѣхомъ ножнахъ, украшенія изъ золота и бронзы — были описаны Мадсеномъ, Монтелиусомъ и другими. Къ болѣе поздней эпохѣ относятъ Райтъ (Wright) — колоду, найденную близъ Гросторпа (Yorkshire), длиною въ 7 футовъ и шириною въ 3, въ которой лежалъ скелетъ ростомъ въ 6 футовъ (онъ былъ нѣсколько согнутъ въ болѣе короткой выдолблѣ), съ вещами, относящимися, повидимому, къ первымъ временамъ римскаго владычества въ странѣ¹⁴⁰⁾. Другая колода, найденная близъ Great Driffield, заключала въ себѣ три скелета, изъ нихъ два — обращенные головами въ одну сторону, а третій — въ противоположную. Этотъ гробъ, длиною въ 6 и шириною въ 4 фута, отнесенъ также къ римской эпохѣ, тогда какъ группа изъ 13 другихъ, открытыхъ близъ Solby, приурочена къ позднѣйшему англосаксонскому періоду, къ IX и X вѣкамъ».

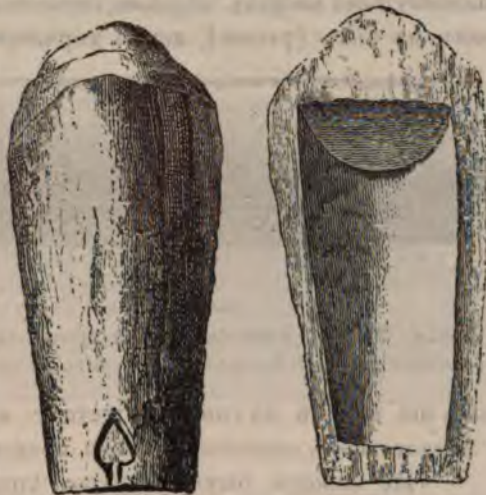

рис. XL.

Погребальная колода римской эпохи, найденная близъ Gristorpe (Yorkshire) въ Англии. Съ рисунка Линденшмидта.

Наиболѣе наглядное представленіе объ этомъ старинномъ способѣ погребенія даютъ однако деревянные гробы Аллеманскихъ могилъ, благодаря ихъ хорошей сохранности и богатому содержимому, хотя послѣднее только отчасти носитъ на себѣ характеръ Меровингской эпохи, болѣею же частью относится къ Каролингскому періоду и даже, судя по сопровождающимъ ихъ монетамъ, къ послѣдующимъ Среднимъ вѣкамъ. Употребленіе древесныхъ стволовъ для помѣщенія въ нихъ труповъ было почти повсемѣстнымъ въ древней Швабіи и даже теперь еще гробъ называется тамъ Tottenbaum. Ознакомленіемъ съ этими погребальными колодами мы обязаны въ особенности раскопкамъ В. Менцеля и Дюрриха, произведеннымъ въ

¹⁴⁰⁾ Lindenschmidt, Handbuch der deutschen Alterthumskunde, I. 121 — 122.

1846 году, на древнемъ кладбищѣ въ мѣстности Вааг, на горѣ Лупфенѣ. Большая часть гробовъ здѣсь была выдолблена изъ дубовыхъ стволовъ, и лишь немногіе изъ стволовъ грушеваго дерева. Всѣ они представляли обрубки естественныхъ стволовъ, расщепленные на двое вдоль и выдолбленные въ формѣ корытъ, послѣ чего половинки клялись одна на другую, причемъ одна составляла крышку. Выдолбливались онѣ, очевидно, топоромъ, безъ помощи пилы, отчего и расщепъ на двѣ половинки часто неправиленъ. Большинство только очищено отъ коры и нѣсколько округлено, но не обтесано гранями или фаяетками. На крышкахъ мужскихъ гробовъ ббльшею частью грубо выдолблено, рельефомъ, что то въ родѣ тѣла змѣи, оканчивающагося на обоихъ концахъ какъ бы головами, съ выдвинутыми впередъ мордами, служившими ручками для крыши, съ расщепомъ на нихъ (ртомъ), двумя торчащими вверхъ зубами и, собственно на

рис. ХLI.

Дубовая колода (Tottenbaum) изъ древне-германскаго могильника на горѣ Лупфенѣ. Съ рисунка Линденшмидта.

головѣ, двумя рогами или ушами. Менцель видѣлъ въ этихъ грубыхъ рельефахъ — изображенія змѣи, тогда какъ Линденшмидтъ склоненъ видѣть въ нихъ скорѣе изображенія кабаньихъ головъ, тѣмъ болѣе, что соединяющее головы тѣло выказываетъ зарубки, — какъ бы намекъ на спинную щетину, и что изображеніе кабана считалось у Англосаксовъ спасительнымъ и предохранительнымъ символомъ».

«Не можетъ быть никакого сомнѣнія, заключаетъ Линденшмидтъ, что въ этихъ деревянныхъ колодахъ мы имѣемъ древній *navis* Салической Правды и *truncus* — позднѣйшихъ церковныхъ статутовъ. Было указано, что слово *navis*, *navus*, *navis* = *navis*, еще въ XVI вѣкѣ, въ формѣ *nav*, *nav* = *navire*, было въ употребленіи во Франціи ¹⁴¹⁾. Совпаденіе этого названія съ корытообразно выдолбленными древесными стволами подтверждаютъ вполнѣ тождественные маленькіе челноки Альпійскихъ озеръ, такъ наз. *Einbäume*, которые только въ наши дни были вытѣснены въ этой области лучшими типами лодокъ. Челноки такого простѣйшаго рода были находимы въ древнихъ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи, въ ложѣ Регница близъ Бамберга, на 16 футахъ глубины подъ дномъ рѣки и въ одномъ торфяномъ болотѣ близъ Ландсхута. Мы знаемъ изъ Плинія (*Hist. Nat.*

¹⁴¹⁾ Пикте, а за нимъ и многіе русскіе изслѣдователи сближали индоевропейскія названія судна, санск. *navis*, греч. *navis*, лат. *navis*, древне-нѣм. *navis* и т. д. съ славянскимъ словомъ «навъ» — мертвый, др. рус. «навье» и т. д., но въ настоящее время, повидимому, никто изъ лингвистовъ не повторяетъ стараго предположенія о родствѣ этихъ словъ между собою. *Navie*, латыш. *navis* — смерть, *navet* — убивать, могутъ быть сближены съ латышск. *navites* — мучиться, литов. діалект. *navut* — мучить, съ чешскимъ — *naviti* — утомить, измучить, русск. діал. *navitsya* устать, утомиться, обезсилять.

Но, кромѣ того, употребленіе при похоронахъ ладьи могло имѣть еще и другой смыслъ. У многихъ народовъ существуетъ представленіе, что загробный міръ находится гдѣ-то на землѣ же, хотя и на значительномъ разстояніи, за горами, или за моремъ, или въ низовьяхъ длинной рѣки и т. под. Въ томъ случаѣ, когда путь туда идетъ по сушѣ, является забота облегчить прохожденіе его умершему обуваніемъ его въ сапоги, положеніемъ съ нимъ палки, умерщвленіемъ на его могилѣ коней или оленей, оставленіемъ саней, колесницы, или, какъ у нѣкоторыхъ Эскимосовъ, особенно по отношенію къ умершимъ дѣтямъ, — умерщвленіемъ собаки и положеніемъ въ могилу ея трупа или только головы, для того, чтобы духъ этой собаки служилъ проводникомъ на тотъ свѣтъ душѣ ребенка. Многіе народы раздѣляютъ однако воззрѣніе, что загробный міръ отдѣленъ отъ настоящаго водою, что онъ находится за предѣлами обширнаго моря. Такое воззрѣніе является особенно естественнымъ у народовъ, живущихъ на островахъ, и колонизовавшихъ ихъ съ другихъ острововъ или съ материка. Если у этихъ народовъ сохранилось, хотя бы смутное, преданіе о прибытіи ихъ предковъ изъ-за моря, они обыкновенно бываютъ склонны отсылать тѣни своихъ умершихъ также за море, къ тѣнямъ ихъ предковъ. Извѣстно, что Китайцы, выселяющіеся изъ Небесной имперіи въ Австралію, Америку и т. д., прилагаютъ заботы къ тому, чтобы тѣла ихъ послѣ смерти были доставлены для погребенія на родину, или, если это невозможно, то чтобы хоть какая нибудь вещь ихъ, бывшая у нихъ въ употребленіи, была доставлена ихъ родственникамъ въ Китай и тамъ явилась бы, такъ сказать, суррогатомъ ихъ души, для совершенія надъ нею похороннаго обряда. Полинезійцы, расселившіеся по разнымъ группамъ острововъ Великаго океана, повидимому, лишь нѣсколько столѣтій тому назадъ, и сохранившіе еще преданія о своихъ миграціяхъ, полагаютъ свой загробный міръ за моремъ, съ чѣмъ и стоитъ, очевидно, въ связи употребленіе на нѣкоторыхъ изъ этихъ острововъ ладьи для погребенія. На другихъ группахъ острововъ обычай этотъ однако уже вывелся, замѣнился просто погребеніемъ въ землѣ или выродился въ другой, съ перваго раза мало понятный. Такъ на нѣкоторыхъ Каролингскихъ островахъ (Мили), гдѣ умершіе завертываются въ циновки и погребаются въ землѣ, существуетъ обычай пускать послѣ того въ море миниатюрную лодочку съ парусомъ, нагруженную кусочками кокосоваго орѣха, для того «чтобы удержать въ отдаленіи мертвыхъ, которые иначе могутъ вернуться и причинить вредъ». По поводу этого обряда Герландъ замѣчаетъ, что онъ составляетъ очевидно, пережитокъ прежняго обычая, когда въ лодкѣ опускался въ море, къ острову блаженныхъ, самъ умершій. У Малайцевъ также распространено вѣрованіе, что дорога на тотъ свѣтъ ведетъ черезъ море, вслѣдствіе чего гробамъ здѣсь часто придается форма ладьи, или въ могилу кладутся маленькія модели лодочекъ.¹⁴⁴⁾ Любо-

¹⁴⁴⁾ Waitz-Gerland, Anthropologie, V. S. 152—153. На островахъ Фиджи былъ обычай, по смерти мужчины, особенно знатнаго, изготовлять лодку, которая получала его имя и должна была служить, такъ сказать, къ его прославленію. Лодка эта счита-

сходство между собою по своей формѣ, соответствующей формѣ древнегерманскаго черепа, именно долихокефалической, высокой, съ выдающимся затылкомъ, плоскими висками, вдавленнымъ переносемъ и сильно развитыми надбровными дугами у мужчинъ.

Въ предѣлахъ Россіи курганы съ колодами также не составляютъ рѣдкости; ихъ находили какъ на югѣ (напр. въ Кіевской, Волынской губ.), такъ и въ сѣверной половинѣ Россіи ¹⁴³⁾. Корсты, упоминаемыя въ лѣтописяхъ, были, очевидно, не что иное, какъ выдолбленныя колоды; онѣ продолжали употребляться и въ болѣе позднія эпохи, какъ ими пользуются еще мѣстами и теперь, особенно раскольники. Недавно, въ Москвѣ, при разчисткѣ фундамента старыхъ рядовъ на Красной площади, была найдена типичная дубовая колода съ костякомъ, относящаяся, повидимому, къ XVII или XVI вѣку. Позже однако колоды, можетъ быть вслѣдствіе ихъ тяжести и сравнительной дороговизны, уступили мѣсто болѣе легкимъ досчатымъ гробамъ, употреблявшимся въ Москвѣ уже во времена Олеарія. Сначала эти досчатые гробы имѣли, повидимому, форму простаго четырехугольнаго ящика съ плоской крышей, какъ и теперь еще во многихъ мѣстностяхъ Россіи, у простаго народа (также у Пермьковъ и др.), но уже во второй половинѣ XVII вѣка они получили въ Москвѣ ту форму, которую имѣютъ и въ настоящее время.

Пользованіе ладьею при погребеніи было вызвано, очевидно, не однимъ удобствомъ такого способа похоронъ. Многіе народы, имѣющіе лодки, не пользуются ими для погребенія и предпочитаютъ хоронить просто въ землѣ (безъ гроба или въ гробу), или на подмосткахъ, или сжигаютъ трупы и т. д. Притомъ объ удобствѣ можно говорить только въ томъ случаѣ, если ладья не велика, не длиннѣе роста человѣка, не широка и не тяжела; иначе пользованіе ладьею можетъ вызвать только лишнія затрудненія при ея переносѣ, зарытіи въ землю или выставленіи на столбахъ. Но мы знаемъ, что иногда брались ладьи большія, надъ которыми приходилось насыпать высокіе курганы, или длинныя лодки, которыя нужно было перепиливать на двое, или столь тяжелыя, что требовались значительныя усилія для ихъ поднятія. Очевидно, существовали еще другія причины, которыя заставляли включить ладью въ число существенныхъ атрибутовъ похоронъ. Одною изъ такихъ причинъ могла быть та же, какъ и по отношенію къ другимъ предметамъ бытовой обстановки покойника. Если ладья составляла собственность умершаго и была столь же необходима ему для добыванія средствъ къ существованію, какъ напримѣръ оружіе, лыжи и т. п., то на обязанности родственниковъ или односельцевъ лежало снабдить его въ могилѣ и этимъ средствомъ къ передвиженію, чтобы не причинить ему ущерба въ загробной жизни и не вызвать гнѣва на оставшихся.

¹⁴³⁾ Остатки колодъ были находимы въ Житомирскомъ Могильникѣ (Древлянскомъ); см. *Гатченко*, Житомирскій Могильникъ. 1880; — въ курганахъ близъ мѣст. Смѣлы (по гр. Бобринскому); въ курганахъ Московской и Тверской губерній и многихъ другихъ.

гробницы Вавилоніи, находимыя во множествѣ въ Варкѣ (Эрехъ Библии, Orchoe — Страбона), въ 30 миляхъ къ югу отъ Хиллія (др. Вавилона), также напоминаютъ во многомъ ладьи. Нужно замѣтить, что на Тигрѣ и Евфратѣ сообщеніе происходило, съ глубокой древности и до настоящаго времени, либо на плоткахъ, спускавшихся сверху, изъ лѣсистыхъ мѣстностей, на кожаныхъ мѣшкахъ (бурдюкахъ), либо въ обмазанныхъ асфальтомъ плетеныхъ (обыкновенно круглыхъ) корзинахъ. Сообразно съ этимъ, гробницы въ Варкѣ, сдѣланныя, за неимѣніемъ другого подходящаго матеріала, изъ глины, смѣшанной съ нарѣзанною соломой, и высушенныя затѣмъ на огнѣ (или на солнцѣ), представляютъ либо форму большихъ круглыхъ горшковъ, закрытыхъ плоскими крышками, либо овальныхъ блюдей, опрокинутыхъ на глиняныя подставки, либо — и всего чаще —

рис. XLIII.

Обмазанная асфальтомъ корзина, замѣняющая лодку на Тигрѣ.

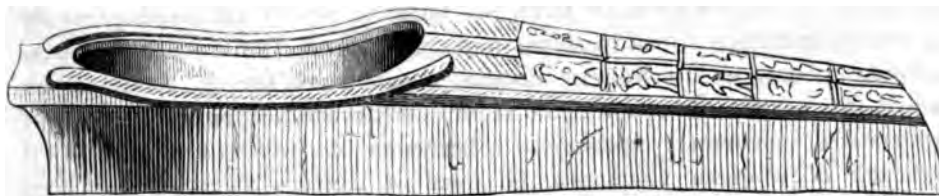

рис. XLIV.

Глиняная гробница изъ древняго могильника Варки, въ Вавилоніи. Съ рисунка Каулена.

саркофаговъ, имѣющихъ форму большой туфли, длиною въ 1 — 2,5 метра, съ овальнымъ отверстіемъ, занимающимъ $\frac{2}{3}$ туфли и закрывающимся соотвѣтственною овальною крышкою, которая при погребеніи плотно замазывалась по краямъ. Спеленатый трупъ вкладывался въ эту туфлю ногами впередъ, черезъ овальное отверстіе, такъ что крышка приходилась надъ лицомъ и грудью покойника. Снаружи гробъ и крышка украшались орнаментомъ, изображеніями человѣческихъ фигуръ, и покрывались обыкновенно голубою глазурью; въ ногахъ гроба оставлялось небольшое отверстіе — для выхода газовъ и жидкостей. Общій видъ гроба въ профиль представляетъ нѣкоторое сходство съ лодкой, при чемъ интересно, что орнаментъ (нарѣзки) вокругъ овальнаго отверстія напоминаетъ соотвѣтственный узоръ плетенья въ лодкѣ-корзинкѣ¹⁸⁰⁾.

¹⁸⁰⁾ Kaulen, Assyrien und Babylonien. 1885. S. 15 и S. 90 — 91. Относительно древности этихъ гробницъ существуютъ впрочемъ сомнѣнія. «Вавилонско-ассирійскій міръ гробовъ покуда совершенно скрытъ отъ насъ, такъ какъ не только могилы, найденныя въ Нимрудѣ, Куюнджикѣ и Хорсабадѣ, оказываются не ассирійскими, но и вавилонскіе могильники Mudheir, Warka и Tel-el-Lahm — представляются сомнительными въ отношеніи къ ихъ древности». См. A. Jeremias, «Die babylonisch-assyrischen Vorstellungen vom Leben nach dem Tode». 1887. S. 50.

Греки и Римляне также имѣли свою «рѣку смерти», Стиксъ или Ахеронъ, чрезъ которую душа могла переправиться только въ томъ случаѣ, когда надъ тѣломъ ея былъ исполненъ надлежащій похоронный обрядъ; иначе она продолжала долго бродить по сю сторону рѣки. Воззрѣніе, что душа можетъ попасть въ царство тѣней, только переправившись туда по водѣ, существуетъ и въ Германіи, гдѣ выраженіе «An den Rhein gehen» (идти до Рейна) еще въ XVI столѣтіи было равнозначительно понятію — «умереть», какъ и теперь еще выраженіе «absegeln» («отойти» на парусахъ отъ берега). Вѣрованіе въ «рѣку смерти» существуетъ также у современныхъ Грековъ, у Индѣйцевъ Америки, въ Индіи, у Буддистовъ въ Китаѣ и Японіи ¹⁵¹⁾, у нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ и въ другихъ странахъ ¹⁵²⁾.

Представленіе, что настоящій мѣръ отдѣленъ отъ загробнаго моремъ или рѣкой, не подразумеваетъ однако неизбѣжной необходимости снабжать умершаго лодкой. Умершій (или его духъ) можетъ быть доставленъ на тотъ свѣтъ особымъ перевозчикомъ, спеціально вѣдающимъ эту обязанность. Такой перевозчикъ, Харонъ, принимался у Грековъ и Римлянъ; вѣрованіе въ подобнаго лодочника существуетъ и у многихъ другихъ народовъ ¹⁵³⁾. Но перевозъ составляетъ извѣстный трудъ, требующій на семъ свѣтѣ нѣкотораго вознагражденія; и вотъ мы видимъ, что и для переправы на тотъ свѣтъ признается необходимою извѣстная плата. Греки клали въ ротъ покойнику оболъ и эта монета носила названіе вауловъ (т. е. плата за перевозъ въ лодкѣ). Въ гробницахъ Пантикапейскаго некрополя (въ Керчи) встрѣчаются различные предметы собственно погребальнаго обряда и житейской обстановки умершаго, но даже въ самыхъ бѣдныхъ могилахъ не отсутствуетъ мѣдная «монета Харона», полагавшаяся между зубовъ покойника. Къ Римлянамъ обычай этотъ перешелъ, какъ полагаютъ, отъ Грековъ; въ республиканскомъ Римѣ онъ былъ менѣе распространенъ, чѣмъ въ императорскую эпоху ¹⁵⁴⁾. Отъ Римлянъ онъ распространился, какъ

¹⁵¹⁾ У японскихъ буддистовъ существуетъ, по Кудрявскому (*Kudriaffsky*, Japan, S. 36) вѣрованіе въ загробную рѣку Сандзу, чрезъ которую перевозить души старуха, замѣняющая греческаго Харона.

¹⁵²⁾ Въ нашей народной поэзіи «бѣлодубовая колода» (гробъ) упоминается иногда вмѣсто лодки. Такъ объ одной полонянкѣ Марьѣ говорится:

Смотрить, плаваетъ на другой сторонѣ колода бѣлодубовая,
И взмолилась Марья той колодѣ бѣлодубовой;
Перевези меня черезъ быстру рѣку,
Да выйду на Святую Русь.

Марья Ляховидовна, въ оборотнѣ лебедя, плыветъ тоже въ колодѣ:

И по славныя по матушкѣ Пучай — рѣкѣ
Плыветъ та колода бѣлодубовая;
На этой колодѣ бѣлодубовой
Сидѣла на ней бѣлая лебедушка.

¹⁵³⁾ Маньзы (вогулы), по словамъ Гондатти, вѣрують, что души умершихъ гонятся на тотъ свѣтъ чрезъ тундры Куль Одыромъ, который переводитъ ихъ чрезъ воду въ огненной лодкѣ. Афанасьевъ упоминаетъ о перевозчикѣ душъ, Вазуѣ и Плавцѣ, и у Славянъ.

¹⁵⁴⁾ Древнѣйшія археологическія данныя, по словамъ Моммзена, относятся ко времени Пунической войны, хотя въ другихъ мѣстахъ Италіи, по Марквардту, они

думаютъ, къ Германцамъ, Бриттамъ, Славянамъ; монеты были находимы въ могилахъ Бриттовъ, Бургундовъ, Аллемановъ, Скандинавовъ, Славянъ, а также въ финскихъ и тюркскихъ курганахъ¹⁵⁵). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда находятъ по нѣскольку монетъ, положеніе ихъ въ могилу могло имѣть, правда, и другое значеніе, но тамъ, гдѣ встрѣчается лишь одна монета, и въ особенности около нижней челюсти или руки, вѣроятнѣе предполагать, что это была плата за перевозъ. Любопытно, что тотъ же обычай сохранился и теперь еще у многихъ народовъ. Фрезеръ приводитъ указаніе на существованіе его въ современной Греціи, Македоніи, Албаніи, въ Малой Азій, Италіи, Франціи, Германіи, въ Славянскихъ странахъ, Румыніи, въ Бирмѣ, въ странѣ Лаосъ, въ Китаѣ, у Индусовъ, у многихъ племенъ Южной Индіи (Тодовъ, Санталовъ и др.) и въ Юкатанѣ. Къ числу этихъ странъ и народовъ слѣдуетъ прибавить еще, нѣкоторыя племена Индѣйцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ и Южной Америкѣ и нѣкоторыя страны Африки, какъ-то: Мадагаскаръ, Багирми, племя Бакуба и др., у которыхъ, вмѣсто монетъ, полагаются замѣняющія ихъ раковинки каури¹⁵⁶). Въ предѣлахъ Россіи монеты кладутся еще въ нѣкоторыхъ

являются и значительно раньше. См. *Цвѣтаевъ* — Погребальныя обычаи древнихъ Римлянъ (оттискъ изъ «Русск. Вѣстника»), стр. 199. Отъ язычниковъ обычай положенія съ умершимъ монеты перешелъ и къ христіанамъ, какъ то доказываютъ многочисленныя находки монетъ въ римскихъ катакомбахъ (*Schultze, Die Katakomben. S. 210*). Мѣстами въ южной Италіи обычай этотъ сохранился и до настоящаго времени. Монеты были находимы въ германскихъ могилахъ, во Франціи, Англии, Германіи и Бельгіи. Въ Англии монеты продолжали класть до конца XVII в. (*Aubrey*), во Франціи и Германіи — и позже, даже до настоящаго времени.

¹⁵⁵) Въ большомъ Черниговскомъ курганѣ были найдены 1½ золотыхъ византійскихъ монеты; въ Смоленскомъ, въ Гнѣздовѣ, — диргема; въ Мерянскихъ курганахъ — восточныя монеты VIII — X вв. и западныя X — XI вв., а въ одномъ курганѣ у Большой Бремболы была найдена монета Константина Порфиророднаго въ зубахъ остова; въ Киевской и другихъ губерніяхъ Юго-западнаго края находили иногда при костяхъ римскіе денаріи первыхъ 3-хъ вѣковъ по Р. Х. и византійскіе солиды IV — V вв.; восточная монета XIV в. была найдена г. Кожевниковымъ въ курганѣ на берегу Дона, Острогожскаго уѣзда, Воронежской губерніи; обломокъ диргема X в. — г. Бранденбургомъ, въ одномъ финскомъ курганѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Сосниги въ Новгородской губерніи и т. д.

¹⁵⁶) У племени Таналовъ на Мадакарѣ, въ ротъ умершему кладутъ нѣсколько монетъ или кусочковъ серебра, *Sybre, l. c. S. 266*. Объ Индѣйцахъ см. у *Yarrow*, въ «First Report of Bureau of Ethnology» Wash. О племенахъ Африки и другихъ — *Andree, Die Totenmünze*, въ его «Ethnogr. Parallelen und Vergleiche» Neue Folge. L. 1889. S. 24 — 29. Обыкновенно монета кладется въ ротъ, у Румыновъ — въ руку или подъ подушку. По даннымъ, собраннымъ у Рогольца, въ Германіи, въ нынѣшнемъ столѣтїи, клали мѣстами по 6 грошей, мѣстами по 4; въ Тюрингинѣ достаточно было одного пфенига, въ верхнемъ Пфальцѣ требовалось — три. У Санталовъ Индіи кладется нѣсколько рупій — «для того, чтобы умершій могъ заплатить на томъ свѣтѣ». На островѣ Кефалоніи монеты полагались въ гробъ до конца прошлаго вѣка, на Закиноѣ — мелкая венеціанская мѣдная монета, *gasta*, клалась въ ротъ умершему еще въ началѣ нынѣшняго столѣтїя. На островѣ Наксосѣ сохранилось еще названіе *paulon*, но оно прилагается уже не къ монетѣ, а къ восковому кресту, полагаемому на ротъ покойника. У Албанцевъ еще продолжаютъ класть умершему въ ротъ мелкую монету. — О поло-

Греки и Римляне также имѣли свою «рѣку смерти», Стиксъ или Ахеронъ, чрезъ которую душа могла переправиться только въ томъ случаѣ, когда надъ тѣломъ ея былъ исполненъ надлежащій похоронный обрядъ; иначе она продолжала долго бродить по сю сторону рѣки. Возрѣніе, что душа можетъ попасть въ царство тѣней, только переправившись туда по водѣ, существуетъ и въ Германіи, гдѣ выраженіе «An den Rhein gehen» (идти до Рейна) еще въ XVI столѣтіи было равнозначительно понятію — «умереть», какъ и теперь еще выраженіе «absegeln» («отойти» на парусахъ отъ берега). Вѣрованіе въ «рѣку смерти» существуетъ также у современныхъ Грековъ, у Индѣйцевъ Америки, въ Индіи, у Буддистовъ въ Китаѣ и Японіи ¹⁵¹⁾, у нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ и въ другихъ странахъ ¹⁵²⁾.

Представленіе, что настоящій міръ отдѣленъ отъ загробнаго моремъ или рѣкой, не подразумеваетъ однако неизбѣжной необходимости снабжать умершаго лодкой. Умершій (или его духъ) можетъ быть доставленъ на тотъ свѣтъ особымъ перевозчикомъ, специально вѣдающимъ эту обязанность. Такой перевозчикъ, Харонъ, принимался у Грековъ и Римлянъ; вѣрованіе въ подобнаго лодочника существуетъ и у многихъ другихъ народовъ ¹⁵³⁾. Но перевозъ составляетъ извѣстный трудъ, требующій на семъ свѣтѣ нѣкотораго вознагражденія; и вотъ мы видимъ, что и для переправы на тотъ свѣтъ признается необходимою извѣстная плата. Греки клали въ ротъ покойнику оболъ и эта монета носила названіе вауловъ (т. е. плата за перевозъ въ лодкѣ). Въ гробницахъ Пантикапейскаго некрополя (въ Керчи) встрѣчаются различные предметы собственно погребальнаго обряда и житейской обстановки умершаго, но даже въ самыхъ бѣдныхъ могилахъ не отсутствуетъ мѣдная «монета Харона», полагавшаяся между зубовъ покойника. Къ Римлянамъ обычай этотъ перешелъ, какъ полагаютъ, отъ Грековъ; въ республиканскомъ Римѣ онъ былъ менѣе распространенъ, чѣмъ въ императорскую эпоху ¹⁵⁴⁾. Отъ Римлянъ онъ распространился, какъ

¹⁵¹⁾ У японскихъ буддистовъ существуетъ, по Кудрявскому (*Kudriaffsky*, Japan, S. 36) вѣрованіе въ загробную рѣку Сандзу, чрезъ которую перевозить души старуха, замѣняющая греческаго Харона.

¹⁵²⁾ Въ нашей народной поэзіи «бѣлодубовая колода» (гробъ) упоминается иногда вмѣсто лодки. Такъ объ одной полонянкѣ Марьѣ говорится:

Смотрить, плаваетъ на другой сторонѣ колода бѣлодубовая,
И взмолилась Марья той колодѣ бѣлодубовой;
Перевези меня черезъ быстру рѣку,
Да выйду на Святую Русь.

Марья Лиховидовна, въ оборотнѣ лебедя, плыветъ тоже въ колодѣ:

И по славныя по матушкѣ Пучай — рѣкѣ
Плыветъ та колода бѣлодубовая;
На этой колодѣ бѣлодубовой
Сидѣла на ней бѣлая лебедушка.

¹⁵³⁾ Маньзы (вогулы), по словамъ Гондатти, вѣрують, что души умершихъ гонятся на тотъ свѣтъ черезъ тундры Куль Одыромъ, который переводитъ ихъ чрезъ воду въ огненной лодкѣ. Афанасьевъ упоминаетъ о перевозчикѣ душъ, Возуѣ и Плавцѣ, и у Славянъ.

¹⁵⁴⁾ Древнѣйшія археологическія данныя, по словамъ Моммзена, относятся ко времени Пунической войны, хотя въ другихъ мѣстахъ Италіи, по Марквардту, они

думаютъ, къ Германцамъ, Бриттамъ, Славянамъ; монеты были находимы въ могилахъ Бриттовъ, Бургундовъ, Аллемановъ, Скандинавовъ, Славянъ, а также въ финскихъ и тюркскихъ курганахъ ¹⁵⁵). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда находятъ по нѣскольку монетъ, положеніе ихъ въ могилу могло имѣть, правда, и другое значеніе, но тамъ, гдѣ встрѣчается лишь одна монета, и въ особенности около нижней челюсти или руки, вѣроятнѣе предполагать, что это была плата за перевозъ. Любопытно, что тотъ же обычай сохранился и теперь еще у многихъ народовъ. Фрэзеръ приводитъ указаніе на существованіе его въ современной Греціи, Македоніи, Албаніи, въ Малой Азій, Италіи, Франціи, Германіи, въ Славянскихъ странахъ, Румыніи, въ Бирмѣ, въ странѣ Лаосъ, въ Китаѣ, у Индусовъ, у многихъ племенъ Южной Индіи (Тодовъ, Санталовъ и др.) и въ Юкатанѣ. Къ числу этихъ странъ и народовъ слѣдуетъ прибавить еще, нѣкоторыя племена Индѣйцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ и Южной Америкѣ и нѣкоторыя страны Африки, какъ-то: Мадагаскаръ, Багирми, племя Бакуба и др., у которыхъ, вмѣсто монетъ, полагаются замѣняющія ихъ раковинки каури ¹⁵⁶). Въ предѣлахъ Россіи монеты кладутся еще въ нѣкоторыхъ

являются и значительно раньше. См. *Цыбаевъ* — Погребальные обычай древнихъ Римлянъ (оттискъ изъ «Русск. Вѣстника»), стр. 199. Отъ язычниковъ обычай положенія съ умершимъ монеты перешелъ и къ христіанамъ, какъ то доказываютъ многочисленныя находки монетъ въ римскихъ катакомбахъ (*Schultze, Die Katakomben. S. 210*). Мѣстами въ южной Италіи обычай этотъ сохранился и до настоящаго времени. Монеты были находимы въ германскихъ могилахъ, во Франціи, Англии, Германіи и Бельгіи. Въ Англии монеты продолжали класть до конца XVII в. (*Aubrey*), во Франціи и Германіи — и позже, даже до настоящаго времени.

¹⁵⁵) Въ большомъ Черниговскомъ курганѣ были найдены $1\frac{1}{2}$ золотыхъ византійскихъ монеты; въ Смоленскомъ, въ Гнѣздовѣ, — диргеми; въ Мерянскихъ курганахъ — восточныя монеты VIII — X вв. и западныя X — XI вв., а въ одномъ курганѣ у Большой Бремболы была найдена монета Константина Порфиророднаго въ зубахъ остова; въ Киевской и другихъ губерніяхъ Юго-западнаго края находили иногда при костяхъ римскіе денаріи первыхъ 3-хъ вѣковъ по Р. Х. и византійскіе солиды IV — V вв.; восточная монета XIV в. была найдена г. Кожевниковымъ въ курганѣ на берегу Дона, Острогжскаго уѣзда, Воронежской губерніи; обломокъ диргема X в. — г. Бранденбургомъ, въ одномъ финскомъ курганѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Сосниги въ Новгородской губерніи и т. д.

¹⁵⁶) У племени Таналовъ на Мадакарѣ, въ ротъ умершему кладутъ нѣсколько монетъ или кусочковъ серебра, *Sybree, l. c. S. 266*. Объ Индѣйцахъ см. у *Yarrow*, въ «First Report of Bureau of Ethnology» Wash. О племенахъ Африки и другихъ — *Andree, Die Totenmünze*, въ его «Ethnogr. Parallelen und Vergleiche» Neue Folge. L. 1889. S. 24 — 29. Обыкновенно монета кладется въ ротъ, у Румыновъ — въ руку или подъ подушку. По даннымъ, собраннымъ у Рогхольца, въ Германіи, въ нынѣшнемъ столѣтіи, клали мѣстами по 6 грошей, мѣстами по 4; въ Тюрингіи достаточно было одного лфенига, въ верхнемъ Пфальцѣ требовалось — три. У Санталовъ Индіи кладется нѣсколько рупій — «для того, чтобы умершій могъ заплатить на томъ свѣтѣ». На островѣ Кефалоніи монеты полагались въ гробъ до конца прошлаго вѣка, на Закиноѣ — мелкая венеціанская мѣдная монета, *gasta*, клалась въ ротъ умершему еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. На островѣ Наксосѣ сохранилось еще названіе *paulon*, но оно прилагается уже не къ монетѣ, а къ восковому кресту, полагаемому на ротъ покойника. У Албанцевъ еще продолжаютъ класть умершему въ ротъ мелкую монету. — О поло-

племена какъ Сѣверной, такъ и Южной Америки, стали, по обстановкѣ своего быта, настоящими конными народами. У этихъ племенъ лошадь получила скоро участіе и въ похоронномъ обрядѣ, и притомъ ею стали пользоваться не только для отвезенія покойника на кладбище, но и для убіенія на его могилѣ, для погребенія вмѣстѣ съ умершимъ или — для похоронной тризны. Любопытно, что у какихъ-нибудь Команчей, Апашей, Патагонцевъ—похоронные обряды сложились скоро въ такомъ видѣ, что стали отчасти напоминать соотвѣтственные обряды многихъ конныхъ народовъ древности, какъ напримѣръ Скиѳовъ, Половцевъ и другихъ.

Пользованіе конями при погребеніи выражается, прежде всего, въ отвезеніи съ ихъ помощью умершихъ до могилы — на саняхъ, телѣгахъ, дрогахъ и т. п. Мы видѣли однако, что у нѣкоторыхъ народовъ (въ томъ числѣ — Малороссовъ) стараются избѣгать въ этомъ случаѣ лошадей и предпочитаютъ пользоваться волами или относить на рукахъ. У Русскихъ нѣкоторыхъ частей Галиціи покойника везутъ или на волахъ, или на коняхъ но никогда — на кобылахъ, такъ какъ существуетъ повѣрье, что послѣднія будутъ послѣ того неплодны. Любопытно, что у Хорватовъ есть обычай везти покойника не на своихъ, но на чужихъ коняхъ, сосѣдскихъ, «ибо покойникъ можетъ взять съ собою въ могилу свою собственность». У Словаковъ, мѣстами, возятъ умершихъ также исключительно на волахъ, запрягая по пяти, шести и до десяти паръ ихъ, причемъ волы эти доставляются прибывшими на похороны¹⁵⁹). Такой обычай пользованія не своими, а чужими конями (или волами) возникъ, вѣроятно, вслѣдствіе того, что «свои» кони должны были въ прежнее время убиваться по смерти ихъ хозяина и полагаться въ его могилу (или мясо ихъ должно было служить для похоронной тризны). Когда же, впослѣдствіи, обыкновеніе это было, мало-по-малу, оставлено, т. е. лошадей не стали убивать, то все-таки сознание, что умершій можетъ (имѣетъ право) претендовать, такъ сказать, на свою собственность, въ томъ числѣ и на лошадь, которая отвозитъ его на кладбище, продолжало существовать и вызвало нѣкоторое ухищреніе, именно употребленіе чужихъ коней, на которыхъ умершій уже не могъ заявлять претензіи¹⁶⁰). Замѣтимъ еще, что у нѣкоторыхъ конныхъ народовъ покойникъ отвозится не на повозкѣ, а непосредственно на лошади, причемъ его, въ закутанномъ видѣ, привязываютъ, къ ней, какъ выюкъ. Такъ, у племени Команчей Индѣйской территоріи (Indian Territory, Wichita Agency) и у Los Pinos Колорадо умершій приводится въ скорченное, съ поджатыми къ груди колѣнками, положеніе, завертывается

¹⁵⁹) *Котляревскій*, О погребальныхъ обычаяхъ Славянъ, стр. 222. Относительно Словаковъ — *Dobšinský*, *Obyčaje, poveru a hry Slovenské*. 1880, 109; «Do zářahu dal každý pribuzný svojich pár voliv a viedol si jich ticho za rohy lebo za jarmo».

¹⁶⁰) У Индѣйцевъ Los Pinos, въ Колорадо, по смерти хозяина всѣ его лошади и скотъ должны быть убиты, а вигямы, одежды и проч. сожжены, но въ настоящее время обыкновенно старики еще при жизни раздають свою собственность сыновьямъ, оставляя себѣ только самое необходимое, въ томъ числѣ одну лошадь, которая и застрѣливается на могилѣ при похоронахъ.

въ нѣсколько одѣяль, крѣпко перевязывается и въ такомъ видѣ помѣщается, какъ вьюкъ, на сѣдло лошади, которая и отвозитъ его на кладбище, причемъ ѣдущія верхомъ женщины поддерживаютъ трупъ¹⁶¹⁾. Подобнымъ же образомъ поступали, повидимому, многіе Тюркскіе и Монгольскіе народы, только не приводя умершаго въ согнутое или скорченное положеніе. У Башкировъ, напрямѣрь, по описанію Георги, «мертвое тѣло, привязанное къ доскамъ, виситъ промежъ двухъ лошадей; могильщики и мулла ѣдутъ верхомъ впереди, а соболѣзнующіе друзья и пріятели позади, также верхомъ, на хорошихъ лошадяхъ»¹⁶²⁾. У нѣкоторыхъ народовъ самого умершаго, въ парадномъ костюмѣ, сажаютъ верхомъ на коня и въ такомъ видѣ отвозятъ на мѣсто погребенія. Подобная церемонія устраивается иногда Индѣйцами, а въ древнія времена, судя по даннымъ раскопокъ и другимъ свидѣтельствамъ (о которыхъ будетъ сказано далѣе), совершалась иногда и у нѣкоторыхъ племенъ, жившихъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи¹⁶³⁾.

Привезя умершаго на кладбище, его хоронили съ извѣстной обстановкой (оружіемъ, посудой, пищею и т. д.), причемъ, въ случаѣ доставленія на саняхъ, оставляли и послѣднія (иногда зарывали и колесницу), а равно убивали часто и лошадь, привезшую покойника или принадлежавшую ему. Самоѣды, Чукчи и другіе сѣверные инородцы поступаютъ подобнымъ образомъ и теперь, убивая на могилѣ оленей и оставляя тутъ-же сани, на которыхъ былъ привезенъ умершій¹⁶⁴⁾. У Алтайцевъ, въ случаѣ смерти состоятельнаго лица, на могилѣ его и теперь еще закалывается лошадь; то же дѣлалось прежде и у Монголовъ, которые убивали верблюдовъ и лошадей, при погребеніи ихъ хозяина, но теперь, подъ вліяніемъ буддизма, лошадь съ сѣдломъ обыкновенно дарится ламамъ¹⁶⁵⁾. По словамъ Потанина, «прежде Аларскіе Буряты при похоронахъ убивали лошадь; этотъ обычай въ Аларскомъ вѣдомствѣ уничтожили ламы; они настояди, чтобы лошадь поступала въ дацанъ. Нынѣ, когда вліяніе ламства въ Аларскомъ

¹⁶¹⁾ Yarrow, Mortuary Customs etc. въ «First Report of the Bureau of Ethnology». Wash. 1881.

¹⁶²⁾ Георги, Описаніе народовъ II, стр. 107.

¹⁶³⁾ Писатель XVI в., Менецій («De sacrificiis et ydolatria veterum Borussiae, Livonum, aliarumque vicinarum gentium») говоритъ, что у нѣкоторыхъ народовъ Литвы (по Котляревскому — Русскихъ), покойника, одѣтаго и обутаго, сажали верхомъ на сѣдло, оплакивали (причитали) и за тѣмъ везли на кладбище, причемъ провожатые ѣхали верхомъ, махая во всѣ стороны мечами и прогоняя тѣмъ злыхъ духовъ. (Это прогнаніе злыхъ духовъ при похоронномъ шествіи соблюдается и многими другими народами). Котляревскій (стр. 149) полагаетъ, что выраженіе «на сѣдло» (super sellam) можно понимать такъ, что сажали на лошадь, но далѣе у Менеція сказано: cum ad sepultura effertur cadaver, plerique in equis funus prosequuntur, et currum obequitant quo cadaver vehitur; eductisque gladiis и проч., слѣдовательно покойника на кладбище везли на повозкѣ.

¹⁶⁴⁾ У Приамурскихъ Гиляковъ, подвергающихъ умершихъ сожженію, при похоронахъ убивается собака, которая и съѣдается, у богатыхъ даже нѣсколько собакъ, у бѣдныхъ же обыкновенно только сжигается нарта (вмѣстѣ съ трупомъ), а собаки сохраняются наслѣдниками. См. Зеландъ, О Гилякахъ въ «Изв. Общ. Люб. Ест. Т. 49. В. 3.

¹⁶⁵⁾ Тэйлоръ, Первобытная культура, рус. пер. II, 51.

вѣдомствѣ подорвано полицейскими мѣрами, шаманисты лошадь только отводятъ въ лѣсъ и оставляютъ подлѣ покойника; если похороны происходили зимой и лошадь не останется въ лѣсу, а прибѣжитъ къ своему двору, ее не пускаютъ во дворъ, отгоняютъ прочь и наконецъ отводятъ къ Русскимъ на продажу. Этой лошади Буряты боятся, какъ и самого покойника. Въ Балаганскомъ вѣдомствѣ убіеніе лошади еще сохранилось¹⁶⁶⁾. У нерчинскихъ Тунгузовъ тоже хоронилась съ умершимъ лошадь или на могилу вѣшалась ее кожа, а мясо служило для похоронной тризны¹⁶⁷⁾. Закаланіе надъ могилой лошадей практиковалось многими Финскими и Тюркскими племенами, какъ то доказываютъ находки въ древнихъ финскихъ и тюркскихъ курганахъ, а равно слѣды того же обычая у нѣкоторыхъ современныхъ Финскихъ и Тюркскихъ народовъ, какъ напримѣръ у Черемисъ и Чувашей¹⁶⁸⁾. Среди американскихъ Индійцевъ обычай убиванія лошадей сохранился мѣстами еще во всей своей силѣ. На могилѣ Тегуельча убиваются всѣ его лошади, собаки и другія животныя, складываются въ кучу его пончо (плащи), украшенія, боласъ, посуда и все это подвергается сожженію¹⁶⁹⁾. Лошадь воина изъ племени Пауни убивается на его могилѣ, чтобы быть готовой, когда онъ вздумаетъ сѣсть на нее. У Команчей, по Скулькрафту, вмѣстѣ съ умершимъ хоронились его любимыя лошади, любимое оружіе и трубки, чтобы онѣ могли служить ему въ далекихъ блаженныхъ мѣстахъ охоты¹⁷⁰⁾. Въ настоящее время, по Yarrow, у Команчей Индѣйской территоріи убивается обыкновенно только одна, лучшая лошадь, но еще недавно, какъ слышалъ д-ръ Гивенъ, при похоронахъ одного вождя было убито (застрѣлено) до 70 лошадей, а въ прежнія времена, по рассказамъ стариковъ, убивали при погребеніи вождей до 200 и даже до 300 лошадей¹⁷¹⁾. У племени Kiowas, погреба-

¹⁶⁶⁾ *Потанинъ*, Очерки Сѣверо-Запад. Монголіи. Вып. IV, стр. 36 — 37.

¹⁶⁷⁾ *Georgi*, Bemerkungen einer Reise I. S. 266; *Hiekisch*, Die Tungusen. 1879 S. 97.

¹⁶⁸⁾ *Миллеръ* («Описаніе языческихъ народовъ» и проч., стр. 79) говорятъ, что въ случаѣ смерти знатнаго Черемсинина, въ честь его закалалась и сѣдалась лошадь, на которой онъ ѣздилъ. Закланію предшествовала слѣдующая церемонія: въ землю вколачивали двѣ палки, между ними протягивали нитку со вздѣтымъ на нее кольцомъ; молодые родственники стрѣляли одинъ за другимъ въ кольцо изъ лука: кто попадалъ, бралъ любимую лошадь покойника и трижды вскачь ѣздилъ на ней на могилу умершаго. Потомъ лошадь кололи — Черемисы на дому, Чуваши на кладбищѣ. Въ Пермской губерніи этотъ обычай сохранился до сихъ поръ, но имѣетъ уже мѣсто въ 40-ой день. Надрѣзанная кожа съѣденной лошади развѣшивается здѣсь надъ могилой умершаго. См. *Смирновъ*, Черемисы. 1889. Стр. 147.

¹⁶⁹⁾ *Ratzel*, Völkerkunde. II. S. 708.

¹⁷⁰⁾ *Тэйлоръ*, II. 50, на основаніи данныхъ *Schoolcraft*, Indian Tribes.

¹⁷¹⁾ *Yarrow*, I. с. У Команчей, живущихъ вблизи мексиканской границы, обычай этотъ теперь уже вывелся. Они уже не убиваютъ лошадей при похоронахъ, и покойникъ уже не везется на лошади, какъ влокъ, а помѣщается на телѣжку, запряженную двумя мулами. Причитанія и «лицскроеніе» однако еще существуетъ, такъ же какъ и обмазываніе лица умершаго красною краскою. См. *Ten-Kate*, Notes ethnogr. sur les Comanches, въ «Revue d'Ethnographie». IV. 1885.

въ нѣсколько одѣяль, крѣпко перевязывается и въ такомъ видѣ помѣщается, какъ вьюкъ, на сѣдло лошади, которая и отвозитъ его на кладбище, причемъ ѣдущія верхомъ женщины поддерживаютъ трупъ¹⁶¹). Подобнымъ же образомъ поступали, повидимому, многіе Тюркскіе и Монгольскіе народы, только не приводя умершаго въ согнутое или скорченное положеніе. У Башкировъ, напримѣръ, по описанію Георги, «мертвое тѣло, привязанное къ доскамъ, виситъ промежъ двухъ лошадей; могильщики и мулла ѣдутъ верхомъ впереди, а соболѣзнующіе друзья и пріятели позади, также верхомъ, на хорошихъ лошадяхъ»¹⁶²). У нѣкоторыхъ народовъ самого умершаго, въ парадномъ костюмѣ, сажаютъ верхомъ на коня и въ такомъ видѣ отвозятъ на мѣсто погребенія. Подобная церемонія устраивается иногда Индѣйцами, а въ древнія времена, судя по даннымъ раскопокъ и другимъ свидѣтельствамъ (о которыхъ будетъ сказано далѣе), совершалась иногда и у нѣкоторыхъ племенъ, жившихъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи¹⁶³).

Привезя умершаго на кладбище, его хоронили съ извѣстной обстановкой (оружіемъ, посудой, пищею и т. д.), причемъ, въ случаѣ доставленія на саняхъ, оставляли и послѣднія (иногда зарывали и колесницу), а равно убивали часто и лошадь, привезшую покойника или принадлежавшую ему. Самоѣды, Чукчи и другіе сѣверные инородцы поступаютъ подобнымъ образомъ и теперь, убивая на могилѣ оленей и оставляя тутъ-же сани, на которыхъ былъ привезенъ умершій¹⁶⁴). У Алтайцевъ, въ случаѣ смерти состоятельнаго лица, на могилѣ его и теперь еще закалывается лошадь; то же дѣлалось прежде и у Монголовъ, которые убивали верблюдовъ и лошадей, при погребеніи ихъ хозяина, но теперь, подъ вліяніемъ буддизма, лошадь съ сѣдломъ обыкновенно дарится ламамъ¹⁶⁵). По словамъ Потанина, «прежде Аларскіе Буряты при похоронахъ убивали лошадь; этотъ обычай въ Аларскомъ вѣдомствѣ уничтожили ламы; они настояди, чтобы лошадь поступала въ дацанъ. Нынѣ, когда вліяніе ламства въ Аларскомъ

¹⁶¹) Yarrow, Mortuary Customs etc. въ «First Report of the Bureau of Ethnology». Wash. 1881.

¹⁶²) Георги, Описаніе народовъ II, стр. 107.

¹⁶³) Писатель XVI в., Менецій («De sacrificiis et ydolatria veterum Borussiae, Livonum, aliarumque vicinarum gentium») говоритъ, что у нѣкоторыхъ народовъ Литвы (по Котляревскому — Русскихъ), покойника, одѣтаго и обутаго, сажали верхомъ на сѣдло, оплакивали (причитали) и за тѣмъ везли на кладбище, причемъ провожатые ѣхали верхомъ, махая во всѣ стороны мечами и прогоняя тѣмъ злыхъ духовъ. (Это прогнаніе злыхъ духовъ при похоронномъ шествіи соблюдается и многими другими народами). Котляревскій (стр. 149) полагаетъ, что выраженіе «на сѣдло» (*super sellam*) можно понимать такъ, что сажали на лошадь, но далѣе у Менеція сказано: *cum ad sepultura effertur cadaver, plerique in equis funus prosequuntur, et currum obequitant quo cadaver vehitur; e ductisque gladiis* и проч., слѣдовательно покойника на кладбище везли на повозкѣ.

¹⁶⁴) У Приамурскихъ Гиляковъ, подвергающихъ умершихъ сожженію, при похоронахъ убивается собака, которая и съѣдается, у богатыхъ даже нѣсколько собакъ, у бѣдныхъ же обыкновенно только сжигается нарта (вмѣстѣ съ трупомъ), а собаки сохраняются наследниками. См. Зеландъ, О Гилякахъ въ «Изв. Общ. Люб. Ест. Т. 49. В. 3.

¹⁶⁵) Тэйлоръ, Первобытная культура, рус. пер. II, 51.

тельной трубкой, табачнымъ кисетомъ, огнивомъ, кремнемъ, трупомъ, амулетами и украшеніями у шеи и пояса, со скальпами убитыхъ враговъ на поводьяхъ коня, съ копьемъ въ рукѣ и съ орлиными перьями на головѣ. Когда шаманы произнесли свои заклинанія, каждый воинъ племени, вымазавъ правую свою ладонь и пальцы красною охрою, приложилъ ихъ къ тѣлу бѣлаго коня и отпечаталъ на немъ ихъ изображеніе. Послѣ этого воины стали вырѣзывать куски дерна и обкладывать глыбами земли—ноги смиренно стоявшаго коня, накладывая все выше и выше, покуда не была завалена вся лошадь съ посаженнымъ на ней вождемъ и не скрылись наконецъ даже высоко торчавшія на головѣ его перья. Въ концѣ концовъ образовался высокій насыпной холмъ, на вершинѣ котораго былъ водруженъ кедровый столбъ. Поросшій зеленою и цвѣтами, холмъ этотъ долго послѣ того служилъ цѣлью многочисленныхъ посѣщеній какъ Индѣйцевъ, приходившихъ поклониться могилѣ своего вождя, такъ и бѣлыхъ, стремившихся полюбоваться обширнымъ, открывавшимся оттуда видомъ.

Тотъ же способъ погребенія верхомъ на конѣ практиковался иногда и въ Европѣ, какъ то доказываютъ нѣкоторыя преданія и нѣкоторыя находки въ курганахъ. Испанскій герой Сидъ былъ похороненъ, по преданію, верхомъ на своемъ боевомъ конѣ, Бабіекѣ, и съ своимъ вѣрнымъ мечемъ, Тизоной, въ рукахъ, какъ-бы вѣчно готовый драться съ невѣрными ¹⁷⁴). Нашъ сказочный богатырь, Потокъ Михаилъ Ивановичъ, по смерти жены, велѣлъ себя похоронить заживо на своемъ конѣ:

А и тутъ стали могилу копать,
Выкопали могилу глубокую и великую,
Глубиною, шириною по двадцати сажень....
И тутъ Потокъ Михаилъ Ивановичъ
Съ конемъ и збруею ратною
Опустился въ тоежь могилу глубокую,
И заворочали потолкомъ дубовымъ
И засыпали песками желтыми ¹⁷⁵).

привязаннымъ за веревку къ сѣдлу лошади, и одѣли только на мѣстѣ погребенія. Вся кожа на спинѣ, поясницѣ, бокахъ—была содрана и въ другихъ отношеніяхъ трупъ былъ изуродованъ. Позже Доджъ узналъ, что вождь этотъ умеръ отъ пьянства, въ припадкѣ delirium tremens. Племя его оказало ему должныя почести: въ честь его были убиты лошади, самъ онъ былъ богато одѣтъ, снабженъ оружіемъ и проч., но нѣ то же время было заявлено и презрѣніе къ роду его смерти—тѣмъ, что трупъ его былъ подвергнутъ сначала поруганію. Намъ думается, что Доджъ не понялъ надлежащей причины такого образа дѣйствій. Едва ли Индѣйцы, пристрастившіеся къ пьянству, могли заявлять о своемъ негодованіи въ этомъ случаѣ, да еще по отношенію къ вождю. Истинная причина заключалась, вѣроятно, въ томъ, что они боялись своего вождя, умершаго въ сумасшествіи и опасались касаться его, особенно въ его жилищѣ. Поэтому они и утащили его подальше за веревку (не прикасаясь къ нему) и, вслѣдствіе того же, покинули свой лагерь, но, вѣстѣ съ тѣмъ, въ отдаленномъ мѣстѣ, позаботились одѣть умершаго и снабдить его всѣмъ нужнымъ, чтобы не вызвать его гнѣва на оставшихся въ живыхъ.

¹⁷⁴) Тэйлоръ, II. 61.

¹⁷⁵) Древнія стихотворенія Кириши Данилова, М. 1818, стр. 222—223.

Интересно, что въ предѣлахъ Кіевской Руси, въ треугольникѣ между Росью, Ирпенемъ и Днѣпромъ, на территоріи, которую, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, можно признать неоспоримо территорією древнихъ Полянъ, проф. В. Б. Антоновичъ нашелъ курганы, представившіе явные слѣды именно такого способа погребенія. По типу серебряныхъ вещей, могилы эти (ихъ извѣстно 10—12) должны быть признаны Славянскими; лучше другихъ изъ нихъ изслѣдованы двѣ, находившіяся у селъ Пышки и Зеленки, Каневского уѣзда, Кіевской губерніи. «Въ обѣихъ, какъ сообщаетъ мнѣ проф. В. Б. Антоновичъ¹⁷⁶⁾, надъ курганами, гораздо ниже горизонта, высѣчены были въ подпочвѣ (желтой глинѣ) четырехугольныя камеры, около 5 аршинъ длиною, до $3\frac{1}{2}$ шириною и до 1 сажени вышиною. Въ камеру введенъ былъ покойникъ верхомъ на лошади и послѣдней голова разбита камнемъ; лошадь упала на переднія ноги, которыя поджаты и согнуты въ колѣняхъ; покойникъ свалился на шею лошади (въ одномъ случаѣ большой булыжникъ найденъ въ разбитомъ лошадиномъ черепѣ). Покойникъ, въ обонхъ случаяхъ—въ полномъ вооруженіи: кольчуга, сабля, желѣзное копье, стремяна, въ зубахъ у лошади уздечка. Въ одномъ случаѣ (въ с. Пышкахъ) на покойникѣ — серебряная гривна, такой же браслетъ и у грудныхъ костей лошади—большая серебряная привѣска въ видѣ большой многоугольной звѣзды на серебряномъ кольцѣ. Въ другомъ случаѣ (въ с. Зеленкахъ) серебряныхъ украшеній не было, но сверхъ перечисленнаго оружія былъ желѣзный колчанъ и 6 наконечниковъ желѣзныхъ стрѣлъ. Подобный же способъ погребенія верхомъ на конѣ былъ встрѣченъ и Д. Я. Самоквасовымъ, въ одномъ курганѣ у деревни Клиновой, Курскаго уѣзда, разрытомъ имъ въ 1875 году. Въ этомъ, одиноко стоящемъ курганѣ (имѣвшемъ до 60 аршинъ въ окружности при основаніи и около 1 аршина отвѣсной высоты), «на глубинѣ 4 аршинъ ниже земной поверхности, найденъ остовъ лошади и при немъ въ совершенномъ беспорядкѣ человѣческой остовъ. По всей вѣроятности, въ этой могилѣ былъ погребенъ покойникъ верхомъ на лошади. Часть человѣческихъ костей найдена съ правой стороны лошадиного остова, часть съ лѣвой. Изъ вещей въ могилѣ найдены: въ челюстяхъ лошади—желѣзныя удила, у ея боковъ—желѣзныя стремяна; между костями человѣка—бронзовая пряжка и желѣзный ножъ; въ разстояніи полъ-аршина отъ головы лошади пустой глиняный сосудъ. Всѣ металлическія вещи чрезвычайно окисшія. На костяхъ видны слѣды разложившихся металлическихъ вещей¹⁷⁷⁾». За тѣмъ тотъ же способъ погребенія былъ констатированъ, повидимому, (въ 60-хъ годахъ) Витковскимъ въ нѣкоторыхъ курганахъ Васильковского уѣзда, Кіевской губерніи¹⁷⁸⁾, причемъ въ одномъ курганѣ, вмѣстѣ съ лошадинымъ

¹⁷⁶⁾ В. Б. Антоновичъ, въ письмѣ ко мнѣ отъ 28 марта 1888 г., изъ Кіева.

¹⁷⁷⁾ Самоквасовъ, Сѣверянскіе курганы, въ «Трудахъ III Археол. Съѣзда». Кіевъ. 1878. Т. I, стр. 200.

¹⁷⁸⁾ Витковскій въ «Трудахъ III Арх. Съѣзда». Т. II, стр. 24 слѣд.

скелетомъ оказался скелетъ женщины, въ другомъ же мѣсто лошадиного костяка занимали только сѣдло и уздечка.

Погребеніе верхомъ на конѣ составляло во всякомъ случаѣ довольно рѣдкое явленіе: нѣсколько чаще встрѣчалось, повидимому, погребеніе на колесницѣ, или съ лошадьми и колесницей, констатированное въ разныхъ мѣстностяхъ и въ различныя эпохи, какъ напримѣръ у древнихъ Грековъ, Этрусковъ, Скиѳовъ, Галловъ, Германцевъ, въ древнихъ могильникахъ и курганахъ Южной Россіи, Италіи, Франціи, Англии, Германіи, Даніи, Моравіи, Седмиградской области и т. д. Въ Моравіи, въ пещерѣ «Бычья Скала», находящейся въ долинѣ Свитавы, близъ Бланско, за двѣ станціи Пражско-Вѣнской желѣзной дороги передъ Бѣрномъ (Büpp, Врп), въ слабо освѣщенныхъ сѣняхъ этой пещеры д-ръ Ванкель встрѣтилъ слѣды грандіознаго варварскаго погребенія. «Въ срединѣ сѣней горѣлъ нѣкогда огромный очагъ, на которомъ была сожжена колесница, сдѣланная изъ дерева и желѣза, украшенная бронзовыми бляхами, съ лежащимъ на ней покойникомъ. Кругомъ во всей передней разбросаны были костяки человѣческихъ жертвъ, по большей части обугленные, перемѣшанные съ костяками лошадей безъ череповъ, и цѣлыми глиняными сосудами, отчасти наполненными хлѣбомъ, фруктами и другими яствами: тутъ же найдено нѣсколько бронзовыхъ ведеръ и котловъ, а также всякаго рода украшеній изъ бронзы, золота, стекла, янтаря и желѣза¹⁷⁹⁾. Что касается Этрусковъ, то можно указать на такъ называемую «могилу Герцога» (tomba del Duce), открытую на древнемъ кладбищѣ Ветулоніи и

¹⁷⁹⁾ *Vankel*, Пещера Бычья скала, въ «Трудахъ III (Кіевскаго) Съѣзда. I, стр. 259 — 261. Около очага лежали бронзовые браслеты, спиральные наручнники, круглыя бляхи съ привѣсками, браслеты и кольца изъ золота и бураго угля, стеклянныя ожерелья, металлическія и глиняныя бусы, орудія изъ кости и рога, гири изъ камня и глины, бронзовый скипетръ, точильные бруски, амулеты; за тѣмъ — обугленные шерстяныя и льняныя ткани, въ сосудахъ — хлѣбъ, просо, пшеница, чечевица; остатки цвѣтовъ въ обугленныхъ корзинкахъ и т. д. Въ одномъ бронзовомъ котлѣ найденъ человѣческій черепъ, въ другомъ — глиняный сосудъ съ остатками пищи, въ третьемъ — бронзовая фигура быка, напоминающаго египетскаго Аписа. Вблизи отъ очага находилась правильная мостовая изъ обдѣланныхъ камней и на ней жертвенникъ, на которомъ лежали отрубленные руки дѣвушки, украшенные еще бронзовыми браслетами и золотыми кольцами, а подлѣ него половина расколотаго черепа и другія части костяка; кругомъ же были разбросаны кости многихъ людей и звѣрей. Все это мѣсто, по окончаніи торжества, было покрыто большими обломками известняка, пескомъ и землею, и такимъ образомъ сохранилось нетронутымъ. По характеру вещей и суббрахицефальной формѣ черепа, отличной отъ древне-германской, Ванкель приписалъ найденные имъ останки древнему Кельтскому племени Босевъ. По словамъ Фосса (*Voss*, въ «Verhandlungen d. Berl. Anthr. Ges.» 1878. S. 333), въ курганахъ и рядовыхъ могилахъ (*Reihengräber*) южной Германіи и Прирейнскаго края находили неоднократно части колесницъ, вмѣстѣ съ остатками коней. Въ верхней Баваріи, близъ Брука, были найдены желѣзныя шины; около Хаслоха, близъ Цпейера — обломки двухъ бронзовыхъ колесъ; въ Пуллахѣ, около Мюнхена, въ одномъ «княжескомъ» курганѣ — слѣды колесницы. См. *Naue*, Ein Fürstengrab bei Pullach, въ «Correspondenz-Blatt d. deut. Ges. für Anthropologie». 1882. — О находкахъ во Франціи, см. *Mazard*, Essai sur les chars

относимую къ концу VII в. до Р. X. Въ этой могилѣ, въ одномъ изъ пяти отдѣловъ ея, были найдены остатки упряжи и колесница, на которой умершій былъ, очевидно, привезенъ для погребенія. Можно было различить металлическую оправу сѣдла, бляхи сбруи, двое удиль, желѣзные и бронзовые диски (вѣроятно фалеры), два бронзовыхъ цилиндра, вѣроятно отъ металлической оправы дышла, и двѣ большія желѣзныя шины отъ колесъ. (См. *Martha*, *L'Art Etrusque*. 1889, p. 112 ss.) Изъ кургановъ Южной Россіи остатки колесницъ были найдены въ нѣкоторыхъ Таманскихъ курганахъ, напримѣръ въ Васюриной горѣ, у подошвы которой оказались три каменныя гробницы съ золотыми вещами, одна дѣтская, три конскихъ гробницы и колесница въ обломкахъ¹⁸⁰⁾, затѣмъ въ нѣсколькихъ приднѣпровскихъ, какъ-то: Александропольскомъ, Чертомлыцкомъ, Краснокутскомъ. Сдѣланы были эти колесницы изъ дерева и желѣза и снабжены различными металлическими (бронзовыми, золотыми, серебряными) украшеніями, отчасти впрочемъ принадлежавшими, какъ надо думать, устраивавшемуся надъ колесницей балдахину или шатру. Поломанные и неполные остатки колесницъ не могутъ дать, впрочемъ, достаточнаго понятія объ ихъ вѣроятной формѣ и величинѣ¹⁸¹⁾.

Gaulois, въ «*Revue archéologique*, N. S. XXXIII. p. 154, 217. и *Chantre*, *L'age de bronze*. I. p. 156. Въ могилѣ de la gorge Meillet (dep. Marne) были найдены колеса съ бронзовыми ободами ступицъ и съ бронзовыми бляхами на концахъ осей, чрезъ которыя проходили желѣзные шкворни. Въ Даніи остатки колесъ и другихъ частей колесницъ были находимы въ могилахъ древнѣйшаго желѣзнаго вѣка; см. *Montelius*, *Die Kultur Schwedens in vorchristlicher Zeit*, übers. v. Apfel. 1885, S. 112. На островѣ Фіоніи, въ могильникѣ Langaa, были найдены обломки колесницы, сожженной съ умершимъ. Въ Англии остатки колесницы были найдены въ курганѣ, ссыпанномъ изъ камня, въ Гампденѣ Хиллѣ, въ Сомерсетширѣ, — именно пара колесъ, вмѣстѣ съ желѣзными наконечниками копій и стрѣлъ и съ человѣческими костями, причемъ въ черепѣ оказалась вонзившаяся стрѣла. Одно колесо хорошо сохранилось; оно имѣетъ 12 спицъ и желѣзную шину толщиной въ 2 дюйма. Въ другомъ курганѣ, въ Йоркширѣ, съ каждой стороны: человѣческаго костяка лежало по скелету лошади и по колесу (3 фута въ діаметрѣ) отъ колесницы, вмѣстѣ съ фрагментами ея кузова, бронзовыми украшеніями и т. д. Въ другомъ курганѣ того же графства костякъ лежалъ на щитѣ съ бронзовымъ наверхнемъ, а подлѣ него, съ обѣихъ сторонъ, находилось по колесу, съ желѣзной шиной и гвоздями. Въ Седмиградской области были найдены при костякѣ колеса изъ бронзы. См. *Kempe*, *Notae ferales*, p. 62—63.

¹⁸⁰⁾ Толстой и Кондаковъ, Русскія древности. Вып. I, стр. 110.

¹⁸¹⁾ Въ Краснокутской могилѣ И. Е. Забѣлинъ нашелъ, на материкѣ, «обломки колесницы, удила съ уборами, а также изображенія львовъ, грифовъ и птицъ на втулкахъ, служившія, можетъ быть, чѣмъ-либо въ родѣ значковъ или украшавшія погребальную колесницу». См. *Забѣлинъ*, «Чертомлыцкій курганъ» стр. 7. При разрытій Александропольскаго кургана съ востока на западъ, $3\frac{3}{4}$ саж. отъ материка, на протяженіи одной сажени, лежали обломки желѣзныхъ обручей и палокъ отъ шести колесъ и кузова колесницы. Такія же кучи обломковъ въ Краснокутской могилѣ имѣли около $1\frac{1}{4}$ арш. въ ширину и $\frac{3}{4}$ арш. въ толщину, въ Чертомлыцкой — 2 арш. въ длину, $1\frac{1}{2}$ въ ширину и 1 арш. въ высоту. По мнѣнію *Ланно-Данилевскаго* («Скифскія древности», въ «Запискахъ Рус. Археол. Общ.» Т. IV, 1887, стр. 460) — въ Александропольскомъ курганѣ колесница была погребена можетъ быть въ пѣломъ видѣ,

Остатки лошадей встрѣчаются обыкновенно въ могилахъ или перемѣшанными съ остатками человѣка, или лежащими въ сторонѣ выше или ниже въ томъ же курганѣ. Число такихъ находокъ, сдѣланныхъ по настоящее время на почвѣ Европы (и Азій), столь значительно, что едва ли возможно даже ихъ перечислить. Лошадиныя кости попадаются какъ въ могилахъ съ погребеніями, такъ и въ могилахъ съ трупосоженіемъ, — какъ въ весьма древнихъ курганахъ, ссыпанныхъ за нѣсколько вѣковъ до Р. Х., такъ и въ гораздо позднѣйшихъ. Съ какого времени трупы лошадей стали погребаться (или сожигаться) съ трупами людей, сказать трудно, хотя можно думать, что начало этого обычая относится уже къ эпохѣ металлической. Въ теченіи каменнаго вѣка лошадь, какъ прирученное животное, была еще рѣдка въ Европѣ, и большее распространеніе ея послѣдовало лишь съ введеніемъ металловъ, бронзы и желѣза ¹⁸²⁾. Впрочемъ, известны

а въ послѣднихъ двухъ — предварительно изломана. О составныхъ частяхъ колесницы можно составить себѣ нѣкоторое понятіе лишь по остаткамъ, найденнымъ въ Краснокутской могилѣ. Тутъ, въ одной изъ кучъ найдено нѣсколько кусковъ желѣзныхъ шинъ (всего до 20 аршинъ), семь мѣдныхъ втулокъ, причемъ одна еще найдена въ другой кучѣ, 60 шинныхъ гвоздей или заклепокъ и нѣсколько гвоздей съ круглыми шляпками, нѣсколько кусковъ крѣпей отъ колесъ и отъ самой колесницы, какъ-то: обломки колесныхъ обоймицъ со ступицъ, обломки скобъ и тонкихъ полосъ разной ширины служившихъ, можетъ быть, укрѣпленіемъ кузова. Для украшенія колесницы (а отчасти балдахина или шатра надъ ней) служили, вѣроятно, бронзовыя изображенія животныхъ, бронзовыя, золотыя и серебряныя бляхи, бубенчики, трубочки, колокольчики, бусы, пуговицы и т. д. Ср. еще: Толстой и Кондаковъ. Древности. В. II. Здѣсь кстати замѣтить, что на западѣ (во Франціи и Скандинавіи), нѣсколько древнихъ колесницъ было найдено въ остаткахъ, позволившихъ до нѣкоторой степени возстановить форму повозки. Особенно замѣчательна находка, сдѣланная, лѣтъ восемь тому назадъ, въ одномъ торфяномъ болотѣ, въ Ютландіи. Найденные здѣсь фрагменты дышла, колесъ и многочисленныя бронзовыя орнаментированныя бляхи позволили Г. Петерсену реставрировать эту колесницу, которая и выставлена теперь въ Копенгагенскомъ Музеѣ. (*H. Petersen, Die Wagenfunde aus dem Pastoratmoor zu Dejbjerg bei Ringkjöbing (Jütland). 1881 — 1883. Mit 5 Taf. und 36 Fig. 1888*). Петерсенъ относитъ эту колесницу къ первымъ столѣтіямъ нашей эры.

¹⁸²⁾ Въ культурномъ слоѣ свайныхъ построекъ каменнаго вѣка Швейцаріи остатки лошадей крайне рѣдки, тогда какъ остатки собаки, рогатаго скота, свиньи довольно обыкновенны. Есть основаніе думать, что прирученіе лошади послѣдовало въ степяхъ Средней Азій, откуда она лишь мало-по-малу стала распространяться въ Европу. Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что европейская дикая лошадь диллювіальнаго или постъ-плиоценоваго періода отличалась большимъ ростомъ, болѣе массивнымъ сложеніемъ и болѣе удлиненной и узкой головой, чѣмъ домашняя порода бронзоваго вѣка, которая, по своему небольшому росту, легкому сложенію и короткой широкой головѣ, подходила къ восточному, арабскому, вообще степному типу лошадей. Только въ болѣе позднюю эпоху, въ теченіи желѣзнаго вѣка, появляются въ Европѣ тяжелыя породы домашнихъ лошадей, очевидно происшедшія отъ дикаго европейскаго вида. Впрочемъ *Nehring* (*Nehring, Fossile Pferde etc. В. 1884. S. 152*), ссылаясь на мелкую породу дикой диллювіальной лошади, остатки которой были найдены Фраасомъ въ Шуссенридѣ, считаетъ возможнымъ, что и прирученная порода бронзоваго вѣка образовалась на мѣстѣ, въ Европѣ, въ концѣ каменнаго и началѣ бронзоваго вѣка. Остатки лошадей, находимые въ древнѣйшихъ германскихъ могилахъ, указываютъ часто тоже на довольно мелкую породу

случаи находокъ костей лошади и въ такихъ могилахъ, въ которыхъ не оказывалось никакихъ издѣлій, кромѣ каменныхъ и костяныхъ, и которыя могутъ быть, повидимому, отнесены къ концу неолитическаго или къ самому началу металлическаго вѣка¹⁸³). Обыкновенно же остатки лошадей находятъ вмѣстѣ съ бронзовыми и желѣзными предметами, въ могильникахъ и курганахъ желѣзнаго періода и послѣдующихъ, Среднихъ, а на востокъ и еще болѣе позднихъ вѣковъ.

Въ числѣ такихъ кургановъ одними изъ древнѣйшихъ могутъ считаться скинскіе и греческіе южной Россіи. О древне-греческомъ обычаѣ убивать на похоронахъ лошадей, собакъ и даже людей (плѣнниковъ, рабовъ) свидѣтельствуемъ Иліада (XXIII, 175), въ которой разсказывается о плѣнникахъ — троянцахъ, поверженныхъ вмѣстѣ съ собаками и лошадьми на погребальный костеръ Патрокла, и поэтъ Лукіанъ, который, говоря повидимому о погребеніяхъ эллинизированныхъ варваровъ, восклицаетъ: «Сколько умерщвляется на могилахъ лошадей, наложницъ, виночерпѣевъ! сколько одеждъ, уборовъ сожигается или зарывается въ землю вмѣстѣ съ умершими!» Слѣды этого обычая мы встрѣчаемъ и въ керченскихъ (также таманскихъ и кубанскихъ) курганахъ южной Россіи, «большая часть коней заключаетъ въ себѣ могилы, принадлежащія ко временамъ отъ V вѣка до Р. Х. до II вѣка послѣ Р. Х., — Грековъ или туземцевъ, состоявшихъ подъ непосредственнымъ эллинскимъ вліяніемъ.»¹⁸⁴) Обычный способъ устройства могилъ въ этихъ курганахъ былъ такой, что выравнивали площадь, рыли въ ея срединѣ большую яму въ материкѣ и въ ней выкладывали камнемъ гробницу (т. наз. «погребокъ») или же основаніе склепа, поднимавшагося надъ уровнемъ площади. Въ сторонѣ устранивали иногда склепъ женскій и гробницу рабовъ, на томъ же уровнѣ справляли тризну и все мѣсто засыпали землею, возводя курганъ, въ насыпи котораго помѣщали тѣла убитыхъ лошадей.» Въ этой насыпи попадаютъ часто

¹⁸³) Крашевскій, («Sztuka u Slowian») упоминаетъ о каменныхъ гробницахъ юго-западнаго края (у д. Грушево), въ которыхъ находили каменные орудія, человѣческія кости или урны съ жженными костями и кости лошадей. См. *Kohn und Mehlis, Materialien zur Vorgeschichte des Menschen im östlichen Europa*. I. 1879. S. 93. Прослѣдочимъ встрѣтилъ скелетъ лошади въ могилѣ, повидимому, неолитическаго вѣка въ Эсте (Италіи). Здѣсь, ниже этрусскихъ могилъ древнѣйшаго, такъ называемаго египетскаго періода, со слѣдами сожженія, оказалась еще болѣе древняя могила, въ которой у костяка находились только издѣлья изъ камня (осколки, ножки, шаръ), а подъ ними — скелетъ лошади. См. *Ranke, Der Mensch*. II. S. 564. — Въ такъ называемой «Долгой могилѣ» (въ 3 вер. отъ Александрополя) П. С. Савельевъ, при раскопкахъ въ 1856 г., нащелъ въ срединѣ кургана, въ материкѣ, яму, по угламъ которой стояли толстыя сваи (и которая ранѣе была покрыта деревяннымъ потолкомъ); въ ямѣ лежалъ мужской остовъ съ мѣднымъ ножомъ у лѣваго бока, съ грубымъ горшкомъ у головы и остовомъ лошади въ ногахъ. Въ другой могилѣ того же кургана, обложенной и покрытой камнями, найдены остовъ челоука, грубые сосуды изъ необожженной глины и скелетъ молодой лошади.

¹⁸⁴) Толстой и Кондаковъ, «Русскія Древности I. Классическія древности южной Россіи», стр. 21 — 23.

черепки амфоръ и расписныхъ вазъ, а около нихъ — нерѣдко и лошадиныя кости. Въ другихъ случаяхъ остатки костей встрѣчаются въ самыхъ склепахъ: такъ въ колоссальномъ курганѣ близъ сел. Баксы (въ 17 верстахъ отъ Керчи на сѣверъ) вся изящная греческая посуда оказалась разбитою тремя, умерщвленными въ самомъ склепѣ, конями ¹⁸⁵). Въ знаменитомъ Куль-Обскомъ курганѣ, рядомъ съ огромнымъ царскимъ саркофагомъ, на полу, лежалъ остовъ женщины, у задней (южной) стѣны, на полу-же, остовъ мужчины, можетъ быть конюшаго, въ головахъ котораго (въ юго-западномъ углу склепа), въ небольшомъ углубленіи, были сложены — черепъ и кости лошади вмѣстѣ съ бронзовыми поножами и шлемомъ. По отношенію къ этимъ курганамъ довольно трудно рѣшить, которые изъ нихъ могутъ считаться греческими, которые — несомнѣнно варварскими. Многіе изъ нихъ, очевидно, «принадлежали царямъ или вождямъ сосѣднихъ варварскихъ народонъ, нерѣдко властвовавшихъ и надъ Босфоромъ» ¹⁸⁶). «Поясъ кургановъ, окружающій Нимфею (имѣніе Эльтигенъ, въ 8 верстахъ отъ Керчи къ югу, на берегу моря), доставилъ нѣсколько изящныхъ древностей по разряду золотыхъ издѣлій и туалетныхъ сосудовъ, но наиболѣе замѣчательная находка въ большомъ плоскомъ курганѣ, состоявшая изъ множества предметовъ посуды, бронзовой утвари, канделябръ, лампадъ и проч., сложенныхъ въ деревянномъ гробу, оказалась также варварскаго характера по бронзовымъ уздечнымъ украшеніемъ отъ восьми коней, погребенныхъ съ умершимъ». На Таманскомъ полуостровѣ, въ курганѣ «Большая Близница», въ каменномъ его склепѣ, И. Е. Забѣлинъ нашелъ деревянный саркофагъ съ богатыми женскими золотыми украшеніями, а въ углу склепа — сложенные въ кучу четыре конскихъ убора, состоящіе изъ уздечекъ съ бронзовыми украшеніями. Въ нѣкоторыхъ таманскихъ и кубанскихъ курганахъ лошадиныя остовы оказались погребенными въ особыхъ склепахъ или гробницахъ. Такъ, въ Васюриной горѣ, кромѣ главнаго склепа (оказавшагося ограбленнымъ), были найдены четыре каменные гробницы, «каждая изъ которыхъ заключала въ себѣ по лошадиному остову; при нихъ найдены конскіе уборы, украшенные бронзовыми золочеными бляхами со вставленными украшеніями изъ матоваго стекла, налобники въ видѣ головы грифона, обтянутые листовымъ золотомъ. У входа въ склепъ найденъ остовъ собаки съ бронзовою цѣпью, которою она была привязана. . . . У подошвы кургана найдено было въ послѣдствіи еще нѣсколько каменныхъ гробницъ съ золотыми вещами, еще три конскія гробницы и колесница въ обломкахъ, а также бронзовый котель.» Конскія гробницы были найдены и въ Буеровой могилѣ, близъ Тамани, съ западной стороны и въ нѣсколькихъ курганахъ изъ группы т. наз. «Семи

¹⁸⁵) Погребеніе воина въ курганѣ Баксы, съ его конями, заняло, повидимому, чужой, болѣе древняго происхожденія греческій склепъ, въ которомъ были забраны золотыя вещи прежняго покойника и оставлены только вазы. Ibid. I, стр. 108.

¹⁸⁶) Толстой и Кондаковъ, I, стр. 22. См. также выпускъ II. «Древности Скнео-сарматскія», стр. 85 — 90. «Гробница Куль-Оба, говорится здѣсь, несомнѣнно, служила мѣстомъ погребенія какого-либо варварскаго царя или князя.

братъсвъ», на лѣвомъ берегу Кубани, въ Темрюкскомъ уѣздѣ, изслѣдованныхъ барономъ В. А. Тизенгаузенемъ. «Во второмъ изъ этихъ кургановъ открыта была огромная могила съ каменными стѣнами; большая часть ея занята была костями тринадцати коней, а въ особой оградѣ, въ углу ея, лежалъ остовъ погребеннаго воина, въ чешуйчатомъ панцирѣ, съ многими серебряными бляхами, золотыми пластинками, остатками желѣзнаго меча и копья, тремя золотыми ожерельями на шеѣ, массою золотыхъ бляшекъ отъ одежды и замѣчательными серебряными и бронзовыми сосудами (ритономъ, плоской чашей, кубкомъ, сосудомъ на трехъ львиныхъ ножкахъ съ двумя ручками въ видѣ львовъ и змѣй и др.). На конскихъ скелетахъ были найдены бронзовыя «псалін» (усики отъ удила) — разнообразной формы съ изображеніями, бляхи, налобники и т. д. — Въ гробницѣ третьяго кургана «схоронено было также нѣсколько лошадей. Кромѣ того, къ востоку отъ главной могилы оказалась могила пяти коней, въ уздечкахъ съ бронзовыми украшеніями». Въ четвертомъ курганѣ также была особая конская могила, равно какъ въ пятомъ и седьмомъ, причемъ только эти могилы оказались неразграбленными. — «Въ центрѣ шестаго кургана находилась нетронутая большая каменная гробница, раздѣленная поперечными каменными стѣнками на три отдѣленія, изъ которыхъ въ одномъ, крайнемъ, лежали скелеты семи коней (съ желѣзными удилами и усиками и бронзовыми бляхами), въ среднемъ — утварь разнаго рода, а третья, въ свою очередь, дѣлилась на собственную могилу и на небольшое помѣщеніе съ утварью.»

Въ погребеніи вмѣстѣ съ людьми лошадей, керченскіе и кубанскіе курганы представляютъ значительное сходство съ другими, находящимися сѣвернѣе, въ бассейнѣ Днѣпра, и приурочиваемыми Скиѣамъ. Сходство въ данномъ случаѣ подтверждается характеромъ многихъ, находимыхъ въ тѣхъ и другихъ могилахъ, издѣлій греческой работы, указывающихъ на ту же лучшую эпоху греческаго искусства, IV — III вв. до Р. Х. Принадлежность же этихъ днѣпровскихъ кургановъ Скиѣамъ можетъ быть заключена какъ изъ того факта, что въ ту эпоху исторія не знаетъ въ днѣпровскихъ степяхъ иного народа, кромѣ Скиѣовъ, такъ и изъ сходства многихъ подробностей въ устройствѣ и обстановкѣ погребеній этихъ кургановъ съ тѣмъ, что рассказываетъ Геродотъ относительно погребеній у Скиѣовъ. По словамъ Геродота, могилы скиѣскихъ царей находятся въ странѣ Герровъ, въ томъ мѣстѣ, до котораго Борисѣенъ (Днѣпръ) судоходенъ. Когда у Скиѣовъ умираетъ царь, они выкапываютъ здѣсь въ землѣ большую четырехугольную яму. . . . Въ широкомъ помѣщеніи могилы они хоронятъ подлѣ царя одну изъ его наложницъ, предварительно удушивши ея, а также его виночерпья, конюха, повара, служителя (секретаря) и глашатая; погребаютъ также коней, золотые сосуды и лучшую часть остальнаго имущества. Сдѣлавши это, всѣ вмѣстѣ насыпаютъ большой курганъ надъ могилой. Соотвѣтственно этому разсказу Геродота, мы встрѣчаемъ массу кургановъ въ степяхъ, прилегающихъ къ Днѣпровскимъ порогамъ, и въ числѣ ихъ большіе, «толстые», обложенные при подошвѣ крупными

черепки амфоръ и расписныхъ вазъ, а около нихъ — нерѣдко и лошадиныя кости. Въ другихъ случаяхъ остатки костей встрѣчаются въ самыхъ склепахъ: такъ въ колоссальномъ курганѣ близъ сел. Баксы (въ 17 верстахъ отъ Керчи на сѣверъ) вся изящная греческая посуда оказалась разбитою тремя, умерщвленными въ самомъ склепѣ, конями ¹⁸⁵). Въ знаменитомъ Куль-Обскомъ курганѣ, рядомъ съ огромнымъ царскимъ саркофагомъ, на полу, лежалъ остовъ женщины, у задней (южной) стѣны, на полу-же, остовъ мужчины, можетъ быть конюшаго, въ головахъ котораго (въ юго-западномъ углу склепа), въ небольшомъ углубленіи, были сложены — черепъ и кости лошади вмѣстѣ съ бронзовыми поножами и шлемомъ. По отношенію къ этимъ курганамъ довольно трудно рѣшить, которые изъ нихъ могутъ считаться греческими, которые — несомнѣнно варварскими. Многіе изъ нихъ, очевидно, «принадлежали царямъ или вождамъ сосѣднихъ варварскихъ народовъ, нерѣдко властвовавшихъ и надъ Босфоромъ» ¹⁸⁶). «Поясъ кургановъ, окружающій Нимфею (имѣніе Эльтигенъ, въ 8 верстахъ отъ Керчи къ югу, на берегу моря), доставилъ нѣсколько изящныхъ древностей по разряду золотыхъ издѣлій и туалетныхъ сосудовъ, но наиболѣе замѣчательная находка въ большомъ плоскомъ курганѣ, состоявшая изъ множества предметовъ посуды, бронзовой утвари, канделябръ, лампадъ и проч., сложенныхъ въ деревянномъ гробу, оказалась также варварскаго характера по бронзовымъ уздечнымъ украшеніемъ отъ восьми коней, погребенныхъ съ умершимъ». На Таманскомъ полуостровѣ, въ курганѣ «Большая Близница», въ каменномъ его склепѣ, И. Е. Забѣлинъ нашелъ деревянный саркофагъ съ богатыми женскими золотыми украшеніями, а въ углу склепа — сложенные въ кучу четыре конскихъ убора, состоящіе изъ уздечекъ съ бронзовыми украшеніями. Въ нѣкоторыхъ таманскихъ и кубанскихъ курганахъ лошадиные остовы оказались погребенными въ особыхъ склепахъ или гробницахъ. Такъ, въ Васюриной горѣ, кромѣ главнаго склепа (оказавшагося ограбленнымъ), были найдены четыре каменные гробницы, «каждая изъ которыхъ заключала въ себѣ по лошадиному остову; при нихъ найдены конскіе уборы, украшенные бронзовыми золочеными бляхами со вставленными украшеніями изъ матоваго стекла, налобники въ видѣ головы грифона, обтянутые листовымъ золотомъ. У входа въ склепъ найденъ остовъ собаки съ бронзовою цѣпью, которою она была привязана... У подошвы кургана найдено было въ послѣдствіи еще нѣсколько каменныхъ гробницъ съ золотыми вещами, еще три конскія гробницы и колесница въ обломкахъ, а также бронзовый котель.» Конскія гробницы были найдены и въ Буеровой могилѣ, близъ Тамани, съ западной стороны и въ нѣсколькихъ курганахъ изъ группы т. наз. «Семи

¹⁸⁵) Погребеніе воина въ курганѣ Баксы, съ его конями, заняло, повидимому, чужой, болѣе древняго происхожденія греческій склепъ, въ которомъ были забраны золотыя вещи прежняго покойника и оставлены только вазы. Ibid. I, стр. 108.

¹⁸⁶) Толстой и Кондаковъ, I, стр. 22. См. также выпускъ II. «Древности Скино-сарматскія», стр. 85 — 90. «Гробница Куль-Оба, говорится здѣсь, несомнѣнно, служила мѣстомъ погребенія какого-либо варварскаго царя или князя.

братъсвъ», на лѣвомъ берегу Кубани, въ Темрюкскомъ уѣздѣ, изслѣдованныхъ барономъ В. А. Тизенгаузенемъ. «Во второмъ изъ этихъ кургановъ открыта была огромная могила съ каменными стѣнами; большая часть ея занята была костями тринадцати коней, а въ особой оградѣ, въ углу ея, лежалъ остовъ погребеннаго воина, въ чешуйчатомъ панцырѣ, съ многими серебряными бляхами, золотыми пластинками, остатками желѣзнаго меча и конья, тремя золотыми ожерельями на шеѣ, массою золотыхъ бляшекъ отъ одежды и замѣчательными серебряными и бронзовыми сосудами (ритонемъ, плоской чашей, кубкомъ, сосудомъ на трехъ львиныхъ ножкахъ съ двумя ручками въ видѣ львовъ и змѣй и др.). На конскихъ скелетахъ были найдены бронзовыя «псалін» (усики отъ удила) — разнообразной формы съ изображеніями, бляхи, налобники и т. д. — Въ гробницѣ третьяго кургана «схоронено было также нѣсколько лошадей. Кромѣ того, къ востоку отъ главной могилы оказалась могила пяти коней, въ уздечкахъ съ бронзовыми украшеніями». Въ четвертомъ курганѣ также была особая конская могила, равно какъ въ пятомъ и седьмомъ, причемъ только эти могилы оказались неразграбленными. — «Въ центрѣ шестаго кургана находилась нетронутая большая каменная гробница, раздѣленная поперечными каменными стѣнками на три отдѣленія, изъ которыхъ въ одномъ, крайнемъ, лежали скелеты семи коней (съ желѣзными удилами и усиками и бронзовыми бляхами), въ среднемъ — утварь разнаго рода, а третье, въ свою очередь, дѣлилось на собственную могилу и на небольшое помѣщеніе съ утварью.»

Въ погребеніи вмѣстѣ съ людьми лошадей, керченскіе и кубанскіе курганы представляютъ значительное сходство съ другими, находящимися сѣвернѣе, въ бассейнѣ Днѣпра, и приурочиваемыми Скиѣамъ. Сходство въ данномъ случаѣ подтверждается характеромъ многихъ, находимыхъ въ тѣхъ и другихъ могилахъ, издѣлій греческой работы, указывающихъ на ту же лучшую эпоху греческаго искусства, IV — III вв. до Р. X. Принадлежность же этихъ днѣпровскихъ кургановъ Скиѣамъ можетъ быть заключена какъ изъ того факта, что въ ту эпоху исторія не знаетъ въ днѣпровскихъ степяхъ иного народа, кромѣ Скиѣовъ, такъ и изъ сходства многихъ подробностей въ устройствѣ и обстановкѣ погребеній этихъ кургановъ съ тѣмъ, что рассказываетъ Геродотъ относительно погребеній у Скиѣовъ. По словамъ Геродота, могилы скиѣскихъ царей находятся въ странѣ Герровъ, въ томъ мѣстѣ, до котораго Борисѣенъ (Днѣпръ) судоходенъ. Когда у Скиѣовъ умираетъ царь, они выкапываютъ здѣсь въ землѣ большую четырехугольную яму. . . . Въ широкомъ помѣщеніи могилы они хоронятъ подлѣ царя одну изъ его наложницъ, предварительно удушивши еѣ, а также его виночерпія, конюха, повара, служителя (секретаря) и глашатая; погребаютъ также коней, золотые сосуды и лучшую часть остальнаго имущества. Сдѣлавши это, всѣ вмѣстѣ насыпаютъ большой курганъ надъ могилой. Соотвѣтственно этому разсказу Геродота, мы встрѣчаемъ массу кургановъ въ степяхъ, прилегающихъ къ Днѣпровскимъ порогамъ, и въ числѣ ихъ большіе, «толстые», обложенные при подошвѣ крупными

тельной раскопкѣ длиннаго корридора, гдѣ на этотъ разъ былъ найденъ совершенно не потревоженный костякъ лошади съ отлично сохранившимся уборомъ изъ желѣзныхъ удилъ съ золотыми бляхами и изъ разныхъ золотыхъ и серебряныхъ пластинокъ, находившихся на лбу и около глазъ. Далѣе, у обѣихъ стѣнъ корридора, лежало еще три конскихъ скелета въ богатыхъ уздечкахъ. Наконецъ, раскопка по направленію грабительской мины привела къ открытію еще одной ямы (третьей), въ которой оказались остатки колесницы (или двухъ?), окованной желѣзомъ о шести колесахъ, со множествомъ бляшекъ, пуговокъ, золотыхъ и стеклянныхъ (голубыхъ) бусъ, служившихъ, вѣроятно, украшеніемъ колесницы или ея намета.

Въ Краснокутскомъ курганѣ (по дорогѣ изъ Екатеринославля въ Никополь), кромѣ остатковъ погребальной колесницы, конской сбруи и ихъ украшеній, — въ центрѣ кургана оказались три могильныя ямы, изъ нихъ неразграбленною только одна, покрытая сверху досками и соломой и содержавшая въ себѣ остатки четырехъ коней, положенныхъ на бокъ, головами къ центральной могилѣ; всѣ кони были въ уздечкахъ съ серебрянымъ наборомъ и желѣзными удилами, причемъ прорѣзные бляхи отъ усиковъ удила и нащечниковъ замѣчательны по оригинальнымъ сочетаніямъ конскихъ головокъ, напоминающихъ рѣзные «коньки» русскихъ избъ. Наконецъ, въ т. — наз. «Цымбаловой могилѣ», Мелитопольскаго уѣзда, Таврической губ., въ черноземной насыпи кургана открыты были лошадиныя кости и два уздечныхъ набора съ мѣдными бляхами и желѣзными удилами. Въ материкѣ обнаружилось двѣ могилы, въ центрѣ кургана овальная, главная, и къ западу отъ нея — четырехугольная, конская. Первая оказалась разграбленною, вторая нетронутою: въ ней было погребено шесть коней, на четырехъ были бронзовые уздечные наборы съ серебряными налобниками въ видѣ птичьихъ головъ, а на двухъ — золотыя большія пластины, покрывавшія переносье и лобную часть черепа; изъ этихъ пластинъ однѣ греческой работы, а другія — грубой варварской техники.

Сопоставляя данныя различныхъ раскопокъ въ царскихъ скинскихъ курганахъ, г. Лаппо-Данилевскій сдѣлалъ попытку возсоздать въ подробностяхъ происходившій въ нихъ нѣкогда похоронный обрядъ. «Царь, говоритъ онъ, лежалъ на колесницѣ, украшенной металлическими пластинами; колесница была запряжена четырьмя или иногда можетъ быть 6 конями, а царь покрытъ покрываломъ, украшеннымъ золочеными бляхами. Относительно количества коней въ колесницѣ трудно сказать, употреблялось ли 4 или 6 коней, ибо и тому и другому встрѣчаются доказательства въ доселѣ разрытыхъ могилахъ. Такъ, напримѣръ, въ Краснокутской найдены въ конской гробницѣ остовы четырехъ коней, въ Слоновской, при втулкахъ, оказалось 6 удила, въ Цымбаловой найдено 6 конскихъ остововъ, въ Чертомлыцкой и могилѣ Козель — 11, изъ которой въ первой лишь четыре остова были безъ сѣделъ и вѣроятно впряжены были въ колесницу. Что царь покрывался покрываломъ, ясно изъ тѣхъ остатковъ холста съ бляшками, которые найдены при обломкахъ колесницы въ Краснокутской могилѣ; можетъ быть, за царской колесницей слѣдовала еще другая, остатки которой

сохранились въ Краснокутской могилѣ (по обѣимъ сторонамъ входа, гдѣ найдено 8 колесныхъ втулокъ) и въ Александропольской могилѣ, гдѣ найдены шины отъ шести колесъ. Назначеніе этой колесницы остается неяснымъ; можетъ быть она служила для перевозки имущества царя. Обѣ колесницы сопровождались бронзовыми значками съ изображеніемъ животныхъ и птицъ, съ колокольчиками и втулками, снабженными ушками, которыхъ при двухъ колесницахъ, какъ въ Александропольскомъ, Краснокутскомъ, Чертомлыцкомъ курганахъ, найдено 8 съ изображеніемъ грифона и двѣ съ выпуклымъ изображеніемъ птицы, а при одной, напр. въ Близницѣ Слоновской — лишь четыре и одна птица. Значки эти имѣли религіозное значеніе... Наконецъ шестіе сопровождалось и конемъ царскимъ въ полномъ парадномъ уборѣ съ сѣдломъ на спинѣ¹⁸⁹). Судя по богатству царя, такихъ коней бывало одинъ или нѣсколько. Такъ, при похоронахъ царя, погребеннаго въ Александропольскомъ курганѣ, участвовалъ одинъ лишь конь, при таковыхъ же царя Чертомлыцкаго — цѣлыхъ шесть. Колесницу и коней сопровождала, вѣроятно, любимая наложница покойнаго, слуги, утварь, жертвенныя животныя и животныя, предназначавшіяся для тризны... Когда процессія достигала могилы, вырытой заранѣе для царя, начиналось самое погребеніе. Колесница, на которой было положено тѣло покойнаго, оставалась у восточной стороны гробницы, съ которой иногда, какъ въ Краснокутской могилѣ, сдѣланъ былъ, вѣроятно нарочно для этого, проходъ; царскій трупъ спускали въ могилу и помѣщали обыкновенно въ склепъ, который сообщался съ другимъ, напоминавшимъ по своему значенію кладовую. Колесница иногда оставалась около могилы, и тогда ее закапывали въ самой насыпи, но иногда, какъ въ Александропольскомъ курганѣ, ее также спускали въ гробницу и перетаскивали въ одну изъ катакомбъ. Въ Краснокутскомъ курганѣ обѣ колесницы расположены были по сторонамъ прохода; при этомъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ колесницу разрушали и складывали въ кучи, на что указываютъ какъ небольшіе размѣры этихъ кучъ, такъ и

¹⁸⁹) Уздечки Скивовъ состояли изъ нѣсколькихъ ремней, перекрещивающихся на головѣ лошади, и бронзовыхъ или желѣзныхъ удилъ, снабженныхъ поперечными перекладинами или баранчиками, обыкновенно бронзовыми (даже на желѣзныхъ удилахъ) и весьма разнообразной формы. — Сѣдла состояли, повидимому, иногда изъ простой попоны (изъ войлока или шкуры), или же представляли настоящія сѣдла съ попоною подъ низомъ. Сѣдло выдѣлывалось изъ дерева (одно сѣдло хранится въ Эрмитажѣ, № 175, Д.), имѣло плоскую форму и было снабжено сзади чѣмъ-то въ родѣ ручекъ съ бронзовыми украшеніями, для поддержки нижней части спины сѣдока. Подпруги, которыми удерживалось сѣдло, снабжены были желѣзными прыжками. Стремянъ у Скивовъ не существовало. Какъ сѣдло, такъ и узда снабжены были различными украшеніями, бронзовыми и даже золотыми, въ видѣ пластинъ и бляхъ, иногда съ рельефными изображеніями (грифоновъ, всадниковъ, Аены и т. д.). Поводья также украшались — металлическими трубочками, а на шею надѣвались ожерелья изъ бляхъ и колокольчиковъ. Наконецъ, иногда Скивы украшали даже подпругу и ремень, обхватывавшій шею лошади и соединенный съ сѣдломъ. Всѣ эти украшенія были, впрочемъ, въ употребленіи только у богатыхъ Скивовъ и преимущественно — у царей.

слѣды насильственнаго излома, которые можно замѣтить на нѣкоторыхъ предметахъ. вмѣстѣ съ царемъ, въ катакомбѣ (склепѣ) помѣщали его задушенную наложницу и наилучшую утварь, одежду, вооруженіе... Кромѣ вещей, тутъ-же, въ остальныхъ катакомбахъ, Скиѣы хоронили слугъ его. Число ихъ, по Геродоту, равно было пяти; но не во всѣхъ гробницахъ найдено было такое число служителей. Въ Александропольской ихъ найдено всего два; въ Чертомлыцкой же, дѣйствительно, пять. Размѣстивши трупы царя и царицы, ихъ слугъ и утварь по различнымъ катакомбамъ, входы въ которыя всѣ продѣланы были въ стѣнахъ главной гробницы, Скиѣы засыпали эту послѣднюю, иногда совершенно чистымъ черноземомъ, какъ въ гробницѣ Чертомлыцкой, или черноземомъ, перемѣшаннымъ съ глиною и камнемъ, какъ въ гробницѣ Краснокутской; можетъ быть, при совершеніи этого обряда приносились въ жертву рабы и животныя. По крайней мѣрѣ, въ землѣ, наполнявшей гробницу Краснокутскую, на различной глубинѣ показались человѣческія и лошадиныя кости и мелкіе обломки скобокъ и пряжекъ. Такіе же остатки отъ костей найдены и въ землѣ, наполнявшей Александропольскую гробницу. Когда гробница была засыпана и утоптана до верхоземки, тутъ-же вѣроятно происходила погребальная тризна. Слѣды такой тризны видны были, напримѣръ, на верхоземкѣ Чертомлыцкаго кургана, въ видѣ поломанныхъ амфоръ, лошадиныхъ костей, глиняныхъ горшковъ и т. д. Наконецъ приступали, по совершеніи тризны, къ сооруженію насыпи... Въ насыпь закапывали иногда остатки колесницы или предметы конскаго убранства и упряжи, тогда какъ самые кони съ уздечками и сѣдельными уборами, какъ сказано было выше, погребались въ отдѣльной конской гробницѣ».¹⁹⁰⁾

Геродотъ рассказываетъ, что Скиѣы, по истеченіи года послѣ погребенія царя, устраивали на его могилѣ поминки. При этомъ они удушали 50 человѣкъ отборныхъ его слугъ и 50 самыхъ красивыхъ коней, вынимали изъ нихъ внутренности, наполняли тѣла мякиною (соломою) и зашивали; затѣмъ ушѣпляли эти трупы лошадей на шестахъ, поддерживаемыхъ подставками, такъ что переднія и заднія ноги ихъ висѣли на воздухѣ, и надѣвали на головы ихъ уздечки, а на лошадиныя трупы усаживали тѣла 50-ти удушенныхъ юношей, именно, сажали ихъ на колъ, нижній конецъ

¹⁹⁰⁾ *Ланно Данилевскій*, 1. с. стр. 480—485. Относительно народности племенъ, воздвигавшей скиѣскіе курганы, въ изданіи гг. Толстаго и Кондакова («Русскія Древности» и проч. Вып. II, стр. 113—114), высказано мнѣніе, безъ достаточныхъ, впрочемъ основаній, что курганы Куль-Обскій и Чертомлыцкій, а также и нѣкоторые другіе изъ придиѣпровскихъ, были ссыпаны, вѣроятно, Сарматами. Стиль художественныхъ предметовъ, найденныхъ въ этихъ курганахъ, указываетъ, будто бы, на II—I вв. до Р. Х., а въ это время Сарматы уже распространились далеко на западъ. Кромѣ того типъ и одежда варваровъ на Чертомлыцкой и Куль-Обской вазахъ вполне сходны съ изображеніями варваровъ на обломкахъ жетона, найденнаго на Кубани, гдѣ жили издревле Сарматскія племена. — Но, если такъ, то какіе же курганы будутъ собственно скиѣскими? При томъ надо замѣтить, что типъ и одежда варваровъ на Куль-Обской и Чертомлыцкой вазахъ вовсе не одинаковы.

котораго укрѣпляли въ перекладинѣ, проходившей чрезъ тѣло лошади. Уставивъ вокругъ могилы такихъ всадниковъ, говоритъ Геродотъ, Скиѣны уходили. — И. Е. Забѣлинъ высказалъ предположеніе, что эти убитые, въ годовщину смерти царя, слуги и кони погребались затѣмъ въ особомъ курганѣ, по близости царскаго. Около «толстыхъ» могилъ дѣйствительно встрѣчаются такъ называемыя «долгія» могилы, меньшія по размѣрамъ и болѣе бѣдныя по содержанію, но служили ли онѣ для погребенія убитыхъ царскихъ слугъ — сказать трудно, тѣмъ болѣе, что число костяковъ въ нихъ оказывалось обыкновенно меньшимъ, да и Геродотъ ничего не говоритъ о томъ, чтобы выставленныя чучела людей и лошадей погребались впоследствии въ курганѣ. Любопытно, что обычай, подобный только что описанному скиѣскому, существовалъ и у другихъ позднѣйшихъ народовъ южной Россіи. Рубрукъ, проѣхавшій южно-русскими степями въ 1253 г., рассказываетъ между прочимъ, что онъ видѣлъ тамъ одну могилу, только что насыпанную Команами (Половцами), около которой было развѣшано 16 лошадиныхъ шкуръ и поставлены «космосъ» (кумысь) для питья и мясо для ѣды. Но еще болѣе любопытную аналогію представляютъ южно-американскіе Патагонцы, о погребальныхъ обычаяхъ которыхъ Вудъ рассказываетъ слѣдующее: «Когда умираетъ мужчина, тѣло его завертывается въ плащъ, помѣщается на его любимаго коня и везется на мѣсто погребенія, гдѣ вырывается квадратная яма, футовъ 6 въ глубину и фута 2—3 въ длину и ширину. Въ эту яму умершій опускается въ сидячемъ положеніи и около него кладутся его копья, боласъ и другіе предметы собственности, послѣ чего яма закрывается вѣтвями и засыпается землей. Затѣмъ ударомъ боласъ убивается надъ могилой лошадь, съ которой сдираютъ кожу и, сохраняя голову, дѣлаютъ чучело, которое и устанавливаютъ на четырехъ подпоркахъ.» На могилѣ кацика убиваютъ четырехъ и болѣе лошадей, мясо которыхъ употребляется для погребальной тризны. Иногда умершаго оставляютъ въ его шатрѣ, а сами откочевываютъ на другое мѣсто, причемъ такой покинутый конусообразный шатеръ съ стоящими при немъ, на подпоркахъ, чучелами лошадей и многими, развѣвающимися на шестахъ, флагами — невольно вызываетъ представленіе о скиѣскомъ царскомъ курганѣ съ разставленными около него нѣкогда чучелами лошадей, на которыя только были посажены трупы удушенныхъ слугъ.¹⁹¹⁾

Остатки лошадей встрѣчаются и въ менѣе значительныхъ, не-царскихъ скиѣскихъ курганахъ. Г. Лаппо-Данилевскій различаетъ между скиѣскими могилами четыре типа: царскія; могилы князьковъ или полководцевъ;

¹⁹¹⁾ Wood, II. 542. См. также рисунокъ на стр. 541. У Арауканцевъ (племени Мапуе) умершій хоронится въ скорченномъ положеніи, съ колѣнями, подведенными къ груди, и при немъ кладутся его шпоры, узла, сѣдло, нѣсколько украшеній, монета и немного пищи. Въ головахъ могилы втыкается копье. При погребеніи убиваютъ лошадь, мясо которой съѣдается, а кожа развѣшивается надъ могилой, на брускахъ, прикрѣпленномъ на двухъ столбахъ.

могилы болѣе знатныхъ воиновъ и могилы простыхъ, бѣдныхъ людей. «Бѣдный людъ погребался въ простыхъ, неглубокихъ гробницахъ подъ небольшими кругловатыми курганами. Лишь самая необходимая утварь слѣдовала за ними въ могилу. Ни оружія (за исключеніемъ немногихъ мѣдныхъ или костяныхъ наконечниковъ отъ стрѣлъ), ни коней съ убранствомъ, ни рабовъ при нихъ не бываетъ». Нѣсколько болѣе пышными были похороны знатнаго воина. Гробница, въ которой его хоронили, была больше и глубже; въ нее клали больше утвари, разное оружіе и, кромѣ того, коней. Въ Каменной могилѣ (по дорогѣ изъ Екатеринослава въ Никополь) была найдена, въ срединѣ кургана, гробница, заключавшая въ себѣ человѣческій остовъ съ двумя конями, а на сѣверо-западѣ — овальная конская гробница, въ которой лежалъ одинъ конь съ уздечнымъ уборомъ изъ 10 бляхъ и продолговатой бляхи на переносицѣ. Форма главной гробницы, выложенной лещадью, представляла овалъ, перехваченный по срединѣ; конскіе скелеты въ ней лежали къ западу отъ остова человѣка и были лишены убранства. При человѣческомъ остовѣ найдена кольчуга изъ пластинокъ, три копыя, греческая амфора, алавастръ и остатки кувшинчика. Богаче воиновъ погребались князья или полководцы скинскіе, за могилы коихъ признаютъ такъ называемые «близницы» (Гермесовы, Томаковскія, Слоновскія), — названіе, обусловленное тѣмъ, что онѣ никогда не встрѣчаются одиноко, а всегда вмѣстѣ съ другою могилою, сходною съ ними по величинѣ, но разнящеюся по устройству и содержанію. Главныя близницы содержатъ въ себѣ большія гробницы съ катакомбами, въ которыхъ находятъ, кромѣ человѣческаго остова, лошадиные скелеты и разныя вещи; въ меньшихъ близницахъ оказываются бѣдныя погребенія, безъ коней, украшеній и т. п. Полагаютъ, что въ главной близницѣ хоронился князь или полководецъ; въ меньшей — его подчиненные или рабы. Гробницы главныхъ близницъ рыты глубоко въ землѣ и соединены одной или двумя катакомбами, приходящимися обыкновенно ниже главной. Умершаго хоронили съ его конями и со многими предметами вооруженія и роскоши, о которыхъ, впрочемъ, мы можемъ только догадываться, такъ какъ почти всѣ эти могилы оказываются ограбленными чрезъ побочные ходы (тогда какъ меньшія близницы всегда нетронуты, очевидно, по ихъ бѣдности).

Могилы того же рода, съ греческими издѣліями или вещами «скинскаго» типа, хотя и менѣе богатые и грандіозныя, встрѣчаются не въ одной только Новороссіи, въ Херсонской, Екатеринославской ¹⁹²⁾ и Таврической

¹⁹²⁾ *Матвѣевъ*. Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ южной Россіи III. Археологія, Одесса 1884, стр. 36 — 40. Г. Самоквасовъ находилъ лошадиныя кости въ различныхъ группахъ кургановъ Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, какъ такихъ, которыя могутъ быть приписаны Скинамъ, такъ и съ другихъ — приписываемыхъ имъ Сарматамъ, а равно и въ позднѣйшихъ тюркскихъ, съ золотоордынскими монетами. Г. Шатиловъ находилъ лошадиные остовы съ костями человѣка, желѣзными издѣліями и т. д. въ курганахъ Феодосійскаго уѣзда, Таврической губерніи. См. Изв. Общ. Люб. Ест. Т. 49, в. 3. Въ числѣ могилъ, раскопанныхъ г. Са-

губерніяхъ, но и въ другихъ мѣстностяхъ бассейна Днѣпра, отчасти также Дона, въ губерніяхъ Кіевской, Полтавской, Харьковской, Области Войска Донскаго и т. д. Въ подробностяхъ устройства и содержанія этихъ могилъ замѣчается однако и не мало различій, что, въ связи съ недостаточностью изслѣдованій и часто болѣею бѣдностью погребеній, затрудняетъ во многихъ случаяхъ идентифицированіе ихъ съ типичными скиѣскими. Нѣкоторыя изъ нихъ относятся, повидимому, къ нѣскольکو болѣе позднему періоду, а другія, еще позднѣйшія, составляютъ, можетъ быть, переходъ къ славянскимъ могиламъ, отличающимся вообще отъ скиѣскихъ по характеру своихъ издѣлій, какъ напримѣръ по отсутствію слѣдовъ греческаго вліянія, обилію серебра, иному типу оружія, посуды и т. д. Присутствіе лошадиныхъ остововъ не можетъ служить, въ данномъ случаѣ, характернымъ признакомъ, такъ какъ обычай погребенія съ умершимъ лошади продолжалъ существовать въ этой области и долго спустя послѣ скиѣской эпохи,—у Славянъ и у разныхъ Тюркскихъ кочевниковъ. Одно изъ отличій скиѣскихъ могилъ въ предѣлахъ Малороссіи (Кіевской, Полтавской и другихъ губерній) заключается въ томъ, что кромѣ погребенія въ нихъ встрѣчаются, хотя и рѣже, слѣды трупосоженія, какъ напримѣръ въ могилахъ у с. Яблоновки, Каневскаго уѣзда, у с. Аксютинцовъ, Роменскаго уѣзда, въ могилѣ Опишлянкѣ Ахтырскаго уѣзда, около д. Новогригорьевки, Александровскаго у., Екатеринос. губ. и другихъ, причемъ иногда, въ одномъ и томъ же курганѣ, на разныхъ уровняхъ, встрѣчаются слѣды того и другаго обряда. Въ могилахъ съ трупосоженіемъ (заключающихъ въ себѣ иногда терракотовыя сосуды и изящныя золотыя издѣлія греческой работы) конскихъ остововъ обыкновенно не встрѣчается, хотя кости лошадей попадаютъ иногда въ верхнихъ слояхъ насыпи, вмѣстѣ съ другими остатками тризны. Но въ могилахъ съ погребеніями, какъ напримѣръ въ курганахъ близъ м. Смѣлы, Кіевскаго уѣзда, — въ курганахъ по рр. Сулѣ и Ромнѣ, Роменскаго уѣзда, Полтавской губ. и въ курганахъ Богодуховскаго уѣзда, Харьковской губ., близъ слоб. Лихачевки,—были находимы какъ различныя части конскаго убора, такъ и лошадиныя кости. Многіе изъ кургановъ въ только что перечисленныхъ мѣстностяхъ, по обстановкѣ своихъ погребеній, выказываютъ нѣкоторыя «скиѣскія» черты

моксасовымъ по берегамъ р. Конки, близъ дер. Новогригорьевки, оказалось нѣсколько—особаго устройства, безъ насыпей, заваленныя камнями. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ найдены золотыя бляшки съ головой Горгоны, но въ другихъ, рядомъ, золотыя бляхи, инкрустированныя цвѣтными стеклами и камнями. Найденныя въ могилахъ желѣзные мечи, отчасти украшенныя золотыми бляхами, — отличаются отъ скиѣскихъ своею формою и болѣею величиною. Предметы эти попадаютъ разбросанными въ безпорядкѣ, вмѣстѣ съ углями и костями, но сама земля не носитъ слѣдовъ кострища; поэтому можно предполагать, что всѣ эти вещи и угли съ костями были перенесены сюда съ другаго мѣста, на которомъ были сожжены покойникъ и его лошадь съ ихъ убранствомъ. Г. Самоквасовъ склоненъ приписывать эти могилы Сарматамъ; гг. Толстой и Кондаковъ относятъ ихъ къ III в. по Р. Х., «когда въ страну явились новыя германскія племена, сожигавшія покойниковъ».

и въ то же время имѣютъ нѣчто общее между собою; «скиѣскій» характеръ ихъ выражается отчасти въ устройствѣ глубокаго склепа, часто въ бѣлой глинѣ или усыпаннаго извѣстью, въ засыпаніи этого склепа землей, въ которой попадаются угли и кости животныхъ, въ закрытіи его въ родѣ крыши бревнами или досками, укрѣпленными на столбахъ, въ богатой сравнительно обстановкѣ умершаго разными предметами быта, — оружіемъ, конскою сбруею, посудой, металлическими зеркалами, причѣмъ среди этихъ вещей попадаются иногда золотыя украшенія и сосуды греческаго издѣлія, или по крайней мѣрѣ подходящія нѣсколько по типу къ характернымъ скиѣско-греческимъ или наконецъ указывающіе на отголосокъ, хотя и нѣсколько болѣе поздній той эпохи. Съ другой стороны, сходство въ данномъ случаѣ подтверждается также и отрицательными признаками, отсутствіемъ типичныхъ особенностей позднѣйшихъ славянскихъ и тюркскихъ кургановъ, какъ напр. византійскихъ и восточныхъ монетъ, норманскихъ мечей, серебряныхъ гривенъ, височныхъ колецъ, стремянъ, нѣкоторыхъ формъ серегъ, подвѣсокъ, бусъ и т. д. Указанное сходство въ обстановкѣ не исключаетъ однако извѣстныхъ различій между отдѣльными курганными группами въ частностяхъ, различій, которыя покуда впрочемъ не могутъ еще быть вполне охарактеризованы, въ виду недостаточной изученности этихъ группъ, а отчасти и того обстоятельства, что значительная часть принадлежащихъ къ нимъ кургановъ оказывалась до сихъ поръ разграбленною, очевидно — по причинѣ нахождения въ нихъ цѣнныхъ золотыхъ вещей, что и подтверждается нѣкоторыми болѣе удачными изъ сдѣланныхъ находокъ, когда, вслѣдствіе качества грунта, грабительный подкопъ былъ невозможенъ или когда нѣкоторыя золотыя вещи случайно избѣжали грабительскихъ рукъ. Въ курганахъ близъ мѣстечка Смѣлы, разрытыхъ графомъ А. А. Бобринскимъ, были находимы въ склепахъ, подъ разрушившейся деревянной крышей, остовы съ бронзовыми стрѣлами и остатками колчана, желѣзными копьями, мечами, ножами, бронзовыми зеркалами и браслетами, серебряными и золотыми серьгами, костяными и стеклянными бусами, сосудами греческой и мѣстной работы, также золотыми браслетами съ изображеніемъ грифовъ и нѣкоторыми издѣліями восточнаго происхожденія, каковы напр. костяное изображеніе львиной головы, повидимому персидской работы, или халцедоновый цилиндръ съ вырѣзаннымъ на немъ изображеніемъ бѣгущей лошади и солнечнаго диска, также, по мнѣнію г. Кондакова, «персидской работы или въ крайнемъ случаѣ греческая копія съ персидскаго образца». При остовахъ находились также куски красной (мышьяковистой) и желтой краски ¹⁹³⁾, бронзо-

¹⁹³⁾ Желтая краска — просто куски сѣры. Нѣкоторые полагаютъ, что эти, красная и желтая, краски (ихъ находили также въ курганахъ Роменскаго и Богодуховскаго уѣздовъ) употреблялись не въ качествѣ красокъ, а для куренія, можетъ быть въ религиозныхъ цѣляхъ, въ родѣ ладана. Обѣ краски, дѣйствительно, горятъ, давая ѣдкіе и удушливые пары.—О раскопкахъ гр. Бобринскаго приведены краткія извѣстія у Толстаго и Кондакова, «Русск. Древности», вып. II, и подробныя — въ изданіи самого гр. Бобринскаго: «Курганныя раскопки близъ мѣст. Смѣлы».

выя и желѣзныя удила, а иногда, въ головахъ, и кости лошади (также—барана). Въ курганахъ Роменскаго у., разрытыхъ С. А. Мазараки, погребенія оказывались также въ глубокихъ склепахъ, вырытыхъ въ бѣлой глинѣ (иногда уступами) и усыпанныхъ по дну (обведенному нерѣдко канавкою) известью, и подъ деревянными (изъ дубовыхъ, иногда березовыхъ стволовъ) крышами, опиравшимися на врытые по угламъ столбы. Большая часть кургановъ оказалась ограбленною, посредствомъ ходовъ или лазеекъ, еще въ древнія времена, поэтому золотыя вещи попадаютъ рѣдко, хотя нѣсколько ихъ (напр. бляхи съ изображеніемъ грифовъ, діадема) удалось все-таки найти. Костяки (одинъ или два въ одной могилѣ), большей частью плохо сохранились (падаютъ, впрочемъ, и съ хорошо сохранившимися черепами); на нихъ находили иногда желѣзные панцири, бронзовые браслеты, золотыя серьги, золотыя бляшки, каменные, эмальированныя и золотыя бусы. По сторонамъ костяковъ, близъ стѣнъ и въ углахъ склепа, встрѣчалось довольно много вещей, въ размѣщеніи которыхъ можно было подмѣтить извѣстный порядокъ. Такъ, сосуды всегда стояли у сѣверной стѣны или въ сѣверо-западномъ углу склепа; въ числѣ сосудовъ находились громадныя урны, большія остродонныя амфоры, бронзовыя вазы, большіе и малые горшки, терракотовыя блюдечки и др. По срединѣ гробницы, слѣва отъ костяковъ, встрѣчались: у лѣваго плеча — наконечникъ копья, у лѣвой руки—остатки кожанаго или деревяннаго колчана съ мѣдными или костяными стрѣлами (острїями кверху), у лѣвой кисти—желѣзный топоръ (иногда—бронзовый топорикъ), у ноги (вѣроятно вкладывался въ обувь) — желѣзный ножъ, у пояса, иногда, кинжалъ, ножикъ, оседокъ. Кромѣ того, около лѣвой руки (у женскихъ костяковъ?), встрѣчались еще бронзовыя зеркала съ ручками. Оружіе (наконечники копій), бронзовыя булавы (знаки власти?), разныя украшенія и т. п. встрѣчались еще и у южной стѣны или въ юго-восточномъ углу, гдѣ, а иногда въ юго-западномъ углу, оказывались почти всегда и многочисленныя принадлежности конскаго убора, бронзовыя или желѣзныя удила, желѣзные или костяные усики къ нимъ, бронзовыя бляхи, колокольчики, кольца и прѣзныя бляхи изъ кости отъ сбруи, остатки кожи отъ сѣдла и т. п.; причѣмъ многія бляхи и усики удилъ украшены рѣзными изображеніями конскихъ головокъ, встрѣчающихся также и на ручкахъ зеркалъ. Какъ въ насыпи, такъ и въ склепѣ полагались также кости домашнихъ животныхъ; въ склепѣ онѣ встрѣчались обыкновенно у восточной стѣны (кости лошади, козы, овцы (?), свиньи и, почти постоянно, собаки). Полный скелетъ лошади встрѣтился однако только въ одномъ курганѣ (№ 2) у д. Аксютинцы, гдѣ онъ лежалъ у западной стѣны, тогда какъ въ восточной сторонѣ гробницы находились кости собаки, свиньи, козы и—между ними—ножь ¹⁹⁴).

¹⁹⁴) «Указатель выставки при VII Археол. Съѣздѣ въ Ярославлѣ», стр. 89 слѣд. Я пользовался также подробнымъ рукописнымъ дневникомъ раскопокъ г. Мазараки.

Курганы Богодуховскаго уѣзда Харьковской губ., у с. Лихачевки, раскопанные И. А. Зарѣцкимъ въ 1887—1889 г., оказались, въ большинствѣ случаевъ, также разграбленными. Могилы—ямами въ материкѣ, въ желтой песчанистой глинѣ и подъ деревянными, дубовыми или сосновыми, крышамми, на столбахъ, или на срубѣ¹⁹³); въ насыпи встрѣчаются угли, жженныя кости, конскіе зубы и черепки. Въ головахъ костяка (обыкновенно разрушившагося) или въ юго-западномъ углубленіи попадаютъ сосуды; около головы были находимы стеклянныя бусы и одинъ разъ—золотыя серьги, въ родѣ овальныхъ гладкихъ колецъ, утолщенныхъ въ срединѣ. Въ одномъ случаѣ, въ ямѣ было найдено желѣзное копье и желѣзныя удила, завернутыя, повидимому, вмѣстѣ съ бронзовымъ рыболовнымъ крючкомъ (въ $3\frac{1}{8}$ дюйма длины), въ какую-то ткань или мѣшокъ изъ холста, въ другомъ—остатки деревяннаго колчана съ 33 бронзовыми стрѣлами; въ третьемъ, у головы,—витой золотой обручъ, разломанный на пять частей и сохранившійся отъ разграбленія, повидимому, оттого, что онъ спалъ съ умершаго и плотно прилегалъ ко дну ямы. Нетронутымъ оказался только курганъ вышиною въ 2 сажени и окружностью въ 90 саж., извѣстный въ народѣ подъ именемъ Витовой могилы и ссыпанный изъ песку. Дно ямы здѣсь (на глубинѣ сажени ниже материка) состояло изъ песчанистой глины и было густо посыпано углями, а по срединѣ покрыто какой-то настилкой изъ бересты, ткани и мѣха, въ которой оказались человѣческіе зубы и подъ которой, на самомъ днѣ ямы, лежали всѣ зубы лошади (въ томъ порядкѣ, какъ въ челюстяхъ), но отъ костей человѣка и лошади не осталось и слѣда. Повидимому, на днѣ ямы здѣсь положенъ былъ трупъ (или голова) лошади, а выше ея, на подстилкѣ изъ мѣха и ткани—трупъ человѣка. Въ сѣверо-западномъ углу ямы оказалась кучка углей, а подъ ними—колчанъ и въ немъ 238 стрѣлъ съ остатками очень тонкихъ древковъ и съ бронзовыми трехгранными наконечниками, обращенными остриями вверхъ и на сѣверъ. Колчанъ сдѣланъ былъ изъ дерева и покрытъ снаружи красной кожей, а внутри—какимъ-то невысокимъ мѣхомъ; лицевая сторона его была украшена золотыми (электровыми) бляхами, изъ коихъ 11, расположенныхъ вдоль верхняго края, изображали крылатыхъ львовъ, а остальные, находившіяся въ нижней половинѣ колчана—горныхъ козловъ (6) и нѣчто въ родѣ грифовыхъ головокъ (11); по срединѣ же колчана находилась большая, круглая, выпуклая бронзовая бляха, обтянутая листовымъ золотомъ и украшенная орнаментомъ. Золотыя изображенія звѣрей имѣли ямочки, въ которыя были вставлены зеленныя стеклышки. Возлѣ колчана лежали нѣсколько роговыхъ пластинокъ, повидимому отъ лука, и четыре желѣзныхъ усика отъ удила.—Одинъ нетронутый курганъ удалось раскопать еще г. Зарѣцкому на границѣ Ахтырскаго уѣзда (въ 6 вер. отъ с. Лихачевки). Курганъ этотъ, извѣстный въ народѣ подъ названіемъ «Мо-

¹⁹³) Въ одномъ курганѣ, на доскахъ можно было различить какіе-то знаки, сдѣланные мѣломъ.

вья и желѣзья удила, а иногда, въ головахъ, и кости лошади (также—барана). Въ курганахъ Роменскаго у., разрытыхъ С. А. Мазараки, погребенія оказывались также въ глубокихъ склепахъ, вырытыхъ въ бѣлой глинѣ (иногда уступами) и усыпанныхъ по дну (обведенному нерѣдко канавкою) известью, и подъ деревянными (изъ дубовыхъ, иногда березовыхъ стволовъ) крышами, опиравшимися на врытые по угламъ столбы. Большая часть кургановъ оказалась ограбленною, посредствомъ ходовъ или лазеекъ, еще въ древнія времена, поэтому золотыя вещи попадаютъ рѣдко, хотя нѣсколько ихъ (напр. бляхи съ изображеніемъ грифовъ, діадема) удалось все-таки найти. Костяки (одинъ или два въ одной могилѣ), большей частью плохо сохранились (падаютъ, впрочемъ, и съ хорошо сохранившимися черепами); на нихъ находили иногда желѣзные панцыри, бронзовые браслеты, золотыя серьги, золотыя бляшки, каменные, эмальированныя и золотыя бусы. По сторонамъ костяковъ, близъ стѣнъ и въ углахъ склепа, встрѣчалось довольно много вещей, въ размѣщеніи которыхъ можно было подмѣтить извѣстный порядокъ. Такъ, сосуды всегда стояли у сѣверной стѣны или въ сѣверо-западномъ углу склепа; въ числѣ сосудовъ находились громадныя урны, большія остродонныя амфоры, бронзовыя вазы, большіе и малые горшки, терракотовыя блюдечки и др. По срединѣ гробницы, слѣва отъ костяковъ, встрѣчались: у лѣваго плеча — наконечникъ копья, у лѣвой руки—остатки кожанаго или деревяннаго колчана съ мѣдными или костяными стрѣлами (острїями кверху), у лѣвой кисти—желѣзный топоръ (иногда—бронзовый топорикъ), у ноги (вѣроятно вкладывался въ обувь) — желѣзный ножъ, у пояса, иногда, кинжалъ, ножикъ, оселокъ. Кромѣ того, около лѣвой руки (у женскихъ костяковъ?), встрѣчались еще бронзовыя зеркала съ ручками. Оружіе (наконечники копій), бронзовыя булавы (знаки власти?), разныя украшенія и т. п. встрѣчались еще и у южной стѣны или въ юго-восточномъ углу, гдѣ, а иногда въ юго-западномъ углу, оказывались почти всегда и многочисленныя принадлежности конскаго убора, бронзовыя или желѣзныя удила, желѣзные или костяные усики къ нимъ, бронзовыя бляхи, колокольчики, кольца и прорѣзныя бляхи изъ кости отъ сбруи, остатки кожи отъ сѣдла и т. п.; причемъ многія бляхи и усики удилъ украшены рѣзными изображеніями конскихъ головокъ, встрѣчающихся также и на ручкахъ зеркалъ. Какъ въ насыпи, такъ и въ склепѣ полагались также кости домашнихъ животныхъ; въ склепѣ онѣ встрѣчались обыкновенно у восточной стѣны (кости лошади, козы, овцы (?), свиньи и, почти постоянно, собаки). Полный скелетъ лошади встрѣтился однако только въ одномъ курганѣ (№ 2) у д. Аксютинцы, гдѣ онъ лежалъ у западной стѣны, тогда какъ въ восточной сторонѣ гробницы находились кости собаки, свиньи, козы и—между ними—ножъ ¹⁹⁴).

¹⁹⁴) «Указатель выставки при VII Археол. Съѣздѣ въ Ярославлѣ», стр. 89 слѣд. Я пользовался также подробнымъ рукописнымъ дневникомъ раскопокъ г. Мазараки.

5 бронзовыми, крюкастыми стрѣлами, желѣзнымъ ножикомъ съ костяной ручкой, и послѣдней фалангой пальца медвѣдя ¹⁹⁶⁾.

Въ Западной Европѣ обычай погребенія съ умершимъ лошадей могъ быть констатированъ уже въ могилахъ древнѣйшаго желѣзнаго вѣка (или даже конца бронзоваго, а можетъ быть и каменнаго вѣка) ¹⁹⁷⁾. Бронзовыя и желѣзныя удила, другія принадлежности конскаго убора, а иногда и самыя кости лошадей были находимы въ древнихъ могилахъ Италіи, (скелетъ лошади былъ найденъ даже въ одной могилѣ до-этррускаго періода, въ Эсте, вмѣстѣ съ каменными орудіями, см. выше), въ курганахъ древнихъ Галловъ и Бриттовъ и въ извѣстномъ Галльштадтскомъ могильникѣ въ Зальцбургѣ, древность котораго заходитъ за 1-ый вѣкъ до Р. Х. Относительно Галловъ мы знаемъ изъ Цезаря (*De bello gallico*. VI, 19), что они сжигали при торжественныхъ похоронахъ животныхъ умершаго, въ томъ числѣ и лошадей и любимыхъ его рабовъ. Съ другой стороны, раскопки Галльскихъ могилъ доставили какъ остатки конскаго убора и самихъ лошадей, такъ и обломки погребальныхъ или употреблявшихся при жизни колесницъ. Бронзовыя удила находили какъ въ Этррусскихъ гробницахъ (иногда съ бронзовыми мечами) и въ «Скиоскихъ» курганахъ, такъ и въ нѣкоторыхъ могилахъ Австріи (Галльштадтъ) и Сѣверной Германіи. Въ Англіи костяки лошадей были найдены въ двухъ «Кельтскихъ» могилахъ;—въ Йоркширѣ ихъ встрѣчаютъ также, равно какъ желѣзныя удила и другія принадлежности конскаго убора, въ могилахъ Англо-Саксовъ, какъ напримѣръ близъ *Breastdown*, въ графствѣ Кентъ ¹⁹⁸⁾. Въ германскую эпоху погребеніе съ умершими лошадей

¹⁹⁶⁾ Вещи изъ раскопокъ Н. А. Зарѣцкаго, въ Харьковской губ., приобрѣтены Императорскимъ Историческимъ Музеемъ. Я имѣлъ въ рукахъ подробный рукописный дневникъ этихъ раскопокъ. Кромѣ того, г. Зарѣцкій сообщилъ мнѣ данныя и объ его раскопкахъ кургановъ въ Полтавской губ.

¹⁹⁷⁾ Въ Мекленбургѣ, въ одномъ курганѣ, недалеко отъ Балтійскаго моря, на глубинѣ въ 8 футовъ ниже вершины кургана, былъ найденъ костякъ очень высокаго роста человѣка; рядомъ съ черепомъ его, съ лѣвой стороны лежалъ черепъ лошади, а у рукъ и ногъ — нѣсколько кремневыхъ ножей. Крутомъ было положено еще болѣе дюжины скелетовъ, головами къ центру кургана, а ногами къ окружности его. При нихъ тоже были кремневые ножи. — Въ другомъ мѣстѣ, тамъ же, въ курганѣ, ссыпаннымъ изъ камней, были найдены двѣ могилы, въ которыхъ оказались урны, каменные орудія, украшенія изъ янтаря и лошадиныя кости. См. *J. Kemble, Horiae feralea*. 1863, p. 65 — 66.

¹⁹⁸⁾ О бронзовыхъ удилахъ см. *Gozzadini, De quelques mors de cheval italiques*. 1875 и *Virchow, Funde von Zaborowo*, въ «*Verhandl. Berl. Anthr. Ges.* 1875. S. 154. Въ Галльштадтскомъ могильникѣ, по словамъ *Sacken'a* («*Das Grabfeld von Hallstadt*». 1868) кости домашнихъ животныхъ встрѣчаются рѣдко, тѣмъ не менѣе остатки лошадей были находимы тамъ Рамзауеромъ и гр. Тышкевичемъ. Послѣдній (гр. *Тышкевичъ*, О курганахъ въ Литвѣ. Вил. 1865, стр. 133) говоритъ, что однажды, въ присутствіи бывшаго австрійскаго министра Баумгартена, онъ «раскрылъ (на Галльштадтскомъ кладбищѣ) одинъ гробъ необыкновенный, въ которомъ, кромѣ бронзовой урны и праха сожженаго человѣческаго тѣла, оказался еще лежавшій остовъ лошади». По словамъ *Лѣдбока* («*Досторическія времена*» рус. пер. подъ редакціей Анучина; 1876, стр. 116), изъ раскопокъ британскихъ кургановъ, произведенныхъ г. Бэтеманомъ, видно, что

составляло вообще довольно распространенный обычай. Мы упоминали уже ранѣе (въ главѣ о ладѣ) о случаяхъ находокъ остововъ лошадей въ курганахъ викинговъ, а равно и въ могилахъ болѣе древняго желѣзнаго вѣка Скандинавіи. Въ нѣкоторыхъ курганахъ Швеціи и Норвегіи находили даже большое число, до 12 лошадиныхъ остововъ. Въ Даніи короли и вожди хоронились обыкновенно не только съ ихъ оружіемъ и утварью, но и съ лошадьми, снабженными удилами, стременами и другими частями конскаго наряда. Въ Скандинавскихъ сагахъ также встрѣчаются, какъ мы видѣли, указанія, что тѣла знатныхъ вождей сожигались или погребались вмѣстѣ съ ихъ осѣданными конями, а иногда и съ колесницей. Довольно обыкновенны также случаи находокъ лошадиныхъ костей въ могилахъ Франковъ, Бургундовъ и другихъ Германскихъ племенъ. Цѣлые скелеты лошадей, коровъ, овецъ, свиней и собакъ — были находимы, по Линденшмидту, въ бургундскихъ могилахъ у Эшаллана (Echallens), близъ Лозанны. Скелеты лошадей характеризуютъ, впрочемъ, только могилы вполнѣ вооруженныхъ и богато обставленныхъ воиновъ. «Могильникъ у Нордендорфа доставилъ четыре лошадиныхъ остова, могильникъ близъ Ульма — столько-же. Отдѣльные скелеты были найдены въ могилахъ у Фридольфа, Сельцена и Конфлана во Франціи, два — въ могильникѣ Анвермѣ (Envermeu) и нѣсколько — въ могилахъ Англосаксовъ. Но наибольшее число ихъ доставилъ могильникъ у Бекума (Beskum). Тамъ, еще до систематическаго изслѣдованія, изъ 77 могилъ остовы лошадей были найдены въ трехъ, а затѣмъ было открыто еще четырнадцать лошадиныхъ остововъ, изъ нихъ восемь съ удилами и три, кромѣ того, съ сѣдельнымъ уборомъ.»¹⁹⁹). Относительно періода времени, когда у Германцевъ продолжался обычай снабжать умершаго лошадью, можно сказать — замѣчаетъ Линденшмидтъ — только то, что въ эпоху Каролинговъ, по крайней мѣрѣ у Франковъ, лошадь уже не зарывалась съ умершимъ, а только удила и другія части конскаго убора, что иногда дѣлалось и ранѣе, а въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ продолжалось и много позже. При остовахъ лошадей удила встрѣчаются не часто и еще рѣже стремена, шпоры (вѣрнѣе — одна шпора) и узорчатыя бляхи отъ сѣдла и сбруи. Въ нѣкоторыхъ, особенно прежнихъ извѣстіяхъ о раскопкахъ, упоминается о находкахъ однихъ лошадиныхъ череповъ, безъ прочаго костяка, но, по мнѣнію Линденшмидта, извѣстія эти не заслуживаютъ довѣрія, такъ какъ во всѣхъ

кости и зубы лошадей встрѣчаются всего чаще вмѣстѣ съ орудіями изъ металла и весьма рѣдко (если только встрѣчаются) въ могилахъ каменнаго вѣка. Въ позднѣйшую эпоху какъ лошадь, такъ и быки приносились повидимому, въ жертву на могилахъ, и мясо ихъ, вѣроятно, употреблялось въ пищу при похоронныхъ пиршествахъ. О находкахъ лошадиныхъ скелетовъ въ кельтскихъ и англосаксонскихъ могилахъ Англій, см. *Kemble, Noae ferale* p. 66. Онъ же приводитъ случаи находокъ остатковъ большихъ собакъ, напр. въ кельтскихъ курганахъ Вильтшира.

¹⁹⁹) *Lindenschmidt, Handbush der deutschen Alterthumskunde* I. S. 132 — 133, также 284 — 296.

болѣе тщательно изслѣдованныхъ могилахъ Англии, Бельгии и Германіи оказывались полные лошадиные остовы. Точно также Линденшмидтъ не придаетъ значенія извѣстію, что въ могилѣ Хильдерика были найдены останки конюха, на что указываетъ, будто-бы, второй, меньшей величины, человеческій черепъ. Судя по найденнымъ около черепа богатымъ украшеніямъ, онъ принадлежалъ, несомнѣнно, женщинѣ (супругѣ короля?). Узкая форма удиль, найденныхъ въ прирейнскихъ могилахъ, указываетъ, повидимому, на мелкую породу лошадей, хотя изъ историческихъ данныхъ извѣстно, что у Бургундовъ, Готовъ, Лонгобардовъ существовали, по крайней мѣрѣ съ V вѣка, и крупныя, болѣе рослыя и красивыя породы.

Тотъ-же обычай погребенія съ умершимъ его лошади существовалъ мѣстами у Славянъ и, повидимому, у Литовцевъ. Въ области Лужичанъ (Niederlausitz), въ Губенскомъ округѣ, близъ Наасо, найдено было, при паханіи земли, около дюжины человеческихъ остововъ съ остатками при нихъ желѣзныхъ вещей, глиняныхъ сосудовъ и, между прочимъ, цѣлаго лошадиного скелета.²⁰⁰⁾ Въ Восточной Пруссіи, въ одномъ холмѣ гравія у Лебертсхофа, близъ Лабіау, найдено было нѣсколько человеческихъ и лошадиныхъ костяковъ, погребенныхъ отдѣльно, первые—почти безъ всякихъ при нихъ вещей, за исключеніемъ, у одного только, небольшого желѣзнаго ножа и арабскаго диргема VIII вѣка,—лошади-же, наоборотъ, богато снабженныя желѣзными удилами, стременами, пряжками, бронзовыми украшеніями и костяными рѣзными бляхами. Позже, въ той-же мѣстности были найдены и могилы съ трупосожженіемъ, расположенныя рядомъ съ погребальными и относящіяся, отчасти, къ болѣе древней эпохѣ, характеризующей римскими императорскими монетами I—II вѣковъ, такъ называемыми римскими провинціальными фибулами, стеклянными бусами и т. д., отчасти—къ позднѣйшей, отличающейся присутствіемъ фибулъ германскаго типа, бронзовыхъ шейныхъ гривенъ и многочисленныхъ желѣзныхъ издѣлій: удиль, стремянъ, пряжекъ, серповъ, ножей, ножницъ, наконечниковъ копій и др. Въ обоихъ видахъ могилъ, въ большомъ числѣ, были встрѣчены и останки лошадей, которые были констатированы также и въ нѣкоторыхъ другихъ группахъ могилъ того-же округа, но почти исключительно съ трупосожженіемъ, какъ напр. въ Шакаулакѣ.²⁰¹⁾

Большинство могилъ восточной Пруссіи и Привислянскаго края заключаютъ въ себѣ однако только погребальныя урны, и въ нихъ нельзя ожидать находокъ сколько нибудь полныхъ лошадиныхъ скелетовъ. Далѣе къ востоку, въ предѣлахъ Литвы и Бѣлоруссіи, встрѣчаются не рѣдко и могилы съ погребеніями, но останки лошадей попадаютъ въ нихъ, повидимому, рѣдко.²⁰²⁾ Чаше находятъ ихъ въ областяхъ болѣе восточныхъ, на

²⁰⁰⁾ Jentsch, Slavische Skeletgräber bei Naaso, въ «Verhandl. d. Berl. Anthr. Ges.» 1886. S. 597.

²⁰¹⁾ Verhandl. d. Berl. Anthr. Ges. IX. 1877. S. 203 ff.

²⁰²⁾ Такъ можно заключить на основаніи раскопокъ гр. Тышкевича, Киркора, Игнатъева, Романова и др.

территоріи русскихъ Славянъ, Финновъ и Тюркскихъ народовъ. Что касается славянской территоріи, то мы упоминали уже выше о нѣкоторыхъ находкахъ проф. Антоновича и Самоквасова, но къ числу ихъ можно прибавить и рядъ другихъ. Такъ, г. Самоквасовъ, въ одномъ небольшомъ курганѣ, находившемся при впаденіи р. Россавы въ Росъ, въ Каневскомъ уѣздѣ, нашелъ могилу съ необыкновенно богато украшеннымъ остовомъ, въ шапкѣ, унизанной золотыми, серебряными, бронзовыми и костяными бляхами, съ серебряной гривной и ожерельемъ изъ янтарныхъ, стеклянныхъ и сердоликовыхъ бусъ на шеѣ, съ золотыми кольцами въ ушахъ и серебрянымъ браслетомъ и перстнемъ на правой рукѣ, съ желѣзнымъ ножикомъ, остатками узорчатой одежды и кожаныхъ сапогъ, и при немъ — остовъ лошади съ остатками узды и сѣдла, украшенныхъ серебряными и мѣдными рѣзными бляхами, желѣзныя стремяна, а въ ногахъ человѣческаго и лошадинаго остововъ — большой бронзовый сосудъ, глиняный — и желѣзные обручи, вѣроятно отъ ведра. Въ той-же мѣстности найдены были и другія невысокія насыпи, съ могилами въ материкѣ, лѣвая половина коихъ занята человѣческими остовами въ гробахъ изъ толстыхъ досокъ, сколоченныхъ желѣзными гвоздями, и имѣющими при себѣ желѣзныя кольчуги, сабли, ножи, огнива, наконечники стрѣлъ, — а въ правой половинѣ находятся лошадиные остовы, положенные хребтомъ вверхъ, вытянутые мордою впередъ въ направленіи туловища, и съ положенными подъ него ногами; при нихъ желѣзныя удила, стремяна, остатки деревянныхъ сѣделъ, серебряныя и бронзовыя бляхи и т. д. Въ Кіевской губерніи, впрочемъ, находки лошадиныхъ остововъ въ могилахъ были извѣстны съ давнихъ поръ. Въ «Обозрѣніи могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи» *Фундуклен.* (Кіевъ. 1848, стр. 66.) читаемъ, напримѣръ: «Въ городкѣ Беркозовомъ Каневского уѣзда, въ могилахъ при селѣ Ребедайловкѣ, Чигиринскаго у., находимы были человѣчьи остовы при остовахъ лошадиныхъ, и сверхъ того стремяна и т. п. Между Кегарлыкомъ и Слободкою, Кіевского уѣзда, въ нѣсколькихъ могилахъ найдены человѣчьи остовы и при нихъ лошадиные съ разными остатками сбруи». Въ Васильковскомъ уѣздѣ г. Витковскій находилъ въ курганахъ также неоднократно остатки лошадей; между прочимъ въ одномъ курганѣ ему попались три человѣческихъ и три лошадиныхъ костяка, и при нихъ сабли, кольчуга и серебряныя гривны. Въ Каневскомъ уѣздѣ, у с. Яблоновки, въ верхнихъ частяхъ кургановъ (нижніе слои коихъ заключали въ себѣ могилы съ трупосожженіемъ, скифской эпохи), г. Самоквасовымъ были найдены человѣческіе и лошадиные остовы съ желѣзными удилами и стремянами, и, въ одномъ случаѣ, съ монетой XII вѣка²⁰³⁾. Ястребовъ, въ одномъ курганѣ близъ с. Компанеевки, Елисаветградскаго у., Херсонской губ., нашелъ кромѣ человѣческаго скелета и нѣсколькихъ отдѣльныхъ человѣческихъ череповъ — скелетъ лошади (2-3 лѣтъ) и, вмѣстѣ съ нимъ, остатки желѣзныхъ удилъ, пряжки и т. д.²⁰⁴⁾. Принадлежатъ-ли всѣ эти курганы Славя-

²⁰³⁾ См. Каталогъ Антропол. выставки 1879 г. Отд. доисторич. древностей.

²⁰⁴⁾ Ястребовъ, въ «Древностяхъ», XII, стр. 113 — 114.

намъ или, что можетъ быть вѣроятнѣе, нѣкоторые изъ нихъ ссыпаны были Тюркскими народами, сказать трудно, но остатки лошадей найдены были и въ несомнѣнныхъ Славянскихъ могилахъ съ кострищами, ссыпанныхъ Сѣверянами и Кривичами, въ нынѣшнихъ Черниговской и Смоленской губерніяхъ. Такъ г. Самоквасовъ встрѣтилъ жженыя человѣческія и конскія (также птичьи и рыбьи) кости и желѣзныя удила въ кострищѣ Чернаго кургана въ г. Черниговѣ, а В. И. Сизовъ находилъ ихъ, вмѣстѣ съ удилами, въ могилахъ съ трупосожженіемъ, Смоленской губерніи (у дер. Гнѣздово, Кошино, Дроково). Вообще, однако, въ предѣлахъ русско-славянской территоріи остатки лошадей попадаются у насъ сравнительно не часто. Проф. Антоновичъ, производившій много раскопокъ кургановъ въ губерніяхъ Кіевской, Волынской, Подольской, Черниговской, Полтавской и Херсонской, встрѣтилъ лошадиныя кости только въ трехъ случаяхъ (трехъ группахъ кургановъ); это именно: 1) у селъ Пышки и Зеленки Каневского уѣзда (погребеніе верхомъ на лошади, описанное выше); 2) въ группѣ кургановъ у села Миген, на берегу Буга, въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, Херсонской губ., на границѣ Подольской: здѣсь, на днѣ кургана, рядомъ со скелетомъ человѣка, лежавшимъ горизонтально, головою къ западу, у лѣвой его плечевой кости лежала одна голова лошади; въ зубахъ у нея была желѣзная уздечка, кольца которой прилегали снаружи къ челюстямъ животнаго; по другую сторону лошадиной головы, рядомъ съ нею, лежали четыре копыта, вмѣстѣ съ бабками, но ни длиныхъ костей ногъ, ни другихъ костей лошадиного остова въ могилѣ вовсе не было; 3) третій типъ встрѣтился въ гробницахъ (числомъ 8), раскопаннымъ г. Немиричемъ у м. Тальное, въ Уманьскомъ уѣздѣ Кіевской губ. Могилы эти — безъ курганныхъ насыпей и имѣли видъ площадокъ, окруженныхъ кольцомъ большихъ валуновъ. Внутри кольца находились могилы, въ каждой былъ скелетъ и при немъ значительное количество желѣзнаго оружія. У ногъ одного скелета стоялъ бронзовый сосудъ (кадильница) византійской работы, съ изображеніемъ четырехъ святыхъ; г. А. С. Уваровъ относилъ этотъ сосудъ, по стилю, къ VI—VIII вв. Земля, покрывавшая всѣ скелеты, были переполнена множествомъ лошадиныхъ зубовъ, но другихъ костей лошади въ могилахъ не было. За исключеніемъ перечисленныхъ случаевъ, проф. Антоновичъ не встрѣчалъ въ могилахъ лошадиныхъ костей, несмотря на то, что (по 1888-й годъ) имъ было раскопано въ указанныхъ губерніяхъ всего 354 кургана. Сожженныхъ костей лошади онъ также не встрѣчалъ, хотя курганы съ обломками жженныхъ человѣческихъ костей встрѣчались ему часто въ Черниговской губерніи ²⁰⁵). Довольно рѣдко встрѣчаются также остатки лошадей въ Смоленскихъ курганахъ, а равно и въ Новгородскихъ (какъ могущихъ быть приуроченными Славянамъ, такъ и Финнамъ). Н. Е. Бранденбургъ, раскопавшій массу кургановъ въ Новгородской губерніи, пишетъ мнѣ, что ни цѣлыхъ скелетовъ лошади, ни череповъ ея ему не

²⁰⁵) Изъ письма ко мнѣ профессора В. Б. Антоновича, зимою 1888/9 г.

попалось ни разу; конскихъ удилъ также встрѣчено лишь три экземпляра. Попадались только отдѣльныя кости (лопатки, хвостовые позвонки и др.), и ихъ обломки, и то лишь въ восьми курганахъ и исключительно въ могилахъ съ трупосожженіемъ. Два или три изъ этихъ восьми кургановъ г. Бранденбургъ считаетъ славянскими, остальные—финскими²⁰⁶). Повидимому, остатки лошадей попадались довольно рѣдко и Л. К. Ивановскому, производившему многочисленныя раскопки въ курганахъ Новгородской и С.-Петербургской губерній²⁰⁷). Еще рѣже встрѣчаются они въ могилахъ Волынской губерніи, приурочиваемыхъ Древлянамъ, какъ о томъ можно заключить изъ раскопокъ гг. Антоновича и Гамченко²⁰⁸).

Въ большомъ курганѣ у с. Гнѣздова, Смоленскаго уѣзда, В. И. Сизовъ встрѣтилъ кострище, которое заключало въ себѣ остатки цѣнныхъ, вѣроятно княжескихъ военныхъ доспѣховъ,—меча, копій, шлема, щита, также разныхъ украшеній и проч., и при нихъ остовъ барана, положеннаго, очевидно, въ качествѣ пищи умершему. Остатковъ лошади при этомъ не найдено, но цѣлый лошадиный костякъ оказался въ сосѣдномъ небольшомъ курганѣ, ссыпанномъ, очевидно, одновременно съ большимъ, въ которомъ были найдены, кромѣ того, двѣ бусы, два звена проволоочной цѣпочки и восточная монета (диргемъ начала X вѣка), но никакихъ слѣдовъ человѣческихъ костей. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ трупъ

²⁰⁶) Изъ письма ко мнѣ Н. Е. Бранденбурга, отъ 8-го марта 1888 г. Къ финскимъ курганамъ Н. Е. причисляетъ (изъ упомянутыхъ восьми): два — на лѣвомъ берегу рѣки Сязниги (притока Паши), на урочищѣ «Дѣдово поле»; въ одномъ изъ нихъ найденъ былъ небольшой слой сожженныхъ костей человѣка и лошади, 1 суставъ пальца медвѣдя, желѣзный топоръ, копье, стрѣлы, нѣсколько украшеній и обломковъ Сассанидскаго диргема X в.; въ другомъ оказались, кромѣ жженныхъ костей (человѣка, собаки, коровы) и желѣзныхъ орудій, еще *желѣзныя удила*; два кургана на правомъ берегу рѣки Паши, изъ коихъ, въ одномъ, кромѣ костей человѣка и фаланги медвѣдя, а также нѣсколькихъ бусъ, пряжекъ, капья, ножа, были найдены еще *два хвостовыхъ позвонка лошади* и *желѣзныя удила*, а въ другомъ — рядомъ съ мечемъ, 2 топорами, копьемъ, ножомъ, замкомъ, стрѣлами, бубенчикомъ — *желѣзныя удила* и кости человѣка, медвѣдя и лошади; еще одинъ курганъ, у дер. *Городище*, на правомъ берегу рѣки Сяси, въ которомъ, между человѣческими костями, также оказался *хвостовой позвонокъ лошади*. Къ славянскимъ курганамъ Н. Е. относитъ: 1) на лѣвомъ берегу рѣки Волхова, выше Старой Лядоги, на урочищѣ «Побѣдище» — гдѣ вещей не оказалось почти никакихъ, но куча сожженныхъ человѣческихъ и *конскихъ* костей, съ нѣсколькими медвѣжьими фалангами, позвонкомъ змѣи и птичьими костями; 2) на лѣвомъ берегу рѣки Волхова, ниже Старой Лядоги, гдѣ была найдена, между прочимъ, *лошадина лопатка*, и 3) въ Старой Лядогѣ, — отдѣльный курганъ, гдѣ оказался горшокъ съ сожженными костями, обломками гребня и нѣсколькими бусами, и около него — слой сожженныхъ костей человѣка и животныхъ: лошади, коровы, кошки и росомахи, а также 2 желѣзныхъ обломка. По близости найденъ былъ погребенный скелетъ, но кости въ безпорядкѣ и вещей никакихъ.

²⁰⁷) Впрочемъ въ юго-западной части Новгородской губ., на берегу рѣки Порусья, въ группѣ Марфинскихъ кургановъ, Ивановскій встрѣчалъ по его словамъ, остатки лошадей, собакъ и орловъ.

²⁰⁸) *Гамченко*. Житомирскій могильникъ. Жит. 1888.

лошади удостоился отдѣльнаго погребенія въ особомъ, рядомъ ссыпанномъ, курганѣ ²⁰⁹). Фактъ этотъ не есть, повидимому, исключительный. Объ отдѣльномъ погребеніи коней и о насыпкѣ надъ ними кургановъ мы имѣемъ нѣсколько указаній въ свидѣтельствахъ исторіи и народныхъ преданіяхъ ²¹⁰), а равно и въ данныхъ раскопокъ. Не возвращаясь къ ранѣе приведеннымъ случаямъ, къ находкамъ въ греческимъ и скинскихъ курганахъ, когда для коней устраивались особые склепы и гробницы, можно привести нѣсколько другихъ, когда надъ лошадиными трупами насыпались отдѣльные курганы. Первый, повидимому, указалъ на такіе случаи гр. А. С. Уваровъ въ своемъ изслѣдованіи о Мерянскихъ курганахъ (во Владимірской и Ярославской губ.) ²¹¹). «Меряне, говоритъ графъ, по обычаю многихъ языческихъ народовъ, клали въ могилу вокругъ покойнаго, несмотря на то, по какому изъ двухъ обрядовъ онъ былъ погребенъ (т. е. было ли тѣло его просто погребено или предварительно сожжено), всѣ любимыя его вещи и домашнюю утварь. Воина хоронили съ оружіемъ, конскою сбруею, стремями... При этомъ на домашнихъ животныхъ смотрѣли тоже, какъ на любимыя предметы умершаго хозяина, какъ видно изъ того, что кости животныхъ часто попадаютъ возлѣ человѣческаго остова.... Конь, однако, въ древнія времена, какъ рѣдкое животное, составлялъ исключительно собственность князей и главныхъ правителей народовъ. Оттого въ Даніи, гдѣ конь всегда считался спутникомъ важнаго лица, раскопка кургановъ доказала, что присутствіе лошадиныхъ костей въ курганѣ всегда составляетъ вѣрный признакъ могилы владѣтельнаго лица или вообще вождя. То же самое заключеніе, повидимому, можетъ быть выведено и изъ раскопки мерянскихъ кургановъ. Во-первыхъ, мы знаемъ изъ арабскихъ писателей, что недостатокъ въ лошадяхъ у народовъ, жившихъ въ окрестностяхъ Волги, сдѣлалъ у нихъ изъ верховаго коня такого рѣдкаго животнаго, что только князья были въ состояніи имѣть его. Владѣть конемъ составляло особую

²⁰⁹) Любопытно, что въ главномъ курганѣ была найдена также $\frac{1}{2}$ диргема, по времени чеканки весьма близкаго къ тому, который былъ найденъ въ лошадиномъ курганѣ. Остовъ лошади не выказывалъ слѣдовъ сожженія, какъ остатки человѣка и положенныхъ съ нимъ вещей, а только слѣды ожога. Повидимому, лошадь убили, положили на кострище, но потомъ оттащили и зарыли въ особомъ курганчикѣ, куда попала и часть вещей изъ главнаго кургана.

²¹⁰) Андрей Боголюбскій велѣлъ похоронить своего коня— «жалуя комонства его». П. С. Р. Л. I. 140, II, 47. Сербскій герой Марко Краевичъ, увидавъ приближеніе смерти, вынулъ саблю и отсѣкъ голову своему вѣрному сподвижнику, коню Шарцу; честно похоронилъ его, затѣмъ разбилъ свою саблю, изломалъ копье и т. д. См. *Котляревскій*, 246.—Надалеко отъ Владикавказа, близъ аула Эльхотъ находится курганъ, который носитъ у туземцевъ названіе «могила кобылицы». Съ нимъ связана легенда, что курганъ этотъ насыпанъ надъ трупомъ кобылицы, оказавшей услуги мѣстному алдару (хану) во время осады аула. См. *Алчмивъ*, Отчетъ о поѣздкѣ въ Дагестанъ, въ 1882 г., стр. 19.

²¹¹) Гр. *Уваровъ*. Меряне и ихъ бытъ, въ «Трудахъ I Археол. Съѣзда», стр. 689 и слѣд.

честь, о которой Ибнъ-Доста замѣчаетъ, что «верховыхъ лошадей имѣеть только одинъ человѣкъ».... Отсюда видно, что находимыя въ мерянскихъ курганахъ лошадиныя кости должны имѣть то же значеніе, какъ и въ датскихъ курганахъ, при чемъ рѣдкость коней объясняетъ намъ рѣдкость подобныхъ могилъ, которыя между группами многочисленныхъ кургановъ, иногда числомъ до нѣсколькихъ сотенъ, попадаются не болѣе какъ по двѣ или по три на одномъ кладбищѣ. Лица, погребенныя въ такихъ курганахъ, въ которыхъ находятся лошадиныя кости, имѣютъ всегда при себѣ оружіе, какъ признаки воина, иногда особое головное украшеніе въ родѣ обруча изъ листоваго серебра, служившее, можетъ быть, отличіемъ князя или правителя. Даже въ гробницахъ, гдѣ лошадиныя кости лежали близъ сосудовъ съ жжеными костями, постоянно находились предметы, какъ-то: топоры, копья и другое оружіе, указывающее на могилу воина и во всякомъ случаѣ — не простаго.... Почтеніе къ коню у Мерянъ, какъ можно догадываться по раскопкамъ, простиралось далѣе, чѣмъ у какого либо другаго народа. Они не довольствовались погребеніемъ любимаго коня вмѣстѣ съ умершимъ его хозяиномъ, но насыпали иногда высокіе курганы надъ особыми могилами, въ которыхъ находятся однѣ лошадиныя кости. Въ существованіи такихъ особыхъ могилъ нельзя сомнѣваться послѣ найденныхъ примѣровъ. Близъ села Шелебова, въ обширномъ курганѣ, въ 19 арш. въ окружности и въ 1½ арш. вышины, находились только лошадиныя кости и разныя кольца и бляхи отъ конской сбруи. У села Шокшова, въ группѣ кургановъ въ урочищѣ «Полевецкая Лужа», были открыты двѣ такія могилы: одна, наполненная только лошадиными костями, безъ всякихъ другихъ предметовъ, заключалась въ высокомъ курганѣ въ 29 арш. въ окружности и въ 2 арш. вышины, другая (курганъ въ 20 арш. окружности) кромѣ лошадиныхъ костей, содержала еще остатки сбруи, бронзовую пряжку и удила. Иногда находили, что въ нижней части кургана стоялъ сосудъ съ пепломъ или погребенное тѣло, а сверху надъ нимъ— лошадиный остовъ со всѣми принадлежностями сбруи, какъ-то: удила, пряжки, стремя и пр. У села Городица въ одномъ курганѣ былъ погребень всадникъ, а сверху подъ тѣмъ же курганомъ насыпанъ былъ другой курганъ, въ которомъ лежали лошадиныя кости. Ни въ томъ, ни въ другомъ курганѣ никакихъ вещей не найдено». Подобное же отдѣльное погребеніе коней было констатировано и въ другихъ мѣстахъ, не только въ предѣлахъ Россіи, но и за границую, въ области западныхъ Славянъ. По словамъ Вагнера, напримѣръ, въ одной могилѣ близъ Kalbe, въ Мекленбургѣ, обозначенной тремя большими камнями, былъ найденъ костякъ лошади и при немъ до двадцати урнъ или горшковъ, но никакихъ слѣдовъ костяка человѣка. Н. Ю. Зографъ, производившій раскопки кургановъ, повидимому — тюркскихъ, у сс. Максимова и Замараева, въ Шадринскомъ у., Пермской губ., замѣчаетъ: «скелеты лошадей постоянно сопутствовали человѣческому и даже попадались безъ послѣднихъ въ отдѣльныхъ курганахъ». У с. Замараева изъ 69 кургановъ только 47 дали какіе нибудь остатки, кромѣ слѣдовъ досокъ, угля, золы и человѣче-

лошади удостоился отдѣльнаго погребенія въ особомъ, рядомъ ссыпанномъ, курганѣ ²⁰⁹). Фактъ этотъ не есть, повидимому, исключительный. Объ отдѣльномъ погребеніи коней и о насыпкѣ надъ ними кургановъ мы имѣемъ нѣсколько указаній въ свидѣтельствахъ исторіи и народныхъ преданіяхъ ²¹⁰), а равно и въ данныхъ раскопокъ. Не возвращаясь къ ранѣе приведеннымъ случаямъ, къ находкамъ въ греческимъ и скинскихъ курганахъ, когда для коней устраивались особые склепы и гробницы, можно привести нѣсколько другихъ, когда надъ лошадиными трупами насыпались отдѣльные курганы. Первый, повидимому, указалъ на такіе случаи гр. А. С. Уваровъ въ своемъ изслѣдованіи о Мерянскихъ курганахъ (во Владимірской и Ярославской губ.) ²¹¹). «Меряне, говоритъ графъ, по обычаю многихъ языческихъ народовъ, клали въ могилу вокругъ покойнаго, несмотря на то, по какому изъ двухъ обрядовъ онъ былъ погребенъ (т. е. было ли тѣло его просто погребено или предварительно сожжено), всѣ любимыя его вещи и домашнюю утварь. Воина хоронили съ оружіемъ, конскою сбруею, стременами... При этомъ на домашнихъ животныхъ смотрѣли тоже, какъ на любимыя предметы умершаго хозяина, какъ видно изъ того, что кости животныхъ часто попадаютъ возлѣ человѣческаго остова.... Конь, однако, въ древнія времена, какъ рѣдкое животное, составлялъ исключительно собственность князей и главныхъ правителей народовъ. Оттого въ Даніи, гдѣ конь всегда считался спутникомъ важнаго лица, раскопка кургановъ доказала, что присутствіе лошадиныхъ костей въ курганѣ всегда составляетъ вѣрный признакъ могилы владѣтельнаго лица или вообще вождя. То же самое заключеніе, повидимому, можетъ быть выведено и изъ раскопки мерянскихъ кургановъ. Во-первыхъ, мы знаемъ изъ арабскихъ писателей, что недостатокъ въ лошадяхъ у народовъ, жившихъ въ окрестностяхъ Волги, сдѣлалъ у нихъ изъ верховаго коня такого рѣдкаго животнаго, что только князья были въ состояніи имѣть его. Владѣть конемъ составляло особую

²⁰⁹) Любопытно, что въ главномъ курганѣ была найдена также $\frac{1}{2}$ диргема, по времени чеканки весьма близкаго къ тому, который былъ найденъ въ лошадиномъ курганѣ. Остовъ лошади не выказывалъ слѣдовъ сожженія, какъ остатки человѣка и положенныхъ съ нимъ вещей, а только слѣды ожога. Повидимому, лошадь убили, положили на кострище, но потомъ оттащили и зарыли въ особомъ курганчикѣ, куда попала и часть вещей изъ главнаго кургана.

²¹⁰) Андрей Боголюбскій велѣлъ похоронить своего коня — «жалую комонства его». П. С. Р. Л, I. 140, II, 47. Сербскій герой Марко Краевичъ, увидавъ приближеніе смерти, вынулъ саблю и отсѣкъ голову своему вѣрному сподвижнику, коню Шарцу; честно похоронилъ его, затѣмъ разбилъ свою саблю, изломалъ копье и т. д. См. *Котляревскій*, 246.—Надалеко отъ Владикавказа, близъ аула Эльхотъ находится курганъ, который носить у туземцевъ названіе «могила кобылицы». Съ нимъ связана легенда, что курганъ этотъ насыпанъ надъ трупомъ кобылицы, оказавшей услуги мѣстному алдару (хану) во время осады аула. См. *Анучинъ*, Отчетъ о поѣздкѣ въ Дагестанъ, въ 1882 г., стр. 19.

²¹¹) Гр. *Уваровъ*. Меряне и ихъ бытъ, въ «Трудахъ I Археол. Съѣзда», стр. 689 и слѣд.

димому, встрѣчаются въ могилахъ чаще. Такъ, они были находимы нерѣдко въ могильникахъ и курганахъ Пермской и Вятской губерній, между прочимъ и въ знаменитомъ Ананьевскомъ могильникѣ, на Камѣ, близъ Елабуги ²¹⁶). Припомнимъ здѣсь также разсказъ Ибнъ-Фадлана о сожженіи на берегу Итиля, съ умершимъ Русомъ, его коней и наложницы, — разсказъ, относящійся однако къ пришлымъ купцамъ, Славянамъ или Норманамъ. Желѣзные удила, стремена и лошадиныя кости, а иногда и цѣлые лошадиныя скелеты были находимы въ могилахъ и курганахъ Тамбовской ²¹⁷), Воронежской, Самарской, Астраханской, Оренбургской и Уфимской губерній, въ Области Войска Донскаго и Терской, — гг. Игнатъевымъ, Нефедовымъ, Керцелли, Крыловымъ, Кожевниковымъ, Самоквасовымъ и другими ²¹⁸).

Но еще большимъ богатствомъ остатками лошадей отличаются многія группы кургановъ Сибири. Уже Сиверсъ, раскопавшій два кургана на верхнемъ Иртышѣ, въ одномъ днѣ пути отъ Норъ-Зайсана, встрѣтилъ подъ грудями камней, слою чернозема и за тѣмъ слюдистаго песка — могилу изъ гранитныхъ плитъ, въ которой сверху лежалъ костякъ лошади, а ниже — остатки человѣка (черепъ). Между человѣкомъ и лошадейю оказался прямой мечъ или кинжалъ, 10 трехъгранныхъ желѣзныхъ стрѣлъ,

²¹⁶ По *Невоструеву* («Ананьевскій могильникъ». въ «Трудахъ I Москов. Арх. Съѣзда», стр. 664, 625), — у нѣкоторыхъ скелетовъ найдены кости лошадиныя (ноги, зубы), иногда рядомъ съ мѣдными кольцами. Кроме того, въ нѣсколькихъ могилахъ найдены мѣдныя и желѣзныя удила, и другія принадлежности конской сбруи и наряда.

²¹⁷ Цѣлый рядъ удилъ изъ могилъ Тамбовской губ. имѣется въ Историческомъ Музеѣ.

²¹⁸ *Игнатъевъ* (см. «Труды I Арх. Съѣзда», стр. 154) находилъ въ курганахъ Троицкаго у., Оренбургской губ., на берегу р. Убалы, — желѣзные стремена, удила, человѣческія, лошадиныя и верблюжьи кости. *Керцелли* и *Крыловъ* встрѣтили лошадиныя остовы въ курганахъ около Новочеркаска и по рѣкѣ Салу. (См. въ изданіи «Антропологическая выставка», т. II). *Керцелли* же находилъ ихъ въ курганахъ Терской области, гдѣ, въ одномъ большомъ курганѣ около Пятигорска, въ нижнемъ слоѣ его, и г. Самоквасовъ нашелъ два лошадиныхъ черепа, при человѣческомъ остовѣ съ каменнымъ молоткомъ. (См. «Труды V Тифлискаго Съѣзда».) Въ 7 верстахъ отъ Самары, на лѣвомъ берегу Волги, къ сѣверу отъ ст. Кряжъ, въ одномъ курганѣ, при случайной его раскопкѣ въ 1880 г., были встрѣчены человѣческія кости, въ томъ числѣ деформированный черепъ, и при нихъ скелетъ лошади, желѣзная сабля и золотая серьга. См. *Анучинъ*, «О древнихъ искусственно деформированныхъ черепахъ, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи». М. 1887, стр. 46 — 47. — Въ Астраханской губ., въ Яндыковскомъ улусѣ, въ пескѣ Калмыковъ Шабинерова рода, въ 1882 г. случайно былъ найденъ скелетъ человѣка и лошади, и вблизи ихъ: серебряная цѣпочка, колечко и бусы изъ лазури, сердолика и зеленого стекла. (См. «Моск. Вѣд.» 1885 г. отъ 25 окт.). А. Н. Харузинъ, въ одномъ курганѣ Букеевской степи, близъ Ново-Казанки, нашелъ, на глубинѣ 88 сантиметровъ, скелетъ лошади съ удилами, а на глубинѣ 230 сант. скелетъ человѣка, въ ногахъ котораго найдены желѣзныя стремена, сѣдло изъ бересты, наконечникъ копья и желѣзная пряжка. А. *Харузинъ*, «Курганы Букеевской степи», стр. 7). Проф. А. Я. Кожевниковъ нашелъ желѣзныя удила и стремена въ одномъ курганѣ Острогжскаго уѣзда, Воронежской губ. — Ф. Д. Нефедовъ находилъ лошадиныя кости, желѣзныя удила и стремена — въ курганахъ Уфимской, Оренбургской губ. и Тургайской области.

скихъ костей; изъ нихъ три заключали въ себѣ единственно лошадиные скелеты ²¹²).

Въ средней Россіи и въ Прибалтійскомъ краѣ, на исконной территоріи Финновъ, остатки лошадей въ могилахъ встрѣчаются не часто. Такъ, они очень рѣдки въ могилахъ древнихъ Ливовъ, Прибалтійскаго края вообще, (хотя встрѣчаются въ Лифляндіи), въ могильникахъ и курганахъ Финляндіи, Петербургской, Новгородской, Олонецкой, Тверской, Ярославской, Костромской и Московской губерній. У мирнаго курганнаго племени Московской, Ярославской и Тверской губерній лошади были, повидимому, довольно рѣдки, и остатки ихъ были найдены лишь въ немногихъ курганахъ изъ нѣсколькихъ сотъ ²¹³). У Мери, какъ было сказано выше, лошадь сопровождала въ могилу только болѣе знатныхъ лицъ, князей или военныхъ начальниковъ, можетъ быть даже изъ Славянъ или Нормановъ. У древней Муромы, однако, судя по «Житію князя Константина Муромскаго», закаланіе коней на могилахъ, по крайней мѣрѣ князей, было, повидимому, явленіемъ обычнымъ ²¹⁴). Въ курганахъ Нижегородской губерніи (Нижегородскаго, Княгининскаго и другихъ уѣздовъ) Дружкинъ находилъ кости лошадей нерѣдко. Особенно интересныя раскопки были произведены имъ въ южной части Нижегородской губ., въ трехъ курганахъ близъ д. Малое Терюшево, въ мѣстности, которая по преданію служила для погребенія мордовскихъ князей и окрестности которой и теперь еще заселены Мордвою. При веденіи траншей съ восточной стороны, въ курганахъ этихъ открывался прежде всего на материкѣ (аршина на два отъ края кургана) костякъ коня и при немъ удила и стремяна. Далѣе въ материкѣ оказывалась яма лодкообразной формы, и въ ней весьма ветхій, почти совершенно истлѣвшій костякъ, при которомъ—много бронзовыхъ пряжекъ и украшеній, остатки мѣховой одежды и кошмы, желѣзные ножи, копья, стрѣлы, топоры, мѣдные котелки и, въ одномъ случаѣ, длинная сабля и скелетъ собаки ²¹⁵). Чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ остатки лошадей и конскаго наряда, пови-

²¹²) *Kemble. Negea feralea*, p. 66; *Зографъ*, въ изданіи «Антропологическая выставка», II, стр. 198—200. — Въ Сибири, въ Абаканской степи, были также найдены двойныя могилы, въ одной — человѣческой костякъ, въ другой—вещи и остатки лошадей и другихъ животныхъ. См. далѣе—о раскопкахъ Радлова. Между Новороссійскомъ и Анапой В. И. Сизовъ вскрылъ одинъ курганъ, въ которомъ оказался только остовъ коня съ удилами и стремянами, но безъ слѣдовъ человѣческихъ костей. Къ сожалѣнію, г. Сизовъ не имѣлъ возможности изслѣдовать другіе сосѣдніе курганы, заключающіе въ себѣ вѣроятно и остатки людей.

²¹³) Изъ почти 400 кургановъ, раскопанныхъ въ Московской губ., только въ четырехъ были найдены при костякахъ лошадиныя головы (и кости?); кромѣ того, въ нѣсколькихъ случаяхъ находили еще конскія удила. См. *Кельсиевъ*, въ «Древностяхъ» X, стр. 32, 39.

²¹⁴) Рассказывая объ обращеніи Муромы въ христіанство, сочинитель «Житія» восклицаетъ: «Гдѣ рѣкамъ и озерамъ треба кладуцен?... Гдѣ кони закалающей по мертвымъ и ременная плетенія древолазныя съ нимъ въ землю покоповающей» и проч. *Котляревскій*, стр. 126.

²¹⁵) *Анучинъ*, О раскопкахъ Дружкина, въ «Древностяхъ» X, стр. 34—40.

Подъ лошадьми находился слой мелкихъ камней и затѣмъ нетронутая земля. На сѣверной сторонѣ могила была вырыта шире и шла глубже; въ этой болѣе глубокой ямѣ встрѣчались прежде всего позвонки барана, а затѣмъ человѣческіе, женскіе и мужскіе скелеты, распростертыя на спинѣ и имѣвшіе при себѣ, мужскіе — пращевые камни, желѣзныя и костяныя стрѣлы, желѣзный ножъ, наконечникъ копья и остатки лука, а женскіе — мѣдныя ушныя кольца, остатки головныхъ украшеній, желѣзный кельтъ, серебряное колечко, пряслину и слѣды обуви съ мѣдными застежками. Въ одномъ большомъ курганѣ той же мѣстности, въ насыпи, оказались остатки по крайней мѣрѣ шести лошадей, 6 желѣзныхъ удиль, желѣзныя и костяныя стрѣлки, желѣзный и мѣдные ножи, желѣзная сабля, синія стеклянныя бусы и т. д., все перемѣшанное съ человѣческими костями, очевидно прежними гробокопателями. На глубинѣ двухъ сажень оказались также человѣческія и конскія кости и еще желѣзныя удила. Въ другомъ, небольшомъ курганѣ, на глубинѣ двухъ аршинъ, былъ найденъ лошадиный костякъ, и при немъ желѣзныя удила, стремяна и пряжки, а полъ-аршина ниже — человѣческій остовъ, высокаго роста и при немъ — прямой мечъ, 17 желѣзныхъ и 1 костяная стрѣлка, на груди — остатки ткани и позвонокъ овцы, близь головы — небольшой серебряный сосудъ съ ручкой. Около устья р. Береля, недалеко отъ берега верхней Бухтармы, г. Радловъ вскрыль, въ двухъ группахъ, 7 кургановъ, съ насыпью изъ камней и въ каждомъ встрѣтилъ остатки лошадей, иногда въ большомъ числѣ. Такъ, въ одномъ курганѣ у самой рѣки, вышиною въ $2\frac{1}{2}$ —3 сажени, въ поперечникѣ около 14 сажень, уже между камнями насыпи былъ найденъ лошадиный скелетъ, желѣзныя удила и двое стремянъ. Въ материкѣ оказалась могила въ $3\frac{1}{2}$ сажени длины и три ширины, въ южной части которой, на глубинѣ около $2\frac{1}{2}$ сажень, находился слой бревенъ, а въ сѣверной — слой березовой коры. Когда послѣдняя была разобрана, подъ нею оказались 16 лошадиныхъ скелетовъ, всѣ обращенные головами къ востоку и расположенные въ четыре ряда, по четыре лошади. У первыхъ двухъ, обращенныхъ къ востоку, рядовъ находились желѣзныя удила. Эти 8 лошадей покрыты были довольно толстымъ слоемъ украшеній, вырѣзанныхъ изъ коры и дерева, выложенныхъ отчасти золотыми пластинками. Ниже лошадей оказалась нерушенная земля. Въ южной части могилы, по вынутіи бревенъ и досокъ открылась четырехугольная яма, въ которой, прежде всего, встрѣтился почти истлѣвшій лошадиный костякъ, а на глубинѣ 10 аршинъ (отъ поверхности) — остатки человѣческаго остова и при немъ слѣды мѣдныхъ и нѣсколькихъ золотыхъ, маленькихъ пластинокъ. Въ юго-восточной части ямы, около остова, встрѣтилась еще кучка золы и углей. Въ другихъ, меньшихъ курганахъ той же мѣстности оказались также лошадиные скелеты, иногда до пяти въ одной могилѣ и всегда аршина на $1\frac{1}{2}$ выше человѣческихъ. Нѣкоторое отличіе представили земляные курганы къ сѣверу отъ Алтая, въ Кулундѣ, Барабинской степи и близь Барнаула. Устройство ихъ, въ общемъ, такое же, но лошадей или нѣтъ, или скелеты ихъ лежатъ рядомъ съ человѣческими остовами.

Въ челюстяхъ лошадей — остатки желѣзныхъ удилъ, по бокамъ тѣла — стремяна, около головы — пряжки и кусочки желѣза. Сопоставляя всѣ данныя о курганахъ этой категоріи, Радловъ замѣчаетъ, что одно изъ характерныхъ отличій ихъ заключается въ большомъ числѣ лошадиныхъ скелетовъ ²²²). Въ одномъ курганѣ, какъ сказано, было найдено ихъ 16, въ другихъ 8, 6, 4, даже въ маленькихъ, на Катандѣ, 2 — 3, — фактъ, доказывающій, что народъ, воздвигавшій эти курганы, былъ народомъ коннымъ, обладавшимъ большимъ числомъ лошадей и жизнь котораго была тѣсно связана съ конемъ. Съ другой стороны, находки доказываютъ, что народу этому были извѣстны не только удила, но также стремяна и сѣдла. Въ одной могилѣ на Бухтармѣ и въ большомъ курганѣ на Катандѣ, между вырѣзанными изъ дерева украшениями встрѣтились фигурки лошадей съ сѣдлами на спинѣ, передняя часть которыхъ украшена золотыми пластиночками. Копыта этихъ фигуръ также позолочены. На шеѣ нѣкоторыхъ лошадиныхъ костяковъ встрѣчались также низки кабаньихъ клыковъ и разныя деревянныя, обложенныя золотомъ, украшения. Удила были снабжены по бокамъ большими кольцами; ремни узды украшены мѣднымъ, но иногда также серебрянымъ и золотымъ наборомъ, а на лбу и переносицѣ видѣлись часто круглыя бляхи съ бубенчиками. Находимыя около средней части конскихъ скелетовъ украшения изъ березовой коры, съ золотыми на нихъ листками, свидѣтельствуютъ, повидимому, объ употребленіи чепраковъ, а остатки ремней и металлическихъ пластинокъ на мѣстѣ груди, живота, задней части спины позволяютъ составить нѣкоторое понятіе о различныхъ частяхъ сбруи.

Могилы третьей категоріи, приписываемыя современными инородцами Киргизамъ, встрѣчаются въ большомъ числѣ, въ степи по среднему Абакану. Онѣ — небольшія, не болѣе 1½ сажени въ діаметрѣ, расположены группами по 60 — 80 и болѣе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, попарно, причемъ въ каждой парѣ — одинъ холмикъ круглый, другой овальный. Въ овальныхъ холмикахъ, на глубинѣ не болѣе аршина подъ материкомъ, лежатъ человѣческіе остовы, головами на западъ, безъ всякихъ слѣдовъ одежды и какихъ либо орудій; круглые же курганчики никогда не заключаютъ въ себѣ остова, а только утварь и оружіе. Прежде всего въ нихъ встрѣчается глиняный сосудъ съ узкимъ горломъ, за тѣмъ слой отчасти жеженныхъ, отчасти цѣльныхъ костей животныхъ, чаще всего — овецъ, рѣже — лошадей и быковъ; между костями — желѣзныя издѣлія: топоры, кельты, ножи, наконечники копій, удила, стремяна и изрѣдка — золотыя или серебряныя колечки. Отдѣльное погребеніе вещей и животныхъ, по мнѣнію Радлова, могло развиться со временемъ изъ древняго обычая — хоронить лошадей съ ихъ уборомъ, хотя и въ одной могилѣ съ покойникомъ, но въ сторонѣ или въ особомъ отдѣленіи. Въ одной могилѣ по Абакану Радловъ нашелъ также остатки подковъ изъ тонкой желѣзной пластины съ отверстиями для гвоздей, напоминающіе подковы, употребительныя въ современ-

²²²) Въ одномъ курганѣ оказались также кости верблюда.

номъ Китаѣ. По сторонамъ удиль встрѣчаются разнообразной формы баранчики; подошва стремянъ иногда съ узорами. Къ сѣверу отъ Маринска, по р. Чердату, Радловъ встрѣтилъ небольшія земляныя насыпи еще болѣе позднія, съ остатками одежды, оружія, украшеній, причеиъ въ одной могилѣ нашлась даже русская мѣдная копейка XVII в. Эти могилы не заключали въ себѣ остатковъ лошадей; по крайней мѣрѣ Радловъ ничего о нихъ не говоритъ. Въ большемъ или меньшемъ числѣ лошадиныя кости (ребра, позвонки, лопатки, ножныя кости) были находимы также Адриановымъ и Клеменцомъ при раскопкахъ ими древнихъ могилъ въ Минусинскомъ краѣ ²²³⁾.

Первоначально обрядъ погребенія съ умершимъ его коня исполнялся, вѣроятно, во всей его полнотѣ, т. е. трупъ коня хоронился въ цѣлости или, если сожигался, то также цѣликомъ, какъ и трупъ человѣка. Но въ послѣдствіи стали допускаться, повидимому, отступленія отъ этого порядка, и даже въ весьма древнихъ могилахъ встрѣчаются нерѣдко только части лошадиныхъ остововъ, иногда лишь немногія кости и зубы. Подобные случаи были констатированы какъ въ западной Европѣ, такъ и во многихъ могилахъ Россіи. Относительно германскихъ могилъ Линденшмидтъ, правда, сомнѣвается, какъ мы видѣли, въ вѣрности этого факта и полагаетъ, что въ дѣйствительности погребалась вся лошадь, но что многія части ея остова въ послѣдствіи истлѣвали или не обращали на себя достаточнаго вниманія при раскопкахъ. Такое объясненіе однако едва ли приложимо ко всѣмъ извѣстнымъ случаямъ; въ нѣкоторыхъ могилахъ, особенно съ трупосоженіемъ, но также и съ погребенными костяками, повидимому, дѣйствительно, находили только части лошадиного скелета, иногда даже лишь нѣсколько позвонковъ или зубовъ ²²⁴⁾. Въ Россіи, по крайней мѣрѣ, такіе случаи были констатированы неоднократно и притомъ опытными и внимательными изслѣдователями, такъ что сомнѣваться въ вѣрности ихъ показаній нѣтъ никакихъ основаній. Выше мы упоминали о находкахъ проф. Антоновича и Самоквасова, которые встрѣчали только лошадиные черепа и копыта съ бабками; въ другомъ случаѣ проф. Антоновичъ встрѣчалъ только лошадиные зубы ²²⁵⁾. Наоборотъ, г. Ванкель нашелъ въ пещерѣ

²²³⁾ Адриановъ, Путешествіе на Алтай и за Саяны. Омскъ 1888, стр. 15, 27, 44 и др.; Клеменъцъ, «Минус. древности» и рукописные отчеты его объ экспедиціяхъ, совершенныхъ по порученію Моск. Археол. Общества. — Лошадиныя кости и удила были находимы также въ могильникахъ Осетіи и Закавказья, г. Байерномъ и др.

²²⁴⁾ Близъ деревни Буковинъ въ Мерзебургскомъ округѣ, въ одной могилѣ съ трупосоженіемъ было найдено нѣсколько бронзовыхъ сосудовъ, глиняный горшокъ, желѣзный топоръ, ножницы, ножъ и 5 обожженныхъ лошадиныхъ зубовъ. Фоссъ относитъ эту находку къ II — III вв. См. Verh. d. Berl. Anthr. Ges. 1877. S. 208. Онъ же, Фоссъ, сообщаетъ и о нѣсколькихъ другихъ подобнаго рода находкахъ, когда въ урнахъ, среди пепла, находили лошадиные зубы, бычьи рога, птичьи когти и т. п. См. Verhandl. Berl. Ges. 1879. S. 60.

²²⁵⁾ См. Самоквасовъ, Могил. древности Александр. у., Екатеринос. губ., по р. Конкѣ, въ «Трудахъ VI Одесскаго Съѣзда». I. Около д. Новогригорьевки, близъ боль-

«Бычья скала» скелеты безъ череповъ; г. Керцелли встрѣтилъ въ одномъ курганѣ близъ Новочеркасска почти полный костякъ лошади, но безъ зубовъ, копытъ и бабокъ; г. Игнатьевъ находилъ въ курганахъ Оренбургской губ. лошадиные остовы безъ головъ. При раскопкахъ г. Мазараки, въ «скиѣскихъ» курганахъ Роменскаго уѣзда, «изъ находимыхъ костей почти никогда нельзя было составить полного остова животного; только кости переднихъ конечностей, головы, правой лопатки и ребра встрѣчались въ курганахъ постоянно... Изъ числа всѣхъ разрытыхъ кургановъ только одинъ заключалъ въ себѣ полный скелетъ лошади»²²⁶). Не рѣдки также случаи, когда находили только одни лошадиные черепа или даже только нѣсколько реберъ, позвонковъ, зубовъ. Г. Самоквасовъ, при раскопкѣ Кисловодскихъ кургановъ, находилъ иногда, при горшечкѣ, одинъ лошадиный зубъ²²⁷); Бранденбургъ встрѣчалъ въ нѣкоторыхъ Новгородскихъ курганахъ только 2—3 лошадиныхъ хвостовыхъ позвонка²²⁸). Всѣ эти случаи мо-

шаго кургана № 2, онъ встрѣтилъ одинъ курганъ, въ которомъ, на материкѣ, находился человѣческій остовъ въ скорченномъ положеніи, вѣроятно весьма древней эпохи. Въ сѣверной же половинѣ этого кургана, почти подъ центромъ насыпи встрѣтилась могила позднѣйшаго устройства, вырытая въ насыпи и углубленная въ материкъ на 1 аршинъ. Подлѣ ея, въ южной половинѣ, сохранились кости человѣка; въ сѣверной же половинѣ оказались части лошадиного остова, именно черепъ, обращенный мордой къ западу, а за нимъ, по длинѣ человѣческаго остова, переднія и заднія лошадиныя конечности; но остальныхъ частей лошадиного остова, какъ-то лопатокъ, позвонковъ и таза въ могилѣ не было. Въ челюстяхъ лошади сохранились желѣзные удила, а между конечностями—окисниія желѣзные стремена. Недавно было сообщено въ газетахъ («Новое Время», 1889, № 4791, отъ 2-го іюля) что г. Эварницкій, въ одномъ большомъ курганѣ на берегу р. Орели, въ 60 в. отъ Днѣпра, въ мѣст. Котовкѣ, Екатеринос. губ., Новомосковск. у., въ нѣмнѣ г. Алексѣева, нашелъ, сверху, деревянный столбъ, а возлѣ него двѣ конскія головы: одна у самаго столба бокомъ, другая поодаль, зубами внизъ, лбомъ вверхъ; между головами лошадей зарыта голова человѣка безъ туловища и тутъ же небольшая бронзовая пряжка. Ниже найденъ былъ скелетъ человѣка и при немъ горшокъ самаго примитивнаго издѣлія, а еще ниже, на глубинѣ 8 вершковъ отъ вершины кургана, открыты 2 деревянныя сруба изъ громадныхъ дубовыхъ бревенъ и 2 небольшія могилы, «Въ этихъ двухъ срубѣхъ и двухъ могилахъ погребены были по частямъ кости человѣка, въ одномъ голова, въ другомъ—ноги, въ третьемъ—руки, въ четвертомъ—одни позвонки и сильно обожженные ребра; при костяхъ найдены разныя вещи и орудія неолитическаго періода, какъ-то: кремневый ножъ, кремневый скребокъ, праща, пряслица, нуклеусъ, точильный камень, амулетъ изъ человѣческой кости и нѣсколько глиняныхъ горшковъ». Находка эта (если тутъ не произошло какой ошибки) замѣчательна по соединенію погребенія каменнаго вѣка съ насыпаніемъ большаго кургана и съ положеніемъ въ верхнемъ слоѣ его двухъ лошадиныхъ головъ.

²²⁶) Указатель выставки при VII Археол. Съѣздѣ въ Ярославлѣ, стр. 91—92.

²²⁷) *Самоквасовъ*. Могильныя древности Пятигорскаго округа. Вар. 1882; стр. 27.— А. А. Ивановскій въ одномъ разрытомъ имъ курганѣ въ Зайсанской долинѣ (на Киптайской границѣ) нашелъ черепъ лошади и черепъ овцы, обращенные въ противоположныя стороны, а ниже—костякъ человѣка, безъ всякихъ при немъ вещей. Въ другомъ курганѣ той же долины былъ найденъ при раскопкѣ бронзовый ножъ, но не было остатковъ лошади.

²²⁸) У американскихъ Команчей, по наблюденіямъ Тен-Кате, въ настоящее время, по смерти хозяина, лошадямъ его обрубиваютъ хвосты. Этимъ, повидимому, замѣни-

гутъ объясняться тѣмъ, что ббольшая часть туши лошади употреблялась въ пищу на похоронной тризнѣ, и въ могилу клалась только нѣкоторыя, менѣе цѣнныя части, напримѣръ голова, копыта или кожа съ хвостомъ ²²⁹). Кромѣ того, нѣкоторыя части лошадиной туши могли полагаться еще въ качествѣ пищи умершему; этимъ, можетъ быть, объясняется, нахождение иногда въ могилахъ 2—3 длинныхъ костей реберъ или позвонковъ. Наконецъ, положеніе одного или нѣсколькихъ зубовъ могло имѣть символическое значеніе или предохранительное въ качествѣ амулета. Во всякомъ случаѣ, замѣна полного трупа его частью была уже шагомъ къ паденію обычая, дальнѣйшая стадія въ исторіи котораго состояла въ томъ, что вмѣсто взнузданнаго коня стали полагаться въ могилу только удила, стремяна, части сѣдла или только изображеніе лошади. Могиль такого рода, съ одними только символами лошадей, извѣстно не мало какъ на западѣ, такъ и у насъ. Онѣ встрѣчаются среди этрусскихъ, германскихъ, греческихъ, скинскихъ, славянскихъ, финскихъ и тюркскихъ могилъ, иногда рядомъ съ могилами, заключающими въ себѣ лошадиные остовы, иногда же съ такими, въ которыхъ нѣтъ уже никакого намека на лошадь ²³⁰).

Когда прекратился окончательно въ Европѣ обычай убиванія при похоронахъ лошади и положенія съ умершимъ ея трупа или принадлежностей лошадиной сбруи, сказать трудно и очевидно, что въ разныхъ странахъ и мѣстностяхъ онъ долженъ былъ окончиться не одновременно. У Германцевъ онъ сталъ исчезать въ эпоху Карловинговъ; у Славянъ, вѣроятно, въ XI вѣкѣ; у Финскихъ и Тюркскихъ племенъ Восточной Россіи и Сибири онъ продолжался, повидимому, еще въ XIV—XV столѣтіяхъ, мѣстами даже позже, до XVIII вѣка, а въ Азій кое-гдѣ сохранился

ся прежній обычай, когда лошадей убивали и зарывали въ землю. Можно предположить, что и нахождение хвостовыхъ позвонковъ лошади въ нѣкоторыхъ Новгородскихъ курганахъ объясняется тѣмъ, что лошади умершаго обрубали хвостъ, который (можетъ быть съ остальной шкурой) и полагался въ могилу.

²²⁹) У нѣкоторыхъ племенъ Индѣйцевъ-Арауканцевъ цѣнныя вещи умершаго, при похоронахъ, замѣняются уже теперь деревянными имъ подражаніями. Даже у втыкаемаго въ могилу копья, желѣзный наконечникъ замѣняется деревяннымъ. По словамъ нѣкоторыхъ наблюдателей, закаланіе лошади, вѣроятно, также было бы замѣнено какимъ нибудь символомъ, еслибы Арауканцы не были большими любителями конины и не пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы ее поѣсть.

²³⁰) Борисякъ нашелъ въ одномъ курганѣ, въ 30 вер. отъ Таганрога, въ долинѣ Мокраго Чулека, человѣческой скелетъ съ золотыми цѣпочками, подвѣсками, бляхами, браслетами и при немъ бронзовыя удила (Труды Кіевск. съѣзда II.) — Кельсіевъ, въ одномъ подмосковномъ курганѣ у д. Митиной, нашелъ ниже человѣческаго костяка — остатки черепа коровы и желѣзныя лошадиныя удила, но безъ лошадиныхъ костей. Недавно въ Бузулукскомъ у. были найдены, въ нѣсколькихъ курганахъ, бронзовыя удила съ бронзовыми наконечниками стрѣлъ и массами угля («Моск. Вѣд.» 1889, отъ 5 іюля, «Новое Время» отъ 2 іюля 1889). Извѣстны также многіе случаи находокъ въ южно-русскихъ, тамбовскихъ, смоленскихъ и другихъ курганахъ. Гр. Ф. А. Уваровъ нашелъ желѣзныя удила, положенныя съ разными другими вещами, на доскѣ, около праха умершаго, въ Курманскомъ могильникѣ, на правомъ берегу рѣки Оки, въ Касимовскомъ уѣздѣ.

«Бычья скала» скелеты безъ череповъ; г. Керцелин встрѣтилъ въ одномъ курганѣ близъ Новочеркаска почти полный костякъ лошади, но безъ зубовъ, копытъ и бабокъ; г. Игнатьевъ находилъ въ курганахъ Оренбургской губ. лошадиные остовы безъ головъ. При раскопкахъ г. Мазараки, въ «скиѣскихъ» курганахъ Роменскаго уѣзда, «изъ находимыхъ костей почти никогда нельзя было составить полного остова животного; только кости переднихъ конечностей, головы, правой лопатки и ребра встрѣчались въ курганахъ постоянно. . . Изъ числа всѣхъ разрытыхъ кургановъ только одинъ заключалъ въ себѣ полный скелетъ лошади»²²⁶). Не рѣдки также случаи, когда находили только одни лошадиные черепа или даже только нѣсколько реберъ, позвонковъ, зубовъ. Г. Самоквасовъ, при раскопкѣ Кисловодскихъ кургановъ, находилъ иногда, при горшечкѣ, одинъ лошадиный зубъ²²⁷); Бранденбургъ встрѣчалъ въ нѣкоторыхъ Новгородскихъ курганахъ только 2—3 лошадиныхъ хвостовыхъ позвонка²²⁸). Всѣ эти случаи мо-

шаго кургана № 2, онъ встрѣтилъ одинъ курганъ, въ которомъ, на материкѣ, находился человѣческій остовъ въ скорченномъ положеніи, вѣроятно весьма древней эпохи. Въ сѣверной же половинѣ этого кургана, почти подъ центромъ насыпи встрѣтилась могила позднѣйшаго устройства, вырытая въ насыпи и углубленная въ материкъ на 1 аршинъ. Подлѣ ея, въ южной половинѣ, сохранились кости человѣка; въ сѣверной же половинѣ оказались части лошадиного остова, именно черепъ, обращенный мордой къ западу, а за нимъ, по длинѣ человѣческаго остона, переднія и заднія лошадиныя конечности; но остальныхъ частей лошадиного остова, какъ-то лопатокъ, позвонковъ и таза въ могилѣ не было. Въ челюстяхъ лошади сохранились желѣзные удила, а между конечностями—окисниія желѣзные стремена. Недавно было сообщено въ газетахъ («Новое Время», 1889, № 4791, отъ 2-го іюля) что г. Эварницкій, въ одномъ большомъ курганѣ на берегу р. Орели, въ 60 в. отъ Днѣпра, въ мѣст. Котовкѣ, Екатеринбургской губ., Новомосковск. у., въ имѣніи г. Алексѣева, нашель, вверху, деревянный столбъ, а возлѣ него двѣ конскія головы: одна у самага столба бокомъ, другая поодаль, зубами внизъ, лбомъ вверхъ; между головами лошадей зарыта голова человѣка безъ туловища и тутъ же небольшая бронзовая пряжка. Ниже найденъ былъ скелетъ человѣка и при немъ горшокъ самага примитивнаго издѣлія, а еще ниже, на глубинѣ 8 вершковъ отъ вершины кургана, открыты 2 деревянныхъ сруба изъ громадныхъ дубовыхъ бревенъ и 2 небольшихъ могилы, «Въ этихъ двухъ срубахъ и двухъ могилахъ погребены были по частямъ кости человѣка, въ одномъ голова, въ другомъ — ноги, въ третьемъ — руки, въ четвертомъ — одни позвонки и сильно обожженные ребра; при костяхъ найдены разныя вещи и орудія неолитическаго періода, какъ-то: кремневый ножъ, кремневый скребокъ, праща, пряслица, нуклеусъ, точильный камень, амулетъ изъ человѣческой кости и нѣсколько глиняныхъ горшковъ». Находка эта (если тутъ не произошло какой ошибки) замѣчательна по соединенію погребенія каменнаго нѣка съ насыпаніемъ большаго кургана и съ положеніемъ въ верхнемъ слоѣ его двухъ лошадиныхъ головъ.

²²⁶) Указатель выставки при VII Археол. Съѣздѣ въ Ярославлѣ, стр. 91—92.

²²⁷) *Самоквасовъ*. Могильныя древности Пятигорскаго округа. Вар. 1882; стр. 27.— А. А. Ивановскій въ одномъ разрытомъ имѣ курганѣ въ Зайсанской долинѣ (на Китайской границѣ) нашель черепъ лошади и черепъ овцы, обращенные въ противоположныя стороны, а ниже—костякъ человѣка, безъ всякихъ при немъ вещей. Въ другомъ курганѣ той же долины былъ найденъ при раскопкѣ бронзовый ножъ, но не было остатковъ лошади.

²²⁸) У американскихъ Команчей, по наблюденіямъ Теп-Кате, въ настоящее время, по смерти хозяина, лошадей его обрубиваютъ хвосты. Этимъ, повидимому, замѣнл-

КЪ ИСТОРИИ ОЗНАКОМЛЕНІЯ СЪ СИБИРЬЮ ДО ЕРМАКА.

ДРЕВНЕЕ РУССКОЕ СКАЗАНІЕ

„О ЧЕЛОВѢЦѢХЪ НЕЗНАЕМЫХЪ ВЪ ВОСТОЧНѢЙ СТРАНѢ“.

Въ старинныхъ русскихъ Сборникахъ XV—XVIII вв. встрѣчается статья, подъ заглавіемъ: «О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ»; иногда съ добавочнымъ заголовкомъ: «о языцѣхъ разныхъ и иновидныхъ». Въ статьѣ этой сообщаются разные рассказы или слухи о народахъ Сибири, которая, впрочемъ, не носитъ въ статьѣ еще такого имени, а называется просто «восточной страной». Опредѣленіе этихъ рассказовъ, какъ слуховъ, будетъ наиболѣе подходящимъ, такъ какъ сама статья называетъ описываемые въ ней народы — «незнаемыми» и сообщаетъ о нихъ многія такія невѣроятныя свѣдѣнія, которыя были бы невысказанными, если бы народы эти были дѣйствительно извѣстны. Вообще, большая часть сказанія отличается, на первый взглядъ, такимъ сказочнымъ, миѳическимъ характеромъ, что невольно вызываетъ предположеніе о происхожденіи его въ эпоху, когда Русскіе еще не проникали далеко въ Сибирь, когда самое нынѣшнее названіе ея не было извѣстно, когда все знаніе объ этой «восточной странѣ» ограничивалось лишь немногими свѣдѣніями Новгородскихъ торговыхъ людей, ходившихъ въ Югру и къ ближайшей Самоѣди. Въ пользу древности сказанія говоритъ также то, что нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ въ немъ свѣдѣній мы встрѣчаемъ у Герберштейна, Дженкинсона и на многихъ картахъ конца XVI и XVII-го вѣка, а въ особенности — тотъ фактъ, что лучшіе списки его находятся въ Новгородскихъ рукописяхъ XVI-го и даже, по свидѣтельству знатоковъ, конца XV вѣка.

Впервые я ознакомился съ указанною статьею, благодаря любезности проф. Н. С. Тихонравова, который далъ мнѣ списать, сдѣланную имъ собственноручно, копию статьи изъ одной Новгородской рукописи, по его опредѣленію XV—XVI в., нынѣ находящейся въ библиотекѣ С.-Петербургской Духовной Академіи (Софійская, № 1642, л. 84). Позже я получилъ другой, болѣе полный списокъ того же сказанія отъ проф. А. С. Павлова,

еще и теперь ²³¹⁾. Отдѣльные случаи убиванія при похоронахъ лошадей продолжали встрѣчаться и въ западной Европѣ до XVIII вѣка. Сентъ-Фуа сообщаетъ о церемоніи при погребеніи Бертрана Дюгесклена, въ Сентъ-Дени, въ 1389 г., когда было убито нѣсколько лошадей, причемъ епископъ Оксерскій сначала возложилъ руки на ихъ головы. Послѣдній случай соблюденія этого обряда былъ, повидимому, при погребеніи кавалерійскаго генерала Фридриха Казимира, похороненнаго въ Трирѣ, въ 1781 г., согласно обрядамъ Тевтонскаго ордена. Лошадь его вели за гробомъ и, когда послѣдній опустили въ могилу, лошадь убили и зарыли вмѣстѣ съ ея хозяиномъ ²³²⁾. Съ тѣхъ поръ память о давнемъ обычаѣ сохранилась только въ обрядѣ веденія за гробомъ, при похоронахъ королей и военныхъ начальниковъ, ихъ осѣданныхъ и взнузданныхъ коней, которые однако, по окончаніи церемоніи, отводятся обратно въ свои стойла.

Добавленіе. Послѣ отпечатанія настоящей статьи я ознакомился на VIII археологическомъ съѣздѣ съ результатами раскопокъ Г. Л. Скадовскаго въ курганахъ близъ м. Бѣлозерки, между низовьемъ р. Ингульца и началомъ Днѣпровскаго лимана. Въ одномъ изъ этихъ кургановъ г. Скадовскій встрѣтилъ три типа погребеній, одинъ надъ другимъ. Въ насыпи оказалось 7 скелетовъ съ вещами греческаго издѣлья, повидимому современными процвѣтанію Ольвіи. Въ самомъ низу, въ материкѣ, была найдена могила каменнаго періода, съ двумя кремневыми наконечниками стрѣлы при скелетѣ. Между же обоими могилами оказался скелетъ, погребенный въ ладью съ остроконечнымъ носомъ и кормой, въ которой онъ еле помѣщался; обшивка ладьи совершенно истлѣла, но сохранились полустлѣвшіе дубовые бруски, составлявшіе ея остовъ. Подъ поясницей скелета была найдена мѣдная пряжка, а у ногъ — *конскіе зубы*. Скелетъ былъ покрытъ другой такой же ладьей, надъ которой, нѣсколько къ западу, были найдены *кости коня*, безъ черепа и позвоночника и — части желѣзныхъ удилъ. — Въ двухъ другихъ курганахъ скелеты оказались погребенными въ ладьеобразныхъ ямахъ; въ одномъ курганѣ яма имѣла очертанія широкой ладьи съ заостреннымъ носомъ (длина — 3 арш. 4 в., ширина 2 арш. 7½ в.); въ другомъ — болѣе узкой, къ обоимъ концамъ одинаково острой. Одинъ бокъ ямы былъ вырытъ вертикально, другой — отлого. Ближе къ вертикальной стѣнѣ лежалъ скелетъ человѣка, ближе къ отлогой — *кости коня*, именно — черепъ, переднія и заднія конечности (но безъ позвоночника). У одного скелета, у головы, оказался горшокъ грубой работы и костяная оправа ножа. Между скелетомъ человѣка и костями коня (въ курганѣ № 31) лежали остатки деревяннаго лука съ костяными накладками у концовъ и древки трехъ стрѣлъ съ желѣзными наконечниками, вложенныя въ какое-то деревянное вмѣстилище (колчанъ?). Между черепомъ коня и человѣка оказались остатки сбруи, съ деревянными частями сѣдла, мѣдными пряжками, пластинками и желѣзными удилами. Оба костяка были покрыты толстымъ слоемъ истлѣвшаго звѣринаго мѣха, и кромѣ того примѣтны были слѣды деревянныхъ досокъ (но не отъ гроба). У одного костяка можно было различить остатки пояса съ мѣдными пластинками, также желѣзную пряжку и два осколка кремня. У другаго скелета оказалась золотая серьга (у лѣваго уха), два золотыхъ крючка (застежки), серебряное кольцо съ 4 синими стеклами и 10 мѣдныхъ пуговицъ у берцовыхъ костей (отъ обуви?).

Д. Анучинъ.

(*)

²³¹⁾ Въ одномъ курганѣ на берегу Дона, въ с. Маровѣ, Острогожскаго у., Воронежской губ., А. Я. Кожевниковъ нашелъ при костякѣ: желѣзныя удила, стремяна, части сѣдла, остатки желѣзнаго копья и стрѣлы, кремь и монету XIV вѣка (чеканенную въ Гюлистанѣ Мюридъ-ханомъ, въ 764 г. гиджры, или въ 1363-мъ). Мордовскіе курганы у с. Малаго Терюшева, раскопанные Дружкинымъ, относятся, повидимому, также къ XIV вѣку. Нѣкоторые курганы Терской области и Сибири были ссыпаны даже, вѣроятно, въ XVI и XVII вѣкахъ.

²³²⁾ *Kemble, Horae feralee*, p. 66.

Сказаніе столь древняго происхожденія, заключающее въ себѣ первыя ко времени русскія свѣдѣнія о Сибирскихъ народахъ, представляетъ несомнѣнно значительный интересъ и заслуживаетъ обстоятельнаго изученія. Какъ бы ни казались баснословными многіе изъ сообщаемыхъ въ немъ слуховъ, ихъ все-таки нельзя выкинуть изъ исторіи землевѣдѣнія и этнографіи Сибири. Эти свѣдѣнія и слухи были результатомъ перваго ознакомленія русскихъ людей съ Сибирью, — ознакомленія, правда, крайне недостаточнаго и неточнаго, основаннаго, повидимому, большей частью на разспросахъ, на невѣрныхъ, непонятыхъ или преувеличенныхъ разсказахъ, но въ которомъ все-таки была извѣстная доля истины, и которое, во всякомъ случаѣ, является характернымъ для соотвѣтственной эпохи въ исторіи русской образованности и спеціально — въ исторіи расширенія русскихъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній.

Между тѣмъ, до настоящаго времени указанная статья оставалась почти неизвѣстною или по крайней мѣрѣ обращала на себя весьма мало вниманія. Она была, правда, напечатана, но въ мало извѣстномъ изданіи и притомъ съ ошибками; что же касается до ея анализа, до необходимаго комментарія, то онъ не былъ сдѣланъ никѣмъ, и всѣ, говорившіе о ней, ограничивались только указаніемъ на баснословный характеръ приводимыхъ въ ней извѣстій, которыя, по мнѣнію однихъ «говорятъ о направленіи фантазіи общества, среди котораго пользуются кредитомъ», а по другимъ — свидѣлствуютъ о томъ, что «люди, побывавшіе за Камнемъ (Ураломъ) склонны были къ преувеличеніямъ, что «торговцы старались насказать разныхъ ужасовъ, чтобы устранить другихъ отъ торговли, ... люди воинскіе любили похвастать, ... а третьи не обладали способностью относиться критически къ разнымъ слухамъ... и также передавали многое въ извращенномъ видѣ». Но, не говоря уже о томъ, что въ сказаніи нѣтъ никакихъ такихъ ужасовъ которые бы могли испугать бывалыхъ торговцевъ и нѣтъ никакихъ слѣдовъ хвастовства «воинскихъ людей», нельзя не замѣтить, что статья вовсе не носитъ характера фантастической выдумки или расчета отвадить другихъ отъ проникновенія въ отдаленную страну за выгоднымъ торгомъ. Напротивъ, есть даже основаніе думать, что статья была составлена съ цѣлью дать хоть какія-нибудь свѣдѣнія о неизвѣстной странѣ и указать, гдѣ и какой можно получить тамъ товаръ, то-есть служить чѣмъ-то въ родѣ краткаго путеводителя, основаннаго отчасти на извѣстномъ, болшею же частью — на добытомъ путемъ разспросовъ, по всей вѣроятности — отъ Зырянъ и отъ Югры (Вогуловъ).

Прежде однако, чѣмъ входить въ подробности, приведемъ подлинный текстъ сказанія, по списку Соловецкой рукописи и укажемъ его главнѣйшіе варианты, встрѣченные нами въ другихъ спискахъ. При этомъ, для сокращенія, будемъ обозначать: списокъ Софійской рукописи черезъ *Соф.*; Синодальный чрезъ *Син.*; Московскій, изъ собранія Бѣляева — *Бѣл.*; — изъ собранія Унковскаго — *Унк.* и Строевскій (изъ собр. гр. Уварова). *Стр.*

который нашел его, болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, въ одномъ рукописномъ сборникѣ Соловецкой библіотеки (№ 844, лл. 303 — 307 нынѣ — въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи), относящемся (согласно опредѣленію проф. Павлова и извѣстнаго слависта, бывшаго профессора Григоровича) къ концу XV в. Затѣмъ я имѣлъ возможность сравнить еще четыре списка той же статьи, находящіяся въ слѣдующихъ рукописяхъ: а) въ одномъ Сборникѣ Синодальной Библіотеки (№ 272, лл. 340 — 343) половины XVII в., писанномъ скорописью и начинающемся Стоглавомъ, но за которымъ слѣдуютъ другія статьи, въ томъ числѣ и «о чловѣцѣхъ незнаемыхъ». На первыхъ листахъ рукописи имѣется вкладная записка объ отдачѣ книги патриархомъ Никономъ въ 7166 г. (1657), 3-го октября, въ Воскресенскій монастырь; б) въ сборникѣ Библиотеки Румянцовскаго музея изъ собранія Бѣляева (№ 45 [1550], л. 66 слѣд.), XVII в., начинающемся Люсидаріемъ, но заключающемся въ себѣ и другія статьи, въ томъ числѣ «Слово о чловѣцѣхъ незнаемыхъ»; в) въ Сборникѣ той же Библиотеки, изъ собранія Ундольскаго (№ 761), XVIII вѣка, л. 85. Сборникъ этотъ начинается «Путешествіемъ Т. Коробейникова», затѣмъ слѣдуютъ: посольство въ Царьградъ Шейна и Бѣлогуза, 1570 г.; посольство въ Китай казака Петлина 1618 г. и наконецъ — «О чловѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ»; г) въ «Матеріалахъ для исторіи Сибири», списанныхъ изъ разныхъ рукописей П. М. Строевымъ и подаренныхъ имъ въ 1840 г. въ библіотеку Н. Н. Царскаго, а нынѣ находящихся въ библіотекѣ графа А. С. Уварова (Цар. № 245, гр. Увар. № 312). По всей вѣроятности, имѣются и другіе списки, но лучшимъ изъ нихъ слѣдуетъ, повидимому, признать — найденный А. С. Павловымъ въ Сборникѣ Соловецкой Библиотеки. Списокъ Софійской рукописи также хорошъ, но въ немъ недостаетъ одного (второго) разказа, а одинъ изъ слѣдующихъ спутанъ. Полнѣе списокъ Синодальной Библиотеки, который, вообще, довольно вѣренъ и заключаетъ въ себѣ одно пояснительное мѣсто, не находящееся ни въ одномъ изъ прочихъ списковъ. Въ списокѣ Бѣляевскаго собранія одно собственное имя испорчено, а также есть добавки и замѣна нѣкоторыхъ сѣверныхъ словъ другими, болѣе употребительными, хотя часто далеко не тождественными (напр. вмѣсто «песцы» — «лисицы» и т. п.). Въ сборникѣ Унковскаго заглавіе статьи написаны вязью и отдѣльные разказы имѣютъ обозначенія (первое второе, третья, четвертая, пятая, шестая, седьмая, осьмос, девятая, десятая); встрѣчаются описки, добавки и два собственныхъ имени искажены. Подобныя же добавки и описки, хотя въ меньшей степени, имѣются и въ списокѣ Строева, въ остальномъ, впрочемъ, довольно вѣрнымъ. Такимъ образомъ, лучшимъ (и древнѣйшимъ) спискомъ оказывается Соловецкій, что уже одно доказываетъ древность сказанія и происхожденіе его въ Новгородской землѣ. Многія подробности статьи указываютъ на то, что составителемъ ея было лицо, хорошо знакомое съ сѣверной природой, съ мѣстными названіями и что онъ былъ чловѣкъ торговый, интересовавшийся по преимуществу тѣмъ, у какого народа есть какой товаръ.

Сказаніе столь древняго происхожденія, заключающее въ себѣ первыя ко времени русскія свѣдѣнія о Сибирскихъ народахъ, представляетъ несомнѣнно значительный интересъ и заслуживаетъ обстоятельнаго изученія. Какъ бы ни казались баснословными многіе изъ сообщаемыхъ въ немъ слуховъ, ихъ все-таки нельзя выкинуть изъ исторіи землевѣдѣнія и этнографіи Сибири. Эти свѣдѣнія и слухи были результатомъ перваго ознакомленія русскихъ людей съ Сибирью, — ознакомленія, правда, крайне недостаточнаго и неточнаго, основаннаго, повидимому, большей частью на разспросахъ, на невѣрныхъ, непонятыхъ или преувеличенныхъ разсказахъ, но въ которомъ все-таки была извѣстная доля истины, и которое, во всякомъ случаѣ, является характернымъ для соотвѣтственной эпохи въ исторіи русской образованности и специально — въ исторіи расширенія русскихъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній.

Между тѣмъ, до настоящаго времени указанная статья оставалась почти неизвѣстною или по крайней мѣрѣ обращала на себя весьма мало вниманія. Она была, правда, напечатана, но въ мало извѣстномъ изданіи и притомъ съ ошибками; что же касается до ея анализа, до необходимаго комментарія, то онъ не былъ сдѣланъ никѣмъ, и всѣ, говорившіе о ней, ограничивались только указаніемъ на баснословный характеръ приводимыхъ въ ней извѣстій, которыя, по мнѣнію однихъ «говорятъ о направленіи фантазій общества, среди котораго пользуются кредитомъ», а по другимъ — свидѣтельствуютъ о томъ, что «люди, побывавшіе за Камнемъ (Ураломъ) склонны были къ преувеличеніямъ, что «торговцы старались насказать разныхъ ужасовъ, чтобы устранить другихъ отъ торговли, ... люди воинскіе любили похвастать, ... а третьи не обладали способностью относиться критически къ разнымъ слухамъ... и также передавали многое въ извращенномъ видѣ». Но, не говоря уже о томъ, что въ сказаніи нѣтъ никакихъ такихъ ужасовъ которые бы могли испугать бывалыхъ торговцевъ и нѣтъ никакихъ слѣдовъ хвастовства «воинскихъ людей», нельзя не замѣтить, что статья вовсе не носитъ характера фантастической выдумки или расчета отвадить другихъ отъ проникновенія въ отдаленную страну за выгоднымъ торгомъ. Напротивъ, есть даже основаніе думать, что статья была составлена съ цѣлью дать хоть какія-нибудь свѣдѣнія о неизвѣстной странѣ и указать, гдѣ и какой можно получить тамъ товаръ, то-есть служить чѣмъ-то въ родѣ краткаго путеводителя, основаннаго отчасти на извѣстномъ, большею же частью — на добытомъ путемъ разспросовъ, по всей вѣроятности — отъ Зырянъ и отъ Югры (Вогуловъ).

Прежде однако, чѣмъ входить въ подробности, приведемъ подлинный текстъ сказанія, по списку Соловецкой рукописи и укажемъ его главнѣйшіе варианты, встрѣченные нами въ другихъ спискахъ. При этомъ, для сокращенія, будемъ обозначать: списокъ Софійской рукописи черезъ *Соф.*; Синодальный чрезъ *Син.*; Московскій, изъ собранія Бѣляева — *Бѣл.*; — изъ собранія Унковскаго — *Унк.* и Строевскій (изъ собр. гр. Уварова). *Стр.*

РУКОПИСНЫЙ СВОРНИКЪ СОЛОВЕЦКОЙ БИБЛИОТЕКИ

(Казан. Дух. Академіи; № 844, in 8°, лл. 303 — 307).

О члцѣхъ незна
емѣ въ востѣнѣхъ странѣ¹⁾.
На востѣнѣхъ странѣхъ, заю
горьскою землею²⁾. На морѣ³⁾
жить⁴⁾ лю, самоѣдь. зово
мы, могоузѣхъ⁵⁾. а адъ⁶⁾ ихъ
мѣсо шлѣе да рыба. да мѣ^м
сокою дрѹ дрѹга мѣ^м. а гостѣ
кни^м шкѣды прїидѣ. И они
дѣти свои закаляю наго
стен, да тѣ^м кормѣ. а кото
рон гостѣ шнѣ шмрѣ. И они
того снѣдаю. а въземлю не
хоронѣ. а свой такѣ. Сиѣ
лю^м невеликы възрастомъ.
плосковицы. Носы малы.

1) До сихъ поръ кинноварью. Въ сборникѣ Унк. — вязью, и послѣ, вязью же, «перво». Въ Син. и Стр. прибавлено: «и о азыцѣхъ разныхъ». Въ Соф. «о члцѣхъ незнаемѣхъ въ восточнѣхъ странѣхъ о члцѣхъ разныхъ и иновѣднѣхъ». Въ Бѣл. — «слово о члцѣхъхъ незнаемѣхъ».

2) Унк.: «на югарскою землю».

3) Син.: «на морѣхъ шкляномъ».

4) Соф.: «жнѣлѣ».

5) Соф.: «самоѣдь зовомыя могоузѣхъ»; Син.: «могоузѣхъ»; Бѣл.: «самоѣдь зовомыи могоузѣхъ»; Унк.: «людие самоѣ зовомыи могоузѣхъ».

6) Соф.: «шѣтѣлѣ»; Унк.: «а адъ они».

Но рѣзвы вѣми, и стрѣлцы
 скоры и горазды. а ѡздаѣ
 на оленѣ и на собакаѣ. а пла
 тїе носѣѣ соволиѣ. и оленѣ. ⁷⁾
 а товарз нѣхъ соболи. ⁸⁾
 втой странѣ ⁹⁾ инаѣ само
 ѣдѣ таковаѣ. дїнаѣ словѣ.
 дѣтѣ мѣць живѣѣ вѣмори.
 а на свѣѣ не живѣѣ того ради. ¹⁰⁾
 за нѣ чѣло на нѣхъ трѣскаѣѣѣ.
 и они чѣ мѣць вѣводѣ лежѣ.
 а на верѣ не смѣѣѣѣ вылѣѣѣѣ. ¹¹⁾
 втой странѣ ¹²⁾ ѣ инаѣ само
 ѡдѣ. по пѣ лю мохнатѣ.
 до долѣ. а ѡ пѣпа вѣверхѣ
 кѣѣ ¹³⁾ и прочїи чѣлци. а ѡдѣ и
 рыбы и масо. ¹⁴⁾ а торгѣ нѣхъ
 соболи и песцы и пыжи.
 и оленїи кожи. ¹⁵⁾
 втой странѣ. инаѣ само
 ѣдѣ. вѣверхѣ рѣгы на чѣѣ

7) Соф. «а плаѣ носѣѣ соволиѣ и оленѣ, а ѡздаѣ на оленѣ и на собакаѣ».

8) Въ Соф. слѣдующаго извѣстія о «линной самоѣди» нѣтъ, также въ Бѣл., но въ Сил., Унк. и въ Стр.— есть. Въ Унк.— передѣ вторымъ извѣстіемъ стоить «второе» передѣ третьимъ «третье» и т. д.

9) Стр.— прибавлено: «за тѣми людьми, надѣ моремъ живутъ»; Эта прибавка (кромѣ, только слова «живутъ») слѣдуетъ вездѣ послѣ словъ «въ той же странѣ».

10) Стр.— «того дѣля того мѣсяца».

11) Стр.— «не могутъ»; Сил.— «не выхѣдѣѣѣ».

12) Стр.—указанная выше прибавка; Бѣл.— вставлено: «за тѣми же лѣсами»; Соф.— «за тѣми людьми на тѣмже морѣ».

13) Соф. и Стр. «кѣѣ».

14) Соф. «а чѣ и рыба да масо».

15) Соф. «да песци да пыжи да оленьи кожи, а плаѣ носѣѣ въ тѣмже шьюѣ». Бѣл.— «соболи и лисицы».

мени, а не говорѣ. а оврѣ
 в полинѣ члѣ. 16) а коли мѣдѣ,
 и они крошѣ мѣсо, или
 рыбѣ. да кладѣ по колпѣ. 17) или
 по шапкѣ. И кѣ почнѣ лсти,
 і они плечима движѣ вѣ
 рхѣ и внѣ. в той странѣ 18)
 ѣ ннаѣ самоѣдѣ. Икѣ и про
 чїи члѣци. Но зими ѣмираю
 на двѣ мѣца. ѣмираюже тако,
 кѣ ге 19) которѣ застанѣ вѣтѣ
 мѣци. тѣ тѣ и садѣ. 20) а ѣ не
 износа вода изондѣ. кѣ ѣпо
 тока. да примерзнѣ кзѣли. 21)
 никто члѣкѣ нныѣ зѣли, не
 видѣнїѣ 22) потѣ тон ѣрази
 ѣ него, и сопхнѣ смѣста, и
 ѣ оумрѣ, то ѣже не ожнѣѣ.
 а несопхнѣ смѣста, тон
 ожнѣѣ, и познѣѣ и рѣчѣ емѣ,
 рѣчѣ ма еси дрѣже подрѣва. 23)

16) Соф. «Въ той странѣ за тѣми людьми на тѣмже мѣрѣ і ннаѣ самоѣдѣ такова. вверху рты. рѣ на тѣмни имѣю. а не говорѣ. а видѣнїѣ въ пошлїну члѣ». Стр. «вверху рту ротъ на тимени, а не говорятъ, а видѣнїѣ въ пошлїну члѣ». Син. «видѣнїѣ въ пошлїну члѣ», Унк. «а образѣ въ пошлїну члѣкѣ».

17) Соф. — Слово «подѣ колпакѣ мнѣ» нѣтъ.

18) Раньше этого знака в не было. (Прим. А. С. Павлова).

19) Соф. — слова «геѣ» нѣтъ.

20) Соф. «тѣ тѣто и садѣ»

21) Соф. «да вымерзнѣ въ землю». Стр. «да вымерзнѣтъ къ земли».

22) Соф. не вѣнїѣ; Стр. «невѣданїемъ», Унк. «исѣданїемъ».

23) Въ Соф. сокращено и извращено: «кто члѣкѣ... сопхнѣ его смѣста тон ожнѣѣ и познѣѣ и рѣчѣ о чѣ ми еси дрѣже подрѣва». Въ Стр. тоже переврано.

и себѣ тѣдѣ, а не говорѣ. а
 стрѣлѣваже и²⁹⁾ трѣка же
 дѣзна рѣцѣ. а къ дрдгон
 рѣцѣ стрѣлка желѣзна.
 да стрѣлку³⁰⁾ вѣкладѣ въ трѣ
 къ³¹⁾. да вѣ молоко³²⁾ въ стрѣ
 къ. а товарѣ оу нѣ³³⁾ никоторѣ
 нѣ. вѣрхѣ тоѣ рѣкы ве
 ликіа обнѣ ѣ лю³⁴⁾ ходѣ по по
 зѣленю иною рѣкою днѣ да ношѣ,
 съ огни. ³⁵⁾ и выходѣ на озеро.
 и на тѣ³⁶⁾ озерѣ свѣ³⁷⁾ пречюдѣ.
 и гра³⁸⁾ велі³⁹⁾, а посадѣ нѣ⁴⁰⁾ ѣ нѣ.
 ікто поѣдѣ⁴¹⁾ къ градѣ томѣ.
 ітога слышити шю⁴²⁾ велі
 въ градѣ тоѣ. ка⁴³⁾ и въ прочіи
 градѣ⁴⁴⁾. и ка⁴⁵⁾ пріндѣ внего
 и⁴⁶⁾ люден внѣ нѣ⁴⁷⁾ и шюмѣ
 не слышити никоторого. ⁴⁸⁾
 ни инѣ чего живѣна. но⁴⁹⁾ въ
 всакы⁵⁰⁾ дворѣ⁵¹⁾ кисти и пи

²⁹⁾ Соф. Син. Стр. — прибавлено «такова».

³⁰⁾ Соф. «да стрѣлка тѣ вѣкладываѣ въ трѣкъ тѣ». Стр. «да стрѣлку ту вкладаѣ въ руку».

³¹⁾ Соф. «в стрѣлку тѣ», Стр. «въ трубку ту».

³²⁾ Соф. «въ верхѣ тоѣ рѣкы обнѣ великия. в той странѣ ѣ иная самоѣдѣ. ходѣ по по зѣленю иною рѣкою днѣ да ношѣ съ огни». Стр. «Вверхѣ тоя же рѣки Оби великия въ той ихъ странѣ есть иная самоѣдѣ... и выходятъ на озеро».

³³⁾ Соф. — прибавлено: «стой на нѣ», Стр. «стоитъ надѣ тѣмъ же озеромъ».

³⁴⁾ Соф., Стр. «и коли поѣдетъ кто»

³⁵⁾ Соф. прибавлено: «живѣщи».

³⁶⁾ Соф. Стр. «ино».

³⁷⁾ Соф. «ни шюмѣ не слышити ни которѣ».

³⁸⁾ Соф., Стр. «толко». •

ти все много³⁹⁾ и товаръ
 всякъ. кому что надобѣ.
 и ѿ положивъ цѣны проти-
 вѣ того, да возмѣ что ко-
 му надобѣ.⁴⁰⁾ и прѣ шходѣ.
 а кто что вещьны возмѣ,
 и прѣ шидѣ. и товаѣ ѿ него
 погывнѣ⁴¹⁾ ѿ оврацїеа па-
 кы въ своѣ мѣстѣ. и каѣ
 прѣ шходѣ⁴²⁾ ш града тѣ. и
 шю пакы слышѣти каѣ
 и въ прочїи градѣхъ.⁴³⁾
 въостѣнѣи же странѣ ѣ
 инаа самоѣды камѣскаа.⁴⁴⁾
 овлежи около югорьскїе
 зѣли. а живѣ по горамъ висо-
 кымъ. а ѣздѣ на оленѣ и на со-
 бакаѣ. а плаѣ носѣ соволиѣ.
 и оленїе. а мѣа мясо олеѣ
 да и собачинѣ. и вовровинѣ
 сырѣ мѣа. а кровь пью члчу
 и всякъю. да ѣ ѿ нїѣ⁴⁵⁾ лѣкарн.
 ѿ которого члка внѣри не зра-
 во. и они врюхо рѣжѣ. да
 нѣтрѣ вынимаю и очицаю

³⁹⁾ Соф., Стр. «много всего».

⁴⁰⁾ Въ Стр. пропущено со словъ «и онѣ» до слова «надобѣ» включительно.

⁴¹⁾ Соф. «а кто что бѣ цѣны возмѣ и каѣ прочѣ шидѣ и товарѣ изгынѣ ѿ нїѣ».

⁴²⁾ Соф. «пошходѣ».

⁴³⁾ Соф. «каѣ и прочїи градѣ живѣщи».

⁴⁴⁾ Соф. «инаа самоѣды зовомаѣ камѣскаа».

⁴⁵⁾ Соф., Стр. вставлено — таковы люди».

И ПАКЫ ЗАЖИВЛЯЮ. ⁴⁶⁾ ДА БТО
 НИЖЕ САМОЕДИ. ⁴⁷⁾ ВИДАЛИ СКА
 ЖЮ САМОЕДЪ СТАРЫЕ ЛЮДИ
 ЗГОРЫ ПОДЛѢ МОРЕ, МРТВЫ
 СВОЙ ИДѢТЬ ⁴⁸⁾ ПЛАЧЮЩИ МНО
 ЖЕСТКО И. А ЗА НИМИ ИДЕТ ⁴⁹⁾
 ВЕЛИ ЧЛКЗ, ПОГОНАА ИХЪ
 ПАЛИЦЮ ЖЕЛѢЗНОЮ.

Въ первый разъ только что приведенная статья была напечатана г. Ойрсовымъ, въ его сочиненіи (диссертациі): «Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ Государствѣ». (Казань. Изданіе редакціи «Извѣстій и Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета»). 1866. Въ этомъ сочиненіи, въ отдѣлѣ А, посвященномъ «Обзору жизни инородцевъ передъ временемъ вступленія ихъ въ составъ Московскаго Государства», въ раздѣлѣ II, озаглавленномъ: «Инородцы на сѣверѣ Европейской Россіи и въ Западной Сибири», авторъ, между прочимъ, говоритъ (стр. 29 — 30): «Обо всѣхъ, впрочемъ, народностяхъ, какъ къ сѣверу Великой Перми и Югорской земли, такъ и къ востоку и югу Русскіе почти ничего не знали ранѣе XVI и XVII стол. Югорская земля была крайнимъ предѣломъ, до котораго простирались болѣе или менѣе положительныя географическія свѣдѣнія. Походы Русскихъ въ эту страну, во второй половинѣ XV столѣтія, какъ кажется, не совсѣмъ разсѣяли тѣ баснословныя толки, предметомъ которыхъ долгое время были Югорскій край, и которыя, представляя его землею мрака и обитателей нѣмыми существами, умиравшими на зиму, возникли и разнообразились, вѣроятно, вслѣдствіе хвастовства людей, бывавшихъ тамъ, и легковѣрія общества. По крайней мѣрѣ во времена Герберштейна не переставали ходить въ Москвѣ подобныя толки относительно Югорской земли. Тѣмъ крѣпче они могли держаться въ публикѣ, что земля Вогуличей, послѣ опустошительнаго похода на нее въ 1499 г. кн. Семена Курбскаго, не была окончательно покорена власти Московской и, какъ кажется, господство послѣдней надъ ней, въ теченіе XVI в., было болѣе номинальнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ. Что же касается до другихъ странъ и народовъ, лежавшихъ

⁴⁶⁾ Соф. «нѣтръ вынимаю и очищаю и на оживляю».

⁴⁷⁾ Соф. «да въ сей самоеди».

⁴⁸⁾ Унк. «мертвыхъ своихъ несть а идѣть».

⁴⁹⁾ Соф. «идѣт послѣ и».

къ сѣверу и востоку отъ этой земли, то объ нихъ рассказывались часто сказочныя вещи и этимъ рассказамъ, какъ видно, вѣрили до тѣхъ поръ, пока Русскіе не стали крѣпкою ногою въ Сибири и не дали знать міру, что тутъ живутъ тоже люди, со всѣми принадлежностями человѣческой породы, отличающіеся отъ другихъ только языкомъ и образомъ жизни». Къ этому мѣсту сдѣлано примѣчаніе (47), въ которомъ авторъ говоритъ: «Такъ какъ во всякой сказкѣ есть доля правды и такъ какъ, съ другой стороны, сказка говоритъ о направленіи фантазій общества, среди котораго пользуется кредитомъ, то привожу здѣсь отрывокъ въ этомъ родѣ, заимствованный изъ сборника Соловецкой бібліотеки (при Духовной Казанской Академіи, № 844, л. 303 — 308) и доставленный мнѣ А. С. Павловымъ», — и затѣмъ приводитъ (петитомъ) помѣщенную выше статью, очевидно съ той же копіи, которою пользовались и мы. Слѣдуетъ замѣтить однако, что несмотря на крупный и отчетливый почеркъ копіи сдѣланной А. С. Павловымъ, въ печатный текстъ сказанія (у Фирсова), вкрались многія ошибки или опечатки; такъ напр. вмѣсто «Молгонзѣи» стоитъ «Монгонзѣи», вмѣсто «рукавицы» — «рукиводы» и т. п. Въ дальнѣйшемъ изложеніи у Фирсова ничего болѣе объ означенной статьѣ не говорится: въ теченіе двадцати лѣтъ послѣ того, никто, кажется, также не обратилъ на нее вниманія. О ней упоминаетъ, правда, проф. Е. Е. Замысловскій въ своемъ сочиненіи о Герберштейнѣ, но лишь мимоходомъ, въ примѣчаніяхъ, хотя нѣкоторыя баснословныя извѣстія, записанныя имперскимъ посломъ о далекомъ Сѣверѣ и давали поводъ сопоставить съ ними въ подробностяхъ Новгородское сказаніе, тѣмъ болѣе, что Герберштейнъ ссылается на какой-то «дорожникъ» (itinerarium), изъ котораго онъ, по его словамъ, заимствовалъ приведенныя имъ свѣдѣнія⁵⁰⁾. Не приводитъ эту статью и А. Н. Поповъ — въ своемъ сочиненіи о Хронографахъ и въ составляющемъ прибавленіе къ нему «Изборникѣ», въ которомъ сопоставлены многія старинныя русскія извѣстія о Сибири и о тамошнихъ «звѣрообразныхъ людяхъ». Лишь мимоходомъ и иногда даже не указывая источника — заимствовали изъ нея нѣкоторыя данныя гг. Аристовъ, Поляковъ, Костомаровъ⁵¹⁾. Единственный изслѣдователь, остановившій въ большей степени свое вниманіе на упомянутомъ сказаніи, былъ Оксеновъ. Въ своемъ этюдѣ: «Слухи и вѣсти о Сибири до Ермака», помѣщенномъ въ «Сибирскомъ Сборникѣ» 1887 г. (Приложеніе къ «Восточному Обзорнію». 1888. Кн. IV. 1887), г. Оксеновъ между прочимъ говоритъ (стр. 108): «Несмотря на то, что сѣверо-западная Азія посѣщалась Русскими съ древнѣйшихъ временъ, однако до времени покоренія Сибирскаго царства

⁵⁰⁾ Замысловскій, Герберштейнъ, стр. 84, прим. 3; стр. 419, прим. 8.

⁵¹⁾ Аристовъ, Промышленность древней Руси. Спб. 1866, стр. 209, прим. 754; Поляковъ, статья о Лукоморьѣ въ «Живописной Россіи» изд. Вольфомъ; Костомаровъ, Сѣверныя Народопрарства.

русскіе люди *не обладали положительными свѣдѣніями объ этой странѣ*. Безъ сомнѣнія, находились немногія отдѣльныя лица, знавшія, до извѣстной степени, Зауральскій край, но ихъ географическія и этнографическія свѣдѣнія объ этой странѣ оставались ихъ личнымъ умственнымъ достояніемъ и не входили въ общее сознание. Для массы русскихъ людей сѣверо-западная Азія до эпохи Ермака была вполнѣ terra incognita, преисполненная разныхъ ужасовъ и невѣроятныхъ вещей». Авторъ приводитъ затѣмъ преданія о полунощныхъ народахъ, записанныя въ лѣтописяхъ (Никоновская, подъ 1006 г.; Ипатьевская, подъ 6622 г.), говоритъ о Новгородскихъ походахъ въ Югорскую землю, о походѣ Московской рати за Уралъ въ 1483 г., и, нѣсколько противорѣчая сказанному имъ ранѣе, заключаетъ (стр. 110): «Можно сказать, что во второй половинѣ XIV в. и первой половинѣ XV Русскіе *не лишены были хотя небольшихъ положительныхъ свѣдѣній о рѣкахъ и странахъ сѣверо-западной Азіи*, а во второй половинѣ XV в., кромѣ того, знали довольно хорошо путь, по которому можно было перейти изъ древней Россіи за Уральскія горы, въ землю Сибирскую и Югорскую. Но эти немногія положительныя свѣдѣнія не мѣшали распространенію баснословныхъ разсказовъ»... Сказавъ послѣ того нѣсколько словъ о походѣ 1499 г. на Вогуловъ и въ Югру, и о сношеніяхъ во второй половинѣ XVI — стол. съ татарскими владѣтелями въ Сибири, г. Оксеновъ замѣчаетъ, что Русскіе того времени знали довольно хорошо только дорогу въ Сибирь (Искеръ), а о странѣ къ сѣверу отъ нея имѣли лишь смутныя понятія. «Замѣтимъ вообще, говоритъ онъ, что всѣ до эпохи Ермака полученныя Русскими свѣдѣнія о земляхъ и народахъ сѣверо-запада Азіи, носятъ характеръ отрывочности, случайности и во многихъ отношеніяхъ преувеличенія и даже баснословности. Люди, побывавшіе въ это время за Уральскими горами, не довольствовались однимъ простымъ описаніемъ видѣннаго ими, но въ большинствѣ случаевъ склонны были, по разнымъ мотивамъ, къ преувеличеніямъ въ своихъ разсказахъ или вообще къ невѣрной передачѣ свѣдѣній. Одни, какъ, напримѣръ люди торговые, старались наказать побольше разныхъ ужасовъ о Зауральскихъ земляхъ, чтобы устранить другихъ отъ торговли и промысла пушнымъ товаромъ, и чтобы всецѣло оставить за собой выгоды отъ этихъ промышленныхъ предпріятій. Другіе, какъ напримѣръ люди воинскіе, любили похвастать тѣмъ, что имъ приходилось во время походовъ въ сѣверо-западную Азію совершать невѣроятные подвиги въ борьбѣ съ тамошнею суровою природою и дикими обитателями, причемъ какъ природу, такъ и обитателей этой части Азіи они старались надѣлять разными чудовищными атрибутами. Третьи, по разнымъ случаямъ побывавшіе за Ураломъ и не обладавшіе способностью отнестись критически къ разнымъ слухамъ и понимать видѣнное ими, также передавали многое въ извращенномъ видѣ». Въ доказательство, авторъ (на стр. 113) приводитъ извѣстную уже намъ статью, «рисующую, какъ онъ выражается, довольно хорошо, какіе невѣроятные слухи о сѣверной Азіи и ея обитателяхъ, рядомъ съ немногими положительными свѣдѣніями о Зауральской сторонѣ, ходили между Рус-

скими еще въ XVI столѣтіи», — заимствуя её изъ упомянутого сочиненія Оирсова, съ тѣми же, какъ и тамъ, ошибками. Приведа статью цѣликомъ, авторъ дѣлаетъ такое о ней заключеніе (стр. 114): «Это фантастическое описаніе, трактующее о такъ называемой «самоѣди», очевидно, имѣло въ виду, въ первыхъ, сѣверные предѣлы земли Югорской, на что можетъ указывать упоминаемое тутъ названіе народа «Каменская самоедь». Здѣсь идетъ рѣчь о Самоѣдахъ, жившихъ при Обской губѣ и по склонамъ сѣвернаго Урала, который въ древнія времена назывался просто Камнемъ, отчего и Самоѣды, тутъ обитавшіе, могли называться «каменскими». Затѣмъ, находящееся въ приведенномъ отрывкѣ названіе «монгонзѣи» и «самоѣдъ» относится, какъ можно догадываться, къ народу, обитавшему по р. Тазу. Самоѣды, занявшіе мѣста по р. Тазу, по мнѣнію однихъ, назывались въ древнія времена «мокасе», что, подъ вліяніемъ русской этимологіи, могло обратиться въ «монгонзѣи». По мнѣнію другихъ, эти Самоѣды получили названіе отъ имени одного своего князя Маказея. Наконецъ, въ вышеприведенномъ отрывкѣ идетъ рѣчь о какомъ то народѣ, жившемъ по верхнему теченію р. Оби. Однимъ словомъ, въ баснословныхъ разказахъ о «самоѣди» описываются отдаленные народы сѣверной Азіи, о которыхъ Русскіе до эпохи Ермака знали только по дошедшимъ до нихъ, самымъ извращеннымъ слухамъ»⁵²⁾.

Этимъ и ограничиваются, насколько намъ извѣстно, всѣ комментаріи къ разбираемому нами Новгородскому сказанію, имѣющіеся въ литературѣ. Его не коснулся и А. Н. Пыпинъ, въ своихъ статьяхъ о Сибири («Сибирь и изслѣдованія ея»), помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» за 1888 г., а равно и г. Адриановъ въ своей «Исторіи Сибири».

Пробѣгая приведенное нами Новгородское сказаніе, мы можемъ различить въ немъ извѣстія о девяти родахъ людей (племенахъ или народностяхъ), которые всѣ вообще называются «самоѣдью», хотя относительно двухъ изъ нихъ этого обозначенія и не употреблено. Эти девять племенъ называются или опредѣляются такъ: 1) Самоѣдъ — Молгонзѣи, людѣды; 2) Линная Самоѣдъ; 3) Самоѣдъ — «по пупъ мохнатая до долу»; 4) Самоѣдъ со ртомъ на темени; 4) Самоѣдъ умирающая (замерзающая) на зиму или на два мѣсяца; 6) Люди вверху Оби, живущіе въ землѣ; 7) Безголо-

⁵²⁾ Тыжновъ, въ статьѣ «Обзоръ иностранныхъ извѣстій о Сибири 2-ой половины XVI в.» (въ «Сибирскомъ Сборникѣ», изд. подъ ред. Ядринцева, 1887 г.), говоря о Витзенѣ, также ссылается на разбираемую нами статью и отмѣчаетъ, что «въ то время, какъ русскіе люди пробавлялись разными допотопными разказами о сѣверныхъ странахъ, „гдѣ живутъ люди, у коихъ рты на темени, а не говорятъ, а образъ въ пошлину челоуѣкъ“ и т. д., въ тоже самое время иностранцы имѣли уже о тѣхъ же сѣверныхъ русскихъ странахъ весьма точныя научныя свѣдѣнія». Г. Тыжновъ, очевидно, не принялъ въ соображеніе, что между статьею Новгородскаго торговца и сочиненіемъ о Татарин Витзена прошло почти два столѣтія. Съ другой стороны, въ сочиненіи Витзена, представляющемъ компиляцію изъ разныхъ источниковъ, научныя свѣдѣнія также смѣшаны съ разными небылицами.

вая самоѣдь — со ртомъ между плечами и съ глазами въ груди, стрѣляющая изъ желѣзныхъ трубокъ; 8) Люди, ходящіе «по подѣ землю» около озера, на которомъ есть мертвый городъ, гдѣ происходитъ нѣмой торгъ; 9) Каменская самоѣдь, которая «облежитъ около Югорскіе земли». Относительно всѣхъ этихъ народовъ рассказываются довольно невѣроятныя вещи, тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ характеризуются все-таки возможными чертами; таковы: Молгонзен; люди живущіе въ землѣ; Каменская самоѣдь; другіе же — явно баснословными: «линная» самоѣдь; люди со ртомъ на темени; умирающіе на зиму; безголовые. Было бы однако нераціональнымъ отбросить сразу всѣ эти невѣроятные рассказы, какъ баснословные, и признать ихъ просто досужими выдумками какого-то проходимца торговца. Такое обвиненіе въ сознательномъ измышленіи совершенно несуществующихъ вещей можно сдѣлать только послѣ обстоятельнаго разбора сказанія. Извѣстно, что многіе рассказы древнихъ писателей, на примѣръ Геродота, долго считались совершенно баснословными, покуда послѣдующія открытія и болѣе обстоятельная критика не доказали вѣрности свѣдѣній, сообщаемыхъ «отцомъ исторіи» или не убѣдили, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что въ основаніи многихъ изъ нихъ лежало нѣчто достовѣрное. Всякое описаніе, если оно сдѣлано не очевидцемъ и основано на разспросахъ и разказахъ, почти неизбѣжно должно заключать въ себѣ неточности, искаженія или преувеличенія, которыя могутъ особенно увеличиться, если рассказъ дошелъ до записавшаго его изъ вторыхъ и третьихъ устъ, если и первый рассказчикъ имѣлъ, можетъ быть, не вполне точныя свѣдѣнія, или если слышавшій рассказъ не умѣлъ надлежащимъ образомъ его понять. Тогда, путемъ искаженій, смѣшеній и преувеличеній дѣйствительныхъ фактовъ могутъ возникать совершенно невѣроятныя представленія, въ которыхъ иногда весьма трудно и даже положительно невозможно добраться до скрытаго въ нихъ зерна истины. Исторія многихъ средневѣковыхъ, географическихъ и этнографическихъ миѳовъ, можетъ служить наглядной тому иллюстраціей; въ ней можно найти не мало примѣровъ тому, какъ извѣстный дѣйствительный фактъ, невѣрно понятый или безсознательно преувеличенный, давалъ поводъ къ возникновенію самыхъ фантастическихъ и баснословныхъ рассказовъ, державшихся въ обращеніи цѣлые вѣка.

Съ другой стороны, можно допустить предположеніе, что составитель разсматриваемаго нами сказанія ограничился не только тѣмъ, что ему было извѣстно въ дѣйствительности или что онъ слышалъ отъ людей бывалыхъ, но включилъ также кое что и изъ того, что онъ вычиталъ изъ книгъ или узналъ отъ людей болѣе начитанныхъ. Въ сказаніи упоминается, между прочимъ, о людяхъ безъ рта, людяхъ безголовыхъ, людяхъ временно умирающихъ, о нѣмомъ торгѣ и т. п., — рассказы, подобные которымъ мы встрѣчаемъ и въ другихъ древнихъ источникахъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Возможно поэтому задать вопросъ, не воспользовался ли составитель сказанія какими нибудь литературными свѣдѣніями, только приурочивъ ихъ къ описываемымъ имъ странамъ. Вопросъ

этотъ существенно важенъ для опредѣленія степени оригинальности сказанія, а потому на немъ слѣдуетъ остановиться ⁵³⁾).

Разказы о баснословныхъ народахъ или, какъ ихъ называли старинные русскіе книжники «дивныхъ людяхъ», «дивовищахъ», встрѣчаются въ литературахъ почти всѣхъ культурныхъ народовъ, на извѣстныхъ стадіяхъ ихъ развитія. Особенно процвѣтали они, повидимому, на Востокѣ, у Индусовъ, Персовъ, Арабовъ, но немногимъ уступали имъ и тѣ, которые ходили въ Европѣ, въ теченіи болѣе 2500 лѣтъ. У Гомера мы находимъ упоминаніе о Пигмеяхъ, живущихъ гдѣ то въ Ливіи и сражающихся тамъ съ журавлями; — о людодѣдахъ Лестригонахъ, — объ одноглазомъ великанѣ Полифемѣ. Съ теченіемъ времени цикль такихъ разказовъ-миоовъ не уменьшался, а увеличивался по мѣрѣ того, какъ расширялись границы извѣстнаго тогда міра. Рядъ подобныхъ извѣстій о баснословныхъ народахъ мы находимъ у Геродота; припомнимъ его разказы о Макробіяхъ, Неврахъ, счастливыхъ Гипербореяхъ, одноглазыхъ Армаспахъ, плѣшивыхъ Агриппеяхъ и т. д. Немалое число ихъ было внесено также въ греческую литературу Ктезіемъ, врачомъ, жившимъ въ V—IV стол. до Р. X. при Персидскомъ дворѣ и собравшимъ тамъ многія баснословныя свѣдѣнія объ Индіи. Ему мы обязаны, между прочимъ, разказами о звѣрѣ — Мартихорѣ, величиною съ льва, съ человѣческимъ лицомъ и ушами, съ тремя рядами зубовъ и съ хвостомъ, какъ у скорпіона; о людяхъ Пигмеяхъ; о Кинокефалахъ, живущихъ охотой, но имѣющихъ также стада овецъ, козъ и ословъ; о Кинамолгахъ, держащихъ громадныя охотничьи собаки; объ Индусахъ, живущихъ по 130 — 200 лѣтъ и т. п. Вѣроятность этихъ разказовъ отрицалась впоследствии Аристотелемъ, Страбономъ и др., но они продолжали ходить въ обществѣ, и любопытно, что даже ближайшее ознакомленіе съ Индіей, благодаря походу Александра Македонскаго, не было въ состояніи ихъ разсѣять. Эліанъ, Деимахъ, Мегасоенъ (посоль Селевка къ Сандракоттѣ или Чандрагуптѣ, жившій долгое время въ столицѣ Индійскаго царя, Палимботрѣ) — повторяютъ многія изъ баснословныхъ извѣстій Ктезія или замѣняютъ ихъ другими, не болѣе достовѣрными. Въ эпоху Римской имперіи всѣ подобныя разказы о чудовищныхъ звѣряхъ и людяхъ возбуждали, правда, только улыбки философовъ, но они продол-

⁵³⁾ *Викторовъ*, въ своемъ описаніи рукописей, поступившихъ въ бібліотеку Румянцевскаго музея изъ собранія Бѣляева, говоря о «словѣ о человѣцѣхъ незнаемыхъ» и приведа начало его, замѣчаетъ: «Далѣе — баснословныя разказы о другихъ породахъ «самоѣди», въ томъ числѣ о «дивныхъ» людяхъ, со ртами на теменѣ, или между плечами, съ глазами на груди и т. п. См. подобныя разказы въ нѣмецкомъ Луцидаріѣ «*Elucidarius*», Fg. am M. 1621, 4°». Когда я дѣлалъ настоящее сообщеніе въ засѣданіи Моск. Археологическаго Общества, М. А. Веневитиновъ также замѣтилъ мнѣ, что подобныя разказы о дивныхъ людяхъ встрѣчаются въ Луцидаріяхъ, Александріи и другихъ иностранныхъ и русскихъ (переводныхъ) памятникахъ, откуда они и могли быть заимствованы. Далѣе я разбираю этотъ вопросъ.

⁵⁴⁾ См. *M. Crindle*, *Ancient India as described by Ktesias the Knidian*. Calc.-Lond. 1882

жали обращаться въ обществѣ и были унаслѣдованы Средними вѣками ⁵⁵⁾. Отцы церкви вѣрили не только въ библейскаго Гога и Магога, но и допускали существованіе почти всѣхъ «дивныхъ людей», принимавшихся классическою древностью. По словамъ Маринелли, «древнія представленія о Кентаврахъ, Циклопахъ, Кинокефалахъ, Амазонахъ, Астомахъ, Трѣхрукихъ, Гетероморфахъ, Лемнахъ (безъ головъ, съ глазами на груди), Скіоподахъ, великанахъ въ 12 футовъ ростомъ — снова возродились къ жизни въ эпоху патристики рядомъ съ тысячами образовъ бѣса, которыми занималось новое богословское ученіе. Лишь немногіе изъ отцовъ церкви не приняли никакого участія въ возрожденіи этихъ созданий древней фантазіи» ⁵⁶⁾. Извѣстія о такихъ баснословныхъ народахъ вошли въ средневѣковыя энциклопедіи: Исидора Севильскаго, Викентія де Бовэ (Vicentius Bellovacensis) и др., въ повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ псевдо-Каллисѣна, въ Сказаніе или Посланіе пресвитера Іоанна объ Индійскомъ царствѣ (Epistola de mirabilibus Indiae) въ спеціальныя «Книги чудесъ» («Livre de Merveilles», рукопись Парижской бібліотеки) и трактаты о чудовищахъ («De Monstris et Belluis», рукопись, какъ полагаютъ, VI вѣка ⁵⁷⁾), въ разныя апокрифическія сочиненія (напр. въ слово псевдо-Меодія Патарскаго «о царствіи языка послѣднихъ временъ») и др. Немногіе образованные путешественники того времени, проникавшіе въ отдаленныя страны (какъ напр. Плато Карпини, Марко Поло, нѣкоторые арабы и др.) приносили изъ своихъ странствій новыя разказы въ томъ же родѣ, которые стали еще болѣе возрастать въ числѣ, по мѣрѣ того, какъ открытія Португальцевъ, Испанцевъ и Голландцевъ проложили путь для заморской торговли съ отдаленными странами. Новыя свѣдѣнія, перемѣшанныя со старыми, нашли себѣ мѣсто въ Луцидаріяхъ, «Книгахъ Природы» («Das Buch der Natur von

⁵⁵⁾ Страбонъ видѣлъ въ Пигмеяхъ просто малорослыхъ Эѳіоповъ; онъ смѣется надъ Мегаеѳеномъ, Денмахомъ и др., сообщающими объ Астомахъ (безротыхъ), Монофталмахъ, Циклопахъ и т. п. Позже Лукрецій, Овидій и Луканъ отрицаютъ существованіе Кентавровъ и Циклоповъ. Къ числу писателей, не вѣрившихъ въ подобныхъ чудовищъ слѣдуетъ причислить еще Ксенофонта, Агатархида, Гераклита, Діодора, Цицерона, Сенеку, Плутарха, Галена и др.

⁵⁶⁾ *Marinelli*, Die Erdkunde bei den Kirchenvätern. Deutsch von Neumann. L. 1884. S. 33 — 34. «Der hl. Augustinus z. B. schliesst diese Dinge nicht aus; der hl. Isidor glaubt entschieden an die Existenz von Pygmäen und Cynocephalen; der hl. Hieronimus, der allein eine wenn nicht richtige, so doch bezüglich der Pygmäen vernünftige Erklärung giebt, ist sich unklar, ob er die Centauren für fabelhafte oder wirkliche Wesen erklären soll; auch der hl. Isidor, zusammen mit Paulus Orosius, dem später noch Beda der Ehrwürdige folgte, nimmt das Vorhandensein von Cyclopes als wahr hin. Und alle Patres und Doctores der Kirche, vom Papst Clemens bis zu Albertus Magnus, halten die Existenz des Phönix für unanfechtbar und wagen nur über die Lebensdauer und Heimath des himmlischen Vogels zu disputiren. Отцы церкви возстали только рѣшительно противъ Антиподовъ, существованіе которыхъ было однако несомнѣнно, хотя понятіе о нихъ извратилось, вслѣдствіе тогдашняго невѣжества и превратилось въ представленіе о людяхъ съ обращенными взадъ ступнями и съ восьмью пальцами на каждой рукѣ.

⁵⁷⁾ См. *Berger de Xivrey*, Traditions tératologiques P. 1836.

Konrad von Megenberg), и космографіяхъ (напр. *Себастіана Мюнстера*). Нѣкоторые путешественники въ Египетъ, Индію и другія тропическія и субтропическія страны особенно отличились собираніемъ всевозможныхъ свѣдѣній о баснословныхъ народахъ; въ ряду ихъ едва ли не первое мѣсто занимаетъ Мандевилль, французскій путешественникъ XV вѣка³⁸⁾. Многіе изъ подобныхъ разсказовъ пользовались кредитомъ весьма долгое время, и мы встрѣчаемъ ихъ (или подобные имъ) даже у образованныхъ писателей XVIII вѣка, напр. у Де-Майлле, de Rau и др. Самъ Линней вѣрилъ въ существованіе хвостатыхъ людей, принималъ «ночнаго человѣка» (что-то среднее между человѣкоподобной обезьяной и человѣкомъ-альбиносомъ) и не сомнѣвался въ существованіи «дикихъ» людей, волосатыхъ, ходящихъ на четверенькахъ и открываемыхъ по временамъ въ лѣсахъ. Даже въ нынѣшнемъ столѣтіи, не далѣе какъ 15—20 лѣтъ тому назадъ, появлялись еще извѣстія объ открытіи людей съ хвостами въ тропическихъ странахъ, именно въ Африкѣ и въ юго-восточной Азій.

Не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторыя изъ этихъ извѣстій, разбросанныхъ въ древней, средневѣковой и позднѣйшей литературѣ Запада, проникали съ довольно отдаленнаго времени и въ литературу русскую. Болѣе образованные люди изъ нашего духовенства знакомились съ произведеніями отцовъ церкви и съ разными апокрифическими сочиненіями, а чрезъ посредство ихъ могли получить свѣдѣніе и о разныхъ дивныхъ людяхъ. Въ до-Петровскую эпоху у насъ были въ ходу и переводы «Александріи», и «Сказаніе объ Индіи богатой», и «Луцидаріи» и наконецъ— «Космографіи». Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ, также какъ въ Азбуковникахъ и въ собранной изъ нихъ статьѣ «о людяхъ дивныхъ»— русскіе люди познакомились и съ Пигмеями, и съ Монокулами, и съ Сатирами, и съ Психоловцами и со многими другими подобными баснословными людьми—чудовищами. Но, во-первыхъ, большая часть этихъ переводныхъ сочиненій стала распространяться у насъ, сравнительно, поздно, не ранѣе, надо полагать, XVI вѣка, а съ другой стороны, сопоставляя данныя ихъ съ извѣстіями разсматриваемаго нами Новгородскаго сказанія, нельзя замѣтить никакихъ слѣдовъ явственнаго вліянія первыхъ на второе. Все, что говорится о Молгонзѣяхъ, о линной самоѣди, о людяхъ мохнатыхъ отъ пупа до долу, о людяхъ живущихъ въ землѣ, о людяхъ ходящихъ подъ землею съ огнемъ, о Каменской самоѣди,—все это совершенно оригинально; если же въ другихъ извѣстіяхъ и встрѣчается нѣчто, напоминающее разсказы въ древнихъ и западныхъ литературахъ, напримѣръ о людяхъ безъ головъ, о нѣмомъ торгѣ,—то и это немногое обставлено настолько оригинальными подробностями, что заставляетъ предполагать скорѣе совпаденіе или сходство, чѣмъ какое бы то ни было заимствованіе. По всѣмъ признакамъ,

³⁸⁾ Видѣнная мною рукопись путешествія или «романа» Мандевилля украшена множествомъ миниатюръ съ изображеніями дивныхъ людей и чудовищныхъ звѣрей, живущихъ якобы въ Египтѣ или около него, въ Индіи и Персіи.

составитель «Сказанія» писалъ не мудрствуя лукаво, что зналъ и слышалъ, и не думалъ хвастаться ни своими знаніями, ни своими приключеніями. Еслибы это былъ человѣкъ начитанный, слыхавшій о разныхъ дивныхъ людяхъ, и еслибы онъ желалъ пополнить свой рассказъ на счетъ книжной мудрости, то онъ, вѣроятно, пошелъ бы много далѣе въ своихъ вымыслахъ, которые бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, представили гораздо большее сходство съ подобными же рассказами въ другихъ литературныхъ памятникахъ, а также, по всей вѣроятности, сослался бы на какойнибудь авторитетъ, въ родѣ того, какъ лѣтописецъ, по поводу рассказа Новгородца Гюряты Роговича о людяхъ, просѣкавшихся чрезъ горы (камень) къ Югрѣ и просившихъ знаками желѣза, припомнилъ сказаніе Меѳодія Патарскаго о людяхъ, заклепанныхъ Александромъ Македонскимъ. Ничего подобнаго въ разбираемомъ нами сказаніи нѣтъ; оно носитъ вполне характеръ простаго, безпритязательнаго рассказа человѣка, которому пришло на мысль записать все извѣстное ему и слышанное относительно народовъ, живущихъ далеко на сѣверѣ и востокѣ, за Югорскою землею,—относительно ихъ вида, быта и имѣющагося у нихъ товара.

Сдѣлавъ такой общій обзоръ сказанія, перейдемъ къ его подробному анализу и разберемъ послѣдовательно сообщаемыя имъ извѣстія. Обратимъ прежде всего вниманіе на заголовокъ статьи: «о челоуѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ», къ которому, въ нѣкоторыхъ спискахъ, прибавлено для поясненія: «о языцѣхъ розныхъ» или «о языцѣхъ разныхъ и иновидныхъ». Это поясненіе имѣло, очевидно, цѣлью дать понять, что дѣло идетъ не о какихънибудь отдѣльныхъ людяхъ, а о народахъ, отличающихся отъ русскаго видомъ, языкомъ и нравами. Названіе «восточная страна», прилагаемое къ области Оби, можетъ, какъ мы думаемъ, служить доказательствомъ, что слово Сибирь, не было еще извѣстно составителю сказанія. Невозможно допустить, чтобы въ эпоху, когда названіе Сибирь вошло въ употребленіе и сдѣлалось общезвѣстнымъ, чтобы въ это время пишущій о Сибири не зналъ этого названія и продолжалъ выражаться описательно: «восточная страна». Но названіе «Сибирь» встрѣчается уже подъ 1483 г. въ описаніи похода «на Асыку на вогульскаго князя, да и въ Югру, на Обь рѣку великую»⁵⁹⁾, а въ 1544 г. «Сибирь», какъ названіе города, появляется даже на иностранныхъ картахъ (на картѣ Себ. Мюнстера). Десять лѣтъ спустя, въ 1564 г. Иванъ Васильевичъ Грозный, въ грамотѣ къ англійскому королю Эдуарду VI-му, уже называетъ себя

⁵⁹⁾ Лербергъ высказалъ, что впервые названіе Сибирской земли встрѣчается въ лѣтописяхъ подъ 1407 г. по случаю указанія на то, что Тохтамышъ (въ княженіе Дмитрія Донскаго, въ 1382 г., раззорившій Москву) былъ убитъ въ томъ же году ханомъ Шадибекомъ—въ *Сибирской землѣ*, причемъ въ Архангельск. Лѣтописцѣ сказано даже, что Тохтамышъ убитъ *въ Сибирской землѣ, близъ Тюмени*. Однако есть основаніе полагать, что это опредѣленіе мѣстности составляетъ позднѣйшую вставку. Тюмень была основана только въ 1586 г., да и самое основаніе города Сибири приписывается хану Мамету, жившему во второй половинѣ XV вѣка.

«повелителемъ Сибири» и еще прежде, чѣмъ Ермакъ перешелъ Уралъ, «Сибирь» уже вошла, какъ названіе одного изъ русскихъ владѣній, въ царскій титулъ. Названіе это, по объясненію сибирскихъ лѣтописцевъ, произошло отъ названія города Сибири, находившагося на р. Иртышѣ, близъ впаденія въ него Тобола, недалеко отъ позднѣйшаго Тобольска (второго города, основаннаго русскими въ Сибири послѣ Тюмени)⁶⁰⁾. Хотя толкованіе книжника-лѣтописца въ данномъ случаѣ и не можетъ быть особенно убѣдительнымъ, но, принимая во вниманіе, что городъ Сибирь дѣйствительно существовалъ и считался главнымъ въ странѣ, весьма возможно, что названіе его было распространено и на всю область, получившую именованіе «Сибирской страны», а позже и «Сибири». Впрочемъ названіе это не имѣло первоначально такого широкаго значенія, какъ теперь. Оно придавалось сначала только области по Иртышу и Тоболу, стоявшей въ непосредственной зависимости отъ г. Сибири, какъ то можно заключить изъ описанія похода 1483 г., князя Федора Курбскаго-Чернаго, да Ивана Ивановича Салтыка-Травина. Въ этомъ описаніи говорится, что воеводы великаго князя имѣли «бой съ вогуличами на устьѣ рѣки Пельни» (притокъ Тавды, впадающей въ Тоболъ), и «оттолѣ пошли внизъ по Тавдѣ рѣцѣ мимо Тюмень въ Сибирскую землю», «а отъ Сибири шли по Иртышу рѣцѣ внизъ воюючи, да на Обь рѣку великую въ Югорскую землю». Такимъ образомъ Югорская земля отличалась отъ Сибирской, что доказывается и тѣмъ, что названіе «Югорскаго» вошло въ царскій титулъ отдѣльно, еще въ 1488 г. (въ грамотѣ Ивана III къ Чешскому королю Матеашу). Точно также отличались отъ Сибирской земли сѣверныя области: Обдорія и Кондія, названія коихъ вошли въ царскій титулъ также ранѣе, въ 1514

⁶⁰⁾ Въ Лѣтописцѣ Саввы Есипова, составленномъ въ 1636 г., есть глава: «О Сибири, чего ради Сибирь наречеса вся страна сія». Разказанъ какъ «Адеровъ сынъ Маметъ Казанскаго царя Уака уби и гради свой Чингидень (Чингитуръ?) разруши, и отъиде оттуду внутрь Сибирскія земли, и постави себѣ градъ на рѣкѣ Иртыши и назва его градъ Сибирь, сирѣчь начальный, и живяше въ немъ царь лѣта многа и умре, и оттолѣ пресѣчесе царство на рѣцѣ Ишимѣ», лѣтописецъ начинается указанную главу такъ: «Да егда убо Маметъ Казанскаго царя побѣди и повелѣ поставити градъ, сего ради, яко царя побѣди, храбрость свою показуя, и повелѣ начальнымъ градомъ звати его, оттолѣ же и вся страна сія прозвася Сибирь; гради же Сибирстѣи именуеми кійждо ихъ по смотрѣнію и по прилучаю и по древнему именованію, общесе же Сибирь именуется. Якоже и римская страна Италія нарицается отъ Итала нѣкоего, обладавшаго странами вечерними, якоже свидѣтельствуеть Кроника Латинская; гради же всея Римскія страны разньство именъ имѣють, общеже Италія нарицается. Прежде же сего како сія нарицашеса, не вѣмъ, понеже отнележе градъ Сибирь созданъ, много лѣтъ преиде и испытати не возмогохъ; прежде бо живяше Чюдь по всей Сибирстѣй земли, и како нарицашеса, того въ память никому не вниде, ни писанія обрѣтохъ». См. рукопись: «Матеріалы для Исторіи Сибири», собр. П. Н. Строевымъ 1840 (въ библ. гр. Уварова, № 312/235). Любопытно однако, что имя Sibir, какъ названіе какой-то области за Эдилемъ (Волгой), въ Азіатской Сарматіи, встрѣчается уже на картѣ Fra Mauro 1459. См. уменьшенную копію ея въ сочиненіи S. Ruge, Geschichte d. Zeitalters der Entdeckungen.

или 1516 гг., тогда какъ слово Сибирь появилось въ титулѣ лишь во второй половинѣ XVI вѣка ⁶¹⁾. На старинныхъ иностранныхъ картахъ конца XVI вѣка названія Сибири, какъ страны или области, не встрѣчается, но на картѣ Федора Борисовича, пополненной и изданной Герардомъ для царя Михаила Федоровича въ 1614 г., оно значится, какъ названіе области, лежащей между Югоріей и Обдоріей, съ городами Тюменью и Тобольскомъ. Шрифтъ, которымъ отпечатано это названіе (Sibiria), одинаковъ съ названіями: Condora, Obdora, Jugoria, Permia, Pega orda, Samoieda ⁶²⁾. Какъ бы то ни было, если бы даже составителю сказанія была извѣстна Сибирь, какъ названіе только указанной области или даже только какъ городъ, то онъ не могъ бы о ней не упомянуть. Отсутствие же этого названія можетъ служить новымъ доказательствомъ тому, что разбираемое нами сказаніе едва ли могло возникнуть позже конца XV-го или, самое позднее, начала XVI-го вѣка.

Первое извѣстіе сказанія посвящено Самоѣди-Молгонзѣямъ. «На восточнѣй странѣ, за югорскою землею, надъ моремъ, живутъ люди, самоѣды зовомы, молгонзѣи» (по другимъ спискамъ «молгоньзѣи», «малгонзѣи», «молгози», «монгазен»). Здѣсь прежде всего предстоитъ опредѣлить мѣстоположеніе указанной страны, а такъ какъ она помѣщается за Югорскою землею, то слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о положеніи послѣдней. Оставляя въ сторонѣ догадки первыхъ изслѣдователей, Татищева, Миллера, Шлецера, Георги, упомянемъ лишь о мнѣніи Лерберга, основанномъ на спеціальномъ изученіи источниковъ ⁶³⁾ и сводящемся

⁶¹⁾ См. Щегловъ, Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири. Иркутскъ. 1883 и Аѣріевичъ, Исторія Сибири, ч. I Спб. 1889. По Щеглову—подъ Сибирскою областію разумѣлась первоначально Тюменская, т. е. южная Югорія, въ отличіе отъ Югорской (сѣверной Югоріи, по рр. Сысьѣ и Сосѣѣ и около Березова, и Сургутской—по Оби. Въ 1554 и 1556 г. въ царскомъ титулѣ упоминается: «Обдорскій, Кондинскій и многихъ другихъ земель, Государь всѣхъ сѣверныхъ береговъ». По другой грамотѣ титулъ обозначенъ такъ: Обдорскій, Кондинскій и всѣхъ Сибирскихъ земель, повелитель Сѣверныхъ страны». Затѣмъ въ 1563 г., въ грамотѣ къ Сигизмунду, королю Польскому, прописано: «Удорскій, Кондинскій и всея Сибири». Герберштейнъ упоминаетъ уже о provincia Sibier, лежащей за Камою и о которой онъ говоритъ вслѣдъ за Югоріей, но замѣчаетъ, что ему неизвѣстно, есть ли тамъ какіе нибудь города.

⁶²⁾ Tabula Russiae, ex autographo, quod delineandum curavit Feodor filius Tzaris Boris desumpta et . . . amplificata: ac Magno Domino, Tzari et Magno Duci Michæli Foedrowits omnium Russorum . . . dedicata ab Hesselto Gerardo, MDCXIV. Первоначально издана Устряловымъ въ «Сказаніяхъ о Самозванцахъ» изд. 3, а недавно перепечатана съ фототипіи Стебницкимъ въ «Извѣстіяхъ Геогр. Общ.» 1889, вып. I. Впервые эта карта была найдена Мусинъ-Пушкинымъ, въ 1782 г., въ Москвѣ, и поднесена Екатеринѣ II. Она была издана затѣмъ Дейриеромъ, подъ заглавіемъ: «Карта древней Россіи, по повелѣнію царя Бориса Годунова Федоромъ Борисовичемъ начертанная. Умножена, выгравирована и поднесена Великому Государю Михаилу Федоровичу въ 1614 г.». Я видѣлъ экземпляръ этого изданія въ Имп. Публичной Библиотекѣ.

⁶³⁾ Лербергъ. «Изслѣдованія» пер. Языковъ. Спб. 1819, I. О географ. положеніи Югорскій земли. Татищевъ и Болтинъ производили названіе Югоріи отъ Юга, притока

къ тому, что «древняя Югрія находилась не въ Европейской Россіи, но простиралась между 56° и 67° с. ш., отъ самаго сѣвернаго конца Урала на востокъ, чрезъ нижнюю Обь, до р. Над(р)ыма, впадающей въ Обьскую губу, и до Аган(п)а, который выше Сургута впадаетъ въ Обь; къ ней принадлежали еще мѣста, лежація по нижнему Иртышу, Тавдѣ, Турѣ и Чусовой. Съ южной стороны граничила она съ татарскими владѣніями, а съ сѣверной—съ землею прежде бывшихъ Самоѣдовъ». Что Югра въ XVI—XVII вв. находилась на Оби и на ея притокахъ Сысвѣ и Сосвѣ, явствуетъ изъ «Книги Большому Чертежу», въ которой, во введеніи, сказано между прочимъ: «А отъ рѣки Таза и отъ рѣки Оби, вверхъ по Оби, Обдорскую, Югорскую и Сибирскую землю, до Нарыма до Пѣгя орды....» и въ другомъ мѣстѣ, при описаніи рѣки Оби Великія: «А по Оби рѣкѣ и по рѣкамъ, которыя въ нее пали: отъ устья въ верхъ Обдорскіе грады, а выше Обдорскихъ градовъ Югорскіе, а выше Югорскихъ градовъ Сибирь....» «А по Сосвѣ и по Сысвѣ грады... Юиль,.. Мункусь,.. Ляпинь...» и проч., «а тѣ грады по Сысвѣ и по Сосвѣ—Югра». Далѣе же говорится: «рѣки же текутъ въ рѣку въ Обь, а по тѣмъ рѣкамъ Сибирскіе грады», причемъ указаны рѣки: Иртышъ, Тоболь, Ишинъ, Тура, Ница, Тавда и др.⁶⁴). Нахожденіе Югрии на Оби подтверждается и выше приведеннымъ извѣстіемъ о походѣ въ Югру 1483 г. и даже гораздо болѣе раннимъ свидѣтельствомъ отъ 1334 г., о походѣ Новгородцевъ, о которыхъ сказано, что они «зимою съ Югры прѣхаша,... воеваша по Оби рѣки до моря, а другая половина рати на верхъ Оби воеваша». Существуютъ, впрочемъ данныя, доказывающія, что ранѣе Югра жила и по сую сторону Урала. Въ пользу этого свидѣлствуютъ какъ многія хорографическія названія на сѣверѣ Европейской Россіи, объясняемая лишь изъ угорскихъ языковъ (Европеусь), или заключающія въ себѣ корень *угра*, *югра* (напр. р. Угроньга, р. Угорма и др.), встрѣчающіяся особенно въ области соприкосновенія Югорскихъ поселеній съ поселеніями Печоры на Вычегдѣ и Еми на Сухонѣ, (Барсовъ)⁶⁵), такъ и нѣкоторыя извѣстія о древнѣйшихъ сношеніяхъ съ Югрой Новгородцевъ, — извѣстія, объяснимыя только при допущеніи, что область Югры находилась не очень далеко отъ Новгорода и не за «Камнемъ». Это подтверждаетъ и рассказъ Гюряты Роговича, подъ 1096 г., изъ котораго видно, что Югра сосѣдила съ Самоѣдью и жила гдѣ-то около Печоры, по сую сторону горъ, до которыхъ путь «непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ», отчего,—говорили Югричи—и «не доходимъ ихъ всегда». Карамзинъ видѣлъ въ этомъ извѣстіи доказательство того, что уже въ XI в. Русскіе ходили за Уралъ, но въ дѣйствительности

Сухонь; Миллеръ—полагалъ еѣ у Ледовитаго моря, у Пустозерска, по Печорѣ и Уралу; Шлецеръ—тоже, и признавалъ Вычегду за южную ея границу; Георги утверждалъ что Югріею назывался берегъ, простирающійся отъ Бѣлаго моря чрезъ Уралъ до Оби.

⁶⁴) Книга, глаголемая Большою Чертежъ, изд. Спасскимъ. М. 1846.

⁶⁵) Барсовъ, Очерки русской исторической географіи. Изд. 2-ое; *Европеусь*. Обь Угорскомъ народѣ.

слѣдуетъ извѣстна обрѣтене заключеніе, что не только Русскіе тогда не знали Урала, но даже и Югра не всегда до него доходила. Вообще, изслѣдованія Шстрема⁶⁶ и вѣдѣнъ Барсова не оставляютъ повидному, сомнѣнія, что Югра жила вѣками по ю сторону Урала и только впоследствии отступила оттуда къ востоку. По вѣдѣнію Барсова, Югра, гѣсимая Новгородцами, постепенно перемѣнилась за Уралъ, на берега Иртыша и Оби, тѣ и востать къ XV вѣку и тѣ она была покорены уже московскими войсками. Если же обратимся къ картамъ, то увидимъ, что положеніе Югры оцѣнаются разными описателями весьма различно, что впрочемъ свидѣльствуетъ прежде всего о плохомъ знакомствѣ съ этою странюю. На первой картѣ Россіи, Баттиста Агнеси, 1525 г., предназначенная къ «Книгѣ о Московіи», Павла Ювія положеніе Югры совершенно извращено: она помѣщена къ западу отъ Сѣверной Двины, между нею и Печорою, которая показана еще далѣе на западъ, а за нею означены горы Уральскія, нахъ которыми надписи: *in istis montibus capiuntur pennis falcones* въ этихъ горахъ ловятъ благородныхъ соколовъ. На картѣ Антона Вилла 1535 г. *Jugra* помѣщена къ сѣверу отъ Вятки, между рр. Мезени и Печорою; на картѣ въ Космографіи Себ. Мюнстера, 1544 г. — такъ же, или къ востоку отъ Печоры, между нею и странюю *Sibolia Sibolia*⁶⁷. По Герберштейну — «Угличи и Вогуличи сидятъ по р. Оби» *Obi. Obi. qui oritur ex Kitaisko Asia...* Нунс quoque Vuogulici et Ugritzi gentes asolunt, причемъ на картѣ къ его путешествію, очевидно ошибочно, область *Jugra* поставлена къ востоку отъ Оби, къ сѣверу отъ Кимбалы (столицы Китая). На картѣ Федора Борисовича, дополненной Герардомъ, 1614 г., *Jugra* показана на лѣвой сторонѣ Оби, между Обью и Иртышемъ; на картѣ Навіи 1750 г. она показана по р. Мезени, между нею и Печерою. Названіе «югра» объясняется изъ зырянскаго языка: *jōgrajass jass* = окончаніе множественнаго числа, прилагается Зырянами къ обозначенію своихъ сосѣдей, Вогуловъ и Остяковъ, причемъ *jōgra* значитъ собственно: «грубый», «дикій», «дикарь»⁶⁸. Относительно Вогуловъ тождественныхъ по ихъ собственному названію — «Маньзы» и по языку съ Обскими Остяками, извѣстно, что они ранѣе, въ XV—XVII вѣкахъ (даже еще въ XVIII), жили, отчасти, по ю сторону Урала, хотя теперь поселенія ихъ начинаются только по ту сторону, по рр. Сосльвѣ и Лозьвѣ.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, повидному, что уже въ XV вѣкѣ Югра распространялась до Оби и что выраженіе «за Югорскою землею, видъ моремъ» можетъ относиться только къ странѣ за Обью, прилегающей къ Ледовитому океану. Здѣсь и жила очевидно, та «самоѣдь», которая носила названіе «Молгонзѣвъ», причемъ изъ дальнѣйшаго видно, что тер-

⁶⁶) *Sjögren*. Ueber die Wohnsitze d. Jemen. *Mém. de l'Acad. Imp. S.-Pet.* 1850, I, также «Gesammelte Schriften» Bd. I.

⁶⁷) *Michow*, Die ältesten Karten von Russland. Mit 3 Karten.

⁶⁸) См. *Sjögren*, I. с. и *Савельевъ*, Мухаметанская Нумизматика. 1857. Стр. CV, прим. 191 — Самоѣдовъ Зыряне называютъ также *Jogras*.

минъ «самоѣдь» употреблялся составителемъ сказанія въ родѣ нарицательнаго, почти равнозначительнаго термину — «инородцы», «дикари»; для обозначенія вообще иновидныхъ, дикихъ народовъ сѣвера (за исключеніемъ Югры). Не подлежитъ сомнѣнію, что Новгородцы должны были ознакомиться прежде всего съ европейскими Самоѣдами (мезенскими, большеземельскими, пустозерскими и др.), жившими по сию сторону Урала, о которыхъ упоминается въ лѣтописи уже подъ 1096 г., какъ о сосѣдствующихъ съ Югрой и Печерой (Зырянами). Регули, на основаніи хорографическихъ названій, вывелъ заключеніе, что долина р. Усы, впадающей въ Печеру съ правой стороны, и страна на сѣверъ отъ этой рѣки была населена Самоѣдами съ давнихъ временъ, тогда какъ мѣстности къ югу отъ р. Усы могутъ быть разсматриваемы, какъ исконная область Зырянъ⁶⁹⁾. По изслѣдованіямъ Кастрена, Самоѣды — родомъ съ Саяна, гдѣ еще теперъ живутъ отатарившіяся племена (Сойоты, Карагассы и др.), у которыхъ, еще въ пятидесятыхъ годахъ, Кастрень встрѣтилъ нѣсколько стариковъ, помнившихъ свой прежній языкъ, похожій на самоѣдскій⁷⁰⁾. Чѣмъ было вызвано расселеніе первоначальныхъ Самоѣдовъ на сѣверъ — рѣшить трудно; по всей вѣроятности, оно произошло подъ напоромъ тюрко-монгольскихъ племенъ съ юга. Но дальнѣйшее движеніе ихъ въ низовья Оби обусловливалось, повидимому, отступаніемъ передъ Югрой, которая отрѣзала Самоѣдовъ отъ ихъ южныхъ сородичей и заставила расселиться въ прибрежной полосѣ Ледовитаго моря. О борьбѣ Самоѣдовъ съ Остяками и о подчиненіи отчасти первыхъ вторымъ свидѣлствуютъ многія преданія, сохранившіяся у обонхъ народовъ⁷¹⁾.

Самоѣды - Молгонзѣи, описанные въ разбираемой нами статьѣ, жили, очевидно, по ту сторону Оби, по р. Тазу и до Енисея. Это доказывается уже самымъ названіемъ ихъ, которое можетъ быть приурочено только къ указанной области. Названіе «Молгонзѣи» (Молгонзѣи *Син.*, Малгонзѣи *Стр.*, Монгазеи *Унк.*) напоминаетъ «Мангазею», — городъ, существовавшій на р. Тазѣ, въ XVII — XVIII вв., и получившій свое наименованіе, какъ мы увидимъ далѣе, отъ названія страны или народа. Прежде однако чѣмъ, представить тому доказательства, мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько на исторіи этого города Мангазеи. Острогъ Мангазея былъ заложенъ въ 1600 г. посланными изъ Тобольска письменными головами, княземъ Мирономъ Шаховскимъ и Данилой Хрипуновымъ. Поводомъ къ его основанію послужили, повидимому, слухи о богатствѣ страны соболями и о томъ, что еще ранѣе проникали туда, къ Самоѣдамъ, русскіе и зырянскіе промышленники, которые даже «дань съ нихъ (самоѣдовъ) имали воровствомъ на себя, а сказывали на государя, а въ государеву казну не да-

⁶⁹⁾ Письмо *Регули*, въ «Зап. Геогр. Общ.» 1849, III.

⁷⁰⁾ *Castren*, Ethnol. Vorlesungen über die altaische Völker. 1857.

⁷¹⁾ Нѣкоторыя преданія объ этой борьбѣ приведены у Кушелевскаго (см. далѣе) и у *Третьякова* — «Туруханскій край».

вали, и обиды, и насильства, и продажи отъ нихъ были имъ (самоѣдамъ) великіе»⁷²⁾. Князь Миронъ Шаховской и Данило Хрипуновъ пошли изъ Березова со ста казаками, на четырехъ кочахъ (плоскостонныхъ судахъ, сажень въ 12 длиною, съ палубой) и двухъ коломенкахъ. Судна эти, по выходѣ въ Обскую губу, отчасти разбились, отчасти стали течь, такъ что воеводы должны были высадиться на берегъ и пойти сухимъ путемъ, причемъ люди шли на лыжахъ, а для провіанта Самоѣды доставили оленей. Но на дальнѣйшемъ пути отрядъ подвергся нападенію другой шайки Самоѣдовъ, которая убила тридцать казаковъ (ранила самого кн. Шаховскаго), разграбила провіантъ и заставила остальныхъ Русскихъ искать спасенія въ бѣгствѣ на оленяхъ⁷³⁾. Въ Москву послано было извѣстіе о случившемся несчастіи, которое однако не заставило правительство отказаться отъ принятаго имъ намѣренія. Въ слѣдующемъ, 1601-мъ году, посланы были съ тою же цѣлью воеводы князь Василій Масальскій и Савлукъ Пушкинъ съ двумястами воинскихъ людей. Имъ данъ былъ подробный наказъ, начало котораго не уцѣлѣло, но изъ оставшейся части котораго видно, что они должны были взять съ собою изъ Тобольска, Сургута и Березова «литвы и казаковъ и стрѣльцовъ на обмѣну передъ прежнимъ (т. е. посланными съ кн. Шаховскимъ) вдвое», также опредѣленное число воинскаго снаряда и провіанта (въ томъ числѣ четыре пушки), запастись проводниками (вожами) изъ «зырянъ торговыхъ людей и вымичъ, которые бы ходъ знали и талмачить умѣли», и идти на девяти кочахъ, двухъ лодкахъ морскихъ да двухъ дощаникахъ. Идти имъ велѣно было «на спѣхъ, днемъ и ночью, съ великимъ береженьемъ, чтобъ имъ... придти водянымъ путемъ до заморозовъ», а «идучи... развѣдывать про князя Мирона (Шаховскаго) и про Данила на крѣпко», гдѣ нынѣ они, поставленъ ли ими острогъ и т. д., и если острогъ уже заложенъ, то смѣнить въ немъ ранѣ посланный отрядъ, а если нѣтъ, то заложить новый, привести къ присягѣ окрестную самоѣдъ, розыскать Мирона Шаховскаго съ товарищами, выручить ихъ, подать имъ помощь въ случаѣ надобности и т. п. Изъ послѣдующей грамоты 7111 года явствуетъ, что князь Масальскій и Савлукъ Пушкинъ въ Мангазеѣ устроились, но видно также, что городъ существовалъ уже до нихъ, а изъ этого можно заключить, что основаніе ему

⁷²⁾ По словамъ Миллера, «въ сибирскихъ лѣтописяхъ упоминается, что еще въ 7106 г. изъ Москвы отправленъ былъ для провѣдыванія Мангазейской страны нѣкто Ѳедоръ Дьяковъ, который съ двумя, изъ Тобольска съ нимъ отправленными, цѣловальниками въ тамошнихъ мѣстахъ былъ и первый тамъ ясакъ въ государеву казну собралъ, съ чѣмъ онъ въ 7108 г. въ Москву возвратился».

⁷³⁾ Нападеніе Самоѣдовъ объяснялось тѣмъ, что «самоѣды къ сему дѣлу подбуждены были зырянскими торговыми людьми, которые опасались, что торги ихъ съ самоѣдами черезъ пришествіе Россіянъ придутъ въ упадокъ» (Миллеръ).— Объ исторіи Мангазеи приведены данныя у Миллера, «Описаніе Сибирскаго царства», Фишера—«Сибирская Исторія» и Щеглова—«Хронологическій Перечень».

было положено еще Шаховскимъ, что подтверждается и свидѣтельствами сибирскихъ лѣтописей ⁷⁴⁾.

Первоначально острогъ предполагалось поставить на устьѣ р. Таза, но въ наказѣ предоставлено было воеводамъ право выбрать и другое подходящее мѣсто, причемъ указывалось на промышленные острожки и какой-то «Пантуевъ городокъ». Какъ бы то ни было, но городъ былъ заложенъ по среднему теченію Таза, верстахъ въ 200 отъ его устья, и сталъ извѣстенъ подъ именемъ Мангазен. Въ 1603 г. въ Мангазею былъ посланъ воевода Федоръ Булгаковъ, и ему была дана всякая церковная утварь, а также поручено было взять изъ Березова священника и построить въ Мангазеѣ гостиный дворъ (церковь была построена уже, по-видимому, при кн. Масальскомъ). Въ 1608 г. въ Мангазею доставлялся уже ясакъ не только Самоѣдами, жившими по р. Тазу, но и многими изъ Енисейскихъ Самоѣдовъ и Остяковъ, а равно частью Тунгузовъ по р. Нижней Тунгузкѣ. Тогда же близъ устья р. Турухана было построено зимовье, переименованное впоследствии въ Новую Мангазею и затѣмъ въ Туруханскъ. — Отъ 1616 г. сохранилось извѣстіе, что Архангелогородцы, идя вдоль Мезенскихъ и Пустозерскихъ береговъ, чрезъ Вайгачскій проливъ, въ Карское море, дошли до р. Мутной (текущей поперекъ полуострова Ялмала), шли по ней 5 дней до озера и, перетащивъ изъ него суда волокомъ въ другое озеро, Зеленое, спустились въ рѣчку Зеленую и вошли въ Обскую губу, а затѣмъ, повернувъ отсюда въ Тазовскую губу, пошли вверхъ по р. Тазу и прибыли въ Мангазею, проложивъ такимъ образомъ морской путь изъ Архангельска до этого города, — путь, торговля по которому была однако, изъ-за фискальныхъ цѣлей, запрещена въ 1620 г. ⁷⁵⁾. — Въ 1619 г. Мангазея выгорѣла и по одному извѣстію (у Щеглова) городъ тогда же былъ перенесенъ въ Туруханское зимовье, но по другимъ, болѣе достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, оставленіе старой Мангазены послѣдовало много позже, именно не прежде пожара 1642 г. Въ Сибирской исторіи Фишера (стр. 390) сказано, что «претерпѣнный въ 1642 г. Мангазеей пожаръ способствовалъ къ совершенному потомъ запустѣнію сего мѣста, которое кромѣ того, для непрестаннаго приращенія Туруханска, пришло уже въ нарочитый упадокъ. Натуральное положеніе послѣдняго мѣста было безъ сумнѣнія гораздо способнѣе и выгоднѣе перваго. Объясканія и завоеванія на востокъ изъ Мангазены не могли чинены быть инако, какъ чрезъ Туруханскъ; соболи скорѣе перевелись у Таза, нежели у Енисея,

⁷⁴⁾ По словамъ Миллера, въ одной «лѣтописи о мятежахъ» значится, что городъ Мангазѣя былъ поставленъ по приказу царя Бориса, «а ставилъ городъ князь Василій Мосальскій Рубецъ», но это извѣстіе не подтверждается другими источниками.

⁷⁵⁾ По мнѣнію Третьякова, этимъ морскимъ путемъ могли приходять въ Мангазею и иностранцы. На колокольнѣ города Туруханска есть два колокола, похожіе на корабельные, съ надписями на голландскомъ языкѣ; вѣроятно, они были завезены сначала въ Старую Мангазею. Послѣднее возможно, но колокола могли быть завезены изъ Архангельска и Русскими.

который для впадающихъ въ него съ востока рѣкъ безпрестанно подавалъ новые способы къ обогащенію. Ничто тягостнѣе не было, какъ возить съѣстные припасы изъ Тобольска Тазскимъ морскимъ заливомъ, на которомъ пути пропадали иногда суда съ людьми и съ товарами, или отъ самоѣди претерпѣвали нещастье, которые по разграбленіи судовъ убивали людей ⁷⁶⁾. Напротивъ того, Туруханскъ лежалъ посреди Мангазейскаго уѣзда, и туда можно было способно возить всякія нужныя потребности изъ Енисейска. Сія выгода и изобиліе въ хорошей мягкой рухляди побудили людей переселиться въ сіе мѣсто. Въ Туруханскѣ по наступленіи лѣта была почти всегда ярманка, понеже тогда казаки съ собраннымъ съ язычниковъ ясакомъ, а промышленные съ своего промыслу туда приходили. Чего ради воеводы и таможенные надзиратели весною обыкновенно изъ Мангазеи туда отправлялись для сбора доходовъ, а осенью назадъ возвращались; по времени нѣкоторые воеводы препровождали тамъ по цѣлому году, а таможенные надзиратели поступили еще далѣе и, оставя совсѣмъ Мангазею, утвердили свое постоянное жилище въ Туруханскѣ, несмотря что сіе послѣднее мѣсто называлось токмо зимовьемъ, а Мангазея напротивъ того и тогда имѣла еще названіе города». — Изъ нѣкоторыхъ свидѣтельствъ можно заключить что оставленіе Старой Мангазеи, послѣдовало еще позже, во второй половинѣ XVII в. Такъ, въ «Краткомъ показаніи о воеводахъ», изд. въ 1791 г., сказано, что Мангазея была оставлена лишь въ 1662 г., а Г. Н. Спасскій нашелъ извѣстіе, что она была перенесена на мѣсто Туруханскаго зимовья лишь въ 1672 г., по указу царя Алексѣя Михайловича. Окончательное оставленіе Старой Мангазеи послѣдовало, повидимому, лишь въ 1677 году, когда въ новомъ городѣ были построены четыре башни, вооруженныя пушками и снабженныя камнями на случай осады, и когда въ него былъ переведенъ отрядъ изъ ста человекъ стрѣльцовъ. На Сибирскомъ Чертежѣ, Ремезова. 1701 г., показано положеніе какъ Старой, такъ и Новой Мангазеи, Старой — на р. Тазѣ, Новой — на Енисеѣ, причемъ новый городъ представленъ въ два сличкомъ раза бѣльшимъ противъ стараго и расположеннымъ на дугообразной протокаѣ (шарѣ) въ 1—2 верстахъ отъ р. Турухана *). Оба города, какъ Старая, такъ и Новая Мангазея показаны также на картахъ Штраленберга 1730 г., *Nasii (Imperii Russici et*

⁷⁶⁾ Въ «Спискѣ съ Чертежа Сибирской земли», изд. Спасскимъ, въ 1849 г., сказано объ этомъ пути: «А отъ Березовскаго въ низъ по Сосвѣ и по Обѣ рѣкамъ до Мангазейскаго моря ходить 12 дней; а за море перебѣгаютъ до усть Тазу рѣки парусомъ въ 3 сутки; а путь нуженъ и прискорбенъ и страшень отъ вѣтровъ. А съ усть Тазу рѣки до Мангазей города въ верхъ по Тазу рѣкѣ добѣгаютъ парусомъ въ 4 сутки, а бичевою путь нуженъ».

*) На слѣдующей стряницѣ мы приводимъ копію части одной карты въ Атласѣ Ремезова. Она ориентирована такъ, что вверху приходится западъ, вправо — сѣверъ. Видно нижнее теченіе рѣкъ Таза и Енисея область «юрацкой самоѣди немирной» и города: Старая Мангазея — на р. Тазѣ и Новая Мангазея на Енисеѣ, обтекаемая протокомъ съ находящимся на противоположномъ берегу Енисея, монастыремъ Троицкимъ. Русскія надписи мѣстами сопровождаются голландскимъ переводомъ.

составитель «Сказанія» писалъ не мудрствуя лукаво, что зналъ и слышалъ, и не думалъ хвастаться ни своими знаніями, ни своими приключеніями. Еслибы это былъ человѣкъ начитанный, слышавшій о разныхъ дивныхъ людяхъ, и еслибы онъ желалъ пополнить свой рассказъ на счетъ книжной мудрости, то онъ, вѣроятно, пошелъ бы много далѣе въ своихъ вымыслахъ, которые бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, представили гораздо большее сходство съ подобными же рассказами въ другихъ литературныхъ памятникахъ, а также, по всей вѣроятности, сослался бы на какой нибудь авторитетъ, въ родѣ того, какъ лѣтописецъ, по поводу рассказа Новгородца Гюраты Роговича о людяхъ, просѣкавшихся чрезъ горы (камень) къ Югрѣ и просившихъ знаками желѣза, припомнилъ сказаніе Меодія Патарскаго о людяхъ, заклепанныхъ Александромъ Македонскимъ. Ничего подобнаго въ разбираемомъ нами сказаніи нѣтъ; оно носитъ вполне характеръ простаго, безпритязательнаго рассказа человѣка, которому пришло на мысль записать все извѣстное ему и слышанное относительно народовъ, живущихъ далеко на сѣверѣ и востокѣ, за Югорскою землею,—относительно ихъ вида, быта и имѣющагося у нихъ товара.

Сдѣлавъ такой общій обзоръ сказанія, перейдемъ къ его подробному анализу и разберемъ послѣдовательно сообщаемыя имъ извѣстія. Обратимъ прежде всего вниманіе на заголовокъ статьи: «о человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ», къ которому, въ нѣкоторыхъ спискахъ, прибавлено для поясненія: «о языцѣхъ розныхъ» или «о языцѣхъ разныхъ и иновидныхъ». Это поясненіе имѣло, очевидно, цѣлью дать понять, что дѣло идетъ не о какихъ нибудь отдѣльныхъ людяхъ, а о народахъ, отличающихся отъ русскаго видомъ, языкомъ и нравами. Названіе «восточная страна», прилагаемое къ области Оби, можетъ, какъ мы думаемъ, служить доказательствомъ, что слово Сибирь, не было еще извѣстно составителю сказанія. Невозможно допустить, чтобы въ эпоху, когда названіе Сибирь вошло въ употребленіе и сдѣлалось общезвѣстнымъ, чтобы въ это время пишущій о Сибири не зналъ этого названія и продолжалъ выражаться описательно: «восточная страна». Но названіе «Сибирь» встрѣчается уже подъ 1483 г. въ описаніи похода «на Асыку на вогульскаго князя, да и въ Югру, на Обь рѣку великую»⁵⁹⁾, а въ 1544 г. «Сибирь», какъ названіе города, появляется даже на иностранныхъ картахъ (на картѣ Себ. Мюнстера). Десять лѣтъ спустя, въ 1564 г. Иванъ Васильевичъ Грозный, въ грамотѣ къ английскому королю Эдуарду VI-му, уже называетъ себя

⁵⁹⁾ Лербергъ высказалъ, что впервые названіе Сибирской земли встрѣчается въ лѣтописяхъ подъ 1407 г. по случаю указанія на то, что Тохтамышъ (въ княженіи Дмитрія Донскаго, въ 1382 г., раззорившій Москву) былъ убитъ въ томъ же году ханомъ Шадибекомъ—въ *Сибирской землѣ*, причѣмъ въ Архангельск. Лѣтописцѣ сказано даже, что Тохтамышъ убитъ *въ Сибирской землѣ, близъ Тюмени*. Однако есть основаніе полагать, что это опредѣленіе мѣстности составляетъ позднѣйшую вставку. Тюмень была основана только въ 1586 г., да и самое основаніе города Сибири приписывается хану Мамету, жившему во второй половинѣ XV вѣка.

«повелителемъ Сибири» и еще прежде, чѣмъ Ермакъ перешель Уралъ, «Сибирь» уже вошла, какъ названіе одного изъ русскихъ владѣній, въ царскій титулъ. Названіе это, по объясненію сибирскихъ лѣтописцевъ, произошло отъ названія города Сибири, находившагося на р. Иртышѣ, близъ впаденія въ него Тобола, недалеко отъ позднѣйшаго Тобольска (второго города, основаннаго русскими въ Сибири послѣ Тюмени)⁶⁰⁾. Хотя толкованіе книжника-лѣтописца въ данномъ случаѣ и не можетъ быть особенно убѣдительнымъ, но, принимая во вниманіе, что городъ Сибирь дѣйствительно существовалъ и считался главнымъ въ странѣ, весьма возможно, что названіе его было распространено и на всю область, получившую именованіе «Сибирской страны», а позже и «Сибири». Впрочемъ названіе это не имѣло первоначально такого широкаго значенія, какъ теперь. Оно придавалось сначала только области по Иртышу и Тоболу, стоявшей въ непосредственной зависимости отъ г. Сибири, какъ то можно заключить изъ описанія похода 1483 г., князя Федора Курбскаго-Чернаго, да Ивана Ивановича Салтыка-Травина. Въ этомъ описаніи говорится, что воеводы великаго князя имѣли «бой съ вогуличами на устьѣ рѣки Пельни» (притокъ Тавды, впадающей въ Тоболь), и «оттолѣ пошли внизъ по Тавдѣ рѣцѣ мимо Тюмень въ Сибирскую землю», «а отъ Сибири шли по Иртышу рѣцѣ внизъ воюючи, да на Обь рѣку великую въ Югорскую землю». Такимъ образомъ Югорская земля отличалась отъ Сибирской, что доказывается и тѣмъ, что названіе «Югорскаго» вошло въ царскій титулъ отдѣльно, еще въ 1488 г. (въ грамотѣ Ивана III къ Чешскому королю Матеашу). Точно также отличались отъ Сибирской земли сѣверныя области: Обдорія и Кондія, названія конхъ вошли въ царскій титулъ также ранѣе, въ 1514

⁶⁰⁾ Въ Лѣтописцѣ Саввы Есипова, составленномъ въ 1636 г., есть глава: «О Сибири, чего ради Сибирь наречеса вся страна сія». Разказавъ какъ «Адеровъ сынъ Маметъ Казанскаго царя Улака уби и гради свой Чингидень (Чингитуръ?) разруши, и отъиде оттуду внутрь Сибирскія земли, и постави себѣ градъ на рѣкѣ Иртыши и назва его градъ Сибирь, сирѣчь начальный, и живяше въ немъ царь лѣта многа и умре, и оттолѣ пресѣчесе царство на рѣцѣ Ишимѣ, лѣтописецъ начинается указанную главу такъ: «Да егда убо Маметъ Казанскаго царя побѣди и повелѣ поставити градъ, сего ради, яко царя побѣди, храбрость свою показуя, и повелѣ начальнымъ градомъ звати его, оттолѣ же и вся страна сія прозвася Сибирь; гради же Сибирстѣи именуеми кійждо ихъ по смотрѣнію и по прилучаю и по древнему именованію, обще же Сибирь именуется. Якоже и римская страна Италія нарицается отъ Итала нѣкоего, обладавшаго странами вечерними, якоже свидѣтельствуєтъ Кроника Латинская; гради же всея Римскія страны разньство именъ имѣють, обще же Италія нарицается. Прежде же сего како сія нарицанеса, не вѣмъ, понеже отнележе градъ Сибирь созданъ, много лѣтъ преиде и испытати не возмогохъ; прежде бо живяше Чюдь по всей Сибирстѣи земли, и како нарицанеса, того въ память никому не видѣ, ни писанія обрѣтохъ». См. рукопись: «Матеріалы для Исторіи Сибири», собр. П. Н. Строевымъ 1840 (въ библ. гр. Уварова, № 312/245. Любопытно однако, что имя Sibir, какъ названіе какой-то области за Эдилемъ (Волгой), въ Азіатской Сарматіи, встрѣчается уже на картѣ Fra Mauro 1459. См. уменьшенную копию ея въ сочиненіи S. Ruge, Geschichte d. Zeitalters der Entdeckungen.

или 1516 г., тогда какъ слово Сибирь появилось въ титулѣ лишь во второй половинѣ XVI вѣка ⁶¹⁾. На старинныхъ иностранныхъ картахъ конца XVI вѣка названія Сибири, какъ страны или области, не встрѣчается, но на картѣ Федора Борисовича, пополненной и изданной Герардомъ для царя Михаила Федоровича въ 1614 г., оно значится, какъ названіе области, лежащей между Югоріей и Обдоріей, съ городами Тюменью и Тобольскомъ. Шрифтъ, которымъ отпечатано это названіе (Sibiria), одинаковъ съ названіями: Condog, Obdog, Jugogia, Permia, Pega orda, Samoieda ⁶²⁾. Какъ бы то ни было, если бы даже составителю сказанія была извѣстна Сибирь, какъ названіе только указанной области или даже только какъ городъ, то онъ не могъ бы о ней не упомянуть. Отсутствие же этого названія можетъ служить новымъ доказательствомъ тому, что разбираемое нами сказаніе едва ли могло возникнуть позже конца XV-го или, самое позднее, начала XVI-го вѣка.

Первое извѣстіе сказанія посвящено Самоѣди-Молгонзѣямъ. «На восточнѣй странѣ, за югорскою землею, надъ моремъ, живутъ люди, самоѣды зовомы, молгонзѣи» (по другимъ спискамъ «молгонзѣи», «малгонзѣи», «молгози», «монгазен»). Здѣсь прежде всего предстоитъ опредѣлить мѣстоположеніе указанной страны, а такъ какъ она помѣщается за Югорскою землею, то слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о положеніи послѣдней. Оставляя въ сторонѣ догадки первыхъ изслѣдователей, Татищева, Миллера, Шлецера, Георги, упомянемъ лишь о мнѣніи Лерберга, основанномъ на специальномъ изученіи источниковъ ⁶³⁾ и сводящемся

⁶¹⁾ См. Щегловъ, Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири. Иркутскъ. 1883 и Лѣривичъ, Исторія Сибири. ч. I Спб. 1889. По Щеглову—подъ Сибирскою областю разумѣлась первоначально Тюменская, т. е. южная Югорія, въ отличіе отъ Югорскою (сѣверной Югоріи, по рр. Сысѣвъ и Сосѣвъ и около Березова) и Сургутскою—по Оби. Въ 1554 и 1556 г. въ царскомъ титулѣ упоминается: «Обдорскій, Кондинскій и многихъ другихъ земель, Государь всѣхъ сѣверныхъ береговъ». По другой грамотѣ титулъ обозначенъ такъ: Обдорскій, Кондинскій и всѣхъ Сибирскихъ земель, повелитель Сѣверныхъ страны». Затѣмъ въ 1563 г., въ грамотѣ къ Сигизмунду, королю Польскому, прописано: «Удорскій, Кондинскій и всея Сибири». Гербштейнъ упоминаетъ уже о provincia Sibier, лежащей за Камою и о которой онъ говоритъ вслѣдъ за Югоріей, но замѣчаетъ, что ему неизвѣстно, есть ли тамъ какіе нибудь города.

⁶²⁾ Tabula Russiae, ex autographo, quod delineandum curavit Feodor filius Tzaris Boris desumpta et . . . amplificata: ac Magno Domino, Tzari et Magno Duci Michæli Foedrowits omnium Russorum . . . dedicata ab Hesselio Gerardo, MDCXIV. Первоначально издана Устряловымъ въ «Сказаніяхъ о Самозванцахъ» изд. 3, а недавно перепечатана съ фототипіи Стебнищанинъ въ «Извѣстіяхъ Геогр. Общ.» 1889, вып. I. Впервые эта карта была найдена Мусинъ-Пушкинымъ, въ 1782 г., въ Москвѣ, и поднесена Екатеринѣ II. Она была издана затѣмъ Дейриеромъ, подъ заглавіемъ: «Карта древней Россіи, по повелѣнію царя Бориса Годунова Федоромъ Борисовичемъ начертанная. Умножена, выгравирована и поднесена Великому Государю Михаилу Федоровичу въ 1614 г.». Я видѣлъ экземпляръ этого изданія въ Имп. Публичной Библіотекѣ.

⁶³⁾ Лербергъ. «Изслѣдованія» пер. Языковъ. Спб. 1819. I. О географ. положеніи Югорскія земли. Татищевъ и Болтинъ производили названіе Югоріи отъ Юга, притока

къ тому, что «древняя Югрія находилась не въ Европейской Россіи, но простиралась между 56° и 67° с. ш., отъ самаго сѣвернаго конца Урала на востокъ, чрезъ нижнюю Обь, до р. Над(р)ыма, впадающей въ Обьскую губу, и до Аган(п)а, который выше Сургута впадаетъ въ Обь; къ ней принадлежали еще мѣста, лежація по нижнему Иртышу, Тавдѣ, Турѣ и Чусовой. Съ южной стороны граничила она съ татарскими владѣніями, а съ сѣверной—съ землею прежде бывшихъ Самоѣдовъ». Что Югра въ XVI—XVII вв. находилась на Оби и на ея притокахъ Сысвѣ и Сосвѣ, явствуетъ изъ «Книги Большому Чертежу», въ которой, во введеніи, сказано между прочимъ: «А отъ рѣки Таза и отъ рѣки Оби, вверхъ по Оби, Обдорскую, Югорскую и Сибирскую землю, до Нарыма до Пѣгій орды....» и въ другомъ мѣстѣ, при описаніи рѣки Оби Великія: «А по Оби рѣкѣ и по рѣкамъ, которыя въ нее пали: отъ устья въ верхъ Обдорскіе грады, а выше Обдорскихъ градовъ Югорскіе, а выше Югорскихъ градовъ Сибирь....» «А по Сосвѣ и по Сысвѣ грады... Юиль,.. Мункусь,.. Ляпинь...» и проч., «а тѣ грады по Сысвѣ и по Сосвѣ — Югра». Далѣе же говорится: «рѣки же текутъ въ рѣку въ Обь, а по тѣмъ рѣкамъ Сибирскіе грады», причемъ указаны рѣки: Иртышъ, Тоболъ, Ишинъ, Тура, Ница, Тавда и др.⁶⁴⁾ Нахожденіе Югрии на Оби подтверждается и выше приведеннымъ извѣстіемъ о походѣ въ Югру 1483 г. и даже гораздо болѣе раннимъ свидѣтельствомъ отъ 1334 г., о походѣ Новгородцевъ, о которыхъ сказано, что они «зимою съ Югры пріѣхаша,.. воеваша по Оби рѣки до моря, а другая половина рати на верхъ Оби воеваша». Существуютъ, впрочемъ данныя, доказывающія, что ранѣе Югра жила и по сую сторону Урала. Въ пользу этого свидѣлствуютъ какъ многія хорографическія названія на сѣверѣ Европейской Россіи, объясняемыя лишь изъ угорскихъ языковъ (Европеусъ), или заключающія въ себѣ корень *угра*, *югра* (напр. р. Угроньга, р. Угорма и др.), встрѣчающіяся особенно въ области соприкосновенія Югорскихъ поселеній съ поселеніями Печоры на Вычегдѣ и Еми на Сухонѣ, (Барсовъ)⁶⁵⁾, такъ и нѣкоторыя извѣстія о древнѣйшихъ сношеніяхъ съ Югрой Новгородцевъ, — извѣстія, объяснимыя только при допущеніи, что область Югры находилась не очень далеко отъ Новгорода и не за «Камнемъ». Это подтверждаетъ и рассказъ Гюрыты Роговича, подъ 1096 г., изъ котораго видно, что Югра сосѣдила съ Самоѣдью и жила гдѣ-то около Печоры, по сую сторону горъ, до которыхъ путь «непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ», отчего,—говорили Югричи—и «не доходимъ ихъ всегда». Карамзинъ видѣлъ въ этомъ извѣстіи доказательство того, что уже въ XI в. Русскіе ходили за Уралъ, но въ дѣйствительности

Сухоны; Миллеръ—полагалъ её у Ледовитаго моря, у Пустозерска, по Печорѣ и Уралу; Шлеперъ—тоже, и признавалъ Вычегду за южную ея границу; Георги утверждали что Югріею назывался берегъ, простирающійся отъ Бѣлаго моря чрезъ Уралъ до Оби.

⁶⁴⁾ Книга, глаголемая Большой Чертежъ, изд. Спасскимъ. М. 1846.

⁶⁵⁾ Барсовъ, Очерки русской исторической географіи. Изд. 2-ое; *Европеусъ*. Обь Угорскомъ народѣ.

слѣдуетъ вывести обратное заключеніе, что не только Русскіе тогда не знали Урала, но даже и Югра не всегда до него доходила. Вообще, изслѣдованія Шёгрена ⁶⁶⁾ и затѣмъ Барсова не оставляютъ, повидимому, сомнѣнія, что Югра жила нѣкогда по сую сторону Урала и только впоследствии отступила отсюда къ востоку. По мнѣнію Барсова, Югра, тѣсняемая Новгородцами, «постепенно передвинулась за Уралъ, на берега Иртыша и Оби, гдѣ и застаеъ ихъ XV вѣкъ и гдѣ они были покорены уже московскими войсками». Если мы обратимся къ картамъ, то увидимъ, что положеніе Югрии полагалось разными описателями весьма различно, что впрочемъ свидѣлствуетъ прежде всего о плохомъ знакомствѣ съ этою страной. На первой картѣ Россіи, Баттиста Агнеше, 1525 г., (предназначавшейся къ «Книгѣ о Московіи», Павла Іовія) положеніе Югрии совершенно извращено: она помѣщена къ западу отъ Сѣверной Двины, между нею и Печорою, которая показана еще далѣе на западъ, а за нею означены горы (Уралъ?), надъ которыми надпись: «in istis montibus capiunt pobiles falcones» (въ этихъ горахъ ловятъ благородныхъ соколовъ). На картѣ Антона Вида 1555 г. «Juhgi» помѣщены къ сѣверу отъ Вятки, между рр. Мезенью и Печорою; на картѣ въ Космографіи Себ. Мюнстера, 1544 г.—тамъ же, или къ востоку отъ Печоры, между нею и страной Sbdogia (Condogia) ⁶⁷⁾. По Герберштейну:—«Угричи и Вогуличи сидятъ по р. Оби» (fl. Oby, qui oritur ex Kitaisko lacu.... Hunc quoque Vuogulici et Ugritzchi gentes accolunt), причемъ на картѣ къ его путешествію, очевидно ошибочно, область Juhra поставлена къ востоку отъ Оби, къ сѣверу отъ Кимбалика (столицы Китая). На картѣ Федора Борисовича, дополненной Герардомъ, 1614 г., Jugogia показана на лѣвой сторонѣ Оби, между Обью и Иртышемъ: на картѣ Насіи 1750 г. она показана по р. Мезени, между нею и Печерой. Названіе «югра» объясняется изъ зырянскаго языка; *jögrajass* (*jass* = окончаніе множественнаго числа) прилагается Зырянами къ обозначенію своихъ сосѣдей, Вогуловъ и Остяковъ, причемъ *jögra* значитъ собственно: «грубый», «дикій» «дикарь» ⁶⁸⁾. Относительно Вогуловъ (тождественныхъ по ихъ собственному названію — «Маньзы» и по языку съ Обскими Остяками) извѣстно, что они ранѣе, въ XV—XVII вѣкахъ (даже еще въ XVIII), жили, отчасти, по сую сторону Урала, хотя теперь поселенія ихъ начинаются только по ту сторону, по рр. Сосьвѣ и Лозьвѣ.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, повидимому, что уже въ XV вѣкѣ Югра распространялась до Оби и что выраженіе «за Югорскою землею, надъ моремъ» можетъ относиться только къ странѣ за Обью, прилегающей къ Ледовитому океану. Здѣсь и жила очевидно, та «самоѣдь», которая носила названіе «Молгонзѣвъ», причемъ изъ дальнѣйшаго видно, что тер-

⁶⁶⁾ *Sjögren*. Ueber die Wohnsitze d. Jemen. Mém. de l'Acad. Imp. S.-Pet. 1850, I, также «Gesammelte Schriften» Bd. I.

⁶⁷⁾ *Michow*, Die ältesten Karten von Russland. Mit 3 Karten.

⁶⁸⁾ См. *Sjögren*, l. с. и *Савельевъ*, Мухаметанская Нумизматика. 1857. Стр. CV, прим. 191 — Самоѣдовъ Зыряне называютъ также Jögras.

минъ «самоѣдь» употреблялся составителемъ сказанія въ родѣ нарицательнаго, почти равнозначительнаго термину — «инородцы», «дикари», для обозначенія вообще иновидныхъ, дикихъ народовъ сѣвера (за исключеніемъ Югры). Не подлежитъ сомнѣнію, что Новгородцы должны были ознакомиться прежде всего съ европейскими Самоѣдами (мезенскими, большеземельскими, пустозерскими и др.), жившими по сию сторону Урала, о которыхъ упоминается въ лѣтописи уже подъ 1096 г., какъ о сосѣдящихъ съ Югрой и Печерой (Зырянами). Регули, на основаніи хорографическихъ названій, вывелъ заключеніе, что долина р. Усы, впадающей въ Печеру съ правой стороны, и страна на сѣверъ отъ этой рѣки была населена Самоѣдами съ давнихъ временъ, тогда какъ мѣстности къ югу отъ р. Усы могутъ быть разсматриваемы, какъ исконная область Зырянъ⁶⁹⁾. По изслѣдованіямъ Кастрена, Самоѣды — родомъ съ Саяна, гдѣ еще теперь живутъ отатарившіяся племена (Сойоты, Карагассы и др.), у которыхъ, еще въ пятидесятыхъ годахъ, Кастрень встрѣтилъ нѣсколько стариковъ, помнившихъ свой прежній языкъ, похожій на самоѣдскій⁷⁰⁾. Чѣмъ было вызвано расселеніе первоначальныхъ Самоѣдовъ на сѣверъ—рѣшить трудно; по всей вѣроятности, оно произошло подъ напоромъ тюрко-монгольскихъ племенъ съ юга. Но дальнѣйшее движеніе ихъ въ низовья Оби обусловливалось, повидному, отступаніемъ передъ Югрой, которая отрѣзала Самоѣдовъ отъ ихъ южныхъ сородичей и заставила расселиться въ прибрежной полосѣ Ледовитаго моря. О борьбѣ Самоѣдовъ съ Остяками и о подчиненіи отчасти первыхъ вторымъ свидѣлствуютъ многія преданія, сохранившіяся у обонихъ народовъ⁷¹⁾.

Самоѣды — Молгонзѣи, описанные въ разбираемой нами статьѣ, жили, очевидно, по ту сторону Оби, по р. Тазу и до Енисея. Это доказывается уже самымъ названіемъ ихъ, которое можетъ быть приурочено только къ указанной области. Названіе «Молгонзѣи» (Молгоньзѣи *Сил.*, Малгонзѣи *Стр.*, Монгазен *Унк.*) напоминаетъ «Мангазею», — городъ, существовавшій на р. Тазѣ, въ XVII — XVIII вв., и получившій свое наименованіе, какъ мы увидимъ далѣе, отъ названія страны или народа. Прежде однако чѣмъ, представить тому доказательства, мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько на исторіи этого города Мангазен. Острогъ Мангазея былъ заложенъ въ 1600 г. посланными изъ Тобольска письменными головами, княземъ Мирономъ Шаховскимъ и Данилой Хрипуновымъ. Поводомъ къ его основанію послужили, повидному, слухи о богатствѣ страны соболями и о томъ, что еще ранѣе проникали туда, къ Самоѣдамъ, русскіе и зырянскіе промышленники, которые даже «дань съ нихъ (самоѣдовъ) имали воровствомъ на себя, а сказывали на государя, а въ государеву казну не да-

⁶⁹⁾ Письмо *Регули*, въ «Зап. Геогр. Общ.» 1849, III.

⁷⁰⁾ *Castren*, Ethnol. Vorlesungen über die altaische Völker. 1857.

⁷¹⁾ Нѣкоторыя преданія объ этой борьбѣ приведены у Кушелевскаго (см. далѣе) и у *Третьякова* — «Туруханскій край».

вали, и обиды, и насильства, и продажи отъ нихъ были имъ (самоѣдамъ) великіе⁷²⁾. Князь Миронъ Шаховской и Данило Хрипуновъ пошли изъ Березова со ста казаками, на четырехъ кочахъ (плоскостонныхъ судахъ, сажень въ 12 длиною, съ палубой) и двухъ коломенкахъ. Судна эти, по выходѣ въ Обскую губу, отчасти разбились, отчасти стали течь, такъ что воеводы должны были высадиться на берегъ и пойти сухимъ путемъ, причемъ люди шли на лыжахъ, а для провіанта Самоѣды доставили оленей. Но на дальнѣйшемъ пути отрядъ подвергся нападенію другой шайки Самоѣдовъ, которая убила тридцать казаковъ (ранила самого кн. Шаховскаго), разграбила провіантъ и заставила остальныхъ Русскихъ искать спасенія въ бѣгствѣ на оленяхъ⁷³⁾. Въ Москву послано было извѣстіе о случившемся несчастіи, которое однако не заставило правительство отказаться отъ принятаго имъ намѣренія. Въ слѣдующемъ, 1601-мъ году, посланы были съ тою же цѣлью воеводы князь Василій Масальскій и Савлукъ Пушкинъ съ двумя стами воннскихъ людей. Имъ данъ былъ подробный наказъ, начало котораго не уцѣлѣло, но изъ оставшейся части котораго видно, что они должны были взять съ собою изъ Тобольска, Сургута и Березова «литвы и казаковъ и стрѣльцовъ на обмѣну передъ прежнимъ (т. е. посланными съ кн. Шаховскимъ) вдвое», также определенное число воинскаго снаряда и провіанта (въ томъ числѣ четыре пушки), заготовить проводниками (вожами) изъ «зырянъ торговыхъ людей и вымичъ, которые бы ходъ знали и талмачить умѣли», и идти на девяти кочахъ, двухъ лодкахъ морскихъ да двухъ дощаникахъ. Идти имъ велѣно было «на спѣхъ, днемъ и ночью, съ великимъ береженіемъ, чтобъ имъ... придти водянымъ путемъ до заморозовъ», а «идучи... развѣдывать про князя Мирона (Шаховскаго) и про Данила на крѣпко», гдѣ нынѣ они, поставленъ ли ими острогъ и т. д., и если острогъ уже заложенъ, то смѣнить въ немъ ранѣ посланный отрядъ, а если нѣтъ, то заложить новый, привести къ присягѣ окрестную самоѣдъ, розыскать Мирона Шаховскаго съ товарищами, выручить ихъ, подать имъ помощь въ случаѣ надобности и т. п. Изъ послѣдующей грамоты 7111 года явствуетъ, что князь Масальскій и Савлукъ Пушкинъ въ Мангазеѣ устроились, но видно также, что городъ существовалъ уже до нихъ, а изъ этого можно заключить, что основаніе ему

⁷²⁾ По словамъ Миллера, «въ сибирскихъ лѣтописяхъ упоминается, что еще въ 7106 г. изъ Москвы отправленъ былъ для провѣдыванія Мангазейской страны нѣкто Ѳедоръ Дьяковъ, который съ двумя, изъ Тобольска съ нимъ отправленными, цѣловальниками въ тамошнихъ мѣстахъ былъ и первый тамъ ясакъ въ государеву казну собралъ, съ чѣмъ онъ въ 7108 г. въ Москву возвратился».

⁷³⁾ Нападеніе Самоѣдовъ объяснялось тѣмъ, что «самоѣды къ сему дѣлу подбуждены были зырянскими торговыми людьми, которые опасались, что торги ихъ съ самоѣдами чрезъ принестіе Россіянъ придуть въ упадокъ» (Миллеръ).— Объ исторіи Мангазеи приведены данныя у Миллера, «Описаніе Сибирскаго царства», Фишера—«Сибирская Исторія» и Щеглова—«Хронологическій Перечень».

было положено еще Шаховскимъ, что подтверждается и свидѣтельствами сибирскихъ лѣтописей ⁷⁴⁾.

Первоначально острогъ предполагалось поставить на устьѣ р. Таза, но въ наказѣ предоставлено было воеводамъ право выбрать и другое подходящее мѣсто, причемъ указывалось на промышленные острожки и какой-то «Пантуевъ городокъ». Какъ бы то ни было, но городъ былъ заложенъ по среднему теченію Таза, верстахъ въ 200 отъ его устья, и сталъ извѣстенъ подъ именемъ Мангазен. Въ 1603 г. въ Мангазею былъ посланъ воевода Ѳедоръ Булгаковъ, и ему была дана всякая церковная утварь, а также поручено было взять изъ Березова священника и построить въ Мангазеѣ гостиный дворъ (церковь была построена уже, по-видимому, при кн. Масальскомъ). Въ 1608 г. въ Мангазею доставлялся уже ясакъ не только Самоѣдами, жившими по р. Тазу, но и многими изъ Енисейскихъ Самоѣдовъ и Остяковъ, а равно частью Тунгузовъ по р. Нижней Тунгузкѣ. Тогда же близъ устья р. Турухана было построено зимовье, переименованное впоследствии въ Новую Мангазею и затѣмъ въ Туруханскъ. — Отъ 1616 г. сохранилось извѣстіе, что Архангелогородцы, идя вдоль Мезенскихъ и Пустозерскихъ береговъ, чрезъ Вайгачскій проливъ, въ Карское море, дошли до р. Мутной (текущей поперекъ полуострова Ялмала), шли по ней 5 дней до озера и, перетащивъ изъ него суда волокомъ въ другое озеро, Зеленое, спустились въ рѣчку Зеленую и вошли въ Обскую губу, а затѣмъ, повернувъ отсюда въ Тазовскую губу, пошли вверхъ по р. Тазу и прибыли въ Мангазею, проложивъ такимъ образомъ морской путь изъ Архангельска до этого города, — путь, торговля по которому была однако, изъ-за фискальныхъ цѣлей, запрещена въ 1620 г. ⁷⁵⁾. — Въ 1619 г. Мангазея выгорѣла и по одному извѣстію (у Щеглова) городъ тогда же былъ перенесенъ въ Туруханское зимовье, но по другимъ, болѣе достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, оставленіе старой Мангазеи послѣдовало много позже, именно не прежде пожара 1642 г. Въ Сибирской исторіи Фишера (стр. 390) сказано, что «претерпѣнный въ 1642 г. Мангазеей пожаръ способствовалъ къ совершенному потомъ запустѣнію сего мѣста, которое кромѣ того, для непрестаннаго приращенія Туруханска, пришло уже въ нарочитый упадокъ. Натуральное положеніе послѣдняго мѣста было безъ сумнѣнія гораздо способнѣе и выгоднѣе перваго. Обысканія и завоеванія на востокъ изъ Мангазеи не могли чинены быть инако, какъ чрезъ Туруханскъ; соболи скорѣе перевелись у Таза, нежели у Енисея,

⁷⁴⁾ По словамъ Миллера, въ одной «лѣтописи о мятежахъ» значится, что городъ Мангазѣя былъ поставленъ по приказу царя Бориса, «а ставилъ городъ князь Василій Мосальскій Рубецъ», но это извѣстіе не подтверждается другими источниками.

⁷⁵⁾ По мнѣнію Третьякова, этимъ морскимъ путемъ могли приходить въ Мангазею и иностранцы. На колокольнѣ города Туруханска есть два колокола, похожіе на корабельные, съ надписями на голландскомъ языкѣ; вѣроятно, они были завезены сначала въ Старую Мангазею. Послѣднее возможно, но колокола могли быть завезены изъ Архангельска и Русскими.

который для впадающихъ въ него съ востока рѣкъ безпрестанно подавалъ новые способы къ обогащенію. Ничто тягостнѣе не было, какъ возить съѣстные припасы изъ Тобольска Тазскимъ морскимъ заливомъ, на которомъ пути пропадали иногда суда съ людьми и съ товарами, или отъ самоѣди претерпѣвали несчастье, которые по разграбленіи судовъ убивали людей ⁷⁶⁾. Напротивъ того, Туруханскъ лежалъ посреди Мангазейскаго уѣзда, и туда можно было способно возить всякія нужныя потребности изъ Енисейска. Сія выгода и изобиліе въ хорошей мягкой рухляди побудили людей переселиться въ сіе мѣсто. Въ Туруханскѣ по наступленіи лѣта была почти всегда ярманка, понеже тогда казаки съ собраннымъ съ язычниковъ ясакомъ, а промышленные съ своего промыслу туда приходили. Чего ради воеводы и таможенные надзиратели весною обыкновенно изъ Мангазен туда отправлялись для сбора доходовъ, а осенью назадъ возвращались; по времени нѣкоторые воеводы препровождали тамъ по цѣлому году, а таможенные надзиратели поступили еще далѣе и, оставя совсѣмъ Мангазею, утвердили свое постоянное жилище въ Туруханскѣ, несмотря что сіе послѣднее мѣсто называлось токмо зимовьемъ, а Мангазея напротивъ того и тогда имѣла еще названіе города.— Изъ нѣкоторыхъ свидѣтельствъ можно заключить что оставленіе Старой Мангазен, послѣдовало еще позже, во второй половинѣ XVII в. Такъ, въ «Краткомъ показаніи о воеводахъ», изд. въ 1791 г., сказано, что Мангазея была оставлена лишь въ 1662 г., а Г. Н. Спасскій нашелъ извѣстіе, что она была перенесена на мѣсто Туруханскаго зимовья лишь въ 1672 г., по указу царя Алексѣя Михайловича. Окончательное оставленіе Старой Мангазен послѣдовало, повидимому, лишь въ 1677 году, когда въ новомъ городѣ были построены четыре башни, вооруженныя пушками и снабженныя камнями на случай осады, и когда въ него былъ переведенъ отрядъ изъ ста человекъ стрѣльцовъ. На Сибирскомъ Чертежѣ, Ремезова, 1701 г., показано положеніе какъ Старой, такъ и Новой Мангазен, Старой — на р. Тазѣ, Новой — на Енисеѣ, причемъ новый городъ представленъ въ два с лишкомъ раза бѣльшимъ противъ стараго и расположеннымъ на дугообразной протокаѣ (шарѣ) въ 1—2 верстахъ отъ р. Турухана *). Оба города, какъ Старая, такъ и Новая Мангазея показаны также на картахъ Штраленберга 1730 г., *Hasii (Imperii Russici et*

⁷⁶⁾ Въ «Спискѣ съ Чертежа Сибирской земли», изд. Спасскимъ, въ 1849 г., сказано объ этомъ пути: «А отъ Березовскаго въ низъ по Сосвѣ и по Обѣ рѣкамъ до Мангазейскаго моря ходять 12 дней; а за море перебѣгаютъ до усть Тазу рѣки парусомъ въ 3 сутки; а путь нуженъ и прискорбенъ и страшень отъ вѣтровъ. А съ усть Тазу рѣки до Мангазей города въ верхъ по Тазу рѣкѣ добѣгаютъ парусомъ въ 4 сутки, а бичевою путь нуженъ».

*) На слѣдующей стряницѣ мы приводимъ копію части одной карты въ Атласѣ Ремезова. Она ориентирована такъ, что вверху приходится западъ, вправо — сѣверъ. Видно ниже теченіе рѣкъ Таза и Енисея, область «юрацкой самоѣди немирной» и города: Старая Мангазея — на р. Тазѣ и Новая Мангазея на Енисеѣ, обтекаемая протокомъ съ находящимся на противоположномъ берегу Енисея, монастыремъ Троицкимъ. Русскія надписи мѣстами сопровождаются голландскимъ переводомъ.

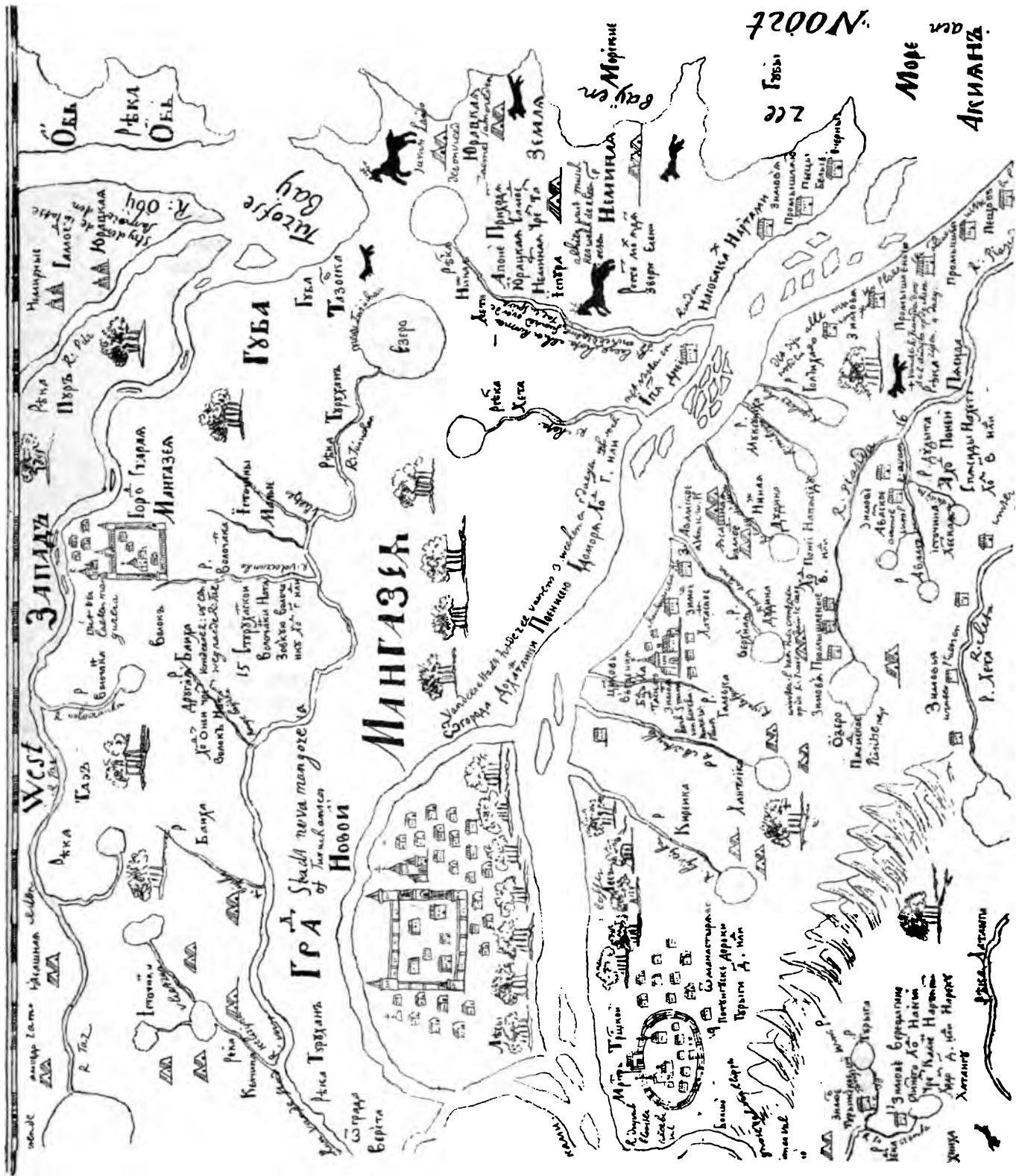

РИС. I.

Tataria... tabula) 1720, Трускотта (въ Архивѣ Министер. Иностранныхъ Дѣлъ) и другихъ. Планъ Новой Мангазеи (прошлаго вѣка) находится въ бумагахъ Миллера, въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; что же касается Старой Мангазеи, то нѣкоторое понятіе объ ея видѣ и оставленіи даютъ свѣдѣнія, приведенныя въ Сибирской Исторіи Миллера (стр.391), и преданіе, слышанное Третьяковымъ отъ одного юрацкаго старшины. По свѣдѣніямъ, собраннымъ Миллеромъ, «городъ былъ четырехугольный деревянный, внутри котораго стояла соборная церковь Живоначальныя Троицы. А въ посадѣ, гдѣ обывательскихъ домовъ немалое число было, находились еще двѣ церкви, одна во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, а другая Макарія Желтоводскаго чудотворца. Положеніе мѣста само собою было безопасно и весело. Мимо города текла немалая рѣчка, называемая Осетровка, а по самоѣдски Сулей-Яга, которая выше города въ Тазь рѣку впала. Ниже города въ нѣкоторомъ разстояніи была другая рѣчка, по русски Ратилиха именуемая, а по самоѣдски Тирма. Отъ устья вверхъ по рѣкѣ на лодкахъ можно было къ городу поспѣвать въ 9 дней, а отъ города внизъ вешнею прибылою водою шли до устья въ полтретья или три дни». По преданію, слышанному Третьяковымъ, въ Мангазеѣ было 4 улицы и до 200 домовъ, три церкви, пороховой и винный подвалы, два хлѣбныхъ магазина, острогъ, гостиный дворъ съ 20 лавками и два питейныхъ дома. Хлѣбъ доставлялся въ Мангазею изъ Березовскаго округа, по рр. Тазу и Пуру, на небольшихъ палубныхъ лодкахъ. Городъ былъ сожженъ и ограбленъ Юраками, раздраженными тѣмъ, что казаки, усмиряя распрю между двумя юрацкими родами, перебили до 130 человекъ и захватили въ плѣнъ нѣсколько юрацкихъ князей. Юраки подкрались будто бы къ городу ночью, въ іюнѣ мѣсяцѣ, подожгли его въ нѣсколькихъ мѣстахъ и истребили вполне со всѣми жителями. Третьяковъ однако не безъ основаній сомнѣвается въ полной справедливости этого разсказа, такъ какъ «не можетъ быть, чтобы столь важное событіе не было занесено въ лѣтописи». Нынѣ, по словамъ Третьякова, все мѣсто, гдѣ находился городъ, заросло березнякомъ и «только въ иной ямѣ высунувшійся гнилой конецъ бревна, да находимыя человѣческія и конскія кости свидѣтельствуютъ о прошломъ».

Мангазея продолжала сохранять свое названіе до восьмидесятихъ годовъ XVIII в., когда оно смѣнилось окончательно названіемъ Туруханскъ. Уже въ 1766 г. Мангазейскій уѣздъ (на картѣ Штраленберга — provincia Mangaseia) былъ самымъ скуднонаселеннымъ во всей Сибири: въ немъ числилось всего 625 душъ, тогда какъ въ Tobольскомъ — 17,200, въ Тюменскомъ — 9,850, даже въ Нарымскомъ — 1,098. Впослѣдствіи, съ постепеннымъ об'ѣднѣніемъ края, значеніе его все болѣе и болѣе падало. Въ 1822 г. Туруханскъ былъ переименованъ изъ окружнаго въ заштатный городъ (при этомъ были сожжены всѣ старыя дѣла присутственныхъ мѣстъ). Съ тѣхъ поръ строеніе города стали покидать и разрушаться, народонаселеніе — уменьшаться, торговая дѣятельность почти прекратилась. Въ 1870 г. въ Туруханскѣ было всего 47 домовъ, изъ коихъ

большинство — жалкія лачужки, три бѣдныхъ церкви и нѣскольکو лавокъ. Въ 40-хъ годахъ въ городѣ насчитывалось 270 жителей обоого пола, въ 1874 г. — 181, а по новѣйшимъ даннымъ (въ календарѣ Суворина) ихъ числилось только 119.

Что касается названія «Мангазея», то оно объяснялось различно. Въ «Сибирской Исторіи» Фишера (ст. 206) происхожденіе этого названія объясняется такъ. «Понеже при р. Тазѣ жилъ самоедскій родъ, Моказее называемый, то новому городу дано имя Мунгазей, которое послѣ еще больше испорчено и перемѣнено въ Мангазею». Въ «Описаніи Сибирскаго царства» Миллера (стр. 372) преданіе это передается иначе. «И понеже при рѣкѣ Тазѣ нашли нѣкоторой родъ самоеди, называемой Мокасе, то сіе подало поводъ къ названію тамошней страны по російскому произношенію Мангазѣя. Сія страна наипаче была извѣстна обывателямъ около рѣкѣ Двины и Печеры живущимъ, какъ русскимъ, такъ и зырянамъ, потому что они за соболинымъ промысломъ и для торговли туда часто хаживали». Позже Г. Н. Спасскій высказалъ мнѣніе, что «городъ Мангазея получилъ свое названіе отъ бывшаго тамъ, прежде его основанія (?), хлѣбнаго запаснаго магазина для вымѣна на хлѣбъ звѣриныхъ шкуръ, отъ кочующихъ въ тѣхъ мѣстахъ остяковъ и самоѣдовъ»⁷⁷⁾. Но тотъ же Спасскій, три года спустя, призналъ высказанное имъ ранѣе мнѣніе невѣрнымъ⁷⁸⁾. «Не справедливо думаютъ, писалъ онъ на этотъ разъ, что городъ Мангазея получилъ имя свое по поводу устроенныхъ хлѣбныхъ магазиновъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находился. Кромѣ новизны этого слова въ нашемъ языкѣ, въ замѣнѣ житницы, служатъ тому опроверженіемъ, во первыхъ, сибирскія лѣтописи, въ которыхъ упоминается еще въ 1597 г. о принимаемыхъ мѣрахъ для провѣданія Мангазейской страны до самаго Енисея и обложенія тамошнихъ инородцевъ ясакомъ; во вторыхъ, въ наказѣ 1601 г. воеводамъ объ устроеніи Мангазейскаго острога съ двумя или тремя при немъ житницами для хлѣба, предписывается: «распрашивать накрѣпко, сколько въ Мангазеѣ и въ Енисеѣ городковъ и волостей... и сколько по Оби и по всѣмъ Мангазейскимъ и Енисейскимъ рѣкамъ Мангазейскіе и Енисейскіе Самоседи живутъ». Спасскій склонился на этотъ разъ къ мнѣнію, высказанному Пестовымъ («Записки о Енисейской губ. М. 1833, стр. 197), что названіе Мангазея произошло отъ имени жившаго здѣсь самоѣдскаго князца Маказея, «вѣроятно, значительнаго, если его имя, передѣланное въ Мангазею русскими поморцами и зырянами, издавна посѣщавшими тотъ край, распространилось на всю страну, а можетъ быть также и имя обитавшаго тамъ народа Мокасе, какъ утверждаетъ Миллеръ, неизвѣстно впрочемъ на какомъ основаніи».

Сопоставляя всѣ только, что приведенныя толкованія, нельзя не признать, что производство названія Мангазеи отъ слова «магазинъ»

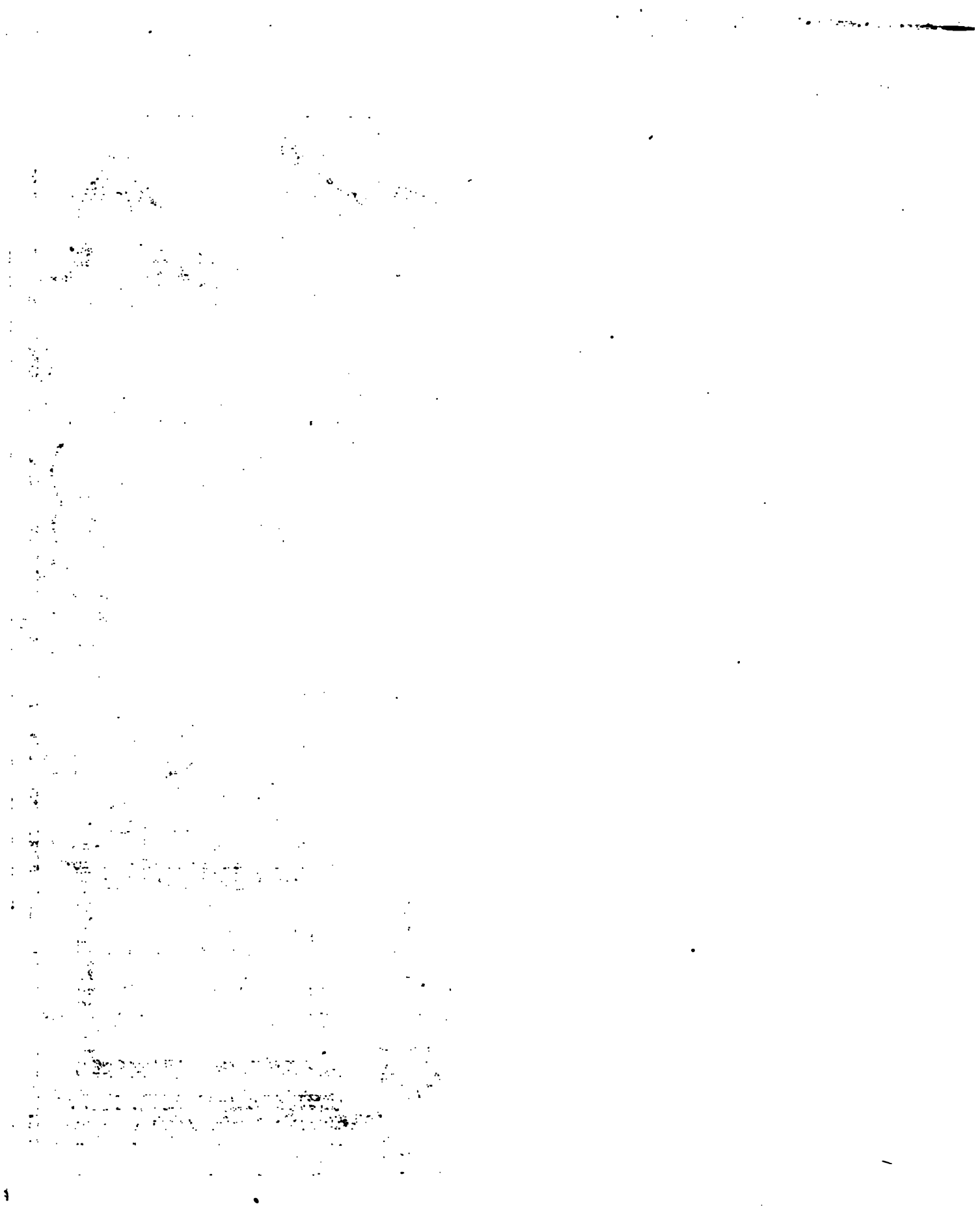
⁷⁷⁾ «Книга, глаголемая Большой Чертежъ», изд. Г. Н. Спасскаго. 1846, прим. 214.

⁷⁸⁾ Списокъ съ Чертежа Сибирскія земли, изд. Спасскимъ въ «Времянникѣ Моск. Общ. Ист. и Древностей». 1849, кн. III, прим. 32.

едва ли можетъ быть допущено. Въ концѣ XVI в. хлѣбные амбары назывались у насъ житницами, и слово «магазинъ» не вошло еще въ употребленіе; въ наказахъ Мангазейскимъ воеводамъ точно также о хлѣбныхъ магазинахъ нигдѣ не упоминается, а вмѣсто нихъ говорится о житницахъ⁷⁹). Кромѣ того, изъ грамотъ и наказовъ явственно видно, что названіе «Мангазея» было извѣстно еще за нѣсколько лѣтъ до основанія города того же имени и прилагалось первоначально къ обозначенію страны по р. Тазу. Въ грамотѣ царя Бориса Фелоровича отъ 7109 г. Березовскому воеводѣ князю Ивану Борятинскому и головѣ Григорью Векентьеву, страна эта называется «Мунгазея». Въ наказѣ отъ того же года князю Вас. Мосальскому и Савлуку Пушкину говорится также о странахъ Мунгазеѣ и Енисѣѣ и о рѣкахъ: Мангазѣѣ и Енисей, а также — о Мангазейской и Енисѣйской Самояди и о Мангазѣйскихъ и Енисѣйскихъ рѣкахъ. Очевидно, подъ рѣкой Мангазѣемъ разумѣлся Тазъ, а подъ Мунгазѣей или Мангазѣей — страна по Тазу, подобно тому какъ подъ Енисѣей — страна по Енисѣю. Въ сказаніи «О Сибирскомъ царствѣ» (хронографъ И. Публ. Библиотеки. Л. F. IV. № 165) говорится, что «межъ тѣми великими рѣками Обью и Енисѣемъ река рекомая Тазъ, сія исходитъ изъ Пѣгя орды и шествующи къ сѣверной странѣ и своимъ устіемъ течеть въ морскую губу, на той же рекѣ Тазу градъ зовомый Тазовскій и паки *Мангазѣя сирѣчь Самояджая земля*, по той рѣкѣ и во вся поморіе языкъ Самояцкой»...⁸⁰). Изъ какого именно туземнаго слова образовалось русское Мунгазѣя или Мангазѣя — сказать въ точности трудно (далѣе мы приводимъ впрочемъ догадку), но во всякомъ случаѣ сомнительно, чтобы отъ имени самоѣдскаго князца Маказея, какъ утверждалъ Пестовъ, или отъ названія народа Мокасе (по Миллеру) или Моказее (по Фишеру). Непонятно, какимъ образомъ изъ этихъ названій, вмѣсто Маказы или Макасы, могло образоваться «Мангазея» со вставочнымъ *n*, переходомъ *k* въ *g* и съ окончаніемъ на *ea*. Притомъ невѣроятно, чтобы имя какого-то самоѣдскаго князца могло дать поводъ къ названію цѣлой страны и затѣмъ города. Вѣрнѣе предполагать, что названіе «Мангазея» произошло отъ названія страны или рѣки, какъ Енисейскъ отъ Енисея, Томскъ отъ Томн, Обдорскъ отъ Обдории и т. д. Что р. Тазъ еще въ началѣ XVIII вѣка назывался Мангазеемъ (Монгамзеемъ) видно изъ сочиненія «*Allerneuster Staat von Casan, Astracan, Siberien*» etc., изд. въ 1720 — 1723 гг. и составленномъ, повидимому, плѣнными Шведами. Тамъ, при описаніи мамонтовой кости, упоминается между прочимъ, что ее находятъ по берегамъ Енисея, Тругана

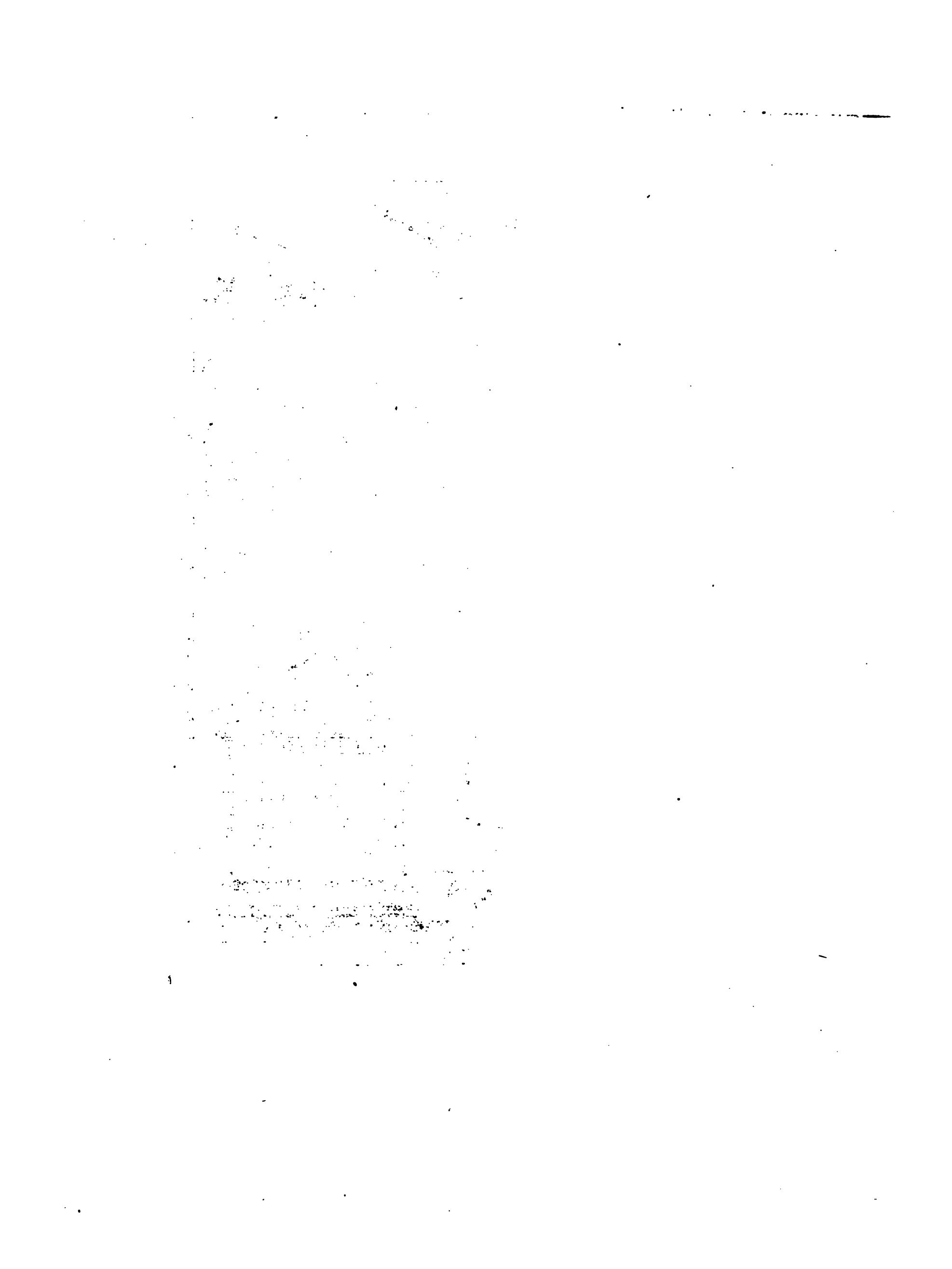
⁷⁹) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Западной Сибири въ настоящее время употребляется однако слово «мангазея» вмѣсто «магазина». Но это, повидимому, уже позднѣйшее искаженіе.

⁸⁰) «Изборникъ» изд. А. Поповъ. М. 1869, стр. 403. На картѣ «Великой Татаріи» Штраленберга (J. v. Strahlenberg) 1730 года названіе Mangazea придано небольшой рѣчкѣ, впадающей въ Тазовскую губу, и вмѣстѣ съ тѣмъ показана другая Mangazea, впадающая въ Тазъ съ правой стороны, недалеко отъ города Старой Мангазеи.

(Турухана), *Монгалзея*, Лены и у Якутска. Еще болѣе точное указаніе на происхожденіе имени «Мангазея» дастъ разсматриваемое нами сказаніе, именно названіе народа «Молгонзѣи». Въ статьѣ Фирсова оно уже передѣлано въ «Монгонзѣи», въ списокъ изъ собр. Унковскаго даже въ «Мангазеи», а отсюда до «Мангазеи» очень недалеко, и передѣлка вполнѣ соотвѣтствуетъ духу русской фонетики. Но что это за народъ «Молгонзѣи»

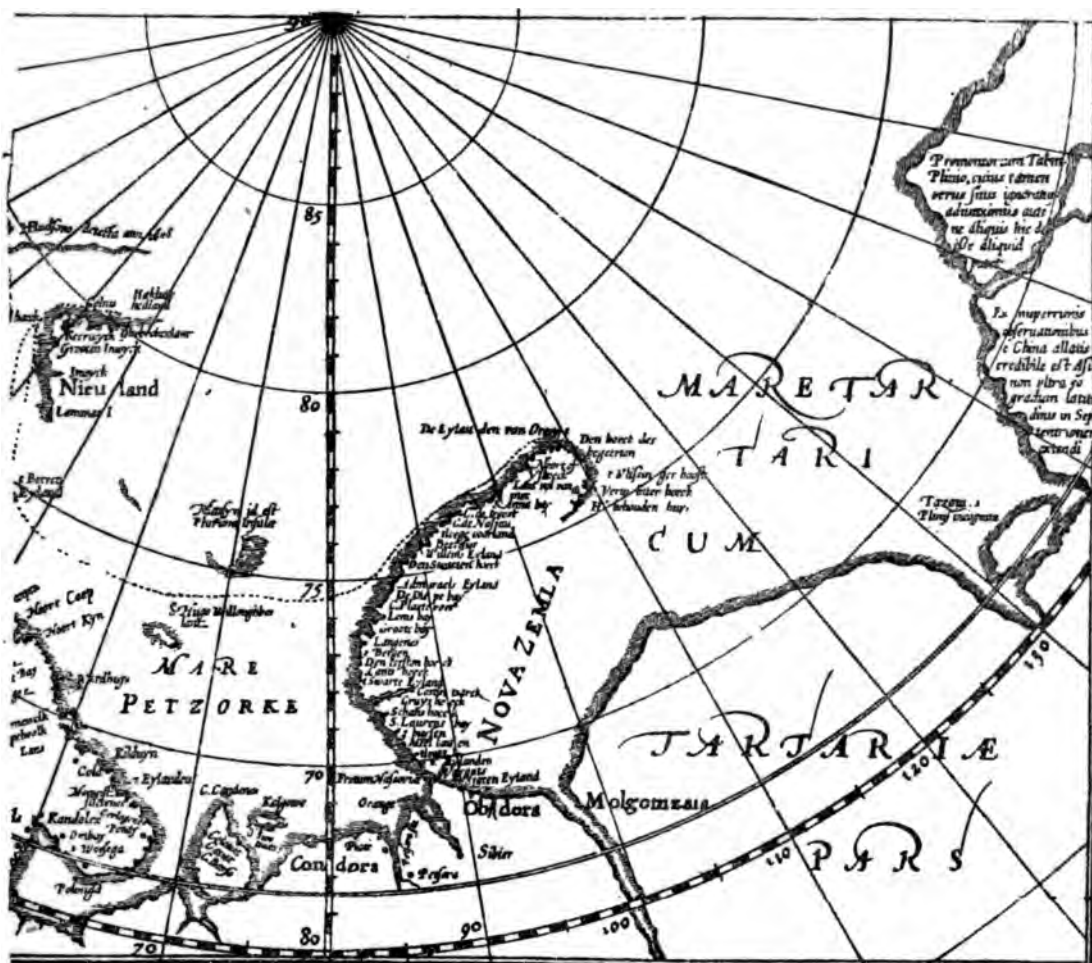

РИС. II.

Часть карты къ третьему путешествію Баренца, опубликованной въ 1598 г. и перепечатанной, почти безъ измѣненій, Понтаномъ, въ 1611 г. На картѣ видны: Nova Zemla (восточный берегъ которой оставался еще неизслѣдованнымъ), страны Condora, Sbdora и Molgomzala.

и существовалъ ли онъ въ дѣйствительности? Въ пользу дѣйствительнаго существованія такой страны и народа говорятъ многія иностранныя карты конца XVI и XVII вѣка, въ томъ числѣ карта голландскаго морехода *Баренца*, участвовавшаго въ трехъ экспедиціяхъ къ русскимъ берегамъ Ледовитаго моря и Новой земли и впервые нанесшаго ихъ маломальски удовлетвори-

тельно на карту ⁸¹⁾. На этой картѣ, опубликованной въ 1597 г., обозначенъ довольно вѣрно Лапландскій полуостровъ, Бѣлое море, западный берегъ Новой земли, устье Печоры и указаны прилегающія страны. Къ западу отъ Печеры показана Condog, къ востоку, по берегу Карскаго моря, до Оби — Obdog, а за Обью помѣщена — *Molgomzaia*, область какъ разъ соответствующая странѣ «Молгонзѣевъ» Новгородскаго сказанія. Впрочемъ, мы встрѣчаемъ этихъ «Молгомзаевъ», на томъ же мѣстѣ, и на болѣе раннихъ картахъ, а именно на картѣ *Антоня Дженкинсона* (A. Jenkinson) 1562 г., приведенной въ атласѣ *Ортелия* (Theatrum Ortelii), изд. 1573 года (*Molgomsaia*) и у *Меркатора*, въ изданіи 1587 г. (*Molgomzaia*).

Особенно интересна карта А. Дженкинсона какъ по многимъ любопытнымъ, отмѣченнымъ на ней подробностямъ, такъ и потому, что Дженкинсонъ былъ по торговымъ дѣламъ (черезъ Архангельскъ) пять разъ въ Россіи (Москвѣ), именно въ 1557, 1558, 1561, 1566 и 1571 годахъ, причемъ во вторую поѣздку совершилъ путешествіе съ караваномъ въ Бухару, а въ третью—въ Персію (Тавризъ, Казвинъ, Шемаху) ⁸²⁾. Карта его, судя по году ея составленія, появилась послѣ третьяго путешествія, но многія данныя были собраны для нея Дженкинсономъ, повидимому, уже во вторую поѣздку. Такъ можно заключить потому, что къ отчету объ этой поѣздкѣ, представленному Дженкинсономъ Лондонской торговой (Московской) компаніи (to the Merchants of London of the Moscouie Compañie), приложены: опредѣленія географическихъ широтъ двѣнадцати посѣщенныхъ имъ пунктовъ и «разныя замѣтки, собранныя Ричардомъ Джонсономъ (который былъ въ Бухарѣ съ А. Дженкинсономъ), изъ показаній русскихъ и другихъ иностранцевъ, о путяхъ по Россіи въ Китай (Cathaya) и о разныхъ странныхъ народахъ». Эти разспросныя свѣдѣнія заключаютъ въ себѣ: три маршрута татарскихъ торговцевъ отъ Астрахани чрезъ Бухару въ Китай, одно показаніе Пермскаго торговца, будто-бы ѣздившаго туда же другимъ путемъ, «ближе къ морскому берегу» (another way neere the sea coast), и наконецъ,—что для насъ особенно любопытно,—свѣдѣнія «о нѣкоторыхъ странахъ Самоѣдовъ, живущихъ по рѣкѣ Оби и по морскимъ берегамъ за этой рѣкой, переведенныя слово въ слово съ русскаго

⁸¹⁾ Голландскія экспедиціи по сѣвернымъ берегамъ Россіи имѣли цѣлью открыть сѣверовосточный морской путь въ Индію. Онѣ продолжались съ 1594 по 1597 годъ. Въ послѣднюю экспедицію Баренцъ (Barendsz) вынужденъ былъ зимовать на Новой Землѣ, гдѣ и скончался. Карта Баренца была перепечатана, почти безъ измѣненій, въ сочиненіи *Pontanus, Rerum et urbis Amstelodamensium historia*, Amst. 1611, а оттуда заимствована Норденшильдомъ, приложившимъ ее къ описанію своей экспедиціи на «Вегѣ». Любопытно, что уже на картѣ *Fra Mauro*, 1459 г., за Пермией, въ «region de tenebre» означена какая-то страна «Mehon».

⁸²⁾ Антонъ Дженкинсонъ былъ въ Россіи сначала въ качествѣ агента Лондонской торговой компаніи, основанной Себ. Каботомъ, а затѣмъ—въ качествѣ посла королевы Елисаветы для улаженія торговли Россіи съ Англіей. Свѣдѣнія объ его поѣздкахъ и библиографическія данныя о нихъ приведены у Аделунга (*Adelung, «Kritisch-literarische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700. Bd. I. 1846. S. 214—220.*

языка». Страны эти,—говорится далѣе,—«были посѣщены однимъ Русскимъ, родомъ изъ Холмогоръ, по имени Федоромъ Товтыгинымъ, который, какъ говорятъ, былъ убитъ въ свою вторую поѣздку, въ одной изъ сказанныхъ странъ»⁸³). Очевидно, переведенныя Джонсономъ данныя были заимствованы имъ изъ какого-то русскаго источника, и повидимому, судя по приведеннымъ извлеченіямъ, изъ той же самой статьи «о человѣцѣхъ незнаемыхъ», которая служитъ предметомъ и нашего разбора. Такъ можно заключать по началу извѣстія: «Въ восточной странѣ (upon the East part), за Югорскою землею, рѣка Обь составляетъ ея самую западную часть. По берегу моря живутъ Самоѣды и страна ихъ называется *Молгомзей* (Molgomsey); они питаются мясомъ оленей и рыбъ, а иногда и ѣдятъ другъ друга». Затѣмъ слѣдуетъ описаніе того, какъ они убиваютъ дѣтей, чтобы угостить приходящихъ къ нимъ торговцевъ, какъ они не хоронятъ мертвыхъ а ѣдятъ ихъ, а далѣе слѣдуетъ описаніе ихъ наружнаго вида, ихъ ѣзды на собакахъ и оленяхъ и ихъ торга соболями. Слѣдующія два извѣстія тоже соотвѣтствуютъ до нѣкоторой степени приводимымъ въ разбираемой, нами статьѣ, хотя они нѣсколько сокращены и именно (какъ увидимъ далѣе) въ нихъ пропущено то, что представляется болѣе невѣроятнымъ или преувеличеннымъ. Дальнѣйшія извѣстія однако не приведены, отчасти, можетъ быть вслѣдствіе ихъ еще большей невѣроятности, а отчасти и потому, что инныя изъ нихъ касаются уже странъ, лежащихъ вверху Оби, и слѣдовательно не имѣющихъ отношенія къ тѣмъ, о которыхъ сообщалъ

⁸³) Отчеты Дженкинсона приведены въ сборникѣ Гаклюйта (*Hakluyt's*, «Collection of the early Voyages, Travels and Discoveries of the English Nation», N. Ed. Vol I. 1809). Второе путешествіе озаглавлено: «The Voyage of Master A. Jenkinson, made from the citie of Mosco in Russia, to the citie of Boghar in Bactria, in the yeere 1558; written by himselfe to the Merchants of the Moscouie Companie». Третье путешествіе описано подъ заголовкомъ: «A compendious and briefe Declaration of the Iourney of M. Anth. Jenkinson from the famous citie of London into the land of Persia, passing in this same iourney thorow Russia, Moscouia and Mare Caspium, alias Hircanum, sent and imployed therein by the right worshipfull Societie of the Merchants Aduenturers for discouerie of Lands, Islands etc. Во второмъ путешествіи приведены, между прочимъ, интересныя свѣдѣнія о Ногайцахъ, Татарахъ, Бухарѣ, Каспійскомъ морѣ и т. д. Спутникъ Дженкинсона (въ его поѣздкѣ въ Бухарію) Рич. Джонсонъ участвовалъ также (въ 1556 г.) вмѣстѣ съ Барро (Steuen Burgowe) въ экспедиціи къ островамъ Вайгачу и Новой Землѣ, причемъ ознакомился тамъ съ Самоѣдами, какъ то видно изъ свѣдѣній, доставленныхъ имъ Рич. Ченслеру (Chancelor) и помѣщенныхъ въ томъ же сборникѣ Гаклюйта, I, стр. 316—318. — Карта Дженкинсона, въ «Theatrum Ortellii» 1573, озаглавлена: «Tartaren oder Grossen Chams Lender»; та же карта, безъ измѣненій, въ 3-мъ изданіи 1684 года. По словамъ Аделунга, карта Дженкинсона была издана еще съ дополненіями въ атласѣ Ванъ-деръ-Аа: «Carte du voyage par terre et par mer fait par A. Jenkinson d'Astracan vers la Tartarie et an retour jusques dans Moscou etc. въ «Atlas nouveau et curieux etc., Leyde, par Pierre Van-der-Aa». Упомянутыя въ текстѣ свѣдѣнія о Самоѣдахъ озаглавлены у Дженкинсона такъ: «Here follow certaine countrey of the Samoeds which dwell vpon the riuer Ob, and vpon the sea coasts beyond the same, taken out of the Russe tongue word by word ant traualled by a Russe born in Colmogro, whose name war Pheodor Towntigin, who by report, was slane in one of the sad countreys».

Джонсонъ въ своемъ письмѣ къ Ченслеру. Какъ бы то ни было, есть серьезное основаніе думать, что Джонсонъ ознакомился, непосредственно или при помощи какого нибудь Русскаго, съ разбираемою нами статьей, и что упомянутый имъ житель Холмогоръ, Федоръ Товтыгинъ, былъ, можетъ быть, именно составителемъ статьи «о человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ»⁸⁴⁾.

Что «Молгомзеи» были извѣстны по слухамъ Англичанамъ въ XVI вѣкѣ, доказываетъ еще инструкція, данная сэромъ Роулендомъ Гайвардомъ и Дж. Бэрномъ, директорами англійской купеческой компаніи для открытія новыхъ торговъ, — Артуру Пету и Чарльзу Джекману, отправленнымъ въ морскую экспедицію для открытія Катая въ 1580 г. Въ этой инструкціи говорится, между прочимъ, что если имъ придется зазимовать въ устьѣ Оби или около него и они встрѣтятся тамъ съ туземцами, «Самоѣдами, Юграми или *Молгомзеями*», то съ ними слѣдуетъ обращаться ласково, вывѣдать, кто ими владѣть, доставить ему одну изъ королевскихъ грамотъ, вступить съ ними въ торговый обмѣнъ и т. д.⁸⁵⁾ Тоже названіе «*Molgomzaia*» встрѣчается на многихъ картахъ XVII в., напр. у Блау (*Geographia Blaviana*), 1668, въ атласѣ Сансона 1683 г., у Витзена и др.⁸⁶⁾ Въ «*Geographia Blaviana*» объ этихъ «Молгомзеяхъ» приводится даже одна черта изъ ихъ религіознаго быта, именно, что они поклоняются солнцу или развернутому красному знамени, — черта, которая, впрочемъ, на картѣ Дженкинсона приурочена, какъ увидимъ далѣе, не къ Молгомзеямъ, а къ народамъ, жившимъ далѣе за ними. Какъ бы то ни было,

⁸⁴⁾ Указанное мѣсто, въ изложеніи Джонсона, читается такъ: «Upon the East part beyond the countrey of Vgori, the riuer Ob is the most Westermort part thereof. Vpon the sea coast dwell Samoeds, and their countrey is called Molgomsey, whose meate is flesh of Olens or Harts, and Fisch, and doe eate one another sometimes among themselves» и т. д. *Hackluyt*. I, p. 377.

⁸⁵⁾ Инструкція эта озаглавлена: «Commission given by sir Rowland Hayward knight and George Barne, Aldermen and Governours of the Company of English Merchants, for discovery of new Trades, vnto Ar. Pet, and Charles Jackman, for a voyage by them to be made for discovery of Cathay, 1580». Въ инструкціи говорится между прочимъ: «... We wish then that the same your wintering place may be in the riuer of Ob, or ar neere the same riuer as you canand finding in such wintering place people, be they Samoeds, Jowgorians, or *Molgomzes* etc. doe you gently entreat with them» и т. д. Подъ Катаемъ разумѣлся въ тѣ времена Китай, о городахъ котораго, *Cambalu* (или *Кимбаликъ* = Пекинъ) и *Quinsay*, было извѣстно изъ путешествія Марка Поло и другихъ.

⁸⁶⁾ Ср. карты: *Меркатора*, 1587 г. (копія ея у *Witsen'a*), также — въ атласѣ изд. 1593 г. Атласъ Сансона я имѣлъ въ изданіи: «*Geographishe en historische Beschryvingh der Werelds-Deelen etc. dvoor de Hr. Sanson d'Abbeville, verstaeld etc. door S. de Urdes, Utrecht. 1683 г. 40*. Здѣсь, на картѣ «*La grande Tartarie*», весьма впрочемъ невѣрной, показана страна *Molgamzaia*, но города Мангазеи нѣтъ. На другой картѣ Сансона, изданной Шенкомъ («*Russiae Albae sive Moscoviae Delineatio geographica*»), — наоборотъ, означенъ г. Мангазея (на р. Тазѣ), но страны *Molgomzaia* нѣтъ. Въмѣсто нея стоитъ названіе «*Manamo*», а по сю сторону Таза, между нимъ и Обью — «*Nasiaied*», по всей вѣроятности — Хазово, названіе Самоѣдовъ, которые впрочемъ показаны также по сю сторону Оби, какъ «*Samoiedes*».

не подлежитъ сомнѣнію, что страна по ту сторону Оби и населяющій её народъ были дѣйствительно извѣстны въ XVI—XVII вв. подъ именемъ: *Molgomsey*, *Molgomzaia*, *Molgomsai*, Молгонзѣи, Малгонзѣи, Мангонзѣи,—названіе, которое было перенесено и на прилегающую часть Ледовитаго океана (*Mare tartaricum olim Mare glaciale*; *Mangaseiche Zee*; Мангазейское море), а также и на основанный въ этой странѣ русскій городъ, только подвергшись передѣлкѣ въ Мангазею⁸⁷⁾.

По своему происхожденію, слово «Молгонзѣи», повидному, самоѣдское, юрацкое. Названія Кондорія, Обдорія объясняются изъ зырянскаго языка и означаютъ устье (страна при устьѣ) Конды, устье Оби. Но словъ «молгонзѣи», «молгонъ» или «малгон» въ зырянскомъ языкѣ не существуетъ; по крайней мѣрѣ я ихъ не встрѣтилъ въ имѣющихся спискахъ зырянскихъ словъ Саввантова и Кастрена. Наоборотъ, окончаніе на *zei* или *zhi* встрѣчается въ названіяхъ самоѣдскихъ родовъ; такъ, среди Архангельскихъ, лѣсовыхъ родовъ есть родъ Хатанзен или Хатанзей (по Иславину, изъ лѣсовыхъ — самый большой родъ)⁸⁸⁾. Съ другой стороны, слово «молгон» или «малгон», повидному, соответствуетъ словамъ *mâl* — «конецъ», «*mâlhana*» — конечный, краевой, приводимымъ Кастреномъ въ его списокѣ юрацко-самоѣдскихъ словъ⁸⁹⁾. Юраками называется самоѣдское племя, живущее и теперь еще между Обью и Енисеемъ и отличаемое какъ ими самими, такъ и всѣми сосѣдними народами отъ остальныхъ Самоѣдовъ по типу, языку и характеру. Если указанное нами сопоставленіе возможно (а оно невольно напрашивается), то «молгонзѣи» будетъ значить: «конечные», «краевые», т.е. живущіе на краю земли, на краю свѣта, именно на окраинѣ прочихъ Самоѣдскихъ племенъ. Это и примѣнимо къ Юракамъ, кочевья которыхъ простираются на сѣверъ до моря, а на востокъ соприкасаются съ кочевьями Тунгузовъ.

Такимъ образомъ, первое извѣстіе Новгородскаго сказанія оказывается справедливымъ. Народъ Молгонзѣи, дѣйствительно, существовалъ, и подъ нимъ слѣдуетъ, очевидно, разумѣть Самоѣдовъ - Юраковъ⁹⁰⁾. Обра-

⁸⁷⁾ Витзенъ производилъ даже названіе города Мангазеи отъ Мангазейскаго моря: «Обь впадаетъ въ Океанъ или въ Сибирское Мангазейское холодное море (*Siberische Mangaseische Koude Zee*), откуда городъ Мангазея получилъ свое названіе. Городъ этотъ стоитъ на р. Мангазеѣ, изливающейся въ море...» На картѣ Штраленберга названіе *Mare Mangazeysco* придано Тазовской губѣ и ближайшей части Карскаго моря.

⁸⁸⁾ *Иславинъ*, Самоѣды. Спб. 1847, стр. 135.

⁸⁹⁾ *Castren*. *Wörterverzeichnisse aus den Samoiedischen Sprachen*, bearb. v. Schiefner. St.-Pet. 1855. S. 40.

⁹⁰⁾ На картѣ Федора Борисовича (изд. Герардомъ) — страна «*Molgomsaia*» не показана, но на ней не означенъ и городъ Мангазея, а на мѣстѣ его написано только: «Тазовскій городокъ». На Сибирскомъ Чертежѣ Ремезова, на которомъ обозначены какъ Старая, такъ и Новая Мангазея, вмѣсто Молгонзѣевъ стоитъ — «немирная самоѣдъ юрацкая». Повидному, съ основаніемъ Мангазеи названіе народа Молгонзѣи стало выходить изъ употребленія и смѣнилось названіемъ Юраки. Юрацкое племя долго было «немирнымъ» и подверглось окончательному усмирению, сравни-

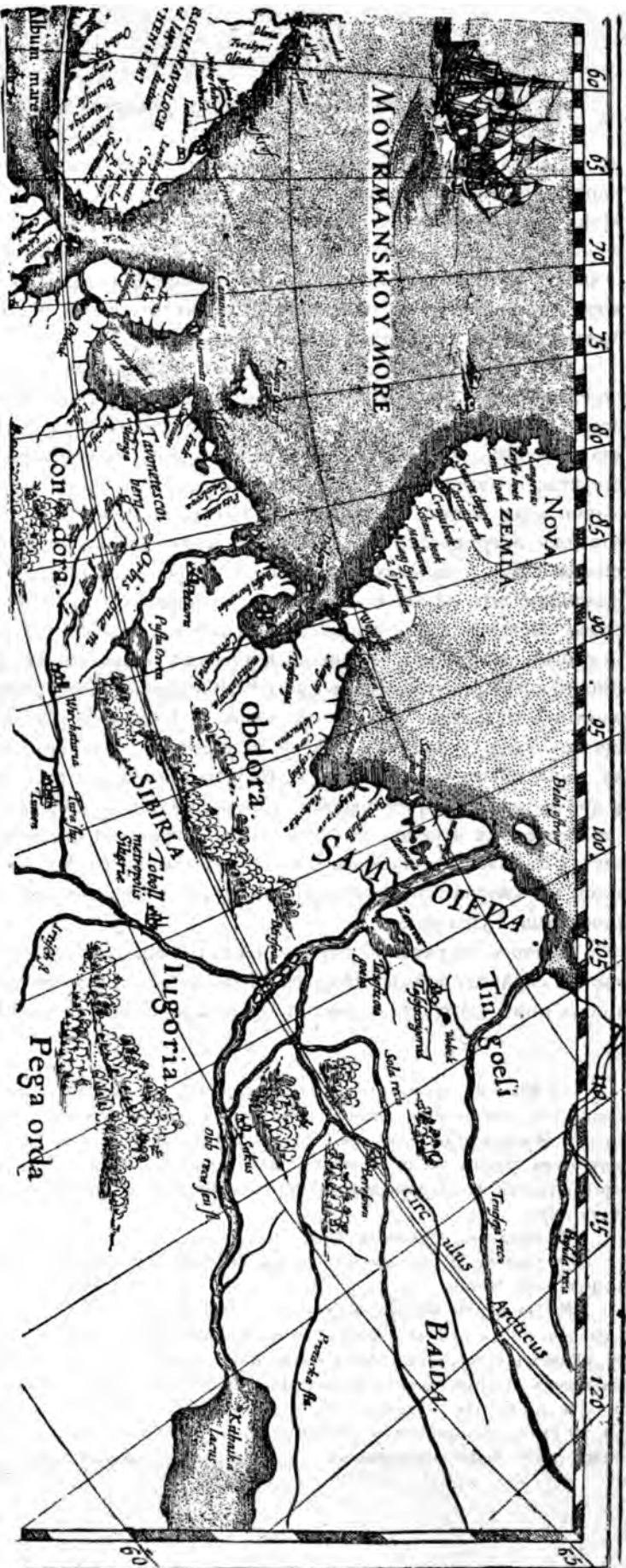

Рис. III.

ЧАСТЬ КАРТЫ ФЕДОРА БОРИСОВИЧА ГОДУНОВА,

Доп. и изд. Герардомъ въ 1614 г.,

съ показаніемъ земель на северъ Россіи отъ Бѣлаго моря до Оби и дѣльте.

тимся теперь къ характеристикѣ этого народа, приведенной въ сказаніи. «А ядь ихъ мясо оленье да рыба, да межи собою другъ друга ядятъ; а гость къ нимъ откуда приидеть, и они дѣти свои закалаютъ на гостей, да тѣмъ кормятъ; а который гость у нихъ умретъ, и они того снѣдаютъ, а въ землю не хоронятъ, а своихъ такожь». Что самоѣды питаются оленьимъ мясомъ и рыбой, это извѣстно всѣмъ; но чтобы они были людоедами, это можетъ казаться сомнительнымъ. Новѣйшіе писатели (съ XVIII вѣка) большей частью даже категорически опровергаютъ, чтобы Самоѣды были людоедами и чтобы ихъ названіе было вызвано именно этимъ обстоятельствомъ. Лербергъ производилъ слово «самоѣдъ» отъ «семгоѣдъ». Бѣлявскій объяснялъ его, какъ русскій переводъ самоѣдскаго родоваго названія Хасово (отъ *хазъ* — самъ и *ово* — одинъ), т. е. «самъ-одинъ» или «самъ-единъ»; большинство однако, слѣдуя Фишеру, принимаютъ, что это названіе — финское и соотвѣтствуетъ лопарскому *Same-jedne*, прилагаемому Лопарями къ обозначенію своей земли (ср. *Suomi, Nāme, Сумъ, Ямъ*). Полагаютъ, что Русскіе изъ этого слова сдѣлали Самоядь, считая сперва Лопарей и Самоѣдовъ за одно племя или что «не зная обитателей сѣвернаго побережья подъ собственнымъ ихъ названіемъ, они назвали ихъ Самоѣдами отъ лопарскаго названія Самоянда», узаннаго ими, можетъ быть, отъ Кареловъ. Но нѣкоторые сомнѣваются и въ этомъ объясненіи, считая его мало вѣроятнымъ⁹¹). Какъ бы то ни было, названіе это было извѣстно уже Плано Карпини, который передаетъ его въ формѣ *Samogeti* и рассказываетъ со словъ Татаръ, что они живутъ только звѣроловствомъ, а шатры свои и одежду дѣлаютъ изъ звѣриныхъ шкуръ. Плано Карпини, впрочемъ, не упоминаетъ о людоедствѣ «Самогетовъ», но представленіе о существованіи гдѣ-то на сѣверѣ антропофаговъ идетъ со времени глу-

тельно недавно, въ XVIII в. Въмѣсто «юраки» на старинныхъ русскихъ картахъ (XVIII в.) встрѣчается также нѣрѣдко названіе «юраты». Такъ, въ «Атласѣ, сочиненномъ къ пользѣ и употребленію юношества и всѣхъ читателей вѣдомостей и историческихъ книгъ.» Спб. 1737, — за Обьскою губою показаны «Юраты»; на картѣ, представляющей часть сѣверной Росс. Имперіи отъ устьевъ р. Енисея, до начала Бѣл. моря», сост. Трускотомъ (въ Архивѣ Иностр. Дѣлъ) — «Самоѣдъ юратская».

⁹¹) Въ упомянутыхъ ранѣе свѣдѣніяхъ о самоѣдскихъ странахъ, заимствованныхъ изъ русскаго источника Рич. Джонсономъ (спутникомъ Дженкинсона), о людоедствѣ Самоѣдовъ говорится совершенно въ тѣхъ же выраженіяхъ, что и въ разбираемой нами статьѣ. «And if any Marchants come vnto them, then they kill one of their children for their sakes to feast them withall. And if a Marchant chance to die with them, they burie him not, but eate him, and so doe they eate them of their owne countrey likewise». Производство Лербергомъ слова «самоѣдъ» отъ «семгоѣдъ» можетъ быть нѣсколько оправдано стариннымъ названіемъ самоѣдовъ у Плано Карпини и Герберштейна: «*Samogeti*», «*Samogeda*». Джонсонъ (1556) и Флетчеръ (1558) пишутъ однако уже «*Samoeds*» и «*Samoites*», Олеарій — «*Samoieden*». — Мнѣніе *Бѣлявскаго* см. въ его книгѣ: «Поѣздка къ Ледовитому морю» М. 1833, стр. 154. — О различныхъ толкованіяхъ имени «Самоѣдъ»: *Огородниковъ*, Прибрежья Ледовитаго и Бѣлаго морей съ ихъ притоками по Книгѣ Большаго Чертежа, въ «Зап. Геогр. Общ. по отд. Этнографіи». Т. VII. 1877, также у *Залысловскаго*, «Герберштейнъ», и т. д. На картѣ Штраленберга встрѣчаются и *Samogedae* и *Samojedae*, а между Тазомъ и Енисеемъ — *Samojedae montani*.

бокой древности. Они упоминаются, какъ извѣстно, уже у Геродота въ числѣ народовъ, живущихъ гдѣ-то за Скиѳами. Позже, съ расширеніемъ предѣловъ извѣстнаго міра, мѣстообитаніе ихъ (какъ и людей съ песьими головами) переносилось все далѣе—къ сѣверу и востоку; русскіе же люди, по видимому, съ давнихъ поръ, отождествили ихъ съ Самоѣдами. Извѣстіе о людоедствѣ Самоѣдовъ мы встрѣчаемъ уже у Герберштейна; упоминая о Samoged, онъ добавляетъ: «т. е.: сами себя ядущіе»; «эти племена, говоритъ онъ, дики и избѣгаютъ сообществъ съ другими людьми». Р. Джонсонъ, познакомившійся въ 1556 г. съ Самоѣдами, жившими при устьѣ р. Печоры, замѣчаетъ, что эти Самоѣды находятся въ подданствѣ у русскаго государя, что они занимаются много колдовствомъ и хорошо стрѣляютъ изъ луковъ. Къ сѣверовостоку отъ Печоры, на о-вѣ Вайгачѣ, — продолжаетъ Джонсонъ, — живутъ «дикіе Самоѣды, которые не дозволяютъ приставать къ острову Русскимъ, но убиваютъ и сѣдаютъ ихъ, какъ намъ рассказывали Русскіе». «Самоиты (Samoits) — говоритъ Флетчеръ, — носятъ такое названіе (по словамъ Русскихъ) отъ того, что они ѣдятъ самихъ себя, ибо въ прежнее время они жили какъ людоеды и ѣли другъ друга. Что это вѣроятно, можно заключить изъ того, что они и теперь еще ѣдятъ всякое сырое мясо, даже падаль, валяющуюся въ ямахъ. Но сами Самоѣды производятъ свое названіе отъ «самые» (samoie), считая себя коренными жителями своей страны, никогда не мѣнявшими своей родины». Петрей (1620) сообщаетъ, что за страной Печерой, миляхъ во ста къ сѣверу, къ Ледовитому морю, «живутъ народы, которыхъ Русскіе называютъ «Samiedi». Это — люди, пожирающіе самихъ себя». (Es ist ein solch Volck, das sich selber frist). Олеарій говоритъ, что Русскіе назвали Самоѣдовъ такъ потому, что «они (Самоѣды) дѣйствительно ѣли человѣческое мясо и даже тѣла своихъ умершихъ друзей, которыя они смѣшивали и ѣли съ дичиной». Мейербергъ тоже упоминаетъ о людоедствѣ Самоѣдовъ, ссылаясь при этомъ на Олеарія⁹²). Въ русскихъ описаніяхъ Сибири и ея «звѣрообразныхъ» людей, довольно многочисленныхъ въ космографіяхъ XVII вѣка, о людоедахъ однако не упоминается, а говорится только, что Вогуличи, Остяки, Самоядь, Лопане, Тунгусы и проч.... «аще и подобни образомъ человѣкомъ, но нравомъ и житіемъ подобни звѣрямъ» или «живутъ въ лѣсахъ и въ земли яко звѣри, нравомъ же зѣло люти»⁹³). Но преданія о людоедствѣ Самоѣдовъ въ прежнія времена еще сохранились у Вогуловъ и Остяковъ. Въ былинахъ ихъ рассказывается о борьбѣ ихъ прежнихъ богатырей съ самоѣдскими, причемъ богатыри эти, будто-бы, не только убивали другъ друга, но и ѣли

⁹²

⁹³

печень и пили кровь своихъ враговъ ⁹⁴⁾. Эти рассказы могутъ впрочемъ относиться къ временамъ стародавнимъ, миѳическимъ, но у Остяковъ (и самихъ Самоѳдовъ) сохранились еще другіе, болѣе реальныя рассказы, относящіеся ко временамъ сравнительно недавнимъ, историческимъ, даже, можно сказать, новѣйшимъ. Вотъ что мы читаемъ у Кушелевскаго ⁹⁵⁾. «Остяки называютъ Самоѳдовъ — *орхой* (дикій человѣкъ). Въ преданіяхъ Самоѳдовъ и Остяковъ еще по настоящее время сохранилось въ памяти слѣдующее обыкновеніе самоѳдскихъ предковъ. Удрученный лѣтами Самоѳдинъ, когда чувствовалъ себя неспособнымъ къ промысламъ и ѣздѣ на оленяхъ, тогда жизнь свою считалъ въ тягость себѣ и своему потомству. Вслѣдствіе этого и вслѣдствіе убѣжденія, что въ загробной жизни онъ можетъ быть купцомъ, приказывалъ себя убить въ честь счастливой жизни своего потомства, а тѣло свое съѣсть. Этотъ обрядъ отцеубійства исполняли дѣти при шаманствѣ съ особеннымъ благоговѣніемъ и тѣло съѣдали. Остяки, видя такое ихъ варварское обыкновеніе, назвали Самоѳдовъ орхой, дикимъ человѣкомъ, и во время оно, когда Остяки вѣзжали къ нимъ въ тундру для торговли, то приказывали Самоѳдамъ, при встрѣчѣ съ собою, падать на колѣни, кланяться въ землю и не смотрѣть на себя до тѣхъ поръ, пока не позволятъ. Входя въ самоѳдскіе чумы, приказывали постигать себѣ подъ ноги оленьи кожи и по нимъ входили. Не дотрогивались къ самоѳдской одеждѣ и къ вещамъ ихъ, а если которыя брали изъ рукъ ихъ, то чрезъ огонь. Обкуривали вещи бобровою струею, которая, по понятію Остяковъ, очищаетъ все отъ всѣхъ нечистотъ. Въ преданіяхъ Остяковъ сохранилась еще быль, какъ одного казачьяго сотника Какаулина, пріѣхавшаго къ Самоѳдамъ за сборомъ ясака, самоѳдскій старшина, желая угостить прилично, позвалъ къ себѣ въ чумъ и при Какаулинѣ приказавъ своей младшей дочери раздѣться, показалъ ему тѣло ея, которое было жирное и бѣлое. Послѣ этого тотчасъ убилъ дочь свою и, отрѣзавъ у нея груди, вынулъ сердце, положилъ то и другое въ котель и сталъ варить на тотъ предметъ, чтобы этимъ лакомствомъ поподчивать Какаулина, но тотъ, испугавшись, убѣжалъ изъ чума и болѣе къ Самоѳдамъ за сборомъ ясака не пріѣзжалъ, а поручилъ таковой производить остяцкому князю. — Изъ этихъ преданій можно заключить, что Самоѳды получили названіе свое отъ русскихъ казаковъ собственно потому, что сами себя ѣли и не удивительно, что они считаютъ это слово браннымъ. Еще недавно былъ такой случай: лѣтъ 15-ть тому назадъ (т. е. въ началѣ 50-хъ годовъ), Самоѳдъ, руководясь убѣжденіями своихъ предковъ, съѣлъ свою мать,

⁹⁴⁾ Н. Л. Гондатти записалъ у Маньзовъ преданіе, что богатыри ихъ (*похатуръ* или *одырѣ*) отличались громадной силой и, убивая своихъ противниковъ, всегда ихъ скальпировали. . . Убивъ врага, они всегда съѣдали его сердце и печень, чтобы вся сила убитаго перешла къ нимъ и чтобы онъ не ожилъ. См. *Гондатти*. «Слѣды язычества у инородцевъ сѣверо-западной Сибири», стр. 360.

⁹⁵⁾ *Кушелевскій*. Сѣверный полюсъ и земля Ялмалъ. Путевыя записки. Спб. 1868, стр. 52 слѣд.

старую и неспособную къ труду, за что судился и въ наказаніе содержался въ тобольскихъ арестантскихъ ротахъ. Преслѣдованія начальства давно искоренили между ними это варварство.... Но еще недавно были случаи, что Самоѣдинъ, убѣдившись, что жена родила ему дитя, не имъ прижитое, убивалъ его и выбрасывалъ на съѣденіе собакамъ. Наконецъ, не лишнимъ считаю рассказать объ одномъ случаѣ, доказывающемъ, что Самоѣды дѣйствительно сами себя съѣдали, и что поэтому и названіе имъ дано русскими казаками—«самоѣдъ» правильно. Остяки и Самоѣды долго между собою враждовали и ходили другъ на друга войною. Но когда Самоѣды убѣдились, что Остяковъ не въ состояніи были прогнать изъ своего отечества, то смирились передъ ними и въ клятву вѣчнаго мира и признаніе надъ собою владычества Остяковъ исполнили слѣдующій обрядъ: изъ среды своей, по жребію, избрали одного Самоѣда, убили его, сварили и съѣли. Послѣ срубили у листовницы вершину и на оставшемся отрубкѣ поставили то корыто, изъ котораго ѣли человѣческое мясо. Этотъ обрядъ былъ вѣрнымъ ручательствомъ вѣчнаго между ними согласія, и эта листовница еще по настоящее время существуетъ недалеко отъ Пашерцовыхъ юртъ и с. Обдорска».

Если исключить догадку Кушелевскаго о томъ, что слово «самоѣдъ» было придумано казаками (слово это существовало задолго ранѣе казачества), то сообщаемые имъ факты нельзя не признать возможными и вѣроятными. Кушелевскій занимался (по порученію Сидорова) изслѣдованіемъ путей отъ Печоры до Енисея, жилъ подолгу въ тундрѣ и могъ ознакомиться довольно хорошо какъ съ Остяками, такъ и съ Самоѣдами. Фактъ убіенія Самоѣдами въ прежнее время дряхлыхъ стариковъ не можетъ считаться невѣроятнымъ, такъ какъ мы знаемъ, что этотъ обычай существуетъ еще кое-гдѣ и теперь у дикарей, а въ древнія времена исполнялся даже предками многихъ культурныхъ народовъ⁹⁶). Но, если допустить даже, что всѣ эти рассказы были преувеличены и вымышлены Остяками, во всякомъ случаѣ остается фактъ, что они существуютъ и были въ обращеніи, а слѣдовательно могли дойти и до составителя Новгородскаго сказанія, который имѣлъ еще большія основанія имъ вѣрить, чѣмъ г. Кушелевскій. Такимъ образомъ и это извѣстіе сказанія оказывается вѣрнымъ или, по крайней мѣрѣ, основаннымъ на дѣйствительно ходившихъ разсказахъ.

Далѣе о тѣхъ же Молгонзѣяхъ говорится слѣдующее: «Сия же люди невелики возрастомъ, плосковиды, носы малы; но рѣзвы вельми и стрѣльцы скоры и горазды. А ѣдятъ на оленяхъ и на собакахъ, а платье носятъ соболье и оленье. А товаръ ихъ соболи». Все это вполне соответствуетъ дѣйствительности. Малорослость сѣверныхъ народовъ, Лопарей и Самоѣдовъ

⁹⁶) *Кулишеръ*, Очерки сравнительной этнографіи, Спб. 1887. Гл. IV: «Оставленіе на произволъ судьбы и убійство стариковъ»; *Andree*, Anthropophagie. 2 Ausgabe. 1887; *Каллашъ*, Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ въ первобытномъ обществѣ, въ «Этнографическомъ Обзорѣніи». М. 1889, кн. 1, 2 и 3.

была извѣстна давно; первые дали поводъ къ возникновенію германскихъ (готскихъ) и финскихъ (карельскихъ) преданій о карликахъ, съ которыми приходилось бороться предкамъ Германцевъ и Карель ⁹⁷⁾. Позже, когда пришлось убѣдиться, что Лопари, хотъ и не велики ростомъ, но все-таки не пигмеи, настоящихъ пигмеевъ стали помѣщать за Лопарями, на самомъ крайнемъ сѣверѣ и наконецъ въ Гренландіи. (Павель Іовій, 1525; Olaus Magnus, 1567) ⁹⁸⁾. Что касается Самоѣдовъ, то они въ прежнее время представлялись часто тоже карликами, какъ то доказываютъ изображенія ихъ у старинныхъ путешественниковъ, напримѣръ у Мартиньера ⁹⁹⁾. Въ дѣйствительности, Самоѣды, хотъ и не карлики, но все таки — малорослы Средній ростъ 17-ти взрослыхъ Мезенскихъ Самоѣдовъ былъ найденъ Н. Ю. Зографомъ — равнымъ 159 сант., т. е. ниже средняго. Юраки, по Третьякову, также «болѣе низкаго, чѣмъ средняго роста» и притомъ ниже Самоѣдовъ, хотъ и лучше сложены ¹⁰⁰⁾. Что касается «плосковидности» Самоѣдовъ, то она хорошо извѣстна. Большинство Самоѣдовъ выказываетъ монгольскія черты лица, т. е. широкія, выдающіяся скулы, плоское

рис. IV.
Старинное изображеніе Самоѣдовъ
(въ «Путешествіи» De la Martinière).

⁹⁷⁾ Пигмеи помѣщались классическими писателями въ тропическихъ странахъ Африки и Индіи; но въ Средніе вѣка ихъ стали искать въ Средней Азіи, на границахъ Китая (Каталонская карта, 1375), а арабы отождествляли ихъ съ Магогомъ (Мадшудшъ) и помѣщали гдѣ-то сѣвернѣе, въ пустынь. — Преданія о карликахъ приведены у Гримма, Нильсона и Кастрена.

⁹⁸⁾ *Pauli Jovii, Libellus de legatione Basilii Magni: «Ultra Lapones in regione inter Corum et Aquilonem perpetua oppressa caligine, Pygmeos reperire... nostratis pueri denum annorum mensurum vix excedant, meticulousum genus hominum»...* На картѣ Олая Великаго (у Норденшильда) на сѣверѣ Норвегіи, выше Lappia, показана Scriclinpia и поставлена надпись: «Hic habitant Pygmei vulgo Screlinger dicti». — На этой картѣ, видно, что Олай къ сѣверу отъ Норвегіи, въ недалекомъ разстояніи черезъ море, представлялъ себѣ Гренландію, которая по норвежскимъ сагамъ и была отечествомъ Скриклингговъ.

⁹⁹⁾ *De la Martinière, Voyage des pays septentrionaux. Sec. edit. 1676., p. 249, 279, Ср. также снимки со старинныхъ изображеній Самоѣдовъ у Норденшильда, I. S. 88, 90.*

¹⁰⁰⁾ *Петрей (I. с., стр. 89)* рассказываетъ, что по ту сторону Гиперборейскихъ горъ (Урала) — по словамъ ходившихъ туда Русскихъ, живутъ *пигмеи*, ростомъ не выше трехлѣтняго мальчика. Они по природѣ очень боязливы и говорятъ особымъ языкомъ, непонятнымъ ни для кого.

(не вогнутое) переносье и малый носъ, что и дѣлаетъ ихъ лице болѣе плоскимъ, чѣмъ европейское¹⁰¹⁾. «Рѣзвость», т. е. проворство движеній

рис. V.

Старинное изображеніе Самоѣдовъ
(По *Schleisling*, 1693 г.;
копія у Норденшильда).

точно также приписывалась издавна какъ Лопарямъ, такъ и Самоѣдамъ, а равно и искусство стрѣлять быстро и ловко съ лука. Наконецъ, ѣзда на оленяхъ и на собакахъ и употребленіе соболинаго и оленьего платья — черты характерныя для сѣверныхъ инородцевъ. Собственно самоѣдскій способъ ѣзды — на оленяхъ, а ѣзду на собакахъ ввели, по видимому, Остяки, но оба способа были съ давнихъ поръ въ употребленіи на сѣверѣ. Такъ, въ походъ 1499 года Русскіе встрѣтили югорскихъ князей на оленяхъ, и сами отъ Ляпина шли: «воеводы на оленяхъ, а рать на собакахъ»¹⁰²⁾. Что касается до соболей, то страна Молгонзѣевъ была первоначально очень богата ими. Это явствуетъ, между прочимъ, и изъ того, что одна рѣка, впадающая въ море между Обью и Енисеемъ, была названа «Собольною», какъ-то можно видѣть на Сибирскомъ Чертежѣ Ремезова, гдѣ, кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ — показаны (нарисованы) соболи и песцы¹⁰³⁾.

Первое извѣстіе сказанія оказывается, слѣдовательно, вѣрнымъ или вѣроподобнымъ какъ въ общемъ, такъ и въ частности. Нельзя повидимому, сказать того же о второмъ извѣстїи, о «линной самоѣди». «Въ той

¹⁰¹⁾ Въ упомянутыхъ ранѣ свидѣніяхъ Джонсона разбираемое нами мѣсто статьи передано почти въ буквальномъ переводѣ: «They be euill of sight, and haue small noses, but they be swift and shoote very well, and they trauaile on harts and on dogges, and their apparell is Sables and Harts skinnes, they haue no Marchandise but Sables onely». По Флетчеру «the Samoites... are thought to have taken their beginning from the Tartar kinde. And it may partly bee gessed by the fashion of their countenance, having all broad and flat faces as the Tartars haue... They are all blake haired, naturally beardlesse».

¹⁰²⁾ По (Спасскому Списокъ съ чертежа Сибирской земли, прим. 33)—въ Туруханскѣ Русскіе «ѣздыть и перевозятъ тяжести на собакахъ; отчасти служатъ къ тому и олени».

¹⁰³⁾ «Въ Туруханскомъ краѣ, по словамъ Третьякова, соболя еще въ 1812 — 1818 гг. было столь много, что жители не разъ видали его въ дворахъ и били палками; тогда добывалось этого звѣря отъ 6 до 9 тыс. штукъ въ годъ. Одни Тунгузы и Остяки вывозили изъ окрестностей Нижней Тунгузки до 4 тыс. соболей. Многие Тунгузы имѣли соболя парки». Но съ 1818 г. соболь началъ исчезать. Въ началѣ 70-хъ годовъ Третьяковъ опредѣлялъ годовой промыселъ (въ Туруханскомъ краѣ) въ 180 соболей. Другія животныя, водившіяся въ этомъ же краѣ, дали поводъ къ названіямъ: р. Моржовка, р. Китовка, Соколы Луды, Медвѣжій носъ.

же странѣ — иная самоѣдь такова же: линная словеть. Лѣтъ мѣсяць живутъ въ мори, а на сусѣ не живутъ того ради, занежъ тѣло на нихъ трескается. И они тотъ мѣсяць въ водѣ лежатъ, а на берегъ не смѣютъ вылѣсти». Дѣло идетъ о той же странѣ и даже, какъ будто, о той же самоѣди, но она отличается, какъ «линная», т. е. подверженная линкѣ, смѣнѣ кожи, которая на нихъ трескается, вслѣдствіе чего они это время «живутъ въ мори». Можно подумать, что въ данномъ случаѣ имѣлись въ виду не люди, а какія-нибудь морскія животныя, въ родѣ тюленей или моржей. Смѣшеніе морскихъ животныхъ съ людьми вовсе не такая невѣроятная вещь; ему обязаны своимъ возникновеніемъ многочисленные мнѣя о сиренахъ, nereидахъ, Мелузинѣ, «морскихъ людяхъ» и т. д., бывшіе распространенными не только въ древніе и средніе вѣка, но даже еще въ XVIII стол. ¹⁰⁵). Большинство этихъ чудовищъ приурочивалось, правда, къ тропическимъ морямъ, но нѣкоторыя помѣщались и въ сѣверныхъ. У Платона Карпини встрѣчается извѣстіе, что Татары, во время своихъ походовъ, встрѣтили за Самогетами, въ странѣ у океана, какихъ-то чудовищъ, которыя имѣли во всемъ человѣческой видъ, только ноги у нихъ были бычьи, а лица собачьи; два слова произносили они по человѣчьи, а третье лаяли какъ собаки, и такимъ образомъ, вставляя по временамъ лай, но возвращаясь затѣмъ къ своей природѣ, они позволяли себя понять ¹⁰⁶). На

¹⁰⁵) См. *Grässe*, Von den Meermännern und Meerfrauen, въ его «Beiträge zur Literatur und Sage des Mittelalters». Dr. 1859. Также *Baring-Gould*, Curious Myths of the Middle Ages, 1874., глава XIX. Melusina.— Лютеръ рассказываетъ объ одной «морской дѣвицѣ», очень красивой, которая, будучи поймана, прижила съ однимъ матросомъ ребенка, но затѣмъ, когда корабль пришелъ снова на то мѣсто, гдѣ она была поймана, бросилась съ ребенкомъ въ воду и исчезла. Отъ 1618 г. сохранилось извѣстіе, что въ Ютландіи былъ пойманъ «Seemannchen» около 40 л., съ большой черной бородой, который, полежавъ нѣкоторое время на соломѣ, отправился въ церковь и молился тамъ, а затѣмъ исчезъ въ лѣсу. Еще въ 1832 г. показывали въ Лондонѣ, въ стеклянномъ ящикѣ, «морскую дѣвицу», которая оказалась однако, при ближайшемъ изслѣдованіи, искусственной чучелой, сложенной изъ верхней части тѣла обезьяны и хвостовой части большой рыбы.— У *Baring-Gould* приведена любопытная переписка по поводу рисунка одной рыбы, пойманной будто бы около Молукскихъ острововъ и помѣщенной въ сочиненіи *Fallours*, Poissons, écrevisses et crabes extraordinaires, que l'on trouve autour des Isles Moluques, Amst. 1717. Рыба эта, названная See-wyf (морская женщина) представляетъ родъ сирены, съ головою, руками и туловищемъ женщины и съ большимъ рыбьимъ хвостомъ. Рисунокъ этотъ, еще до выхода книги, былъ показанъ издателемъ ея, Ренаромъ (Renard) — «царю Московіи» (Петру), который заинтересовался рисункомъ и пожелалъ узнать подробности. Ренаръ обратился съ письмомъ по этому поводу къ пастору Валентину, жившему 30 лѣтъ въ Остъ-индскихъ колоніяхъ Голландіи. Тотъ, не имѣя возможности сообщить что-либо о данномъ рисункѣ, доставилъ однако свѣдѣнія о другихъ подобныхъ сирено-образныхъ людяхъ, видѣнныхъ въ индійскихъ моряхъ, и въ существованіи которыхъ онъ нисколько не сомнѣвался.

¹⁰⁶) «Собраніе путешествій къ Татарамъ», изд. Языкова. Спб. 1825. *Плато Карпини*, стр. 158—159: ... «venerunt ad quandam terram super Oceanum, ubi invenerunt quaedam monstra quae per omnia formam humanam habebant, sed pedes desinebant in pedes bovinos, et faciem per omnia habebant ut canis: duo verba loquebantur more humano

картъ Олая Великаго (1567), въ моряхъ, омывающихъ Норвегію и Англию, также представлены разныя чудовища то съ большими зубами, топящія корабли, то съ лошадиной головой, съ тѣломъ змѣи, съ рогомъ на лбу и т. д. Герберштейнъ, со словъ какого-то русскаго дорожника, упоминаетъ о водящейся въ р. Тахнинѣ, гдѣ-то къ сѣверу отъ Лукоморья, рыбѣ, съ головою, глазомъ, носомъ, ртомъ, руками, ногами и пр., по виду совершенномъ человѣкѣ, но безъ голоса. Сомнительно однако, чтобы составитель разбираемаго нами сказанія смѣшалъ въ данномъ случаѣ людей съ морскими звѣрями. Описываемые имъ люди представляются «такою же самоѣдью, которая живетъ въ морѣ только лѣтомъ, съ мѣсяцъ, а остальное время проводить «на сушѣ»¹⁰⁷⁾. Естественнѣе предположить, что данное извѣстіе основано на невѣрно понятомъ разсказѣ о лѣтнихъ перекочевкахъ Самоѣдовъ. Извѣстно, что Самоѣды, проводя большую часть года въ лѣсной области, гдѣ не такъ холодно, меньше мятелей и болѣе звѣря для охоты, перекочевываютъ лѣтомъ на сѣверъ, въ тундру, спасаясь отъ комаровъ и занимаясь отчасти промысломъ на морскаго звѣря и рыбу. «Нельзя себѣ представить, говоритъ Иславинъ, того множества комаровъ, которое бываетъ въ лѣтнее время въ тундрѣ, въ особенности въ лѣсистой ея части... Комары и овода такъ беспокоятъ оленей, что стада ихъ съ крикомъ бѣгаютъ вокругъ чумовъ и вскорѣ превращаютъ моховыя мѣста въ грязь; въ предупрежденіе этого, на лѣто отгоняютъ стада къ морю: ибо чѣмъ далѣе отъ лѣсовъ, тѣмъ становится прохладнѣе и начинаютъ мало-по-малу исчезать несносные комары и оводы...» «Весною самоѣдскіе роды (въ Архангельской губ., Пустозерскіе и Устьцылемскіе) выходятъ изъ лѣсовъ къ рѣкамъ Воркотѣ, Сіюйдѣ и Хузьмору; къ Іюню и Іюлю приближаются къ рѣкамъ Карѣ и Коротанхѣ, а племя Яутыссии (отъ *ялз* — море) для рыболовства и промысла морскихъ звѣрей переходитъ даже на островъ Вайгачъ; въ Августѣ и Сентябрѣ занимаются рыболовствомъ при озерахъ Балбанскомъ и Письемъ и охотою на песцовъ, въ особенности по хребту Ногосоты; къ зимѣ возвращаются въ лѣса». Подобнымъ же образомъ поступаютъ Обдорскіе Самоѣды. По Кушелевскому, они «лѣтомъ бродятъ вблизи моря, на полуостровѣ Ялмалѣ и т. д.; съ приближеніемъ осени, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, подходятъ съ своими стадами къ южнымъ частямъ Обской и Тазовской губы и р. Оби, и, какъ только станетъ ледъ въ Сен-

---

et tertio latrabant ut canis: et sic per intervalla temporum latratum interponebant; tum ad naturam suam redibant: et sic intelligi poterat quod dicebant». — Лербергъ видѣлъ въ этихъ чудовищахъ моржей. — Петрей приводитъ слухи, что около страны Лукоморья живутъ разныя звѣрообразныя люди: нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ головы, какъ у собакъ или волковъ».

¹⁰⁷⁾ У Джонсона разбираемое нами мѣсто передано такъ: «Item, on the same coast or quarter beyond those people, and by the sea side also doth dwell another kinde of Samoeds in like manner, hauing another language. One moneth in the yeere they liue in the sea, and doe not come or dwell on the dryland for that moneth». — Въ нѣкоторыхъ спискахъ сказанія, напр. Софійскомъ, Бѣляевскомъ, этотъ разсказъ опущенъ, можетъ быть, по его кажущейся невѣроятности.

тябрь, тотчасъ переходятъ на противоположный берегъ, гдѣ уже находятся небольшіе перелѣски, и чѣмъ сильнѣе дѣлается морозъ, тѣмъ скорѣе стараются попасть въ густыя лѣса и среди нихъ распространяютъ свои кочевья все южнѣе и южнѣе до предѣловъ Сургутскаго участка»¹⁰⁸).

Откочевывая на сѣверъ и доходя до моря, нѣкоторые самоѣдскіе роды занимаются, въ теченіе мѣсяца или двухъ, рыболовствомъ и боемъ морскихъ звѣрей. «Морской звѣрь, — говоритъ Иславинъ, — требуетъ большой осторожности и терпѣнія со стороны промышленника: проходятъ иногда цѣлые дни, что не покажется на поверхности воды ни одной тюленьей головки, и тогда Самоѣдъ, лежа въ лодкѣ или просто на морскомъ берегу, и вооружившись терпѣніемъ и винтовкой, выжидаетъ давно желанной добычи, зная, что она наконецъ должна же явиться»... Ловля рыбы также сопряжена съ немалыми трудами, и Кушелевскій говоритъ, что отработывая свои долги русскимъ промышленникамъ, Самоѣды иногда по цѣлымъ днямъ, «какая бы ни была погода, бродятъ по пазуху въ водѣ по салмамъ» (ямамъ или старицамъ на меляхъ Обской губы). Этими откочевками къ морю (даже иногда переходомъ черезъ море на островъ Вайгачъ) для занятія тамъ рыболовствомъ и боемъ морскихъ звѣрей, вѣроятно, и объясняется извѣстіе о самоѣди, живущей «лѣтъ мѣсяць въ морѣ»; толкованіе же такого обычая тѣмъ — «зане жъ тѣло на нихъ трескается», вызвано, можетъ быть, непонятными разказами о страшныхъ комарахъ и оводахъ, кусающихъ до крови людей и оленей. Замѣтимъ еще, что въ сухомъ климатѣ полярныхъ странъ, въ которомъ табакъ разсыпается въ мелкую пыль, и въ которомъ лѣтомъ дѣйствіе лучистой теплоты солнца проявляется иногда весьма рѣзко, солнце способно значительно жечь и вызывать даже трещины кожи.

Третье извѣстіе касается людей, мохнатыхъ въ нижней половинѣ тѣла. «Въ той странѣ есть иная самоѣдъ: по пупъ люди мохнаты до долу, а отъ пупа вверхъ яко же и прочіи человѣци. А ядь ихъ рыбы и мясо, а торгъ ихъ соболи, и песцы, и пыжи, и оленіи кожи»¹⁰⁹). Мохнатость или волосистость, въ данномъ случаѣ, едва ли можетъ относиться къ тѣлу, которое у сѣверныхъ народовъ всегда прикрито, а по всей вѣроятности — къ одеждѣ, такъ что подъ выраженіемъ «по пупъ мохнаты до долу» надо разумѣть — одѣтые въ костюмъ, нижняя половина котораго сдѣлана изъ длинношерстныхъ шкуръ, волосами кверху. Извѣстно, что сѣверные народы пользуются для одеждъ звѣриными (оленьими и др.) шкурами, которыя носятъ часто шерстью вверхъ. Но обыкновенно, шкурки эти (напр. олени, бѣличьи и др.) — съ короткимъ

¹⁰⁸ У Кушелевскаго приведена карта съ показаніемъ лѣтнихъ и зимнихъ кочевокъ Каменскихъ и Обдорскихъ Самоѣдовъ и Остяковъ.

¹⁰⁹ У Джонсона это мѣсто приведено въ сокращеніи: «Item beyond these people, on the sea coast, there is another kinde of Samoeds, their meate is flesh and fish, and their merchandise are Sables, white and black Foxes (which the Russes call Pselts) and Harts skinnes, and Fawnes skinnes».

волосомъ, не производящимъ впечатлѣнія мохнатости, и только нѣкоторыя части одежды обшиваются длиннымъ мѣхомъ. Мохнатость отъ пупа до долу могла быть вызвана ношеніемъ штановъ изъ длиннаго, косматаго мѣха, но это мало вѣроятно, такъ какъ Самоѣды и другіе сѣверные ино-

рис. VI.

Женскій самоѣдскій костюмъ, свади.
Съ рисунка Норденшильда.

родцы Сибири не носятъ короткихъ куртокъ, какъ Эскимосы, а надѣваютъ обыкновенно длинную одежду, малицу, покрывающую штаны, а отчасти даже и пимы (мѣховые сапоги). Болѣе вѣроятно, что мохнатость относится именно къ этой длинной одеждѣ, къ нижней половинѣ ея, обшивавшейся длиннымъ мѣхомъ. Еще и въ настоящее время малица обшивается обыкновенно кругомъ подола широкою полосою собачьей шкуры съ длинными волосами, (у Обдорскихъ Самоѣдовъ — такъ-называем. кундой, длинношерстной, въ родѣ бахромы), у женщинъ даже двумя или тремя полосами, одна надъ другой, а прежде, по словамъ стариковъ (какъ передавалъ мнѣ Н. Л. Гондатти), полосы эти доходили почти до пояса. Возможно, что какое-нибудь племя или родъ особенно отличался волосистой обшивкой нижнихъ половинъ своихъ малицъ (изъ собачьяго или инаго

мѣха, такъ что эта особенность костюма вызвала соотвѣтственное прозвище племени у его сосѣдей и вообще стала отличительною чертою его внѣшности по отношенію къ другимъ родственнымъ народностямъ, а этого было достаточно для того, чтобы свѣдѣніе о немъ могло дойти до Русскихъ и выразиться въ соотвѣтственной, хотя и не вполне точной и ясной, характеристикѣ его ¹¹¹).

¹¹⁰) Енисейскіе Тунгузы обшиваютъ свои шубы по подолу бахромою изъ шкуры горнаго барана «майгуконъ». См. *Третьяковъ Турух. край*, стр. 164. Эта длинная бахрома явственно видна на тунгузскихъ костюмахъ. См. напр. изображеніе Тунгузовъ въ «Описаніи» *Георги* или у *Rauly*, *Les peuples de la Russie.*»

¹¹¹) Любопытно, что Герберштейнъ, со словъ русскаго дорожняка, тоже приводитъ извѣстіе о людяхъ на сѣверѣ Сибири, у которыхъ все тѣло поросло волосами. — Н. Л. Гондатти записалъ у Маньзовъ преданіе, что богъ Нуми задумавъ создать людей, сдѣлалъ сперва изъ лиственницы два бревна и оживилъ ихъ; явились мѣнквы, лѣшіе. Увидалъ Нуми, что сдѣлалъ не хорошо и сталъ вторично создавать людей — изъ лиственничной сердцевины. Эти первые люди были совершенно подобны теперешнимъ, только *мохнатые*. Они поѣли запрещенныхъ ягодъ (голубики) и отъ того потеряли

Четвертое извѣстіе сказанія уже кажется менѣе поддающимся объясненію. «Въ той же странѣ — иная самоѣдь: въ верху рта на тѣмени, а не говорятъ. А образъ (видѣніе) въ пошлину (по обычаю) человѣчь ¹¹²⁾. А коли ядятъ и они крошатъ мясо или рыбу, да кладутъ подъ колпакъ или подъ шапку. И какъ почнуть ясти, и они плечима движутъ въ верхъ и внизъ». Дѣло идетъ тоже о Самоѣдахъ и притомъ имѣющихъ вполнѣ человѣчскій образъ, за исключеніемъ того, что ротъ у нихъ на темени, и они не говорятъ. Последнее слѣдуетъ, вѣроятно, разумѣть въ томъ смыслѣ, что у нихъ «языкъ нѣмъ», т. е. что они говорятъ на непонятномъ языкѣ. Но какимъ образомъ объяснить существованіе рта на темени? Очевидно — не инымъ чѣмъ, какъ тоже особенностью костюма. Извѣстно, что одежда Самоѣдовъ шьется въ родѣ мѣшка съ отверстіемъ вверху для просовыванія головы и съ рукавами, къ которымъ пришиты рукавицы. Къ отверстію пришивается обыкновенно «тріушокъ» (треухъ), родъ башлыка, для покрытія головы, при чемъ этотъ тріушокъ, на верхней одеждѣ, паркѣ, дѣлается иногда изъ кожи головы оленя съ ушами. У Юраковъ отверстіе малицы, въ которое съ трудомъ пролѣзаетъ голова, имѣетъ воротникъ, а у верхняго платья, сокуя, къ отверстію пришита мѣховая шапка, плотно охватывающая голову. Въ томъ случаѣ, когда воротникъ кругомъ охватываетъ шею и стоячій, такъ что закрываетъ ротъ и даже часть носа, ѣсть въ такомъ костюмѣ не совсѣмъ удобно, и надо или отгибать воротникъ или поднимать ротъ кверху, чтобы класть въ него пищу. Можетъ быть подобный костюмъ съ жесткимъ воротникомъ, заставлявшимъ по необходимости загибать при ѣдѣ голову назадъ и класть пищу въ ротъ сверху, составлялъ особенно принадлежность одного какого-нибудь племени или рода, извѣстіе о которомъ, невѣрно понятое, и послужило поводомъ къ возникновенію, кажущагося невѣроятнымъ, разказа ¹¹³⁾.

свои волосы и стали голыми. Богъ разсердился, дунулъ на нихъ и они разсыпались. Послѣ того Нуми создалъ родоначальниковъ теперешнихъ людей — изъ тальника, обмазаннаго глиною. — Что касается до перечисленныхъ сортовъ товара, то всѣ они извѣстны и въ настоящее время. Пыжами называютъ шкурки съ маленькихъ оленятъ.

¹¹²⁾ Слово «пошльна» употреблено здѣсь въ значеніи обычая, обыкновенія, какъ это явствуетъ и изъ вариантовъ сказанія. Аналогичный смыслъ имѣетъ это слово въ слѣдующихъ примѣрахъ, заимствованныхъ изъ древнихъ памятниковъ: «Ино то обыскано (найдено), что то было учинилося ново, не пошльнѣ, а нынѣча не надобѣ». (Акты Арх. Эксп. I, 5); «Докончана (послы отъ Свѣйскаго короля) миръ вѣчный по старой пошльнѣ» (П. С. Р. Л. III, 73); «И онъ не пошльною пріѣхалъ въ Псковъ: священники противъ его (на встрѣчу) съ кресты не ходили». (Ист. Гос. Рос. VII, Прим. стр. 94). См. «Словарь Церк.-Слав. и Русск. яз.», сост. II Отд. Ак. Н. 2-ое изд. 1867 и «Толковый словарь» Даля.

¹¹³⁾ Иславинъ, описывая ѣду Самоѣдовъ, говоритъ, что они «берутъ куски сыраго оленьяго мяса, обмакиваютъ ихъ въ горячую кровь и около самага рта вверху къ носу отрѣзываютъ куски ножемъ». (При этомъ, очевидно, ротъ долженъ быть поднятъ кверху, иначе кровь будетъ стекать мимо). Гондатти записалъ преданіе Маньзовъ о мѣнквахъ, лѣшихъ, которые отличаются большимъ ростомъ, острою головою и тѣмъ, что у нихъ между грудью и шеей воткнутъ гвоздь, подпирающій голову, такъ что они

Слѣдующее извѣстіе сказанія представляется еще болѣе баснословнымъ. «Въ той же странѣ есть иная самоѣдь, якоже и прочіи человѣци. Но зими умирають на два мѣсяца. Умирають же тако: какъ гдѣ котораго застанеть въ тѣмъ мѣсяци, тотъ тамъ и сядеть, а у него изъ носа вода изойдетъ, какъ отъ потока, да примерзнетъ къ земли; и кто человѣкъ иные земли невѣданіемъ потокъ той отразитъ у него и сопхнетъ съ мѣста, и онъ умретъ, то уже не оживетъ, а не сопхнетъ съ мѣста, той оживетъ, и познаетъ и речетъ ему, о чемъ мя еси друже поуродовалъ. А иные (вар. И паки) оживаютъ, какъ солнце на мѣсто вернется; тако на всякій годъ оживаютъ и умирають». Дѣло идетъ о людяхъ, умирающихъ или засыпающихъ на зиму или на два мѣсяца. Разказы о подобныхъ людяхъ были распространены, повидимому, съ давнихъ поръ. Уже Геродотъ говоритъ о счастливыхъ Гипербореяхъ, живущихъ въ странѣ, гдѣ полгода царствуетъ ночь. Въ Россіи разказы о временно умирающихъ людяхъ на сѣверѣ извѣстны въ нѣсколькихъ вариантахъ отъ XVI и XVII вѣка. Герберштейнъ приводит одинъ изъ нихъ, заимствованный изъ какого-то русскаго дорожника (iteperagium). «Сказываютъ, говоритъ онъ, что съ людьми Лукоморья (по ту сторону Оби, въ горахъ) происходитъ нѣчто удивительное и невѣроятное, весьма похожее на басню: по слухамъ, они каждый годъ умирають, именно 27 ноября, когда у Русскихъ празднуется память св. Георгія,— и потомъ оживаютъ, какъ лягушки, на слѣдующую весну, большею частью около 24 апрѣля». Подобные же разказы встрѣчаются въ русскихъ космографіяхъ XVII в. Поповъ напечаталъ одинъ изъ нихъ, помѣщенный въ статьѣ «о Сибирскомъ царствѣ», въ сокращенной «Космографіи», по списку хронографа 1696 г. Космографія эта «переведена съ римскаго языка», но въ ней имѣются вставки переводчика, къ числу которыхъ относится и вставка о Сибири. Между прочимъ, въ статьѣ говорится: «Въ зимнее жъ время въ странахъ Сибирскія земли во многихъ мѣстахъ мраза ради и тяжкихъ воздуховъ никто же обитати и жительствовати можетъ въ то время, но бывають пусты и бесчеловѣчны. Глаголють же нѣцыи, яко за тою рекою Обью великою подъ самой сѣверъ есть человѣци дикіе безгласни, точию рычатъ и шипятъ, зимою же, егда мразы настануть, человѣцы же (тѣ) пускають отъ ноздрей своихъ сморгъ или соплю, и егда сѣи замерзнуть, тогда стоятъ ови яко о древесяхъ, къ веснѣ же сѣи сопли растаивають, человѣцы же паки оживаютъ, егда же кто сѣихъ соплю преложитъ, таковіи уже не оживаютъ, но невѣмъ о сѣихъ аще истинна суть»¹¹⁴). Въ концѣ XVII в. такіе разказы возбуждали, слѣдовательно, уже сомнѣнія, но тѣмъ не менѣе все таки, по старой памяти, приводились въ описаніяхъ Сибирской земли. Что разказы о сибирской стужѣ могли

не могутъ смотрѣть внизъ, а только впередъ или вверхъ. Такія существа, если они ѣдятъ, должны, конечно, класть пищу въ ротъ сверху. — Въ «Сказаніи о Индѣйскомъ царствѣ» упоминаются, впрочемъ, также «иные люди вверхъ рты ихъ», см. «Лѣтопися Русск. Литературы», изд. Тихонравовымъ, 1859, кн. IV, стр. 101.

¹¹⁴) А. Поповъ. Изборникъ, стр. 529.

вызвать преувеличенныя представленія объ ея вліяніи на человѣка, это не удивительно, въ особенности если принять въ соображеніе, что на далекомъ сѣверѣ зима сопровождается еще ночью, продолжающеюся, смотря по географической широтѣ, отъ нѣсколькихъ дней до нѣсколькихъ мѣсяцевъ ¹¹⁵⁾. Уже Олеарій, путешественникъ 1-й половины XVII в., пытался объяснить басню о сѣверныхъ жителяхъ, умирающихъ на зиму, особенностями ихъ жизни, именно тѣмъ, что зимою, во время долго продолжающихся сумерекъ и ночи, они скрываются, будто бы, въ своихъ «низкихъ, на половину скрытыхъ въ землѣ, но сверху округленныхъ и заостренныхъ жилищахъ», которыя заносятся тогда настолько снѣгомъ, вышиною въ ростъ двухъ человѣкъ и болѣе, что нельзя ни войти, ни выйти. Самоѣды сидятъ тогда въ своихъ жилищахъ, освѣщая ихъ рыбьимъ жиромъ, а для сообщенія между собою они продѣлываютъ подъ снѣгомъ ходы отъ одного жилища до другаго ¹¹⁶⁾. Толкованіе это, интересное какъ одна изъ первыхъ попытокъ объяснить реальными фактами баснословное извѣстіе, не можетъ, конечно, считаться удовлетворительнымъ, во-первыхъ потому, что подобное прокапываніе ходовъ подъ снѣгомъ не практикуется (притомъ трудно исполнимо, да и снѣгу за Ураломъ выпадаетъ меньше, чѣмъ въ Европейской Россіи), а во вторыхъ — оно совершенно не объясняетъ другія подробности разсказа, въ которомъ говорится

¹¹⁵⁾ *Замысловскій*, I. с. стр. 420, замѣчаетъ по поводу вышеприведеннаго извѣстія Герберштейна: «можетъ быть, сложившаяся въ эпоху глубокой древности легенда объ умирающихъ на зимніе мѣсяцы людяхъ, обитателей крайняго сѣвера, испытывала такія же странствованія, какъ и нѣкоторыя другія баснословныя преданія, переносилась съ юга на сѣверъ и на азиатскій востокъ все далѣе и далѣе, по мѣрѣ того, какъ расширялась область міра извѣстнаго». — Олеарій полагалъ, что Самоѣды были извѣстны древнимъ подъ именемъ Гипербореевъ и Abii Scythae (Quint. Curtius, lib. 7) — можетъ быть отъ Abi или Obi (Обь). Все это однако — только сомнительныя догадки.

¹¹⁶⁾ *Olearius*, 1647. S. 188 «Sie (Samojeden) wohnen in kleinen niedrigen und halb in die Erde gebaweten Hütten, welche oben rund und spitz zulauffen, in derer mitten ist ein Loch, als in einem Schorstein hinausz heführet, durch welche Sie zur Winterzeit steigen; dann ihre Häuser werden gantz mit Schnee, welcher über 2 Mann und höher fallen sol, bedeckt, dasz sonst niemand weder ausz, noch ein kan. Sie haben aber unter den Schnee ihre Gänge gemachet, durch welche Sie ein zu dem andern gehen. Weil sie umb dieselbe Zeit fast ein halb Jahr keine Sonne und Tag, sondern continuirliche Nacht haben und ausser den Häusern nicht viel beginnen können, kömpts ihnen desto erträglicher vor. Sie brennen in Lampen das Fett oder Thran von Fischen, darbey sie sehen, und sich so lange behelffen bis die Sonne sich über die Aequinoctial Linie in die mitternächtige Zeichen erhebt, und sich nach dem Tropico Cancri machet, so gehet dann die Schnee auch himveg, dasz sie wieder hervor auff's Land kommen, wandeln und gegen den Winter wieder einsamlen können. Hierausz erkennet man nun was jener per errorem von den mitternächtigen Völckern geschrieben hat, dasz nemblich unter denselben eine Nation gefunden wurde, welche nach art der Schwalben ein halb Jahr, nemblich zur Winterzeit todt lägen, den Sommer aber wieder aufflebeten, und wandelten». — Хотя Олеарій и бесѣдовалъ въ Москвѣ съ двумя Самоѣдами, однако не зналъ, повидимому, что они живутъ въ чумахъ. Между тѣмъ Джонсонъ уже въ 1556 г. писалъ: «Their tents are rounde and are called Chome in their language».

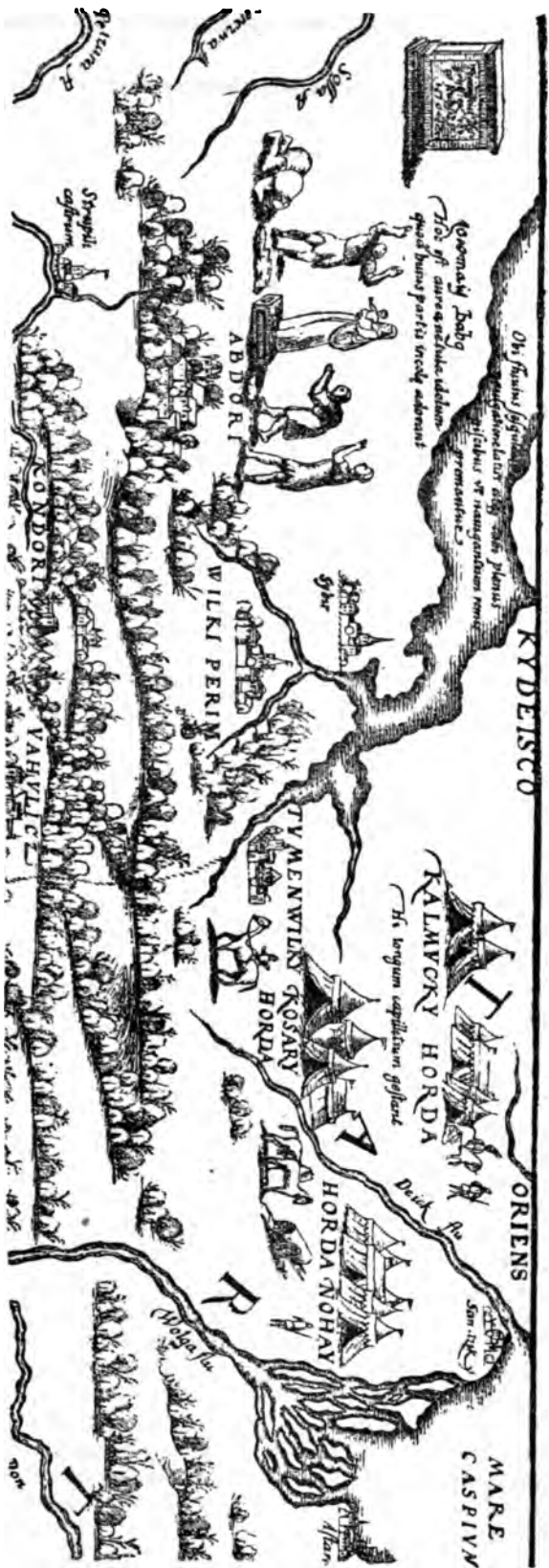

РИС. VII.

ЧАСТЬ КАРТЫ

АНТОНЬ ВИДА (XVI в.).

Видны страны: Кандори, Абдори, Вилки Перим, города Сibir и Тюмен и Обская губа. Карта ориентирована так, что север находится влево, а восток вверху. Между Обью и р. Дабик (Рикомъ) показаны Калмыцкая орда и Косая орда; между Волгой и Рикомъ — орда Ногай. Вь страны Абдори изображена Золотая Баба, съ ребенкомъ на рукахъ, и поклоняющіеся ей туземцы.

о людяхъ засыпающихъ или умирающихъ на поверхности земли, «какъ гдѣ котораго застанетъ» и которые (по объясненію русскаго космографа XVII в.) «стоятъ яко о древесяхъ». Можно полагать скорѣе, что возникновеніе такого представленія было вызвано видомъ человѣкообразныхъ идоловъ, которые, по многимъ стариннымъ извѣстіямъ, существовали въ Самоѣдской землѣ.

Первое извѣстіе о такихъ идолахъ мы встрѣчаемъ у польскаго писателя Матвѣя Мѣховскаго (1517), который (въ своемъ сочиненіи о Сарматіяхъ), говоритъ, что за Вятской землей, въ Скиѣи, находится большой идолъ Золотая Баба, въ видѣ старухи, которая, при вопрошаніи ея, издаетъ звуки, и которой поклоняются окрестные народы, принося ей въ жертву мѣха убиваемыхъ ими звѣрей¹¹⁷⁾. Позже эта же «Золотая Баба» является на картѣ Ант. Вида (Wied; изд. въ 1555, но составленной между 1537 и 1544 гг.), именно въ странѣ Abdogi, въ видѣ статуи женщины, съ ребенкомъ на рукахъ, передъ которой изображены молящіяся и приносящія ей въ жертву звѣринныя шкуры — четыре дикаря¹¹⁸⁾. Далѣе, ту же «Золотую Бабу» мы находимъ на картѣ Герберштейна (1549), гдѣ она помѣщена около устья Оби и представлена въ видѣ женской фигуры, въ парадномъ (западномъ) костюмѣ того времени, съ копьемъ въ рукѣ, хотя въ текстѣ приводится разсказъ (подвергаемый впрочемъ, сомнѣнію), что эта золотая старуха изображена съ ребенкомъ, и даже съ двумя, однимъ побольше, котораго считаютъ ея сыномъ, и другимъ, младенцемъ, — ея внукомъ¹¹⁹⁾. Такое изображеніе «Золотой Бабы», съ двумя дѣтьми,

¹¹⁷⁾ Michow. Die ältesten Karten von Russland. Hamb. 1884. S. 40 — 41. Здѣсь приведены всѣ извѣстія о Золотой бабѣ западныхъ писателей. Матвѣй Мѣховскій сообщаетъ о ней такъ: «Accipiat (scil. lector) quod post terram Viathka nuncupatam in Scythiam penetrando, jacet magnum idolum Zlota baba, quod interpretatum sonat, aurea anus seu vetula, quod gentes vicinae colunt et venerant, nec aliquis in proximo gradiens aut feras agitando et in venatione sectando vacuus et sine oblatione pertransit; quin imo si munus nobile deest, pellem aut saltem de veste extractum pilum in offertorium idolo projicit et inclinando se cum reverentia pertransit».

¹¹⁸⁾ На картѣ Вида Abdogi помѣщены къ востоку отъ Печоры и Сосвы, близъ устья Оби. Надъ изображеніемъ статуи съ ребенкомъ стоитъ надпись: «Золотая Баба (русскими буквами), hoc est aurea vetula idolum quod hujus partis incolae adorant». — У П. Ювія (Libellus de legatione Basilii magni etc. 1537) объ этомъ идолѣ не упоминается а говорится только, что «Permii et Pecerri paulo ante aetatem nostram more gentilium Idolis sacrificabant». На картѣ Московіи въ Космографіи Себ. Мюнстера (1544), названіе Abdogi также имѣется, къ сѣверу отъ города Sybir, но къ названію этому прибавлено «Abtgöter». Золотой бабы здѣсь однако не показано, а представленъ столбъ, со изображеніемъ какого-то рогатаго животнаго на верху и стоящій передъ этимъ столбомъ на колѣняхъ человѣкъ.

¹¹⁹⁾ Herberstein: «Sлата Baba, id est Aurea anus, idolum est, ab Obi ostia, in provincia Obdora, in ulteriori ripa situm. Narrant, seu, ut verius dicam, fabulantur, hoc idolum Auream anum, statuam esse, in formam cujusdam anus, quae filium in gremio teneat; atque ibi jam denuo alterum cerni infantem, quem ejus nepotem esse ajunt. Praeterea instrumenta quaedam ibi posuisse, quae perpetuum sonum in modum tubarum edant. Quod si ita est, equidem ventorum vehementi et perpetuo in ea instru-

отрокомъ и младенцемъ и съ двумя, стоящими передъ ней на колѣнахъ людьми, находится на картѣ Дженкинсона (1562), гдѣ оно помѣщено между «Joughoria» и «Molgomzaia», причемъ въ надписи къ этому мѣсту пояснено, что баба эта — старуха и почитается Обдорянами и Югричами, которые

РИС. VIII.

Часть карты Герберштейна (изд. 1556 г.), съ изображеніемъ Урала (Montes dicti Cingulus Terrae) и рѣки Оби, вытекающей изъ Kithay lacus. Между Ураломъ и Обью, на сѣверѣ, показана Slata Baba, въ западно-европейскомъ костюмѣ богатой дамы съ копьемъ въ рукѣ.

обращаются къ ней, чрезъ посредство жреца, за совѣтами, какъ къ оракулу¹²⁰). Болѣе подробныя свѣдѣнія о «Золотой Бабѣ» приведены у Александра Гваньино (1580) и Петрея де Эрлезунда (1620). Гваньино

menta flatu fieri puto.»— На картахъ къ различнымъ изданіямъ Комментарій Герберштейна «Золотая баба» изображена неодинаково: различіе замѣчается въ костюмѣ и головномъ уборѣ, хотя костюмъ этотъ всегда западноевропейскій, и «баба» представлена всегда съ копьемъ. — Изображенія «бабы» нѣтъ только на картѣ, приложенной къ итальянскому переводу Герберштейна и составленной Giacomo Gastaldo, Piemontese, Costographe in Venezia, 1550. Карта эта, отличающаяся отъ прочихъ Герберштейновскихъ болышею полнотою, замѣчательна еще и тѣмъ, что на ней нанесены градусы широты и долготы, чего на другихъ картахъ не имѣется. Facsimile ея приведено Норденшильдомъ (Die Umseglung, II, 162, № 10).

¹²⁰ На картѣ Дженкинсона (у Ортелиа) изображеніе «Золотой бабы» имѣетъ слѣдующую надпись: «Zlata Baba, id est aurea vetula ab Obdorianis et Iougorianis religiose colitur. Idolum hoc sacerdos consulit, quid ipsis faciendum, quove sit migrandum, ipsumque (dictu mirum) certa consulentibus dat responsa, certique eventus consequuntur».

разсказываетъ, что баба эта, съ двумя дѣтьми, высѣчена изъ камня, что ей поклоняются Обдоряне, Югричи, Вогуличи и другіе сосѣдніе народы, которые приносятъ ей соболіныя и другіе мѣха, а также жертвуютъ отборныхъ оленей, причемъ мажутъ ей кровью лице и другія части тѣла¹²¹). Петрей сообщаетъ, что «Золотая Баба» имѣла внутри пустоту (ist holl und ausgegraben), что она стояла на берегу Оби, и что она издавала звукъ, въ родѣ трубнаго, когда жрецы совершали передъ ней моленія, что ей приносили въ жертву черныхъ соболей и куницъ, а также убивали дикихъ звѣрей и мазали кровью ихъ ея ротъ и глаза. Жрецы спрашивали ея о будущемъ и она давала отвѣты, подобно Дельфійскому оракулу¹²²). Но уже Флетчеръ признаетъ весь этотъ разсказъ о Золотой бабѣ баснею, хотя замѣчаетъ, что въ Обдоріи, на берегу моря, близъ устья Оби, есть одна скала, которая (при нѣкоторой помощи воображенія) можетъ казаться имѣющею видъ женщины въ лохмотьяхъ, съ ребенкомъ на рукахъ (какъ одна скала у Нордъ-капа форму Френ). Мѣсто это, — продолжаетъ Флетчеръ, — часто посѣщается Обдорскими Самоѣдами изъ за удобствъ рыбной ловли, причемъ они (по ихъ обычаю) производятъ здѣсь иногда свои колдовства и гаданія — о перекочевкахъ, удачной охотѣ или рыбной ловлѣ и тому подобномъ¹²³).

О существованіи такихъ священныхъ скалъ у Самоѣдовъ говорятъ и новѣйшіе изслѣдователи; такъ, Иславинъ упоминаетъ о камнѣ *Нъве-хэге* т. е. «мать болвановъ» и *Ню-хэге* — «сынъ-истуканъ», маленькій утесъ, оба на Вайгачѣ, — о *Минисель*, возвышеніи у Уральскаго хребта и др. Онъ же записалъ преданіе, что на Вайгачѣ, до пришествія Самоѣдовъ ничего не было, но что вскорѣ потомъ явился на берегу моря утесъ, который все болѣе и болѣе росъ и наконецъ образовался на подобіе человѣка. Пораженные такимъ чудомъ, Самоѣды стали вѣровать въ его содѣйствіе при болѣзняхъ и промыслахъ и приносить ему въ жертву оленей. Герберштейнъ, со словъ русскаго посла Гр. Истома, сообщаетъ о священныхъ утесахъ на бере-

¹²¹) Гваньино прибавляетъ еще: «Dicuntur etiam in montibus, vicinis huic Idolo, Cannitus boatusque quidam audiri, qui perpetuam sonitum, in modum clangoris tubarum edunt. Hoc autem nihil aliud esse existimo, nisi instrumenta quaedam illic antiquitus posita, vel canales subterraneos, sic natura ipsa effectos, ut ventorum perpetuo flatu, sonum boatumque et clangorem continuum efficiant».

¹²²) P. Petrejus de Erlesunda, «Historien und Bericht von dem Grossfürstenthumb Muschkow» L. 1620 p. 87 — 88.

¹²³) «As for the story of Slatá Baba, or the Golden hagge (wbich I haue read in some mappes, and descriptions of these countries, to be an idole after the forme of an olde woman) trat being demanded by the Priest, giueth them certaine Oracles, concerning the successe, and euent of things, I found it to be a very fable. Onely in the prouince of Obdoria vpon the sea side, neare to the mouth of the great riuer Obba, there is a rocke, which naturally (being somewhat helped by imagination), may seeme to beare the shape of a ragged woman, with a child in her armes (as the rocke by the North Cape the shape of a Frier) where the Obdorian Samoites vse much to resort, by reason of the place for fishing; and their sometime (as their manner is) conceiue, and practise their sorceries, and ominous coniecturings about the good or bad speede of their iourneies, fishings, huntings, and such like» Flecher, въ Hacluyt's Collection I. 533.

гахъ Лапландіи, которымъ проѣзжавшіе мимо нихъ моряки считали обя-

рис. IX.
Самоѣдскій идолъ на островѣ Вайгачѣ.
Копія съ рисунка Мартиньера,
въ изданіи 1676 г.

занностью принести нѣкоторую жертву (щепотку муки и т. п.).— Что касается человѣкообразныхъ идоловъ, то мы встрѣчаемъ описанія о нихъ у нѣсколькихъ иностранныхъ путешественниковъ XVII вѣка, которые не упоминаютъ, правда, о «Золотой Бабѣ», но говорятъ о многихъ деревянныхъ идолахъ, служившихъ предметомъ поклоненія и лица которыхъ вымазывались кровью ¹²⁴). Самое раннее извѣстіе имѣемъ мы, кажется, въ отчетѣ объ экспедиціи къ устью Оби Ст. Борро, (Burgough) 1556 года. «3-го августа, пишетъ онъ, высадились мы съ Лошекомъ (Loshak, можетъ

быть Ложкинъ, какой-то русскій промышленникъ, встрѣтившійся въ морѣ съ англійскимъ судномъ, и оказавшій содѣйствіе экспедиціи своими указаніями) — на одинъ островъ (повидимому — одинъ изъ небольшихъ остро-

¹²⁴) Въ пользу возможности существованія «Золотой бабы», т. е. идола съ позолоченнымъ лицомъ или съ какими нибудь золотыми украшеніями, говоритъ тотъ фактъ, что уже древнія норвежскія саги упоминаютъ о богатствѣ Біармьи золотомъ и о существованіи тамъ богато украшеннаго идола Юмалы. Позже, у Русскихъ Закамская сторона славилась своимъ серебромъ, которое было, повидимому, не мѣстное, а привозное. Такъ можно заключать, во-первыхъ, по малой культурѣ Приуральскихъ инородцевъ, которые едва ли могли искусно обдѣлывать металлы, а во вторыхъ — по находкамъ въ Приуральскомъ краѣ многихъ серебряныхъ издѣлій (особенно — блюды восточнаго происхожденія и Сассанидской эпохи). Эти блюда, вѣроятно, приобрѣтались въ обмѣнъ на цѣнные мѣха и служили для религиозныхъ цѣлей, судя по тому, что еще недавно, въ отдаленныхъ мѣстахъ, въ особыхъ сараяхъ, посвященныхъ главнымъ богамъ, хранились у Остяковъ десятки пудовъ стараго серебра въ издѣліяхъ, при чемъ запасами этими можно было, въ крайнихъ случаяхъ, пользоваться заимообразно. Подобныя серебряныя издѣлія для той же цѣли приобрѣтаются инородцами иногда и теперь отъ Русскихъ. По словамъ Кушелевскаго, «были случаи, что русскіе промышленники, изъ корыстолюбивыхъ своихъ видовъ, нарочно заказывали для идоловъ серебряныя короны и, привозя ихъ въ Обдорскъ, тайно продавали инородцамъ за большія деньги». По его же словамъ, на р. Большой Хоровѣ, впадающей въ р. Обь, находится идолъ — Ортикъ; у него человѣческая голова съ металлическимъ лицомъ. «При живыхъ жертвахъ у идола ставятся маленькія металлическія тарелочки въ $1\frac{1}{2}$ вершка въ діаметрѣ и на эти тарелочки наливаютъ кровь изъ сердца того животнаго, которое было обречено ими въ жертву». По словамъ Гондатти, тарелочки эти бывають серебряныя и употребляются еще и для другой цѣли, именно ставятся передъ жилищемъ, во время призванія ночью шаманомъ «Мір-сусне-хума» (бога завѣдующаго людьми, младшаго сына главнаго бога «Нума торума») для того, чтобы конь этого бога могъ стоять не на голой землѣ или снѣгу. Приобрѣтаются эти тарелочки, болѣею частью также отъ Русскихъ, напр. тарелочки, употребляемыя для просфоръ.

вовъ около Вайгача), гдѣ Лошекъ показалъ мнѣ кучу самоѣдскихъ идо-
ловъ, числомъ около 300. Они были самой грубой и плохой работы; у
многихъ глаза и ротъ были вымазаны кровью. Они представляли муж-
чинъ, женщинъ и дѣтей, и то, что у нихъ было выдѣлано изъ другихъ
частей тѣла, также было вымазано кровью. Нѣкоторые идолы имѣли
видъ просто палокъ или кольевъ, съ двумя — тремя нарѣзками на нихъ,
сдѣланными ножемъ... Здѣсь валялись также сломанныя сани и оленье
шкура, исколеванная птицами. Передъ нѣкоторыми идолами стояли дере-
вянные обрубки, достигавшіе высоты ихъ рта и всѣ въ крови; я полагаю,
что это были жертвенники, на которыхъ приносились жертвы. Я видѣлъ

*Samoiedarum, trabis a rangiferis protractis in hidentinum;
Nec non Idolorum ab iisdem cultorum effigies*

рис. X.

Самоѣдъ, ѣдущій на оленяхъ мимо священнаго мѣста, уставленнаго деревянными идолами и оленьими рогами. Со старинной голландской гравюры, приведенной въ «Путешествіи» Норденшильда,

также приборъ, на которомъ жарили мясо, и, насколько я могъ понять, огонь разводился прямо подъ вертеломъ»¹²⁵). Норденшильдъ приводитъ копію съ одной старинной голландской гравюры, изображающей Самоѣда,

¹²⁵) «The navigation and discouerie toward the riuer of Ob, made by Master Steuen Burrough, Master of the Pinnesse called the Serchthrift, with diuers things worth the noting, passed in the yere 1556», въ *Hakluyt's Collection*, I. p. 313: «Munday we weyed and went roome with another Island... and there I met againe with Loshak, and went on shore with him, and hee brought me to a heap of the Samoeds idols, which were in number aboue 300», the worst and the most vnartificiall worke that euer I saw: the eyes and mouthes of sundrie of them were bloodie, they had the shape of men, women and children, very grosly wrought, and that which they had made for other parts, was also sprinckled with blood. Some of their idols were an olde sticke with two or three notches, made with a knife in it. Before certaine of their idols blocks were made as high as their mouthes, being all bloody. I thought that to be the table wheron they offered their sacrifice» etc. Далѣе Борро сообщаетъ, что по словамъ Лошека — эти Самоѣды не такъ дики какъ живущіе по Оби.

ѣдущаго въ запряженной оленями нартѣ, мимо десятковъ идоловъ, поставленныхъ на пригоркѣ и представляющихъ грубое подобіе человѣка. Мартиньеръ, путешествовавшій къ сѣвернымъ берегамъ Россіи въ 1647 г., рассказываетъ, что на Новой Землѣ (повидимому — Вайгачѣ) онъ видѣлъ «обрубленные древесные стволы, на которыхъ грубымъ рельефомъ была выдѣла на фигура человѣка, и передъ которыми преклонялись дикари». Въ описаніи его путешествія приведено изображеніе такого идола съ двумя молящимися передъ нимъ дикарями, а въ текстѣ прибавлено еще, что, по словамъ Русскихъ, въ идоловъ этихъ входитъ дьяволъ и произноситъ свои предсказанія. ¹²⁶⁾

Изъ русскихъ писателей едвали не наиболѣе раннія извѣстія объ идолахъ Приобскихъ инородцевъ мы находимъ у Новицкаго, составившаго въ 1715 году «Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ». Онъ говоритъ, что Остяки обвиваютъ своихъ идоловъ холстомъ, сукномъ, шкурами, отъ чего идолы эти «только сими странными рублицы утолстѣваютъ, яко въ пятидесяти аршинъ толщиною бывають; древа же самага изсѣченнаго не вяще поларшина; весь же разшыренъ искони приношеніемъ тѣхъ утварей, ими же повивають». Новицкій самъ видѣлъ многихъ остяцкихъ идоловъ, помогая преосв. Филоею въ ихъ истребленіи и въ крещеніи инородцевъ. «Такъ, — говоритъ онъ, — обрѣтохомъ въ Шоркоровскихъ юртахъ кумира единого; въ средѣ полѣнцѣ отъ пятидесяти лѣтъ прикладными обвитое сукнами, а на веру съ жести изваянная личина, мало что бѣше подобіе человѣка». Подобные же идолы, одѣтые въ сукно или «холстины» изъ шелковой матеріи или изъ парчи съ позументомъ, встрѣчаются, по словамъ Кушелевскаго, еще и теперь у Обдорскихъ Самоѣдовъ, а равно мѣстами и у Остяковъ». Разъ, — говоритъ онъ, — случилось мнѣ видѣть у Остяковъ въ Эндерскихъ юртахъ идола, одѣтаго въ старыи засѣдательскій мундиръ и при шпагѣ. Всѣ приклады идола надѣваются на него такъ, чтобы онъ не терялъ человѣческой фигуры, и оттого идолы эти годъ отъ года становятся толще. «Въ Шорковыхъ юртахъ, — по словамъ Новицкаго, — бѣ кумиръ изсѣченъ отъ древа на подобіе человѣче, сребренъ, имѣющъ лице: сей дѣйствіемъ сатанинымъ проглагола бездушный и предвозвѣсти надходящее себѣ близъ разореніе отъ десницы проповѣдника и учителя, моляше ревнителѣй и служителей своихъ, дабы восхотѣли поревновать древнему отцу своихъ зловѣрїю и крѣпко противостать проповѣди». Изъ этого извѣстія можно заключить, что у Остяковъ были идолы, которые говорили, въ родѣ того, какъ это передавалось ранѣе о Золотой бабѣ. Близъ Пельма, читаемъ еще у Новицкаго, «бѣ кумирня, въ ней же обрѣтохомъ пять идоловъ деревянныхъ, въ подобіе человѣческое изсѣченныхъ,

¹²⁶⁾ *De la Martinière, Voyage des pays septentrionaux. 2-e edition. P. 1676, p. 251 — 253.* «Nous rencontrasmes sur des butes des arbres coupez, entaillez en forme d'Homme, de sculpture en bosse, fort grossierement faites, devant une desquelles statués, à environ une lieuë nous apperceûmes deux de ces Sauvages à genoux... Dans pareille Idole le Diable se met, rendant les oracles, à ce que nous dit nostre patron (russe)».

обложенны рубищами»; передъ ними «особь предъ каждымъ въ сосудехъ берестеныхъ кости положены.»¹²⁷⁾

Остяцкіе идолы находились въ кумирняхъ, но у Самоѣдовъ — подобныя же идолы стояли подъ открытымъ небомъ. По словамъ Иславина, кромѣ домашнихъ болванчиковъ, у Самоѣдовъ есть еще одинъ родъ истукановъ, которыхъ они сами отесываютъ изъ какого-нибудь деревяннаго чурбана, на подобіе человѣка, и ставятъ на возвышенныхъ мѣстахъ по тундрѣ и въ лѣсахъ и также намазываютъ имъ губы кровью, ихъ они называютъ *сядеи*. . . . Древнѣйшій и знаменитѣйшій Самоѣдскій идолъ находился на островѣ Вайгачѣ, на большомъ утесѣ, и назывался *Усако* (старикъ). Онъ былъ семиличный (?), деревянный, отесанъ съ трехъ сторонъ, и въ 1827 г. сожженъ миссіонерами и съ нимъ 420 тутъ же находившихся деревянныхъ истукановъ, со множествомъ привѣсокъ, разноцвѣтныхъ суконныхъ лоскутковъ, ушей отъ мѣдныхъ котловъ, пуговицъ и другихъ украшеній. Кромѣ того сокрушено еще было на Вайгачѣ 20 каменныхъ идоловъ.» Верстахъ въ 20 отъ Мезени въ Кузминѣ-перелѣскѣ, миссіонеры сожгли также множество деревянныхъ истукановъ.¹²⁸⁾ У Маньзовъ, по словамъ Гондатти, идолы дѣлаются теперь изъ дерева, изъ металла и очень рѣдко изъ кости; «идолы общественныя, преимущественно, вырѣзаются въ деревьяхъ, продолжающихъ еще расти.» Рѣдко идолы эти представляютъ просто шесты, вбитыя въ землю и увѣшанныя на верху лоскутками, шкурками, блестящими бездѣлушками и тому подобными предметами. Шесты эти, изъ которыхъ средній самый высокій, посвящены какимъ-нибудь богамъ; кругомъ валяются кости, остатки трапезы, маленькія лопаточки, которыми ѣдятъ и т. д.» «У Самоѣдовъ и Юраковъ, — говоритъ Третьяковъ, — въ прежнія времена дѣлались статуи изъ лиственницы, стоящей на корнѣ; на верхнемъ концѣ вырѣзывалось подобіе человѣческаго лица, обращеннаго къ западу. Чаще всего ставился простой колъ съ заостреннымъ верхомъ и двумя или тремя зарубками; такія статуи у Юраковъ назывались *сядый*.»¹²⁹⁾ Можно думать, что такіе и подобныя имъ человѣкообразныя идолы, стоявшіе «яко о древегахъ», или одѣтые

¹²⁷⁾ «Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ», соч. *Гр. Новицкиль* въ 1715 г. изд. Майковъ. Спб. 1884 г. — «Старикъ Обскій, — говорится здѣсь, — имѣюще скверное свое хранилище на усть Иртыша недалече Самарова града. Бысть же сей по ихъ зловѣрью богъ рыбъ, изображенъ безстуднѣ: дска нѣкая, носъ аки труба жестяны, очеса стеклянны, роги на главѣ малые, покрыты различными рубишы, сверхъ одѣянъ червленою одеждою съ золотою грудью. Оружіе — лукъ, стрѣлы, копіе, панцеры и иная около его бяху положенна». На Кондѣ, въ Нахрачеевыхъ юртахъ, былъ также кумиръ, «изсѣченъ изъ древа, одѣянъ одеждою зеленою, злообразное лице бѣлымъ желѣзомъ обложено, на главѣ его лилица черная положена; жилище все, наипаче же сѣдалнице сего украшенно сукномъ червленнымъ; поставленъ же высочае прочихъ; иные же ниже около предстоятъ меншіи кумиры, ихъ же глаголють быти служителей настоящаго кумира».

¹²⁸⁾ *Иславинъ*, стр. 316 — 319.

¹²⁹⁾ *Третьяковъ*, стр. 225.

въ костюмъ, и могли, особенно зимою, когда они стояли обледенѣлые и покрытые снѣгомъ,—вызвать представленіе, что это замерзшіе люди, чему могли способствовать и невѣрно понятыя рассказы туземцевъ, напримѣръ, что эти идолы—ихъ предки и родичи. Извѣстно, что многія изображенія или даже только грубыя подобія людей, какъ напримѣръ причудливой формы скалы, стоячіе камни или столбы каменной соли (на берегу Мертваго моря), подавали поводъ къ возникновенію разнообразныхъ легендъ, въ которыхъ эти естественные продукты неорганической природы выставались окаменѣлыми людьми. Что же касается до возникновенія извѣстій о дивныхъ народахъ на основаніи слуховъ объ идолахъ, то можно указать на шестирукихъ людей, живущихъ будто бы, въ Индіи, средневѣковое представленіе о которыхъ, очевидно, возникло, на основаніи непонятыхъ рассказовъ объ Индійскихъ многорукихъ и человѣкообразныхъ идолахъ.

До сихъ поръ составитель сказанія говорилъ только о странѣ и народахъ въ нижней области Оби, прилегающей къ Ледовитому морю; слѣдующія извѣстія относятся уже къ другимъ областямъ, лежащимъ «вверху Оби рѣки великія». Верхъ здѣсь считается, вѣроятно, отъ страны Югровъ, хотя можетъ относиться какъ къ верховьямъ Оби, такъ и Иртыша, о которомъ въ сказаніи не упоминается. Первое извѣстіе объ этихъ областяхъ «въ верху Оби», касается какой-то земли Баидъ (или Байдъ). «Въ той же странѣ, въ верху Оби рѣки великія, есть земля, Баидъ именуется. Лѣса на ней нѣтъ, а люди какъ и прочіи человѣци; живутъ въ земли, а едятъ мясо соболей, а иного у нихъ никотораго звѣря нѣтъ опрочѣ соболей. А носятъ платье все соболей, и рукавицы, и ногавицы, а иного платья у нихъ нѣтъ, ни товару никотораго. А соболей жъ у нихъ черны вельми и велики; шерсть живаго соболя по земли ся волочить.» Въ спискѣ Синодальной Библіотеки положеніе этой страны поясняется еще такъ: «въ верху Оби рѣки великія, поперекъ ея ѣхати денми лѣтнии», что слѣдуетъ понимать, повидимому, такъ, что попасть туда можно было только лѣтомъ, плывя вверху по теченію ¹³⁰). Люди, описываемые въ этомъ извѣстіи, ничѣмъ, повидимому, отъ прочихъ людей не отличаются, кромѣ того, что носятъ платье изъ однихъ соболей, ѣдятъ соболиное мясо и живутъ въ землѣ, т. е. въ землянкахъ. Страна эта, слѣдовательно, богата соболями, которые отличаются здѣсь особенною добротою мѣха, пушистаго и чернаго. Такому богатству соболями противорѣчитъ однако извѣстіе, что въ странѣ нѣтъ лѣса: соболей, какъ извѣстно, звѣрь лѣсной и кормится бѣлкой и другими лѣсными животными. Очевидно, отсутствіе лѣса надо понимать не въ томъ смыслѣ, чтобы тамъ лѣса совсѣмъ не было, а, вѣроятно, такъ, что лѣсъ этотъ отличался отъ сѣверной сплошной тайги, былъ смѣшаннымъ изъ лиственныхъ и хвойныхъ деревьевъ и росъ въ горахъ. (Или составитель статьи смѣшалъ

¹³⁰) Рѣкѣ Оби придавалась прежде громадная ширина. Въ Космографіи («Изборникъ» А. Попова, стр. 528) говорится, что «Обь — великая рѣка, еже широта отъ берегу до берегу шездесять версть, а иніе и болши».

извѣстіе о находящихся къ югу отъ Югры степяхъ съ извѣстіемъ о еще болѣе южной странѣ Байдѣ). На горы указываетъ, повидимому, и особенная доброта (чернота) водящихся тамъ соболей, такъ какъ извѣстно, что лучшіе сибирскіе соболи добываются въ горныхъ мѣстахъ, теперь въ Олекмо-Витимскомъ краѣ, а ранѣе—и въ Алтаѣ и Уралѣ¹³¹⁾. Необыкновенная же длина соболинаго мѣха, волочащагося по землѣ, была, вѣроятно, преувеличеніемъ, которое могло явиться изъ стремленія отгѣнить сильнѣе добротность соболя въ описываемой землѣ. Но гдѣ именно находилась эта земля и къ какой части бассейна р. Оби она должна быть приурочена? Единственной опорой въ данномъ случаѣ можетъ служить названіе страны: Байдѣ. Это названіе (Baida) встрѣчается на многихъ старинныхъ картахъ XVI и XVII вв., какъ какой-то страны за Обью, на востокѣ. На картѣ Дженкинсона въ атласѣ Ортелиа, 1573 г., именемъ Баида означена страна (народъ), сосѣдняя съ Malgomsaï и лежащая за ними (къ востоку); далѣе за нею показаны Colmask. На картѣ Меркатора 1587 г. Baida помѣщена за рѣкою Tachnip, на берегу моря, передъ меридіональной цѣпью горъ, за которыми означены «Colmak», то-же у самаго Ледовитаго моря. Въ Geographia Blaviana (1663 г.) Baida занимаетъ то же положеніе, но нѣсколько южнѣе Molgomzaïa, хотя все-таки выше полярнаго круга; Colmak помѣщены по прежнему, за меридіональною цѣпью горъ, но еще южнѣе и уже ниже полярнаго круга. Наконецъ, въ атласѣ Сансона, 1683 г., названіемъ Baida отмѣчены горы, идущія въ меридіональномъ направленіи къ востоку отъ страны Malgomzaïa, за Енисеемъ и Пясидой, и именно сѣверная часть этихъ горъ, выше полярнаго круга. Эта меридіональная горная цѣпь соответствуетъ, очевидно, Имаусу Птолемея, т. е. той меридіональной системѣ горъ, каковая, по представленіямъ Птолемея и другихъ географовъ, до самаго XVIII вѣка, дѣлила азіатскую Скиюю (сѣверную Азію) на двѣ части, западную и восточную,—по сю и по ту сторону Имауса. Всѣ эти указанія однако, по ихъ разнорѣчію и неопредѣленности, не могутъ уяснить намъ точнѣе мѣстоположеніе описываемой страны. Видно только, что названіе Байдѣ (Баида, Baida) пользовалось извѣстностью въ XVI—XVII вѣкахъ и что оно помѣщалось гдѣ-то на востокѣ, передъ Калмыками и соединялось съ горами. Замѣтимъ еще, что въ спискѣ собранія Унковскаго вмѣсто «Байдѣ» стоитъ «Бадѣ», а въ Строевскомъ—«Саидѣ», но это, повидимому, описки, такъ какъ во всѣхъ прочихъ, и особенно въ двухъ древнихъ, Новгородскихъ спискахъ читается явственно: «Байдѣ». Нельзя-ли предположить, что это—назаніе Тюркскаго или Монгольскаго племени? *Байдалы*—имя предковъ Киргизъ, *Байдаулетъ*; *Беде*—по Sanang Setsen—древнее названіе Монголовъ; *Баиты*—одно изъ четырехъ племенъ, на которыя распадаются западные Монголы (Дюрбуты, *Баиты*, Уранга (Урянхайцы) и Торгоуты). Въ настоящее время Баиты (по Потанину) граничатъ съ Соитами (Сойотами)

¹³¹⁾ Герберштейнъ, говоря о «Земномъ поясѣ» (Уралѣ), замѣчаетъ, между прочимъ: «тамъ растутъ также кедры, около которыхъ водятся самыя черныя соболи».

въ Прикобдинскомъ Алтаѣ и по хребту Ханъ-Хухей. Но Потанинъ приводитъ свѣдѣніе, что ранѣе Монголы, двигаясь вдоль южной подошвы монгольскаго Алтая, дошли до р. Урунгу, затѣмъ до озера Балхаша и до рѣки Тагаса, а отсюда стали подвигаться на сѣверъ, въ степную долину Чернаго Иртыша и до озера Зайсана, наконецъ перешли «щеки» (Колбинскій хребетъ) и распространились въ долину нижняго Иртыша, гдѣ въ XVII стол. спустились до озера Ямышъ и даже ниже. Урянхайцы въ XVII в. также появились въ нашихъ предѣлахъ у Усть-Каменогорска, спускаясь съ лѣтвовокъ въ вершинахъ Бухтармы, а Буряты доходили по Енисею до Красноярска. Всѣ эти движенія относятся, правда, преимущественно къ XVII вѣку, но весьма вѣроятно, что подобныя же движенія тюркскихъ племенъ происходили и ранѣе, подобно тому, какъ это было, въ громадныхъ размѣрахъ, въ XIII в.

Фишеръ («Сибирская Исторія», стр. 207—208) приводитъ извѣстіе, что въ началѣ XVII вѣка, между Обью и Иртышемъ жили Теленгуты, часть Киргизъ, орда князя Бинея (часть Калмыковъ) и Чаты. Калмыки показаны уже на картѣ Вида (первой половины XVI в.), гдѣ-то между Обью (которая представлена очень короткою) и Каспійскимъ моремъ. Дженкинсонъ упоминаетъ о Калмыкахъ въ отчетѣ о своей поѣздкѣ въ Бухару, какъ о живущихъ близъ Каспійскаго моря по р. Уем (Эмбѣ). Слѣдуетъ замѣтить еще, что многія родовыя названія Монголовъ встрѣчаются у Тюрковъ и наоборотъ, и что нѣкоторыя изъ этихъ разныхъ названій являются въ другихъ случаяхъ — племенными. Такъ въ числѣ родовъ Алтайскихъ Калмыковъ (Монголовъ по типу и называющихъ себя Kalmak или Oigot, но говорящихъ по тюркски, съ примѣсю многихъ монгольскихъ словъ) встрѣчаются роды: Sart, Kyrgus, Mongul, Sojong и др., названія которыхъ мы находимъ и у цѣлыхъ племенъ или народностей, — Сартовъ, Киргизовъ, Сойотовъ и т. д. Возможно поэтому, что и названіе «Байты» принадлежало не однимъ только современнымъ Байтамъ Прикобдинскаго Алтая, но и какому-либо другому тюрко-монгольскому роду или племени, жившему въ XV—XVI вв. въ верхнемъ теченіи Оби ¹³²⁾. Что касается до того, почему страна Бандъ, помѣщаемая разбираемою нами статьею вверху Оби, является на иностранныхъ картахъ XVI—XVII вв., въ формѣ Baida, гораздо сѣвернѣе и къ востоку отъ Оби, за Молгонзѣями, — объ этомъ мы позволимъ себѣ сдѣлать догадку нѣсколько далѣе ¹³³⁾.

¹³²⁾ «Бай» входитъ въ названіе многихъ тюркскихъ родовъ; Bai-Sojat, Baigara, Bai-ulu, Bai-bakty и др. См. *Radloff*, *Ethnogr. Uebersicht der Türkstämme Sibiriens*. L. 1883.

¹³³⁾ Въ XVI—XVII вв. между Обью и Иртышемъ жили между прочимъ Теленгиты или Телеуты (Кара-калмыки). Въ XVII в. они были отгнаны Русскими къ Телецкому озеру. Главное занятіе ихъ и теперь еще во многихъ мѣстахъ составляетъ охота за пушнымъ звѣремъ, хотя они занимаются и земледѣліемъ; точно также они и теперь еще держатся шаманства. См. «Геогр.-Стат. Словарь Росс. Имперіи». V, стр. 88.

Слѣдующее извѣстіе относится къ людямъ «безъ главъ», живущимъ, очевидно, также въ верхнемъ теченіи Оби. «Въ той же странѣ — иная самоѣдь: по обычаю человѣци, но безъ главъ, рты у нихъ межн плечми, а очи въ грудехъ. А ядь ихъ головы оленіи сырые, и коли имъ ясти и они головы оленіи взметываютъ себѣ въ ротъ на плечи, и на другій день кости измещуть изъ себя тудажъ, а не говорятъ. А стрѣла же ихъ трубка желѣзна въ руцѣ, а въ другой руцѣ стрѣлка желѣзна, да стрѣлку ту вкладаетъ въ трубку ту, да бьетъ молотомъ въ стрѣлку. А товару у нихъ ни котораго нѣтъ.» Описываются, слѣдовательно, люди, лишенные головы, съ лицомъ на груди, соотвѣтствующіе древнимъ Блемміямъ или Лемніямъ, о которыхъ упоминаютъ Страбонъ и Плиній, а со словъ ихъ и многіе другіе писатели. Обыкновенно эти безголовые народы помѣщались въ тропической Африкѣ; Страбонъ полагалъ ихъ за Египтомъ, между Ниломъ и Краснымъ моремъ, рядомъ съ Нубійцами; Плиній — въ тѣхъ же областяхъ, причемъ онъ различалъ собственно Блемміевъ съ ртомъ и глазами на груди (*Blemmyis traduntur capita abesse, ore et oculis pectore affixis*) и другой народъ, позади Троглодитовъ, далѣе къ западу, у котораго нѣтъ шей и глаза находятся на плечахъ (*quosdam sine cervice oculos in humeris habentes*). Тѣ же два баснословныхъ народа упоминаются позже Солиномъ и Исидоромъ Севильскимъ, тогда какъ Авлъ Геллій, Помпоній Мела и св. Августинъ говорятъ только объ одномъ которомъ либо изъ этихъ народовъ ¹³⁴).

О Блемміяхъ, какъ о народѣ, жившемъ по Нилу, упоминаетъ и Аммианъ Марцелинъ, а также Вопискъ, по словамъ котораго императоръ Пробъ привелъ нѣсколько ихъ плѣнниками въ Римъ, гдѣ ихъ странный видъ возбудилъ большое удивленіе. Очевидно, что это былъ какой-то дикій народъ въ Нубіи, и Катрмеръ (*Quatremère*), собравшій всѣ извѣстія о немъ у европейскихъ и арабскихъ писателей, отождествляетъ его съ предками нынѣшняго нубійскаго кочеваго племени Беджа ¹³⁵). Въ средніе вѣка, однако, область безголовыхъ людей переносится въ Азію (Индію); люди съ глазами и ртомъ на груди упоминаются въ Александріи, въ числѣ чудовищъ, которыхъ побѣдилъ Александръ Македонскій, и въ числѣ дивныхъ людей, подвластныхъ пресвитеру Іоанну. Впрочемъ, африканскіе ихъ родичи тоже не забываются: въ средневѣковомъ трактатѣ «*De Monstris et*

¹³⁴) *Strab. Geogr. L. XVII, c. 1. Plinius. His. Nat. L. V. c. VIII и L. VII, c. II. Aulus-Gellius, Noct. att. L. IX, c. IV: «quosdam etiam esse nullis cervicibus, oculos in humeris habentes; Solinus, Polyhyst. c. LII: «Sunt qui cervicibus carent, et in humeris habent oculos»; Id. c. XXXI; «Blemmyas credunt truncos nasci, parte qua caput est, os tamen et oculos habent in pectore». У Исидора Севильскаго, Origin. L. XI, c. III, читаемъ: «Lemnias in Lybia credunt truncos sine capite nasci, et os et oculos habere in pectore alios sine cervicibus gigni, oculos habentes in humeris». Св. Августинъ, De Civitate Dei; L. XVI, c. VIII: «Quosdam sine cervice, oculos habentes in humeris». Pomponius Mela, De Situ orbis: «Blemmyis capita absunt; vultus in pectore est».*

¹³⁵) См. *Berger de Xivrey, Traditions tératologiques. P. 1836. p. 109; также ч. II, главы XXI и XXX.*

Belluis», Асерhali помѣщаются на островѣ рѣки Бриксона, въ которой Валькенера и другіе комментаторы видѣли одну изъ рѣкъ Абиссиніи, Маребъ или Такацэ, образующую большую луку (островъ), поросшую тропическимъ лѣсомъ. Въ «Луцидаріѣ» — безголовые снова переводятся въ Индію; въ русскомъ переводѣ Луцидарія читаемъ: «Тамо-же (во Индѣи) есть люди сотворени утворию (?), не имѣютъ главъ у себе, имъ же стоятъ очи въ плечахъ, и вмѣсто устъ и носа имѣютъ двѣ дыры на персѣхъ»¹³⁶). Подобное же извѣстіе встрѣчается и въ «Buch der Natur» Конрада фонъ-Мегенберга, XV вѣка, съ тѣмъ только различіемъ, что этимъ безголовымъ приписывается еще густой жесткій мѣхъ, какъ звѣрямъ, а также и въ позднѣйшихъ космографіяхъ, въ путешествіи Мандевила и др. На миниатюрахъ нѣкоторыхъ рукописей и на полнотипажахъ многихъ печатныхъ книгъ (Луцидаріусовъ, Космографій и др.) можно видѣть изображенія такихъ безголовыхъ людей; въ западныхъ рукописяхъ они представлены, обыкновенно, нагими, безъ головъ и шеи, съ носомъ (довольно большимъ), ртомъ и глазами на груди, тогда какъ въ нѣкоторыхъ русскихъ рукописяхъ — они изображаются какъ бы съ отрубленною головой, но съ шеей, со ртомъ на груди и съ глазами на плечахъ или даже на локтяхъ¹³⁷). Всѣ эти извѣстія относятся однако къ безголовымъ людямъ тропическихъ странъ, между тѣмъ наше сказаніе помѣщаетъ ихъ на сѣверѣ, въ верхнемъ теченіи Оби. Здѣсь же, на Оби, хотя повидимому выше, къ сѣверу, помѣщались этихъ людей и тотъ русскій дорожникъ, изъ котораго приводитъ нѣкоторыя свѣденія Герберштейнъ, и въ которомъ, рядомъ съ людьми, не имѣющими ногъ, а только длинныя руки, или — съ собачьими головами, упоминаются и такіе, у которыхъ «совершенно нѣтъ шеи и на мѣстѣ головы — грудь».

¹³⁶) См. Луцидаріусъ, ч. I изд. Тихофранова, стр. 48, въ «Лѣтописяхъ русской литературы» 1859. I. Въ рукописи Луцидаріуса, имѣющійся у Е. В. Барсова, безголовые упоминаются, какъ шестой родъ дивныхъ людей въ Индіи: «Шестой родъ: Тамо есть люди безглави, имъ же очи на плечахъ и вместо оустъ и носа имѣютъ на в(п)ерсѣхъ два дыри».

¹³⁷) «Das Buch der Natur» von K. von Megenberg. Die erste Naturgeschichte in deutscher Sprache, (1475 — 1499) her. v. Dr. Pfeiffer. St. 1861. S. 490. «Auch sint laut an haupt, die habent ir augen an den ahseln und habent für munt und für nasen zwai löcher an der prust und sint über al rauch mit hertem hâr, sam diu wilden tier». Безголовые люди изображены въ нѣкоторыхъ лицевыхъ Александріяхъ, въ рукописныхъ Луцидаріяхъ, въ Livre de Merveilles, въ рукописномъ путешествіи Мандевила и др., а изъ книгъ — въ «Elucidarius, von allerhandt Geschörffen» etc. Fr. 1602, и въ Космографіи Себ. Мюнстера. Въ XVI — XVII вв. путешественники находили безголовыхъ народовъ въ Южной Америкѣ. У Шекепира, Отелло упоминаетъ о такихъ чудовищахъ, рядомъ съ антропофагами:

The Anthropophagi, and men whose heads
Do grow beneath their shoulders.

Въ бібліотекѣ Общества любителей древней письменности я видѣлъ рукопись (Кн. Вяземскаго, № 188), въ которой описаны, между прочимъ, разные дивные люди, въ томъ числѣ и такіе, которые «безъ главъ а на грудѣхъ зубы, а на локтѣхъ очи». При этомъ приложено соответственное изображеніе такихъ людей съ губами на груди и съ глазами на локтяхъ.

Повидимому, эти безголовые не имѣютъ ничего общаго съ древними Блеміями и имъ подобными, а представляютъ самобытный продуктъ фантазіи

РИС. XI.

Часть карты Московіи и Тартаріи изъ атласа Сансона 1683 г. При устьѣ Оби, по берегу Ледовитаго Океана, видно названіе *Molgomzaia*, за Енисеемъ и Пясидой — горы (страна) *Balda*, а за ними, къ юго-востоку — *Colmack*.

русскихъ людей, основанный на преувеличенныхъ или невѣрно понятыхъ разсказахъ. Замѣтимъ прежде всего, что какъ ранѣе всѣ извѣстія сказанія относились къ Самоѣдскимъ племенамъ въ нижнемъ теченіи Оби, такъ теперь они имѣютъ, повидимому, въ виду — племена, жившія къ югу отъ Югры въ верхнемъ теченіи Оби. Изъ этихъ племенъ, упомянутое выше племя (страну) Бандъ мы признали тюркскимъ или монгольскимъ; вѣроятно, что и рассматриваемое теперь слѣдуетъ приурочить къ той же группѣ. Но какимъ образомъ племя это могло быть охарактеризовано, какъ лишенное

головъ и съ лицомъ на груди? Олеарій думалъ найти объясненіе тому въ костюмѣ и въ способѣ его пошенія; въ описаніи его путешествія прило-

рис. XII.

Копія съ рисунка Олеарія, изображающаго Самоѣдовъ, и, между прочимъ, одного, съ наброшенной на голову одеждою, для объясненія того, какъ могло возникнуть представленіе о людяхъ съ лицомъ на груди.

женъ даже рисунокъ, на которомъ изображена «самоѣдь» съ наброшенной на голову одеждою, такъ что лицо приходится какъ бы на груди¹³⁸⁾. Тайлоръ указалъ на другіе поводы, которые могли вызвать появленіе мифа о безголовыхъ; онъ приводитъ, между прочимъ, метафорическое выраженіе одного Туркмена: «мы народъ безъ головы», которое, будучи понято въ прямомъ смыслѣ, могло бы, въ древнее время, переходя изъ устъ въ уста, вызвать представленіе о дѣйствительной безголовости. Возможно однако, что представленіе о людяхъ, имѣющихъ лице на груди, съ дырами вмѣсто рта и носа, въ приложеніи къ народамъ внутренней Азіи, явилось какъ крайнее преувеличеніе особенностей монгольскаго типа. Припомнимъ, въ какихъ преувеличенныхъ выраженіяхъ былъ охарактеризованъ типъ Туиновъ, на примѣръ — Амміаномъ Марцелиномъ: «коренастые, безъ шеи, съ большой головой, съ плоскимъ, еле обозначеннымъ лицомъ, они напоминали грубыя статуи, поставляемыя на мостахъ». Веніаминъ Тудельскій, въ XII в., называетъ Монголовъ «безносими»; у нихъ, говоритъ онъ, нѣтъ носовъ, и они дышатъ двумя маленькими отверстіями. Возможно, что отчасти и костюмъ содѣйствовалъ такому представленію. У Туркменовъ или тибетскаго племени Далда—женщины, на примѣръ, носятъ такой колоссальный, четырехугольный (въ ширину плечъ) головной уборъ, что лицо кажется какъ бы помѣщеннымъ на груди¹³⁹⁾. Наконецъ, возможно, что указанное представленіе было вызвано еще непонятыми разказами о лицѣ на груди, но не настоящимъ лицѣ, а нарисованномъ. На рисункахъ нѣ-

¹³⁸⁾ *Ad. Olearius*, изд. 1647 г., стр. 189. «Samojedem... Bissveilen, wenn es kalt, ziehen sie die rauchen Röcke über den Kopf und lassen die Ärmel leer bey hangen; welches denen so es nicht gewohnt, sehr seltsam anzusehen ist. Solcher Anblick kan vielleicht Ursache gegeben haben, dass etliche geschrieben. Es wurden Menschen gefunden, welche keine Köpffe sondern das Angesichte auff der Brust hatten».

¹³⁹⁾ *Пржевальскій*. Третье путешествіе. Рисунокъ подобнаго же головнаго убора Туркменокъ, см. у *Reclus*, Géographie universelle. T. VI. Asie russe. P. 437. Ср. еще старинное изображеніе Самоѣдовъ, приведенное у насъ въ копіи на рис. 5.

которыхъ сибирскихъ инородцевъ можно видѣть костюмъ мѣхомъ внутрь, на грудной части котораго изображенъ кругъ или колесо, или даже грубое изображеніе человѣческаго лица. Если такой костюмъ былъ характернымъ преимущественно для извѣстнаго племени, то онъ могъ вызвать соответственное прозвище послѣдняго, въ родѣ «съ лицомъ на груди», а этого было достаточно, чтобы путемъ перевода на русскій языкъ сложилось представленіе о дѣйствительно безголовомъ народѣ.

О мѣстѣ жительства этого народа мы можемъ только дѣлать догадки. Въ описаніи его говорится, что «ядь ихъ головы оленіи», но далѣе замѣчается, что «товару у нихъ никотораго нѣтъ». Такъ какъ олени шкуры и пыжи ранѣе считались товаромъ, то, слѣдовательно, у даннаго народа не было оленей; но этому противорѣчитъ указаніе, что олени доставляли ему пищу. Повидимому, надо понимать такъ, что сѣвернаго домашняго оленя, шкуры котораго составляли предметъ торговли, у нихъ не было, а водился какой-то другой, дикій олень, доставлявшій мясо. Дѣйствительно, въ Южной Сибири, въ Алтаѣ, водится такъ-назыв. мараль, разновидность благороднаго оленя, мясо котораго идетъ въ пищу, но шкура не имѣетъ цѣнности; повидимому, рѣчь и идетъ именно объ этомъ оленѣ. Любопытно, что упоминается только объ оленьихъ головахъ, а не вообще о мясѣ оленя. У современныхъ мараловъ голова, дѣйствительно, представляетъ самую цѣнную часть тѣла, именно находящіяся на ней рога, которые, въ свѣжемъ состояніи, т. е. покрытые еще кожею, идутъ въ большомъ числѣ и за дорогую цѣну въ Китай, гдѣ употребляются на лѣкарство. Для торговли этимъ продуктомъ русскіе крестьяне въ Алтаѣ занимаются теперь даже искусственнымъ разведеніемъ мараловъ, такъ какъ промыселъ этотъ приноситъ большія выгоды. Въ прежнее же время пользовались исключительно дикими оленями, и, по всей вѣроятности, промыселъ этотъ старинный; извѣстно, что Китайцы весьма консервативны и медицина ихъ руководствуется методами и средствами, бывшими въ ходу еще за много вѣковъ тому назадъ. Но въ приведенномъ извѣстіи едва-ли еще можно видѣть хотя бы смутный намекъ на этотъ промыселъ; скорѣе можно предполагать какой-нибудь обычай «взмetyванія» на голову оленьей головы или оленьихъ роговъ. У Третьякова приведено одно самоѣдское преданіе, какъ во время празднованія такъ называемаго «чистаго чума» появился злой духъ, въ образѣ человѣка, но съ оленьими рогами на головѣ, результатомъ чего была смерть половины рода отъ какой-то повальной болѣзни. Ношеніе на головѣ оленьихъ роговъ практиковалось тунгузскими шаманами; они надѣвали во время камланья оловянную или желѣзную шапку съ прикрѣпленными къ ней рогами. При лѣченіи больныхъ, шаманы, по описанію Третьякова, обыкновенно убиваютъ оленя, выковыриваютъ и проглатываютъ его глаза, отдають мясо его на съѣденіе, а голову вѣшаютъ около больного, причѣмъ всовываютъ послѣдному въ ротъ кончикъ отрѣзаннаго оленьяго языка ¹⁴⁰⁾. У Витзена, въ его сочиненіи о Татаріи приведенъ

¹⁴⁰⁾ Третьяковъ, стр. 218 — 219.

рисунокъ тунгузскаго шамана съ двумя оленьими рогами на головѣ ¹⁴¹⁾.

рис. XIII.

Тунгузскій шаманъ, съ оленьими рогами на головѣ.
Копія съ рисунка Витвена, 1705 г.

Возможно, что такіе и подобные имъ рассказы, будучи непоняты и преувеличены, и подали поводъ къ преставленію, что описываемый народъ «взметываетъ себѣ въ ротъ на плечи — оленьи головы». При этомъ прибавляется однако, что «на другой день они кости изъ себя измещутъ», т. е. на другой день они какъ бы отрыгиваютъ проглоченныя кости. Единственное возможное объясненіе этой подробности можетъ, повидимому, заключаться въ крайней нечистотѣ описываемаго народа, въ жилищахъ и около жилищъ котораго валялись кости съѣденныхъ животныхъ. Если, какъ можно догадываться, дѣло идетъ объ Алтаѣ, то описываемый

народъ можетъ быть Алтайскими Калмыками, которые имѣютъ монгольскія черты лица, охотятся за маралами и живутъ крайне нечистоплотно, такъ что, по словамъ Радлова, возбуждаютъ отвращеніе даже въ Киргизахъ, которые и сами далеко не могутъ похвалиться опрятностью.

Что подѣ описываемою страню слѣдуетъ разумѣть, по всей вѣроятности, Алтай, явствуетъ и изъ дальнѣйшаго извѣстія, что люди эти имѣютъ для стрѣльбы желѣзныя трубки. Въ настоящее время, и повидимому — уже съ довольно давнихъ поръ, алтайскіе инородцы пользуются китайскими ружьями, къ которымъ они такъ привыкли, что даже попадающія къ нимъ русскія (кремневая) ружья передѣлываютъ обыкновенно на китайскій ладъ. Сомнительно однако, чтобы рассказъ о желѣзныхъ трубкахъ относился къ ружьямъ, такъ какъ далѣе говорится о стрѣлкахъ и о выбиваніи ихъ изъ трубки молоткомъ. По всей вѣроятности, это были дѣйствительно трубки, подобныя которымъ, только деревянныя, употребляются еще и теперь въ Алтаѣ, даже Русскими, въ качествѣ дѣтской игрушки. Профессоръ А. С. Павловъ, уроженецъ Алтая, говорилъ мнѣ, что онъ самъ въ дѣтствѣ пользовался такою трубкою, изъ которой пускалъ стрѣлы помощью удара молоткомъ. Но то, что нынѣ составляетъ дѣтскую игрушку, могло въ прежнія времена быть оружіемъ взрослыхъ. Извѣстно, что такую же метамор-

¹⁴¹⁾ Witsen, Noord and Oost Tartarys. 1705. Таблица къ стр. 663. Подѣ рисункомъ подпись: «Een schaman of te Duyvel-priester in't Tungoesen lant.» Въ текстѣ мы приводимъ копію этого рисунка.

фозу претерпѣлъ лукъ, послѣ введенія огнестрѣльнаго оружія. Упомянутое, что трубка была желѣзная, доказываетъ, что кузнечное дѣло было въ то время уже развито въ Алтаѣ. Но мы знаемъ, что въ этой области оно, дѣйствительно, развилось рано, и память о томъ сохранилась въ названіяхъ города Кузнецка и Кузнецкихъ Татаръ, названіяхъ, которыя были даны Русскими при первомъ проникновеніи въ страну. Многочисленныя металлическія издѣлія (мѣдныя и желѣзныя), находимыя въ алтайскихъ курганахъ, служатъ тому также подтвержденіемъ, равно какъ и слѣды древней разработки мѣдныхъ копей. Развитие металлическаго дѣла въ Сибири Радловъ приписывалъ ранѣе Уграмъ, а теперь приурочиваетъ къ Енисейскимъ Остякамъ; во всякомъ случаѣ, полагаетъ онъ, это едва ли были Тюрки, которые вообще не отличаются металлическою промышленностью, а если нѣкоторыя племена Татаръ и прославились ею впоследствии, то лишь усвоивъ себѣ нужныя знанія отъ другихъ народовъ.

Если допустить, что люди безъ главъ жили въ Алтаѣ, за страной Байды, и соответствовали Алтайскимъ Калмыкамъ, то является возможность объяснить, до нѣкоторой степени, подробности разбираемаго нами извѣстія о людяхъ, жившихъ вверху Оби, и согласовать ихъ, въ нѣкоторой мѣрѣ, съ показаніями иностранныхъ картъ XVI—XVII вв. На картѣ Дженкинсона, между «Baida» и «Colmask» изображено развернутое знамя или хоругвь, и передъ нимъ на колѣняхъ два человѣка. Справа отъ этого знамени, подъ «Colmask» сдѣлана латинская надпись, въ которой сказано, что «этихъ странъ жители» поклоняются солнцу или развернутому красному знамени, что они живутъ въ шалашахъ и питаются мясомъ всякихъ звѣрей и гадовъ ¹⁴²⁾. Ниже (южнѣе) Colmask — показана воинственная орда пастушескаго народа, «вышедшая лѣтъ 300 тому назадъ», т. е. въ половинѣ XIII в., изъ горъ (т. е. Монголы), а еще ниже «Cassacki» и «Kigessi», яко бы вѣшающіе на деревьяхъ своихъ умершихъ ¹⁴³⁾. Всѣ эти народы помѣщены по ту сторону рѣки «Sur», въ которую впадаетъ «Атомъ» и которая, въ свою очередь, вливается въ Kitaia Iacus, откуда вытекаетъ Обь. По сю же сторону этой рѣки, между нею и Якомъ, помѣщены кочевья Ногайцевъ — съ верблюдами. Такимъ образомъ, Дженкинсонъ, не знавшій объ Аральскомъ морѣ и изобразившій Каспійское море вытянутымъ, чрезъ посредство длиннаго рукава, далеко на востокъ, гдѣ въ него впадаетъ р. Ougus, смѣшалъ бассейнъ

¹⁴²⁾ Въ Geographia Blaviana («Asia, quae est Geographiae Blavianae pars quinta libri duo, volumen decimum» Amst. J. Blaew. MDCLXII) — въ объясненіи къ картѣ «Tartaria sive Magni Chami Imperium», только что указанная подробность приписывается «Байдамъ» и «Молгомзаямъ»: «In Scythia intra Imaum Mecreti ac Samojedi quod latine dicas semetipsos devorantes, aliique eodem tractu, Molgomsai, Badaique, utriusque Solem, vel rubrum pannum in sublime elatum, venerantes».

¹⁴³⁾ Нѣкоторые сибирскіе инородцы имѣли обычай помѣщать своихъ умершихъ на возвышенный, поставленный на столбахъ, помостъ или клали ихъ въ развилки деревьевъ. Слухъ объ этомъ обычаѣ и былъ вѣроятно поводомъ къ представленію, что «Kigessi» вѣшаютъ своихъ умершихъ на деревьяхъ за шею.

Каспійскаго моря (съ рѣками Аму-и Сыръ-Дарьею) съ бассейномъ Ледовитаго Океана (Обью) и пришелъ къ совершенно невѣрному представленію. Тѣмъ не менѣе, его «Colmask» соотвѣтствуютъ, по всей вѣроятности, Алтайскимъ Калмыкамъ. Въ пользу этого говоритъ какъ самое названіе народа, такъ и то, что эти «Colmask» помѣщены надъ мѣстомъ выхода изъ горъ монгольскихъ ордъ XIII в., а равно и та подробность, что они поклоняются какому-то красному знамени. Это знамя невольно напоминаетъ «обд» алтайскихъ инородцевъ, — священныя мѣста на горахъ, гдѣ ставятся на шестахъ развѣвующіеся красные и другіе лоскутки. Близость (на картахъ) именъ «Colmask» и «Baida» — указываетъ, повидимому, что народы эти сосѣдили между собою и что «Baida» жила также въ горахъ или предгорьяхъ; и дѣйствительно, на картѣ Сансона — имя это приурочено къ горамъ. Но какимъ образомъ «Байды», о которыхъ въ Новгородскомъ сказаніи говорится, что они жили вверху Оби, оказываются на картахъ къ востоку отъ Оби, за Molgomzaia? Для объясненія этого необходимо принять въ соображеніе, что карта Ортелія (Дженкинсона) служила точной опорой для многихъ позднѣйшихъ географовъ XVI — XVII вв., а самъ Дженкинсонъ пользовался, повидимому, отчасти, свѣдѣніями разбираемой нами статьи. Возможно, что онъ взялъ отсюда и названіе «Байдъ» (Baida), только поставилъ его невѣрно (не принявъ во вниманіе, что въ русской статьѣ страна Байдъ — помѣщается *вверху* Оби ¹⁴⁴). Съ другой стороны и самъ Дженкинсонъ и позднѣйшіе географы считали своею обязанностью пользоваться и другими источниками, Герберштейномъ, Видомъ, и древнимъ Птолемеемъ, который сохранялъ свой авторитетъ до конца XVI вѣка и даже позже ¹⁴⁵). Видъ же помѣстилъ «Kalmisky» такъ, что они приходятся къ востоку отъ Оби и въ то же время между Обью и р. Deik (Якомъ), а Птолемей принималъ въ сѣверной Азіи, въ азіатской Скиѣи — существованіе меридіональнаго хребта, Имауса, который дѣлилъ всю Скиѣю на двѣ части и соединялся на югѣ съ другимъ хребтомъ, Паропамизомъ, Имаусомъ, Гемодомъ, шедшимъ съ запада на востокъ и ограничивавшемъ съ сѣвера Индію. Если «Colmask» и «Baida» жили гдѣ-то за «Molgomzaia» и близъ горъ, изъ которыхъ вышли орды XIII в., то весьма естественно было отождествить эти горы съ меридіональнымъ Имаусомъ Птолемея, что и было сдѣлано Меркаторомъ и Сансономъ. Но Калмыки въ XVI — XVII вв. стали извѣстны много южнѣе и по близости Каспійскаго моря, поэтому на позднѣйшихъ картахъ они и переносятся сюда, а «Baida» остаются на прежнемъ мѣстѣ.

¹⁴⁴) Впрочемъ, на картѣ Дженкинсона Обь показана текущею съ юго-востока, изъ Kitaia lacus (Телецкаго озера), и Baida оказываются ближе къ этому озеру, чѣмъ къ устью Оби.

¹⁴⁵) Вліяніе Герберштейна на картѣ Ортелія (Дженкинсона) видно изъ того, что на ней помѣщена «Zlota baba», что Ioughgia поставлена къ востоку отъ Оби и Обь показана вытекающею изъ Kitaia lacus.

При объясненіи ошибокъ старинныхъ картъ необходимо вообще принять во вниманіе, что географы XVI и даже первой половины XVII вѣка имѣли весьма смутное представленіе о Сѣверной и Средней Азіи, и были къ тому же связаны прежними авторитетами. На основаніи данныхъ, собранныхъ Итальянцами и Каталонцами въ XIV вѣкѣ, можно было заключить, что Азія омывается съ сѣвера, востока и юга моремъ, что въ средней и сѣверной частяхъ ея господствуютъ Татары и Монголы, и что далеко на востокѣ находится богатое государство Китай съ большимъ городомъ *Sambaleth*, *Sambalech* или *Sambalu* (Пекинъ). На картѣ Фра Мауро, 1459 г., представленной въ формѣ круга, можно видѣть за Перміей къ востоку, — «область мрака» (*region de tenebre*), въ которой, за морскимъ заливомъ помѣщена страна или народъ *Mechon*, а далѣе, за другимъ заливомъ (длинной губой) — страна *Mongul*, образующая выдающийся къ сѣверу полуостровъ. Изъ этой страны *Mongul* на югъ идутъ горы — *Mons Althay*, уходящія въ страну *Chataj*, въ которой, недалеко отъ моря (заворачивающаго здѣсь къ югу, т. е. омывающаго Азію уже съ востока) — показаны города: *Sambalech*, *Quanzu*, *Xaincu* и др. Фра Мауро руководился, при составленіи своей карты, повидимому, какъ данными Птолемея, такъ и свѣдѣніями, добытыми арабскими и европейскими путешественниками, и его карта, при всѣхъ ея несовершенствахъ, все-таки можетъ быть поставлена выше, чѣмъ многія позднѣйшія карты. На нѣкоторыхъ картахъ XVI вѣка, какъ напр. къ новымъ изданіямъ Птолемея, на картѣ *Th. D. Aucuragio* 1522 г., на картѣ Меркатора 1587 г., на картѣ *J. A. Magino Patavini* 1597, даже на картахъ *Vlaeu*, *Sanson* и др. XVII в., мы встрѣчаемъ не менѣе грубыя ошибки. Прежде всего, на картахъ XVI вѣка замѣтно явное стремленіе слѣдовать Птолемею, въ нанесеніи *Imaus mons*, *Скиѳіи*, *Серики*, рѣки *Ochardes*, гавани *Катигары* и т. д. Но Птолемей не зналъ, какъ оканчивается Азія на сѣверѣ и востокѣ, и потому обрѣзалъ здѣсь свою карту по суши и показалъ море только на югѣ Азіи. Между тѣмъ уже въ XIV вѣкѣ стало извѣстно, что море омываетъ Азію также съ сѣвера и востока, вслѣдствіе чего европейскимъ географамъ открылось широкое поле для всевозможныхъ догадокъ въ отношеніи къ очертаніямъ этой части свѣта. На картахъ начала XVI вѣка (напр. *Aucuragio*, ed. *Argentorati*, 1522), сѣверный берегъ Азіи показанъ идущимъ довольно ровно, безъ выступовъ, съ запада на востокъ, затѣмъ постепенно клонящимся къ югу-востоку и переходящимъ наконецъ въ восточный. Западная часть сѣверной Азіи отмѣчена, какъ *Tartaria*, восточная какъ *Sathaya*, съ провинціями *Тангутъ* и др. Путешествіе *Герберштейна*, экспедиціи въ *Ледовитое море* *Голландцевъ* и *Англичанъ*, открытія въ *Америкѣ* и южной Азіи — заставили, однако, скоро значительно измѣнить карту *Азіатскаго материка*. На картѣ Меркатора, 1587 года, сѣверный берегъ Азіи представленъ образующимъ за *Карскимъ моремъ* (название это, впрочемъ, еще неизвѣстно), большой, выступающій къ сѣверу полуостровъ, на которомъ (какъ и у Фра Мауро) помѣщена область *Mongul*, также *Bargu*, *Tenduk*, и наконецъ традиціонные *Гогъ* и *Магогъ*.

Тангутъ и Катай подвинуты уже къ югу, но Mongul и Bargu приходятся все-таки гораздо сѣвернѣе (сѣверо-восточнѣе), чѣмъ Molgomzaia, Baida и Colmak, слѣдующія за Обью, по берегу моря, одна за другою. Указанный полуостровъ подходит своимъ восточнымъ берегомъ къ Америкѣ, отъ котораго его отдѣляетъ Fretum Anian (гипотетическій проливъ). На позднѣйшихъ картахъ того же вѣка fretum Anian остается, но полуостровъ измѣняетъ свои очертанія и раздѣляется на два: Скиѣскій (Scythicum) и Табинъ (Tabin promontorium, — названіе, заимствованное у Плинія); изъ нихъ Скиѣскій — соотвѣтствуетъ, приблизительно, полуострову Ялмалу, а Табинъ — Таймырскому, но очевидно, это соотвѣтствіе чисто случайное, тѣмъ болѣе, что на картахъ XVII в., напр. Влаеу, Сансона — полуострова эти, въ ихъ прежнемъ значеніи, снова исчезаютъ. Какъ бы то ни было, но начиная съ XIV и до самаго XVII вѣка, европейскіе географы продолжали смѣшивать среднюю часть Азіи съ сѣверною и переносили многія среднеазиатскія области къ Ледовитому морю. Не имѣя яснаго представленія о размѣрахъ Азіи и какъ бы опасаясь спускаться въ своихъ обозначеніяхъ къ югу, въ область Индіи и Бактріи, они помѣщали разныя азіатскія страны, о которыхъ доходили до нихъ неясныя свѣдѣнія, одна за другою, къ востоку, вслѣдствіе чего страны эти оказывались часто далеко сѣвернѣе ихъ дѣйствительнаго положенія. Выше мы уже упоминали о положеніи Bargu и Mongul у Меркатора; онѣ помѣщены тамъ сѣвернѣе устья Оби, за полярнымъ кругомъ. На позднѣйшихъ картахъ области эти спускаются нѣсколько южнѣе, но все-таки оказываются сѣвернѣе и восточнѣе, чѣмъ бы имъ слѣдовало. Такъ, Kithay lacus, (Телецкое озеро) помѣщенное сперва подъ 60° с. ш., переносится затѣмъ на 55°, а у Штраленберга (1730) уже на 51-ый; Bargu и Mongol — изъ полярной области сперва подъ 65 — 60°, а у Штраленберга уже подъ 55 — 45° и т. д. Преданность прежнимъ авторитетамъ заставляла иногда долго держаться ошибочныхъ, старыхъ представленій и даже, въ случаѣ полученія новыхъ, болѣе вѣрныхъ свѣдѣній, послѣднія нерѣдко только прибавлялись къ прежнимъ, отчего возникало не мало недоразумѣній. Такъ, Кимбаликъ оказывался и у Kythai-lacus (по Герберштейну) и далеко на востокъ, въ собственномъ Китаѣ, (оба они и значатся на картѣ Влаеу); Colmask — и у полярнаго круга и у Каспійскаго моря (Kalmucki) и т. п. Вообще, сравненіе картъ XVI — XVII вѣковъ даетъ намъ не мало доказательствъ тому, что многія области и народы, показанныя тамъ на сѣверѣ и къ востоку отъ Оби, находились въ дѣйствительности много южнѣе, въ верховьяхъ Оби и Енисея ¹⁴⁶).

¹⁴⁶) Многія карты Азіи XIV — XVII вв. приведены у *Vitsena* (Noord en Oost Tartarie. 1705 г.), также у *S. Ruge* (карта Fga Мауро и Каталанская 1375 г.), и у Норденшильда. Ср. также изображеніе Азіи въ атласахъ Ортелиа, Меркатора и Сансона, на картахъ Насіи и Штраленберга и др. Исторія fretum Anian разсказана въ статьѣ *S. Ruge* («Abhandlungen und Vorträge zur Geschichte der Erdkunde», 1888 г., S. 53 — 70). — Что касается названія Baida, то оно появляется, повидимому, впервые

Къ Алтаю же, относится, вѣроятно, и приводимое далѣе въ сказаніи извѣстіе о людяхъ, ходящихъ подъ землею и о существованіи «надъ озеромъ» мертваго «града», въ которомъ происходитъ нѣмая торговля. Разсмотримъ сперва, что слѣдуетъ разумѣть надъ людьми, ходящими «по подъ землею». «Вверхъ тоя жъ рѣкы великія Оби есть люди: ходятъ по подъ землею иною рѣкою день да ночь съ огни, и выходятъ на озеро, и надъ тѣмъ озеромъ свѣтъ пречюдень и градъ великъ, а посаду нѣтъ у него». У сибирскихъ инородцевъ, Русскихъ и Китайцевъ, съ древнихъ поръ повидимому, сложились преданія о существованіи большаго звѣря, ходящаго подъ землею. Подъ этимъ звѣремъ разумѣлся мамонтъ, остатки котораго (кости и бивни), находимые въ землѣ, и подали поводъ къ возникновенію представленія о большомъ рогатомъ звѣрѣ, пролагающемъ себѣ подземные ходы. Въ китайскихъ и манджурскихъ рукописяхъ встрѣчается свѣдѣніе о большой мыши, величиною съ буйвола или слона, боящейся свѣта и выкапывающей себѣ пещеры въ землѣ. Якуты, Тунгузы и Остяки, по стариннымъ извѣстіямъ (начала XVIII в.) полагали, что «мамонтъ постоянно, даже въ самыя лютыя зимы живетъ подъ землею и ходитъ взадъ и впередъ»¹⁴⁷). Эти представленія были усвоены и Русскими въ Сибири. Въ «Краткомъ описаніи о народѣ Остяцкомъ», сочиненномъ Гр. Новицкимъ въ 1715 г.,

на картѣ Дженкинсона, а это даетъ поводъ предполагать, что оно заимствовано изъ разбираемаго нами новгородскаго сказанія. Что касается Калмыковъ, то первое обозначеніе ихъ мѣстожителства на картѣ мы находимъ у А. Вида, на картѣ, составленной имъ между 1537 — 1544 гг. и изданной недавно съ фототипіи Миховымъ (*Michon*, *Die ältesten Karten von Russland 1884*). Здѣсь они показаны къ югу-востоку отъ Оби и къ сѣверо-востоку отъ р. Deick (Daix Птолея, позже Яикъ, теперь р. Уралъ) къ востоку отъ «Kosagu Norda» и отъ Norda Nohau, съ обозначеніемъ: «Kalmucky Norda. Ni longum capillitium gestant», причѣмъ изображена группа палатокъ и два человѣка — одинъ конный, другой пѣшій (см. карту, рис. 7). О прикаспійскихъ Калмыкахъ упоминаетъ, впрочемъ, еще ранѣе Матвѣй Мѣховскій, говоря, что *juxta illud mare (scil. Caspium) et post ad orientem, ut Ruteni proferunt, quoniam ritum Mahumeticum non colunt, nec crines capitis abradunt, quemadmodum Tartari omnes radunt, praeter adolescentes etc.* Извѣстіе о нихъ находится и у Герберштейна: «alii praeterea Tartari trans Rha fluvium sunt, qui quod soli capillos nutriant, Kalmuchi vocantur». На картѣ Меркатора (1566 г.), на которой означены «Baida» и «Colmak», южные, прикаспійскіе Калмыки не показаны, но на картѣ Blaeu, 1663 г., указаны какъ сѣверные «Calmak», за Imaus mons, къ Ю.-В. отъ Baida, такъ и «Kalmucki, id est criniti Tartari», вблизи Каспійскаго моря, къ В. отъ Яика. На картѣ Герарда, 1614 г., Kalmucki помѣщены уже только у Каспійскаго моря, между Turkmen и Vochag, къ В. отъ Яика, и сѣверныхъ Colmask — нѣтъ, хотя Baida еще остались. Впрочемъ эта карта обнимаетъ не всю Сибирь и оканчивается на востокъ тотчасъ же за Байдой. Всѣ эти данныя показываютъ, что, во-первыхъ, Калмыки уже въ началѣ XVI вѣка кочевали близъ Каспійскаго моря, а во-вторыхъ, что кромѣ нихъ были извѣстны еще другіе Colmask, которые помѣщались за страной Baida. А такъ какъ земля Байдъ, по разбираемому нами сказанію, находилась вверху Оби, то тамъ же, но еще далѣе вверхъ (т. е. къ Югу), должны были находиться и Calmask, слѣдовательно въ Алтаѣ, что подтверждаютъ и другія подробности новгородскаго разсказа.

¹⁴⁷) См. Усовъ, Единороги, въ «Сочиненіяхъ С. А. Усова». Т. I., и Ануцивъ, О реставраціи мамонта въ изд. «Антропологическая выставка». Т. II.

въ § 2, гдѣ говорится о находимыхъ въ землѣ костяхъ «доброты и красоты единыя съ костми слоновыми и вящше», «великостью знаменитыхъ,—бываютъ бо длиною въ три аршина» и — «подобіемъ аки роги якія», сказано, между прочимъ, что о звѣрѣ семъ, «мамантѣ», «различно разумѣютъ». «Глаголютъ же нѣцыи звѣра сего быти земна, иже влагою земною живетъ и въ пещерахъ земныхъ обрѣтается, наипаче въ влажныхъ; сухого бо и зрачнаго воздуха блюдется зѣло, и глаголютъ, яко егда кимъ случаемъ пещера его опадеть, и изыйдетъ на воздухъ, въ влажную же не скоро обратится пещеру, тогда воздухомъ скоро убивается и погибаетъ и тако оставляетъ кости» ¹⁴⁸⁾.

Подобное же толкованіе встрѣчается въ одной Космографіи, 1696 г., гдѣ говорится, что «обрѣтается же ся въ томъ (Сибирскомъ) царствѣ въ рекахъ звѣръ, его же наречіють Мамантъ, а по ихъ татарскому языку Кытръ зѣло великъ. Сего звѣря не видають, кости же его обрѣтаются на брезехъ рѣчныхъ». Составитель самъ «видѣхъ главу младого того звѣря вѣсомъ десять пудъ; подобіе же главы того звѣря, рыло яко свиньи, верхъ усть его двѣ трубы долги и широки, исподнею губу имѣетъ ниско подъ трубами близко къ горлу, зубовъ же имѣетъ у себя восемь, единъ же зубъ тое малые главы 12 оунтовъ вѣсомъ; имѣетъ же тотъ звѣръ на главѣ два рога подобны воловымъ рогомъ. Видѣхъ же и болшаго звѣря рогъ

¹⁴⁸⁾ «Краткое описаніе о народѣ Остякомъ», соч. Гр. Новицкіи въ 1715 г. Издалъ Л. Майковъ: Спб. 1884., стр. 15—16. Далѣ Новицкій говоритъ: «нѣцыи хотящія повѣствуемая достовѣріемъ утвердiti тако подобіе его изъясняютъ быти: выотою трехъ аршинъ, длиною почти аршинъ, ноги подобни медвѣдя, роги оныя крестообразно сложени на себѣ носяща, и егда ископываетъ пещеры, тогда согибается и простирается въ подобіе ползющаго змія. Нѣцыи сему противно разумѣютъ и глаголютъ не быти существомъ звѣра сего мамонта, кости же сія мнятъ единого ровъ или иныхъ нѣкихъ звѣревъ морскихъ, во время потопа Ноева водою нанесенная и осохшая на земли, древностью же въ землю вселшаяся. Но се тщетное разумѣніе — продолжаетъ Новицкій — зане кости сія нѣкія обрѣтаются зрачныя, свѣтлыя, чистыя, ветхостью не ислѣнна, множество же по всяко время собирается; коея бы ради вины вода толкое множество во едину палестину собрала. Разумѣти же тако: не земля ли естественнѣ и самороднѣ отъ себе производитъ кости сія» и т. д., короче самъ Новицкій склоненъ видѣть въ этихъ костяхъ *Iusus natucae*, произведенія неорганической природы. Сочиненіемъ Новицкаго, въ извлеченіи, воспользовался неизвѣстный авторъ (можетъ быть Шведъ) въ статьѣ «о нравахъ и обычаяхъ Остяковъ» помѣщенной въ «Nouveaux Mémoires sur l'état présent de la grande Russie» 1725. О мамонтѣ тамъ говорится между прочимъ: «Другіе утверждаютъ, что это рога большаго животнаго, живущаго подъ землею, въ мѣстностяхъ низкихъ и болотистыхъ, что оно питается только грязью и рогами роетъ себѣ дорогу въ землѣ и грязи, когда же онъ попадаетъ въ почву песчаную, то песокъ осыпается и сдавливаютъ его со всѣхъ сторонъ, вслѣдствіе чего, не имѣя возможности проложить себѣ путь рогами, животное гибнетъ на этомъ мѣстѣ. Многія лица увѣрили меня, что за Березовымъ они видѣли этихъ животныхъ въ пещерахъ тамошнихъ горъ. По описанію этихъ лицъ, мамонты чудовищны, имѣютъ 4—5 арш. въ вышину и около 3 сажень длины. Они сѣраго цвѣта, имѣютъ длинную голову, широкій лобъ и рога по обѣ стороны, прямо надъ глазами. Они двигаютъ рогами какъ хотятъ, даже скрещиваютъ ихъ».

толщиною у корени поляршина, а въ верхней части въ три вершка толщиною, а длина двѣ сажени, а сказываютъ, что и болши. А вѣсомъ тотъ рогъ полтора пуда. А живетъ тотъ великій звѣрь въ земли и въ водѣ». Впрочемъ, представленіе о большомъ звѣрѣ, живущемъ подъ землею, существовало у Русскихъ еще за долго до знакомства съ Сибирью. Уже въ Голубиной книгѣ поется объ Индрикѣ-звѣрѣ, что онъ:

Звѣрь всѣмъ звѣрямъ мать....
 Ионъ копаль рогомъ мать сыру землю,
 Выкопаль ключи все глубокіе,
 Доставаль воды все кипучи,

Живетъ этотъ звѣрь за Океаномъ-моремъ,
 И онъ ходитъ здѣсь по подземелью....
 Происходитъ всѣ горы бѣлокаменныя
 Прочищаетъ ручьи и проточины
 Пропускаетъ рѣки, кладези студеныя....

Такимъ образомъ, Индрикъ представляется очень большимъ звѣремъ съ рогомъ или рогами, живущимъ подъ землею, прорывающимъ себѣ рогомъ подземные ходы и гѣмъ самымъ открывающимъ ключи и пропускающимъ рѣки. Такое представленіе, какъ замѣтилъ С. А. Усовъ, вполне подходит къ легендамъ, сложившимся у сѣверныхъ народовъ о мамонтѣ. Усовъ выразилъ также предположеніе, что Индрикъ, Инрогъ, Индрогъ, Единорогъ, составляетъ, можетъ быть, передѣлку самоѣдскаго слова «Іеньгора» или «Яньхора», означающаго «мамонтъ», и составленнаго изъ двухъ: *я* — земля и *хора* олень — самецъ ¹⁴⁹⁾ передѣлку, которая осмыслила для Русскихъ чужое и непонятное слово ¹⁵⁰⁾. Всѣ эти повѣрья относятся, правда, къ звѣрю, къ мамонту, но у Самоѣдовъ и другихъ сѣверныхъ народовъ существуютъ преданія и о живущихъ подъ землею людяхъ. Самоѣды называютъ ихъ Сиртье и говорятъ, что это народъ, занимавшій страну раньше ихъ и который, послѣ ихъ прихода, ушелъ въ землю и живетъ еще тамъ, обладая бобрами, лисицами и стадами мамонтовъ ¹⁵¹⁾. Кастрень сопоставляетъ это преданіе съ русскими разсказами о Чуди на Сѣверѣ, которая также представляется завалившею себя добровольно въ землянкахъ, съ приближеніемъ Русскихъ или ушедшею въ землю. Шренкъ приводитъ слѣдующій разсказъ о сиртьяхъ (по Шренку — *siirte*), слышанный имъ отъ одного Самоѣда Мало-земельской тундры. «Сирты живутъ теперь внутри земли, потому что они не могутъ выносить свѣта солнца. Они имѣютъ свой языкъ, но пони-

¹⁴⁹⁾ A. G. Schrenk, Reise nach dem Nordosten des Europ. Russlands. I. Dorpat. 1848. S. 312. Ср. Усовъ, Единороги, въ «Сочиненіяхъ». Т. I, стр. 398 — 399. У Юраковъ, по Кастрену, *janhóra* — мамонтъ, *ja* — земля, *hora* — олень-самецъ.

¹⁵⁰⁾ Замѣтимъ однако, что Мочульскій («Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ» Варш. 1887, стр. 149 слѣд.) сближаетъ Индрика съ Еньдропомъ славянскихъ «Физиологовъ» и съ Индріей — Азбуковниковъ, — маленькимъ звѣркомъ, похожимъ на пса, который живетъ въ р. Нилѣ и убиваетъ крокодила, т. е. съ ихневмономъ.

¹⁵¹⁾ Castren, Ethnol. Vorlesungen. 1857. S. 86.

мають и языкъ Ненцовъ (Самоѣдовъ). Одинъ Ненець (Самоѣдъ), роясь однажды въ землѣ, напалъ на пещеру, въ которой жили Сирты. Одинъ изъ нихъ сказалъ: «оставь насъ въ покоѣ, мы боимся свѣта и любимъ мракъ земли; но здѣсь есть ходы, ступай къ нашимъ богачамъ, если ты ищешь богатства, а мы бѣдны». Самоѣдъ побоялся однако идти темными ходами и снова завалилъ открытую имъ пещеру. Извѣстно впрочемъ, — продолжалъ рассказчикъ, — что эти Сирты богатый народъ; у нихъ есть серебро и мѣдь, желѣзо, свинецъ и олово въ изобиліи, да и какъ имъ не имѣть всего этого, если они живутъ въ землѣ, а вѣдь всѣ эти вещи добываются изъ земли» ¹⁵²). Енисейскіе Самоѣды тоже вѣрятъ въ подземный темный и холодный міръ и въ его обитателей, бывшихъ людей, но они признаютъ, что люди эти, хотя имѣютъ человѣческій образъ, однако не вполне: «у одного нѣтъ руки, у другаго ноги, иной же имѣетъ только половину головы, да и та покрыта мохомъ. Всѣ они живутъ въ чумахъ, которые иногда прикрыты только съ одной стороны... Они ѣдятъ мышей, считая ихъ за оленей, грѣются предъ небольшимъ синимъ огнемъ или просто сидятъ около кучки незажженныхъ дровъ» ¹⁵³).

Такимъ образомъ, вѣрованіе въ существованіе подъ землею людей было съ давнихъ поръ въ ходу у сѣверныхъ инородцевъ ¹⁵⁴). Новгородское сказаніе помѣщаетъ ихъ однако въ страну у верховьевъ Оби и не говоритъ, чтобы они жили въ землѣ, а только, что они «ходятъ по подъ землею... иною рѣкою день да ночь съ огни», но все-таки «выходятъ на озеро». Какіе же это люди, ходящіе съ огнемъ подъ землею, по особымъ рѣкамъ (или ходамъ), и для чего они могли это дѣлать? По всей вѣроятности, въ этомъ извѣстіи переданъ слухъ о той Чуди, которая пролагала въ Алтаѣ подъ землей свои копи для добыванія изъ нихъ мѣдной руды. Извѣстно, что какъ въ Алтаѣ, такъ и въ Уралѣ, Русскіе открывали рудники, большей частью, по слѣдамъ какого-то древняго народа, который былъ знакомъ съ металлургіей, и открылъ въ этихъ горахъ почти всѣ болѣе замѣчательныя въ нихъ мѣдныя мѣсторожденія. Въ нѣкоторыхъ копияхъ находили даже покинутыя или потеряныя прежними рабочими орудія, каменные, костяные или мѣдныя кайлы (кирки) и молотки, деревянные ковши, остатки кожаныхъ мѣшковъ, даже огарки грубыхъ сальныхъ свѣчей и кости самыхъ погибшихъ рудокоповъ. Въ Сибири найдена

¹⁵²) *Al. Schrenk*, I. с. S. 369. — По словамъ Иславина: «Самоѣды твердо увѣрены, что существуютъ подземные жители Парны, и многіе видѣли даже, какъ изъ ихъ подземныхъ чумовъ выходилъ дымъ». *Иславинъ*, I. с. стр. 139.

¹⁵³) *Третьяковъ*, I. с. стр. 203. *Латкинъ* («Дневникъ во время путешествія на Печору въ 1840 и 1843 гг., I, стр. 149) записалъ со словъ одного Самоѣда, что къ Востоку отъ Оби — живутъ чудные люди; ихъ можно видѣть только издали, а подойдешь ближе — они скроются, а куда — никто не знаетъ, видно въ землю уходятъ».

¹⁵⁴) Вѣрованіе въ подземныхъ людей раздѣляется кос-гдѣ и Русскими. У Малороссовъ — есть повѣрье, что умершіе живутъ подъ землею. Этихъ подземныхъ людей отождествляютъ также съ блаженными Рахманами, (неясный отголосокъ книжнаго сказанія о рахманахъ, т. е. индійскихъ брахманахъ).

была даже бронзовая статуетка (см. рис. 14), изображающая, повидимому, одного такого древняго рудокопа, съ молоткомъ и еще какимъ-то орудіемъ въ рукахъ, съ башлыкомъ на головѣ и съ кожанымъ мѣшкомъ для руды, у пояса ¹⁵⁵⁾. Несомнѣнно, что слухъ объ этой древней горной промышленности долженъ былъ распространиться и среди сосѣднихъ народовъ, жившихъ еще въ состояніи дикости и звѣроловства, хотя и не всегда могъ быть правильно понятъ ими. Доходилъ этотъ слухъ, вѣроятно еще въ XV вѣкѣ (можетъ быть и ранѣе; припомнимъ рассказъ Гюряты Роговича о просѣкающихся черезъ горы людяхъ) — и до Русскихъ, но такъ какъ ино-родцы не могли рассказать путемъ, для чего люди эти ходятъ «по подземелью съ огнемъ», то и остался только одинъ этотъ фактъ, который самъ по себѣ, долженъ былъ казаться чуднымъ.

Но что это за озеро, на которое выходятъ люди изъ подземныхъ ходовъ? На этомъ озерѣ, рассказывается дальше, стоитъ какой-то большой городъ, но безъ посады и людей. «И надъ тѣмъ озеромъ свѣтъ пречюдень и градъ великъ, а посаду нѣтъ у него. И кто поѣдетъ къ граду тому и тогда слышити шумъ великъ въ градѣ томъ, какъ и въ прочихъ градѣхъ (живущихъ); и какъ придутъ въ него, и людей въ немъ нѣтъ, и шуму не слышити никотораго, ни инаго чего животна, но въ всякихъ дворѣхъ ясти и пити всего много и товару всякаго, кому что надобѣ; и онъ положить въ цѣну противу того да возметъ, что кому надобѣ, и прочь отходятъ, а кто что бесцѣны возметъ и прочь отъидетъ, и товаръ у него погубнетъ и обряцется паки въ своемъ мѣстѣ. И какъ прочь отходятъ отъ града того, и шумъ паки слышѣти, какъ и въ прочихъ градѣхъ живущихъ». Позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что озеро это — Кольванское, находящееся въ рудоносномъ западномъ Алтаѣ, въ 30 вер. къ с. с. в. отъ Змѣиногорска. Озеро это выпускаетъ изъ себя рѣчку Нижнюю Кольванку, впадающую въ Локтевку, которая относится къ системѣ р. Чарыша, притока Оби... Близъ озера находятся мѣсторожденія мѣдныхъ рудъ, разрабатывавшіяся уже Чудью и вызвавшія основаніе здѣсь въ 1727 г., Демидовымъ, перваго мѣдиплавильнаго завода. Озеро, въ окружности около 7 верстъ, имѣетъ значительную глубину, очень прозрачную воду и расположено въ горахъ (на высотѣ около 1200 ф.), въ чрезвычайно живописной мѣстности, у подошвы гранитныхъ скалъ, отличающихся

рис. XIV.

Бронзовая статуетка, изображающая древняго Чудскаго рудокопа. Найдена въ Сибири, находится въ Император. Эрмитажѣ.

¹⁵⁵⁾ Эйхвальдъ, «О чудскихъ копияхъ»; также Уупинъ, «Пермскій географ. словарь, статья «Гумешевскій рудникъ». Въ музеѣ Сысертскаго завода я видѣлъ мѣдныя орудія, деревянные ковни и свѣчи, найденные въ Гумешевскомъ рудникѣ.

необыкновенными, причудливыми формами. Скалы эти имѣютъ видъ башенъ, террасъ, пирамидъ, развалинъ замковъ и поднимаются надъ озеромъ мѣстами до высоты 600 — 700 фут. ¹⁵⁶⁾ Разказы о такомъ озерѣ, съ Чудскими около него копиями, легко могли подать поводъ къ возникновенію представленія о выхожденіи на озеро людей изъ подземныхъ ходовъ и о существованіи на немъ большаго мертваго «града» (кремля, крѣпости) безъ посады (ибо имѣются одни только развалины стѣнъ и башенъ, а жилыхъ домовъ нѣтъ). Возможно, что такое необыкновенное мѣсто было выбрано сосѣдними народами и для взаимнаго обмѣна товаровъ помощью нѣмага торга, или же составитель сказанія смѣшалъ здѣсь разказы о двухъ различныхъ фактахъ и мѣстностяхъ.

Обмѣнъ товаровъ безъ переговоровъ и даже безъ того, чтобы торговцы видѣли другъ друга, засвидѣтельствованъ многими древними и позднѣйшими свидѣтельствами. Геродотъ рассказываетъ, со словъ Карфагенянъ, что такъ торговали эти мореплаватели съ народами Африки по ту сторону Геракловыхъ столбовъ (Гибралтара). Они выгружали свои товары на известномъ мѣстѣ берега, потомъ возвращались на суда и разводили на нихъ огонь. Туземцы замѣчали дымъ, выходили на берегъ и клали рядомъ съ товарами — золото. Тогда Карфагеняне снова высаживались на берегъ и смотрѣли, довольно ли золота; если было довольно, они брали его и оставляли товаръ, если нѣтъ, возвращались обратно и ждали. Туземцы снова приходили и добавляли золота, если находили товаръ того стоящимъ. При этомъ ни съ той ни съ другой стороны не было несправедливости; одни не касались золота, покуда количество его не становилось соотвѣтственнымъ цѣнности товара, а другіе не трогали товара, покуда за него не было взято золота ¹⁵⁷⁾. Помпоній Мела и Плиній ¹⁵⁸⁾ рассказываютъ о подобной же нѣмой торговлѣ, производившейся въ уединенномъ мѣстѣ, на

¹⁵⁶⁾ Геогр. Стат. Словарь Россійской Имперіи. Т. II, стр. 698. По *Щуровскому* («Геолог. путешествіе по Алтаю» М. 1846, стр. 92), Колыванъ — озеро залегаетъ между Саушкинскими гранитами... «Отъ первыхъ гранитныхъ обнаженій до Колыванъ озера считается около 10 — 11 верстъ. На всемъ этомъ пространствѣ горы неистощимо разнообразны... Съ одной возвышенности открылось особенно очаровательное зрѣлище. Безъ всякаго преувеличенія, найдете тутъ всѣ возможныя сравненія съ древними замками, съ развалинами готическихъ зданій, съ падающими башнями, со многими искусственными произведеніями, съ нѣкоторыми животными и человѣческими фигурами. При первомъ взглядѣ на Колыванъ озеро, на эту величественную картину, невольно обращается къ нему все вниманіе». — Ренованцъ («*Mineralogisch-geogr. Nachrichten von den Alt. Gebirgen*» Berl. 1788. S. 226), говоритъ, что нигдѣ въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ, ни на какомъ озерѣ онъ не видалъ передъ собою такой восхитительной картины, какъ на озерѣ Колыванскомъ. — По Ледебуру («*Reise durch das Altaigeb.*» I В. 1829. S. 332) съ сѣверной и сѣверо-западной стороны — озеро представляетъ «въ высшей степени романтическій пейзажъ».

¹⁵⁷⁾ Herodot. IV. 196.

¹⁵⁸⁾ Pomponius Mela, III, 7; Seres, genus plenum justitiae, ex commercio, quod rebus in solitudine relictis absens peragit, notissimum, Плиній говоритъ о той же торговлѣ: Fluminis ulteriore ripa merces positas juxta venalia tolli ab his, si placeat permutatio.

берегу одной рѣки, — между Сингалезцами (жителями о—ва Тапробаны) и римскими торговцами съ одной стороны и народомъ Серами (подъ именемъ которыхъ были извѣстны Грекамъ и Римлянамъ Китайцы) съ другой. Эти древнія извѣстія могли казаться баснословными, покуда не были получены подтвержденія тому въ новѣйшее время, какъ изъ Африки, такъ и изъ Азіи. Хѣсть, Винтерботтомъ, Грабергъ фонъ Хѣмзо и другіе путешественники конца прошлаго и первой половины нынѣшняго столѣтія констатировали подобный же торгъ между Маврами Марокко и Неграми, живущими по р. Нигеру, между Португальцами и Неграми на берегу Сиерра Леоне въ западной Африкѣ и на границахъ Мозамбика въ восточной, наконецъ между самыми негритянскими племенами, напримѣръ между береговыми Неграми и живущимъ внутри Лоанго малорослымъ племенемъ Бабонго¹⁵⁹). Относительно Азіи извѣстно, что подобный торгъ существовалъ еще недавно на Суматрѣ между Малайцами и дикимъ лѣснымъ племенемъ Орангъ Кубу; въ южной части острова Тимора — между прѣзжающими на лодкахъ Малайцами и туземцами; между Айнами о—ва Сахалина и Курильцами, между Чукчами и жителями о—ва св. Лаврентія. Особенно обыкновененъ былъ, повидимому, этотъ способъ торговли въ Америкѣ, индѣйскія племена, которой распадались, въ отношеніи языка, на множество различныхъ нарѣчій. Марціусъ собралъ свѣдѣнія о подобномъ торгѣ между нѣкоторыми племенами Бразиліи; Картрайтъ, между европейскими колонистами и первобытнымъ населеніемъ Нью-Фаундлэнда. Извѣстны также свидѣтельства прежняго времени относительно Мексиканцевъ, и новѣйшаго — относительно Индѣйцевъ Новой-Гренады. Въ предѣлахъ нынѣшней Россіи такой способъ торговли описанъ многими средневѣковыми арабскими путешественниками, какъ происходившій въ «странѣ мрака». По словамъ Ибнъ-Батуты, «страна мрака («юра» — арабскихъ писателей X вѣка) лежитъ въ 40 дняхъ пути отъ Булгара и путешествія совершаютъ туда въ небольшихъ повозкахъ на собакахъ... Послѣ 40 дней пути мерзлою-степью путешественники останавливаются въ Странѣ Мрака, выкладываютъ привезенные товары и уходятъ на мѣсто своей стоянки. На другое утро они возвращаются туда, гдѣ оставили товары, и находятъ тамъ для обмѣна соболей, бѣлокъ и горностаевъ. Если торговецъ доволенъ мѣной, то беретъ еѣ тотчасъ съ собою, въ противномъ случаѣ оставляетъ еѣ на мѣстѣ, вмѣстѣ съ своимъ товаромъ. На слѣдующій день жители дѣлаютъ прибавку къ мѣхамъ, и купцы берутъ ихъ, оставляя въ замѣнъ свои товары. Такимъ образомъ происходитъ ихъ купля и продажа. Тѣ, которые тамъ бывають, не знаютъ, съ кѣмъ они ведутъ торговлю, съ людьми или духами; они никого не видятъ въ лицо»¹⁶⁰). Подобныя же извѣстія мы встрѣчаемъ у Абульфеды, Бакуи и другихъ арабскихъ писа-

¹⁵⁹) K. Andree, Geographie des Welthandels. I Bd. 2 Auflage von B. Andree. S. 1877, глава: Der stumme Handel bei wilden Völkern. Ср. также Кулишеръ, Очерки сравнит. этнографіи. Спб. 1887, стр. 196 и Bastian Der Mensch in der Geschichte III, 366 — 368.

¹⁶⁰) Савельевъ, Мухаметанская Нумизматика. 1847, стр. СXXXI, слѣд.

телей, приче́мъ Абульфе́да приписываетъ нѣмой торгъ народамъ, живущимъ къ сѣверу отъ Русскихъ, а Бакуи говоритъ, что такой торгъ ведется Болгарами въ странѣ Uaisua или Ualsa, находящейся въ трехъ мѣсяцахъ пути на сѣверъ ¹⁶¹⁾. Павелъ Іовій (1537) со словъ русскаго посла, Дмитрія Герасимова, сообщаетъ о такомъ же торгѣ у Лопарей съ своими сосѣдями. «Лопари, говоритъ онъ, народъ дикій, подозрительный, избѣгающій слѣдовъ чужаго человѣка, разбѣгающійся даже при видѣ кораблей; они мѣняютъ мѣха, отличающіеся своею бѣлизной, которые мы называемъ горностаевыми, на различные предметы, однако такъ, что избѣгаютъ всякаго разговора съ купцомъ и даже его вида. Сложивъ въ одно мѣсто предметы, которые хотятъ обмѣнять, и оставивъ по срединѣ мѣха, они совершаютъ обмѣнъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ съ отсутствующими и неизвѣстными имъ лицами» ¹⁶²⁾. Нѣсколько позже, у Циглера мы находимъ извѣстіе, что «Лопари ведутъ торговлю при помощи обмѣна, а не деньгами, и лишь киваньемъ головы, а отнюдь не рѣчью высказываютъ свое согласіе, и это не оттого, что у нихъ недостатокъ ума или дикіе нравы, но оттого, что они имѣютъ особый языкъ, непонятный сосѣдямъ». Во второй половинѣ XVII вѣка такой нѣмой торговли уже не существовало: Шефферъ (1657) замѣчаетъ, что «они (Лопари) ведутъ торговлю не знаками, какъ прежде, а при помощи словъ, такъ какъ между ними встрѣчаются многіе, которые говорятъ на языкѣ сосѣдей, либо объясняются съ сосѣдями при помощи переводчиковъ, которыхъ между ними много» ¹⁶³⁾.

Свидѣтельство о нѣмомъ торгѣ мы имѣемъ также въ рассказѣ лѣтописца со словъ Гюряты Роговича (въ XI в.) и въ описаніи Герберштейна, заимствованномъ изъ русскаго дорожника. Герберштейнъ приурочиваетъ извѣстіе о нѣмомъ торгѣ къ людямъ Лукоморья (Lusomogya), умирающимъ на зиму. «Жители городовъ Грустины (Grustina) и Серпонова (Serponov) ведутъ съ ними (людьми Лукоморья) торговлю необыкновеннымъ, неизвѣстнымъ въ другихъ странахъ способомъ, ибо, когда у нихъ наступаетъ опредѣленное время умереть или заснуть, они складываютъ товары въ извѣстномъ мѣстѣ, а Грустинцы и Серпоновцы уносятъ ихъ, оставляя вмѣсто нихъ свои товары и дѣлая ровный размѣнъ. Возвратясь къ жизни (Лукоморцы) требуютъ назадъ свои товары, если находятъ, что имъ сдѣлана несправедливая оцѣнка; отъ того возникаютъ между ними весьма часто

¹⁶¹⁾ Извлеченія изъ этихъ писателей приведены у *Sommier*, «Sirieni, Ostiacchi e Samoiedi dell'Ob». Fir. 1887, p. 44 — 45.

¹⁶²⁾ *P. Iovius*, «In extremo vero eius oceani litore... Lapones existunt, gens supraquam credibile sit, agrestis, suspiciosa, et ad omne externi hominis vestigium navigiique conspectum, maxime fugax... Ii candidissimas pelles quas Armelinas vocamus, cum varii generis marcimoniis permutant, sic tamen, ut omne mercatorum colloquium conspectumque defugiant, adeo ut mutua rerum venalium collatione facta, et relictis medio in loco pellibus cum absentibus et ignotis syncerissima fide permutationes transigantur.

¹⁶³⁾ *Scheffer*, Lapland, 1657. Ср. *Н. Н. Харузинъ*. Лопари, стр. 121 — 123. О нѣмомъ торгѣ у Тунгузовъ, см. еще въ концѣ статьи.

споры и войны». Лукоморье Герберштейнъ помѣщалъ въ горахъ, по ту сторону Оби, повидимому, до моря, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что «приморскія мѣста Лукоморья лѣсисты». Но на картахъ XVII в. положеніе Лукоморья опредѣляется южнѣе, въ средней части Оби, между нею и Енисеемъ.

Какъ бы то ни было, въ существованіи нѣкогда нѣмаго торговаго пути въ Сибирь нельзя сомнѣваться. Гондатти слышалъ въ Обдорскѣ отъ стариковъ, что такой торгъ существовалъ еще сравнительно недавно съ Самоѣдами, а г. Турбинъ передавалъ мнѣ, что онъ практиковался еще въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ въ Амурской области съ тамошними инородцами.

Герберштейнъ прибавляетъ еще, что отъ устья р. Иртыша до крѣпости Грустины два мѣсяца пути, а отъ нея до озера Китаи (Kitai) рѣкою Обью (которая вытекаетъ изъ этого озера) болѣе чѣмъ три мѣсяца пути. «Отъ этого озера приходятъ въ большомъ числѣ черные люди, лишенные дара слова (т. е. имѣющіе «языкъ нѣмъ»); они приносятъ съ собой много товаровъ, преимущественно же жемчугъ и драгоценные камни (uniones, lapides preciosos; sonderlichen Perln und Edlgestain), которые покупаются Грустинцами и Серпоновцами. Озеро Китаи, Kitaisko — встрѣчается почти на всѣхъ картахъ XVII в., какъ мѣсто начала Оби. Очевидно, оно соотвѣтствуетъ Телецкому озеру, изъ котораго вытекаетъ р. Бія (по соединеніи съ Катунью составляющая Обь)¹⁶⁴). Но какіе такіе «черные люди» могли приходить оттуда и приносить жемчугъ (или раковины) и драгоценные камни? Витзенъ видѣлъ въ нихъ Индусовъ, Лербергъ — Бухарцевъ; послѣднее болѣе вѣроятно, такъ какъ позже, съ проникновеніемъ въ Сибирь Русскихъ, торговцами съ юга оказались тамъ именно Бухарцы. По всей вѣроятности — они заходили для торговли и въ болѣе раннюю эпоху, а вмѣстѣ съ ними иногда и Индусы, которые и теперь являются нѣредко для торговыхъ цѣлей въ Туркестанъ и Кульджу.

Въ сказаніи говорится, что нѣмой торгъ на озерѣ долженъ былъ происходить честно; въ противномъ случаѣ, если кто «бесцѣненъ» что бралъ, товаръ исчезалъ у него и оказывался снова на прежнемъ мѣстѣ. На сѣверѣ съ давнихъ поръ практикуется обычай, что если кто (охотникъ, странникъ, торговецъ) найдетъ гдѣ въ лѣсу пустую избушку и въ ней какія-либо вещи, которыя могутъ ему понадобиться, то онъ беретъ, что ему нужно, но оставляетъ взаимно взятаго предметы соотвѣтствующей годности и цѣнности, или деньги. Обычай этотъ, по крайней мѣрѣ въ прежнее время, соблюдался свято, къ общей для всѣхъ пользѣ, такъ какъ нарушеніе довѣрія къ-либо однимъ могло отозваться весьма невыгодно на

¹⁶⁴) Телецкое озеро (Алтынъ-норъ) находится въ поперечной долинѣ Алтая, между Телецкими и Абаканскими горами и занимаетъ пространство въ 250 кв. в. Мѣстами оно обставлено отвѣсными, поросшими лѣсомъ скалами, съ которыхъ шумятъ пѣнищіеся потоки.

всѣхъ другихъ, которые бы оказались въ томъ же положеніи. Эта же общая для всѣхъ выгода заставляла несомнѣнно придерживаться справедливости и при нѣмомъ обмѣнѣ товаровъ съ сибирскими дикарями, который иначе былъ бы невозможенъ, а равно повела, вѣроятно, и къ возникновенію повѣрья, что неправильно произведенный обмѣнъ не способенъ идти на пользу торговца ¹⁶⁵).

Послѣднее извѣстіе сказанія касается «каменской самоѣди», которая «облежитъ около югорскіе земли». «А живутъ по горамъ высокымъ, а ѣздятъ на оленехъ и на собакахъ, а платье носятъ соболіе и оленіе». «Каменскими» называются и теперь еще тѣ изъ Обдорскихъ Самоѣдовъ, которые «своими кочевьями занимаютъ мѣста на Уральскихъ горахъ и на полуостровѣ Ялмалѣ» въ отличіе отъ «низовскихъ», кочующихъ между Обскою и Енисейскою губами ¹⁶⁶). Что касается до названія Уральскихъ горъ «высокими», то слѣдуетъ замѣтить, что въ прежнія времена имѣлось вообще преувеличенное о нихъ представленіе или — что сѣверный Уралъ производилъ на жителей равнинъ впечатлѣніе гораздо большей вышины, чѣмъ онъ имѣетъ еѣ въ дѣйствительности. Князь Курбскій, ходившій походомъ въ Югру, говорилъ Герберштейну, что онъ 17 дней взбирался на

¹⁶⁵) Весьма трудно объяснить, какъ понимать въ разбираемомъ нами извѣстіи «свѣтъ пречюдень» и «шумъ великъ». Нѣчто подобное встрѣчается въ посланіи XIV вѣка Новгородскаго архіепископа Василя къ Тверскому епископу Федору — о раѣ уцѣлѣвшемъ на землѣ. Здѣсь разсказывается, что одинъ Новгородецъ съ сыномъ нашли мѣсто рая гдѣ-то на высокихъ горахъ, у отдаленныхъ береговъ моря, хотя взойти туда оказалось невозможнымъ. На тѣхъ горахъ написанъ Деисусъ «лазоремъ чуднымъ» и вокругъ всего мѣста «свѣтъ самосіяненъ». Хотя солнца и не было, но «свѣтъ бысть многочастный, свѣтлѣяся паче солнца, а на горахъ тѣхъ ликованіе много слышпахуть и веселія гласы вѣщающе». Отъ Новгородецъ же дошло извѣстіе и объ адѣ: «на дышущемъ морѣ червь неусыпающій, скрежетъ зубный и рѣка смоляная Моргъ; вода входитъ въ преисподнія и паки исходитъ трижды днемъ». Здѣсь «свѣтъ самосіяненъ» можетъ быть надо понимать, какъ сѣверное сіяніе, а адъ — какъ какой нибудь водоворотъ въ морѣ. Герберштейнъ, со словъ Григорія Истома, говоритъ, что въ сѣверномъ морѣ есть мысъ, называемый Святымъ Носомъ (Sanctus Nasus). «Это — огромная скала, вдающаяся въ море, на подобіе носа; подъ нею видна водоворотная пещера, которая каждые шесть часовъ поглощаетъ морскую воду и съ большимъ шумомъ изрыгаетъ ее обратно. Одни говорили, что это середина моря, другіе, что это Харибда. Сказывалъ онъ (Истома), что сила этой пучины такъ велика, что она притягиваетъ корабли и другіе предметы, крутитъ ихъ и поглощаетъ». . . . Объясненіе этого «водоворота» заключается въ томъ, что у Святаго Носа, дѣйствительно, сталкиваются два теченія, отъ чего образуется такъ называемый сулой или толчея. Классическая Харибда находилась, какъ извѣстно, въ Мессинскомъ проливѣ, гдѣ также существуетъ сильное теченіе. Тотъ же Герберштейнъ, со словъ Норвежцевъ и русскихъ пословъ, сообщаетъ о высокихъ горахъ на сѣверѣ, подобно Этнѣ постоянно извергающихъ пламя и заключающихъ въ себѣ, по утверженію нѣкоторыхъ, чистилище. Но, какъ извѣстно, никакихъ огнедышущихъ горъ ни въ Норвегіи, ни на Сѣверѣ Россіи нѣтъ. Вулкановъ нѣтъ также ни въ Алтаѣ, ни во всемъ Туркестанѣ, и хотя про Туркестанскія горы и ходила прежде молва, что тамъ есть вулканы, но слухи эти, какъ дознано потомъ, вызваны были, вѣроятно, самовозгараніемъ залежей каменнаго угля.

¹⁶⁶) Кушелевскій, I. стр. с. 112.

какую-то гору «Столпъ», «которая вдается въ океанъ» и простирается до самыхъ устьевъ Двины и Печоры». Впрочемъ Курбскій разумѣлъ, по-видимому, не одну какую-нибудь вершину, а говорилъ, вѣроятно, о переходѣ поперекъ всей горной системы. Ранѣе, въ XI вѣкѣ (въ рассказѣ Гюраты Роговича), объ Уралѣ имѣлось понятіе, какъ о горахъ «имже высота аки до небесе»¹⁶⁷).

Далѣе о Каменской Самоѣди говорится: «А ядятъ мясо оленіе, да и собачину, и бобровину сыру ядятъ, а кровь пьютъ человѣчью и всякую. Да есть у нихъ лѣкари: у котораго человѣка внутри не здраво, и они брюхо рѣжутъ, да нутрь вынимаютъ и очищаютъ и паки заживляютъ». Употребленіе Самоѣдами сыраго мяса извѣстно всѣмъ; даже Архангельскіе Самоѣды «всему предпочитаютъ сырое, дымящееся оленье мясо и теплую кровь только что убитаго оленя. Иславинъ говоритъ также, что Самоѣды не гнушаются ѣсть и падаль, особенно бѣдняки»¹⁶⁸). Не удивительно, что въ прежнее время они ѣли и собачину, и бобровину, тѣмъ болѣе, что ранѣе бобръ былъ навѣрное болѣе обыкновененъ въ Приуральскомъ краѣ, чѣмъ теперь. Относительно употребленія человѣческой крови, напомнимъ снова вогульскія и самоѣдскія преданія объ ихъ древнихъ богатыряхъ. Что касается «лѣкарей», то подъ ними, очевидно, разумѣются шаманы. По словамъ Кушелевскаго, шаманы Каменскихъ Самоѣдовъ выдѣлываютъ «разныя штуки, въ родѣ чудесъ, напримѣръ прокалываютъ себя ножемъ или саблей; кровь не идетъ и живъ остается... Сидя на землѣ, шаманъ беретъ бубень, начинаетъ въ него бить, тяжело вздыхать, втягиваетъ въ себя воздухъ, кривляется, послѣ прокалываетъ себя ножемъ въ животъ, грудь и въ изнеможеніи падаетъ на землю»... По Иславину, самоѣдскій «шаманъ», во время вдохновенія, дѣлаетъ, будто вонзаетъ себѣ шомполъ или ножъ въ одинъ бокъ, а изъ другого вынимаетъ». Подобныя штуки они продѣлываютъ и надъ больными. «Наружныя болѣзни или наросты, — говоритъ Иславинъ, — они или срѣзываютъ ножемъ или скусываютъ зубами, а о внутреннихъ говорятъ, что это завелся червь въ животѣ, и чтобы найти мѣсто, гдѣ онъ сидитъ, водятъ по животу божкомъ съ острымъ носикомъ... и когда найдутъ больное мѣсто, то или *вскрываютъ животъ*, или просто, прикладываясь къ нему зубами, дѣлаютъ видъ, будто призываютъ червя и всасываютъ его въ себя и, вынувъ изо рта, показываютъ излѣченному».

¹⁶⁷) Въ Сибирской лѣтописи И. Черепанова — объ Алтайскихъ горахъ тоже говорится, что они достигаютъ «главою до небесъ». Въ Разрядной книгѣ, о походѣ 1492—1500 гг. Кн. Петра (Ушатаго) и кн. Семена (Курбскаго), сказано, что они шли отъ Печоры до Камня двѣ недѣли, и тутъ развелися... черезъ Камень щелью, а Камени въ облакахъ не видно. А коли вѣтрено, ино облака раздираетъ. А длина его отъ моря до моря. Названіе «Камень» происходитъ, можетъ быть, отъ остяцкаго и самоѣдскаго названія Урала — «Кёу» и «Пай», что означаетъ камень или скалу. См. *Замысловскій*, стр. 137.

¹⁶⁸) По словамъ Кушелевскаго, «видѣть какъ Самоѣды жрутъ оленье мясо, макая его въ кровь, и пачкаютъ кровью и безъ того противныя свои фізіономіи — переходить за предѣлы самосильнѣйшаго отвращенія».

По словамъ Третьякова, самоѣдскій шаманъ, «чтобы исторгнуть изъ тѣла злаго духа... хватаетъ зубами за больное мѣсто и черезъ нѣсколько минутъ вытаскиваетъ изъ своего рта кишку какого нибудь звѣря, червяка или просто волосокъ. Понятно, что такое «вскрытіе живота» и выниманіе кишки могло вызвать представленіе, что самоѣдскіе лѣкари рѣжутъ больному брюхо, нутро вынимаютъ и очищаютъ и паки заживляютъ»¹⁶⁹).

Въ заключеніе о той же самоѣди сказано: «Да въ той же Самоѣди видали, скажутъ самоѣды же, старые люди, зъ горы подлѣ море, мертвыхъ своихъ: идутъ плачущи множество ихъ, а за ними идетъ великъ человекъ, погоняя ихъ палицею желѣзною»¹⁷⁰). Здѣсь передается, очевидно, рассказъ стариковъ-Самоѣдовъ, видавшихъ будто бы своихъ мертвыхъ. Для объясненія этого рассказа слѣдуетъ принять во вниманіе повѣрье Самоѣдовъ и Остяковъ, что загробный міръ находится на сѣверѣ, у Ледовитаго моря. (По словамъ Н. Л. Гондатти, Маньзы (Вогулы) вѣрятъ, что тѣнь человека отправляется въ подземное царство, расположенное въ Ледовитомъ морѣ, за устьемъ Оби, и находящееся въ распоряженіи подземнаго бога Куль-одырѣ (куль—дьяволъ), который получаетъ записи отъ Нуми-торума (старшаго сына Корсь-торума, главнаго бога), кому слѣдуетъ умереть. Куль-одырѣ, отличающійся большимъ ростомъ, беретъ тѣни записанныхъ и гонитъ ихъ большою дубиною чрезъ тундры въ свое царство. Каменскіе самоѣды, по словамъ Кушелевскаго, «находившись съ давнихъ поръ подъ вліяніемъ Остяковъ, усвоили себѣ многія религіозныя ихъ понятія о нумѣ (богѣ), о загробной жизни человека и о сотвореніи міра». Если это такъ, то они могли усвоить и вѣрованіе въ Куль-одыра, большого роста («великъ человекъ»), который гонитъ тѣни умершихъ дубиною чрезъ тундры, и рассказы о которомъ могли дойти и до составителя Новгородскаго сказанія.

Любопытно, что въ сказаніи не говорится ни объ одномъ сибирскомъ народѣ, который бы употреблялъ исключительно каменные и костяныя орудія, т. е. находился бы въ стадіи каменнаго вѣка. Если упоминается оружіе: трубка для стрѣльбы, стрѣлы, палица, — то только желѣзныя¹⁷¹).

¹⁶⁹) Повидимому, первое извѣстіе о самоѣдскихъ шаманахъ и ихъ камланіи встрѣчается у Джонсона, въ его письмѣ къ Ченслеру, 1556 г. Джонсонъ описываетъ гаданіе и жертвоприношеніе Самоѣдовъ, видѣнныхъ имъ близъ устья Печоры. При этомъ онъ говоритъ, что шаманъ (жрецъ — priest) былъ одѣтъ въ странный костюмъ, билъ палкой въ бубень, испускалъ дикіе звуки, пришелъ наконецъ въ изступленіе и упалъ на землю, какъ мертвый. Затѣмъ онъ очнулся, взялъ мечъ и воткнулъ его на половину въ свой животъ, но такъ, что раны не было. «Then hee tooke a zworde of a cubite und a sprauue long (I did met it my selfe) and put it into his bellie halfeway and sometime lesse, but no wounde was to bee seene».

¹⁷⁰) Въ спискѣ Унковскаго послѣ словъ «мертвыхъ своихъ» вставлено «несуть»; очевидно, переписчикъ не могъ понять, какъ это мертвые могутъ идти, и предположилъ, что тутъ пропущено слово «несуть» и что слово «идутъ» относится къ провожатымъ.

¹⁷¹) Судя по рассказу Гюряты Роговича (въ концѣ XI в.) — Зауральскіе народы еще находились тогда въ переходной стадіи отъ камня къ желѣзу. О нихъ говорится: «кажутъ на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ

Очевидно, Русскіе еще не знали тогда Тунгузовъ и другихъ инородцевъ Восточной Сибири, съ которыми встрѣтились позже, и у которыхъ оказалось оружіе изъ камня и кости, какъ-то и было отмѣчено въ «сказкахъ» служивыхъ людей XVII в. Такъ, въ сказкѣ служилаго человѣка Нехорошка Иванова Колобова, отъ 7154 (1645 г.), воевавшего съ Тунгузами на р. Ульѣ, объ оружіи и орудіяхъ этого народа говорится такъ: «а бой у нихъ лучной, копейца и рогатины все костяныя, а желѣзныхъ мало, и лѣсъ и дрова сѣкутъ и юрты рубятъ каменными и костяными топорки»¹⁷²). У Чукчей, Юкагировъ, Камчадаловъ, Курильцевъ, Алеутовъ — каменные орудія и оружія употреблялись, какъ извѣстно, еще въ XVIII вѣкѣ и встрѣчались даже, мѣстами, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Заканчивая разсмотрѣніе сказанія, нельзя не повторить снова, что многія извѣстія его совершенно согласны съ дѣйствительностью, другія вѣроятны или возможны, третьи основаны, тоже, очевидно, на дѣйствительныхъ, хотя преувеличенныхъ или невѣрно понятыхъ фактахъ и только нѣкоторыя — представляются явно мнѣческими, но и то едва ли придуманными нарочно, а скорѣе передающими ходившія между Югрой и посѣщавшими ихъ Русскими — повѣрья и рассказы. Если бы составитель сказанія выдумывалъ явныя небылицы, онъ могъ бы припомнить и Гога и Магога, и какихъ-нибудь свирѣпыхъ псиголовцевъ, помѣстить въ неизвѣстной странѣ разныхъ чудныхъ звѣрей, людей съ хвостами, страшныхъ великановъ и т. под., чего однако онъ не сдѣлалъ. Какъ ни мнѣченъ, напримѣръ, рассказъ объ умирающихъ на зиму людяхъ, однако его далеко перецеголяли нѣкоторыя легенды о вліяніи мороза, составившіяся въ средне-вѣковой литературѣ Запада, напримѣръ о звукахъ голоса и трубъ, застывающихъ на морозѣ и звучащихъ снова послѣ оттаиванія, о всадникахъ примерзающихъ къ сѣдлу лошади, объ отрѣзанной на морозѣ головѣ, прирастающей потомъ снова къ тѣлу и т. п.¹⁷³). У многихъ старинныхъ путешественниковъ, не только средне-вѣковыхъ, но и XVI — XVIII вѣковъ, можно встрѣтить большее число баснословныхъ извѣстій, чѣмъ въ этомъ простомъ рассказѣ о видѣнномъ и слышанномъ Новгородскаго торговаго человѣка.

Наоборотъ, положительныя стороны разбираемой статьи заслуживаютъ полнаго вниманія съ историко-этнографической точки зрѣнія. Въ немъ мы находимъ первый сколько нибудь связный рассказъ о народахъ по нижнему теченію р. Оби и по р. Тазу, объ Юракахъ, Каменскихъ Самоѣдахъ и другихъ племенахъ имъ родственныхъ, — первые слухи о странахъ въ верховьяхъ Оби, о нѣкоторыхъ племенахъ Тюрко-монгольскихъ,

ножъ ли, ли секиру, и они даютъ скорою (въ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго: «соболи, куницу, белку») противу». Но къ XV в. народы эти, повидимому, уже хорошо познакомились съ желѣзомъ. — Сообщеніемъ указанныхъ «сказокъ» (изъ дѣлъ Якутскаго Обл. Правленія, въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи) я обязанъ А. А. Гоздаво-Голомбѣовскому.

¹⁷²) S. Ruge. Frostgeschichten, въ «Abhandlungen und Vorträge zur Geschichte der Erdkunde». Dr. 1888. S. 21 — 31.

ихъ бытѣ, древней разработкѣ Алтайскихъ копей, нѣмомъ торгѣ, шаманствѣ и т. д. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ статья представляетъ интересъ и для общей этнологіи или исторіи первобытной культуры: здѣсь мы встрѣчаемъ извѣстія о людоедствѣ, о стрѣльбѣ изъ желѣзныхъ трубокъ, одну изъ древнѣйшихъ легендъ о мертвомъ городѣ и т. д. Наконецъ, статья заслуживаетъ вниманія и въ историко-географическомъ отношеніи въ виду того, что нѣкоторыя данныя ея дали матеріаль для иностранныхъ картъ XVI вѣка и что отсюда, повидимому, были заимствованы понятія о странахъ Molgomzaia, Baida и о Каменскихъ Самоѣдахъ.

Что касается до того, какимъ образомъ невѣрно поняты и преувеличенные рассказы могли давать поводъ къ возникновенію среди Русскихъ въ Сибири даже въ концѣ XVII вѣка, баснословныхъ слуховъ, — любопытный примѣръ представляетъ отписка Енисейскаго воеводы князя К. О. Щербатаго въ Сибирскій приказъ — о дикихъ людяхъ Чюлюгдѣяхъ, 1685 г., найденная въ выпискахъ изъ столбцевъ Сибирскаго приказа, сдѣланныхъ въ 1776 г. въ Сенатскомъ Разрядномъ Архивѣ (нынѣ находящихся въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи) и опубликованная недавно А. А. Гоздаво - Голомбѣвскимъ въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей» за 1888 г. Въ отпискѣ говорится, что въ февралѣ 193 г. (1685) «почала быть словесная речъ межъ всякихъ чиновъ, будто въ енисейскомъ уѣздѣ, вверхъ по Тунгускѣ рекѣ, явились дикіе люди ободной рукѣ и ободной ногѣ». Узнавъ объ этомъ и воспользовавшись прибытіемъ въ Енисейскъ «сверхъ Тунгуской реки... Чодобскихъ розныхъ волостей ясачныхъ тунгусовъ», воевода велѣлъ «про тѣхъ вышеписанныхъ дикихъ людей тѣхъ тунгусовъ распросить, гдѣ тѣ дикіе люди и вкакихъ местехъ живутъ и каковы они въ рожи, те люди, и какое на себѣ платье носятъ». На допросѣ тунгусъ съ Каты рѣки Богдашка Чеко-тѣевъ сказалъ: «вверхъ де по Тунгуске рѣкѣ идучи, на левое стороне противъ деревни Кужемской, гдѣ живетъ енисейской пашенной крестьянинъ Васка Пановъ стоварищи, на высокой горе, вкамени отъ Тунгуски реки версты стри видѣлъ онъ, Богдашко, яму, а та де яма вовсе стороны круга шириною аршина пополтора и исъ тойде ямы исходитъ духъ смрадной, человеку невозможно духа терпети, и у туй де ямы состоятъ онъ, Богдашко, долго не могъ оттого смраданаго духа и одшедь де отъ ямы лежалъ отъ того духу головою болѣзнью день, а какова де та яма пошла вземлю шириною и въ глубину того де онъ, Богдашко, неведаетъ, потому что де онъ вту яму незаглядывалъ, а около де тое ямы мелкой и большой стоячей лѣсъ на кореню, по местамъ знаки строганы ножемъ или инымъ чѣмъ во многихъ местехъ, а у своей братьи у тунгусовъ онъ Богдашко слыхалъ, что живутъ де въ той яме люди, а имена тѣмъ людямъ чюлюгдѣи, а ростомъ де тѣ люди среднему человѣку вгруды, ободномъ глазе и ободной рукѣ и ободной ногѣ, а глазде у него чюлюгдѣя и рука слѣвую сторону, а нога съ правую сторону, а зверя де всякого и птицу они чюлюгдѣи стрѣляютъ излуковъ, а рѣжутъ де зверя и дерево стружутъ пилою, а какимъ де образцомъ лукъ и стрѣла и пила того де онъ Богдашко неслыхалъ и не видалъ, а торгъ де у нихъ чюлюгдѣевъ съ ними тунгу-

сами такой: приносятъ де тунгусы на ихъ дороги, по которымъ дорогамъ они чюлюгдѣи ходятъ, дятлевое птичье перье и тоде перье втыкають они около стоячего листовичнаго дерева влиственничную кожу а тѣде чюлюгдѣи, пришедъ, то перье емлють безъ нихъ тунгусовъ, а тѣмде тунгусомъ вмѣсто того перья кладутъ на тожъ место стрельные всякіе птицы и посуду своего дѣла, а какую де посуду кладутъ мѣдную или желѣзную или иную какую и для чего де дятлевое перье себе емлють, того де онъ Богдашко не слыхалъ, да онже де Богдашко слыхалъ отъ брацкихъ ясашныхъ тунгусовъ, которые живутъ по Ангарѣ реке въ Брацкомъ уезде, ставили де тунгусы на зверей самострѣлы и исъ техъ де тунгусовъ тунгусъ въ самостреле своемъ вынялъ застреляного того дикого человѣка, а платье де на томъ дикомъ человеке тулупецъ кожиной опушенъ бѣлою козлиною, а въ рукахъ де у него пила железная, а какой де кожиной тулупъ теплой или холодной и какимъ образцомъ пила зделана про то де онъ, Богдашко, неслыхалъ, а на которой де стороне глаза нетъ и та де сторона лицо и бокъ весь чернъ что уголь, а родимая ль де та черность или череная про то де онъ не слыхалъ, а другая де сторона лицо и бокъ какъ у человека, и того де мертваго дикого человека тотъ тунгусъ кинулъ у того самострела, и после де тѣ дикіе люди того застреленого взяли ксебе, а иного де ничего онъ, Богдашко, про техъ дикихъ людей неслыхалъ, а подлинно де про то ведаютъ братскіе ясашные тунгусы а онде, Богдашко, противъ той вышеписанной Кежемской деревни, что живетъ пашенной Васка Пановъ, видѣлъ самъ на горѣ въ камени ту яму и оттон де ямы видель же слѣдъ техъ дикихъ людей на снегу хожено одною босою ногою, а тотъ де ихъ следъ гораздо малъ, какъ пяти лѣтъ ребенка». Другой тунгусъ, Имарги, показалъ по тому же вопросу слѣдующее: «въ прошлыхъ де годехъ шелъ де онъ, Имарги, ссоболиного промыслу изъ лѣсу весною по малому снегу и противъ деревни де Кежемской, гдѣ живетъ пашенной крестьянинъ Васка Пановъ стоварищи въ камени втомже месте, гдѣ видалъ яму вышеписанной Кацкой же тунгусъ Богдашко Чѣкотеевъ, нанесло де на него духъ смрадной того места съ камени, невозможно человеку терпети, а тотъ де духъ таковъ, какъ желѣзо горитъ, и мимо де то мѣсто, онъ, Имарги, прошелъ скоро, а около де того места на такомъ лесу, отъ деревья кожа кругомъ рукою обтерта до дерева по одному месту, отъ земли человѣку впоясь, и пришедъ де онъ ксвоеи братѣ къ тунгусамъ и про тотъ духъ смрадной и про обтертое деревье сказывалъ, и тунгусы де про яму говорили, чаятъ де, что тутъ живутъ дикіе люди чюлюгден, да онъ же де слыхалъ у своей же брати у тунгусовъ, что въ прошлыхъ недавныхъ годехъ ставливали де тунгусы на козъ самострелы а такого дикого человека одинъ тунгусъ вынялъ всамостреле своемъ застреленого, а каковъ тотъ дикой человекъ ростомъ и врожей и вприметы и какое на немъ платье, протоде онъ ни откого не слыхалъ». Послѣ того воевода вызвалъ къ допросу «Кужемской деревни пашеннаго крестьянина Васку Панова», который на тотъ же вопросъ, показалъ: «по Тунгуске де реке вверхъ идучи на левой стороне противъ ево Васкины деревни въ горѣ въ каменѣ, где бутто видель онъ,

Богдашко, яму и такой де ямы онъ Васка не видалъ и духу смраднago втѣхъ местѣхъ никакихъ никакова неслыхалъ, а Къжейскіе де тунгусы сказывають, слыхали у дедовъ и у прадедовъ своихъ, что близъ де той ево нынешней Васкины Кужемской деревни жили дикіе люди во Каменю и въ земле, а называли де ихъ чюлюгдеями, а теде дикіе люди ростомъ среднему человеку вгруды, поперекъ толсты, ободной рукѣ, ободной ноге, ободномъ глазе, а платье де они носятъ будто де тунгусково переводу, а шапки на нихъ маленькіе круглые, а теплое-ль-де то платье носятъ или холодное того неслыхалъ, а следъ де деды и прадеды ихъ тунгускіе видали гораздо малъ, а тотде ихъ следъ видали лѣтомъ на песку около ихъ, гдѣ они живутъ, хожено босою ногою, а оттехде ямъ смрадной духъ великой, невозможно человеку терпеть, и ввидъ де ихъ видали, а ходять де тѣ дикіе люди гораздо скоро, буде отъ нихъ бѣжать противъ солнца и они де постичь человека не могутъ, а буде де въ которон день сонца нетъ и въ тѣ де дни носятъ они, тунгусы, ссобою дерево, которое бьетъ громовою стрелою и темде деревомъ отнихъ отбиваютца, а какъ де техъ деревъ сними не живеть и они де чюлюгдей ихъ тунгусовъ давять, а торгують де они дикіе люди съ тунгусами, приносятъ де на ихъ ямы птичье перье дятленое и сойное и делаютъ исъ прутья деревянные колца и теде колца кладуть у ямъ ихъ сперьемъ вместе для того, какъ де они зделаютъ колцо малое и тѣ де дикіе люди за то перье противъ того колца малово положить на тожъ мѣсто своего дѣла котель болшой, а какъ де положить колцо болшое и то де противъ того полажать котель малой, а говорятъ де тѣ люди по тунгуски, да тѣжде дикіе люди бутто вымали у дѣдовъ и у прадедовъ ихъ изъ ловушикъ ихъ зайцы и козы, а какое де у нихъ ружье естли и для чего дятленое и сойное перье они емлють и какіе у нихъ котлы медные или желѣзные, тогоде онъ Васка отъ нихъ тунгусовъ неслыхалъ, да видали де ево Васкины внучаты противъ своеи деревни въ ближнихъ местахъ знать стоячее дерево человеку впоясъ обтерто неведома чемъ кругомъ дерева мало не до самого дерева, а тунгусы де имъ сказывають, что будто то деревье оптерли те дикіе люди, а онъ де Васка самъ того деревья не видиль, да онже де Васка слыхалъ оттехъ же тунгусовъ, что въ Илимскомъ де уезде, вверхъ идучи по Илиме реке на посторонной реке на Тубе ставили де въ прошлыхъ давныхъ годехъ тунгусы на зверей самострелы и одному де тунгусу попалъ на самострелъ такой же дикой человекъ, а каковъ де онъ возрастомъ и вприметы и какое на немъ было платье, того де онъ Васка ничего не ведаеть и отъ ихъ тунгусовъ неслыхалъ».

Въ результатѣ допроса оказалось, слѣдовательно, что у Тунгузовъ есть старинное преданіе, будто въ горахъ, въ землѣ живутъ дикіе люди Чюлюгдей, небольшого роста, объ одной рукѣ, объ одной ногѣ и объ одномъ глазѣ; что они имѣють пребываніе въ ямахъ, изъ которыхъ исходитъ смрадный духъ («какъ желѣзо горить»), что Тунгузамъ случалось прежде съ ними воевать, но что они вели также съ ними нѣмой торгъ и обмѣнивали птичьи перья на котлы (неизвѣстно — мѣдные или желѣзные), и что

есть слухъ, будто однажды такой дикій человѣкъ попался въ звѣриную ловушку. Въ этихъ смутныхъ разказахъ смѣшались, повидимому, два преданія или повѣрья; во-первыхъ, что Тунгузы вели прежде нѣмой торгъ съ какимъ-то народомъ, который занимался желѣзною промышленностью, обжигалъ желѣзную руду и обмѣнивалъ металлическіе котлы на перья (нужныя, можетъ быть, для стрѣльныхъ древковъ), а во-вторыхъ, что по разказамъ стариковъ Тунгузовъ въ землѣ живутъ «чюлюгдей», полу-люди, имѣющіе только одну руку, одну ногу и одинъ глазъ. Послѣдніе, очевидно, соотвѣтствуютъ тѣнямъ умершихъ Енисейскихъ Самоѣдовъ, которые представляются имѣющими человѣческой образъ, но не вполне, безъ руки, безъ ноги или безъ половины головы, или злымъ духамъ (въ первоначальной основѣ тоже, повидимому, душамъ покойниковъ), которые также походятъ на человѣка, но не совсѣмъ, имѣютъ, напримѣръ, одинъ глазъ или два рта и т. п. Возможно, что у самихъ Тунгузовъ преданія о нѣмомъ торгѣ съ какимъ-то народомъ, жившимъ въ землянкахъ и занимавшимся обжиганіемъ руды, смѣшались впоследствии съ повѣрьемъ о подземныхъ обитателяхъ холоднаго, загробнаго міра, и въ такомъ видѣ дошли до Русскихъ, у которыхъ и стали распространяться мнѣ о дикихъ людяхъ чюлюгдяхъ, живущихъ въ ямахъ.

Въ заключеніе нельзя не обратить вниманія на языкъ разсмотрѣнной нами статьи, представляющей несомнѣнные слѣды архаизма и придающей произведенію Новгородскаго писателя-торговца своеобразный отпечатокъ отдаленной старины.

Д. Анучинъ.

ПО ПОВОДУ ПЯТИСОТЛѢТІЯ
ПЕРВАГО РУССКАГО ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ДОНУ,

дѣйств. члена М. А. Веневитинова.

Разставаясь, вслѣдствіе служебныхъ обязанностей, надѣюсь временно, съ Москвой и съ Археологическимъ Обществомъ, я считаю своимъ долгомъ связать мѣстность предстоящей мнѣ новой дѣятельности съ вопросами археологіи и воспользоваться поводомъ юбилейнаго характера, чтобы обратить вниманіе науки на историческую географію теченія рѣки Дона.

Въ настоящемъ году истекаютъ пять вѣковъ съ того времени, какъ митрополитъ Пименъ совершилъ свою поѣздку въ Царьградъ. Поддерживаемый въ своихъ домогательствахъ сана митрополита В. Княземъ Олегомъ Ивановичемъ Рязанскимъ противъ Діонисія и Кипріана, кандидатовъ Дмитрія Донскаго, Пименъ, такимъ образомъ, является однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ примѣровъ, на которыхъ отражалась борьба Рязани съ Москвою. Борьба эта слишкомъ извѣстна въ исторіи, благодаря особенно трудамъ Д. И. Иловайскаго, чтобы на ней здѣсь остановиться. Константинопольскій патріархъ въ то время имѣлъ рѣшающій голосъ во взаимныхъ домогательствахъ соперниковъ по сану Московскаго митрополита. Съ этою цѣлью, т. е. для подкрѣпленія своихъ притязаній, митрополитъ Пименъ три раза ѣздилъ въ Царьградъ, именно въ 1379 г., 1385 и 1389 г. Намъ неизвѣстно какимъ путемъ онъ шелъ въ первый разъ, во второй онъ плылъ Волгою, а въ третій — Дономъ. Послѣдній путь былъ выбранъ не случайно: онъ проходилъ по владѣніямъ Олега, покровителя Пимена, и прорѣзывалъ, вслѣдъ за Окою, Рязанское княжество, съ сѣвера на югъ. Кромѣ того, плаваніе Дономъ было короче, чѣмъ сообщеніе съ Царьградомъ посредствомъ Волги; въ низовьяхъ Дона еще задолго передъ тѣмъ существовали русскія поселенія въ мѣстности Червленнаго Яра, извѣстной изъ грамотъ митрополитовъ Феогноста и Алексѣя и упоминаемой въ лѣтописи Никоновской еще подъ 1148 г. (Иловайскій, исторія

Рязанскаго княжества). Устье Дона принадлежало Генуезцамъ, народу Христіанскому. Затѣмъ, предстояло плаваніе по Азовскому и Черному морямъ. Все это, по тогдашнимъ условіямъ, было удобнѣе, безопаснѣе и скорѣе, чѣмъ болѣе краткій, по разстоянію, сухой путь чрезъ Кіевъ и нынѣшнія Бессарабію и Болгарію, которымъ обыкновенно ходили Русскіе паломники въ Іерусалимъ, садившіеся на морскіе суда въ Бѣлградъ (Аккерманъ) или Константинополь. Не забудемъ, что Пименъ долженъ былъ спѣшить, чтобы поскорѣе заручиться покровительствомъ патріарха и его помощью противъ своихъ соперниковъ. Вотъ почему онъ долженъ былъ избѣгать длиннаго пути благочестивыхъ странниковъ, руководствовавшихся стремленіемъ потрудиться ради спасенія души и вмѣсто степей югозападной Россіи, направился въ Царьградъ водою, сперва Волгою, а потомъ, еще ближе, Дономъ. Въ послѣднемъ путешествіи, совершенномъ въ 1389 г., въ его свитѣ находился, между прочимъ, Смоленскій епископъ Михаилъ, а послѣдняго, въ свою очередь, сопровождалъ находившійся при немъ въ качествѣ грамотѣя и писца нѣкто Игнатій, смоленскій уроженецъ или житель. Этому то Игнатію обязаны мы описаніемъ приключеній митрополита Пимена по пути изъ Москвы въ Царьградъ, рассказомъ о видѣнномъ въ Константинополѣ и описаніями Палестины и Аѳонской горы. Свидѣтельскія показанія спутника Пимена намъ лично особенно важны, какъ данныя для исторіи и географіи береговъ Дона. На эту сторону трудовъ Игнатія я и обращаю особенное вниманіе въ настоящемъ сообщеніи, имѣющемъ, преимущественно, цѣлю выяснить состояніе мѣстности, занимаемой нынѣшнею Воронежскою губерніей за пять сотъ лѣтъ назадъ. Къ этому побуждаютъ меня, помимо совпаденія годовъ XIV и XIX столѣтій и то обстоятельство, что оба изданія хожденія Игнатія Смоленскаго, появившіяся въ 1849 г. во II томѣ сказаній русскаго народа и въ 1887 г. въ 12-мъ выпускѣ Православнаго Палестинскаго Сборника, требуютъ исправленія нѣкоторыхъ неточностей, допущенныхъ редакторами этихъ изданій, И. П. Сахаровымъ и М. X. Лопаревымъ, именно въ той ихъ части, которая касается объясненій географическихъ названій, упоминаемыхъ Игнатіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ придется коснуться и другихъ вопросовъ, связанныхъ съ исторіей мѣстностей, по которымъ странствовалъ митрополитъ Пименъ. Путешествіе его описано въ видѣ дневника съ отмѣтками дней, недѣль, мѣсяцевъ, церковныхъ праздниковъ, заговѣній и т. д. Всѣ эти отмѣтки намъ легко провѣрить по календарю 1389 года, который мы постарались возстановить и извлеченіе изъ таблицы котораго помѣщаемъ въ приложеніи.

Пименъ выѣхалъ изъ Москвы 13 апрѣля 1389 г. При упоминаніи этого числа онъ указываетъ, что оно приходилось на вторникъ страстной недѣли. Въ страстную субботу путники прибыли въ Коломну, пограничный городъ Московскаго княжества. Казалось бы, что четырехъ дней для прохожденія этого незначительнаго разстоянія (100 — 150 верстъ) было слишкомъ достаточно при быстрой ѣздѣ. Но митрополитъ ѣхалъ, вѣроятно, шагомъ, какъ, по понятіямъ того времени, подобало представителю высшей

духовной іерархіи. Свита его, кромѣ смоленскаго епископа и спасскаго архимандрита, слѣдовала, вѣроятно, пѣшкомъ, чѣмъ также замедлялось путешествіе.

Въ самый день Пасхи, т. е. 18 апрѣля, Пимень и его спутники сѣли подѣ Коломною на суда и поплыли внизъ по Окѣ. Всю свѣтлую недѣлю были они, въ качествѣ почетныхъ гостей Олега Рязанскаго, чествуемы въ его владѣніяхъ. Въ Перевитскѣ, первомъ попутномъ городѣ его княжества, ихъ встрѣтилъ рязанскій епископъ, по нѣкоторымъ спискамъ назвавшійся Еремеемъ и родомъ Грекъ. Послѣднее имя встрѣчается только въ текстѣ, изданномъ Сахаровымъ, и требуетъ разъясненій въ виду данныхъ, сообщаемыхъ спискомъ Іерарховъ П. М. Строева. Въ этомъ источникѣ время епископства Іеремиі отнесено къ 1390 — 1392 годамъ, а въ 1389 году владыкою рязанскимъ предполагается, вѣроятно, Феогноствъ, хиротонисанный 15 августа 1388 г., упоминаемый въ 1390, 1396, 1401 годахъ и умершій въ 1407. Но, можетъ быть, въ Рязани отражалась распря Пимена съ его соискателями митрополіи, а Еремей съ Феогностомъ принадлежали къ враждующимъ партіямъ духовенства, какъ одновременные соперники.

Имя Перевитска не объяснено у Сахарова, а въ указателѣ къ изданію Православнаго Палестинскаго Общества при этомъ названіи прибавлена краткая ссылка на «Перевитскій торжокъ, городъ на Окѣ». Послѣднее указаніе заставляетъ насъ искать не существующаго теперь въ Рязанской губерніи города, но издатели хорошо бы сдѣлали, еслибы для объясненія имени Перевитска заглянули бы, помимо Рязанской исторіи Д. И. Иловайскаго, хотя бы въ словарь Щекатова или въ книгу Большаго Чертежа, изданную Спасскимъ. Тамъ они узнали бы, что уже въ началѣ этого вѣка Перевитскъ былъ селомъ, лежащимъ на Окѣ въ равномъ разстояніи между Коломною и теперешнею Рязанью и что это село, прежній городъ, дало имя одному изъ становъ Рязанскаго уѣзда, называвшемуся, еще въ XVII вѣкѣ, Перевитскимъ.

Второй городъ рязанскаго княжества, посѣщенный Пименомъ и его спутниками, былъ Переяславль. Это и есть нынѣшняя Рязань. Въ древности же, столицей княжества былъ другой городъ, въ 30 верстахъ внизъ по Окѣ, разоренный въ 1237 г. Татарами и съ тѣхъ поръ обратившійся въ село, называемое Старой Рязанью (Щекатовъ, книга Б. Чертежа, Иловайскій). Въ Переяславлѣ Пимена ожидалъ самъ Олегъ съ семействомъ и боярами княжества. Здѣсь странствующему митрополиту былъ оказанъ отмѣнный пріемъ, задержавшій его почти на цѣлую недѣлю въ гостяхъ. Олегъ не только позаботился объ угощеніи почетныхъ путешественниковъ, но и о безопасности ихъ въ дальнѣйшемъ пути по волоку, между Окой и Дономъ, гдѣ приходилось бросить суда и итти пѣшкомъ или на лошадахъ. Мѣстность эта лежала въ предѣлахъ Пронскаго княжества и была, какъ видно, не безопасна. Пимену данъ былъ цѣлый охранный отрядъ изъ дружины и войска Олега, подѣ начальствомъ Рязанскаго боярина Станислава. Помимо охраны путниковъ, отряду этому, по всей вѣроятности было поручено перетаскать съ Оки на Донъ тѣ суда, на которыхъ Пимень и его свита приплыли изъ Коломны въ Переяславль.

Слѣдующая, затѣмъ, запись Игнатія о переправѣ съ Оки на Донъ, повидимому, нѣсколько испорчена переписчиками. Но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этой записи, обратимся къ свидѣтельству Д. И. Иловайскаго. Въ его исторіи Рязанскаго княжества мы находимъ свѣдѣнія о путяхъ, которыми рязанцы ходили на югъ, съ Оки на Донъ. Рязанское княжество находилось на перепутьѣ между Камскою Болгаріей и Византіей, и между Москвою и Крымомъ. Дорога съ Оки, изъ бассейна Волги, на Донъ была извѣстна въ глубокой древности и лишь съ XI вѣка, съ приходомъ Половцевъ въ южныя степи, была временно забыта. Но при первой возможности, при первомъ освобожденіи отъ гнета степныхъ кочевниковъ, рязанцы вспомнили объ этомъ пути и стали имъ пользоваться. Разстояніе между верховьями Дона и Окой сокращается всего болѣе между тѣми двумя точками, на которыхъ лежитъ Куликово поле съ одной стороны и Старая Рязань съ другой. Но это разстояніе для водянаго сообщенія еще болѣе сокращается посредствомъ верховьевъ впадающей въ Оку рѣки Прони съ притоками послѣдней Вердой, Рановой и Хуптой. Названные притоки Прони раздѣляются небольшими волоками отъ верховьевъ рѣкъ, впадающихъ съ востока въ Донъ. Истоки Прони и Верды приближаются къ двумъ Табаламъ, Верхней и Нижней, впадающимъ въ Донъ почти противъ устья Непрядвы; а Ранова и Хупта отдѣляются небольшимъ волокомъ отъ верховьевъ Рясы, впадающей въ р. Воронежъ. Такимъ образомъ сообщеніе Оки съ Дономъ могло происходить двумя путями; во 1) по Вердѣ и Табаламъ съ самимъ Дономъ, и во 2) по Рановѣ и Хуптѣ съ Рясою и рѣкою Воронежемъ. Первый путь былъ болѣе древній, болѣе краткій, болѣе удобный для судовъ, и пожалуй, въ описываемое время, даже болѣе безопасный. Сообщеніе чрезъ рѣку Воронежъ установилось лишь чрезъ два, три вѣка, когда степи, лежащія къ востоку отъ этой рѣки, сдѣлались менѣе опасными отъ бродячихъ кочевниковъ. Путь Дономъ, начиная отъ самыхъ его верховьевъ, съ другой стороны, долженъ былъ быть гораздо болѣе привыченъ рязанцамъ, поселенія которыхъ распространялись по главнымъ водянымъ артеріямъ княжества, Окѣ съ Пронкою и Дону. Благодаря послѣдней рѣкѣ поддерживалось сообщеніе и съ Елецкимъ княжествомъ. Все это даетъ намъ право предполагать древнее заселеніе рязанцами береговъ верхняго Дона и существованіе тамъ городовъ, входившихъ въ область Пронскаго княжества.

Въ Оомно Воскресенье, 25 апрѣля, Пимень съ великою честію былъ отпущенъ Олегомъ изъ своей столицы въ дальнѣйшее путешествіе подъ защитой боярина Станислава и его отряда войскъ. Какою дорогою пошли они? По всей вѣроятности, они продолжали плыть сколько могли, сперва внизъ Окою, а потомъ вверхъ по Пронѣ и по Вердѣ. Затѣмъ Пимень оставилъ суда и отъ верховьевъ Верды прошелъ прямо сухимъ путемъ къ Табалѣ и затѣмъ къ Дону. Такое предположеніе, какъ намъ кажется, прямо подтверждается умолчаніемъ о Пронскѣ, о которомъ Игнатій конечно не преминулъ бы упомянуть, еслибы этотъ городъ лежалъ по пути. Струги же были переведены, вѣроятно, по самому краткому разстоянію между истоками

рѣкъ Окскаго и Донскаго бассейновъ т. е. между верховьями Верды и Табалы и были спущены, должно быть, по Табалѣ въ Донъ. О. архимандритъ Леонидъ, намѣстникъ Троице-Сергіевой Лавры, основываясь на словахъ Игнатія «въ недѣлю Ѳомину проводиша съ нами три струги до насадъ на колесахъ», и т. д., считаетъ выраженіе *до насадъ* (или — *до насади* по варианту) явную ошибкою писца, замѣнившего этимъ словомъ имя *Исады*, «нынѣ села, древняя пристань въ верховьяхъ р. Дона, отъ которой отправлялись суда, намѣревавшіяся плыть внизъ по Дону къ морю» (Сообщенія Православнаго Палестинскаго Общества, декабрь 1887, стр. 214). Справясь на картѣ, такъ называемой столитовой, Шуберта, я не нашелъ села этого имени въ верховьяхъ р. Дона и позволяю себѣ предположить, что о. архимандритъ имѣлъ при этомъ въ виду не сомнительные Исады на берегу Дона, а село этого имени, Спасскаго уѣзда въ нѣсколькихъ верстахъ ниже Старой Рязани на Окѣ, въ той мѣстности, которая прославлена убійствомъ князя Кирь Михаила. Но и въ такомъ случаѣ, Пимену и его спутникамъ не зачѣмъ было спускаться внизъ по Окѣ, чтобы опять подниматься выше Старой Рязани до устья Прони.

«Въ четвертокъ же спустиша суды на рѣку Донъ и во 2 день приходомъ до горъ Михайловыхъ, тако нарицается мѣсто, нѣкогда бо и градъ бѣше былъ». Тамъ, въ Чюръ-Михайловѣ, Пименъ простился съ провожавшими его рязанцами изъ числа духовенства, бояръ и княжеской дружины, и оттуда, сѣвъ на струги, поплылъ внизъ по Дону. Что же такое слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ Чюръ-Михайловыхъ, какое имя Сахаровъ приурочиваетъ къ *мѣсту*, а г. Лопаревъ къ *мѣстности*, и только, безъ дальнѣйшаго опредѣленія? Конечно, въ названіи этомъ сохранена память о бывшемъ князѣ Пронскомъ, Кирь Михаилѣ, измѣнически убитъ въ 1217 г., Глѣбомъ Владиміровичемъ Рязанскимъ. Этотъ-то Кирь Михаилъ, владѣнія котораго, до нашествія Татаръ, простирались несомнѣнно отъ Пронска до верховьевъ Дона, вѣроятно основалъ на послѣднихъ городки или остроги въ защиту отъ бродяжныхъ шаекъ степныхъ кочевниковъ. Одинъ изъ такихъ городовъ могъ быть названъ въ честь его основателя Кирь или Чюръ-Михайловъ ¹⁾ и мы рѣшаемся высказать здѣсь предположеніе, что имя это должно быть приурочено къ городищу стараго Данкова, лежащаго верстъ на 20 выше по Дону отъ новаго, теперешняго города того-же имени. Въ Новомъ Данковѣ, построенномъ въ 1571 г., Герберштейнъ указываетъ пристань для товаровъ, отправлявшихся въ Азовъ и Крымъ. Весьма вѣроятно, что такая же пристань существовала, хотя можетъ быть и съ меньшимъ значеніемъ для торговли, и за два вѣка передъ Герберштейномъ, при Пименѣ и въ томъ же самомъ мѣстѣ, если только не выше, въ Старомъ Данковѣ или Кирь-Михайловѣ. Отсюда, изъ окрестностей города Данкова, всего удобнѣе было возобновить рѣчное плаваніе, нарушенное сухимъ путемъ по волоку между Окой и Дономъ. Игнатій говоритъ, что

¹⁾ Имя *Кирь* или *Чуркъ* слышится доселѣ въ названіи села Чурики на р. Вердѣ въ Скопинскомъ уѣздѣ (списки населенныхъ мѣстъ Рязанской губ., № 3061).

отправясь въ Воскресенье изъ Рязани, путники лишь въ четвергъ достигли береговъ Дона, а затѣмъ черезъ два дня сѣли на суда у Чюрь-Михайловыхъ и поплыли внизъ по рѣкѣ. Эти сроки какъ разъ должны совпадать со слѣдующими вѣроятными подробностями путешествія. Три дня, именно понедѣльникъ, вторникъ и среду, надо положить на плаваніе Пронею и Вердою, а равно и на перетаскиваніе судовъ съ Окскаго на Донской бассейнь. Такое перетаскиваніе должно было занять извѣстное время въ связи съ необходимостью перегрузки багажа, въ которомъ, конечно, находились богатые подарки для Константинопольскаго патріарха и духовенства. Если предположить, что Пимень съ своими спутниками шли *горой*, т. е. берегами тѣхъ рѣкъ, съ которой и на которую суда перетаскивались, то они должны были выйти на Донъ не тамъ, гдѣ онъ судоходенъ, но тамъ, гдѣ струги могли быть спущены на воду еще безъ груза, т. е. на самыхъ мелкихъ мѣстахъ. Это вѣроятно было около устья Табалы, отсюда имъ пришлось все таки еще нѣсколько времени идти *горою*, т. е. лѣвымъ берегомъ Дона до того мѣста, гдѣ Донъ становится судоходнымъ, именно, по нашему предположенію, до Стараго Данкова или до Чюрь-Михайловыхъ, куда они и достигли, какъ пишетъ Игнатій, *на второй день*, и откуда поплыли уже опять на стругахъ. Что Донъ отъ устья Табалы до Чюрь-Михайловыхъ не могъ еще поднять груза на судахъ и что это пространство слѣдовало пройти сухимъ путемъ, доказывается также тѣмъ обстоятельствомъ, что съ бояриномъ Станиславомъ и его охраннымъ отрядомъ Пимень разстался лишь въ Чюрь-Михайловѣ. Если бы плавный путь начался ранѣе, то рязанскіе воины имѣли бы полную возможность не сопровождать путниковъ такъ далеко на югъ. Кромѣ этого соображенія, можно также думать, что Олегъ Рязанскій поручилъ проводить митрополита до крайнихъ предѣловъ своего княжества, за которыми уже начинались владѣнія князя Елецкаго. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что Пимень прошелъ сухимъ путемъ тотъ волокъ, который раздѣляетъ Окскій бассейнъ отъ Донскаго, и могъ сѣсть на струги лишь тамъ, гдѣ Донъ начинаетъ быть судоходнымъ, т. е. поднимать суда съ грузомъ. Слова Герберштейна о пристани въ Новомъ Данковѣ и пользованіе Дономъ при Иоаннѣ Грозномъ и при Михаилѣ Федоровичѣ для доставленія царскаго жалованья Донскимъ казакамъ свидѣтельствуютъ, что въ концѣ XVI и началѣ XVII вв. плаваніе по Дону уже было вполне доступно до самаго устья этой рѣки. На путешествіе Пимена надо смотрѣть, какъ на одну изъ первыхъ, исторически извѣстныхъ, попытокъ въ этомъ направленіи. Знакомство же нашихъ предковъ съ этою рѣкою, знакомство не отмѣченное лѣтописными фактами, но предполагаемое съ достовѣрностью, какъ мы увидимъ далѣе, можетъ быть отнесено ко времени еще ранѣе Пименова путешествія и Игнатіева разказа о немъ.

Итакъ, въ Воскресенье 2 мая, въ недѣлю Св. муроносицъ, Пимень поплылъ по Дону. Путь этотъ шелъ пустынею, о печальномъ и уныломъ характерѣ которой Игнатій распространяется, отмѣчая, что дорогой имъ попадались только дикіе звѣри, «не бо видѣти ни града (*ни села* — по

другимъ спискамъ), ни челоуѣка». Это безлюдіе ниже Чюрь-Михайлова какъ будто намекаетъ, какъ на контрастъ, на населенность верхняго Дона, Верды, Прони и Оки. Если сообразить, что предѣлъ русскихъ названій притоковъ Дона находился гораздо, нѣсколько сотъ верстъ, южнѣе, то замѣчаніе Игнатія о безлюдіи проходимой судами мѣстности должно быть отнесено не столько на отсутствіе въ ней поселеній, сколько на разореніе ихъ вслѣдствіе недавняго нашествія Мамаю.

Во 2 день, т. е. во Вторникъ, 4 Мая, суда проплыли мимо устьевъ двухъ притоковъ Дона, впадающихъ въ него съ правой стороны, именно рѣкъ Мечи и Сосны. Первая — называется теперь Красивая Меча, на ней стоитъ Ефремовъ, уѣздный городъ Тульской губерніи. О второй намъ придется привести болѣе подробныя объясненія. Игнатій пишетъ: «*Минухомъ двѣ рѣцѣ*»; Сахаровъ, въ Примѣчаніяхъ къ изданному имъ тексту говоритъ, что Пимень отъ Чюрь-Михайлова, *плылъ рѣками Мечетъ и Сосною до устья Воронежа*. Въ указателѣ къ тексту Православнаго Палестинскаго Сборника, при имени Сосны сдѣлана ссылка на рѣку Тихую Сосну. Такимъ образомъ, въ словахъ Сахарова и въ указаніи г. Лопарева встрѣчаются явныя несообразности, требующія исправленія. Во I) Пимену, плывя по Дону не зачѣмъ было входить во впадающіе въ него притоки, чтобы достигнуть устья Воронежа, также впадающаго въ Донъ, но гораздо южнѣе Мечи и Сосны и притомъ съ противоположной, лѣвой, стороны. Ясно, что тутъ Сахаровъ понялъ не такъ, какъ слѣдуетъ, выраженіе «минухомъ» и вмѣсто устьевъ притоковъ Дона ошибочно разумѣлъ все ихъ теченіе. Во II) указатель къ изданію Православнаго Палестинскаго Общества совершенно напрасно ограничился именемъ одной только Сосны и обозначаетъ ее Тихою. Въ Донъ впадаютъ двѣ рѣки этого имени и обѣ съ правой стороны. Одна, на которой стоитъ Елецъ, уѣздный городъ Орловской губерніи, называется *Быстрою* въ отличіе отъ другой, *Тихой*, впадающей въ Донъ гораздо южнѣе, подъ Коротоякомъ. На Тихой Соснѣ лежитъ городъ Острогжскъ, также какъ и Коротоякъ въ предѣлахъ Воронежской губерніи. Игнатій называетъ обѣ рѣки и г. Лопареву слѣдовало также отличить ихъ. И Быстрая и Тихая Сосны, какъ наиболѣе близкіе изъ значительныхъ притоковъ Дона съ правой стороны, служили въ древности гранью и оплотомъ противъ вторженія степныхъ кочевниковъ. Быстрая Сосна оберегала предѣлы Елецкаго княжества, берега Тихой стали доступны русской колонизаціи лишь въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣковъ, со времени основанія остроговъ въ Воронежѣ, на сѣверѣ и въ Валуйкахъ, на югѣ. Но одинаковость именъ обѣихъ рѣкъ и взаимное отличіе ихъ, посредствомъ эпитетовъ, указываетъ на поступательное, хотя и медленное, движеніе русской колонизаціи на югъ вслѣдъ за удаленіемъ кочевниковъ въ степи. Въ книгѣ Большаго Чертежа на устьи Мечи указана *Волотова Могила*, а ниже устья Быстрой Сосны — «Донская Бесѣда, каменный столпъ и каменныя суды». Объясненію этихъ древностей Спасскій посвящаетъ примѣчанія 37 и 38 своего труда, причемъ ничего не рѣшаетъ относительно Волотовой Могилы, а по поводу

Донской бесѣды опровергаетъ мнѣніе Карамзина, смѣшавшаго, какъ мы увидимъ далѣе, Быструю Сосну съ Тихою и Донскую бесѣду съ Дивіими горами. Не входя здѣсь въ подробное изложеніе вопроса, ограничимся предположеніемъ о вѣроятномъ тождествѣ Донской бесѣды съ Галичьей горой и установленіемъ того факта, что Игнатій не называетъ ни Волотовой Могилы, ни Донской бесѣды, ни Галичьей горы.

Въ 3 день, т. е. въ среду 5 мая, путешественники проплыли по *Острой Луцкѣ*. Г. Лопаревъ въ своемъ указателѣ называетъ ее *рѣкою*. Но это недоразумѣніе. Помимо того, что рѣка Донъ между устьями Быстрой Сосны и Воронежа, т. е. на пространствѣ болѣе 100 верстъ, не принимаетъ въ себя ни одного значительнаго притока, подъ именемъ Острой Луки никакъ нельзя подразумѣвать рѣку. Названіе это явно указываетъ на загибъ теченія, на рѣзкій поворотъ Дона и должно напоминать подобныя же явленія на другихъ рѣкахъ, напримѣръ извѣстную Самарскую Луку на Волгѣ. И дѣйствительно, посмотри на карту, мы находимъ, что ниже уѣзднаго города Задонска, Воронежской губерніи, рѣка Донъ круто повертываетъ свое теченіе на западъ и отъ деревни Юрьевки возвращается сперва на востокъ, а подъ деревней Даньщиной принимаетъ свое прежнее направленіе съ сѣвера на югъ. Вотъ этотъ-то загибъ, эту Луку, и имѣетъ, вѣроятно, въ виду Игнатій, называя ее Острой. Эпитетъ этотъ вполне подходитъ къ ея очертанію.

Далѣе, въ четвертый день плаванія, то-есть въ четвергъ 6 мая, мы встрѣчаемъ имя Криваго Бора. Сахаровъ не объясняетъ этого названія, а г. Лопаревъ приурочиваетъ его къ какой-то рѣкѣ. Это опять несообразность, которая разъясняется слѣдующими подробностями. Въ одной или 2 верстахъ отъ второй почтовой станціи, въ деревнѣ Бестужевѣ, на шоссе отъ Задонска къ Воронежу, рѣка Донъ опять измѣняетъ своему обычному теченію и круто поварачиваетъ на западъ, огибая высокій берегъ мѣстности, доселѣ покрытой лѣсомъ и извѣстной подъ именемъ Кривоборья. Въ спискахъ населенныхъ мѣстъ Воронежской губерніи въ Задонскомъ уѣздѣ, почти на границѣ Воронежскаго, на Дону показанъ (стр. 73, № 1366) Казенный хуторъ *Кривоборье*. Въ словарѣ Щекатова (т. III, стр. 886) при описаніи урочища Кривой Боръ, прямо приводится ссылка на упоминаніе его въ путешествіи Пимена²⁾. Отъ Кривоборья до устья Воронежа считается около 70 верстъ (если не болѣе) по теченію Дона, такое пространство совершенно оправдываетъ плаваніе по немъ въ теченіе двухъ дней, такъ какъ, пройдя Кривой Боръ въ 4 день, путники достигли устья Воронежа лишь на шестой.

Этотъ шестой день приходился на субботу, 8 мая. Здѣсь Пименъ остался цѣлый день, ожидая прибытія князя Юрія Елецкаго. Сахаровъ, въ примѣчаніяхъ, указываетъ на то, что мѣсто этого свиданія не означено. Но оно ясно для насъ. Елецкій князь, который, какъ увѣряютъ нѣкото-

²⁾ Съ этой мѣстности открывается чудесный видъ на сѣверъ на долину Дона. Я лично имѣлъ случай наслаждаться этимъ видомъ.

рыя рукописи хожденія, былъ предупрежденъ вѣстникомъ Рязанскаго о проѣздѣ митрополита, вѣроятно опоздалъ или не могъ встрѣтить его поближе къ Ельцу, т. е. на устьи Быстрой Сосны, и пришелъ сухимъ путемъ до той возвышенности на рѣкѣ Дону, насупротивъ впаденія въ нее Воронежя, гдѣ теперь село Устье. Такое опредѣленіе этого мѣста встрѣчи Пимена съ Юріемъ мнѣ представляется несомнѣннымъ вслѣдствіе знакомства съ мѣстностью. Встрѣча произошла, какъ отмѣчаетъ Игнатій, въ недѣлю, т. е. въ Воскресенье, на память св. Николы, т. е. 9 мая.

«Оттуда», рассказываетъ Игнатій, — приплыли къ Тихой Соснѣ и видѣли бѣлые каменные столбы, дивно и красно рядомъ стоящіе, какъ малые стоги, надъ рѣкою Сосною». Эти слова дали Карамзину поводъ сдѣлать ошибку въ примѣчаніи 132 къ тому V его исторіи. Смѣшавъ Быструю Сосну съ Тихою, онъ приурочиваетъ упоминаемые Игнатіемъ столбы къ Донской бесѣдѣ, о которой выше упомянуто, въ описаніи устья Быстрой Сосны, и дѣлаетъ слѣдующее предположеніе: «Не было ли тутъ кладбища Татарскаго? Въ Большомъ Чертежѣ упоминается о семъ мѣстѣ такъ: ниже устья Сосны, на Дону, Донская бесѣда, Каменный столъ и каменные съсуды». Эта ошибка Карамзина, указанная Спасскимъ въ примѣчаніи 38 къ изданному имъ тексту книги Большаго Чертежа, насть должна поражать тѣмъ болѣе, что авторъ Исторіи государства Россійскаго имѣлъ полную возможность опредѣлить мѣстность бѣлыхъ каменныхъ столбовъ по трудамъ митрополита Евгенія Болховитинова, описаніе Воронежской губерніи котораго вышло въ 1801 году и было затѣмъ, чрезъ 5—6 лѣтъ, перепечатано въ Географическомъ Словарѣ Шекатова. Въ названныхъ книгахъ, при описаніи Успенскаго Дивногорскаго монастыря, лежащаго на Дону, въ 7 верстахъ ниже города Коротоюка, встрѣчается несомнѣнное опредѣленіе мѣстности бѣлыхъ столбовъ на устьи Тихой Сосны. Сахаровъ, руководствуясь мнѣніемъ Карамзина, считаетъ «бѣлые столбы неразгаданными», а Лопаревъ вовсе пропускаетъ ихъ въ указателѣ. Такимъ образомъ, издатели Пименова хожденія не обратили вниманія на Дивногорскій монастырь въ объясненіи приведенныхъ словъ Игнатія о бѣлыхъ столбахъ³⁾.

За устьемъ Сосны Пимень и его спутники проплыли мимо Червленнаго Яра и устье въ Битюка и Хопра. Эти три имени Сахаровъ, въ изданномъ имъ текстѣ, сопровождаетъ эпитетомъ: *рѣка*, а въ примѣчаніяхъ объясняетъ, что «путешественники ѣхали Чернымъ Яромъ, Битюкомъ и Хопромъ *рѣками*». Нисколько не провѣряя этихъ указаній, и г. Лопаревъ обозначаетъ Червленный Яръ также рѣкою.

Остановимся пока на этомъ имени. Въ Словаряхъ Академическомъ, Даля, Областномъ, мы встрѣчаемъ слово *Яръ* и производныя отъ него (напр. Яруга) въ значеніи стремнины, обрыва, кручи, оврага, а аналогія именъ городовъ и селеній Красноярска, Красный Яръ (Астраханской

³⁾ Видъ этого монастыря приложенъ къ памятной книжкѣ Воронежской губерніи на 1863—1864 г., гдѣ о немъ помѣщена статья.

губерніи), Пріяръ (Воронежской губ.), Яранскъ, Яренскъ и проч., убѣждаетъ насъ, что со звукомъ Яръ должно быть соединено представленіе о возвышенности, достаточно, по своей неприступности, обезпеченной отъ нападенія. Такое предположеніе должно подкрѣпляться и историческими данными о мѣстности загадочнаго Червленнаго Яра, упоминаемаго въ грамотахъ Митрополитовъ Московскихъ въ половинѣ XVI столѣтія. Если на нижнемъ Дону существовали поселенія изъ Москвы, то эти поселенія, называвшіяся Червленнымъ Яромъ, должны были неминуемо находиться на мѣстахъ недоступныхъ для разгрома степными кочевниками и потому на крутизнахъ, на высокихъ берегахъ рѣкъ. Вотъ почему, намъ кажется сомнительнымъ, чтобы подъ именемъ Червленнаго Яра могла подразумѣваться рѣка, единственный разъ упоминаемая въ историческихъ свидѣтельствахъ объ этомъ загадочномъ названіи (свидѣтельства эти собраны вмѣстѣ у Дм. И. Иловайскаго въ его «Исторіи Рязанскаго княжества») только Игнатіемъ и далеко не во всѣхъ спискахъ его хожденія. Не забудемъ при этомъ, что между Тихою Сосною и Битюкомъ, который Игнатій помѣщаетъ вслѣдъ за Червленнымъ Яромъ, въ Донъ впадаютъ лишь двѣ, сравнительно незначительныя рѣки, съ правой стороны — Лиска, а съ лѣвой — Икорецъ. Обѣ рѣки степныя и далеко не оправдывали-бы обозначенія словомъ Яръ, даже принимая его въ смыслъ быстрого теченія, своего названія Червленный Яръ. Въ указанномъ мѣстѣ своей исторіи Дм. И. Иловайскій, по поводу этого загадочнаго имени, приходитъ къ тому заключенію, что подъ нимъ можно подразумѣвать: во 1) рѣку, впадающую въ Донъ между Тихою Сосною и Битюкомъ, и во 2) часть берега при устьѣ Савалы, притока Хопра. Не имѣя достаточнаго повода окончательно рѣшать этотъ спорный вопросъ, я все таки думаю, что первое предположеніе Дм. И. Иловайскаго не подкрѣпляется достаточными доказательствами и что въ указанномъ мѣстѣ Игнатіева разсказа, именно въ перечисленіи Червленнаго Яра, Битюка и Хопра, должна быть допущена нѣкоторая порча рукописей, если не собственная его ошибка. Дѣло въ томъ, что все описаніе плаванія по Дону ниже устьевъ Тихой Сосны страдаетъ у Игнатія неточностью и темнотой, происходящими, какъ намъ кажется, отъ трехъ слѣдующихъ причинъ: во 1) Игнатій едва-ли велъ правильно свой дневникъ, ежедневно записывая путевыя приключенія. Скорѣе всего, онъ возстановлялъ ихъ по памяти лишь впоследствии, когда пользовался необходимымъ для своего труда досугомъ и спокойствіемъ. Предположеніе это оправдывается уже однимъ его разсказомъ о непріязненной встрѣчѣ съ Генуэзцами въ Азовѣ. Ему конечно было не до писанія, когда митрополиту Пимену, совсѣми его спутниками, грозило попасть въ плѣнъ; во 2) предѣлы знакомства русскихъ съ теченіемъ Дона достигали лишь до устьевъ его притока Медвѣдицы. Далѣе, вслѣдъ за этимъ русскимъ названіемъ, упоминаются имена, обличающія ихъ Татарскіе, Калмыцкіе или Ногайскіе звуки или же приводимыя въ видѣ нарицательныхъ эпитетовъ, какъ напримѣръ Бѣлый Яръ, Красныя горы, Великая Лука. Лишь два три, приблизительно, вѣка спустя послѣ Пимена, все ниж-

нее теченіе Дона стало доступно для судоходства а съ тѣмъ вмѣстѣ и для знакомства русскихъ. Но и тогда, возстановляя пропуски Игнатія въ перечисленіи притоковъ Дона между Тихою Сосною и Хопромъ (а именно рѣки Лиску, Йкорейъ, Сереть, Калитву, Мамонецъ, Богучаръ, Посковатую и Елань), Книга Большаго Чертежа приводитъ въ самыхъ низовьяхъ Дона такія имена его притоковъ, въ которыхъ звучатъ явные слѣды Туранскихъ звуковъ (Аксай, Чиръ, Цымла, Кумшакъ, Сасыксаль, Юрюксаль, и т. д.). Если это явленіе замѣтно въ XVI—XVII вѣкѣ, когда по Дону уже сплавлялось царское жалованье казакамъ, то конечно для эпохи Игнатія незнакомство съ нижнимъ теченіемъ этой рѣки было еще значительнѣе. Наконецъ, въ 3) обратимъ вниманіе еще на слѣдующее обстоятельство. По книгѣ Большаго Чертежа пространство между Воронежемъ и устьемъ Медвѣдицы, по Дону, опредѣлено въ 360 верстъ (до устья Хопра 330 и между этимъ и устьемъ Медвѣдицы 30). Съ другой стороны, если вѣрить календарнымъ даннымъ Игнатія, въ которыхъ по ихъ точности нѣтъ основанія сомнѣваться, то оказывается, что это разстояніе въ 360 верстъ Пимень и его спутники проплыли въ теченіе цѣлой недѣли, оставивъ устье Воронежа въ Воскресенье 9 мая, въ недѣлю о разслабленномъ, и пріѣхавъ къ устью Медвѣдицы въ слѣдующее Воскресенье 16 мая, въ недѣлю о Самарянинѣ. Эта быстрота плаванія, въ сравненіи съ его медленностью на пространствѣ между Данковымъ и Воронежемъ, объясняется большею глубиною и шириною русла Дона. Но, на разстояніи 360 верстъ, указанныхъ книгой Большаго Чертежа, Игнатій упомянулъ лишь о шести притокахъ Дона (Воронежѣ, Тихой Соснѣ, Червленномъ Ярѣ (?), Битюкѣ, Хопрѣ и Медвѣдицѣ). Не говоря уже о пропускѣ Верейки, Вѣдуги, Хворостани, Красной Дѣвницы, Патудани и другихъ притоковъ Дона по верхнему его теченію, мы видѣли уже сколько рѣкъ Игнатій обошелъ молчаніемъ между Тихою Сосною и Медвѣдицею. Ясно, что онъ считалъ достойными вниманія лишь главнѣйшіе притоки Дона, а притомъ можетъ быть замѣчалъ лишь тѣ изъ нихъ, устья которыхъ приходилось миновать днемъ, а не ночью. Такимъ образомъ и на его личную долю слѣдуетъ отнести нѣкоторые неточности въ его показанія. Къ такимъ неточностямъ я рѣшаюсь причислить и упоминаніе о Червленномъ Ярѣ. Если это рѣка, то ее нельзя помѣщать между Тихою Сосною и Битюкомъ, если же это не рѣка, а возвышенная крутизна и притомъ непремѣнно въ указанномъ мѣстѣ, то, — я рѣшаюсь это высказать, — имя Червленнаго Яра должно быть по всей вѣроятности приурочено къ мѣстности, на которой впоследствии былъ основанъ монастырь, извѣстный подъ названіемъ Шатрищегорскаго. (См. объ этомъ монастырѣ въ описаніи Воронежской губ. Митр. Евгенія, въ указателѣ храмовыхъ праздниковъ Воронежской Епархіи архимандрита Дмитрія, нынѣ епископа Балтскаго, и, по указателю, въ недавно вышедшемъ трудѣ г. Шмурло о митрополитѣ Евгеніѣ). Наконецъ, можно предложить еще одну догадку, основываясь на вѣроятной порчѣ рукописей въ этомъ мѣстѣ разсказа Игнатія и на упоминаніи о Бѣломъ Ярѣ, помимо Червленнаго. Нельзя ли допустить, что это послѣднее имя ошибкою переписчиковъ

попало впередъ Битюка и должно быть помѣщено нѣсколько далѣе, вслѣдъ за упоминаніемъ о Хопрѣ и Медвѣдицѣ и поближе къ Бѣлому Яру. Въ такомъ случаѣ я рѣшаюсь высказать мнѣніе, что оба эти имени должны означать первоначальныя поселенія на нижнемъ Дону тѣхъ выходцевъ изъ Москвы, а предварительно вѣроятно и изъ Рязани, которые, чрезъ два приблизительно вѣка, стали извѣстны подъ именемъ Донскихъ казаковъ. Предположеніе это я основываю на аналогіи, представляемой исторіей заселенія нынѣшней Воронежской губерніи, которая къ юго-востоку отъ города Воронежа и теченія Тихой Сосны, т. е. въ пространствѣ, занимаемомъ частью Воронежскаго, частью Валуйскаго уѣздовъ и цѣлыми уѣздами Бобровскимъ, Новохоперскимъ, Острогожскимъ, Павловскимъ, Богучарскимъ, потребовала для торжества русской колонизаціи въ этихъ предѣлахъ полутора вѣка между концемъ XVI и началомъ XVIII вѣка и къ концу этого срока успѣли сомкнуться съ давно ожидавшимъ ее, въ низовьяхъ Дона, оазисомъ Донскихъ казаковъ. Эти послѣдніе, т. е. казаки, едва-ли неожиданно, какъ *Deus ex machina*, появляются на горизонтѣ исторіи въ эпоху Іоанна Грознаго и едва-ли до-историческій періодъ ихъ первоначальнаго поселенія не относится къ эпохѣ грамотъ Феогноста и Алексѣя, Московскихъ митрополитовъ, и путешествія Пимена и долженъ быть приуроченъ къ мѣстности загадочныхъ, но издревле, какъ видно, русскихъ, названій червленнаго и Бѣлаго Яровъ?

Эти два послѣднія имени обличаютъ предѣлы русскихъ названій, приводимыхъ Игнатіемъ по теченію Дона. 18 мая, во вторникъ путники достигли развалинъ Саркела, нашли тамъ *первыхъ татаръ* (это также важное свидѣтельство въ пользу предположенія о предѣлахъ казачьихъ поселеній), а съ среды 19 мая, миновавъ Великую Луку, т. е. вѣроятно поворотъ Дона, ниже впаденія Елани и въ сосѣдствѣ съ Волгою, опять къ западу, уже вполюбъ вступили въ предѣлы *Исмальской* или Татарской (по другимъ спискамъ) земли?

Этими предѣлами я также закончу мои географическіе комментаріи, такъ какъ дальнѣйшій путь Пимена по Дону уже не относится къ мѣстности, мнѣ извѣстной, и требуетъ спеціальныхъ познаній въ исторіи кочевыхъ народовъ и свѣденій въ ихъ нарѣчіяхъ для объясненія приводимыхъ Игнатіемъ именъ и названій. Остановливаясь на этомъ мѣстѣ, я все таки не могу не указать на ошибку Сахарова, который въ примѣчаніяхъ своихъ утверждаетъ, что Пименъ отъ Тихой Сосны ѣхалъ «Червленнымъ Яромъ, Битюкомъ и Хопромъ рѣками Медвѣдицею, Высокими горами и Бѣлымъ Яромъ». Мы уже видѣли какъ неосновательно высказывать подобныя мнѣнія, заставляя путешественниковъ подыматься, и опять спускаться по всѣмъ попутнымъ притокамъ рѣки Дона и вводить указатель къ изданію Православнаго Палестинскаго Общества въ необходимость обозначать рѣками такія имена, какъ Червленный и Бѣлый Яры, Великая Лука и т. п.

Все вышеизложенное свидѣствуетъ о необходимости тщательнаго историческаго и географическаго комментарія къ хожденію Пимена, описаннаго Игнатіемъ Смоленскимъ. Оба изданія этого памятника нашей словес-

ности не только не выполнили такой задачи, но даже усложнили ее явными ошибками Сахарова, повторенными Лопаревымъ. А между тѣмъ, показанія Игнатія служатъ драгоценными данными для историко-географическихъ свѣдѣній въ древней Россіи. Въ виду такого значенія, критическая ихъ провѣрка является вопросомъ вопіющей необходимости. Нельзя же безусловно довѣрять Сахарову, какъ это 'позволилъ себѣ г. Лопаревъ. Правда, что издавая Игнатія, Православное Палестинское Общество задалось особою, спеціальною цѣлью, мало, если не нисколько, не связанною съ тѣми вопросами исторической критики, которые вытекаютъ изъ важности данныхъ для географіи древней Россіи. Такая задача гораздо болѣе подъ силу ученымъ учрежденіямъ, связаннымъ съ разработкою вопросовъ, касающихся русской исторіи. Московское Археологическое Общество уже давно интересуется отысканіемъ мѣстности древняго Саркела. Но, помимо этого частнаго интереса, хожденіе Пимена способно и должно обратить на себя вниманіе тѣми богатыми данными по географіи Дона въ концѣ XIV вѣка, которыя все еще ожидаютъ тщательной, полной и вполнѣ научной разработки. Я желаю указать на необходимость только историко-географическаго комментарія къ этому произведенію Игнатія. Что же касается до его хронологическихъ показаній, то они вполнѣ подтверждаются тою календарною таблицею, которую я представилъ въ началѣ моего сообщенія. Впрочемъ, я долженъ сдѣлать одну только оговорку съ цѣлію оправдать текстъ, изданный Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ. Разсказавъ о возвращеніи, вслѣдствіе бури, въ Пендераклію, Игнатій говоритъ, что въ этомъ городѣ имъ пришлось подождать 9 дней. Въ изданіи Сахарова вмѣсто девяти указано 15 дней, но это явная ошибка. Середа, когда путники вернулись въ Пендераклію, приходилась на 16 число іюня, а изъ Пендеракліи они вышли опять въ море въ день рождества св. Іоанна Предтечи, т. е. 24 числа такого же іюня мѣсяца.

Я кончилъ и прошу извиненія за краткій, поверхностный обзоръ тѣхъ вопросовъ, которые связаны съ критическимъ изученіемъ историческихъ и географическихъ данныхъ, представляемыхъ Пименовымъ путешествіемъ по Дону. Пользуясь старыми моими замѣтками на изданія Сахарова и Православнаго Палестинскаго Общества, я ограничился приведеніемъ ихъ въ нѣкоторый порядокъ и, не мечтая объ окончательномъ освѣщеніи предмета или объ установленіи программы для его изученія, я желалъ только возбудить интересъ къ тому источнику свѣденій о Россіи въ концѣ XIV вѣка, который ни въ одномъ изъ его изданій не можетъ вполнѣ удовлетворить ожиданій историка и археолога.

Въ заключеніе позволяю себѣ надѣяться, что я не слишкомъ злоупотребилъ вниманіемъ слушателей, желая возобновить въ ихъ памяти нѣкоторыя подробности того историческаго событія, которому на предстоящей Пасхѣ начнется пятисотлѣтній срокъ исполненія.

Календарь на Апрель, Май и Июнь 1389 года.

Дни недѣли.	АПРѢЛЬ.			МАЙ.					ІЮНЬ.			
Воскресенье	11	(18)	25	2	(9)	16	23	30	(6)	13	20	27
Понедѣльникъ	12	19	26	3	10	17	24	31	(7)	14	21	28
Вторникъ	13	20	27	4	11	18	25		1	8	15	(29)
Среда	14	21	28	5	12	19	26		2	9	16	30
Четвергъ	15	22	29	6	13	20	(27)		3	10	17	(24)
Пятница	16	23	30	7	14	21	28		4	11	18	25
Суббота	17	24		1	8	15	22	29	5	12	19	26

Примѣчаніе. Дни, упоминаемые Игнатіемъ, подчеркнуты; кружкомъ отмѣчены дни церковныхъ праздниковъ.

Перечисленіе переходящихъ праздниковъ и постовъ.

- Апрѣль 11 — 17 Страстная недѣля.
 » 18 День Св. Пасхи.
 » 25 Омино Воскресенье.
 Мая 2 Недѣля св. Мүроносиць.
 » 9 Недѣля о разслабленномъ и день перенесенія мощей св. Николая Мүрликійскаго.
 » 16 Недѣля о Самарянинѣ.
 » 23 Недѣля о слѣпомъ.
 » 27 Четвергъ, день св. Вознесенія.
 » 30 Недѣля св. отецъ.
 Іюня 6 Воскресенье, день Св. Троицы.
 » 7 Понедѣльникъ, день Св. Духа.
 » 14 Понедѣльникъ, начало Петрова поста.
 » 24 Рождество св. Іоанна Предтечи.
 » 29 Вторникъ, день св. Петра и Павла.

КУРМАНСКІЙ МОГИЛЬНИКЪ.

ЧЛЕНА КОРРЕС. Гр. О. А. УВАРОВА.

Изслѣдованный мною лѣтомъ 1888 года неизвѣстный, доселѣ, могильникъ находится въ Касимовскомъ уѣздѣ, Рязанской губ., въ 17 верстахъ отъ г. Касимова. На правомъ берегу рѣки Оки тянется отъ села Курмана (съ сѣвера на югъ) къ деревнѣ Шульгиной рядъ песчаныхъ бугровъ, отчасти состоящихъ изъ голаго песку, отчасти одѣтыхъ скудной травой и поросшихъ рѣдкимъ дубнякомъ, осинникомъ и небольшими соснами, доказывающими прежнее существованіе большаго лѣса, послѣдніе остатки котораго, отчасти, помнятъ еще старики.

Бугры эти, составляя сперва одну цѣпь, мало-по-малу развѣтвляются въ цѣлую систему невысокихъ холмовъ, которые, продолжаясь на разстояніи около 2-хъ верстъ, оканчиваются на югѣ, близъ деревни Шульгиной, опять однимъ бугромъ нѣсколько ниже прочихъ. У южной подошвы этого послѣдняго вьется песчаное русло небольшой рѣчки Тинищи или Подосинковской, которая, въ $\frac{1}{2}$ верстѣ къ востоку, около деревни Шульгиной, представляетъ довольно полноводный ручей, скрывающійся здѣсь около бугра, при впаденіи въ Оку, подъ землей. Весь этотъ рядъ бугровъ носить у мѣстныхъ жителей названіе «Городка». Онъ отъ Оки отдѣленъ полосой поемныхъ луговъ и цѣлой системой небольшихъ озерковъ и болотъ, служащихъ продолженіемъ затопы Оки.

Съ другой стороны — восточной, не широкая долинка, прерываемая озерами и болотами, отдѣляетъ «Городокъ» отъ полей села Курмана и деревни Шульгиной, — полей, постепенно поднимающихся въ гору и сплошь усыпанныхъ мелкимъ щебнемъ, среди котораго, по словамъ крестьянъ, изрѣдка попадаются обломки кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ и ножей, — «громовыхъ стрѣлъ», какъ ихъ и здѣсь называютъ мѣстные жители.

Весною, въ половодіе, Ока, выступая изъ береговъ, не только покрываетъ водой обѣ долинки по сторонамъ бугровъ, но и затопляетъ всю ихъ цѣпь, оставляя на виду только ихъ вершины. Вслѣдствіе того, что бугры эти состоятъ изъ чистаго песку (въ особенности ближняя къ рѣкѣ цѣпь ихъ), даже не повсюду покрытаго рѣдкой травой и кустами, Ока ихъ чрезвычайно сильно размываетъ, уменьшая ежегодно ихъ величину и видъ, смывая часть песку книзу — къ своему руслу, и намывая, кромѣ того, песокъ къ восточному склону бугровъ, который по этому постепенно становится круче.

Старики сосѣднихъ деревень хорошо еще помнятъ, что вся цѣпь бугровъ было значительно выше, что самый «яръ» или высота ихъ, какъ они говорятъ, было гораздо ближе къ рѣкѣ, нежели теперь. Такимъ образомъ выходитъ, что съ каждымъ годомъ, съ одной стороны общая высота бугровъ уменьшается, съ другой стороны центръ бугровъ, мало-по-малу, перемѣщается къ западу, отдаляясь отъ рѣки.

Весенніе разливы Оки и были причиною случайнаго открытія на вышеупомянутыхъ буграхъ — могильника. Дѣло въ томъ, что уже много лѣтъ Ока ежегодно, весенней водой, вымывала на самомъ южномъ бугрѣ городка массу бронзовыхъ и желѣзныхъ вещей, болѣе 20-ти лѣтъ собиравшихся крестьянами и продаваемыхъ на словъ сосѣднему кузнецу.

Изслѣдуя Курманскій «Городокъ», я обратилъ прежде всего вниманіе на крайній къ цѣпи, къ сѣверу, бугоръ, который стоитъ собственно совершенно отдѣльно отъ прочихъ и имѣетъ нѣсколько вершинъ, поросшихъ кустарникомъ. *Размѣръ бугра:* (отъ сѣвера къ югу) отъ основанія чрезъ вершину до основанія съ другой стороны — около 30-ти сажень. На самомъ гребнѣ бугра, идущемъ подковообразно отъ сѣверо-запада на юго-западъ, выступаетъ наружу слой черной земли съ большей примѣсью золы и угольковъ. Сверху слой этотъ сплошь усеянъ костями животныхъ и птицъ и массой черепковъ глиняной посуды узорчатой и гладкой.

На западномъ склонѣ бугра, болѣе отлогомъ и болѣе подвергнутомъ разливамъ Оки, также видна масса костей и черепковъ, равно какъ и осколковъ кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ и ножей. Найдены также *обломокъ глинянаго грузила* съ узоромъ. Проведенныя здѣсь 2 пробныхъ траншеи на сѣверо и юго-западномъ концахъ гребня бугра, къ его склону, показали, что вышеупомянутый слой черной земли, съ угольками и золой, значительно темнѣе сверху и заключаетъ въ себѣ, постепенно, большее количество песку на большей глубинѣ. Глиняные черепки попадаютъ въ большомъ количествѣ также сверху, встрѣчаясь рѣже на большей глубинѣ. Кости, изъ которыхъ многія носятъ явные слѣды огня, попадались исключительно на глубинѣ перваго аршина, глубже онѣ, равнымъ образомъ и угли, очень рѣдки.

Глубина чернаго съ золой слоя земли, къ самому центру бугра доходящая отъ 7-ми до 9 футовъ, на его западномъ склонѣ, едва достигаетъ $\frac{1}{4}$ аршина. Ниже идетъ чистый, свѣтло-желтый, песокъ, подъ слоемъ котораго — уже грунтъ изъ темно-желтаго, съ примѣсью глины, песку. На

восточномъ крутомъ склонѣ бугра чернаго слоя нѣтъ, на западномъ-же склонѣ найденъ крестьяниномъ, послѣ половодія, выстѣченный изъ сѣраго камня и отшлифованный топоръ, отличной отдѣлки, который мнѣ удалось пріобрѣсти. По словамъ крестьянъ, въ прежнее время, на западномъ склонѣ этого бугра, вымывались цѣльные человѣческіе остовы, но всегда безъ какихъ-бы то ни было вещей. Провѣрить это свѣдѣніе мнѣ не пришлось, такъ какъ, не смотря на всѣ мои старанія, слѣдовъ погребенныхъ человѣческихъ костей не удалось найти.

Находки на этомъ бугрѣ чрезвычайно напоминаютъ подобныя находки по Окѣ-же, во Владимірской губерніи, около деревни Волосова и изъ Плеханова Бора. Сходство замѣтно и въ узорахъ на черепкахъ глиняной посуды, равно какъ и въ самомъ наслоеніи бугра, хотя въ данномъ случаѣ, узоры съ Курманскаго городка значительно многочисленнѣе и разнообразнѣе Волосовскихъ.

Имѣя въ виду, что на этомъ бугрѣ не было никогда найдено слѣдовъ металла, естественно будетъ придти къ заключенію, что здѣсь передъ нами слѣды стоянки или поселенія Каменнаго Вѣка, какъ и на вышеупомянутыхъ подобныхъ-же песчаныхъ буграхъ, на томъ же правомъ берегу Оки, во Владимірской губерніи.

Сдѣланныя мною небольшія пробныя канавы въ различныхъ мѣстахъ вдоль всей цѣпи бугровъ, убѣдили меня въ томъ, что подъ верхнимъ слоемъ культурной земли и затѣмъ песку почти вездѣ существуетъ слой черной земли съ примѣсью золы и угольковъ. Слой этотъ, то отъ разлива воды выходитъ на поверхность, то находится на глубинѣ отъ $\frac{1}{2}$ арш. до 1 аршина, а мѣстами исчезаетъ совершенно. Яснѣе замѣтенъ онъ по западному склону главной, ближней къ Окѣ, цѣпи бугровъ. Слой этотъ очень тонокъ и нигдѣ не превышаетъ $\frac{1}{2}$ аршина. Черепковъ и костей въ немъ не попадаетъ, исключая находокъ ихъ на предпоследнемъ, съ юга, бугрѣ, да и то въ незначительномъ количествѣ. Присутствіе этого слоя указываетъ очевидно на древнее поселеніе, но другой эпохи — новѣйшей, а не Каменнаго Вѣка, какъ на первомъ, съ сѣвера бугрѣ городка. Это, думаю, подтверждается и находками на вершинѣ и западномъ склонѣ бугра, сосѣдняго къ югу съ первымъ, нами описаннымъ, — массы желѣзныхъ стружекъ, между которыми попадаются обломки желѣзныхъ скобокъ и гвоздей. Подобныя желѣзныя скобки встрѣчаются между прочимъ и въ курганахъ близъ Гнѣздово, Смоленской губерніи и уѣзда.

Послѣ ряда такихъ пробныхъ канавъ вдоль почти всей цѣпи бугровъ, я перешелъ къ послѣднему на югѣ, невысокому, бугру, на которомъ водой, какъ я выше сказалъ, вымывались различныя желѣзныя и бронзовыя вещи.

Этотъ бугоръ, благодаря тому, что состоитъ почти исключительно изъ чистаго песку, ничѣмъ не покрытаго и едва на восточномъ склонѣ поросшаго травой и рѣдкимъ кустарникомъ, подвергся болѣе другихъ разрушительному дѣйствию Оки во время половодія. Массы песку снесены съ него на дуга къ Окѣ. Весною онъ, за исключеніемъ высшаго своего

пункта (указаннаго на планѣ) и поросшаго дубнякомъ, и еще небольшою полосой около него, весь покрывается водой, послѣ схода которой на поверхности его и на лугу около него оставалась масса вещей.

Сколько ихъ погибло такимъ образомъ, видно изъ того, что крестьяне говорятъ, что собираютъ ихъ *болѣе 20-ти* лѣтъ; при этомъ собирались въ прежнее время вещи пудами и продавались на сломъ или въ Касимовъ, или сосѣднимъ кузнецамъ. Въ послѣднее время находки, естественно, стали рѣже. Довольно большую коллекцію желѣзнаго оружія, мелкихъ бронзовыхъ украшеній и привѣсокъ удалось и мнѣ пріобрѣсти у крестьянъ.

Западный, размытый водой, склонъ бугра нашелъ я покрытымъ довольно большимъ количествомъ глиняныхъ черепковъ, гладкихъ и узорчатыхъ (послѣдніе напоминаютъ сосуды Каменнаго Вѣка), человѣческими костями, изъ которыхъ многія окрашены въ зеленый цвѣтъ, вслѣдствіе, вѣроятно, близости присутствія мѣдныхъ вещей, обломками разныхъ вещей (бусы, мелкія пластинки съ серебрян. пояснаго украшенія, бронзовыя колечки), массой желѣзныхъ стружекъ и обломками кремневыхъ орудій.

Самый гребень бугра, хотя послѣдній и очень размытъ, имѣетъ теперь направленіе почти съ сѣвера на югъ съ небольшими только отклоненіями на востокъ (у сѣв. конца), и западъ (на югѣ).

Футахъ въ 14 отъ гребня, вдоль всего почти западнаго склона бугра, изъ слоя желтаго песку рѣзко выдѣляется полоса черной земли съ угольками и золою. Черта, гдѣ выходитъ наружу этотъ слой, оказалась предѣломъ, до котораго, съ западнаго основанія холма, весь слой черной земли, заключающій въ себѣ могильникъ, совершенно былъ смытъ водой. Благодаря тому, что юго-западная часть бугра сильнѣе заросла кустарникомъ, слой черной земли выходитъ здѣсь на поверхность нѣсколько ниже къ подошвѣ бугра.

Приступая къ систематичной раскопкѣ этого бугра, мнѣ хотѣлось сначала уяснить себѣ величину и положеніе могильника, опредѣливъ сначала его границы со всѣхъ сторонъ. Но постоянныя попытки мѣстныхъ крестьянъ разрывать могильникъ для продажи мнѣ вещей, принудили меня тотчасъ начать раскопку самаго центра оставшейся части могильника, и вмѣстѣ съ тѣмъ, за одно, мало по малу опредѣлить его границы.

Рядъ пробныхъ канавъ съ четырехъ сторонъ бугра (на планѣ: № 1, № 4, № 5, № 6, № 10, а, в, с, d и e) показалъ, во 1), что могильникъ былъ расположенъ только на западномъ склонѣ и отчасти на гребнѣ бугра, и во 2) что по меньшей мѣрѣ $\frac{2}{3}$ могильника окончательно смыты водой.

Въ траншеѣ № 1 (см. планъ раскопокъ), хотя и былъ найденъ наконечникъ желѣзнаго копья, но незначительная глубина этой находки (всего нѣсколько вершковъ) и абсолютное отсутствіе слоя золы, указываетъ конечно на полную случайность находки, замытой, какъ-нибудь, водой.

Въ траншеѣ № 6, которую я велъ отъ гребня холма къ его восточному склону, опредѣлилось, что здѣсь черный слой золы совершенно не-

значителенъ и не можетъ, повидимому, допустить присутствіе въ немъ погребенныхъ или сожженныхъ костяковъ. Изрѣдка въ немъ попадались, впрочемъ и здѣсь, обломки глиняныхъ сосудовъ. Равнымъ образомъ найдено въ этой же траншеѣ, 6-ой, *небольшая чашечка изъ необожженной глины съ ручкой и 2 кремневыхъ наконечника ножа*. Изображеніе почти совершенно подобной глиняной чашечки находимъ мы въ атласѣ къ сочиненію моего покойнаго отца о Мерянахъ на Таб. XXVI № 3.

Раскопку велъ я широкими траншеями отъ гребня бугра къ его основанію на западѣ. При этомъ наименьшій трудъ доставила мнѣ сѣверная часть бугра, гдѣ черный слой, заключавшій въ себѣ могильникъ, — слой, которымъ я при своихъ раскопкахъ всегда и руководствовался, былъ окончательно размытъ водою, такъ что здѣшняя уцѣлѣвшая часть могильника представляла полосу земли шириною не болѣе *14 футовъ*.

Площадь, занятая южной частью могильника, благодаря, какъ я выше сказалъ, природной защитѣ кустарниковъ, значительно шире. Здѣсь одна изъ моихъ траншей достигала 32 арш. длины отъ NO къ SW.

Слой золы, выдвигаясь мѣстами наружу, далѣе къ гребню холма появлялся на глубинѣ до 1 аршина.

Цвѣтъ его не одинаковъ: верхній и нижній его слоекъ значительно темнѣе и содержатъ болѣе угля, нежели его середина.

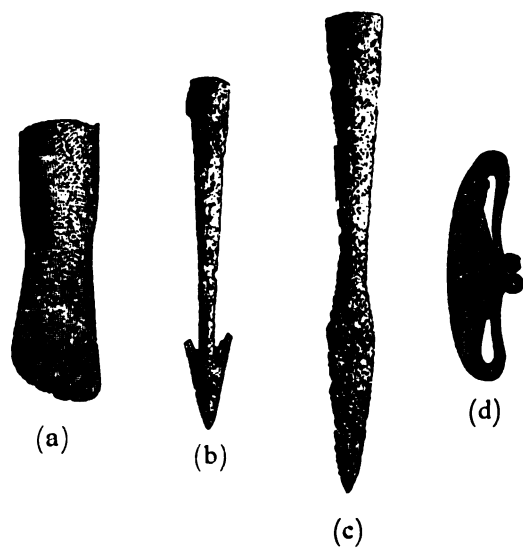
Ширина этого слоя различна. Около гребня бугра она колеблется между аршиномъ и $1\frac{1}{2}$ арш. Въ этомъ-то слоѣ золы съ большей примѣсью угля, и главнымъ образомъ въ верхней и нижней черныхъ частяхъ слоя, и попадаются находки.

Обнаженный, такимъ образомъ, рядомъ послѣдовательныхъ и другъ съ другомъ смежныхъ траншей, слой, заключавшій въ себѣ могильникъ, по вершинѣ и западной сторонѣ всего бугра, показалъ существованіе цѣлой системы разнообразныхъ находокъ въ 65-ти отдѣльныхъ мѣстахъ. При этомъ оказалось, что находки эти не вездѣ были на одинаковой глубинѣ, располагаясь иногда (напр. въ тр. 2-й и 3-ей) въ два ряда, однѣ въ нижнемъ, другія въ верхнемъ черныхъ слойкахъ золы, о которыхъ я говорю выше.

По характеру находокъ я дѣлю ихъ на 3 группы: на 1) находки погребенныхъ костяковъ, на 2) трупосожженія и на 3) одиночныя находки.

Интереснымъ является то, что всѣ находки эти были разбросаны совершенно произвольно и безъ всякой симметріи по всему могильнику, при чемъ встрѣчались близко другъ отъ друга и погребенія и трупосожженія и одиночныя находки. Послѣднія называю я такъ, вслѣдствіе полного отсутствія при нихъ какихъ бы то ни было слѣдовъ погребенія или трупосожженія. Такія странныя одиночныя находки здѣсь, въ Курманскомъ могильникѣ, очень часты. Въ общемъ числѣ находокъ, достигающихъ какъ я выше сказалъ, цифры 65, при 31 погребеніи, 8 трупосожженіяхъ, одиночныхъ находокъ оказалось 26. Состоятъ онѣ, главнымъ образомъ, изъ желѣзнаго оружія: изъ *желѣзныхъ ножей* обыкновеннаго курганнаго типа,

жельзныхъ долотъ или топоровъ (а), жельзныхъ мечей, жельзныхъ удилъ, жельзныхъ наконечниковъ копій (b) и острогъ (с), и жельзныхъ огнивъ (d).

Кромѣ того, отдѣльно попадаются и *глиняные сосуды* или одни, или вмѣстѣ съ жельзнымъ оружіемъ; попадаются и *бронзовыя вещи* и отдѣльно и вмѣстѣ съ жельзомъ. Наконецъ, чрезвычайно характерными, по моему мнѣнію, среди могильника, столь изобилующаго металломъ, являются одиночныя находки въ родѣ, на примѣръ, *каменнаго песты* или *беленита* съ явными признаками въ одномъ мѣстѣ искусственной отшлифовки.

Я думаю, что присутствіе такихъ одиночныхъ находокъ слѣдуетъ объяснить отнюдь не случайностью, но, вѣроятно, желаніемъ (можетъ быть даже обычаемъ) зарывать въ землю, недалеко отъ могилы покойника, и его оружіе и вещи, кромѣ тѣхъ, которыя клались съ нимъ вмѣстѣ въ могилу.

Переходя къ погребеніямъ, слѣдуетъ замѣтить, что исключительно песчаная почва бугра, на которомъ былъ могильникъ, должна была всегда втягивать всю массу влаги, которая падала здѣсь или въ видѣ дождя и снѣга, или же которая являлась результатомъ ежегодныхъ весеннихъ разливовъ рѣки Оки. Вслѣдствіе этого, въ найденныхъ погребеніяхъ, костяки почти окончательно истлѣли, и если иногда ихъ и можно было зарисовать, то вынуть ихъ въ цѣльномъ видѣ рѣшительно было невозможно.

Такимъ образомъ мнѣ не удалось сохранить, хотя бы въ изломанномъ видѣ, ни одного черепа.

Равнымъ образомъ, вслѣдствіе качества почвы и другихъ причинъ, не всѣ погребенія настолько хорошо сохранились, чтобы было возможно опредѣлить способъ и видъ погребенія. Изъ общаго числа ихъ, только восемнадцать лучше сохранились, что дало мнѣ возможность опредѣлить направленіе костяка и способъ его погребенія и даже ихъ зарисовать. Но и въ данномъ случаѣ иногда, конечно, нѣкоторыя мелочи все-таки

ускользали, такъ напримѣръ, иногда почти невозможно было въ данномъ погребеніи опредѣлить положеніе рукъ у костяка. Точно также и сняты размѣры съ погребенныхъ костяковъ не представлялось возможнымъ, иначе, какъ очень неточно, что, конечно, не имѣло бы никакого научнаго значенія.

Способы погребеній въ Курманскомъ могильникѣ представляются чрезвычайно интересными вслѣдствіе своего разнообразія. Такъ, въ числѣ встрѣченныхъ мною здѣсь 31-го погребенія, оставляя въ сторонѣ плохо сохранившіяся могилы, мы найдемъ въ способахъ погребенія слѣдующія разновидности:

1) *Костякъ погребенъ головой на О*. Руки протянуты вдоль туловища. Сверху костякъ обернуть берестой (нах. XI и XIX).

Между тѣмъ, при слѣдующихъ такихъ погребеніяхъ съ костяками, положенными головой на О (направленіе костяка — W — O), въ нѣкоторыхъ случаяхъ (нах. XXVII, XLII) береста сверху костяковъ отсутствуетъ; въ другихъ случаяхъ, какъ напримѣръ при погребеніяхъ № XIII и XXIX находимъ костяки положенными на деревянныхъ доскахъ.

Встрѣчаемъ также одно погребеніе, (№ XXXVI) въ которомъ костякъ и снизу и сверху обложенъ деревомъ.

Наконецъ, при погребеніи № XXX, совершенно подобномъ № XIII и XXXI, находимъ, что руки покойника сложены на животѣ, при томъ такъ, что лѣвая рука находится подъ правой.

2) *Костякъ положенъ головой на NOO* (направленіе SWW — NOO); подъ нимъ деревянныя доски, сверху обернуть берестой (нах. № XXVII). Здѣсь также встрѣчаемъ слѣдующія двѣ разновидности:

При двойномъ погребеніи № XII, дерево находится только надъ головами костяковъ, а при погребеніи № XXXIV, береста замѣнена также деревянной доской (дубовой).

3) *Костякъ положенъ головой на W* (направленіе O — W) руки сложены на животѣ (нах. № XI).

4) *Костякъ положенъ головой на N* (LV, — LXIII, LXIV, LXV, костяки плохой сохранности).

При погребеніи N — L находимъ руки костяка сложенными на тазу, костякъ положенъ на деревянныхъ доскахъ, плотно обвить *пеленой*.

Сверху также *дерево*.

При всѣхъ, мною вышеупомянутыхъ, погребеніяхъ, костяки были найдены, положенными на спинѣ съ лицомъ, обращеннымъ кверху; только въ одномъ случаѣ, именно при погребеніи XLV, мы, повидимому, имѣемъ дѣло съ погребеніемъ въ сидячемъ или скорченномъ положеніи, вслѣдствіе того, что кости черепа, грудной клѣтки и таза были найдены почти въ одной кучѣ.

Въ числѣ вышеуказанныхъ погребеній мы имѣемъ въ двухъ случаяхъ *двойныя погребенія*.

1) № XII. Костяки головами къ NOO. Голова одного, повидимому *женскаго*, находится около груди другаго (мужскаго) и 2) LV, LVI. Костяки положены, одинъ головой на S, другой на N, притомъ такъ, что

голова одного положена около головы другого. Одинъ костякъ, повидимому женскій, другой принадлежитъ ребенку. Заключаю это по сравнительно малой величинѣ послѣдняго погребеннаго костяка, равно какъ по малой величинѣ металлическихъ украшеній, найденныхъ при костякѣ LV.

Плохая сохранность, какъ я выше говорилъ, костяковъ, не позволила мнѣ съ точностью опредѣлить, какіе изъ нихъ были женскими, какіе мужскими, — хотя характеръ бронзовыхъ украшеній и желѣзнаго оружія нѣсколько, по моему мнѣнію, и разграничилъ мужскія и женскія могилы.

Такъ, при тѣхъ костякахъ гдѣ было положено желѣзное оружіе, — самый вѣроятный признакъ мужской могилы, тамъ на костякѣ ни разу я не встрѣтилъ украшеній и вещей, всего скорѣе могущихъ быть атрибутами женскихъ скелетовъ: на примѣръ, нѣсколькихъ рядовъ бисера и бронзовыхъ мелкихъ привѣсокъ на груди костяка, большихъ бронзовыхъ бляхъ, особаго типа, какъ грудныя украшенія, глиняныхъ пряслицъ, бронзовыхъ привѣсокъ на плечахъ покойника и особаго рода головныхъ повязокъ съ бронзовыми витушками.

Прихожу къ перечисленію и описанію наиболѣе интересныхъ предметовъ украшенія и вооруженія, найденныхъ при погребенныхъ костякахъ въ Курманскомъ могильникѣ.

ПОГРЕБЕНІЕ № VI.

Находка въ верхнемъ черномъ слоѣ.

На груди большая бронзовая гривна — ожерелье съ круглой бляхой. На шеѣ 3 ряда ожерелій: внутреннее — изъ мелкаго глинянаго бисера краснаго цвѣта, среднее — изъ длинныхъ бронзовыхъ привѣсокъ и внешнее изъ бронзовыхъ привѣсокъ о двухъ бубенчикахъ влѣсть съ крупными глиняными бусами краснаго же цвѣта.

На груди, повидимому пришитыя къ ткани, нѣсколько плоскихъ бронзовыхъ привѣсокъ трехъ-угольной формы. Около пояса обломки бронзовыхъ пряжекъ. На нижней части груди большая круглая бронзовая бляха, съ отверстіемъ, закрывающемся узорчатой крышкой.

Совершенно подобную грудную бронзовую бляху имѣемъ мы въ нашей коллекціи. (См. № 11 въ 1-мъ выпускѣ каталога музей гр. А. С. Уварова). Добыта она изъ Алтайскихъ кургановъ. Подобныя-же бляхи находятся и въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ, доставленныя изъ подѣ Моршанска, Тамбовской губерніи.

Такую бляху изъ Тамбовской губ. приводитъ и Аспелинъ въ III выпускѣ своего сочиненія: «Antiquités du Nord Finno-Ougrien» (стр. 181), причисляя ее къ Мордовскимъ древностямъ.

Слѣва отъ бляхи — желѣзный ножъ.

Костякъ былъ сверху покрытъ тонкой деревянной доской, благодаря которой сохранились части одежды и волосъ.

Таковы бронзовыя украшенія на погребенныхъ костякахъ, повторяющіяся при погребеніяхъ разныхъ видовъ и изрѣдко только дополняемыя новыми типами.

ПОГРЕБЕНИЕ № XI.

Находка въ нижнемъ черномъ слоѣ.

Большаго шейнаго обруча съ круглой бляхой нѣтъ, также какъ и нѣтъ бронзовой бляхи на нижней части груди. Новыми типами здѣсь являются по сторонамъ головы *бронзовыя височныя кольца*. (Подобныя кольца имѣются въ нашей коллекціи изъ кургановъ около дер. Максимовки, Владимірской губерніи; такія же височныя кольца, но серебрянныя, найдены были въ Московской губерніи, въ такъ называемомъ, Дьяковомъ городищѣ (находятся теперь въ Историческомъ Музеѣ); на шеѣ *стеклянный синій бисеръ съ одной буской сердоликовой, бронзовыя 5 браслетовъ изъ круглой проволоки на рукахъ, 5 бронзовыхъ колецъ на пальцахъ*. (Подобныя бронзовыя витыя кольца встрѣчаются не только въ средней Россіи, но и на Кавказѣ въ Комунтѣ и Дигоріи). *Осколки чернаго глинянаго сосуда, подъ головой*.

ПОГРЕБЕНИЕ № XII.

Находка въ нижнемъ черномъ слоѣ.

Таб. 6.

Мы имѣемъ два костяка, погребенные другъ около друга. Здѣсь является новый типъ украшенія на головѣ костяка: в) *большая серебряная крестообразная фибула съ расширеннымъ концомъ и желѣзной застежкой*. Фибула подобнаго рода, но бронзовая и меньшей величины, имѣется въ нашемъ музеѣ (№ 730 1-го выпуска каталога нашего музея, витрина XXII). Найдена была она около *Рима*. Совершенно подобныхъ фибулъ, кажется, нигдѣ въ Россіи не найдено, такъ какъ фибулы, приводимыя *Аспелиномъ* въ V выпускѣ его сочиненія и найденныя въ Балтійскихъ провинціяхъ, не могутъ быть сочтены совершенно одинаковыми съ нашими; нѣсколько похожи также на мою находку фибулы небольшой величины, которыя попадались въ раскопкахъ на Кавказѣ — въ Комунтѣ и Дигоріи.

На шеѣ костяка найдено: *желѣзный шейный обручъ съ бронзовыми бусами на нелѣ, ожерелье изъ бронзовыхъ витушекъ, стеклянныя золоченыя бусы; красная глиняная буса со вставками синей эмали, бронзовыя буденчики и бронзовая звѣзда о 4 лепесткахъ на плечахъ; грудная большая бронзовая бляха другаго типа и узора и безъ внутренней крышки; наконецъ новымъ типомъ украшенія является на поясѣ: глиняное прясло съ узоромъ, и въ ногахъ желѣзныя удила*.

На груди *части ткани, расшитой узорамъ*. Около головы — *коса съ вплетенной въ нее тесьмой*.

ПОГРЕБЕНИЕ № XIII.

Нижній черный слой.

Интересны бронзовыя привѣски о 3 бубенчикахъ, придерживаемые на плечахъ украшеніемъ, составленнымъ изъ бронзовой витой проволоки,

нашитой въ 3 ряда на кожу или ткань. Почти совершенно аналогичное съ этимъ головное украшеніе находимъ мы у *Аспелина* (*V вып.*), но въ моихъ находкахъ бронзовыя витушки нѣсколько уже и длиннѣе; кромѣ того, они тянутся и вдоль плечь, груди и рукъ, не ограничиваясь одной только головой.

ПОГРЕБЕНІЕ № XIV.

Въ верхнемъ черномъ слоѣ.

Кромѣ небольшой *бронзовой чашечки подѣ черными костями* новаго нѣтъ ничего.

ПОГРЕБЕНІЕ № XV.

Въ верхнемъ черномъ слоѣ.

Интересны *наконечникъ желѣзнаго копья, и желѣзной остроги*. Подобные наконечники желѣзныхъ копій и острогъ, равно какъ и очень часто повторяющійся въ моихъ раскопкахъ типъ желѣзнаго долота — встрѣчаются довольно часто въ курганахъ средней Россіи (равно какъ и въ губ. Петербургской и Прибалтійскихъ провинціяхъ).

ПОГРЕБЕНІЕ № XVI.

Въ верхнемъ черномъ слоѣ.

Новымъ типомъ является здѣсь *шейный бронзовый обручъ — гладкій*. Въ этой-же могилѣ интересенъ *узурчатый небольшой привѣсокъ о 2-хъ бубенчикахъ и бронзовая пряжка съ выгнутыми концами*.

ПОГРЕБЕНІЕ № XIX.

Въ верхнемъ черномъ слоѣ.

Здѣсь, вмѣсто выше указанной большой бронзовой бляхи съ отверстиемъ — находится на груди костяка: *небольшая круглая бронзовая бляха безъ отверстія*, раздѣленная крестообразно 2-мя бронзовыми пластинками съ мелкими шишечками въ 3 ряда. Новый типъ *привѣсокъ у висковъ о 4 бубенчикахъ, и рядъ бронзовыхъ привѣсокъ*, нашитыхъ на ткань на груди костяка.

ПОГРЕБЕНІЕ № XXIV.

Въ верхнемъ черномъ слоѣ.

Нашлись *два бронзовыя грудныя бляхи съ крышками*, но нѣсколько иного типа. Здѣсь-же *2 браслета изъ бронзовой пластинки* (одинъ съ узоромъ), *3 височныхъ кольца изъ бронзовой тонкой проволоки съ однимъ расплющеннымъ концомъ* и часть *бронзовой грудной пряжки особаго типа*. Почти совершенно подобная пряжка, найденная въ Тамбовской губерніи, издана въ III выпускѣ сочиненія *Аспелина* (*№ 821*).

ПОГРЕБЕНІЕ № XXVI.

Верхній черный слой.

Здѣсь оказался новый типъ *шейнаго обруча изъ бронзовой пластинки*.

ПОГРЕБЕНИЕ № XXVII.

Въ нижнеи черномъ слоѣ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на бронзовый шейный привѣсокъ о 3 бубенчикахъ, на большую бронзовую пряжку на груди, на большую пряжку поясную и на кожаный поясъ съ массой нашитыхъ на немъ бронзовыхъ пряжекъ и пластинокъ различной формы. На одной изъ нихъ ясно сохранился узоръ.

ПОГРЕБЕНИЕ № XXVIII.

Въ нижнемъ черномъ слоѣ.

Здѣсь мы находимъ опять извѣстный намъ *шейный обручъ, но серебряный*. Совершенно подобные же обручи-гривны находятся въ Историческомъ Музеѣ. Найдены они, одинъ въ Московской губерніи, въ Дьяковомъ городищѣ, другой въ Орловской губерніи. Равнымъ образомъ и вышеупомянутая *крестообразная фибула* встрѣчается и здѣсь, но въ меньшемъ видѣ. Кромѣ того *интересенъ рядъ серебряныхъ пластинокъ и бляшекъ на поясъ*.

ПОГРЕБЕНИЕ № XXIX.

Въ нижнемъ черномъ слоѣ.

Въ этомъ погребеніи особенностью является *шейный обручъ (безъ бляхи) изъ бронзовой закрученной проволоки, бронзовая большая грудная бляха съ отверстіемъ и крышкой, но инаго рисунка, и бѣлаго цвѣта глиняныя бусы*.

ПОГРЕБЕНИЕ № XLII.

Въ верхнемъ черномъ слоѣ.

Имѣемъ новый *типъ бронзоваго литаго браслета* съ утолщенными кольцами; на нихъ рисунокъ. Кромѣ того, на ухахъ *по бронзовому кольцу съ однимъ большимъ бубенчикомъ*, а на пальцѣ правой руки *бронзовое, ажурной работы, кольцо съ 2 бубенчиками*. Почти совершенно подобное кольцо найденное въ курганахъ Владимірской губерніи, издано моимъ покойнымъ отцемъ въ атласѣ при его сочиненіи о Мерянахъ (у Аспелина стр. 212, 213, III-го выпуска).

ПОГРЕБЕНИЕ № XXX.

Въ нижнемъ черномъ слоѣ.

На шеѣ *серебряное украшеніе въ видѣ лунницы*. На спинѣ *бронзовая звѣзда о 5 лепесткахъ*. *Грудная бляха съ отверстіемъ опять инаго узора, 2 листыхъ бронзовыхъ браслета, но съ различными рисунками*.

Интересны также разнообразныя *мелкія бронзовыя бляшки*, входящія въ составъ *головнаго украшенія*, описаннаго у Аспелина.

Наконецъ чрезвычайно характерными являются: на поясѣ съ лѣвой стороны, большое *бронзовое поясное украшеніе* съ длинными привѣсками,

оканчивающимися *бронзовыми бубенчиками, и серебряныя пластинки* отъ пояса, съ очень тонкимъ узоромъ. Аспелинъ, въ III выпускѣ своего изданія, въ заголовкѣ къ Мордовскимъ древностямъ, приводитъ рисунокъ совершенно подобнаго привѣска, найденнаго около Дона, у дер. Недвиговки.

ПОГРЕБЕНІЕ № XXXIV.

Въ верхнемъ черномъ слоѣ.

См. Таб. 13. 2.

Изъ новыхъ типовъ имѣемъ только 2 *бронзовыхъ звѣзды о 6 лепесткахъ*, находившіяся на плечахъ костяка.

Интереснымъ представляется здѣсь довольно явственно сохранившійся узоръ платя на нижней части груди костяка, подъ большой грудной бляхой См. таб. 13. 3.

На груди видны 2 ряда (2 слоя) ткани; повидимому верхнею изъ нихъ, находившейся поверхъ бронзовой бляхи, костякъ былъ обвитъ.

ПОГРЕБЕНІЕ № XXXVI.

Верхній черный слой.

Мы имѣемъ, при извѣстномъ шейномъ обручѣ съ круглой бляхой, еще другой подобный-же, но безъ бляхи.

ПОГРЕБЕНІЕ № XXXVIII.

Верхній черный слой.

Встрѣчаемся мы опять съ извѣстнымъ намъ крестообразнымъ или Т—образнымъ видомъ фибулы, но изъ бронзы и болѣе грубой работы.

ПОГРЕБЕНІЕ № XIV.

Видимъ мы *новой типъ бронзоваго височнаго привѣска, о 3 бубенчикахъ*, и кожаннаго пояса съ нашитыми на немъ серебряными бляшками.

ПОГРЕБЕНІЕ № L.

На шеѣ костяка имѣемъ мы здѣсь 3 *бронзовыхъ обруча безъ бляхи*.

Интереснымъ является также цѣлая система круглыхъ, выпуклыхъ привѣсокъ о 2-хъ бубенчикахъ, составляющихъ, вмѣстѣ съ 2-мя подобными-же привѣсками, но гораздо большаго размѣра, и имѣющими 4 бубенчика, — поясное украшеніе.

Подъ бронзовой грудной бляхой явственно сохранилась часть одежды заколотая цѣлымъ рядомъ бронзовыхъ пряжекъ. См. Таб. 13. 1.

ПОГРЕБЕНІЕ № LIV и LV.

Новыхъ типовъ нѣтъ.

Рядомъ съ послѣднимъ костякомъ LV, но въ другомъ направленіи, костякъ LVI. Положенъ такъ, что голова его приходится у головы костяка LV.

Здѣсь интересно ожерелье изъ очень крупныхъ глиняныхъ бусъ краснаго цвѣта.

Новыхъ типовъ вещей мы не находимъ и при послѣднихъ двухъ погребеніяхъ. LXIII и LXV.

Заканчивая отдѣлъ находокъ въ погребеніяхъ, обращу вниманіе на находку № X (нижній черный слой), гдѣ, повидимому, были сильно истлѣвшія лошадиныя кости, при нихъ желѣзное оружіе, бронзовыя пряжки и часть кожанной сбруи съ серебряными разнообразными бляхами.

Перехожу теперь къ послѣднему разряду своихъ находокъ—къ трупосожженію.

Въ траншеѣ № 2 на ряду съ нѣсколькими погребеніями и одиночными находками, въ верхнемъ черномъ слойкѣ, оказались четыре трупосожженія (II, III, IV и V).

ТРУПОСОЖЖЕНИЕ № II.

Верхній черный слой.

Мелкія женскія человѣческія кости въ кучѣ и въ нихъ слитки желѣза. Около нихъ нѣсколько вещей. Именно: *желѣзное долото, наконечникъ желѣзнаго копья, желѣзной остроги, желѣзная пряжка, бронзовая пряжка, бронзовый браслетъ или височное кольцо изъ тонкой проволоки, часть бронзоваго шейнаго обруча, и глиняный пустой сосудъ* очень грубой работы.

Вещи эти не носятъ слѣдовъ огня.

ТРУПОСОЖЖЕНИЕ № III.

Верхній черный слой.

Интересенъ бронзовый шейный четырех-гранный обручъ, браслетъ изъ желѣзной пластинки, бронзовый грудной трехъугольный привѣсокъ, съ 3-мя такими-же, но меньшаго размѣра, и большой грудной привѣсокъ особой формы о 7-ми бубенчикахъ.

ТРУПОСОЖЖЕНИЕ № IV.

Верхней черный слой.

Рядомъ съ кучей женскихъ костей была деревянная доска, на которой были положены слѣдующія вещи: *желѣзное копье, 3 желѣзныхъ ножа, желѣзныя удила, желѣзный шейный обручъ, 2 бронзовыхъ височныхъ кольца, нѣсколько мелкихъ бронзовыхъ и желѣзныхъ пряжекъ, 3 очень небольшихъ бронзовыхъ колечка и кожаный поясъ съ нашитыми на немъ мелкими серебряными бляшками. Между ними, по срединѣ пояса, было пришито серебряное-же рельефное изображеніе, повидимому, Медузы. Концы пояса обложены сплошнымъ серебрянымъ листомъ съ узоромъ.*

Если припомнимъ описаніе раскопокъ извѣстнаго Ананьинскаго могильника, то увидимъ что и тамъ, рядомъ съ сложенными въ одну кучу жженными человѣческими костями, встрѣчалась эта деревянная доска съ разложенными на ней вещами, при томъ не носящими слѣдовъ огня, какъ и здѣсь.

Аспелинъ, въ III выпускѣ своего сочиненія, подъ № 825, приводитъ также рельефное изображеніе человѣческой головки, служившей, вѣроятно, пояснымъ украшеніемъ, найдена она была въ Тамбовской губерніи.

ТРУПОСОЖЖЕНИЕ № V.

Верхній черный слой.

Новыхъ типовъ вещей нѣтъ.

ТРУПОСОЖЖЕНИЕ № XXIII.

Интересенъ небольшой желѣзный стержень съ бронзовымъ ушкомъ. Совершенно подобная находка сдѣлана была моимъ покойнымъ отцемъ въ 1852 г. во Владимірской губерніи, около деревни Сизино-Панки.

ВЪ ТРУПОСОЖЖЕНИИ № XXXI.

Нижій черный слой.

Сохранилась часть *серебрянаго шейнаго обруча*, подобнаго найденному при погребеніи № XXVIII, въ сильно сплавленномъ видѣ.

Остальныя 2 трупосожженія интересны тѣмъ, что находились совершенно рядомъ съ 2 погребеніями.

ТРУПОСОЖЖЕНИЕ № XX.

Верхній черный слой.

Около погребенія № XIX. Вещи опять безъ слѣдовъ огня, на деревянной доскѣ, рядомъ съ кучей обгорѣлыхъ костей. Здѣсь совершенно новымъ типомъ является *большая грудная бронзовая пряжка*, особой формы и *множество бронзовыхъ пряжекъ и бляхъ* различной величины и формы, нашитыхъ на кожанномъ поясѣ. Интересны также нѣсколько штукъ здѣсь положенныхъ раковинъ — *ciprea moneta*.

ТРУПОСОЖЖЕНИЕ № XLVI.

Верхній черный слой.

Расположено рядомъ съ погребеніемъ № L; никакихъ новыхъ типовъ вещей не нашлось.

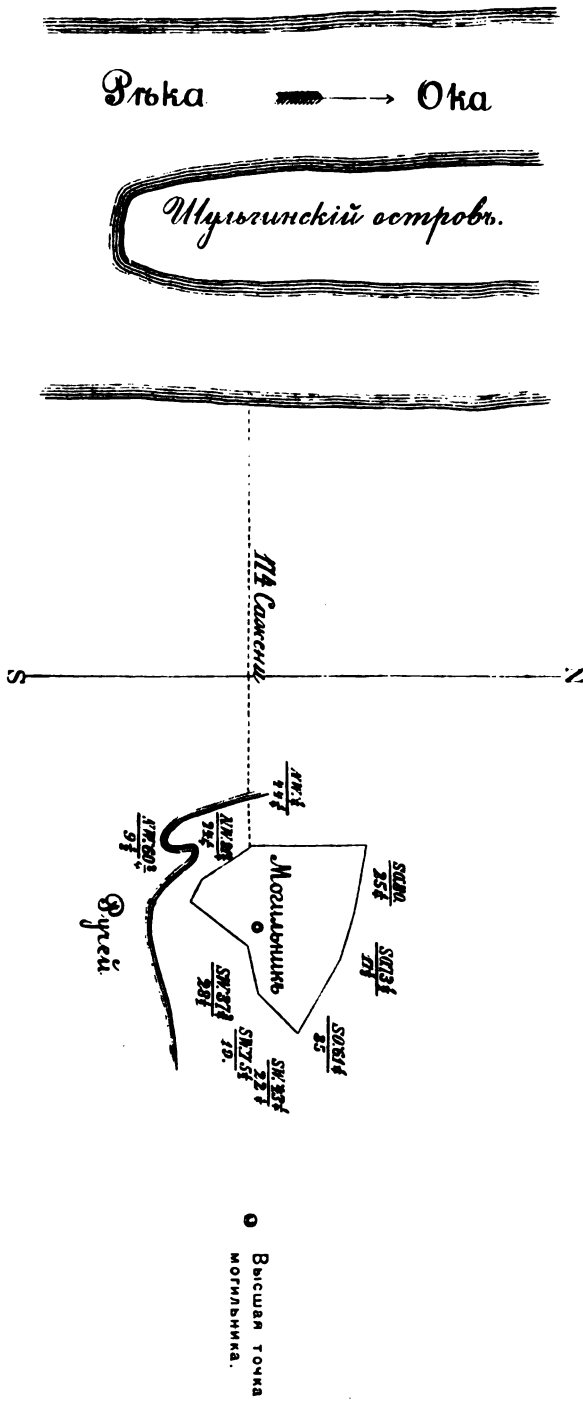
Таковы результаты моей раскопки Курманскаго могильника — результаты, которые, быть можетъ, и принесутъ нѣкоторую пользу археологическимъ изслѣдованіямъ Средней и Сѣверной Россіи.

ЧЕРТЕЖЪ ШУЛЬГИНСКАГО МОГИЛЬНИКА

РЯЗАНСКОЙ Г., КАСИМОВСКАГО УѢЗДА

СНѢТЪ СЪ НАТУРЫ 20 ЮНІА 1888 ГОДА.

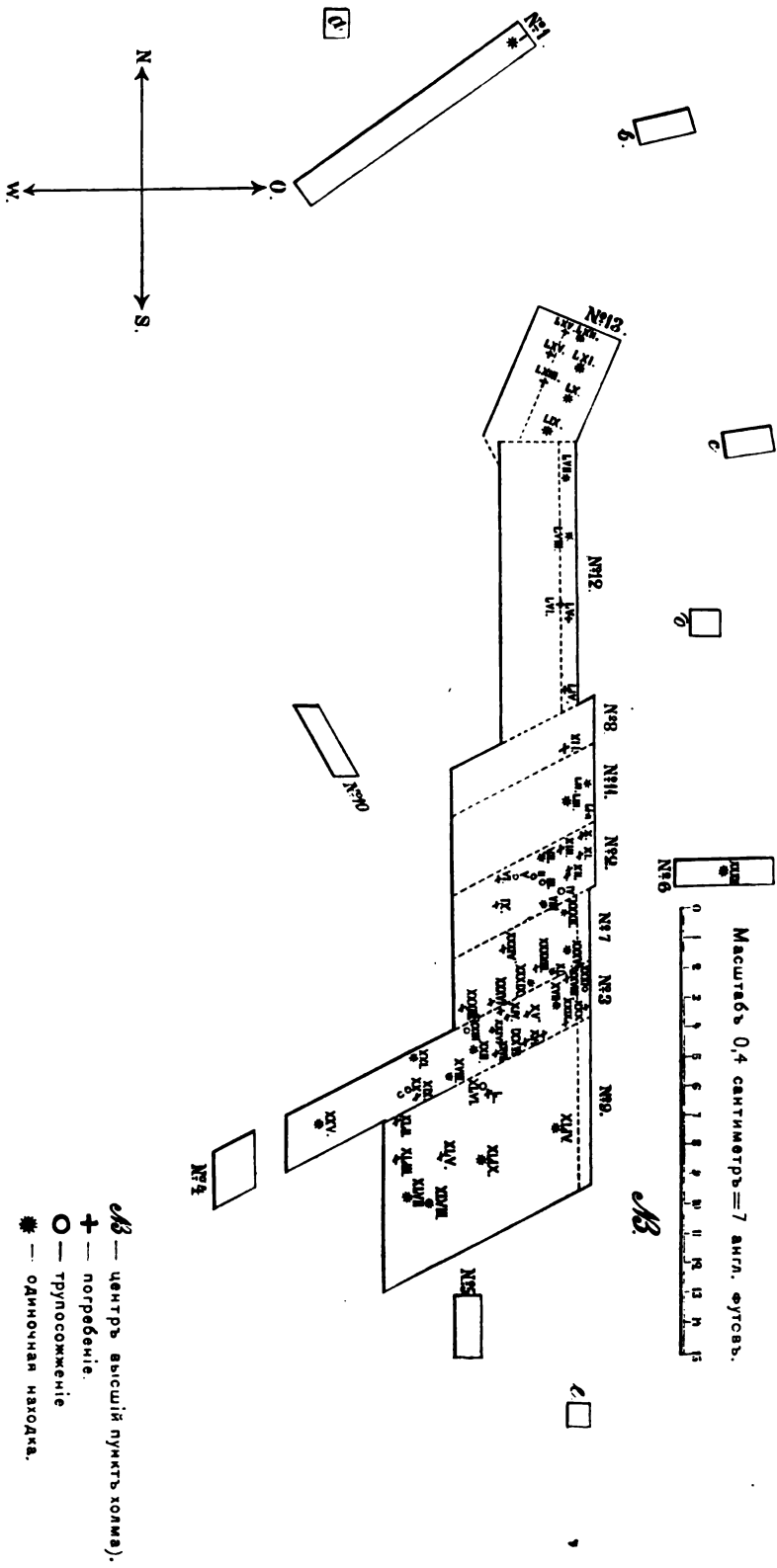

въ 3/4 дюйма 50 сажень = 350 футовъ

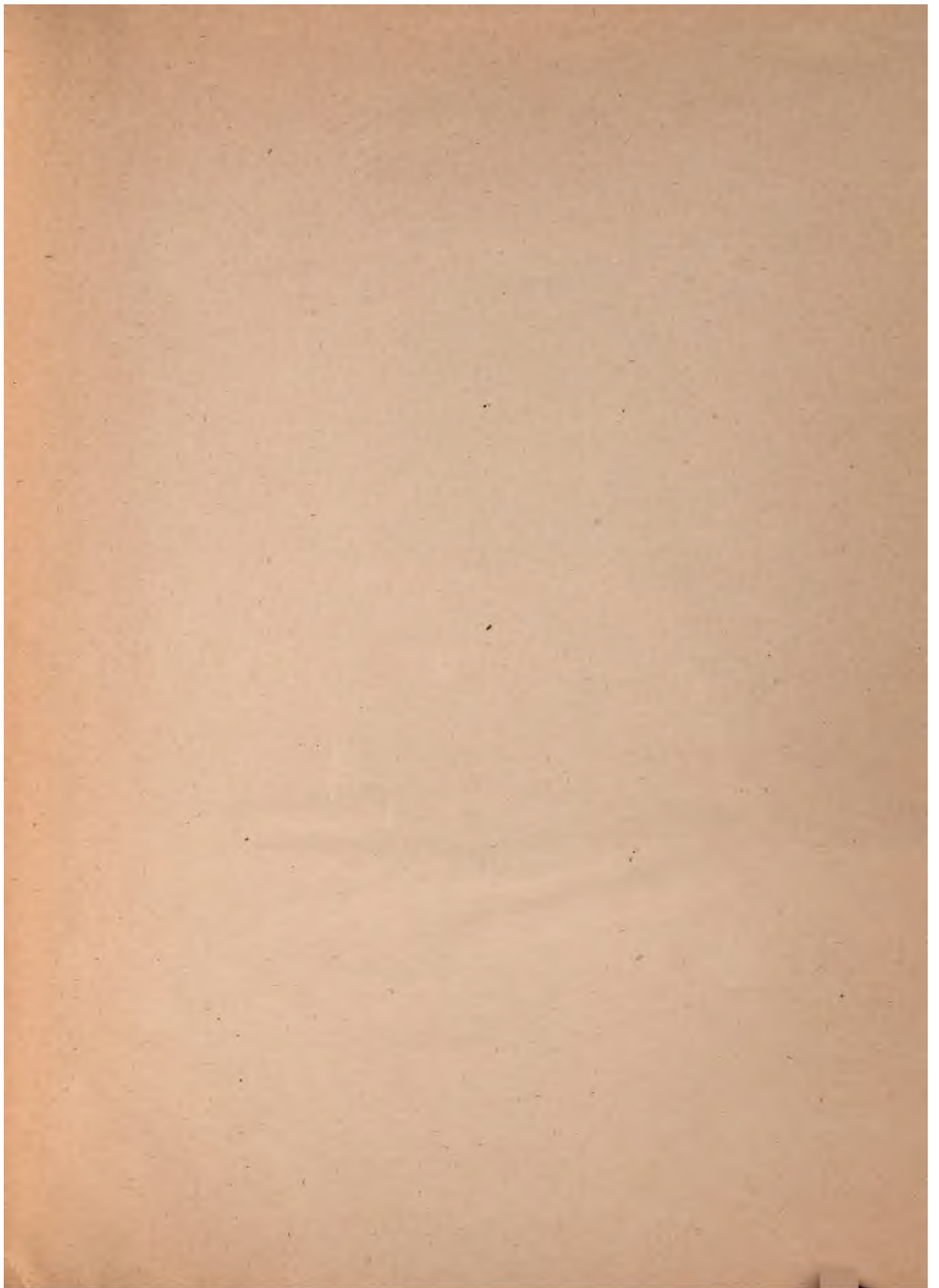
○ Высшая точка
могильника.

ПЛАНЪ РАСКОПОКЪ КУРМАНСКАГО МОГИЛЬНИКА.

Всего находокъ: 65. Изъ нихъ: погребеній . . . . . 31.
группосожженій . . . . . 8.
одиночныхъ находокъ . 26.

DK

M 5824

U. 14

1890

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

--	--	--

ДРЕВНОСТИ. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Рекомендованы Министерством Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Томъ XIV. Цѣна 7 руб.

Продается въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Берсеневѣ, у Большаго Каменнаго моста.

Также же продаются слѣдующія изданія Общества:

	цѣна.		цѣна.
Описание Кіева. Соч. Закрытскаго. Два тома и атласъ. 1868 г.	7 р.	Древности, Труды Московскаго Археологическаго Общества:	
Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г.	25 »	Томъ VII, три вып. 1877—70 г.	8 р.
Труды III-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г.	10 »	» VIII, 1880 г.	8 »
Труды V-го Археолог. Съѣзда въ Тифлисѣ. Одинъ томъ.	15 »	Приложеніе къ VIII тому: Пятый Археологическій Съѣздъ. Труды предварительнаго Комитета. 1882 г.	6 »
Труды VII Археолог. Съѣзда въ Ярославлѣ. Матеріалы по археологій Кавказа; вып. I и 2-ой. Кажд. вып.	по 6 »	Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г.	8 »
Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:		» X, 1885 г.	6 »
Томъ I, два выпуска. 1865—67 г.	6 »	» XI, три выпуска. 1886—87 г.	8 »
» II, три выпуска. 1869—70 г.	6 »	» XII, два выпуска. 1888 г.	8 »
» III, три выпуска. 1870, 71 и 73 гг.	6 »	» XIII, два выпуска 1889—90 г.	8 »
» IV, три выпуска. 1874 г.	8 »	Древности Восточныя. Т. I. 1888 г.	4 »
» V, 1865 г.	6 »	Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова.	
» VI, три выпуска. 1875—76 г.	6 »	Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра.	75 к.
		Историческая Записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества	

Уступка гг. членамъ Общества 20%, библиотечнымъ учебнымъ заведеніямъ—25%, книгопродавцамъ—30%.

Изданія Графа Уварова:

	цѣна.		цѣна.
Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. Графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г.	18 р.	Вып. VII. Монеты Восторскаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Орфинниковъ. 1887 г.	3 р.
Меряне и ихъ бытъ. Соч. Гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г.	8 »	Каталогъ собранія древн. Гр. А. С. Уварова. Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. Гр. А. С. Уварова и 35 таблицами рисунковъ. 1887 г.	4 »
Каталогъ собранія древн. Гр. А. С. Уварова. Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. Гр. А. С. Уварова и 35 таблицами рисунковъ. 1887 г.	4 »	Византійскій Альбомъ—посмертное изд. Гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г.	9 » 50 к.
			3 »

Уступка книгопродавцамъ и библиотечнымъ учебнымъ заведеніямъ 25%.